

М О С К В А
« Х У Д О Ж Е С Т В Е Н Н А Я
Л И Т Е Р А Т У Р А »
1 9 8 9

РИМСКАЯ САТИРА

ПЕРЕВОДЫ С ЛАТИНСКОГО

ББК 84(0)3
Р51

Издание «Библиотеки античной литературы»
осуществляется под общей редакцией
*С. Аверинцева, С. Апта, М. Гаспарова, А. Тахо-Годи,
С. Шервинского и В. Ярхо*

Состав и научная подготовка текста
М. ГАСПАРОВА

Предисловие
В. ДУРОВА

Комментарии
*А. ГАВРИЛОВА, М. ГАСПАРОВА, И. КОВАЛЕВОЙ,
Ф. ПЕТРОВСКОГО и А. СОЛОПОВА*

Художник
Н. ЕГОРОВ

Р $\frac{4703010000-330}{028(01)-89}$ КБ-11-63-89

ISBN 5-280-00933-4

© Состав, оформление, предисловие,
переводы и комментарии, помеченные в
содержании *. Издательство «Художес-
ственная литература», 1989 г.

© Сканирование и обработка: glarus63

«МУЗА, ИДУЩАЯ ПО ЗЕМЛЕ»

Начиная с эпохи эллинизма поэты — эпики, трагики, комики и лирики, создавая свои произведения, по традиции обращались за помощью к одной из девяти сестер-муз — Каллиопе, Мельпомене, Талии или Евтерпе, в зависимости от того, какая из них считалась покровительницей их рода поэзии. Такой особой музы-покровительницы поэты-сатирики не имели. Безымянную музу, вдохновлявшую его при создании сатир, Гораций шуточно называл «пешей Музой», или «Музой, идущей по земле». Это муза сугубо прозаическая, хочет сказать поэт таким определением, она не способна к вдохновенному поэтическому устремлению ввысь, взор ее при-

кован к земле, к повседневным фактам обыденной жизни, и изъясняется она тоже языком обыденным.

Сатира возникла в Риме во II в. до н. э., когда уже начали проявляться первые признаки кризиса, приведшего к гибели республиканского строя и установлению императорского режима. В римском обществе шел процесс утверждения индивидуалистического умонастроения, что немало стимулировалось возрастающим влиянием и распространением греческой идеологии и культуры. Правда, индивидуалистические тенденции еще встречали сильный отпор со стороны наиболее консервативно настроенных римлян.

Появлению сатиры в Риме в значительной степени способствовал дух практицизма, господствовавший во всех сферах деятельности римлян. Интерес к практической стороне жизни, к экономике и политике, обостренное внимание к разным жизненным моментам и к отдельной человеческой личности сообщили всей римской культуре в высшей степени земной характер. Способности греков фантазировать, проявившейся в создании многочисленных героических и космогонических мифов, римляне противопоставили умение выразить сугубо конкретные интересы воинов, коммерсантов, земледельцев, законодателей. Не одаренные в такой степени, как греки, склонностью к отвлеченному мышлению, римские философы предпочитали разрабатывать вопросы практической этики. Эти же вопросы привлекли внимание и сатириков.

Одна из характерных черт римской сатиры — сугубый реализм, выразившийся в постоянном повышенном внимании авторов сатирических произведений к конкретному индивидуальному бытию, к повседневной действительности, к так называемой «прозе жизни». Эта особенность была издавна присуща латинской словесности.

Древние различали две формы сатиры: одна — исключительно стихотворная — развивалась поэтами: Луцилием, Горацием, Персием и Ювеналом; другая, с характерным для нее смешением стихов и прозы, была введена в римскую литературу ученым и писателем Варроном. Блестящим развитием этой «менипповой сатиры» в римской литературе являются два выдающихся произведения эпохи Нерона: «Апофеоз божественного Клавдия» и роман Петрония «Сатирикон».

«Сатира — целиком наша», — утверждал римский писатель I в. н. э. Квинтилиан. Это утверждение Квинтилиана — верное, правда, лишь по отношению к сатире в гекзаметрических стихах — часто вызывало и до сих пор продолжает вызывать сомнения у многих исследователей античности, считающих, что римская сатира всецело обязана своим происхождением греческой литературе. При этом внимание обращается прежде всего на те жанры греческой литературы, в которых налицо «сатирический дух», а поскольку любовь греков к иронии и насмешке общеизвестна, таковых оказывается предостаточно: греческий пародийный эпос, вроде известной «Войны мышей и лягушек», комедия, мим, ямбическая поэзия, киническая диатриба, эпиграмма, язвительные стихи-«силлы». Нет сомнения в том, что греческие произведения разных жанров, особенно сочинения эллинистического периода, оказывали влияние на отдельных римских поэтов-сатириков. Но из этого вовсе не следует, что римская сатира как таковая, в своей завершенной форме, была заимствована из греческой литературы.

Напротив, можно смело утверждать, что римская гекзаметрическая сатира — явление полностью оригинальное и феномен исключительный. Усваивая мотивы и приемы многих греческих жанров, римская сатира никогда не теряла своего особого характера, своеобразия; наоборот, именно в постоянном контакте с греческой литературой она смогла полностью выявить свои возможности и богатство своих художественных форм.

Римской сатире с самого начала было присуще необыкновенное разнообразие содержания, что было закреплено уже в самом названии жанра — «смесь»¹. Сами сатирики указывают на это как на характерную особенность жанра. Пестроте содержания соответствовало и богатство форм: сатира могла иметь вид диалога, послания, наставления, путевой зарисовки и т. д. Сатира была тем жанром, который, помимо прочего, позволял поэту в непринужденной форме дружеской беседы, письма, раздумья потолковать на самые разные актуальные темы политики и философии, искусства и практической

¹ Латинское слов *satira* (*satura*) означает также «переполненное блюдо, мешанина, смесь».

морали, рассказать о самом себе и дать полезный совет другу, посплетничать и посудачить на злобу дня. Собственно «сатирический» элемент, который сейчас представляется в сатире обязательным, первоначально был в ней лишь одним из многих, как, например, в сатирах Энния, с которых начинается история этого литературного жанра. Само понятие жанра «сатиры» как язвительного и бичующего общественные пороки установилось, по всей видимости, лишь в I в. н. э.

Жанровые рамки римской сатиры также необычайно подвижны; она легко входит в соприкосновение с другими литературными жанрами, особенно с теми, которые допускают использование комического, — комедией, басней, эпиграммой, ямбом. Но для сатиры характерно то обстоятельство, что она не только осмеивает и бранит, она еще и учит, воспитывает. Поэтому ей близок нравственный пафос произведений, далеких, в нашем понимании, от жанра сатиры: эпической поэзии, исторических сочинений и т. п. По сути дела, римская сатира хорошо уживается со всеми жанрами, исключая лишь те, в которых трактуется мифологический материал, оторванный от реальной жизни. Соседствуя и гранича с другими жанрами, сатира заимствует у них многие художественные приемы и средства. Не следует, однако, думать, что это влияние было односторонним: в свою очередь, сатира оказала влияние на многие жанры римской литературы.

Римская сатира представляет собой своеобразный сплав греческой культуры и римской духовности. Разумеется, традиции насмешливой поэзии римского фольклора также придали ей определенный колорит, однако римская сатира не восходит к какому-то одному фольклорному жанру, иначе она не стала бы такой, какой мы ее знаем сейчас.

Римские поэты-сатирики четко определяют круг людей, которым адресована их поэзия. Люди, к которым обращается сатирик, — это, как правило, единомышленники, объединенные не только общностью взглядов, но и сходным образом жизни. Сравнительно небольшой круг читателей был не всегда однороден по своему социальному составу (вспомним, например, кружок Мецената), но духовное родство всех его членов было обязательным условием их единства. Слушатели, к которым обращался римский сатирик, нуждались в его поэзии

и ждали ее от него. Учитывая интересы, вкусы, нравственные и политические идеалы, а также жизненный и художественный опыт своих слушателей, поэт-сатирик формировал таким образом свою собственную аудиторию, которая, со своей стороны, воздействовала на творческий облик поэта, заставляя его чутко прислушиваться к ее запросам, приспосабливаться к ней и, в конечном счете, служить ее интересам.

* * *

В Риме первым начал писать стихотворные сатиры Квинт Энний (239—169 гг. до н. э.), создатель латинского гекзаметра и эпической поэмы «Анналы». В античности был известен его сборник, состоящий из 4-х книг стихотворных произведений, под названием «Сатиры». В настоящее время мы располагаем лишь незначительными фрагментами из этого сочинения.

«Сатиры» Энния — это собрание поэтических произведений в самых разных стихотворных размерах. Метрическому разнообразию соответствовало и разнообразие тем. В сатиры Энния входили басни, рассказы в стихах, стихи автобиографического, моралистического и дидактического характера, почему его сатиры и представляли собой «смесь» в буквальном смысле слова.

Весьма примечательно, что в сатире Энний нередко обращается к самому себе (фрагменты 6—7). В римской поэзии это обращение поэта к самому себе, насколько можно судить, появляется впервые. Впоследствии оно станет характерным для римской сатиры, глубоко отображающей личность самого поэта.

По сохранившимся фрагментам видно, что для Энния-сатирика характерно пристальное наблюдение за повседневной жизнью как частной, так и общественной. Из нее он извлекает конкретные факты, которые, сохраняя черты хроники и дневника, обогащаются в его сатирах личным опытом поэта-моралиста. Эннию свойственно постоянное стремление не только показывать окружающую его действительность, но в каждом конкретном случае высказывать собственное суждение, исправлять и поучать, часто на примерах из собственной жизни.

Художественный принцип энииевских сатир — разнообразие в содержании и метрической форме — впоследствии стал отличительной чертой сатир Луцилия. Итак, содержание сатир не было четко определено изначально, стиль их также был весьма свободным. Придавала им единство исключительно индивидуальность их автора, впервые так ярко и самобытно проявившаяся в этом жанре римской литературы. Именно эта черта имела решающее значение для всего последующего развития жанра. Луцилию, Горацию, Персию, Ювеналу сатира служила для выражения в очень личной форме мыслей и индивидуального опыта. По всей видимости, под влиянием греческих образцов Эний ввел в сатиру два новых элемента: философию и сюжет, которые сделались более или менее постоянными ее компонентами.

В сохранившихся фрагментах сатир Эния еще нет следов полемического тона, хотя скудость дошедших до нас отрывков не дает нам права говорить об этом с полной уверенностью. Трудно сказать, содержалось ли в них собственно сатирическое начало в современном понимании, однако можно утверждать, что там присутствовали многие мотивы и формальные черты, усвоенные впоследствии Луцилием, сатирам которого свойственны обличительный характер и персональная направленность.

Гай Луций (180—102 гг. до н. э.) жил в эпоху наиболее сложную и противоречивую во всей истории Рима. Это было время, когда в результате победоносных войн с Карфагеном Рим превратился в крупнейшую державу, куда из завоеванных областей неудержимым потоком хлынули богатства, принося одним неслыханное обогащение, а другим — унижение и полное разорение. Тогда уже начали проявляться первые признаки затянувшегося почти на столетие кризиса, который со всей силой обнаружится лишь в конце следующего века и приведет к гибели республиканского строя и установлению империи.

Луций происходил из богатой семьи всадников и по своему социальному положению мог общаться с самыми высокими кругами римского общества. Он вел независимую жизнь состоятельного человека и никогда не занимал государственные должности. Луций стал первым римским поэтом из высших социальных кругов; все предшествующие поэты при-

надлежали к более низким сословиям. Для Луцилия, в отличие от Энния, сатира была единственной литературной формой, которую он разрабатывал; из его огромного поэтического наследия мы сейчас знаем едва ли двадцатую часть, дошедшую в виде разрозненных фрагментов.

Луцилий был первым римским поэтом, который сделал окружающую его действительность и собственную жизнь главным объектом своей поэзии. Он открыто рассказывает обо всем, что его волнует, поражая прямоотой и безыскусностью. Сатиры Луцилия — это реальная действительность, увиденная глазами поэта; факты его личной жизни — едва ли не самое примечательное в них.

О широте и разнообразии его интересов говорит исключительно пестрая тематика его сатир, в которых поэт рассуждает о самых разных вопросах общественной и культурной жизни: об истории, политике, философии, физике, этике, диалектике, религии, мифологии, медицине. Его интересуют вопросы эстетики, риторики, поэтики, грамматики, семантики, орфографии. Из фрагментов видно, что он имел прекрасное образование, владел греческим языком, знал литературу и сочинения греческих философов.

Литература в Риме с самого возникновения служила средством идеологического воздействия и орудием пропаганды. Этому в немалой степени способствовали литературные группировки и кружки. Римские поэты и прозаики очень рано стали объединяться вокруг представителей государственной власти и деятелей культуры. Насколько нам известно, первым, кто стал в Риме покровительствовать поэтам, был Сципион Африканский Старший. Победитель Ганнибала, он был покровителем поэта Энния, в то время как разрушитель Карфагена Сципион Эмилиан был покровителем комедиографа Теренция, а затем сатирика Луцилия.

Есть все основания утверждать, что мир Луцилия — это мир кружка Сципиона. Сатирик нападал на своих врагов и врагов Сципиона с чрезвычайной резкостью, не щадя ни знатности, ни богатства своих жертв. О резкости нападок Луцилия можно судить на основании лексики дошедших до нас фрагментов. Поэт часто пользуется выражениями нарочито грубыми, пересыпает речь непристойностями и вульгаризмами, намеренно снижая свой стиль для достижения нуж-

ного ему эффекта Подобная «низкая» лексика используется у него, видимо, в духе римских народных инвектив и древней комедии.

Луцилий, с величайшей искренностью повествующий о своем времени, сделал сатиру орудием критики современного ему общества. В сравнении с Эннием это явилось новшеством. Именно Луцилий создал сатиру как поэзию воинственную, как форму актуальной полемики, причем не анонимной, а персональной. Разумеется, поэт прекрасно сознавал свою агрессивность, ведь его сатиры непосредственно откликались на политические дебаты того времени.

Луцилий бичует такие пороки, как любовь к деньгам и роскоши, скупость и мотовство, сословную спесь и чванство, сластолюбие, суеверие и неумеренное хвастовство. Меркой для его суждений о современных пороках служил идеализированный образ древних времен Рима, стимулом — забота о благе римского государства, а положительным идеалом — традиционная римская добродетель, определение которой содержится в самом большом из дошедших до нас отрывков.

В сатирях Луцилия нет места ни вымыслу, ни мифологии, как в стихах эпических и трагических поэтов, которых он порой явно намеревается пародировать, что было возможно только при условии сохранения стихотворного размера оригинала. После многочисленных поисков и экспериментов в области поэтической формы Луцилий в конце концов остановился на дактилическом гекзаметре. Этот размер предоставлял широкие возможности не только для пародирования, но, в силу своей исключительной гибкости, был очень удобен для передачи любой мысли, что уже продемонстрировал в своих произведениях Энний.

Искренность и прямота, с которой Луцилий говорит о себе и своем времени, воспринималась враждебными ему людьми как злонамеренность и злоязычие. Не исключено, что именно эта ни с чем не сравнимая непосредственность и проницающая из нее необычайная экспрессивность стиля создали ему в веках репутацию поэта агрессивного, поставив его в один ряд с Аристофаном. Действительно, Луцилий сделал с сатирой то же, что Кратин и Аристофан с греческой комедией, влив в нее свежую боевую струю. Можно сказать, что

у Луцилия сатира впервые становится сатирической в нашем понимании. Введя в свои произведения персональную направленность и резкость, Луцилий даровал содержанию, стилю, художественной форме сатиры принципиально новое значение, что было отмечено Горацием, назвавшим Луцилия создателем жанра.

Как литературный жанр сатира окончательно оформилась в творчестве Квинта Горация Флакка (65—8 гг. до н. э.). Великий Гораций родился в семье вольноотпущенника, владельца скромного имения в Везувии. Когда будущий поэт был еще ребенком, его отец переехал в Рим, чтобы дать там сыну хорошее образование. С гордостью и сердечной признательностью говорит всегда Гораций об этом человеке старого закала, целиком посвятившем себя воспитанию сына. В Риме Гораций учился вместе с детьми всадников и сенаторов в школе Орбиллия. Свое образование, как это было принято в знатных семьях, он завершил поездкой в Афины, где изучал греческую литературу и в особенности философию. Он так хорошо знал греческий язык, что даже писал на нем стихи.

В Италию Гораций возвращается, вероятно, в начале 41 года и в это же время сближается с поэтами Вергилием и Варием, которые становятся его лучшими друзьями. В 38 году они представили двадцатисемилетнего Горация близкому другу и соратнику Октавиана, крепко державшего в своих руках власть в Риме,— Гаю Цильнию Меценату. В годы гражданских войн Меценат находился рядом с Октавианом. После окончательной победы Октавиана Меценат, не принимая официальных должностей, оставался его советником по вопросам идеологии и культуры. Прозорливый проводник культурной политики Октавиана Августа, он содействовал развитию литературы, которая способствовала бы воспитанию широких народных масс в духе идеологии принципатизма. Меценат собрал около Августа лучших поэтов того времени; он был не только их покровителем, но и вдохновителем.

Гораций имел все основания гордиться тем, что он снискал расположение и благосклонность Мецената, который, хотя и был человеком знатного происхождения, не побрезгал сыном вольноотпущенника, отличая людей не по знатности, а по

благородству их чувств и мыслей. Меценату посвящает Гораций свою первую книгу «Сатир», опубликованную между 35 и 33 годами. В 33 году Гораций получает от Мецената вознаграждение в виде небольшого поместья в Сабинских горах, которое обеспечило ему достаток до конца жизни. Дружба Горация с Меценатом продолжалась до самой смерти последнего. Меценат умер в сентябре 8 г. до н. э., 27 ноября того же года умирает, ненадолго пережив своего друга и покровителя, Гораций.

Поэтический путь Горация начался именно с опубликования «Сатир», вторая книга которых вышла в 30 году. Сатирам Гораций стремится придать более цельный характер, чем у его предшественников, причем не только в стихотворном метре, навсегда закрепив за ними дактилический гекзаметр, но также и в содержании. Это не вызывает удивления, ведь сатира, возникшая как нечто составное, как некая смесь, уже у Луцилия обретает тенденцию к уменьшению своего разнообразия. Так, в более поздних книгах Луцилия исчезает метрическая пестрота его ранних сатир.

В отличие от Луцилия Гораций в своих сатирах не бичует пороки своих современников, а всего лишь их высмеивает; он не ненавидит, но поучает. Луцилий посредством своих насмешек и издевок хотел если не уничтожить объект своих нападок, то по крайней мере принудительно изменить его в лучшую сторону. Изменять поведение людей или наказывать их не входит в задачу Горация-сатирика. Он вскрывает пороки и заблуждения не затем, чтобы как-то унижить их носителей; это нужно ему для того, чтобы показать, как не следует жить. Его цель — узнать и изобразить жизнь и людей такими, каковы они есть в действительности.

Отказавшись от актуальной политики и острых насмешек над высокопоставленными личностями, Гораций смягчает резкость Луцилиевой критики, придавая своим насмешкам и поучениям общезначимый характер. «Басня рассказывает о тебе, изменено только имя», — заявляет он. Эта установка Горация-сатирика, видимо, совпадала со стремлениями Октавиана укрепить нравственные устои государства, а значит, и свой авторитет и свои позиции в Риме путем возврата к «добрым нравам» предков. Пропаганда в этом направлении

активно велась с ведома и под контролем самого Октавиана на протяжении всего того смутного десятилетия зарождающейся империи, когда Горацій писал свои сатиры.

Сам Горацій считает сатиру не вполне поэзией, а, скорее, обычной речью, только заключенной в определенный размер. Сатира, как и комедия, говорит Горацій, не заслуживает названия поэмы. Лишенная стихотворного размера, она ничем не будет отличаться от обыкновенной прозаической декламации. Современная Горацию критика помещала сатиру — как плод рефлексии и, следовательно, непозию — среди низких жанров литературы. В сатире нет вымышленного содержания, она насквозь земная и реалистическая — все это не соответствовало античному представлению о поэзии. Объектом ее изображения является проза жизни.

Самым существенным новшеством, внесенным Горацием в его сатиры, является то, что их автор, рассуждая о вопросах морали, изучая и показывая реальную жизнь и людей, всячески использует насмешку и шутку. Отмечая людские слабости и недостатки, он не брызжет яростью, но обо всем он говорит с веселой серьезностью, как человек доброжелательный. Его художественный принцип, заявленный в начальной сатире, — «смеясь говорить правду», то есть через смех приводить к знанию. Чтобы сделать своего читателя более восприимчивым к критике, Горацій нередко задумывает сатиру как дружеский разговор между читателем и собой. Щадя его чувства, он воздерживается от прямых форм порицаний и приглашает к совместному обозрению недостатков и размышлению о природе людей, оставляя за каждым право делать собственные выводы.

Сам Горацій признает, что образцом для его сатир послужил Луцилий, и скромно ставит себя ниже своего предшественника. Это, однако, не мешает Горацию критиковать его. Указав на Луцилия как на свой образец, Горацій, являясь по сути дела его соперником, а не подражателем, отметил не только точки соприкосновения, но и то, в чем он сам признает себя далеким от Луцилия: аристофановскую страстность последнего, неистовство и персональный характер его атак, а также многословие и небрежность стихотворной формы. В то время как Луцилий в своих сатирах стремился к конкретному и незамедлительному эффекту — обнажить и мо-

рально уничтожить порок, Гораций стремится прежде всего к художественной цельности своих сатир.

Все же в 1-й книге «Сатир» Горация еще встречаются некоторые резкости и персональные насмешки в духе Луцилия. В эти годы Гораций находился в состоянии антагонизма с окружающим его миром. Однако затем общественное положение поэта постепенно стабилизируется, он приобретает известность в литературных кругах. Сблизившись с Мecenатом и его окружением, он обзаводится сильными покровителями и, наконец, получив в подарок от Мecenата имение, поправляет свои материальные дела.

В сатирах 2-й книги Гораций занят поиском гармонии между обществом и личностью. Это нашло отражение в форме и тоне новых сатир, в которых теперь уже решительно преобладает диалог. Значительно большее место уделяется в них общим положениям стоико-кинической популярной философии, исчезает персональная направленность, резко сокращается число имен собственных: поэт предпочитает не задевать личности. По сравнению с сатирами 1-й книги общий тон — более сдержанный, а стиль — более искусный и зрелый. Личность автора также отходит на второй план. Если в сатирах 1-й книги, исключая 8-ю, все, что сказано, говорится от лица самого Горация, то теперь поэт чаще выступает в роли слушателя, внимающего речам других, и лишь поддерживает разговор, позволяя собеседнику наставлять и поучать себя.

Позиция Горация-сатирика — преимущественно созерцательно-философская. Он рассматривает несовершенство жизни и человеческие слабости как нечто такое, с чем приходится мириться и что заслуживает снисхождения. Поэт склонен смягчать отрицательные стороны жизни, отводя им соответствующее место в действительности, ведь многие явления можно рассматривать как относительно дурные или относительно добрые, все зависит от угла зрения.

Мировоззренческая позиция Горация обусловила его выбор выразительных средств и приемов комического. Поэт отказывается от гиперболизации явлений по образцу Луцилия и старается представить мир в его истинных красках и пропорциях. В ненавязчивой форме шутивной беседы он указывает путь праведной жизни. При этом глубже и тоньше своих

предшественников Гораций оценивает возможности смешного и немало совершенствует технику его передачи, подняв ее на высокий профессиональный и интеллектуальный уровень. Комическое в его сатирах выполняет разнообразные функции. Заслуга Горация-сатирика в том, что он первый в римской литературе сознательно связал жанр сатиры с теорией смешного.

При этом ни один античный автор не рассказал о себе так искренне и доверительно, как это сделал в своих стихах Гораций, открывший самые сокровенные глубины своей души и показавший самые разные стороны своей повседневной жизни, причем с такой естественностью, добродушием и чистосердечием, что читатель невольно начинает ощущать себя как бы доверенным лицом поэта. В сатирах Гораций изображает самого себя в разных жизненных обстоятельствах, рассказывает о своих привычках, желаниях, вкусах, литературных взглядах. Существует глубокое внутреннее единство между Горацием-человеком и Горацием-поэтом. Человек и поэт нерасторжимы, они слиты воедино в той гармонии, которая достигается внутренним чувством равновесия и меры и является, согласно Горацию, сущностью поэзии. Взявшись за жанр сатиры, Гораций учитывал не только литературные вкусы современного ему римского общества, но также и его духовные проблемы и интересы, он сделал сатиру жанром, целиком созвучным эстетическим запросам своего времени.

А в л П е р с и й Ф л а к к — преемник Горация, весьма своеобразный представитель римской сатиры следующего поколения, — согласно жизнеописанию, родился в 34 г. н. э., а умер в 62 г., не достигнув двадцативосьмилетнего возраста. Он принадлежал к богатой семье всадников, связанной с высшим римским сословием. Когда ему было шестнадцать лет, он встретил в Риме своего будущего наставника: это был стоик Анней Корнут, который оказал огромное влияние на всю его дальнейшую жизнь и литературную деятельность. Корнут сумел заразить юного Персия стоическими идеалами, и Персий сделался постоянным членом кружка Корнута, где подружился со многими замечательными людьми своего времени. Несмотря на свое немалое богатство, он вел суровый, по большей части уединенный образ жизни, целиком посвя-

тив себя духовной деятельности, чтению и научным занятиям. После смерти Персия друзья опубликовали шесть его сатир, написанных дактилическим гекзаметром, ставшим уже традиционным для жанра сатиры.

Сатиры Персия, по его собственному признанию, предназначены для одного-двух избранных читателей, очевидно, стоиков или собирающихся стать последователями стоицизма. Сатира, как уже было сказано,— это поэзия, которая основывается главным образом на личном опыте и переживаниях самого поэта. Чем богаче и глубже опыт и переживания сатирика, тем ярче и живее его произведения. Однако Персий, хрупкий отпрыск очень богатой семьи, всю свою недолгую жизнь проживший под крылышком матери и наставника, умер совсем еще молодым человеком и, как можно полагать, не приобрел богатого жизненного опыта. При этом из всех литературных жанров он выбрал именно тот, который как будто бы менее всего ему подходил,— сатиру. Целиком захваченный стоической этикой, полностью замкнувшийся в ней, Персий делает ее главной темой своих стихов, именно здесь стремясь проявить свою индивидуальность. Однако этика в его произведениях остается сугубо книжной, далекой от живой жизни, и его сатира наполняется доктринерским изложением общих мест моральной философии стоицизма, напоминая скорее проповеди прямолинейного моралиста, чем подлинную поэзию.

Сатира Персия имеет очень общий и неопределенный характер, в ней почти нет конкретных черт римской современности, окружавшей поэта. Если в его стихах и содержатся намеки на современные ему события, то они выражены столь туманно, что из-за своей неясности, то ли желаемой самим поэтом, то ли возникшей по причине наших недостаточных знаний, не достигают конечной цели оживить повествование. Жизнь поэта, его личные наблюдения оказались за пределами его поэзии. У Персия нет политических нападок, характерных для творчества Луцилия, хотя он и ссылается на Луцилия как на своего учителя и нередко цитирует отдельные стихи и выражения из его сатир. Актуальность и злободневность, которые делали столь яркой и полной жизни поэзию Луцилия, у него совершенно отсутствуют.

Особенно усердно Персий читал произведения Горация, его приверженность к поэзии Горация просто поразительна: в сатирах Персия, при общем количестве стихов — 650, обнаружено свыше 250-ти заимствований из Горация. Он, не скрывая, повторяет отдельные его стихи и выражения, используя его мотивы и образы, однако по-своему преобразуя их, сообщая им новую окраску и тональность. Эти литературные аллюзии являются вполне сознательными и входят в художественную задачу Персия, составляя существенный элемент его поэтического метода.

Различия между Горацием и Персием вызваны прежде всего разными целями сатиры того и другого. Если Гораций пытается как-то вписаться в современное ему общество, то Персий становится в позу непреклонного антагониста, отвергающего общество и признающего только стоическую мораль. Гораций, излагая свой сатирический метод, приводит в пример школьных учителей, которые, для того чтобы дети охотнее учились, дают им пряники (I, 1, 26). У Персия установка совершенно иная: он не учитель, но врачеватель. Он сравнивает себя с хирургом, который прочищает больные уши людей.

В сатирах Персия личность автора почти полностью отодвинута на задний план. Отгороженный от своих читателей суровой догмой, Персий убежден в том, что существуют тяжкие общественные недуги и они требуют энергичного лечения. Между его моральным миром и читателями его сатир лежит непроходимая граница. Его бескомпромиссность скорее сродни Луцилию, чем Горацию. Персий создает сатиру, как бы полностью оторванную от конкретной действительности, но при этом необходимо учитывать, что смелость и суровая прямота Луцилия были абсолютно невозможны в век Нерона.

Однообразному содержанию сатир Персия соответствует и его манера изложения, которая представляется в целом довольно монотонной. Но именно в поисках собственного стиля Персий наиболее оригинален. Он стремится к стилю сознательно усложненному, трудному для восприятия, что отвечает его поэтической установке говорить нарочито резко и придавать своим нравованиям характер строгости и непререкаемости.

Стремление к необычности выражений толкает Персия на создание смелых лексических сочетаний, на употребление неожиданных метафор и сравнений, которым поэт придает особую выразительность, используя слова в их прямом и переносном значении одновременно. Особенно ценит Персий краткость, изобилующую намеками на подтекст, и загадочность, которые, по его мнению, лучше всего соответствуют суровости стоического мудреца.

Обилие архаизмов, вульгаризмов, ученых терминов, манера загадочно говорить о самых простых вещах и резкие переходы от одной мысли к другой создали Персию репутацию «темного» автора, из римских поэтов, пожалуй, самого трудного для понимания. Такой усложненный стиль был в те времена в большой моде и отвечал эстетическим вкусам нероновской эпохи. Но поэтические новшества и достижения служат Персию, по его словам, не для услаждения непросвещенной публики, а для того, чтобы «скоблить бледные (то есть испорченные) нравы», как это делали Луцилий и Гораций. С этой целью Персий и создает свой собственный стиль, который, как он считает, лучше всего соответствует содержанию и задачам избранного им жанра сатиры.

Строгость моральных убеждений, любовь к добродетели и решительность в борьбе с пороком создали Персию в веках славу серьезного поэта-моралиста. Простота его этических взглядов пленяет читателя, неискушенного в философии, но еще больше привлекает в нем несомненная искренность — одна из главных причин того огромного успеха, который выпал на долю его сатир сразу же после их появления.

К эпохе Нерона, как уже было сказано, относится появление двух уникальных сочинений, написанных в форме «менипповой сатиры», то есть смесью прозы и стихов. В римскую литературу эту форму ввел Марк Теренций Варрон Реатинский (116—27 гг. до н. э.), признанный корифей в области научных изысканий, считавшийся величайшим эрудитом не только у своих современников, но и в последующие века. Он родился в богатой знатной семье, принимал активное участие в политической жизни, занимал различные государственные должности и участвовал в нескольких войнах. Варрон невероятно много читал и писал. Мы даже не знаем полного списка его произведений. Подсчитано, что он написал

свыше семидесяти сочинений, собранных в 620-ти книгах, из которых сохранилось лишь несколько.

«Менипповы сатиры» относились к числу творений, которые требовали от Варрона не столько научной эрудиции, сколько поэтического вдохновения и фантазии. Этому сочинению суждено было стать самым оригинальным созданием Варрона. «Менипповы сатиры» составили 150 книг, от которых до нас дошло лишь 90 названий и около 600 фрагментов.

Что касается названия «мениппова сатира» и самого литературного жанра, то они восходят к греческому философу Мениппу, который жил в III в. до н. э. и писал именно сатиры, представлявшие собой пеструю смесь стихов и прозы. От его произведений до нас ничего не дошло, но известно, что Менипп сделал объектом осмеяния всё и вся, весь окружающий его мир, и прежде всего общепринятые нормы морали и аристократическую культуру. С резкостью, присущей киникам, он высмеивал не только философов; ни одна человеческая слабость не ускользала из его поля зрения, вся жизнь становилась объектом его язвительного смеха. Менипп был весьма своеобразной фигурой в истории греческой культуры и имел громадную популярность далеко за пределами самой Греции. Впоследствии, во II в. н. э., традицию «менипповой сатиры» блестяще развил и продолжил Лукиан.

Варрон в своих «Менипповых сатирах» стремится к тому, чтобы развлечь и вместе с тем принести пользу людям, то есть смеясь говорить серьезные вещи и призывать к размышлению о подлинных ценностях жизни.

В сатирах Варрона постоянно повторяются расхожие идеи киников о необходимости жить согласно природе, об освобождении от страстей и желаний, о достижении добродетели через усилия и труд. При этом нормой поведения Варрон считает жизнь римских предков. Таким образом, киническая идея, предлагавшая во всем следовать природе, видоизменяется, и идеалом становится простая и скромная жизнь дедов и прадедов.

«Кинизм» Мениппа стал для Варрона литературным приемом, удобным не только для высмеивания различных философских школ и догматов, но и для порицания нравственных пороков, а также для проповеди положительного идеала.

У Варрона есть и латинские предшественники: это сатиры Энния, с характерным разнообразием содержания и стихотворных метров; с другой стороны, это творения Луцилия, имевшие ярко выраженный морализаторский характер; у Луцилия Варрон заимствовал и употребление смеси латинских и греческих слов.

Сатиры Варрона имели преимущественно дидактическую установку, они были направлены не против конкретных людей, а против людских пороков и страстей. По сравнению с сатирами Энния и Луцилия, в «Менипповых сатирах» Варрона значительно расширилась тематика, что отвечало его основной, просветительской задаче — познакомить соотечественников с идеями греческой философии.

Рассуждая о серьезных вещах, Варрон, вслед за Горацием, широко использует шутку и насмешку. Чтобы сделать сложные мысли более привлекательными и доходчивыми, он придает им, по образцу кинических проповедников, занимательную форму. Не исключено, что постоянные переходы от стихов к прозе и от прозы к стихам также способствовали достижению комического эффекта; наряду с этим применялся и прием контраста, например между изысканным, возвышенным стилем и низким, вульгарным.

Отличительные черты «менипповой сатиры» — фантастичность, причудливость вымысла, драматизм, необузданный комизм в духе древней комедии, а также демократичность языка, тяга к гротеску и пародийности. Все это характерно для сатиры, известной под названием «Апоколокинтоз» или «Апофеоз Божественного Клавдия», авторство которой приписывается Сенеке. В сатире пародируется обожествление («апофеоз») императора Клавдия после его смерти в 54 году, который, по-видимому, вместо того чтобы сделаться богом, превратился в тыкву, то есть стал дураком еще большим, чем он был при жизни.

В сатире Клавдий после своей смерти всходит на Олимп и просит принять его в число небожителей, но по решению богов его отправляют в преисподнюю. Там судья Эак приговаривает ему вечно играть в кости стаканчиком без дна. Однако на Клавдия как на своего раба претендует Калигула, который, не зная, что с ним делать, дарит его Эаку, а тот отдает его своему вольноотпущеннику Менандру. Так

кончает Клавдий: император, подчинявшийся при жизни своим вольноотпущенникам, после смерти вновь покоряется вольноотпущеннику.

«Апофеоз Божественного Клавдия» — превосходный образец жанра «менипповой сатиры», причем не только в отношении формы с ее смесью стихов и прозы, но гораздо больше в отношении некоторых уже ставших традиционными для этого жанра тем и мотивов, как восхождение на Олимп, совет богов (пародия на заседание римского сената), спуск в преисподнюю, карикатурный суд над умершим и т. п.

Примечательно то, что автор «Апофеоза» широко пользуется приемом пародии. В Риме издавна были популярны пародии на различные законы, правила и предписания. В «Менипповых сатирах» Варрона есть фрагмент, в котором пародируется язык заветаний (543). Шуточные сочинения в прозе, пародирующие стиль юридических формул, получили большое распространение в век империи. Как правило, это были сочинения развлекательного характера, не претендующие на особую серьезность. Образцом такой пародии может служить и помещенное в нашем сборнике «Завещание поросенка», над которым, по свидетельству писателя IV в. н. э. Иеронима, до упаду смеялись школьники.

По ряду аспектов с «Апофеозом» сближается знаменитый «Сатирикон» Петрония, который также имеет форму «менипповой сатиры». Это, однако, одно из самых своеобразных произведений в мировой литературе. Его автором в рукописях назван Петроний Арбитр (?—66 г. н. э.), обычно отождествляемый с Петронием, о котором сообщает в своих «Анналах» историк Тацит. Этот Петроний был принят в узкий круг приближенных императора Нерона, который ценил его как законодателя хорошего вкуса и арбитра изящества. Однако ненависть всесильного соперника Тигеллина и последовавшая за ней немилость императора вынудили Петрония добровольно вскрыть себе вены, не дожидаясь официального приговора.

До нас дошли фрагменты двух книг его «Сатирикона», по всей видимости, 15-й и 16-й. Это произведение обычно определяется как сатирический роман низменно-бытового содержания. Герои романа, люди, лишенные совести и наделенные изворотливостью, живут в грубом низменном мире

мошенничества и порока, ненасытно наслаждаясь жизнью. Автор описывает, в частности, приключения молодого бездельника Энколпия и капризного женственного мальчика Гитона, его возлюбленного, представляющих собой пародию на влюбленную парочку, обязательную в эллинистическом любовном романе.

Рассказ ведется в первом лице, от имени Энколпия, которого преследует гнев Приапа, бога сладострастия (пародия на эпическую ситуацию). Вокруг названных героев кишит пестрая толпа самых разнообразных персонажей, создающих как бы живой фон романа. Действующие лица постоянно, причем в каком-то учащенном ритме, сменяют друг друга, но все фигуры настолько жизненны и неповторимы, что это не вызывает пресыщения и утомления. Стремительный ритм повествования иногда прерывается нарочитыми паузами. Примером может служить эпизод, известный под названием «Пир Трималхиона». Центральная фигура этого эпизода — богатый глупый вольноотпущенник Трималхион, человек неотесанный, невежественный и болтливый, но вместе с тем щедрый и добродушный. В романе есть и другие эпизоды, выполняющие в повествовании аналогичную функцию — на время прерывать стремительный ритм изложения: это вставные рассказы, как, например, новелла об эфесской матроне (111—112). Этой же цели в какой-то степени служат и стихотворные вставки.

Мир, созданный воображением Петрония, подчас невероятен и даже анекдотичен, однако в персонажах романа нет ничего искусственного или схематичного. Фигуры и события, которые показались бы абсурдными в каком-либо другом контексте, в «Сатириконе» — вполне на своем месте и предельно правдоподобны, как и сами места, в которых оказываются герои романа. Персонажи Петрония воплощают в себе те или иные черты человеческой природы, при этом они никогда не повторяют друг друга.

«Сатирикон» отличается замысловатой причудливой композицией, чему способствуют множество действующих лиц и лихорадочный темп, в котором одна сцена сменяет другую. Разумеется, Петроний писал не для среднего читателя. И в жизни и в творчестве он, видимо, был в высшей степени тонким человеком. Для Петрония характерно чувство

превосходства над своими персонажами, к которым иногда он бывает снисходителен. Петроний всегда ироничен и насмешлив. Его острая наблюдательность проявляется, в частности, в описании пикантных и непристойных сцен.

Одним из средств характеристики героев «Сатирикона» служит их язык. Тонкость и острота суждений Евмолпа, болезненная восприимчивость Энколпия, претенциозность, грубость и вульгарность других персонажей романа подчеркивается их тщательно индивидуализированной манерой изъясняться. Живая разговорная латынь I в. н. э. воспроизведена в «Сатириконе» с замечательным искусством.

Последний классик римской сатиры — Ювенал. Вряд ли слова «сатира» и «сатирический» имели бы то значение, которое мы в них вкладываем, если бы не было Ювенала. В европейскую культуру, в историю литературы Ювенал вошел как обобщенный образ поэта — обличителя политического деспотизма и нравственного разложения своего времени.

Децим Юний Ювенал родился в Аквине, близ Рима, между 50 и 60 гг. н. э. О происхождении Ювенала в лучшем из дошедших до нас жизнеописаний говорится весьма неопределенно: он был сыном или воспитанником состоятельного вольноотпущенника, получившим тщательное грамматическое и риторическое образование; известно также, что он почти до середины своей жизни занимался сочинением декламаций на вымышленные темы.

Свою деятельность поэта-сатирика Ювенал начал только после смерти императора Домициана (96 г. н. э.), когда в Риме установилась относительная свобода слова; поэтической зрелости он достиг при императоре Траяне (годы правления 98—117) и продолжал писать сатиры во время правления Адриана (годы правления 117—138). По всей видимости, Ювенал выступал с публичным чтением своих сатир и имел успех, чем, кажется, навлек на себя неприятности: уже в античности была распространена версия, что, несмотря на восьмидесятилетний возраст, он был сослан, под предлогом военного командования, не то в Египет, не то в Британию, где и умер. Однако история с изгнанием поэта производит впечатление легенды. Дата смерти его неизвестна. Несомненно одно: он умер после 127 года.

От Ювенала дошло 16 гекзаметрических сатир в 5-ти книгах: они были опубликованы последовательно, в порядке их нумерации, приблизительно между 100 и 127 годами.

Видимо, Ювенал был захвачен общим энтузиазмом, вызванным смертью Домициана и приходом к власти Траяна. Одушевленный ненавистью к свергнутому тирану, он создает ряд сатир в резкой, инвективной форме, принесших ему в веках славу беспощадного бичующего разоблачителя. Это сатиры его первых трех книг, которые заметно отличаются от последующих, созданных стареющим поэтом в правление Адриана и обычно называемых поздними. В сатирах двух последних книг нет прежней остроты критики и той силы негодования, которая была характерна особенно для первых девяти сатир, наиболее живых по интонации и богатых темами и сатирическими образами. В поздних произведениях Ювенал более склонен поднимать проблемы общего характера, которые касаются не столько людей определенной эпохи, сколько человеческой природы вообще. В поздних сатирах сильнее чувствуется влияние риторики.

Сатиры Ювенала сообщают в высшей степени скудные данные об их авторе. В отличие от Луцилия и Горация, Ювенал тщательно избегает говорить о себе; и хотя его сатиры дают довольно ясное представление о личности поэта, о его мыслях и устремлениях, они почти не информируют нас о внешних обстоятельствах его жизни. Наоборот, Ювенал старается, насколько это возможно, задвинуть в тень свою фигуру, как будто боится своим присутствием ослабить впечатление своих разоблачительных инвектив.

Что касается содержания его сатир, то оно, по существу, весьма ограничено. Поэт повторяет на разные лады одни и те же нападки на современные ему нравы, правда оживляя их примерами из жизни, истории и мифологии. Хотя он и утверждает, что вся человеческая жизнь, все, что только делают люди, послужило «начинкой» его книги, за пределами его поэзии остаются многие темы, которые были характерны для его предшественников. Это было сознательное ограничение, позволившее ему сосредоточиться исключительно на разоблачении пороков. Нет в его сатирах и того многообразия форм, которое было присуще произведениям этого жанра у Луцилия и Горация.

На окружающую его действительность Ювенал взирает с глубочайшим пессимизмом. Он видит одно лишь зло (по крайней мере, в своих ранних произведениях) и убежден, что оно коренится в самой природе человека. Ювенал не верит в возможность оздоровления общества. Искусный живописатель нравов, он изображает мир таким, каким он его видит, — развращенным и развращающим, доходя в своем горьком озлоблении до крайнего фанатизма. Долгу, чести, порядочности предпочитают здесь одни лишь деньги, неважно, каким путем приобретенные. Ноты личной разочарованности и озлобления придают его нападкам жестокий и беспощадный характер.

Бескомпромиссная сатира Ювенала не знает ни насмешливой улыбки, ни добродушной шутки, ни психологического проникновения и понимания сути явлений, как в сатирах Горация. Для Ювенала настоящее не содержит ничего хорошего, а будущее не сулит никакой надежды. Остается лишь сожалеть о прошлом, о былом образе жизни и древних установлениях, от которых теперь не осталось и следа. Тоскуя о безвозвратно прошедших временах, поэт не видит выхода из сложившегося положения.

Позиция Ювенала-сатирика — это позиция яростного обличителя. Его нападки на разбогатевших выскочек и защита угнетенных рабов не исходят из убежденности в необходимости социального переустройства. Возмущение Ювенала вызывается противоречием между тем, что, по его мнению, должно быть, и реальным положением дел.

Мрачный пессимизм Ювенала все же несколько смягчается в поздних сатирах, в которых, наряду с пороками и злом, он готов видеть и более светлые стороны жизни. Там Ювенал часто возвращается мыслями к прошлому римского народа и идеализирует патриархальную старину. Но глубоко прочувствованного восхищения древней простотой, конечно, недостаточно, чтобы решить общественные проблемы, затронутые поэтом. Оно скорее выполняет роль фона, предназначенного еще резче оттенить убожество современной жизни.

Острые своей сатиры — возможно, из художественных соображений — Ювенал обычно обращает не против настоящего, а против недавнего прошлого, против времени правления Домициана или даже Нерона, оправдывая это доводами осто-

рожности. Хотя люди, которых он называет, давно уже умерли и принадлежат прошлому, утверждает он, пороки, которые он бичует, являются пороками всех времен.

Если предшественники Ювенала нередко объясняли свое обращение к сатире внутренней склонностью к этому жанру, который они предпочитали другим, то Ювенал заявляет, что писать сатиры его вынуждает всеобщее разложение нравов. Его решение взяться за сатиру как бы навязано ему извне. «Трудно сатир не писать», — заявляет поэт. Если же недостает таланта, стихи порождает само негодование, которое неизбежно возникает при виде пороков, заполонивших Рим.

В стихах Ювенала больше чувства, чем рассудочности. Он не только не пытается сдержать свой гнев, а, наоборот, считает, что негодование — это именно та эмоция, которой поэт-сатирик должен руководствоваться в первую очередь. Риторическое образование Ювенала, его опыт декламатора и вкусы его эпохи, несомненно, оказали на его сатиры самое существенное влияние. Они же определили и некоторые его слабости. Как истому декламатору, Ювеналу порой недостает уравновешенности и отстраненности. Поэт целиком погружается в свой материал и захвачен им настолько, что ему можно вменить в вину чрезмерную субъективность и излишнюю страстность.

Ювенал ставит на одну доску простые слабости и гнусные преступления. Так, в 1-й сатире он уравнивает сводника, который рассчитывает получить наследство от любовника жены, поддельвателя завещаний, отравительницу и человека, обуреваемого страстью к лошадям. Это нарушение соразмерности является одной из причин впечатления монотонности, которое возникает при долгом чтении сатир Ювенала. Хотя поэт стремится к разнообразию в своих произведениях, оно тем не менее в значительной степени пропадает под мрачными красками, которые он обильно налагает повсюду.

Излагая в 1-й сатире свою поэтику, Ювенал подчеркивает, что движущей силой его сатир является негодование. Упорядоченный стиль не является главной его заботой, поэт ставит перед собой чрезвычайно трудную задачу — создать у слушателей иллюзию экспромта, иллюзию импульсивной, ничем не сдерживаемой импровизации, внезапно возникшей

под влиянием гнева и возмущения. Отсюда эта выставленная напоказ мнимая небрежность, создающая порой впечатление неестественности. После долгих занятий декламациями Ювенал создает свой особый стиль стихотворной сатиры — обобщенно-безличный, драматически напряженный, величественно-высокопарный и патетический, который является отражением его эпохи с ее резким контрастом реальности и идеала.

Похоже, что Ювенал отказался от принципа Горация — от языка, близкого к разговорному. Чаще он использует возможности, предоставленные ему риторикой. При этом он стремится найти самый точный, самый характерный штрих для создания образов, которые у него, как правило, предельно конкретны, реальны, жизненны. Таков ювеналовский реализм. Для достижения правдивости используются разнообразные художественные средства: от всех ухищрений риторики до употребления банальной фразеологии и грубой, часто непристойной лексики. Даже если такая внешняя реалистичность не является действительным отражением реальной жизни, сила поэтического дарования Ювенала такова, что создается иллюзия удивительной жизненности, что далеко не часто встречается в произведениях римской литературы. Чувство негодования суживает, но вместе с тем и заостряет взгляд поэта. Когда Ювенал заявляет, что «начинкой его книжки» являются «желания, страх, гнев, наслаждение, радости, интриги», то уже самим этим перечислением, нагромождением слов, без видимой их логической связи, он стремится передать впечатление беспорядочности и даже хаотичности, царящих в римском обществе.

Главная заслуга Ювенала-сатирика, несомненно, заключается в том, что он, придав сатире характер резкой разоблачительности, навсегда закрепил за ней обличительное содержание. Ни один из римских сатириков, даже Гораций, не оказал на сатирическую литературу Европы такого влияния, как Ювенал, имя которого стало нарицательным для обозначения сатирика как такового.

Римская сатира осталась частью европейской литературы и в средние века. Христианские писатели X—XIII веков, бичуя нравы своих современников, пользовались для этого образами не только из библейских пророков, но и из сатиры

Горация и Персия. Возрождение, восстановив весь корпус сохранившихся сочинений римских сатириков, стало им подражать. Сатира как жанр, часто с прямыми реминисценциями из Горация или Ювенала, процветала в эпоху классицизма; знаменитый Буало был известен своими сатирами не меньше, чем «Поэтическим искусством». Волна сатирического творчества докатилась и до России XVIII века — от сатир Кантемира до «Чужого толка» И. Дмитриева. Только романтизм, разрушивший традиционные классицистические жанры, не пощадил и сатиры. С XIX века сатира перестала быть жанром, как когда-то в Риме, — она стала отношением к действительности, которое могло проявляться в любых литературных формах, от романа до эпиграммы. В таком значении слово «сатира» живет в языке и в наши дни.

В. Дуров

ГОРАЦИЙ

Перевод М. Дмитриева

САТИРЫ

Книга первая

САТИРА ПЕРВАЯ

Что за причина тому, Меценат, что, какую бы долю
Нам ни послала судьба и какую б ни выбрали сами,
Редкий доволен и всякий завидует доле другого?
«Счастлив купец!» — говорит отягчаемый летами воин,
Чувствуя, как у него все тело усталое ноет.
И отвечает купец-мореходец, бросаемый бурей:

«Воин счастливей меня! Еще бы! лишь кинется в битву,
Час не пройдет — иль скорая смерть, или радость победы!»
Хвалит удел мужика законник, опытный в праве,
10 Слыша, как в двери к нему стучится чем свет доверитель.
Ну, а мужик, для суда оставить село принужденный,
В город шагая, одних горожан за счастливцев считает!
Этих примеров не счесть: толкуя о них, утомится
Даже и Фабий-болтун! Итак, чтоб тебе не наскучить,
Слушай, к чему я веду. Представь-ка, что бог им предложит:
«Вот я! исполню сейчас все, чего вы желали!

Ты, воин,
Будешь купцом; ты, ученый делец, земледельцем! Ступайте,
Те сюда, а эти туда, поменявшись ролями!»
Нет, смотри: не хотят! А ведь счастье у них под рукою.
20 После этого как не надуть и Юпитеру губы,
Как не воскликнуть ему во гневе своем справедливом,
Что никогда с этих пор к людским он не склонится просьбам?
Впрочем, начал я речь не затем, чтоб потешиться шуткой!
Правда, порою не грех и с улыбкою истину молвить:
Так ведь и школьный учитель, привлеч желая питомцев,
Пряники детям дает, чтобы азбуке лучше учились;
Но — мы в сторону шутку; поищем чего поважнее.

Тот, кто ворочает землю упорной сохою, и этот
Лживый шинкарь, и солдат, и моряк, проплывающий смело
30 Бездны сердитых морей, — все одним утешаются в мыслях:
Тем, что за все злоключенья, какие они испытали,
Будет наградой им полный амбар и спокойная старость.
«Так, — для примера они говорят, — муравей работающий
Даром что мал, а что сможет, ухватит и к куче прибавит:
Думает тоже о будущем он и беды бережется.
Да! но лишь год, наступающий вновь, Водолей опечалит,
Он из норы ни на шаг, наслаждаясь разумно запасом,
Собранным прежде; а ты? А тебя ведь ни знойное лето,
Ни зима, ни огонь, ни моря, ни железо не могут
40 От барышей оторвать: лишь бы не был другой кто богаче!

Что же в том пользы тебе, что украдкой от всех зарываешь
В землю ты серебра или злата тяжелые груды?..
«Стоит почать, — говоришь ты, — дойдешь до последнего асса».
Ну, а ежели их не почать, что за польза от кучи?
Пусть у тебя на гумне хоть сто тысяч мешков намолотят;

Твой желудок не больше вместит моего!

Ведь когда бы

Ты в караване рабов тащил плетенку с хлебами,
Все же в прокорм получил бы не больше любого другого:
Что же за нѹжда тому, кто живет в пределах природы,

50 Сто ли вспахал десятин он иль тысячу? —

«Так! да приятней

Брать из кучи большой!» — Поверь, все равно, что из малой,
Лишь бы я мог и из малой взять столько же, сколько мне нужно!
Что ж ты огромные житницы хвалишь свои?

Чем их хуже

Хлебные наши мешки?.. А если б тебе довелась

Нужда в одном лишь кувшине воды, ты разве сказал бы:

«Лучше в большой я реке зачерпну, чем в источнике этом!»

Вот оттого и людей, которые жадны не в меру,

С берегом вместе бурливый Авфид унесет и потопит!

60 Кто же доволен лишь тем немногим, что нужно, ни в тине
Мутной воды не черпнет, ни жизни в волнах не погубит!

Очень много людей твердят, опьянясь корыстью:

«Мало нам, мало всего! ведь нас по богатству лишь ценят!»

С этими что толковать! Пускай их мучатся вволю!

Был же в Афинах один скупец, богатый и гнусный —

Он презирал людскую молву, говоря о гражданах:

«Пусть их освищут меня, говорит, но зато я в ладоши

Хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой любуюсь!»

Так вот и Тантал сидел в воде, а вода убегала

Дальше и дальше от уст... Чему ты смеешься?

Лишь имя

70 Стоит тебе изменить, — не твоя ли история это?..

Так ведь и ты над деньгами проводишь бессонные ночи,

Их осужденный беречь как святыню; любишься ими,

Точно картиной какой! А знаешь ли деньгам ты цену?

Знаешь ли, деньги на что? Чтоб купить овощей, или хлеба,

Или бутылку вина, без чего обойтись невозможно.

Или приятно тебе, полумертвому в страхе, беречь их

Денно и ночью, боясь и воров, и пожара, и даже

Собственных в доме рабов, чтоб они, обокрав, не бежали!

Нет! Пусть лучше меня минует такое богатство!

80 Если когда лихорадки озноб ты почувствуешь в теле

Или другая болезнь к постели тебя приневолит,

Будет ли кто за тобою ходить и готовить припарки
Или врача умолять, чтобы спас от болезни и снова
Детям, родным возвратил? Ни супруга, ни сын не желают!
Ну, а соседи твои и знакомые, слуги, служанки?
Все ненавидят тебя! Ты дивишься? Чему же? Ты деньги
В мире всему предпочел,— за что же любить тебя людям?
Если ты хочешь родных, без труда твоего и заботы
Данных природой тебе, и друзей удержать за собою,—
90 Тщетны надежды твои: с таким же успехом осленка
Мог бы ты приучать к ристанью на Марсовом поле!
Полно копить! Ты довольно богат; не страшна уже бедность!
Время тебе отдохнуть от забот; что желал, ты имеешь!
Вспомни Умидия горький пример; то недлинная повесть.
Так он богат был, что деньги считал уже хлебною мерой;
Так он был скуп, что грязнее любого раба одевался,
И — до последнего дня — разоренья и смерти голодной
Все он боялся! Но вот нашлась на него Тиндариды:
Девка, которую сам отпустил он из рабства на волю,
100 В руки топор ухватила, пополам богача разрубила!
«Что ж ты советуешь мне? чтоб я жил как какой-нибудь Невий
Или же как Номентан?» — Ошибаешься! Что за сравнение
Крайностей, вовсе не сходных ни в чем! Запрещаю быть скрягой,
Вовсе не требую я, чтоб безумный ты был расточитель!
Меж Танаиса и тестя Визельева есть середина!
Мера должна быть во всем, и всему есть такие пределы,
Дальше и ближе которых не может добра быть на свете!
Я возвращаюсь к тому же, чем начал; подобно скупому,
Редкий доволен судьбой, считая счастливым другого!
110 Если чужая коза нагуляет полней себе вымя,
То уж и тут человек от зависти сохнет и чахнет.
Все он глядит не на тех, кто бедней, а на тех, кто богаче,
Хочет сравняться с одним, с другим, а с третьим не может!
Так, когда на бегах колесницы летят из ограды,
Только вперед возницы глядят, за передними рвутся,
А до отставших, до тех, что в хвосте, им нет уже дела.
Вот оттого-то мы редко найдем, кто сказал бы, что прожил
Счастливу жизнь, и, окончив свой путь, выходил бы из жизни,
Точно как гость благодарный, насытясь, выходит из пира.
120 Но уж довольно: пора замолчать, чтобы ты не подумал,
Будто таблички украл у подслепого я у Криспина!

САТИРА ВТОРАЯ

Флейтщицы, нищие, мимы, шуты, лекаря площадные,
Весь подобный им люд огорчен и в великом смущенье:
Умер Тигеллий певец: он для них был и щедр и приветлив!

Так; а иной, опасаясь прослыть расточителем, даже
Бедному другу не хочет подать и ничтожную помощь,
Чтобы укрылся от холода он, утолил бы свой голод!
Спросишь: зачем он добро, нажитое отцом или дедом,
Все без остатка спускает в свою ненасытную глотку
И на заемные деньги скупает к столу разносолы?..

- 10 Скажет: не хочет он слыть мелочным и расчетливым скрягой!
Что ж, ответ как ответ; да не всякий с таким согласится.
Вот Фуфидий скорей прослыть испугается мотом:
Он, у кого за душой и поместий и денег немало,
Пять процентов на месяц берет с должников, и чем больше
Кто нуждою стеснен, тех более он притесняет!
Больше всего он ловит людей молодых, у которых
Строги отцы, и надевших недавно вирильную тогу.
Как не воскликнуть, услышавши это: «Великий Юпитер!»
Скажут: «Конечно, зато по доходам его и расходы!»
20 Нет! не поверишь никак! он сам себе недруг! Не меньше,
Чем у Теренция сына изгнавший отец был страдальцем,
Так же и он — сам терзает себя, не давая покоя!

- Спросишь, к чему эту речь я веду? К тому, что безумный,
Бросив один недостаток, всегда попадает в противный!
Так, у Мальтина туника отвсюду висит и тащится;
Ну, а другой до пупа поднимает ее, шеголяя.
Пахнет духами Руфилл — и козлом воняет Гаргоний.
Нет середины! Один на тех лишь зарится женщин,
Столы которых обшиты оборкой, до пят доходящей;
30 А для других хороши лишь девки в вонючих каморках.
Встретив знакомого раз, от девок идущего, «Славно!» —
Мудрый воскликнул Катон, изрекая великое слово:
«В самом деле: когда от похоти вздуются жилы,
Юношам лучше всего спускаться сюда и не трогать
Женщин замужних». — Ну, нет! «Такой я хвалы не хотел бы!» —
Молвит под белой лишь столой ценящий красу Купиэнний.

Вот и послушайте вы, коль успеха в делах не хотите
Бабникам, — сколько страдать приходится им повсеместно,

Как наслаждение им отравляют заботы и беды,
40 Как достается оно ценою опасностей тяжких.
С крыши тот сбросился вниз головою, другого кнутами
Насмерть засекали; а тот, убегая, разбойников шайке
В руки попал; а другой поплатился деньгами за похоть;
Третий мочою облит; был раз и такой даже случай,
Что, волокиту схватив, совершенно его оскопили
Острым ножом. «Поделом!» — говорили все, Гальба же спорил.

В низшем сословии этот товар куда безопасней!
Вольноотпущенниц я разумею, которых Саллюстий
Любит безумно, как истый блудник. Но было бы лучше,
60 Если бы он понимал, как жить с умом и по средствам,
Если бы он, подарки даря, знал должную меру,
Добрый и щедрый бы слыл, однако себе не в убыток
И не на срам. Но увы! Одной лишь он тешится мыслью,
Любит и хвалит одно: «Ни одной не касаюсь матроны».
Так же недавно Марсей, любовник Оригины славной,
Отчую землю и дом танцовщице отдал в подарок,
Хвастая: «Я ведь зато ничьей не коснулся супруги».
Пусть: однако он жил и с плясуньей, и с уличной девкой —
Чем не убыток для средств, а пуще — для чести? Неужто
60 Надо отдельных особ избегать, не заботясь избежать
Зла, приносящего вред? Утратить ли доброе имя
Иль состоянье отца промотать — одинаково дурно.
Ну, так не все ли равно, с матроной грешить иль с блудницей?

Виллий решил приبلудиться в зятя диктатору Сулле —
Но за тщеславье свое поплатился он полным мерой:
Был кулаками избит, был ранен жестоким железом,
Вытолкан был за порог, — а Фавста спала с Лонгареном.
Если бы, эту печаль его видя, к нему обратился
Дух его с речью такой: «Чего тебе? Разве когда ты
70 Пылом объят, то тебе непременно любовницу надо,
В столу одетую, дать от великого консула родом?»
Что он сказал бы? «Ну да: девчонку из знатного дома!»

Лучше стократ нас учит природа, вот с этим воюя,
Средств избытком сильна, если только ты хочешь разумно
Жизнь устроить, различая, чего домогаться ты должен
Или чего избегать: ведь разница есть — пострадаешь
Ты по своей ли вине иль случайно. Поэтому, чтобы
После не каяться, брось за матронами гнаться: ведь так лишь

- Горе скорее испытать, чем сорвать удовольствие можно.
- 80 Право, у женщины той, что блесит в жемчугах и смарагдах
(Как ни любуйся, Керинф!), не бывают ведь бедра нежнее,
Ноги стройней; напротив, порой у блудниц они лучше!
Кроме того, свой товар выставляют блудницы честнее,
Кажут себя без прикрас, открыто: совсем не кичатся
Тем, что красиво у них, и плохого они не скрывают.
Есть у богатых обычаи коней покупать лишь прикрытых,
Чтобы осанистый круп не мешал увидеть, какие
Жидкие ноги под ним, и не дался в обман покупатель:
Зад, мол, хорош, голова невеликая, шея крутая.
- 90 Правы они — так и ты не будь, на красивое глядя,
Зорче Линкея; равно не слепее известной Гипсен
Ты на уродства взирай: «О ручки, о ножки!..» Но с задом
Тошим, носастая, с тальей короткой, с большою ступнею...
Кроме лица, ничего у матроны никак не увидишь:
Ежели это не Катия — все у нее под одеждой!
Если к запретному ты, к окруженному валом стремишься
(Это тебя ведь ярит), повстречаешь препятствий немало:
Стража, носильщики вокруг, раздувальщик огня, приживалки;
Спущена стола до пят, и накинута мантия сверху —
- 100 Много всего мешает тебе добраться до сути!
Здесь же все на виду: можешь видеть сквозь косские ткани
Словно нагую; не тоще ль бедро, не кривые ли ноги;
Глазом измеришь весь стан. Или ты предпочтешь, чтоб засады
Строили против тебя и плату вперед вырывали
Раньше, чем видел товар ты? Охотник бегущего зайца
С песнею гонит в снегу, а лежащего трогать не хочет.
«Вот такова и любовь, — поет он, — она пробегает
Мимо того, что лежит под рукой, а бегущее ловит».
- 110 Этой песенкой ты надеешься, что ли, из сердца
Страсти, волненья, печаль и заботы тяжелые вырвать?
Иль не полезней узнать, какие пределы природа
Всяческим ставит страстям? в чем легко, в чем страдая лишенья
Терпит она? отличать от того, что существенно, призрак?
Разве, коль жажда тебе жжет глотку, ты лишь к золотому
Тянешься кубку? Голодный, всего, кроме ромба, павлина,
Будешь гнушаться? Когда же ты весь разгорелся и если
Есть под рукою рабыня иль отрок, на коих тотчас же
Можешь напасть, ужель предпочтешь ты от похоти лопнуть?

Я не таков: я люблю, что недорого лишь и доступно.
120 Ту, что «поздней» говорит, «маловато», «коль муж уберется»,—
К евнухам шлет Филодем, для себя же он лучше желает
Ту, что по зову идет за малую плату, не медля;
Лишь бы цветуща, стройна, изящна была, не стараясь
Выше казаться, белей, чем природа ее одарила.
Если прижмется ко мне и крепко обнимет руками,—
Будет она для меня милей всех Эгерий и Илий.
Буду ласкать, не боясь, что муж из деревни вернется,
Что затрещит под ударами дверь, залают собаки,
Криком наполнится дом, любовница вскочит с постели
130 И завизжит рабыня-послоница: «Горе мне, бедной!» —
За ноги эта страшась, за приданое — та, за себя — я.
Без подпояски бежать и босыми ногами придется,
Чтоб не платиться спиной, деньгами, а то и бесчестьем.
Горе — попасть в такую беду: согласится и Фабий.

САТИРА ТРЕТЬЯ

Общий порок у певцов, что в приятельской доброй беседе,
Сколько ни просят их петь, ни за что не поют; а не просят —
Пению нет и конца! Таков был сардинец Тигеллий.
Цезарь, который бы мог и принудить, если бы даже
Стал и просить, заклиная и дружбой отца и своею,—
Все нипочем бы! А сам распоеется — с яиц и до яблок
Только и слышишь: «О Вакх!» — то высоким напевом, то низким,
Басом густым, подобным четвертой струне тетрахорда.
Не был он ровен ни в чем. Иногда он так скоро, бывало,
10 Ходит, как будто бежит от врага; иногда выступает
Важно, как будто несет он священную утварь Юноны.
То вдруг двести рабов у него; то не больше десятка.
То о царях говорит и тетрархах высокие речи;
То вдруг скажет: «Довольно с меня, был бы стол, хоть треногий,
Соли простая солонка, от холода грубая тога!»
Дай ты ему миллион, как будто довольному малым,—
И в пять дней в кошельке ничего! Ночь гуляет до утра;
Целый день прохрапит! Не согласен ни в чем сам с собою!
Может быть, кто мне заметит: «А сам ты? ужель без пороков?»
20 Нет! есть они и во мне, но другие и, может быть, меньше.

Новия Мений бранил за глаза и вышучивал дерзко;
Кто-то сказал: «А сам ты каков? Уж нам-то известно,
Что ты за птица!» А Мений в ответ: «О! себе я прощаю!»
Это пристрастие к себе самому и постыдно и глупо.
Ежели сам на свои недостатки глядишь ты сквозь пальцы,
То почему же в друзьях ты их любишь высматривать зорко.
Словно орел или змей эпидаврский? А что, коль на это
Сами друзья на тебя такими же взглянут глазами?

- Вот человек: он строптив, не по нашему тонкому вкусу
- 30 Можно смеяться над ним за его деревенскую стрижку,
За неумелые складки одежд, за башмак не по мерке;
Но он и честен и добр, и нет лучше его человека!
Но неизменный он друг; но под этой наружностью грубой
Гений высокий сокрыт и прекрасные качества духа!
А испытай-ка себя: не посеяла ль мать-природа
Или дурная привычка в тебе недостатка какого?
В брошенном поле бурьян вырастает, что выжечь придется!
- Страстью любви ослепленный не видит ничуть недостатков
В милой подруге; ведь даже ему и ее безобразье
- 40 Нравится: так любовался Бальбин и наростом у Агны!
Если б и в дружбе мы так заблуждались, сама добродетель,
Верно, почтила б тогда заблуждение подобное наше.
В друге его недостатки должны мы сносить терпеливо,
Так же как в сыне отец снисходительно многое терпит.
Если сын кос, говорит: «У него разбегаются глазки!»
Если он мал, как уродец Сизиф, называет цыпленком.
Ежели сын кривоног, о нем говорят: «косолапит»,
Ежели пятки толсты, — «смотри, как шагает он важно».
Так ты суди и о друге, и, ежели скупно живет он, —
- 60 Ты говори, что твой друг бережлив; коли хвастает глупо —
Ты утверждай, что друзьям он понравиться шутками хочет;
О грубияне развязном скажи: «он прям и отважен».
О сумасшедшем — «он пылок не в меру». От этого дружба
Крепче бывает меж нас, и согласие людей соединяет!

- Мы же, напротив, готовы чернить добродетель; наводим
Грязь на чистейший сосуд; того, кто скромн и честен,
Мы называем тотчас чудачком, отставшим от века;
Тот, кто не любит спешить, для нас — ленивый тупица;
Ну, а ежели кто любой западни избегает,
- 60 Если, живя меж людей и завистных, и злобных, и хитрых,

Злому не выдаст себя безоружной своей стороною,
Мы говорим: он лукав, а не скажем, что он осторожен.
Если кто прост в обращение, — как я, Меценат, пред тобою
Часто бывал, — чуть приходом своим иль своим разговором
В чтенье он нас развлечет, в размышлении нам помешает, —
Тотчас готовы его обозвать назойливым дурнем.

Как легкомысленны мы в неправых таких приговорах!
Кто без пороков родится? Тот лучше других, в ком их меньше.

Но снисходительный друг, как и должно, — мои недостатки
70 С добрыми свойствами, верно, сравнит; и склонится к добрым,
Если их больше и если он сам дорожит моей дружбой —
Ибо тогда ведь и я на тех же весах его взвешу.

Если ты хочешь, чтоб друг у тебя не заметил нарыва,
Не замечай у него и прыщика. Кто снисхожденья
Хочет к себе самому, тот умей снисходить и к другому!

В самом деле: уж ежели гнев и иные пороки

Мы, глупцы, не умеем из душ истребить совершенно,
Что же рассудок с своими и мерой и весом? Зачем же
Он не положит за все соразмерного злу наказания?..

80 Если б кто распял раба, со стола относившего блюда,
Лишь за проступок пустой, что кусок обглоданной рыбы
Или простывшей подливки он, бедный, дорогой отведал, —
Ты бы сказал, что безумнее он Лабеола. А сам ты
Сколько безумнее, сколько виновнее! Друг пред тобою
В самой безделке пустой провинился — а ты не прощаешь,
Словно злопамятным хочешь прослыть; а ты, ненавидя,
Все убегаешь его, как должник убегает Рузона,
К дню платежа не успевший собрать ни процентов, ни суммы
И обреченный, как пленник, внимать его нудным рассказам!

90 Друг мой столовое ложе мое замарал; или чашу
Древней работы свалил со стола; или с блюда цыпленка
Взял, несмотря, что он был предо мной; и за это на друга
Я осержусь? Да что ж я бы сделал, когда б обокрал он,
Тайну бы выдал мою или мне не сдержал обещанья?..

Те, для кого все проступки равны, все равно не сумеют
В жизни так рассуждать: против них и рассудок и опыт,
Против них, наконец, и мать справедливости — польза!

В те времена, когда из земли поползло все живое,
100 Между собою за все дрались бессловесные твари —
То за нору, то за горсть желудей кулаками, ногтями,

Палками бились, а там и мечами (нужда научила!)
 Вплоть до того, как их чувства и выкрики стали словами,
 Вплоть до того, как они для вещей имена подыскивали.
 Тут уклонились они от войны; города укрепили;
 Против воров, злободеев, разбойников дали законы:
 Ибо и прежде Елены велись из-за похоти бабьей
 Стыдные войны не раз; но все, кто в скотском порыве
 Рвался страсть утолить, от сильной руки погибали
 110 Смертью бесславной — как бык погибает, убитый сильнейшим
 Против таких-то бесчинств и придумали люди законы —
 В том убедиться легко, листая всю летопись мира;
 Ибо ведь чувством нельзя отличить неправду от правды,
 Как отличаем приятное мы от того, что противно;
 Да и рассудком нельзя доказать, что и тот, кто капусту
 На огороде чужом поломал, и тот, кто похитил
 Утварь из храма богов, одинаково оба виновны!
 Нужно, чтоб мера была, чтоб была по проступку и кара,
 120 Чтоб не свирепствовал бог, где и легкой хватило бы розги.
 Впрочем, чтоб тросточкой ты наказал заслужившего больше,
 Этого я не боюсь! Ты всегда говоришь, что различья
 Нет меж большой и меж малой виной, меж разбоем и кражей;
 Будто ты все бы одной косою скосил без разбора,
 Если б тебя избрали царем. Но разве не царь ты?
 Ты ведь твердишь, что мудрец — уж тем самым богач, и сапожник,
 И красавец, и царь: так чего же желать, все имея?..
 «Нет, ты не понял меня,— говоришь ты,— Хрисипп, наш
 наставник,
 Так говорит, что мудрец хоть не шьет ни сапог, ни сандалий,
 Но сапожник и он». — Почему? — «Потому что и молча
 130 Гермоген — все отличный певец, а Алфен — все сапожник
 Ловкий, как был, хоть и бросил снаряд свой и лавочку запер!
 Так и мудрец. Он искусен во всем; он всем обладает,
 Следственно, он над всеми и царь». — Хорошо!
 отчего же
 Ты не властен мальчишек прогнать, как они всей толпою
 Бороду рвут у тебя и как ты надрываешься с крику?..
 Ты и мудрец, ты и царь, а без палки смирить их не можешь!
 Кончим! Пока за квадрант ты, царь, отправляешься в баню
 С свитой покуда незнатной, с одним полоумным Криспином,
 Я остаюсь с друзьями, которые — в чем по незнанию

140 Я погрешу — мне охотно простят; я тоже охотно
Их недостатки сношу. И хоть я гражданин неизвестный,
Но убежден, что счастливей царя проживу я на свете!

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

Аристофан и Кратин, Евполид и другие поэты,
Мужи, которые древней комедии славою были,
Всякого, кто заслужил посмеянья в стихах комедийных,
Вор ли, убийца ль, супружных ли прав оскорбитель бесчестный, —
Смело, свободно всегда на позор выставляли народу.
В этом последовал им и Луцилий, во всем им подобный,
Кроме того, что в стихе изменил он и стопы и ритмы.
Весел, тонок, остер, лишь в составе стиха был он жесток:
Вот в чем его был порок. Он считал за великое дело
10 Двести стихов произнести, на одной ноге простоявши.
Мутным потоком он тек, немало в нем было излишеств,
Лени, пустой болтовни, не любил он трудиться над слогом.
Много ль писал — умолчу! Но вот уж я вижу Криспина;
Он подзывает мизинцем меня: «Возьми-ка таблички,
Ежели хочешь; назначим свидетелей, время и место
Да и посмотрим, кто больше напишет!» — О нет! превосходно
Сделали боги, что дали мне ум и скудный и робкий!
Редко и мало ведь я говорю; но тебе не мешаю,
Если угодно тебе, подражать раздувальному меху
20 И напирать, пока от огня размягчится железо.
Пусть блаженствует Фанний, свой лик и свои сочиненья
Выставив всем напоказ; но мои-то стихи неизвестны,
Их не читает никто; а публично читать я боюсь,
Ибо немало на свете людей, порицанья достойных:
Все они — против сатир! Возьми из толпы наудачу —
Этого скупость томит, того честолюбие мучит.
Этому нравятся женщины; этому мальчишки милы;
Этого блеск серебра восхищает, а Альбия — бронза;
Этот меняет товары от стран восходящего солнца
30 Вплоть до земель, где оно закатными греет лучами:
Множа богатства, убытков страшась, он мчится сквозь бурю,
Мчится как пыльный столб, окруженный ударами вихря.
Люди такие боятся стихов, ненавидят поэта:

«Сено,— кричат,— на рогах у него! Берегись! Он пощады
Даже и другу не даст, коли вздумает сыпать насмешки!
Только б ему написать, а уж там все мальчишки, старухи,
Что из пекарни да с пруда идут, затвердят его сплетни!»
Пусть! Но примите, прошу, два слова в мое оправданье!

- Прежде всего: я совсем не из тех, кто заслуженно носит
- 40 Имя поэта: ведь стих заключить в известную меру —
Этого мало! Ты сам согласишься, что кто, нам подобно,
Пишет, как говорят, тот не может быть признан поэтом.
Этого имени честь прилична лишь гению, духу
Божеской силы, устам, великое миру гласящим.
Вот отчего и комедия многих вводила в сомнение,
И задавали вопрос, уж точно ль поэзия это?
Ибо ни силы в ней духа, ни речи высокой: отлична
Только известною мерой стиха от речей разговорных.
«Так! но и в ней — не гремит ли отец, пламенеющий гневом,
- 60 Ежели сын, без ума от развратницы, брак отвергает,
И от невесты с приданым бежит, и при факелах, пьяный,
Засветло бродит туда и сюда!» — Но разве Помпоний,
Если бы жив был отец, не те же бы слышал угрозы?
Стало быть, мало в размер уложить обыденные речи,
Если, размера лишась, они подошли бы любому
Гневному старцу не только на сцене, но даже и в жизни!
Если в писаньях моих и Луцилия ритм уничтожить
И переставить слова, поменяв последнее с первым
(То ли дело — стихи: «Когда железные грани
- 60 И затворы войны сокрушались жестоким раздором!») —
В нас ведь никто не найдет и разбросанных членов поэта!

- Но подождем разбирать, справедливо ль считать за поэмы
То, что пишу я теперь. Вот вопрос: справедливо ль считаешь
Ты, что опасны они для людей? Пусть Сульций и Каприй,
Оба охрипые, в жарком и сильном усердии оба,
Ходят с доносом в руках, негодяев к великому страху;
Но — кто честно живет, тому не страшны их наветы.
Ежели ты и похож на разбойника — Целия, Бирра,
Я-то не Каприй, не Сульций: чего же меня ты боишься?
- 70 В книжных лавках нет вовсе моих сочинений, не видно
И объявлений о них, прибитых к столбам; и над ними
Не потеет ни черни рука, ни рука Гермогена!
Я их читаю только друзьям; но и то с принуждением,

Но и то не везде, не при всех. А многие любят
Свитки свои оглашать и на форуме людном, и в бане,
Ибо под сводом купальни звончей раздается их голос.
Суетным людям приятно оно; а прилично ли время,
Нужды им нет, безрассудным.— «Но ты,— говорят мне,— ты
любишь

80 Всех оскорблять! От природы ты склонен к злоречью!»— Откуда
Это ты взял? Кто из живших со мной в том меня опорочит? —
«Тот, кто на друга возводит поклеп; кто слышит о друге
Злые слова и не хочет промолвить ни слова в защиту;
Тот, кто для славы забавника выдумать рад небылицу
Или для смеха готов расславить приятеля тайну:
Римлянин! вот кто опасен, кто черен! Его берегись!»
— Часто мы видим — три ложа столовых; на каждом четыре
Гостя; один, без разбора, на всех насмешками брызжет,
Кроме того, чья вода; а как выпьет, как только откроет
Либер сокрытое в сердце, тогда и тому достается.

90 Этот, однако же, кажется всем и любезным, и кротким,
И откровенным; а я, лишь за то, что сказал, как противно
«Пахнет духами Руфилл — и козлом воняет Гаргоний»,—
Я за это слышу у тебя и коварным и едким!
Если о краже Петиллия Капитолина кто скажет
Вскользь при тебе, то, по-своему, как ты его защищаешь?
«С детства он был мне товарищ; а после мы были друзьями;
Много ему я обязан за разные дружбы услуги;
Право, я рад, что он в Риме и цел-невредим; и, однако ж...
Как он умел ускользнуть от суда, признаюсь, удивляюсь!»
100 Вот где злословия черного яд; вот где ржавчины едкость!
Этот порок никогда не войдет в мои сочиненья,
В сердце ж — тем боле. Поскольку могу обещать,— обещаю!

Если же вольно, что сказано мною, и ежели слишком
Смело, быть может, я пошутил,— не сердись и одобри.
Это уроки отца: приучал он меня с малолетства
Склонностей злых убегать, замечая примеры пороков.
Если советовал мне он умеренно жить, бережливо,
Жить, довольствуясь тем, что он сам для меня уготовил,
Он говорил: «Посмотри, как худо Альбия сыну
110 Или как бедствует Бай! Вот пример, чтоб отцом нажитое
Детям беречь!» Отвращая меня от уличных девок,
Он мне твердил: «Ты не будь на Сцетана похож!» Убедая

Жен не касаться чужих: «Хороша ли Требонния слава? —
 Мне намекал он. — Ты помнишь — застали его и поймали!
 В чем причина того, что одно хорошо, а другое
 Плохо, — тебе объяснят мудрецы. Для меня же довольно,
 Если смогу я тебе передать обычаи дедов
 И без пятна сохранить твоё доброе имя, покуда
 20 Нужен наставник тебе. А когда поокрепнут с годами
 Тело твоё и душа, тогда уж и плавай без пробки!»
 Так он ребёнком меня поучал; и если что делать
 Он мне приказывал: «Вот образец, — говорил, —
 подражай же!»
 И называл отборных мужей из судейского чина.
 Если же что запрещал: «Ни пользы ведь в этом, ни чести!
 Ты не уверен? А ты припомни такого-то славу!»
 Как погребенье соседа пугает больного прожору,
 Как страх смерти его принуждает беречься, так точно
 Душу младую от зла удаляет бесславье другого.
 Так был я сохранен от губительных людям пороков.
 130 Меньшие есть и во мне; но, надеюсь, вы их мне простите!
 Может быть, годы меня от тех недостатков излечат,
 Может быть, искренний друг, а может быть, здравый рассудок:
 Ибо, ложусь ли в постель иль гуляю под портиком, всюду
 Я размышляю всегда о себе. «Вот это бы лучше, —
 Думаю я, — вот так поступая, я жил бы приятней,
 Да и приятнее был бы друзьям. Вот такой-то нечестно
 Так поступил; неужель, неразумный, я сделаю то же?»
 Так иногда сам с собой рассуждаю я молча; когда же
 140 Время свободное есть, я все это — тотчас на бумагу!
 Это — тоже один из моих недостатков; но если
 Ты мне его не простишь, то нагрянет толпа стихотворцев,
 Вступятся все за меня; а нас таки, право, немало!
 Как иудеи, тебя мы затащим в нашу ватагу!

САТИРА ПЯТАЯ

После того как оставил я стены великого Рима
 С ритором Гелиодором, ученейшим мужем из греков,
 В бедной гостинице вскоре Ариция нас приютила;
 Дальше был — Аппиев форум, весь корабельщиков полный,

Да и плутов корчмарей. Мы в два перехода покрыли
Этот путь; но кто не ленив, те и в день проезжают.
Мы не спешили; без спешки на этой дороге приятней.

Здесь, от несвежей и мутной воды повздорив с желудком,
Я поджидал с беспокойством, чтоб спутники кончили ужин.

10 Ночь между тем расстилала уж тень, рассыпала уж звезды.

Слуги с гребцами, гребцы со слугами стали браниться:
«Эй! причаливай здесь! У тебя человек уже триста!

Хватит!» Пока разочлись, пока мула впрягали в постромки,
Час уже целый прошел. Комары и лягушки в болоте

Спать не давали. Да лодочник пьяный с погонщиком нашим
Взапуски петь принялись про своих далеких подружек.

Вскоре один захрапел; а другой, зацепив за высокий
Камень свою бечеву, пустил мула попасться,

Сам же на спину лег и спокойно всхрапнул, растянувшись.

20 Уж начинало светать, когда мы хватились, что лодка

С места нейдет. Тут, выскочив, кто-то как бешеный начал
Бить по башкам, по бокам то мула, то хозяина палкой.

Еле доплыли в четвертом часу. Здесь лицо мы и руки
Чистой, Ферония, влагой твоею омыв и поевши,

Вновь протатились три мили и въехали в Анксур, который
Издали виден, красиво на белых утесах построен.

Здесь мы были должны поджидать Мецената с Кокцеем:

Оба отправлены были они с поручением важным;

Оба привыкли друзей примирять, соглашая их пользы.

30 Вот, пока мазал больные глаза я коллирием черным,

Прибыл меж тем Меценат; с ним Кокцей с Капитоном Фонтеем,

Мужем, лошеным под ногу; он был Антонию другом,

Как никто не бывал. Мы охотно оставили Фунды,

Где нас, как претор, встречал Ауфидий Косой. Посмеялись

Вдоволь мы все и над тогой его с широкой каймою,

И над курильницей, пуще всего, сумасшедшего скриба!

После, усталые, в городе мы отдохнули Мамурров;

Здесь нам Мурена свой дом предложил, Капитон — угощение.

Самый приятнейший день был за этим для нас в Синуэссе,

40 Ибо тут съехались с нами Вергилий, и Плотий, и Варий,

Чистые души, которым подобных земля не носила

И к которым сильнее меня никто не привязан!

Что за объятия были у нас и что за восторги!

Нет! Пока я в уме, ничего не сравню я с другом!

Близ Кампанийского моста потом приютила нас вилла,
Поставщики же нам соль и дрова прислали, как должно.
В Капуе наши мулы сложили пораннее ношу;
Начал играть Меценат, а я и Вергилий заснули:
Мяч — не для нас, не для слабых очей, не для слабых желудков.
50 А миновавши харчевни кавдийские, несколько выше
Мы поднялись, и нас принял Кокцей в прекраснейшей вилле.
Муза! поведай теперь о том, как в битву вступили
Мессий Кикирр и Сармент; и скажи нам о роде обоих!
Мессий свой род знаменитый от осков ведет; а Сармента
До сих пор хозяйка жива; вот они подвизались!
Начал Сармент: «Ты похож, мне сдается, на единорога!»
Мы засмеялись. А Мессий в ответ: «Соглашаюсь!»

И тут же
Стал головою трясти. Тот крикнул: «О, если бы рог твой
Вырезан не был, чего б ты ни сделал, когда и увечный
60 Так ты бодлив!» И подлинно, лоб у него волосатый
С левой лица стороны ужасный рубец безобразит.
Вдоволь Сармент подтрунив над кампанской болезнью Кикирра,
Начал его приглашать сплестись перед нами Циклопа —
Роль, для которой ему не нужны ни котурны, ни маска.
Шуткой на шутку Кикирр отвечал; он спросил, посвятил ли
В храм свои цепи Сармент, потому что хотя он и служит
Скрибом, но право над ним госпожи не уменьшилось этим!
Дальше, зачем он сбежал, когда он так мал и тщедушен,
70 Что ведь довольно и фунта муки для него пропитанья!
Так мы продлили свой ужин и весело кончили вечер.

Прямо оттуда поехали мы в Беневент, где хозяин,
Жаря нам чахлах дроздов, чуть и сам не сгорел от усердия,
Ибо бегучий огонь разлился по старенькой кухне
И порывался уже лизать потолок языками.
Все мы, голодные гости и слуги все наши, в испуге
Бросились блюда снимать и тушить принялись. — Отсюда
Видны уж горы Апулии, мне столь знакомые горы!
Сушит горячий их ветер. Никак бы на них мы не влезли,
Если бы отдых не взяли на ближней к Тривику вилле;
80 Но и то не без слез от дыма камина, в котором
Сучья сырые с зелеными листьями вместе горели.
Здесь я обманщицу девушку прождал, глупец, до полночи;
Сон наконец сморил и меня, распаленного страстью.

Навзничь я лег и заснул; но зуд сладострастных видений
Мне запятнал в эту ночь и постельную простынь, и брюхо.

Двадцать четыре потом мы проехали мили — в повозке,
Чтобы прибыть в городок, которого даже и имя
В стих невозможно вместить; но узнают его по приметам.
Здесь и за воду с нас деньги берут; но хлеб превосходен,
90 Так что заботливый путник в запас нагружает им плечи:
Ибо в Канузии хлеб — как камень, а речка безводна,
Даром, что был городок самим Диомедом основан.
Здесь мы расстались в слезах с опечаленным Варием нашим.

Вот мы приехали в Рубы, устав от пути чрезвычайно, —
Длинной дорога была и сильно размыта дождями.
День был наутро получше, зато дорога похуже
К рыбному Барю шла. А потом нас потешила вдоволь
Гнатия (город сей был раздраженными нимфами создан).
100 Здесь нас хотели уверить, что тут на священном пороге
Ладан горит без огня! Одному иудею Апелле
Впору поверить тому, а не мне: я уверен, что нету
Дела богам до людей и если порою природа
Чудное что производит, — не с неба они посылают!
Так в Брундизий окончился путь, и конец описанью.

САТИРА ШЕСТАЯ

Нет, Меценат, хоть никто из этрусков, лидийских потомков,
Знатностью рода с тобой потягаться веками не сможет.
Ибо предки твои, по отцу и по матери, были
Многие в древнее время вожди легионов великих, —
Нет! ты орлиный свой нос задирать перед теми не любишь,
Кто неизвестен, как я, сын раба, получившего волю!
Ты говоришь, что тебе все равно, от кого кто родился,
Лишь бы родился свободным; ты знаешь, ты истинно знаешь,
10 Что из ничтожества стал царь Туллий владыкою Рима,
Да и до Туллия много мужей из родов безывестных
Жили, храня добродетель, и были без знатности чтимы;
Знаешь и то, что Левин, потомок Валерия, коим
Гордый Тарквиний был свергнут с царского трона и изгнан,
Даже римским народом ценился не более асса,
Глупым народом, который, ты знаешь, всегда недостойным

Почести рад расточать, без различия рабствуя славе,
И без разбора дивясь и титлам и образам предков.
Ну, а ведь мы далеки и от этих его предрассудков.

- Пусть, однако, народ отдаст предпочтение Левину,
20 А не безродному Децию; пусть исключает из списков
Цензор Аппий меня за то, что рабом был отец мой
(И поделом: почему не сидится мне в собственной коже?),—
Все-таки слава влечет сияньем своей колесницы
Низкого рода людей, как и знатных. Что прибыли, Тиллий,
Что, сняв пурпур, опять ты надел и стал снова трибуном?
Только что нажил завистников ты, каких и не знал бы,
Если б остался простым гражданином, затем, что так скоро
Ты облачишься в сапожки да в тогу с широкой каймою,
Тотчас вопросы: «Кто он? от какого отца он родился?»
30 Словно как Барр, тот, который престранной болезнью болен,
Именно страстью красавцем прослыть,— куда ни пошел бы,
Как-то всегда он девицам умеет внушить подозренье,
Точно ли в нем хороши и лицо, и бедра, и ноги,
Зубы и волосы; так между нами и тот, кто охрану
Гражданам, Риму, державе, Италии, храмам священным
Наших богов обещал,— возбуждает заботу проводить,
Кто был отец у него и кто мать, не из низкого ль рода?..
«Как ты смеешь, сын Сира, раба, Дионисия, Дамы,
Граждан с Тарпейской скалы низвергать или Кадму для казни
40 Их предавать?»— «Но ведь Новий, товарищ мой, степенью целой
Ниже меня!»— «Это как же?»— «Что был мой отец, он такой же!»
— Что же, иль думаешь ты, что сам ты Мессала иль Павел?
Этот ведь Новий зато заглушить своим голосом может
Двести телег да хоть три погребенья: вот он и в почете.
Но обращаюсь на себя! Сын раба, получившего волю,
Всем я противен как сын раба, получившего волю:
Нынче — за то, что тебе, Меценат, я приятен и близок;
Прежде — за то, что трибуном я был во главе легиона.
В этом есть разница! Можно завидовать праву начальства,
50 Но недоступна для зависти дружба твоя, потому что
Только достойных берешь ты в друзья, чуждаясь искательств.
Нет! не случайность меня указала тебе, а Вергилий,
Муж превосходный, и Варий тебе обо мне рассказали.
В первый раз, как вошел я к тебе, я сказал два-три слова:
Робость безмолвная мне говорить пред тобою мешала.

Я не пустился в рассказ о себе, что высокого рода,
Что объезжаю свои поля на коне сатурейском;
60 Просто сказал я, кто я. Ты ответил мне тоже два слова,
Я и ушел. Ты меня через девять уж месяцев вспомнил;
Снова призвал и дружбой своей удостоил. Горжуся
Дружбою мужа, который достойных людей отличает
И не на знатность глядит, а на жизнь и на чистое сердце.

Если же я по природе моей от тяжелых пороков
Чист и дурного во мне лишь немного, подобно родимым
Пятнам на теле здоровом; и если ушел от упреха
В скупости, в подлости или же в низком, постыдном разврате;
Если я чист и невинен душой и друзьям драгоценен
70 (Вот как себя я хвалю!) — я отцу моему тем обязан.
Беден он был и владел не большим и не прибыльным полем,
К Флавию в школу, однако, меня не хотел посылать он,
В школу, куда сыновья благородные центурионов,
К левой подвесив руке пеналы и счетные доски,
Шли и в платежные дни восемь медяками звенели.
Нет, решился он мальчика в Рим отвезти, чтобы там он
Тем же учился наукам, которым сенатор и всадник
Каждый своих обучают детей. Средь толпы приметив
Платье мое и рабов провожатых, иной бы подумал,
80 Что расход на меня мне в наследство оставили предки.
Сам мой отец всегда был при мне неподкупнейшим стражем;
Сам, при учителе, тут же сидел. — Что скажу я? Во мне он
Спас непорочность души, залог добродетелей наших,
Спас от поступков дурных и от всех подозрений позорных.
Он не боялся упреха, что некогда буду я то же,
Что он и сам был: публичный глашатай иль сборщик; что буду
Малую плату за труд получать. Я и тут не роптал бы;
Ныне ж тем больше ему я хвалу воздаю благодарно.

Нет! Покуда я смысл сохраню, сожалеть я не буду,
90 Что у меня такой был отец; не скажу, как другие,
Что-де не я виноват, что от предков рожден несвободных.
Нет! ни в мыслях моих, ни в словах я не сходствую с ними!
Если б природа нам прежние годы, прожитые нами,
Вновь возвращала и новых родителей мы избирали,
Всякий бы выбрал других, честолюбия гордого в меру,
Я же никак не хотел бы родителей, коих отличие —
Ликторов связки и кресла курульные. Может быть, черни

Я б показался безумцем; но ты бы признал мой рассудок
 В том, что я не взвалил на себя непривычное бремя.
 100 Ибо тогда б мне пришлось, неустанно гонясь за наживой,
 Лыстать одному и другому, возить одного и другого
 Вместе с собою в деревню — не ездить же мне в одиночку! —
 Множество слуг и коней содержать на лугах травянистых,
 Чтобы в колясках своих разъезжать. А нынче могу я
 Даже и в самый Тарент отправляться на муле кургузом,
 Не упрекнут меня в скупости: я ведь не претор, не Тиллий,
 Едущий вскачь по Тибурской дороге, и пятеро следом
 Юных рабов — у иного кувшин, у иного урыльник.
 110 Впрямь, мне спокойнее жить, чем тебе, знаменитый сенатор!
 Да и спокойней, чем многим другим. Куда пожелаю,
 Я отправляюсь один, справляюсь о ценности хлеба
 Да о цене овощей, плутовским пробираюсь я цирком;
 Под вечер часто на форум — гадалелей слушать; оттуда
 Я домой к пирогу, к овощам. Нероскошный мой ужин
 Трое рабов подают. На мраморе белом два кубка
 С ковшиком винным стоят, простая солонка, и чаша,
 И узкогорлый кувшин — простой, кампанийской работы.
 Спать я иду, не заботясь о том, что мне надобно завтра
 120 Рано вставать и — на площадь, где Марсий кривляется бедный
 В знак, что он младшего Новия даже и видеть не может.
 Сплю до четвертого часа; потом, погулявши, читаю
 Или пишу втихомолку я то, что меня занимает;
 После я маслом натрусь, — не таким, как запачканный Натта,
 Краденным им из ночных фонарей. Уставши от зноя,
 Брошу я мяч и с Марсова поля отправлюся в баню.
 Ем, но не жадно, чтоб легким весь день сохранить мой желудок.
 Дома потом отдохну. Жизнь подобную только проводят
 Люди, свободные вовсе от уз честолюбия тяжких.
 130 Я утешаюсь тем, что приятней живу, чем когда бы
 Квестором был мой отец, или дедушка, или же дядя.

САТИРА СЕДЬМАЯ

Всякий цирюльник и всякий подслепый, я думаю, знает,
 Как полуримлянин Персий, с проскриптом Рупилием в ссоре
 (Прозванным Царь), отплатил за его ядовитость и гнусность.

Персий богач был, имел он большие дела в Клазоменах;
С этим Рупильем-Царем вступил он в жестокую тяжбу.
Был он крутой человек, ненавидимый всеми не меньше,
Чем и соперник его; надменен и горд, в оскорблениях
Он на белых конях обгонял и Сизенну и Барра.
Я возвращаюсь к Рупилию снова.

Никак невозможно

- ¹⁰ Было врагов примирить, затем что сутяги имеют
То же право стоять за себя, как и храбрые в битве!
Так и меж Гектором, сыном Приама, и храбрым Ахиллом
Гнев был настолько велик, что лишь смерть развела ратоборцев,
Ибо в обоих бойцах высокое мужество было!
Если ж вражда между слабых идет иль война меж неравных,
Так, как случилось между Диомедом и Главком-ликийцем,
То трусливый назад — и подарки еще предлагает!

- Персий с Рупилием в битву вступили пред претором Брутом:
Азней правил богатою он. Сам Биф и сам Бакхий
²⁰ Менее были б равны, чем они, на побоище этом.
Оба воинственным пылом кипят — залюбуешься, глядя!

- Персий свой иск изложил и всеми был дружно осмеян.
Претора Брута сперва расхвалил он и спутников Брута:
Солнцем всей Азии Брута назвав, он к звездам благотворным
Свиту его приобщил; одного лишь Рупилия назвал
Псом — созвездием злым, ненавистным для всех земледельцев.
Несся он шумно, как зимний поток нерубленным лесом.
А пренестинец в ответ на его ядовитые речи
Начал браниться, да так, как бранится мужик-виноградарь,
³⁰ Сидя верхом на суку и услышав, как праздный прохожий
Крикнет ему: «Кукушка, кукушка!» — и бросится в бегство.

Вот грек Персий, латинского укуса вдоволь отведав,
Вдруг закричал: «Умоляю богами, о Брут благородный!
Ты ведь с царями справляться привык: для чего же ты медлишь
Этому шею свернуть? Вот твое настоящее дело!»

САТИРА ВОСЬМАЯ

Некогда был я чурбан, смоковницы пень бесполезный;
Долго думал мужик, скамью ли тесать иль Приапа.
«Сделаю бога!» — сказал. Вот и бог я! С тех пор я пугаю

Птиц и воров. Отгоняю воров я правой рукою
И непристойным колом, покрашенным красною краской.
А тростник на моей голове птиц прожорливых гонит,
Их не пуская садиться в саду молодом на деревья.

Прежде здесь трупы рабов погребались, которые раб же
В бедном гробу привозил за гроши из тесных каморок.
10 Кладбище здесь находилось для всякого нищего люда:
Для Пантолаба-шута и для мота мотов — Номентана.
С надписью столб назначал по дороге им тысячу футов,
По полю триста, чтоб кто не вступился в наследие мертвых.
Ну, а теперь Эсквилин заселен; тут воздух здоровый.
Ныне по насыпи можно гулять, где еще столь недавно
Белые кости везде попадались печальному взору.

Но ни воры, ни звери, которые роют тут норы,
Столько забот и хлопот мне не стоят, как эти колдуньи,
Ядом и злым волхвованьем мутящие ум человеков.
20 Я не могу их никак отучить, чтоб они не ходили
Вредные травы и кости собирать, как только покажет
Лик свой прекрасный луна, по ночным небесам проплывая.

Видел я сам и Канидию в черном подобранном платье,—
Здесь босиком, растрепав волосы, с Саганою старшей
Шли, завывая, они; и от бледности та и другая
Были ужасны на вид. Сначала обе ногтями
Землю копали; потом зубами терзали на части
Черную ярку, чтоб кровь наполнила яму, чтоб тени
Вышли умерших — на страшные их отвечать заклинанья.
30 Был у них образ какой-то из шерсти, другой же из воску.
Первый, побольше, как будто грозил восковому; а этот
Робко стоял перед ним, как раб, ожидающий смерти!
Тут Гекату одна вызывать принялась; Тизифону
Кликать — другая. Вокруг, казалось, ползли и бродили
Змеи и адские псы; а луна, от стыда покрасневши,
Скрылась, чтоб дел их срамных не видеть, за высокой
гробницей.

Ежели в чем я солгал, пусть калом меня замарают
Вороны; явятся пусть, чтоб меня обмочить и обгадить,
Юлий, как щепка сухой, Педиатия с вором Вораном.
40 Но для чего пересказывать все? Рассказать ли, как тени
Попеременно с Саганой пронзительным голосом выли,
Как зарывали они волчью бороду с зубом ехидны

В черную землю тайком, как сильный огонь восковое
Изображение жег и как, наконец, содрогнувшись,
Я отомстил двум мегерам за все, что я видел и слышал:
Треснул я, сзади рассеившийся пень, с оглушительным звуком,
Точно как лопнул пузырь. Тут колдуньи как пустятся в город!
То-то вам было б смешно посмотреть, как рассыпались в бегстве
Зубы Канидии тут, как свалился парик у Саганы,
50 Травы и даже запястья волшебные с рук у обеих!

САТИРА ДЕВЯТАЯ

Шел я случайно Священной дорогою — в мыслях о чем-то,
Так, по привычке моей, о безделке задумавшись. Некто
Вдруг повстречался со мной, мне по имени только известный.
За руку взял он меня: «Ну, как поживаешь, любезный?»
«Так, ничего,— говорю,— и тебе желаю того же».
Он не отходит. «Не нужно ль чего?» — говорю с нетерпением.
Он начинает: «Ты знаешь меня, человек я ученый...» —
«Что ж,— говорю я,— тем лучше!» — а сам норовлю:
ускользнуть бы.
То побыстрее пойду, то встану, то на ухо что-то
10 Стану слуге говорить,— а пот с меня катится градом
От головы до подошв. «Ах, был бы я желчным Боланом —
То-то б отбрил молодца!» — про себя я подумал.
А спутник
Улицы, город хвалить принялся. Но, не слыша ни слова,
«Верно, ты хочешь,— сказал,— ускользнуть от меня:
я уж вижу!
Только тебе не уйти: не пущу и пойду за тобою!
А куда ты идешь?» — «Далеко! Не трудись понапрасну!
Друга хочу навестить: ты даже его и не знаешь,—
Нынче больной он лежит за Тибром, под Цезарским садом». —
«Я не ленив и не занят сейчас — прогуляюсь с тобою!»
20 Точно упрямый осленок, навьюченный лишнее ношей,
Голову я опустил; а спутник опять начинает:
«Если я знаю себя, то ты меня сделаешь другом
Большим, чем Виск или Варий. Подумай-ка: кто сочиняет
Столько стихов и так скоро, как я? Кто в пляске так ловок?
В пенье же сам Гермоген, хоть он лопни, со мной не сравнится!»

Чтобы прервать разговор, спросил я: «А мать и родные
Есть у тебя, чтоб успехом твоим от души любоваться?» —
«Всех схоронил! Никого!» — Вот прямо счастливы! — подумал
Я про себя, — а вот я еще жив! Добывай же! Недаром,
30 Жребий в урне встряхнув, предрекла мне старуха сабинка:
«Этот ребенок, — сказала она, — не умрет ни от яда,
Ни от стали врага, ни от боли в боку, ни от кашля,
Ни от подагры: болтун его сгубит, болтун изничтожит —
Пусть же, коль жизнь дорога, он всегда болтунов бережется!»

Вот уж до храма мы Весты дошли, уж близился полдень.
Спутник мой должен был быть на суде, а невякою — дело
Было б проиграно. «Если ты любишь меня, — он сказал мне, —
Помоги мне: побудь там немножко со мною!» — «Куда уж!
Времени нет у меня; да я и законов не знаю!»
40 «Что же мне делать?» — он молвил в раздумье. — Тебя ли оставить
Или уж тяжбу мою?» — «Конечно меня! Что тут думать!» —
«Нет, не оставляю!» — сказал и снова пошел он со мною.
С сильным бороться нельзя: я — за ним. «А как поживает
И хорош ли к тебе Меценат? Он ведь друг не со всяким!
Он здравомыслящ, умен и с Фортуною ладить умеет.
Вот кабы ты представил ему одного человека —
Славный бы в доме его у тебя появился помощник!
Разом оттер бы ты всех остальных!» — «Кому это нужно?
Вовсе не так мы живем, как, наверное, ты полагаешь:
50 Дом Мецената таков, что никто там другим не помехой.
Будь кто богаче меня иль учнее — каждому место!» —
«Чудно и трудно поверить!» — «Однако же так!» —

«Тем сильнее
Ты охоту во мне возбудил к Меценату быть ближе!» —
«Стоит тебе захотеть! Меценат лишь сначала неласков;
Ты же с искусством твоим все преграды легко одолеешь
И победишь!» — «Хорошо! покажу я, на что я способен!
Хоть рабов у него подкуплю, а уж я не отстану!
Выгонят нынче — в другой раз приду; где-нибудь перекрестком
Встречу его и пойду провожать. Что же делать! Нам, смертным,
60 Жизнь ничего не дает без труда: уж такая нам доля!»

Так он болтал. Вдруг вижу я друга — Аристия Фуска.
Был он знаком и с моим болтуном. Пошли разговоры:
«Как? Откуда? Куда?» Стоим; я жму ему руки,
Дергаю, знаки даю, головою киваю, глазами

Так и вращаю, чтоб спас он меня. А лукавец смеется
И не желает понять. Тут вся желчь во мне закипела!
«Ты, Аристий, хотел мне что-то сказать по секрету?» —
«Помню, — сказал он, — но лучше найдем поудобнее время:
У иудеев тридцатая нынче суббота и праздник;
70 Что за дела в подобные дни?» — «Я чужд предрассудков!» —
Так говорю я; а он: «Да я-то не чужд, к сожаленью!
Я человек ведь простой, что делать! уж лучше отложим!»
Черный же день для меня! Он ушел, и остался я снова
Нем под ножом палача. Но, по счастью, истец нам навстречу.
«Где ты, бесчестный?» — вскричал он. Потом он ко мне обратился
С просьбой: свидетелем быть. Я скорей протянул уже ухо!
В суд повели молодца; вслед за ними и справа и слева
С криком народ повалил. Так избавлен я был Аполлоном!

САТИРА ДЕСЯТАЯ

〈Сколько, Луцилий, в тебе недостатков, — готов доказать я,
Даже Катона в свидетели взяв, — ведь Катон, твой поклонник,
Сам принужден у тебя исправлять неудачные строки.
Тонко работает он — понятно, что вкус его лучше,
Чем у иного, в которого смолоду палкой и плеткой
Вбили готовность прийти во всем всеоружье науки,
Чтобы почет поддержать писателей древних, на коих
Мы, молодые, глядим свысока.

Итак, повторяю:)

Да, я, конечно, сказал, что стихи у Луцилия грубы,
Что без порядка бегут они. Кто же, бессмысленный, будет
В этом его защищать? Однако на той же странице
Я же его и хвалил: за едкую соль его шуток.
Эта заслуга — за ним, но другие признать не могу я —
Если бы так, мне пришлось бы хвалить и Лаберия-мима!
Это неплохо — суметь у читателя рот разулыбить,
Но, чтобы слыть настоящим писателем, этого мало.
10 Краткость нужна, чтобы речь стремилась легко и свободно,
Чтобы в словах не путалась мысль и ушей не терзала,
Нужно, чтоб слог был то важен, то кстати шутилив, чтобы слышен
Был бы в нем голос не только оратора или поэта,
Но человека со вкусом, который щадит свои силы,

Зная, что легкою шуткой решается важное дело
Лучше подчас и верней, чем речью суровой и резкой.
Это знали отлично поэты комедии древней —

Нам бы не худо последовать им, а их не читают
Ни прекрасный собой Гермоген, ни та обезьяна,
Чье все искусство в одном: подпевать Катуллу да Кальву!

20 «Так, но Луцилий хорош и тем, что в латинские строки
Много он греческих слов примешал». — Отсталый ты критик!
Это ведь было под силу и Пифолеонту Родосцу —
Что же столь дивного тут? — «Да просто приятна для слуха
Смесь языков, как для вкуса — смесь вин, смесь фалерна с

хиосским».

Право? И только в стихах? А может быть, даже и в прозе —

Вот, например, когда суд разбирает Петиллия дело
И выступают Валерий Корвин да Публикола Педий,
Ты бы хотел, чтоб они, позабыв об отцах и отчизне,
В поте лица мешали слова родные с чужими

30 И лопотали бы так, как в Канузии люд двуязычный?
И ведь и сам, хоть не грек, сочинял по-гречески прежде;
Но однажды средь ночи, когда сновиденья правдивы,
Вдруг мне явился Квирин и с угрозой сказал мне: «Безумец!
В Греции много поэтов; толпу их умножить собою —
То же, что в рощу дров наносить, ничуть не умнее!»

Пусть же надутый Альпин сколько хочет терзает Мемнона

Или же грязью уродует Рейн; мои же безделки
В храме, где Тарпа судьей, никогда состязаться не будут,
Да и не будут по несколько раз появляться на сцене.

40 Ты лишь один среди нас, Фунданий, умеешь заставить
Хитрых прелестниц острить, а Дава — дурачить Хремета;
У Поллиона цари выступают в стихах шестистопных;
Пламенный Варий ведет величавый рассказ в эпосе,
Равных не зная себе; а добрые сельские музы
Нежное, тонкое чувство Вергилию в дар ниспослали.
Я же сатиры пишу, и удачней, чем писывал раньше
Добрый Варрон Атацин, а с ним и другие поэты,
Хоть и слабее, чем тот, кто стяжал себе вечную славу,
Риму сатиру открыв: с него я венца не срываю!

80 Ну, а Луцилий? О нем я сказал: он — мутный источник,
Больше ненужного в нем, чем того, что пригодно. Но вспомни,
Разве нет недостатков в самом великом Гомере?

Разве скромный Луцилий не делал поправок — и в ком же?
В трагике Акции! Разве над Эннием он не смеялся?
Разве, других порицая, себя он не выше их ставит?

Что же мешает и нам, читая Луцилия, тоже

Вслух разбирать: натура ль его иль натура предмета

В гладких стихах отказала ему, но он пишет, как будто

60 Думает только о том, чтоб шесть стоп в стихе уместились

Да чтобы двести стихов натошак да столько же после

Ужина! Что ж, говорят, ведь писал же так Кассий Этрусский:

Как река, он стихами кипел и по смерти сожжен был

С кипой стихов: их одних на костер погребальный достало!

Я повторяю: Луцилий, конечно, изящен в тонок,

Строчки отделявал он, конечно, искусней, чем грубый

Наш поэт, изобретший стихи, неизвестные грекам;

Или толпа остальных стихотворцев поры стародавней;

Но ведь когда бы, по воле судьбы, он в наше жил время,

Много бы вычеркнул сам из своих он писаний, стараясь

70 В них совершенства достичь; и, стих за стихом сочиняя,

Долго в затылке бы скреб и ногти бы грыз он до мяса.

Если ты хочешь достойное что написать, чтоб читатель

Несколько раз прочитал,— ты стиль оборачивай чаще

И не желай удивленья толпы, а пиши для немногих.

Разве ты пишешь для тех, кто по школам азы изучает?

Нет, мне довольно того, что всадники мне рукоплещут,—

Как говорила Арбускула, низкой освистана чернью.

Пусть же Пантилий меня беспокоит, как клоп, пусть заочно

Будет царапать меня и Деметрий, пусть сумасшедший

80 Фанний поносит при всех, за столом у Тигеллия сидя!

Только бы Плотий и Варий, и мой Меценат, и Вергилий,

Муж благородный Октавий и Валгий и Виски — два брата

Вместе с Аристием Фуском меня за стихи похвалили!

Дальше оставивши лесть, я могу справедливо причислить

К ним и тебя, Поллион, и Мессалу с достойнейшим братом,

Бибула, Сервия к ним и тебя, благороднейший Фурний;

Многих других просвещенных друзей обхожу я молчаньем.

Вот чья хвала для меня дорога: мне было бы грустно,

Если б надежда меня в одобрении их обманула.

90 Ты же, Деметрий, и ты, Тигеллий, ступайте отсюда

И голосите с девицами вволю на школьных скамейках:

Мальчик! поди, припиши к моей книжке и эту сатиру.

Книга вторая

САТИРА ПЕРВАЯ

Г о р а ц и й

Многие думают, будто излишне в сатире я резок
И выхожу из законных границ; другим же, напротив,
Что ни пишу я, все кажется слабым. Такими стихами
Можно писать, говорят, стихов по тысяче в сутки!
Что же мне делать. Требаций, скажи!

Т р е б а т и й

Оставаться в покое.

Г о р а ц и й

То есть мне вовсе стихов не писать?

Т р е б а т и й

Не писать!

Г о р а ц и й

Ежели это не лучшее! Но... без того мне не спится! Пусть погибну,

Т р е б а т и й

Если кто хочет покрепче уснуть, то, вытертый маслом,
Трижды имеет чрез Тибр переплыть и на ночь желудок
¹⁰ Цельным вином всполоснуть. Но если писать ты охотник,
Лучше отважся ты подвиги Цезаря славить стихами.
Верно, ты будешь за труд награжден.

Г о р а ц и й

И желал бы, отец мой,
Только не чувствую силы к тому. Не всякий же может
Строй полков описать, ошетиленных смертною сталью,
Галлов с обломками стрел в зияющих ранах иль парфов,
Сбитых с коней...

Т р е б а т и й

Но ты мог бы представить его справедливость
И благородство души, как Луцилий воспел Сципиона.

Г о р а ц и й

Да, непременно: как скоро представится случай! Некстати
Цезаря слуху стихами Флакк докучать не захочет:
20 Если неловко погладить его, он, как конь, забрыкает!

Т р е б а т и й

Это и лучше, поверь, чем браниться в стихах ядовитых
На Пантолаба-шута и на мота мотов — Наментана.
Все уж и так, за себя опасаясь, тебя ненавидят!

Г о р а ц и й

Что же мне делать? Милоний плясать начинает, как скоро
Винный пар зашумит в голове и свеча задвоится;
Кастор любит коней; из того же яйца порожденный
Поллукс — борьбу. Что голов, то различных пристрастий на
свете!

Ну, а я вот люблю в стихи оправлять свои думы.
Как и Луцилий любил, — хоть он и обоих нас лучше.
30 Все свои тайны, как верным друзьям, поверял он листочкам.
Горесть ли, радость ли — к ним, к ним одним всегда прибегал он!
Всю свою долгую жизнь, как на верных обетных дощечках,
Старец в своих начертал сочиненьях. Его-то примеру
Следую я, кто бы ни был, луканец ли, иль апулиец, —
Ибо у тех и других венузиец пахал свою землю,
Присланный некогда, если преданию старому верить,
Снова тот край заселить, по изгнание тут живших самнитов,
С тем чтоб на случай войны, с апулийцем ли, или с луканцем,
Не был врагу путь до Рима открыт через земли пустые.
40 Впрочем, перо у меня никому не грозит: оно будет
Мне лишь в защиту, как меч, хранимый в ножнах.

И к чему же
Мне вынимать бы его, без нападков от явных злодеев?..
О Юпитер, о царь и отец! Пусть оружие это
Гибнет от ржавчины, брошено мною, покуда не вздумал
Враг нарушать миролюбье мое! Но первый, кто тронет, —

Предупреждаю я: лучше не трогай! — заплачет и будет
В целом Риме, себе на беду, ославлен стихами!
Цервий во гневе доносом и тяжбой грозит и зловредным
Зельем Канидия, Турий-судья — решением дела:
50 Кто чем силен, тот такое себе изберет и оружие.
Так повелела натура; ты в том согласишься со мною!
Зубы — для волка, рога — для вола.

Доверьте вы моту

Сцеве его долголетнюю мать в попеченье: конечно,
Он не задушит ее своими руками. Еще бы!
Волк не бодает рогами, а вол не кусает зубами;
Так и его от старушки избавит с медом цикута!
Но я короче скажу: суждена ли мне мирная старость,
Или на черных крылах летает уж смерть надо мною,
Нищ ли, богат ли я, в Риме ли я иль изгнанником стану,
60 Жизнь во всех ее красках всегда я описывать буду!

Требатий

Сын мой, боюсь я — тебе не дожить до седин, а холодность
Сильных друзей испытаеть и ты!

Гораций

Почему же Луцилий,

Первый начавший сатиры писать, отважился, смело
С гнусных душ совлекая блестящую кожу притворства,
Их выставять в наготу? Ты скажи: оскорблялся ли Лелий
Или герой, получивший прозвание от стен Карфагена,
Да и казалось ли дерзостью им, что Луцилий Метелла
Смел порицать или Лупа в стихах предавать поношению?..
Он нападал без разбора на всех, на незнатных и знатных,
70 Только одну добродетель щадя и тех, кто с ней дружен.
Даже когда Сципион и Лелий, мудрец безмятежный,
И от народной толпы, и от дел на покой удалялись,
Часто болтали они по-домашнему с ним и шутили,
Между тем как в котле им варилась на ужин капуста.
Я хоть и ниже Луцилия даром моим и породой,
Все же и я со знатными жил; и ежели зависть,
Хрупким меня посчитав, на меня обнажит свои зубы,
Жестко покажется ей! — Но, быть может, ученый Требатий,
Ты не согласен?

Требатий

Нет, в этом и я не поспорю. Однако
80 Все мой совет: берегись! попадешь в неприятную тяжбу!
Ты ведь не знаешь священных законов: «Кто сложит дурную
Песню о ком, таковой повинен суду и ответу!»

Гораций

Да! коли песня дурна. А хорошей окажется песня —
Первый сам Цезарь похвалит! И ежели, сам без порока,
Смехом позорит людей он, достойных позора...

Требатий

То смехом
Дело твое порешат, а ты возвратишься оправдан!

САТИРА ВТОРАЯ

Как хорошо, как полезно, друзья, быть довольну немногим!
(Это не я говорю; так учил нас Офелл поселянин,
Школ не выдавший мудрец, рассуждавший не тонко, но здраво.)
Слушайте умный урок не за пышной и сытной трапезой
И не тогда, как бессмысленный блеск ослепляет вам очи
Иль как обманутый разум полезное все отвергает,
Нет, натошак побеседуем! — «Как натошак? Для чего же?»
— Я объясню вам! Затем, что судья подкупленный судит
Несправедливо! Когда ты устанешь, гоняясь за зайцем,
10 Или скача на упрямом коне, иль мячом забавляясь
(Ибо, изнеженным греками, римлян военные игры
Нам тяжелы, а в забавах и труд становится легок),
Или же диском плеча рассекая податливый воздух,—
Разве тогда, утомясь, почувствовав жажду и голод,
Будешь ты брезговать пищей простой? Перетерпишь ли жажду
Лишь оттого, что нету вина, подслащенного медом?
Ежели ключник исчез, а бурное море не выдаст
Рыбы к столу твоему, то тебе и хлеб с солью приятен,
Ибо не в запахе яств, а в тебе самом наслаждение!
20 Потом усталости — вот чем приправишь ты вкусные блюда!
Лени же бледной чего ни подай, ей все не по вкусу:
Будь то устрицы, скар иль тетерки из дальнего края.

Все же не так-то легко, увидев на блюде павлина,
 Курицу вместо него попросить, хоть она и вкуснее.
 Это все суетность! Все оттого, что за редкую птицу
 Золотом платят, что хвост у нее разноцветный и пышный.
 Точно как будто все дело в хвосте! Но ешь ли ты перья?
 Стоит их только изжарить, куда красота их девалась!
 Мясо ж павлина нисколько не лучше куриного мяса,
 30 Ясно, что в этом одна лишь наружность твой вкус обольщает!
 Пусть! но поди-ка узнай, где поймана эта вот щука
 С пастью зубастою: в Тибре иль в море, близ Рима иль в устье?
 Хвалишь, безумный, ты мулла за то лишь одно, что он весом
 Ровно в три фунта, а должен же будешь изрезать на части!
 Если прельщает огромность, то как же огромная щука
 Столько противна тебе? Оттого, что не редкость! Природа
 Щуку большой сотворила, а мулл большой не бывает.
 Сытый желудок всегда обыденной брезгует пищей.
 «Что за прекраснейший вид, как он целое покрое блюдо!» —
 40 Так восклицает обжора с глоткой, достойною гарпий.
 Австр! налети! пусть протухнут у них все роскошные яства!
 Впрочем, и свежая снедь не мила, коль испорчен желудок
 От непомерной еды, и взамен кабана или ромба
 Горькая редька и кислый щавель тут нужнее. По счастью,
 Предков оливы и яйца нами не изгнаны вовсе
 С наших пышных столов. Давно ли глашатай Галлоний
 Мотом считался за то, что гостей угощал осетрами?
 «Как? неужели в то время в морях не водились ромбы?»
 Нет! но покуда в них вкус не открыл нам лакомка претор,
 50 В море спокойно жил ромб, и был аист в гнезде безопасен.
 Если б издал кто эдикт, что нырок зажаренный вкусен,
 Юноши Рима поверят: они на дурное послушны!
 Впрочем, разница есть между скромной и скаредной жизнью,
 Ибо напрасно бежать от порока к пороку другому.
 Так говорил и Офелл, вспоминая об Авфидиене,
 Прозванном Псом и поистине кличку свою заслужившем.
 Ел он оливы, которым пять лет, да ягоды терна,
 А вино он берег, покуда совсем не прокиснет.
 В день же рождения или наутро дня свадьбы, одетый
 60 В белом, как следует в праздник, своим он гостям на капусту
 Масло такое из рога по капельке льет своеручно,
 Что и дыханье захватит, зато не скупится на укус!

Как же прилично жить мудрецу? И с кого брать примеры?
Как говорится: «Там — волк, тут — пес». Держись середины!
Чисто жить — это значит не быть в запачканном платье,
А не то чтоб наряженным быть щегольски.

Кто средину
Хочет во всем сохранить, то не будь как Албудий, который,
Раздавая приказы рабам, их заранее мучил;
Но и не будь беззаботен, как Невий, который помои
Вместо воды подавал. Недостаток великий и это!

70 Слушай же, сколько приносит нам пользы пища простая:
Первая польза — здоровье, затем что все сложные яства
Вредны для тела. Припомни, какую ты чувствовал легкость
После простого стола! Ну, а если возьмешь и смешаешь
Устриц с дроздами, вареное с жареным — сразу в желудке
Сладкое в желчь обратится и внутренний в нем беспорядок
Клейкую слизь породит. Посмотри, как бывают все бледны,
Встав из-за пира, где были в смешенье различные яства.
Тело, вчерашним грехом отягченное, дух отягчает
И пригнетает к земле часть дыханья божественной силы.
80 Ну, а другой, в два счета поевши и сладко заснувши,
Свежим и бодрым встает ото сна к ежедневным занятиям.
Может и он иногда позволить себе что получше,
Но не иначе, как изредка, в праздничный день ежегодный,
Или в усталости, или тогда, наконец, как с годами
Тело слабеет и требует больших о нем попечений.
Ты же, который, когда был и молод и крепок, заране
К неге себя приучал, — чем себя ты понежишь, как хворость
Или тяжелая старость потребует сил подкрепленья?

Мясо кабанье с душком хвалили старинные люди
90 Не потому, что у них обонянья не было вовсе,
Но в рассуждение того, что лучше уже початое
Позднему гостю сберечь, чем хозяину свежим прикончить.
О, когда б я родился во время тех старых героев!

Может быть, ищешь ты славы, которая слуху людскому
Музыки слаще? Но верь, что рыбы и блюда большие
Только послужат к стыду твоему, к разоренью!

Вдобавок

Дядю рассердишь, соседи тебя взненавидят.

Ты будешь
Смерти желать, но не на что будет купить и веревки!

100 «Это, — ты можешь сказать, — меня не касается вовсе!
Я ведь не Травзий-бедняк: — у меня — и поместья и деньги,
И доходов моих для троих царей бы достало!» —
«Ежели так, то зачем ты излишек не тратишь на пользу?
Если богат ты, зачем же есть в бедности честные люди?
Храмы зачем ветшают богов? И как же, бесстыдный,
Ты ни гроша из всего, что скопил, не приносишь отчизне?
Или, ты думаешь, счастье тебе одному не изменит?
Время придет, что и ты для врагов посмешищем станешь!
Кто в переменах судьбы понадеяться может на твердость?
Тот ли, кто телом и духом привык ко стольким уладам
110 Или кто, малым доволен, на будущее мало надеясь,
Мог, как мудрец, быть готовым к войне в продолжение мира?»

Верьте мне: мальчиком бывши еще, знал я Офелла!
Нынче бедняк, и тогда он, при целом именье, не шире
Жил, чем теперь. На своем, для других размежеванном, поле
Он и доньше с детьми и со стадом живет, как наемщик.
«Нет, никогда, — говорил он, — по будням не ел я другого,
Кроме простых овощей и куска прокопченной свинины!
Если же изредка гость приходил иль в свободное время
120 Добрый сосед навещал, особливо в ненастную пору,
Я не столичною рыбою их угощал, но домашним
Или цыпленком, или козленком. Кисть винограда,
Крупные фиги, орехи — вот что мой стол украшало.
Мирно играли потом (проигравший пил лишнюю чарку)
Или, в честь доброй Цереры, чтоб выше возрастали колосья
Наших полей, мы заботы чела вином прогоняли.

«Пусть же Фортуна враждует и новые бури воздвигнет!
Что ей похитить у нас? Скажите, мои домочадцы,
Меньше ль мы счастливо жили с тех пор, как тут новый хозяин?
Ведь ни меня, ни его, ни кого другого природа
130 Здесь не назначила вечно владеть!

Он нас выгнал, его же
Если не ябеда, то расточительность тоже прогонят
Или, вернее всего, наследник, его переживший.
Нынче земляца Умбрена, прежде земляца Офелла,
Но, по правде, ничья, а давалась в именье на время
Прежде Офеллу, а после другим.

Сохраняйте же бодрость!
С твердой душою встречайте судьбы враждебной удары!»

САТИРА ТРЕТЬЯ

Д а м а с и п п

Редко ты пишешь! Едва ли четырежды в год ты пергамент
В руки возьмешь! Лишь только наткал и опять распускаешь,
Сам недоволен собой, что вино и сонливость мешают
Славы достойный труд совершить. Чем кончится это?
Вот — убежал ты сюда, чтоб не пьянствовать в дни сатурналий:
Что ж, напиши что-нибудь, ожиданий достойное наших!
Что? Ничего? Так напрасно ж перо обвинять и напрасно
Бить по стене кулаком на потеху богам и поэтам!
Мы по лицу твоему от тебя превосходного много
10 Ждали, когда ты под сельскую теплую кровлю сокрылся.
Так для чего же привез ты с собой Платона с Менандром?
Что же взял в свиту свою Евполида и с ним Архилоха?
Или ты хочешь спастись от врагов, свое дело забросив?
Нет, лишь презренье одно наживешь! Отбрось же ты лень,
Эту сирену свою, иль и то, что ты нажил трудами,
Ты ни за что потеряешь опять!

Г о р а ц и й

Да пошлют тебе боги
Все и богини за этот полезный совет — брадобрея!
Только откуда ты знаешь меня?

Д а м а с и п п

Разорившись на бирже,
20 Стал я, оставив свои все дела, заниматься чужими.
Прежде любил я исследовать бронзу лохани, в которой
Ноги мыл хитрый Сизиф, разбирал, где заметна в ваянье
Слабость резца, где металл отлился неудачно и грубо,
Мог я назвать, как знаток, стотысячной статуе цену;
Дом ли, сады покупать — в том со мною никто не равнялся,
Так что меня при продажах любимцем Меркурия звали.

Г о р а ц и й

Это я знаю. Дивлюсь, как от этого ты исцелился!
Впрочем, нередко одна болезнь прогоняет другую,
Новая старую. Крови прилив к голове или к боку
Вдруг обратится к груди. Иной летаргией был болен;

- ³⁰ Смотришь — уже на врача он, взбешенный, летит с кулаками.
Лишь бы не ты на меня; а с другими — будь что угодно!

Д а м а с и п п

Друг, понапрасну не льстись! Все глупцы, да и сам ты безумен,
Если нам правду Стертиний твердил. От него я науку
Эту чудесную принял тогда, как меня убедил он
Мудрую эту браду себе отрастить в утешенье
И от моста Фабриция с миром домой воротиться;
Ибо оттуда, добро потеряв, с головою покрытой
Броситься в волны хотел я, но он подхватил меня справа.

«Ты берегись недостойного дела! — вскричал он.—

Ты мучим

- ⁴⁰ Ложным стыдом, ты боишься безумным прослыть меж безумцев!
Только ответь мне сперва: что есть безумие? Если
Ты лишь безумен один, я ни слова: погибни отважно!
Но ведь Хрисипп и Хрисиппова школа зовет сумасшедшим
Всякого, кто ослеплен неведеньем глупым о благе
Истинном. Этим грешат и цари, и большие народы
И не грешит один лишь мудрец. Так вот и послушай,
В чем же безумие тех, кто тебя обзывает безумцем.
Часто в дремучем лесу одинокий сбивается путник
⁵⁰ И начинает блуждать, но блуждает по-своему каждый:
Этот сойдет с пути направо, а этот налево,—
Оба блуждают они, но только по разным дорогам,
Оба безумны они, хотя над тобой и смеются.
Верь мне: с хвостом и они! Бояться, где вовсе нет страха,—
Это безумие точно такое ж, как если б кто начал
В поле открытом кричать, что гора преграждает дорогу,
Или вода, иль огонь. Но ничуть не умней на другую
Ногу хромать: в пучину реки или в пламя бросаться,
Как ни кричали б и мать, и сестра, и отец, и супруга:
«Здесь глубочайший обрыв, здесь скала, берегись, несчастный!»
⁶⁰ Нет, он не слышит, безумный, как Фуфий, который на сцене
Пьяный на ложе заснул и проспал Илиону, и тщетно
Несколько тысяч партнеров ему из театра кричали:
«Мать! тебя я зову!» Так безумствуют все, докажу я!
Все Дамасиппа считают безумным за то, что скупает
Старые статуи он,— а кто в долг ему дал, тот умнее ль?

Если б тебе я сказал: «Вот, возьми: все равно не вернешь
ведь!» —

Взявши, ты был бы глуп? Нет, ты был бы гораздо глупее,
Если не взял бы, что даром Меркурий тебе посылает!

На иного хоть десять раз вексель у Нерия пишешь,
70 Хоть сто раз у Цикуты; опутай его хоть цепями:
Все ни во что, из любой западни скользнет он Протеем.
А как потащишь к суду — он осклабится только и мигом
Птицей прикинется, впрем, и камнем, и деревом даже.
Если безумный действует худо, разумный же лучше,
То ведь Переллй безумней тебя, принимая твой вексель,
По которому знает вперед, что ты не заплатишь.

Ну, подберите же тоги, чтоб слушать меня со вниманьем!
Кто с честолюбья из вас, а кто с сребролюбия бледен,
Кто невоздержан и тот, кого суеверие мучит
80 Или другая горячка души,— все ко мне подходите,
Все по порядку, и я докажу вам, что все вы безумцы!

Самый сильный прием чемерицы следует скрягам;
Впрочем, не знаю, поможет ли им и вся Антикира!
Ведь завещал же Стаберий-скупец, чтоб на камне надгробном
Вырезал сумму наследства наследник его, а иначе
Должен народу дать пир, как устроить придумает Аррий:
Сто пар бойцов да пшеницы — годичную Африки жатву.
«А справедливо ли это иль нет, мне наследник не дядька!
Так я хочу!» — Вероятно, что так рассуждал завещатель.

90 Ради чего же велел надписать он на камне наследство?
Ради того, что он бедность считал величайшим пороком,
Что ужасался ее, и если бы умер беднее
Хоть на единый квадрант, то считал бы себя, без сомненья,
Он человеком дурным. У людей подобного рода
Слава, честь, добродетель и все, что есть лучшего в мире,—
Ниже богатства. Один лишь богатый мужествен, славен
И справедлив.

Д а м а с и п п

Неужели и мудр?

С т е р т и н и й

И мудр, без сомненья!

Он же и царь, и все, что угодно! Он думал, что деньги
И добродетель заменят ему и прославят в потомстве.

¹⁰⁰ Как с ним несходен был грек Аристипп, рабам приказавший
Золото бросить в ливийских песках потому лишь, что тяжесть
Их замедляла в пути. А который из них был безумней?
Спорным примером спорный вопрос разрешить невозможно.

Если кто лиры скупает, а в музыке вовсе не сведущ,
Ежели кто собирает колодки башмачные, шила,
Сам же совсем не башмачник, кто парус и прочие снасти
Любит в запасе хранить, отвращенье имея к торговле,
Тот — безумный, по мнению всех. А разумнее ль этот
Скряга, что золото прячет свое и боится, припрятав,
¹¹⁰ Тронуть его, как будто оно какая святыня?
Если кто, с длинным в руках батоном, перед кучею жита
В рост протянувшись, лежит господином, его караулит,
Глаз не смыкает, а сам не смеет и зернышка тронуть
И утоляет свой голод одною лишь горькой травою;
Если до тысячи бочек, до трехсот тысяч фалерна
Самого старого или хиосского в погребе скряги,
Сам же кислятину пьет и, восемь десятков проживши,
Спит на набитом соломой мешке, имея в запасе
Полный сундук тюфяков, тараканам и моли в добычу,
¹²⁰ То потому лишь не все называют его сумасшедшим,
Что и другие не меньше, чем он, сумасшествием страждут.

О старик, ненавистный богам! К чему бережешь ты?
Разве затем, чтоб твой сын иль отпущенник прожил

наследство?

Ты опасешься нужды? Конечно, из такой суммы
Много убавится, если отложишь частичку на масло,
Чтобы капусту приправить иль голову глаже примазать!
Если столь малым ты жив, зачем тебе ложные клятвы
И плутовство и грабеж? Вот если б в народ ты камня
Вздумал бросать иль в рабов, тебе же стоящих денег,
¹³⁰ Все бы мальчишки, девчонки кричали, что ты сумасшедший;
Ну, а если отравишь ты мать и удавишь супругу,
Это — разумно вполне! Ведь ты не мечом, не в Аргосе
Их погубил, как Орест. Иль думаешь, он помешался
После убийства и предан гонению мстительных фурий
После того, как согрел в материнской груди он железо?
Нет! напротив, с тех пор, как Ореста признали безумцем,
Он не свершил ничего, что могло бы навлечь нареканья,
Он не пытался с мечом нападать на сестру и на друга:

¹⁴⁰ Фурией только Электру сестру называл, а Пилладу
Тоже давал имена, сообразно горячности гнева.

Бедный Опимий, копя серебра и золота груды,
В праздники вейское пивший вино, а в будни — подонки
Глиняной кружкой цедивший, однажды был спячкою болен
И как мертвый лежал, а наследник уж в радости сердца
Бегал с ключами вокруг сундуков, любовался мешками!
Врач его верный придумал, однако же, скорое средство,
Чтобы больного от сна пробудить: он возле постели
Стол поставить велел, из мешков же высыпал деньги,

¹⁵⁰ Вызвал людей и заставил считать. Вот больной и проснулся.
«Если не будешь сам деньги беречь,— врач сказал,—

то наследник
Все унесет». — Как, при жизни моей? — «Да, при жизни.

Не спи же,
Ежели хочешь пожить!» — Так что же мне делать? — «А вот что:
Надо наполнить желудок, чтоб кровь заструилась по жилам.
На вот рисовой каши поешь!» — А дорого ль стоит? —
«Малость». — Однако же сколько? — «Восемь лишь ассов». —

Беда мне!
Видно, меня не болезнь, так грабеж все равно доконает!

Д а м а с и п п

Кто же тогда не безумец?

С т е р т и н и й

Лишь тот, кто не глуп.

Д а м а с и п п

Ну, а скряга?

С т е р т и н и й

Он и безумен и глуп.

Д а м а с и п п

Так, стало быть, тот бессомненно

¹⁶⁰ В здоровом уме, кто не скряга?

С т е р т и н и й

Ничуть.

Почему же, о стойк?

С т е р т и н и й

Слушай! Представь, что Кратер сказал о больном: «Он желудком
Вовсе здоров!» — Так, стало быть, может и встать он с постели? —
«Нет! потому что страдает от боли в боку или в почках».
Так вот и здесь: этот малый — не клятвопреступник, не скряга
(Благодаренье богам!), но он — наглец, честолюбец;
Пусть же и он в Антикиру плывет! Одинаково глупо —
Бросить именье в пучину иль вовсе его не касаться!

Сервий Оппидий, богач, родовые в Канузии земли
Между своими двумя разделил, говорят, сыновьями
170 И, умирая, сказал им, к одру подозвавши обоих:
«Я замечал, что в детстве ты, Авл, и орехи и кости
В пазухе просто носил, и проигрывал их, и дарил их;
Ты же, Тиберий, вел бережный счет им и прятал их в угол.
Вот и боюсь я того, что впадете вы в разные страсти,
Что Номентаном один, другой же Цикуюто будет.
Вот потому заклиная пенатами вас: берегитесь
Ты — уменьшать, а ты — прибавлять к тому, что отец ваш
Должною мерой считал и чему нас учила природа.
Кроме того, я хочу, чтоб вы с клятвою мне обещали
180 Не соблазняться щекоткою славы; и если который
Будет эдилом иль претором, тот мне не сын: будь он проклят!»
Как! промотать все добро на горох, да бобы, да лупины.
Только затем, чтобы чваниться в цирке, чтоб выиться в бронзе,
Хоть за душой у тебя уж давно ни гроша, ни землицы!
Уж не мечтаешь ли ты сравняться в успехе с Агриппой,
Словно проныра лиса, благородному льву подражая?

Молви, Атрид, почему хоронить не велишь ты Аякса?
«Царь я — вот мой ответ!» — Ну, что ж! я — плебей, я смолкаю. —
«Был мой приказ справедлив. Но если кто мыслит иначе,
190 Пусть говорит: дозволяю!» — О царь, да пошлют тебе боги,
Трою разрушив, обратно приплыть. Итак, мне вопросы
И возраженья дозволены? — «Спрашивай! я дозволяю!»
— Царь! за что же Аякс, сей герой, второй по Ахилле,
Греков спасавший не раз, истлевает под небом открытым?
Или на радость Приаму и Трое лишен погребенья

Тот, кем их юноши были могил лишены в их отчизне?
«Нет, а за то, что казнил он овец, восклицая, что режет
Он Менелая, Улисса, меня!» — А когда ты в Авлиде
Милую дочь, как телицу, привел к алтарю и осыпал
200 Солью с мукою ей голову, был ли ты в здравом рассудке? —
«Что за вопрос?» — Но безумный Аякс перерезал лишь стадо,
Много ли в этом вреда? Ни жену он не тронул, ни сына:
Только Атридам, Атридам одним грозил он расправой —
Тевкру не сделал он зла, не коснулся он даже Улисса. —
«Я же, чтоб ветер попутный судам от враждебного берега
Боги послали, хотел смягчить их той жертвенной кровью».
— Чьею? своею, безумный? — «Своей, но совсем не безумный!»
— Всякий безумным слывет, которому ум затмевает
Призраков ложных игра, взметаемых пагубной страстью,
210 Гнев ли причиной тому или попросту глупость людская.
Пусть был безумен Аякс, поражающий агнцев невинных;
Но неужели ты сам разумен и чист от порока,
Если спокойно творишь преступления почестей ради?
Если б кто вздумал носить на покойных носилках овечку,
Шить ей, как дочери, платье, дарить ожерелья, служанок,
Куколкой, девочкой ласково звать и готовить для брака,
Верно бы претор ему запретил управление именем
И передал бы его хозяйство родным под опеку.
Ну, а если кто дочь настоящую вместо овечки
220 В жертву приносит богам, — ужели он в здравом рассудке?
Всюду, где глупость — там и безумие; где преступленье —
Там и припадок; а там, где погоня за хрупкою славой, —
Там помрачение ума, как от грохота ярой Беллоны!

Ну, а теперь рассмотри невоздержность, и с ней — Номентана.
Здравый рассудок покажет, что мот есть тоже безумец.

Этот, как скоро талантов до тысячи схватит в наследство,
Тотчас объявит всем рыбакам, и всем, продающим
Овоши, птиц и душистые мази, всей рыночной черни,
Всем шутам, мясникам, завсегдатаям улицы Тускской,
230 Чтобы наутро пришли. Вот и утро — приходят толпою!
Сводник слово берет: «Все, что есть у нас — все в твоей воле!
Лишь прикажи, хоть сегодня, хоть завтра, — получишь немедля!»
Слушай же, как благородно юный богач отвечает:
«Ты из луканских снегов добываешь мне к ужину вепря;

Ты, невзирая на бурное море, ловишь мне рыбу;
Я не тружусь, а пользуюсь всем, недостойный! Возьми же
Десять тысяч себе, и столько же ты! А тебе я
Втрое даю за жену: хоть в полночь позову, прибегает!»

Сын Эзопа жемчужину, бывшую в ухе Метеллы,
240 В укусе крепком велел распустить, чтобы, выпивши, разом
В нем проглотить миллион; но разумней ли это, чем если б
Он ее в быструю реку швырнул или в сточную яму?
Квинта же Аррия дети, друг друга достойные братцы,
Два близнеца по распутству, имели привычку на завтрак
Каждый день из одних соловьев заказывать блюдо.
Это — безумье иль нет? Чем отметить их: мелом иль углем?

Если старик забавляется детской игрой в чет и нечет,
Или на палочке ездит верхом, или домики строит,
Или мышей запрягает в колясочку — он сумасшедший!
250 Ну, а если рассудок докажет тебе, что влюбленный
Больше ребенок, чем он? Что возиться в песке, как трехлетний,
Что в ногах у красавицы выть — не одно ли и то же?..
Можешь ли ты, например, поступить Полеону подобно?
Бросишь ли признаки страсти, все эти запястья, повязки,
Эти венки, как бросил их он, вином упоенный,
Только услышав случайно философа слово, который
В школе своей натошак проповедовал юношам мудрость!
Дай раздраженному мальчику яблоко: он не захочет.
«На, мой голубчик, возьми!» Не берет! Не давай: он попросит!
260 Так и влюбленный. Выгнанный вон, перед дверью любезной
Он рассуждает: войти или нет? А тотчас вошел бы,
Если б она не звала. «Сама позвала; не войти ли?
Или нейти и разом конец положить всем мученьям?
Выгнала, что же и звать! Не пойду, хоть она б умоляла!»
Столь же разумный слуга между тем говорит: «Господин мой,
То, в чем ни меры, ни смысла,— никак под законы рассудка
Нам подвести невозможно. В любви ведь это и худо:
В ней то война, то последует мир. Но кто захотел бы
Сделать то постоянным, что переменено, как ветер
270 Или как случай,— это все то же, как если б он вздумал
Жить как безумный и вместе по точным законам рассудка!»

Как? когда ты гадаешь и зернышки яблок бросаешь,
Чтобы попасть в потолок, неужели ты в здравом рассудке?..
Как? когда ты, беззубый, лепечешь любовные речи,

То умнее ль ребенка, который домики строит?
Вспомни и кровь и железо, которыми тушат сей пламень;
Вспомни Мария: он, заколовши несчастную Геллу,
Бросился сам со скалы и погиб; не безумец ли был он?
Если же это безумие ты назовешь преступленьем,
280 В сущности будет все то же, различие только в названье!

Вольноотпущенник некий, не евши, но вымывши руки,
До свету бегал по всем перекресткам, где только есть храмы,
Громко крича: «Избавьте, о боги, меня вы от смерти!
Только меня одного! Всемогушие, это легко вам!»
Всем он здоров был, и слухом и зрением; но за рассудок,
Впрямь при продаже его, господин бы не мог поручиться!
Эту всю сволочь Хрисипп в собратях Менения числит.

«О Юпитер, от коего все: и болезнь и здоровье! —
Молится мать, у которой ребенок пять месяцев болен. —
290 Если его исцелишь от горячки, то завтра же утром,
Так как наутро свершаем мы пост в честь тебя, всемогущий,
В Тибр я его окуну!» Что ж? если бы лекарь иль случай
Вдруг и избавил его от болезни, то глупая мать
Мигом холодной водой лихорадку б ему возвратила!
Что тут причиной безумства? Причиной одно: суеверье!

Так-то, Стертиний, мой друг, осьмой меж семью мудрецами,
Дал мне оружие, дабы отныне никто не остался
Безнаказан, задевши меня! Кто мне скажет: «Безумец!» —
Тотчас ему я в ответ: «Оглянись, на себя посмотри-ка!»

Г о р а ц и й

300 Стоик! Да будешь ты, после банкротства, гораздо дороже
Новый товар продавать! Но коль много родов есть безумства,
То какое ж мое? А по мне — я здоров, да и все тут!

Д а м а с и п п

Но неужели Агава, голову сына воткнувши,
Вместо звериной, на тирс, почитала себя сумасшедшей?

Г о р а ц и й

Да, как видно, ты прав. Сознаюсь откровенно: глупец я!
Даже безумец, пускай! Но все-таки молви: какой же
Я страдаю болезнью души?..

Д а м а с и п п

Во-первых, ты строишь!

То есть ты подражаешь людям высоким, а сам ты
От головы и до пят не выше двух футов! Подумай:

310 Ты, улыбаясь, глядишь, как Турбон, лихой не по росту,
Мчится в доспехах на бой; но и ты ведь насмешки достоин,
Ежели ты намерен во всем подражать Меценату!
Где уж тебе, столь несходному с ним, в чем-нибудь

состязаться?

Как-то теленок ногой растоптал лягушат, и один лишь
Спасся и в сильном испуге рассказывать матери начал,
Что за огромный их зверь растоптал. «Огромный? — спросила
Мать, надувая живот. — Такого, наверное, роста?»
«Нет, — говорит лягушонок в ответ, — раза в два был он

больше».

«Что же, такой?» — мать спросила, надувшись еще.

«Нет, хоть лопни,

320 Все же не будешь с него!» Не твое ли подобие это?..
А стихотворство? Оно ведь — как масло в огонь

сумасбродства!

Станешь ли ты уверять, что поэты — разумные люди?
Нрав твой горячий... о нем уж молчу...

Г о р а ц и й

Перестань!..

Д а м а с и п п

Об издержках

Сверх состояния...

Г о р а ц и й

Вспомни себя, Дамасипп!

Д а м а с и п п

Я ни слова

Ни про безумную страсть к девчонкам, ни к мальчикам дружбу!

Г о р а ц и й

О, пощади же ты, большой безумец, меньшого безумца!

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

Г о р а ц и й

Катий! Откуда? Куда?

К а т и й

Мне не время теперь! Занимаюсь
Новым учением, высшим всего, чему ни учили
Сам Пифагор, и ученый Платон, и Анитова жертва!

Г о р а ц и й

Я виноват, что тебе помешал так некстати и прервал
Нить размышлений твоих; извини же меня, мой добрейший!
Если и выйдет из памяти что у тебя, ты воротишь!
От природы ль она, от искусства ль, но чудная память!

К а т и й

Да! Я о том и старался, чтоб все удержать в ней подробно.
Это претонкие вещи! И тонко предложены были!

Г о р а ц и й

¹⁰ Кто же наставник твой был? Наш римлянин иль чужеземец?

К а т и й

Я науку тебе сообщу, но учителя скрою!
Продолговатые яйца — запомни! — вкуснее округлых:
В них и белее белок, и крепче желток, потому что
Скрыт в нем зародыш мужеска пола. За званым обедом
Их подавай. Капуста, растущая в поле, вкуснее,
Чем подгородная, эту излишней поливкой портят.
Если к тебе неожиданно гость вдруг явился на ужин,
То, чтобы курица мягче была и нежнее, живую
Надо ее окупить в молодое фалернское прежде.
²⁰ Лучший гриб — луговой; а другим доверять ненадежно.
Много здоровью способствует, ежели в летнее время
Есть шелковичные черные ягоды после обеда,
Снятые с ветвей тогда, пока солнце еще не высоко.
Мед свой мешал натошак с фалерном крепким Авфидий.
Нет! приличней полегче питье для пустого желудка.

Жиденский мед, например, несравненно полезнее будет.

Если живот отягчен, то мелких раковин мясо

Или щавель полевой облегчит и свободно и скоро,

Только бы белое коское было притом не забыто.

30 Устрицы толще всего, когда луна прибывает,

Но ведь не все же моря изобилуют лучшим их родом!

Лучше в Лукрине простые улитки, чем в Байском заливе

Даже багрянка сама; цирцейские устрицы в славе;

Еж водяной — из Мисена, а гребень морской — из Тарента!

Но искусством пиров не всякий гордится, покуда

В точности сам не изучишь все тонкие правила вкуса.

Мало того, чтоб скупить дорогою ценою всю рыбу,

Если не знаешь, к которой подливка идет, а которой

Жареной быть, чтоб наевшийся гость приподнялся на локоть.

40 Кто не охотник до пресного мяса, поставь погрузнее

Блюдо с умбрийским кабаном, питавшимся желудем дуба;

Но лаврентийский не годен: он ест камыши да осоку.

Где виноградник растет, там дикие козы невкусны.

Плечи чреватой зайчихи знаток особенно любит.

Рыбы и птицы по вкусу и возраст узнать, и породу —

Прежде никто не умел, я первый открытие сделал!

Многие новый пирог изобрести почитают за важность.

Нет! не довольно в одном показать и искусство и знание:

Так вот иной о хорошем вине прилагает заботу,

50 Не беспокоясь о масле, в котором жарится рыба.

Если масикское выставить на ночь под чистое небо,

Воздух прохладный очистит его, и последнюю мутность

Вовсе отнявши и запах, для чувств неприятный и вредный;

Если ж цедить сквозь холстину его, то весь вкус потеряет.

Если суррентским вином доливают отстой от фалерна,

Стоит в него лишь яйцо голубиное выпустить — вскоре

Всю постороннюю мутность желток оттянет на днище.

Позыв к питью чтобы вновь возбудить в утомившемся госте,

Жареных раков подай, предложи африканских улиток,

60 А не латук, ибо после вина он в желудке без пользы

Плавает сверху; но лучше еще ветчина да колбасы,

После которых любая понравится дрянь из харчевни.

Далее, следует знать все свойства различных подливок.

Есть простая: она состоит из чистого масла

С чистым вином и рассолом пахучим из скумбрии-рыбы,—

Тем рассолом, каким в Византии все бочки воняют!
 Если же в ней поварить, искрошивши, душистые травы
 И настоять на корикском шафране, а после подбавить
 Масла венафрского к ней, то вот и другая готова!
 70 Тибуртинские яблоки много в приятности вкуса
 Уступают пиценским, хоть с виду и кажутся лучше.
 Венункульский изюм бережется в горшочках, альбанский
 Лучше в дыму засушенный. Я первый однажды придумал
 Яблоки с ним подавать и отстой от вина и рассола
 Ставить кругом, под белым перцем и черною солью.
 Часто противно смотреть, как, три тысячи бросив на рынок,
 Втиснули в тесное блюдо к простору привыкшую рыбу!
 Также и грязь родит отвращенье к еде: неприятно,
 80 Ежели раб, отпивая тайком, на бокале оставил
 Масляных пальцев следы, или дно не отмыто у чаши.
 Дорого ль стоит простая метелка, салфетка, опилки?
 Самую малость! А вот нераденье — бесчестье большое!
 Пол разноцветный из камней, а веником грязным запачкан.
 Ложе под пурпуром тирским; глядишь — а подушки нечисты.
 Ты не забудь: чем меньше что стоит труда и издержек,
 Тем справедливей осудят тебя; не так, как в предметах,
 Только богатым приличных одним и им лишь доступных!

Г о р а ц и й

Катий премудрый! Прошу, заклиная богами и дружбой:
 Где бы наставник твой ни был, ты дай самого мне послушать!
 90 Ибо, как память твоя ни верна, согласишься, однако,
 Первоисточник всегда надежнее, чем пересказчик.
 Кроме того, ты ведь видел его и лицо и обличье,
 О блаженный! и сам не ценил привычного счастья.
 Дай же и мне взойти к глубочайшим источникам знания,
 Чтоб почерпнуть из него наставленья о жизни блаженной.

САТИРА ПЯТАЯ

У л и с с

Вот что еще попрошу я тебя мне поведать, Тиресий:
 Как бы, каким бы мне средством поправить растрату имения?
 Что ж ты смеешься?..

Тиресий

А разве тебе, хитрецу, не довольно
Целым вернуться в Итаку свою и отчих пенатов
Вновь увидеть?..

Улисс

Никого ты еще не обманывал ложью!
Видишь, что наг я и нищ возвращаюсь, как ты предсказал мне.
Нет ни запаса в моих кладовых, ни скота. Без богатства ж
И добродетель и род дешевле сена морского!

Тиресий

10 Прочь околичности! Если ты бедности вправду боишься,
Слушай, как можешь богатство нажить. Например,
не придет ли
Кто-нибудь или дрозда, иль еще тебе радость другую;
Ты с ней беги к старику, что кряхтит над грудью денег.
Сладких ли яблок, иных ли плодов огорода и сада
Пусть он, почетнейший лар, и отведает прежде, чем лары.
Будь он хоть клятвопреступник, будь низкого рода, обрызган
Братнею кровью, будь беглый он раб,— но если захочет,
Чтоб ты шел в провожатых его, не смей отказаться!

Улисс

Как? чтобы с Дамою подлым бок о бок я шел? Я под Троей
Был не таков: там в первенстве я с величайшими спорил!

Тиресий

20 Ну, так сиди в нищете!

Улисс

Все выдержит мощное сердце!
Я и не то ведь сносил! Но ты продолжай, прорицатель!
Молви, откуда бы мне загрести себе золота груды?

Тиресий

Что я сказал, то скажу и опять! Лови завешанья
И обирай стариков! А если иной и сорвется
С удочки, хитрая рыбка, приманку скусив рыболова,
Ты надежд не теряй и готовься на промысел снова.

Ежели тяжба меж двух заведется, важная ль, нет ли,
Ты за того, кто богатством силен и детей не имеет,
Тотчас ходатаем стань, пусть он и нагло и дерзко
30 Честного тянет к суду. Будь ответчик хоть лучший

из граждан,
Но если сын у него да жена — за него не вступайся!
«Публий почтенный! — скажи или: — Квинт! (обращенье
такое —

Признак доверья, приятный ушам!) меня привязало
Лишь уваженье к тебе; а дела и права мне знакомы.
Лучше пусть вырвут глаза мне, чем я допущу, чтоб соперник
Хоть скорлупкой ореха обидел тебя. Будь покоен!
Ты не будешь в потере; не дам над тобой надругаться!»
После проси, чтобы шел он домой и берег бы здоровье.
40 Сам же вовсю хлопочи, хотя бы от зноя каникул
Трескались статуи или хотя бы на зимние Альпы
Фурий, распучивши брюхо, плевал бы седыми снегами!
«Ну, посмотри-ка! — тут скажет иной, толкнувши соседа. —
Вот трудолюбец, вот друг-то какой! вот прямо заботлив!»
Тут-то к садку твоему и потянутся жирные рыбы.
Если в богатом дому увидишь ты хворого сына,
То поспеши и туда — затем, чтоб отвлечь подозренья,
Что из корысти заботишься ты об одних бессемейных.
Коли сумеешь и здесь угодить, то не будешь в убытке —
50 Глядь, и вторым тебя впишут наследником, ежели мальчик
Рано отправится к Орку. Тут редко случится дать промах!
Если кто просит тебя прочитать его завещанье,
Ты откажись и таблички рукой оттолкни, но стороной
Сам потихоньку взгляни между тем: что на первой табличке
В строчке второй и один там наследник иль много.
Зорче смотри, чтоб тебя писец из пяти подначальных
Так не провел, как ворону лиса! И Коран этот ловкий
Будет потом хохотать над ловцом завещаний, Назикой!

У л и с с

В исступленье пророческом ты или шутишь в загадках?

Т и р е с и й

60 Что я сказал, Лаэртид, то иль будет иль нет, — непременно!
Дар прорицанья мне дан самим Аполлоном великим!

У л и с с

Ежели можно, однако, открой мне, что это значит?

Т и р е с и й

Некогда юный герой, страх парфян, из Энеева рода,
Славой наполнит своей и землю и море. В то время
Дочь за Корана свою выдаст замуж Назика, из страха,
Чтобы могучий Коран с него не потребовал долгу.
Что же сделает зять? Он тестю подаст завещанье
С просьбой его прочитать. Назика противиться будет.
Но, наконец, возьмет, и прочтет про себя, и увидит,
Что завещают ему одно: о покойнике плакать!

70 Вот и еще мой совет: когда стариком полоумным
Хитрая женщина или отпущенник правит, то нужно
Быть заодно; похвали их ему, чтоб тебя похвалили!
Будет полезно и то! Но верней — лобовая атака;
Может быть, сдуру стихи он пишет плохие, старик-то?
Ты их хвали. Коль блудник он — не жди, чтоб просил; угождая
Мощному, сам ты вручи Пенелопу ему.

У л и с с

Неужели

Сможет, по-твоему, он совладать с целомудренной, с чистой,
С той, что с прямого пути совратить женихи не сумели?

Т и р е с и й

Дива нет — шла молодежь, что скупа на большие подарки,
80 Та, что не столько любви, сколько кухни хорошей искала.
Вот почему и чиста Пенелопа; но если от старца
Вкусит она барышок и разделит с тобой хоть разочек,—
То уж отстать не захочет, как пес над засаленной шкурой.
В дни моей старости в Фивах одна старушка лукаво
Так завещала, чтоб тело ее, умащенное маслом,
Сам наследник на голых плечах отнес на кладбище:
Ускользнуть от него и по смерти хотела, затем что
Слишком к живой приступал он. Смотри же и ты: берегися,
Чтобы не слишком быть вялым и чтобы не слишком быть рьяным!
90 Кто своенравен, ворчлив, тому говорливость досадна.
Будь при таком молчалив: «да», «нет», и больше — ни слова;

Стой, как в комедии Дав, склоняясь с испуганным видом.
Но на услуги будь скор: подует ли ветер, напомни,
Чтобы головку прикрыл; в тесноте предложи опереться
И плечом подслужись, а болталив он — внимательно слушай.
Лесть ли он любит — хвали, пока не всплеснет он руками,
Не отставай, покуда он сам не воскликнет: «довольно!»
Дуй ему в уши своей похвалой, как мех раздувательный.
Ну, а когда он умрет, чтобы мог ты вздохнуть с облегченьем,
100 И услышишь ты вдруг наяву: «Завещаю Улиссу
Четверть наследства!» — воскликни тогда: «О любезный мой
Дамал

И тебя уже нет! Где такого найти человека!..»
Сам зарыдай, и не худо, чтоб слезы в глазах показались:
Это полезно, чтоб скрыть на лице невольную радость.
Памятник сделай богатый и пышно устрой погребенье,
Так, чтобы долго дивились и долго хвалили соседи.
Если же твой сонаследник старик и в одышке и в кашле,
Ты предложи, не угодно ли взять или дом, иль именье
Лучшее в части твоей, хотя б за условную цену!
110 Но увлекает меня Прозерпина!..

Живи и будь счастлив!

САТИРА ШЕСТАЯ

Вот в чем желания были мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,
К этому лес небольшой! И лучше и больше послали
Боги бессмертные мне; не тревожу их просьбою боле,
Кроме того, чтобы эти дары мне оставил Меркурий.
Если достаток мой я не умножил постыдной корыстью;
Если его не умалил небрежностью иль беспорядком;
Если я дерзкой мольбы не взношу к небесам, как другие:
10 «О, хоть бы этот еще уголок мне прибавить к владенью!
Хоть бы мне урну найти с серебром, как наемник, который,
Взыскан Алкидом, купил и себе обрабатывать начал
Поле, которое прежде он же пахал на другого»;
Если доволен я тем, что имею, — прошу, Меркурий:
Будь покровителем мне, пусть толще становится скот мой,
Как и иное добро, а тонким лишь ум остается!

Скрывшись от шумного города в горы мои, как в твердыню,
Чуждый забот честолюбья, от ветров осенних укрытый,
Страшную жатву всегда приносящих тебе, Либитина,
Что мне воспеть в сатирах моих с моей скромною Музой?

20 Раннего утра отец! или (если приятней другое
Имя тебе) о бог Янус, которым все человеки
Жизни труды начинают, как боги им повелели!
Будь ты началом и этих стихов! Не ты ль меня в Риме
Гонишь с постели: «Вставай! Торопись поручиться за друга!»
Северный ветер ли землю грызет, зима ль выгоняет
Солнце сквозь снег на низкое небо, — нет нужды, иду я
Голосом ясным ручательство дать — себе в разоренье! —
Чтобы потом, продираясь назад чрез толпу, вдруг услышать
Голос обидный: «Куда ты несешься? Чего тебе надо?

30 Или затем лишь толкаешься ты, как шальной, с кем попало,
Чтобы скорее опять прибежать к твоему Меценату?»
Этот упрек, признаюсь, мне сладок, как мед! Но лишь только
До Эсквилинской дойдешь высоты, как вспомнишь, что сотня
Дел на плечах. Там Росций просил побывать у Колодца
Завтра поутру; а тут есть общее новое дело —
Скрибы велели напомнить: «Квинт, не забудь, приходи же!»
Тут кто-нибудь подойдет: «Постарайся, чтоб к этой бумаге
Твой Меценат печать приложил». Говорю: «Постараюсь!» —
Слышу в ответ: «Тебе не откажет! Захочешь — так сможешь!»

40 Да! скоро будет осьмой уже год, как я к Меценату
Стал приближен, как я стал в его доме своим человеком.
Близость же эта вся в том, что однажды с собою в коляске
Брал он в дорогу меня, а доверенность — в самых безделках!
Спросит: «Который час?» — иль: «Какой гладиатор
искусней?»

Или заметит, что холодно утро и надо беречься;
Или другое, что можно доверить и всякому уху!
Но, невзирая на это, завистников больше и больше
С часу на час у меня. Покажусь с Меценатом в театре
Или на Марсовом поле, — все в голос: «Любимец Фортуны!»
50 Чуть разнесутся в народе какие тревожные слухи,
Всякий, кого я ни встречу, ко мне приступает с вопросом:
«Ну, расскажи нам (тебе, без сомнения, все уж известно,
Ты ведь близок к богам!) — не слыхал ли чего ты о даках?»
— Я? Ничего! — «Да полно шутить!» — Клянусь, что ни слова!

«Ну, а те земли, которые воинам дать обещали,
Где их, в Сицилии или в Италии Цезарь назначил?»
Ежели я поклянусь, что не знаю, — дивятся, и всякий
Скрытным меня человеком с этой минуты считает!

60 Так я теряю мой день и нередко потом восклицаю:
— О, когда ж я увижу поля! И когда же смогу я
То над писаньями древних, то в сладкой дремоте и в лени
Вновь наслаждаться блаженным забвением жизни тревожной!
О, когда ж на столе у меня появятся снова
Боб, Пифагору родной, и с приправою жирною зелень!
О пир, достойный богов, когда вечером с друзьями
Я под кровом домашним моим и трапезы остатки
Весело сносят рабы и потом меж собою пируют.
Каждому гостю закон — лишь собственный вкус и охота,
Каждый по-своему пьет: иной выбирает покрепче,
70 Ну, а иному милей разбавленным тешиться Вакхом.
Нашей беседы предмет — не дома и не земли чужие;
Наш разговор не о том, хорошо ли и ловко ли пляшет
Лепос, но то, что нужнее, что вредно не знать человеку.
Судим: богато ли делает счастливым иль добродетель;
Выгоды или достоинства к дружбе вернее приводят;
В чем существо добра и в чем высочайшее благо?

Цервий меж тем, наш сосед, побасенку расскажет нам кстати.
Если богатство Ареллия кто, например, превозносит,
Не слыхав о заботах его, он так начинает:
80 «Мышь деревенская раз городскую к себе пригласила
В бедную нору — они старинными были друзьями.
Скучно хозяйка жила, но для гостей всю душу открыла:
Чем богата, тем рада; что было, ей все предложила:
Кучку сухого гороха, овса; притащила в зубах ей
Даже изюму и сала обглоданный прежде кусочек,
Думая в госте хоть разностью яств победить отвращенье.
Гостя брезгливо глядит, чуть касается кушаний зубом,
Между тем как хозяйка, все лучшее ей уступивши,
Лежа сама на соломе, лишь куколь с мякиной жевала.
90 Вот, наконец, горожанка так речь начала:

«Что за радость
Жить, как живешь ты, подруга, в лесу, на горе, средь лишений!
Разве не лучше дремучих лесов многолюдный наш город?
Хочешь — пойдем со мною туда! Все, что жизнь дышит,

Смерти подвластно на нашей земле: и великий и малый,
Смерти никто не уйдет; для того-то, моя дорогая,
Если ты можешь, живи, наслаждайся и пользуйся жизнью,
Помня, что краток наш век». Деревенскаямышь, убежденья
Дружбы послушавшись, прыг — и тотчас из норы побежала.
Обе направили к городу путь, чтобы затемно тайно
100 В стену пролезть. И уж ночь, совершая свой путь поднебесный,
За половину прошла, когда наконец две подруги
Прибыли к пышным палатам; вошли: там пурпур блестящий
Ложам роскошным из кости слоновой служил драгоценным
Мягким покровом; а там в корзинах, наваленных грудой,
Были на блюдах остатки вчерашнего пышного пира.
Вот, уложив деревенскую гостью на пурпурном ложе,
Стала хозяйка ее угощать, хлопоча деловито:
Яства за яствами ей подает, как привычный служитель,
Не забывая лизнуть и сама от каждого блюда.
110 Та же, разлегшись спокойно, так рада судьбы перемене,
Так весела на пиру! Но вдруг громыкнули запоры,
С треском скрипнула тяжкая дверь — а хозяйка и гостья
С ложа скорее долой и дрожа заметались по зале.
Дальше — больше: совсем еле живы, слышали мышки
Зычное лаянье псов. «Ну, нет! — говорит поселянка, —
Эта жизнь не по мне. Наслаждайся одна, а я снова
На гору, в лес мой уйду — преспокойно глотать чечевицу!»

САТИРА СЕДЬМАЯ

Д а в

Слушаю я уж давно. И хотелось бы слово промолвить:
Только боюсь: я ведь раб!

Г о р а ц и й

Это, кажется, Дав?

Д а в

Да, он самый —
Дав, твой преданный раб и служитель достаточно честный,
Чтобы меня ты оставил в живых!

Г о р а ц и й

Ну что ж с тобой делать!

Пользуйся волей декабрьской: так предки устали наши.
Ну, говори!

Д а в

Есть люди, которые в зле постоянны,
Прямо к порочной их цели идут; а другие мнутся
Между злом и добром. Вот Приск, например: то он носит
По три перстня зараз, а то и единственный снимет;
¹⁰ То он широкой, то узкой каймой обошьет свою тогу,
То он в роскошном чертоге живет, а то заберется
В этакий дом, что и раб постыдился бы выйти оттуда;
То щеголяет он в Риме, то вздумает лучше в Афинах
Жить, как мудрец: сто Вертуменов его преследуют гневом!
А Воланерий, когда ему скрючила пальцы хирагра
(И поделом игроку!), то нанял себе человека,
Чтобы за деньги он тряс и бросал из стаканчика кости.
Вот — постоянства в пороках пример! Но все же и этим
Он — счастливей, чем Приск: он меньше презрен и несчастлив,
²⁰ Нежели тот, кто веревку свою то натянет, то спустит.

Г о р а ц и й

Скажешь ли, висельник, мне: к чему эти пошлые речи?..

Д а в

Да к тебе!

Г о р а ц и й

Как ко мне, негодяй?

Д а в

Не сердись! Но не ты ли
Нравы и счастье предков хвалил? А ведь если бы это
Счастье боги тебе и послали, ведь ты бы не принял!
Все оттого, что не чувствуешь в сердце, что хвалишь устами;
Иль оттого, что в добре ты нетверд, что увяз ты в болоте
И что лень, как ни хочется, вытащить ноги из тины.
В Риме тебя восхищает деревня: поедешь в деревню —
Рим превозносишь до звезд. Как нет приглашенья на ужин —

30 Хвалишь и зелень и овощи; счастьем считаешь, что дома
Сам ты себе господин, как будто в гостях ты в оковах,
Будто бы рад, что нигде не приходится пить, и доволен.
Если же на вечер звать придет Меценат: «Наливайте
Масло скорее в фонарь! Эй! слышит ли кто?» —

как безумный,

Ты закричишь, зашумишь, беготню во всем доме поднимешь.
Мульвий и все прихлебатели — прочь! А какие проклятья
Сыплют они на тебя — уж лучше о том и не думать!

«Да,— рассуждает иной.— Нос по ветру, брюхо пустое —
Вот я каков, лентяй и глупец, завсегдатай трактирный!

40 Что ж, я не спорю о том! Но поверь, что и сам ты такой же,
Если не хуже; только что речью красивой умеешь
Слабость свою прикрывать!» И точно: ведь впрямь ты безумней
Даже меня, хоть меня и купил ты на медные деньги!
Да не грозись, подожди, удержи и руку и злобу —

Я расскажу тебе все, что открыл мне привратник Криспина!

Жены чужие тебя привлекают, а Дава — блудницы.

Кто же из нас достойней креста за свой грех? Ведь когда я
Страстной природой томлюсь, раздеваясь при яркой лампаде,
Та, что желаньям моим отвечает, как подобает,

50 Или играет со мной и, точно коня, распалает,
Та отпускает меня, не позоря: не знаю я страха,
Как бы ее не отбил кто-нибудь иль богаче, иль краше;
Ты же снимаешь с себя и всадника перстень, и тогу
Римскую, ты из судьи превращаешься в гнусного Даму
И надушенные кудри вонючим плащом прикрываешь.

Разве тогда ты не тот, кем прикинулся? Робкого, вводят
В дом тебя; борется похоть со страхом, колени трясутся.

Разница в чем — ты «на смерть от огня, от плетей, от железа»
Сам, подрядившись, идешь или, запертый в ящик позорно,

60 Спущен служанкой туда, сообщницей грязного дела,
Скорчась сидишь, до колен головою касаясь? По праву
Мужу грешащей жены дана над обоими воля.

А уж над тем, кто прельстил,— особенно. Ибо она ведь
В доме своем и в платье своем, а тебе уступает
Лишь потому, что боится тебя, твоей страсти не веря.

Ты ж, сознавая, пойдешь под ярмо и ярости мужа
Весь свой достаток отдашь, свою жизнь, свое тело и славу!
Цел ты ушел; поумнел, я надеюсь, и станешь беречься?

Нет, где бы снова дрожать, где бы вновь мог погибнуть,
ты ищешь.

70 О, четырежды раб! Какое ж чудовище станет,
Цепи порвавши, бежав, возвращаться обратно к ним сдуру?

«Я не блудник!» — возразишь ты. И я ведь не вор —
прохожу я

Мимо серебряных ваз, а не трону. Но только из страха?

Сбрось эту узду, природа тотчас забунтует.

Ты господин мой, а раб и вещей и раб человеков

Больше, чем я, потому что с тебя и сам претор ударом

Четырехкратным жезла добровольной неволи не снимет!

К этому вот что прибавь, что не меньше внимания стоит:

Раб, подвластный рабу, за него исправляющий должность, —

80 Равный ему или нет? Так и я пред тобой! Ты мне тоже

Ведь приказанья даешь, а сам у других в услуженье,

Словно болванчик, которым другие за ниточку движут!

Кто же свободен? Мудрец, который владеет собою:

Тот, кого не страшат ни бедность, ни смерть, ни оковы,

Кто неподвластен страстям, кто на почести смотрит с презрением;

Тот, кто довлеет себе; кто, как шар и круглый и гладкий,

Все отрясает с себя, что его ни коснется снаружи;

Тот, перед кем и Фортуна опустит бессильные руки!

С этим подобьем ты сходиен ли? Нет! Попросит красотка

90 Пять талантов с тебя, да помучит, да двери захлопнет,

Да и холодной окатит водой, да снова приманит!

Вывись попробуй из этих оков: «Я свободен!» — Ужели?

Нет! над тобой есть такой господин, что, лишь чуть притомишься,

Колет тебя острием; а отстанешь, так он подгоняет!

Смотришь картины ты Павсия, к месту как будто прикован.

Что ж, ты умнее меня, коли я, на цыпочки ставши,

Пялю на стенку глаза, где намазаны красным и черным

Рутуба, Фульвий и Плацидеян в отчаянной битве?

Будто живые они: то удар нанесут, то отскочат!

100 Дав засмотрелся на них — ротозей он; а ты заглядишься —

Дело другое: ты тонкий ценитель искусства древних!

Я на горячий наброшусь пирог — ты меня обругаешь;

Ну, а тебя от пиров спасает ли дух твой высокий?

Я понимаю, что мне обжорство гораздо опасней —

Я ведь спиною плачусь! Но и ты дождешься расплаты

За разносолы твои, на которые тратишь ты деньги:

Горькой становится сласть, когда она входит в привычку,
И не стоит на неверных ногах недужное тело!
110 Раб твой, скребницу стянув, променяет на кисть винограда —
Он виноват; а кто земли свои продает в угожденье
Жадному брюху, тот раб или нет? Да прибавь, что ты дома
Часу не можешь пробыть сам с собой, а свободное время
Тратишь всегда в пустяках! Ты себя убегаешь и хочешь
Скуку в вине потопить или сном от забот позабыться,
Только напрасно! Они за тобой и повсюду нагонят!

Г о р а ц и й

Хоть бы мне камень попался какой!

Д а в

На что?

Г о р а ц и й

Хоть бы стрелы!

Д а в

Что это с ним? Помешался он, что ль, иль стихи сочиняет?..

Г о р а ц и й

Вон! А не то попадешь ты девятым в сабинское поле!

САТИРА ВОСЬМАЯ

Г о р а ц и й

Что? Хорош ли был ужин счастливчика Насидиена?
Я за тобою вчера посылал; но сказали, что с полдня
Там ты пирюешь.

Ф у н д а н и й

Ужин чудесный был! В жизнь мою, право,
Лучше не видывал я!

Г о р а ц и й

Расскажи мне, ежели можно,
Что же прежде всего успокоило ваши желудки?

Ф у н д а н и й

Вепрь луканийский при южном, но легком, пойманный ветре —
Так нам хозяин сказал. Вокруг же на блюде лежали
Репа, редис и латук, все, что позыв к еде возбуждает:
Сахарный корень, рассол и приправа из винного камня.
¹⁰ Только что снят был кабан, высоко подпоясанный малый
Стол из кленового дерева лоскутом пурпурным вытер,
А другой подобрал все отбросы, какие могли бы
Быть неприятны гостям. Потом, как афинская дева
Со святыней Цереры, вступил меднолицый гidasпец
С ношей цекубского; следом за ним грек явился с хиосским,
Чистым от влаги морской. Тут хозяин сказал Меценату:
«Есть и фалернское, есть и альбанское, если ты любишь».

Г о р а ц и й

Жалкое чванство богатства! Однако ж скажи мне, Фунданий,
Прежде всего: кто были с тобою тут прочие гости?

Ф у н д а н и й

²⁰ Верхним был я, Виск подле меня, а с нами же, ниже,
Помнится, Варий; потом, с Балатроном Сервилием рядом,
Был и Вибидий: обоих привез Меценат их с собою!
Меж Номентана и Порция был, наконец, сам хозяин;
Порций нас тем забавлял, что глотал пироги не жевавши.
А Номентан был нарочно затем, чтоб указывать пальцем,
Что проглядят; ведь толпа — то есть мы, все прочие гости,—
Рыбу и устриц, птиц не совсем различала по вкусу:
Был этот вкус не такой, какой в них обычно бывает,
Что и открылось, когда он попотчевал нас потрохами
³⁰ Ромба и камбалы; я таких не отведывал прежде!
Далее он объяснил нам, что яблоки, снятые с ветвей
В пору луны молодой, бывают красны. А причину
Сам спроси у него. Тут Вибидий сказал Балатрону:
«Коль не напьемся мы в дым, мы, право, умрем без отщепеня!»
И спросили бокалов больших. Побледнел наш хозяин.
Ничего не боялся он так, как гостей опьянелых:
Или затем, что в речах допускают излишнюю вольность,
Или что крепкие вина у лакомок вкус притупляют.
Вот Балатрон и Вибидий, за ними и мы, с их примера,

40 Льем вино — бутyli вверх дном! — в алифанские кружки!
Только на нижнем конце пощадили хозяина гости.

Тут принесли нам мурену, длиною в огромное блюдо:
В соусе плавали раки вокруг. Хозяин сказал нам:
«Не метала еще! как помечет, становится хуже!

Вот и подливка при ней, из венафрского сделана масла
Первой выжимки; взвар же — из сока рыб иберийских
С пятилетним вином, не заморским, однако, а здешним.

А уж в готовый отвар и хиосского можно подбавить,
Белого перцу подсыпать и уксуса капнуть, который
50 Выжат из гроздий Метимны одних и, чистый, заквашен.
Зелень дикой горчицы варить — я выдумал первый;
Но морского ежа кипятить непромытым — Куртилий
Первый открыл: здесь отвар вкусней, чем рассол из ракушек».

Только что кончил он речь, как вдруг балдахин над гостями
Рухнул на стол, между блюд, поднимая облаки пыли
Черной, какую в кампанских полях аквилон воздвигает.

Мы испугались, но, видя, что все бы могло быть и хуже,
Развеселились опять; один лишь хозяин, поникнув,
Плакал, как будто над сыном единственным, в детстве умершим!
60 Как знать, когда бы он кончил, когда б мудрецом Номентаном
Не был утешен он так: «О Фортуна! кто из бессмертных
К смертным жесточе тебя! Ты рада играть человеком!»

Варий от смеха чуть мог удержаться, закрывшись салфеткой.
А Балатрон, всегдашний насмешник, воскликнул: «Таков уж
Жребий всех человеков; такая судьба их, что слава
Никогда их трудов не оплатит достойной наградой!

Сколько ты мучился, сколько забот перенес, беспокойства,
Чтобы меня угостить! Хлопотал, чтоб был хлеб без подгару,
Чтобы подливки приправлены были и в меру и вкусно,

70 Чтобы слуги прилично и чисто все были одеты;
Случай — и все ни во что! Вдруг, как на смех, обрушится сверху
Твой балдахин или конюх споткнется — и вдребезги блюдо!
Но на пиру, как в бою, в неудаче сильней, чем в удаче,
Истинный дар познается хозяина и полководца». —
«О, да исполнят же боги тебе все желания сердца,
Муж добродетельный! Добрый товарищ!» — так с чувством
воскликнул

Насидиен и обулся, чтоб выйти. А гости на ложах
Ну шептаться друг с другом, кивая с таинственным видом!

Гораций

Впрямь никакого бы зрелища так не хотелось мне видеть!
80 Ну, а чему же потом вы еще посмеялись?

Фунданий

Вибидий

Грустно служителям сделал вопрос: «Не разбиты ль кувшины,
Потому что бокалы гостей... стоят не налиты?»
Захотел Балатрон, остальные — за ним; в это время
Снова вступает Насидиен, но с лицом просветленным,
Точно как будто искусством готов победить он Фортуну.
Следом за ним принесли журавля: на широком подносе
Рознят он был на куски и посыпан мукою и солью.
Подали печень от белого гуся, что фигами вскормлен,
Подали плечики зайца — они ведь вкуснее, чем ляжки.
90 Вскоре увидели мы и дроздов, подгорелых немножко,
И голубей без задков. Претонкие лакомства вкуса,
Если бы пира хозяин о каждом кушанье порознь
Нам не рассказывал все: и откуда оно, и какое,—
Так что их и не ели, как будто, дохнувши на блюда,
Ведьма Канидия их заразила змеиным дыханьем!

ПЕРСИИ

Перевод Ф. Петровского

САТИРЫ

ПРОЛОГ

Ни губ не полоскал я в роднике конском,
 Ни на Парнасе двухвершинном мне грезить
 Не приходилось, чтоб поэтом вдруг стал я.
 Я геликонских дев с Пиреною бледной
 Предоставляю тем, чьи лики плющ цепкий
 Обычно лижет; сам же, как полунеуч,
 Во храм певцов я приношу стихи эти.
 Из попугая кто извлек его «здравствуй»,
 Сорок заставил выкликать слова наши?
 Искусств учитель, на таланты все щедрый,
 Желудок, мастер голосов искать чуждых:
 Блеснет надежда на коварные деньги —
 Сорока поэтессой, как поэт — ворон
 Пегасовым напевом запоят, верь мне!

О заботы людей! О, сколько на свете пустого!
 «Кто это станет читать?» Вот это? Никто! «Ты уверен?»
 Двое иль вовсе никто. «Это скверно и жалко!» Да так ли?
 Полидамант и троянки, боюсь я, что ль, Лабео́на
 Мне предпочтут? Пустяки! Зачем тебе следовать вкусам
 Смутного Рима? Зачем стараться выравнять стрелку
 Ложных весов? Вне себя самого судьи не ищи ты.
 Есть ли кто в Риме, чтоб он... Ах, коль можно сказать бы!..

Но можно,

- Если на наши взглянуть седины, на жалкую нашу
 10 Жизнь и на то, что теперь мы делаем, бросив орехи;
 Корчим когда из себя мы дядюшек... Нет уж, простите!
 Что же мне делать? Ведь я хохотун с селезенкою дерзкой!
 Пишем мы все взаперти — кто стихами, кто вольною речью,—
 Выспренне так, что любой запыхался б и самый здоровый.
 Это народу ведь все — причесанный, в новенькой тоге,
 Точно в рожденье свое, с сардониксом на пальце, весь в белом,
 Сидя высоко, читать ты будешь, проворное горло
 Снадобьем жидким смочив, похотливо глядя и ломаясь.
 Как непристойно дрожат при этом дюжие Титы
 20 С голосом сильным, смотри, когда проникают им в чресла
 Ви́рши и все их нутро стихом своим зыбким щеко́чут!
 Снедь, старикашка, не ты ль для чужих ушей собираешь,
 Хоть и готов закричать, из кожи вылезши: «Ну вас!»,
 «Что же учиться, коль нет побужденья, коль, грудь разрывая,
 К славе врожденная страсть найти исхода не сможет?»
 Вот ты и бледен и дряхл. О нравы! Иль совершенно
 Знание твое ни к чему, коль не знает другой, что ты знаешь?
 «Но ведь приятно, коль пальцем покажут и шепчут все:

«Вот он!» —

- Иль что диктуют тебя целой сотне кудрявых мальчишек,
 30 Вздором считаешь?» А вот за вином любопытствуют внуки
 Ромула сытые, что расскажешь ты в дивной поэме.
 Тут кто-нибудь, у кого на плечах лиловая хлена,
 Косноязычно и в нос объявив о чем-нибудь затхло́м,
 Всяких Филлид, Гипсипил и поэтов слезливые басни
 Цедит сквозь зубы, слова коверкая лепетом нежным.
 Мужичи довольны. Теперь не блажен ли такого поэта

- Прах? и не легче ль плита его кости могильная давит?
 Гости в восторге. Теперь из тени его замогильной
 И на холме у него, из его счастливого пепла,
 40 Не разрастутся ль цветы? «Издеваешься ты,— говорит он,—
 И задираешь ты нос. Да кто ж не захочет народной
 Славы себе и, сказав достойное кедра, оставить
 Стихотворенья, каким ни макрель, ни ладан не страшны?»
- Кто бы ты ни был, кого своим я противником вывел,
 Честно тебе признаюсь, что, когда я пишу и выходит
 Что-то удачно, хотя у меня это редкая птица,
 Все ж не боюсь похвалы, да и нервы мои не из рога;
 Но отрицаю я то, что «чудесно» твое и «прелестно»
 Крайний сужденья предел; встряхни-ка ты это «чудесно»:
 50 Нету чего только в нем! Чемерицей опоенный Аттий
 Здесь с Илиадой своей, элегички здесь, что диктует
 Наша незрелая знать, и все, что на ложках лимонных
 Пишется лежа. Подать ты умеешь горячее вымя,
 Да и клиенту дарить поношенный плащ, а при этом
 «Правду люблю» говоришь, «обо мне скажите всю правду».
 Как это можно?.. Сказать? Все вздор ты пишешь, плешивый,
 Да и отвисло твое непомерно надутое брюхо.
 Янус, ты счастлив! Тебе трещать за спиною не станут
 Аистом, длинных ушей не сделают ловкой рукою
 60 И не покажут язык, как у пса с пересохшею глоткой!
 Вы же, патрициев кровь, которым судьба присудила
 Жить с затылком слепым, оглянитесь-ка вы на ужимки!
- «Что говорят обо мне?» Скажу тебе: то, что теперь лишь
 Плавные стихи потекли и так, что по швам их и строгий
 Ноготь пройдет, не застряв: «Он умеет так вытянуть строку,
 Словно, прищуривши глаз, по шнуру ее красному вывел.
 Нравы ли надо громить, пиры ли вельмож или роскошь —
 Выспренность мыслей дает поэту нашему муза».
 Вот мы и видим, как те выставляют геройские чувства,
 70 Кто лишь по-гречески врал, описать не умеючи даже
 Роши иль похвалить деревенский уют: с коробами,
 Свиньями и очагом, и Палильями с дымом от сена —
 Родину Рема, где был ты, сошник в земле притуплявший,
 Квинтий, дрожащей женой пред волами одет как диктатор;
 Плуг же домой тебе ликтор отнес. Превосходно поешь ты!
 Есть, кого и теперь «Брисейдой» свою корявой

Акий влечет и мила Пакувиева «Антиопа»,
 Вся в бородавках, чье «сердце в слезах оперлося на горе».
 Видя, что сами отцы близорукие это вбивают
 80 В голову детям, ужель об источнике спрашивать станешь
 Нашей пустой болтовни и о том непотребстве, с которым
 Прыгают так у тебя на скамьях безбородые франты?
 Ну не позорно ль, что ты защитить седины не можешь,
 Не пожелав услышать тепловатое это «прекрасно»?
 Педию скажут: «Ты вор». Что ж Педий? Кладет преступленья
 Он на весы антитез, и хвалят его за фигуры:
 «Как хорошо!» Хорошо? Хвостом ты, Ромул, виляешь?
 Тронет ли пенъем меня потерпевший кораблекрушение?
 Асса ль дождется? Поешь, а портрет твой на судне разбитом
 90 Вдел на плечо ты себе? Не придуманным ночью, правдивым
 Будет плач у того, кто меня разжалобить хочет.
 «Грубым размерам зато изящество придано, плавность;
 Так мы умеем стихи заключать: «в Берекинтии Аттис»,
 Или: «Дельфин рассекал Нерее лазурное тело»,
 Иль: «мы отторгли бедро у длинного Апеннина».
 «Брани и мужа пою». Не правда ль, надут, коряво
 Это, как старый сучок, засохший на пробковом дубе?»
 Нежное, что ж, нам читать, по-твоему, шейку склонивши?
 «Мималлонейским рога наполнили грозные ревом,
 100 И с головою тельца строптивого тут Бассарида
 Мчится, и с нею спешит Менада, рысь погоняя
 Тирсом. Вопят: «Эвий, к нам!» — и ответное вторит им эхо».
 Разве писали бы так, будь у нас хоть капелька старой
 Жизненной силы отцов? Бессильно плавает это
 Сверху слюны на губах, и Менада и Аттис — водица:
 По столу этот поэт не стучит, и ногтей не грызет он.
 «Но для чего же, скажи, царапать нежные уши
 Едкою правдою нам? Смотри, как бы знати пороги
 Не охладели к тебе: рычит там из пасти собачья
 110 Буква». По мне, хоть сейчас пусть все окажется белым!
 Я не мешаю. Ура! Все на свете идет превосходно!
 Нравится? Ты говоришь: «Запрещаю я здесь оправляться!»
 Парочку змей нарисуй: «Это место свято! Ступайте,
 Юноши, дальше!» Я прочь. Бичевал столицу Луцилий —
 Муция, Лупа,— и вот об них обломал себе зубы:
 Всяких пороков друзей касается Флакк хитроумный

Так, что смеются они, и резвятся у самого сердца,
Ловко умея народ поддевать и над ним насмеяться.
Мне же нельзя и шептать? хоть тайком, хоть в ямку? Напрасно?
120 Все же зарюю я здесь. Я видел, я сам видел, книжка,
Что у Мидаса-царя ослиные уши. И тайну
Эту и смеха тебе, пусть вздорного, ни за какую
Я Илиаду не дам. Ну а ты, вдохновенный Кратином
Дерзким и над Евполидом и старцем бледнеющий славным,
Глянть-ка: пожалуй, и здесь ты услышишь созрелое нечто.
Пусть зажигается мной читатель с прочищенным ухом,
А не нахалы, кому над крепидами греков смеяться
Любо, и те, кто кривых обозвать способен кривыми,
130 Кто зазнается, кто горд италийского званьем эдила
И разбивал где-нибудь в Арретии ложные мерки;
Да и не тот, кто хитер издеваться над счетной доскою
Иль над фигурой на мелком песке и готов потешаться,
Ежели кинику рвет его бороду наглая девка.
Им я — эдикт поутру, после полдника дам «Каллирою».

САТИРА ВТОРАЯ

Нынешний день ты отметь, Макрин мой, камешком лучшим:
День этот светлый тебе еще один год прибавляет.
Гению лей ты вино. В подкупной ты не просишь молитве
Благ, о которых богам ты лишь на ухо мог бы поведать.
Знати же добрая часть возливает тишком и кадит им:
Ведь не для всех хорошо бормотанье и шепот невнятный
Вывесть из храмов и жить, своих не скрывая желаний.
Совести, славы, ума откровенно просят и громко,
А про себя и сквозь зубы цедя бормочут: «О, если б
10 Дядюшка сдох, то-то смерть была бы на славу! О, если б
Заступ ударился мой о горшок с серебром, поспособствуй
Мне, Геркулес! Или как-нибудь мне извести бы мальчишку,
После которого я ближайший наследник! Паршивый
Он ведь и желчный! А Нерий жену уже третью хоронит!»
Чтобы молитву свою освятить, ты трижды поутру
Голову в Тибр окунешь и ночь очищаешь рекою.
Ну-ка, ответь,— мне узнать желательно сущую малость,—
Кем ты Юпитера мнишь? Предпочел бы его ты, положим,
Хоть...— «Ну, кому же?»— Кому? Хоть Стайно! Иль ты не уверен,

- 20 Кто из них лучший судья, кто к сиротам заботливей будет?
 Ну, так то самое, чем ты Юпитера слух поражаешь,
 Стайю, попробуй, скажи. «О Юпитер, блаженный Юпитер!» —
 Он бы воскликнул. А сам к себе не воззвал бы Юпитер?
 Думаешь ты, он простил бы тебя, коль скорее при громе
 Сера священная дуб, чем тебя и твой дом, поражает?
 Иль потому, что веленьем овечьих кишок и Эргенны
 В роще твой труп не лежит, обгаемый всеми и жалкий,
 Бороду дергать тебе свою позволяет Юпитер
 Глупую? Платой какой, какими такими дарами
- 30 Уши богов ты купил? Потрохами и ливером жирным?
 Вот вынимают, смотри, богомольные тетки и бабки
 Из колыбели дитя и лобик и влажные губки
 Мажут сначала слюной, поплевав на перст непристойный,
 Чтобы дитя освятить и от глаза дурного избавить;
 Нянчат потом на руках и для мальчика тщетно надежду
 То на Лицина поля, то на Красса палаты лелеют:
 «Пусть пожелают в зятя себе царь и царица младенца,
 Девушки жаждут и, где б ни ступил он, пусть вырастет роза!»
 Я же кормилце так просить не позволю, Юпитер,
- 40 Ей откажи, хоть она и молилась бы в белой одежде.
 Требуешь крепости мышц и бодрого в старости тела.
 Пусть, но роскошный твой стол и тяжелые пряные яства
 Сильно мешают богам и Юпитеру просьбу исполнить.
 В жертву быка принося, Меркурия просишь умножить
 Ты состоянье свое: «Ниспошли благоденствие дому,
 Даруй стада и приплод!» Да как это можно, несчастный,
 Раз у тебя на огне столько сальников таит телачьих?
 Но настоять на своем он кишками и жирной лепешкой
 Все-таки хочет: «Уже разрастаются поле, овчарня,
- 50 Вот уже просьбы мои исполняются, вот уж...» — покамест
 «Плакали денежки» он, обманувшись в надеждах, не скажет.
 Если б тебе надарил я серебряных чаш с золотою
 Толстой отделкой, то ты вспотел бы, конечно, и сердце
 В левой груди у тебя от восторга в слезах бы забилося.
 Вот и пришла тебе мысль покрывать священные лики
 Золотом, взятым в боях: «Пускай среди бронзовых братьев
 Те, о которых идут сновиденья без бреда больного,
 Главными будут и пусть стоят с золотой бородою».
 Золото выгнало медь Сатурнову с утварью Нумы,

60 Урны весталок собой заменяя и тускскую глину.
 О вы, склоненные ниц, умы, не причастные небу,
 Что за охота вносить наши нравы в священные храмы
 И о желаньях богов судить по плоти преступной?
 Это она, разведя в нем корицу, испортила масло,
 И калабрийскую шерсть осквернила пурпуровой краской,
 И выцарапывать нам из раковин жемчуг велела,
 И, раскалив, отделять золотые частицы от шлака.
 Да, заблуждается плоть, но пороки использует; вы же
 Мне объясните, жрецы, к чему ваше золото храмам?
 70 То же оно для святынь, что и куклы девиц для Венеры.
 Что ж не приносим богам мы того, что на блюдах не может
 Подслеповатое дать Мессалы великого племя:
 Правосознание, и долг священный, и чистые мысли,
 И благородство души, и честное искреннее сердце.
 Это дай в храмы внести, и полбой богов умолю я.

САТИРА ТРЕТЬЯ

«Так вот всегда! Проникает уже к нам ясное утро
 В окна, и солнечный свет расширяет узкие щели,
 Мы же храпим, да и так, что мог бы совсем испариться
 Неукротимый фалерн; а уж тень-то у пятого знака!
 Что же ты делаешь? Пес неистовый нивы сухие
 Жжет уж давно, и весь скот собрался под раскидистым вязом!» —
 Спутник один говорит. «Неужели? Да так ли? Скорее,
 Эй, кто-нибудь! Никого. — И зеленая желчь закипает. —
 Лопну я!» — Так он орет, как ослов в Аркадии стадо.
 10 Вот уже книга в руках, лощенный двухцветный пергамент,
 Свиток бумаги и с ней узловатый тростник для писанья.
 Тут мы ворчим, что с пера не стекают густые чернила
 Или разбавлены так, что они совершенно бесцветны
 И, не держась на пере, огромные делают кляксы.
 «Ах ты несчастный, и день ото дня все несчастней! Неужто
 Так распустились мы? Что ж, словно нежный ты голубочек
 Или как царский сынок, ты требуешь, чтобы жевали
 Пищу тебе и, на мамку сердясь, ты бай-бай не желаешь?» —
 «Этим пером мне писать?» — «Да кому говоришь ты? К чему ты
 20 Хнычешь-то зря? Над тобой издеваются. Ты подтекаешь,
 Жалкий дурак: дребезжит, как постучать его, или звякнет

Глухо горшок, коль наскоро он обожжен и не высох.
 Мягкая глина ведь ты и сырая: лепить поскорее
 Надо тебя, колесо верти без конца. Но довольно
 В вотчине хлеба твоей, солонка чиста, без изъяна,
 И — ты не бойся! — очаг украшается жертвенным блюдом.
 Что ж, и довольно? И надо тебе надуваться спесиво,
 Ежели в тускской твоей родословной до тысячи предков,
 30 Цензор — родня и его ты в трабее приветствовать можешь?
 Блеск — для толпы! А тебя и без кожи и в коже я знаю.
 Жить не постыдно тебе, подражая распутному Натте?
 Но ведь в пороке погряз он, и все обросло его сердце
 Жиром; безгрешен он стал: не знает того, что теряет,
 И, погрузившись на дно, не всплывает назад на поверхность».
 Отче великий богов, накажи, умоляю, тиранов
 Только лишь тем, чтоб они, — когда их жестокие страсти,
 Ядом палящим горя, души извращают природу, —
 Доблесть увидеть могли и чахли, что долг позабыли.
 40 Был ли ужаснее стон из меди быка сицилийца,
 Больше ли меч угрожал, с потолка золотого свисая
 Над головами людей, облаченных в порфиру, чем возглас:
 «В бездну мы, в бездну летим!» — как те про себя восклицают,
 Кто побледнел до нутра и чьих мыслей и жены не знают?
 Помню, как мальчиком я глаза натирал себе маслом,
 Коль не хотел повторять предсмертных высокопарных
 Слов Катона, в восторг приводя учителя-дурня,
 Чтобы, потея, отец их слушал в школе с друзьями.
 Правильно; я ведь узнать добивался, сколько «шестерка»
 50 Ловкая мне принесет и отнимет зловередная «сучка»,
 Как бы без промаха мне попадать в узкогорлый кувшинчик
 И похитрее других кубарь свой кнутом завертеть мне.
 Ты же, умея клеймить пороки и зная ученье
 Портника мудрого, где намалеваны персы в шальварах,
 Все понимая, над чем остриженный юноша ночью
 Бьется, питаюсь стручком и ячневой грубой лепешкой,
 Ты, для кого развела самосские веточки буква
 И указала идти, поднимаясь по правой тропинке,
 Все ты хранишь, голова ослабела, а челюсть отвисла,
 И продолжаешь зевать ты после вчерашней попойки.
 60 Цель-то какая твоя? Куда ты свой дух направляешь?
 Или в ворон черепком и грязью швыряешь, и бродишь

Зря, куда ноги несут, и живешь, ни о чем не заботясь?
Ты посмотри-ка на тех, что просят себе чемерицы,
Только как вспухнут уже: спешите навстречу болезни,
И не придется сулить золотые вам горы Кратеру.
Жалкое племя, учись и вещей познавай ты причины:

Что мы такое, зачем рождаемся, где наше место,
Как и откуда начав, мету обогнуть всего легче.

70 Меру познайте деньгам, чего можно желать и какая
Польза от новых монет; насколько должно быть щедрым
К родине, к милым родным; кем быть тебе велено богом
И занимать суждено средь людей положение какое.
Это познай и тому не завидуй, что тухнет у стряпчих
Много припасов съестных по защите жирных умбрийцев,
Что и свинина и перец у них от клиента из марсов,
Что, даже в первом горшке, нет в кильках у них недостатка.

Центурион тут какой-нибудь мне из козлиной породы
Скажет, пожалуй: «Своим я умом проживу. Не стараюсь
80 Аркесилаем я быть и каким-нибудь мрачным Солоном,
Голову кто опустив и уставившись в землю, угрюмо
Что-то ворчит про себя и сквозь зубы рычит, если только,
Выпивав губы, начнет он взвешивать каждое слово,
Бред застарелых больных обсуждая: «Нельзя зародиться
Из ничего ничему и в ничто ничему обратиться».
Вот ради этого ты побледнел, а иной без обеда?»

Это забавно толпе, здоровенные юноши тоже
Громко хохочут и, нос наморщив, трясутся от смеха.

«Вот, посмотри, у меня что-то бьется в груди, и мне больно
В горле, и стало дышать тяжело, посмотри, будь любезен!»
90 Так говорящий врачу, когда ему отдых предписан,
Лишь убедится, что пульс через трое суток спокоен,
Тотчас идет к богачу и бутылочку с мягким суррентским
Просит себе подарить, перед тем как отправиться в баню.
«Ах, как ты бледен, дружок!» — «Ничего!» — «Но ты будь

осторожен:

Кожа-то что-то желта у тебя и легонечко пухнет». —

«Сам-то ты хуже меня побледнел! Перестань мне быть дядькой:
Мой уж давно схоронен. Теперь ты!» — «Ну, как хочешь,
молчу я!»

Вот, от пирушек раздут, и с белым он моется брюхом,
Серные, тяжело дыша, выделяя из горла миазмы.

- 100 Но начинает его знобить за вином, и горячий
 Падает кубок из рук, и стучат обнаженные зубы,
 А из раскрытого рта выпадают жирные яства.
 Свечи потом и труба, и вот уж покойник высоко
 На катафалке лежит и, намазанный густо амомом,
 Окоченелые ноги к дверям протянул; и на плечи
 Труп его, шапки надев, вчерашние взяли квириты.
 Жалкий! Пощупай свой пульс, приложи-ка к груди свою руку!
 «Жара здесь нет». — Оконечности ног и рук ты пощупай!
 «Вовсе не мерзнут они». Но стоит лишь деньги увидеть,
- 110 Иль улыбнется тебе красotka, подружка соседа,
 Сердце не бьется твое? На остывшем вот поданы блюда
 Овощи жесткие, хлеб, сквозь простое просеянный сито:
 Как твоя глотка? Во рту гниет у тебя незаметный
 Прыщик, который нельзя царапать плебейскою свеклой?
 Ты леденеешь, когда бледный страх волоса твои поднял,
 Иль закипает в тебе вся кровь от огня и сверкают
 Гневом глаза, и тогда говоришь ты и так поступаешь,
 Что и безумный Орест поклянется, что ты обезумел.

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

- «Занят политикой ты, — бородатый, представь-ка, наставник
 Так говорит, от глотка ужасной цыкуты погибший, —
 И не робеешь? Ответь, Перикла великого детка.
 Ясно: ведь ум у тебя да и опытность выросли быстро,
 Раньше еще бороды: и сказать и смолчать ты умеешь.
 Значит, коль чернь начинает кипеть от взволнованной желчи,
 Ты величавым руки мановеньем желаешь молчанье
 В ярой толпе водворить. Что скажешь потом ты? Квириты,
 Это ведь дурно, а то — преступление; это — законней».
- 10 Знаешь, конечно, ведь ты, куда склоняется право
 Даже на равных весах; ты видишь, где правда впадает
 В кривду, хотя бы и был неправилен твой наугольник,
 И наложить на порок клеймо смертоносное можешь.
 Но для чего же, себя украсив накинута кожей,
 Ты раньше времени хвост распускаешь пред лъстивой толпою,
 Ты, для кого бы глотать чемерицу чистую лучше?
 В чем для тебя состоит твое высшее благо? Чтоб вечно
 Лакомой пищею жить и кожу нежить на солнце?

Стой-ка: ответит ведь так и вот эта старуха! Хвались же:
20 «Я Динамахи ведь сын, я красавец!» Пусть так: рассуждает,
Право, не хуже тебя старуха Бавкида в лохмотьях,
Зелень свою нараспев предлагая рабу-разгильдяю.

Как же, однако, никто, никто в себя не заглянет,
Но постоянно глядит в спинную котомку передних!
Спросят: «Веттидия ты, богача, знаешь земли?» — Какого? —
«Всех его пашен близ Кур облететь даже коршун не может».

— А! это тот, кто богов прогневил да и гению гадов?
Тот, кто, повесив ярмо на распустье, в день Компиталий,
Старый нарост соскоблить с бочонка боится, кто, луком
30 И шелухой закусив, восклицает, вздохнув: «На здоровье»?
Кто, при веселье рабов за горшком их полбенной каши,
Затхлый, прокисший отсед вместе с плесенью грязной глотает? —

Если же нежишься ты, натеревшись духами, на солнце,
Локтем тебя подтолкнув, незнакомец какой-нибудь рядом
Плюнет и скажет: «Хорош! Все чресла и части срамные
Выполоть и напоказ выставлять свое дряблое гузно!
Если ты чешешь свою раздушенную байку на скулах,
Бритый зачем у тебя червяк торчит непристойный?

Пятеро банщиков пусть эти грядки выщипывать будут
40 Или вареный твой зад мотыжить щипцами кривыми, —
Папоротник этот твой никаким пугам не поддастся».

Бьем мы других — и свои подставляем мы голени стрелам.
Этак живем мы и так разумеем. Под брюхом таятся
Рана твоя, но ее золотой прикрывает широкий
Пояс. Пожалуйста, ври и морочь ты себя, если только
Можешь. «Соседи меня превозносят; и что же, не верить
Мне им?» — Коль ты, негодяй, завидя деньги, бледнеешь,
Коль потакаешь во всем своей ты похоти мерзкой,
Коль, хоть с опаскою, ты у колодца дерешься, уж битый,
50 Без толку брось подставлять толпе свои жадные уши.
Плюнь ты на лживую лесть, прогони подхалимов корыстных;
Внутри себя углубись и познай, как бедна твоя утварь.

САТИРА ПЯТАЯ

Есть у поэтов прием: голосов себе требовать сотню,
Сотню просить языков, сотню уст для своих песнопений, —
Ставится ль пьеса, где выть актер трагический должен,

Или же, раненный в пах, парфянин стрелу извлекает.
 «Что это ты? И к чему из могучих ты тащишь творений
 Столько кусков, что тебе действительно надо сто глоток?
 Пусть с Геликона туман собирают для выпренной речи
 Те, у которых горшок Фиеста или же Прокны
 Будет кипеть на обед обычный для дурня Гликона.
 10 Ты же совсем не пыхтишь, раздувая мехи, словно в горне
 Плавильшь руду; не ворчишь по-вороньему голосом хриплым,
 Важно с собою самим рассуждая о чем-то нелепом,
 Да и не силишься ты надутыми хлопать щеками.
 В тоге простой твоя речь, и слог твой ясный искусно
 Слажен, умерен, округл. Порок ты бледный умешь
 Ловко язвить и колоть преступления вольной насмешкой.
 Мысли отсюда бери, а трапезы с головой и ногами
 Все в Микенах оставь и снедь лишь плебейскую ведай».
 Нет, не о том хлопочу, чтоб страницы мои надувались
 20 Вздором плачевным и дым полновесным делать ловчились.
 Мы с глазу на глаз, Корнут, говорим; по внушенью Камены
 Предоставляю тебе встряхнуть мое сердце; приятно
 Высказать, милый мой друг, какую души моей долю
 Ты составляешь: ее испытай, осторожный в оценке
 Искренней речи и той, что цветистой подмазана лестью.
 Вот для чего голосов я решил бы требовать сотню:
 Чтоб от души восклицать, что в самых сердечных глубинах
 Ты заключен, и пускай слова мои ясно раскроют
 Все несказанное, что в тайниках души моей скрыто.
 30 Только лишь пурпур хранить меня, робкого юношу, бросил
 И подпоясанный лар мою украсился буллой,
 Только лишь дядьки мои снисходительны стали, и в тоге,
 Белой уже, я глазеть безнаказанно мог на Субуру,
 Только лишь путь предо мной раздвоился, и, жизни не зная,
 В робком сомнении я стоял на ветвистом распутье,—
 Я подчинился тебе. И ты на Сократово лоно
 Юношу принял, Корнут. Ты сумел незаметно и ловко,
 Как по линейке, мои извращенные выправить нравы;
 Разумом дух покорен, и старается быть побежденным,
 40 И под рукою твоей принимает законченный образ.
 Помню, как вместе с тобой мы долгие дни коротали,
 Помню, как ужинать мы, с наступлением ночи, сиделись.
 Мы занимались вдвоем, и вдвоем отдыхали с тобою,

И облегчали труды наши строгие трапезой скромной.
Не сомневайся, что дни взаимно связаны наши
Верным союзом, что мы родились под единой звездой:

Или на ровных Весах наш век правдивая Парка
Взвесила, или же час рождения друзей неизменных
Общую нашу судьбу поделил меж двумя Близнецами,
50 И укрощаем вдвоем мы Юпитером нашим Сатурна;
Пусть я не знаю каким, но с тобою я связан созвездьем.

Тысячи видов людей, и пестры их способы жизни:

Все своевольны, и нет единых у всех устремлений.
Этот на бледный тмин и на сморщенный перец меняет
Свой итальянский товар в стране восходящего солнца,
Предпочитает другой соснуть, пообедавши плотно,
Этого поле влечет, другого игра разоряет,
Этот гниет от любви. Но когда каменистой хирагрой
60 Скрючены члены у них, точно ветки старого бука,

Все начинают вздыхать, что, словно в туманном болоте,
Дни их нелепо прошли и жизнь их погибла,— но поздно.
Ты ж наслаждаешься тем, что бледнеешь над свитками ночью,
Юношей пестуешь ты и в очищенный слух им внедряешь
Зерна Клеанфа. Вот здесь ищите вы, старый и малый,
Верную цель для души и для жалких сединок пропитанье.
«Завтра поищем!» — И вот, все завтра да завтра. — «Да что же
Важного в дне-то одном?» — Но для нас с наступлением утра
«Завтра» уж стало «вчера» и пропало; и вот это «завтра»

70 Наши съедает года, и его никогда не поймаешь,
Ибо хоть близко к тебе, хотя под одною повозкой
Вертится здесь колесо, но напрасно за ним тебе гнаться,
Как бы ты тут ни спешил, коль на заднюю ось ты насажен.

Верно, свобода нужна, но не та, по которой любому
Публием можно стать из трибы Велинской и полбу
Затхлую даром иметь. О невежды, которым квиритов
Делает лишь поворот! Вот трех ассов не стоящий конюх
Дама, подслепый питух, что тебя и на сене надует,
А повернет господин, и мигом тут обернется

Марком твоей Дама. Эге! Взаймы ты дать мне не хочешь,

80 Если поручится Марк? При Марке-судье ты бледнеешь?
Марк подтвердил,— так и есть. Засвидетельствуй, Марк,

документы.

Вот и свобода тебе, вот тебе отпущенье на волю!

«Кто же свободен еще, как не тот, кому можно по воле Собственной жизнь проводить? Коль живу, как угодно мне, разве Я не свободней, чем Брут?» — «Твой вывод ложен», — сказал бы Стоик тебе, у кого едким укусом уши промыты.

«Правильно все, но отбрось свое это «как мне угодно».

«После того как домой ушел я от претора вольным, Что ж не вести мне себя, как желает того моя воля,

90 Лишь бы Мазурия мне законов ни в чем не нарушить?»

Слушай, но с носа пусть гнев и кривая ужимка исчезнет, Если старушечий бред я тебе из груди вырываю.

Претор не в силах внушить глупцам все тонкости долга

И преподать, как им надо вести себя в жизни короткой.

Право, скорей приучить здоровенного грузчика к арфе!

Против тебя здравый смысл, что тайком тебе на ухо шепчет:

«Дело тому поручать, кто испортит его, невозможно».

Общий всем людям закон и природа невежд неспособных

Не допускает к тому, чего им не позволено делать.

100 Ты чемерицу развел, не умея на нужной зарубке

Стрелку поставить? Чужда тебе самая сущность леченья.

Если себе корабль потребует пахарь, обутый

В кожу сырую, звезды не знающий утренней, вскрикнет

Тут Меликерт, что стыда нет на свете. Научен ты твердо

В жизни стоять? Различишь ты обман от истинной правды?

Можешь ли звук распознать позолоченной медной монеты?

Иль чему следовать нам, чего избегать тебе должно,

Ты уж разметил себе заранее мелом и углем?

Страсти умерил? Ты мил к друзьям в быту своем скромном?

110 Вовремя житницы ты запираешь и вновь отворяешь?

Перешагнуть бы ты мог через деньги, забитые в глину,

И не глотнул бы, обжора, слюны Меркурьевой жадно?

«Да! И меня не собьешь». — Если в этом уверен, то будь же

Ты и свободен и мудр: и Юпитер и претор согласны.

Если ж, недавно еще из нашего вышедши теста,

В старой ты коже сидишь и при всем этом лоске наружном

В сердце вонючем своем тайшь коварство лисицы,

Я отнимаю, что дал, и снова тяну за веревку:

Разума нет у тебя; двинешь пальцем — и то ошибешься.

120 Меньше-то что ж может быть? Но не вымолишь ты финиамом,

Чтобы прилипло к глупцу хотя бы пол-унции смысла.

Смеси нельзя допускать: когда в остальном землекоп ты,

Даже и в три-то ноги, как Бафилл, ты сатира не спляшешь.
«Волен я!» — Как это так, раз от стольких вещей ты зависишь?
Иль для тебя господин только тот, от кого ты отпущен?
«Малый, ступай-ка снеси скребочки в баню Криспина!
Живо, бездельник!» Коль так прикрикнут, тебя не толкает
Рабская доля ничуть, и ничто извне не приходит
Дергать за жилы тебя: но если ты сам из печенки
130 Хворой рождаешь господ, то как безнаказанней выйти
Можешь, чем тот, кого плеть и страх пред хозяином гонят?
Утром хранишь ты, лентяй. «Вставай,— говорит тебе

алчность,—
Ну же, вставай!» — «Нипочем». — «Вставай!» — «Не могу». —
«Да вставай же!» —
«Незачем». — «Вот тебе раз! За камсой отправляйся из Понта,
Паклей, бобровой струей, черным деревом, ладаном, шелком;
Первым с верблюда снимай истомленного перец ты свежий;
Меной займись ты, божись!» — «Но Юпитер услышит!» —
«Ах, дурень!

Пальцем ты будешь весь век выковыривать в старой солонке
Соли остатки со дна, коль с Юпитером жить ты желаешь».
140 Вот, подоткнувшись, рабам надеваешь ты мех и корзинку:
«Ну, к кораблю!» И ничто понестись не мешает на судне
Морем Эгейским тебе, если только лукавая роскошь
Не нашептала тишком: «Куда ты, безумец, куда ты?
Что тебе? Иль под твоей распаленною грудью скопилась
Крепкая желчь, от какой не поможет и урна цикуты?
Ты через море скакать? Тебе бухта каната — сиденье,
Банка — обеденный стол? И вейское красное будет
Затхлой смолой отдавать тебе из разлатой бутылки?
Хочешь чего? Чтобы скромно по пять приносившие деньги
150 Жадно, в поту приносить по одиннадцать стали процентов?
Гения ты ублажай своего: лови наслажденья!
Жизнь — наше благо; потом — ты пепел, призрак и сказка.
Помня о смерти, живи! Час бежит, и слова мои в прошлом.
Что же с тобою? Крючок не знаешь какой тебе клонуть?
Жадность иль роскошь избрать? При этом двойном подчиненье
Надо обоим служить, то к одной, то к другой прибегая.
Если же как-нибудь вдруг воспротивишься ты, не захочешь
Гнета терпеть, не скажи: «Вот я и разбил свои ковы»:
Пес разъярившийся рвет свой узел, но, пусть убегает,

- 160 Все-таки длинную цепь на шее своей он волочит.
 «Дав, будь уверен, теперь хочу я покончить навеки
 С прошлой печалью своей,— говорит Херестрат, обгрызая
 До крови ногти себе.— Неужели я буду позором
 Трезвой родне? Разобью ль без стыда о порог непотребный
 Я достойные отцов перед влажною дверью Хрисиды,
 В честь распевая ее с потухшим факелом, пьяный?» —
 «Ладно, будь, мальчик, умен и богам-охранителям в жертву
 Дай ты ягненка».— «Но, Дав, заплачет она, коль покину?» —
 «Взор! Воротись, и тебя избьет башмаком она красным.
- 170 Не беспокойся и брось ты грызть свои тесные сети.
 Дик и свиреп ты теперь, а кликнет — и скажешь: «Бегу я».—
 «Как же мне быть? Неужель и теперь, когда она просит
 И умоляет, нейти?» — «Если ты невредимым и целым
 Вышел, нейди и теперь».— Вот оно, вот то, что мы ищем,
 А не какой-то там прут, каким ликтор нелепый махает.
 Волен ли тот, кто бежит, запыхавшись, вослед честолубью
 В тоге беленой? Не спи, а горох наваливай щедро
 Жадной толпе, чтобы мог вспомнать о Флоралиях наших,
 Греясь на солнце, старик. Что может быть лучше? Когда же
- 180 Иродов день наступил и на окна стоящие салыхны
 Копотью жирной чадят светильники, что перевиты
 Цепью фиалок; когда на глиняном плавают блюда
 Хвостик тунца и вином горшок наполняется белый,
 Шепчешь ты тут про себя и бледнеешь — ради субботы.
 Черные призраки тут, от яиц надтреснутых беды,
 Рослые галлы потом и с систром жрица кривая
 Ужас внушают тебе пред богами, что тело надуют,
 Если не съешь поутру ты трех чесночных головок.
- Ну, а попробуй скажи это жилистым центурионам,
 190 Тотчас заржет, хохоча, какой-нибудь дюжий Пулфенний,
 Тот, что готов оценить сотню греков в сто ассов истертых.

САТИРА ШЕСТАЯ

Басс, привел ли тебя к очагу сабинскому холод?
 Не оживил ли уж ты свою лиру плектром суровым?
 Дивный художник, поешь ты простыми размерами древних,
 Мужественным стихом бряцая на фиде латинской,
 Иль начинаешь играть, словно юноша, пальцем почтенным,

Старец прекрасный, шутя! А я в областях лигурийских
Греюсь, и море мое отдыхает в заливе, где скалы
Высятся мощно и дол широкий объял побережье.

- «Луны, о граждане, порт посетите, он стоит вниманья»,—
10 Энный так мудрый гласит, проспавшись от грез, что Гомером
Был он и Квинтом стал, Пифагоровым бывши павлином.
Здесь я вдали от толпы, и нет дела мне, чем угрожает
Гибельный Австр скоту; мне нет дела, что поле соседа
Много тучней моего; и если бы все, что по роду
Менее знатны, чем я, богатели, то я и тогда бы
Горбиться все же не стал и без лакомых блюд не обедал,
Заткний не нюхал бы вин, проверяя печать на бутылках.
Пусть я с другими не схож! Ведь ты, гороскоп, даже двоен
С разным родишь существом! Иной, например, в день рожденья
20 Овощи мочит, хитрец, лишь рассолом, купленным в плошке,
Перцем священным себе посыпая сам блюдо, другой же,
Мальчик с великой душой, проедает богатства. А мне бы
Жить по достатку, рабам не давая отпущенным ромбов
И не умея дроздов различать по их тонкому вкусу.
Собственной жатвой живи и зерно молоти: это можно.
Страшного нет: борони — и растут твои новые всходы.
Вот тебя долг твой зовет: потерпевший кораблекрушение
Жалкий хватается друг за Бруттийские скалы; обеты
И состоянье — в волнах Ионийских: с кормы его боги
30 Мощные с ним на песке, а уж ребра разбитого судна
В море встречают нырков. Отдели-ка от свежего поля
Ты что-нибудь, помоги бедняку, чтобы он не поплелся
Изображенный средь волн. Но забудет, пожалуй, поминки
Справить наследник, озлясь, что тобой обделен; бросит в урну
Кости твои без духов, не желая и знать, киннамон ли
Будет без запаха тут или с примесью вишни корица.
«Ты мне добро убавлять?» — и поносит философов Бестий
Греческих: «Вот что пошло, когда финики с перцем явились
В Риме, с собой принеся мудрованье нелепое ваше,
40 И осквернили жнецы свою кашу приправою жирной».
Все это страшно тебе и за гробом? — А ты, мой наследник,
Кто бы ты ни был, меня, — отойдем-ка в сторонку, — послушай.
Иль ты не знаешь, дружок, что увитое лавром посланье
Цезарь прислал нам о том, что германцы разбиты, что пепел
Стылый метут с алтарей, что Цезония всем объявила

Торг на поставку к дверям оружия, царских накидок,
 Рыжих (для пленных) волос, колесниц и огромнейших ренов?
 В честь я богов вывожу и в честь гения цезаря, ради
 Славных побед, сотню пар гладиаторов. Ну, запрети-ка!
 50 Не согласишься — беда! Пирог я и масло народу
 Щедро дарю. Ты ворчишь? Скажи громко! «Не очень-то поле
 Тучно твое», — говоришь? Ну, так если двоюродных вовсе
 Нет ни сестер у меня, ни теток, ни правнучек даже
 С дядиной нет стороны и бездетны мамашины сестры,
 Коль и от бабки-то нет никого — отправляюсь в Бовиллы
 К Вирбиеву я холму, и готов мне там Маний-наследник.
 «Этот отродье Земли?» — А спроси-ка меня, кто четвертый
 Предок мой: хоть нелегко, но скажу; а прибавь одного ты
 Или еще одного: Земли это сын; и пожалуй,
 60 Маний-то этот моей прабабке и в братья годится.
 Что ж ты, ближайший ко мне, на бегу вырываешь мой светоч?
 Я — твой Меркурий; я здесь таков, каким этого бога
 Пишут. Не хочешь? Иль ты доволен и тем, что осталось?
 «Кой-чего нет». — На себя я потратил, но ты весь остаток
 Целым считай. Не ищи ты наследства, что Тадий когда-то
 В собственность мне отказал; не тверди: «Пускать тебе должно
 Деньги отцовские в рост, а жить самому на проценты».
 «Что же осталось?» — Как что? А ну, поливай-ка жирнее,
 Малый, капусту мою! Что же, в праздник варить мне крапиву
 70 И подголовок свиный копченой с разрезанным ухом,
 Чтобы сыночек твой, мот, потрохов нажравшись гусиных,
 Похоть свою услаждал, когда разгорится в нем страсти,
 Знатную девку обняв? А я-то пускай превращаюсь
 В остоу, когда у него, как у попы, отращено брюхо?
 Душу корысти продай, торгуй и рыскай повсюду
 По свету ты; и никто ловчей тебя каппадокийцев
 Тучных не хлопает пусть, на высоком стоящих помосте.
 Свой ты удвой капитал. — «Да он втрое, он вчетверо, даже
 Вдесятеро наслоен; отметь, где конец положить мне».
 80 Вот и нашелся, Хрисипп, твоего завершитель сорита.

АПОФЕОЗ
БОЖЕСТВЕННОГО
КЛАВДИЯ

Перевод Ф. Петровского

1. Хочется мне поведать о том, что свершилось на небесах за три дня до октябрьских ид, в новый год, в начале благодатнейшего века. Ни обиды, ни лести никакой я не допущу. Это — правда. Спросите меня, откуда я все это знаю, так прежде всего, коль я не захочу, — не отвечу. Кто может меня заставить?

Я знаю, что получил свободу с того самого дня, как преставился тот, на ком оправдалась поговорка: «Родись либо царем, либо дураком». А захочется мне ответить — скажу, что придет в голову. Когда это видано, чтобы приводили к присяге историка? А уж если надо будет на кого сослаться, так спросите у того, кто видел, как уходила на небеса Друзилла; он-то вам и расскажет, что видел, как отправлялся в путь Клавдий, «шагами нетвердыми идя». Хочет не хочет, а уж придется ему видеть, что свершается на небесах: он ведь смотритель Аппиевой дороги, а по ней, сам знаешь, отправлялись к богам и Божественный Август и Тиберий Цезарь. Спроси ты его с

глазу на глаз — он тебе все расскажет; при всех — ни словом не обмолвится. Ведь с тех пор, как присягнул он в сенате, что своими глазами видел, как возносились на небо Друзила, и такому его благовествованию никто не поверил, он торжественно зарекся ни о чем не доносить, пускай хоть на самой середине рынка убьют при нем человека. Так вот, что я от него слышал, то слово в слово и передаю, пусть он будет здоров и счастлив.

2. Феб уже путь сократил от восхода тогда до заката
Солнца, и темного сна длиннее часы вырастали;
Победоносно свое умножала Кинфия царство,
И обрывала зима безобразная сладкие яства
Осени пышной уже, и у Вахха, впадавшего в дряхлость,
Редкие гроздья срывал запоздалый тогда виноградарь.

Проще, пожалуй, сказать: был октябрь месяц, и три дня оставалось до октябрьских ид. Который был час, этого точно тебе не скажу: легче примирить друг с другом философов, чем часы; впрочем, случилось это так часу в шестом, в седьмом. «Экая деревенщина! — говоришь ты.— Все поэты не то что восходы и закаты описывают, а и самого полудня не оставляют в покое, а ты пренебрегаешь таким добрым часом!»

Уж половину пути отмерил Феб колесницей;
К ночи склоняясь, рукой сотрясал он усталою вожжи,
И по наклонной стезе низводил он закатное солнце.

3. Клавдий был уже при последнем издыхании, а скончаться никак не мог. Тогда Меркурий, который всегда наслаждался его талантом, отвел в сторонку одну из парок и говорит ей: «До каких же это пор, зловредная ты женщина, будет у тебя корчиться этот несчастный? Неужто не будет конца его мукам? Вот уже шестьдесят четвертый год, что он задыхается. Что за зуб у тебя на него и на государство? Дай ты в кои-то веки не соврать звездочетам: с тех пор, как он стал править, они что ни год, что ни месяц его хоронят. Впрочем, удивительного нет, коль они ошибаются, и никто не знает, когда наступит его час: всегда его считали безродным. Делай свое дело:

Смерти предай; во дворце пусть лучший царит опустелом».

«А я-то,— говорит Клото,— хотела ему малость надбавить веку, чтобы успел он и остальным, которые все наперечет, пожаловать гражданство. (А он ведь решил увидеть в тогах всех — и греков, и галлов, и испанцев, и британцев.) Но если уж угодно будет хоть

несколько иноземцев оставить на племя и ты приказываешь, так будь по-твоему». Тут открывает она ящичек и достает три веретенца: одно — Авгурина, другое — Бабы и третье — Клавдия. «Вот этим троим,— говорит она,— я прикажу в этом году умереть одному за другим и не отпущу его без свиты: невместно тому, кто привык видеть столько тысяч людей и за собой, и перед собой, и около себя, остаться вдруг одному. Покамест довольно с него и этих приятелей».

4. Молвила это она и, смотав свою гнусную пряжу,
Жизни дурацкой царя наконец оборвала течение.
А уж Лахеса, собрав волоса, украсивши кудри
И пиэрийским чело и локоны лавром венчая,
Светлую прясть начала из руна белоснежного нитку.
И под счастливой рукой потянулась из этой кудели
С новой окраскою нить. Изумляются сестры работе:
Обыкновенная шерсть дорогим отливает металлом,
И золотые века нисходят по нитке прекрасной.
Нет их усердью конца: сучат благодатную пряжу,
Пригоршни полня себе и работе радуясь, сестры.
Спорится дело само, и без всяких при этом усилий
Мягкая сходит у них с веретен крутящихся нитка;
Годы Тифона уже побеждают и Нестора годы.
Пением тешит их Феб и, грядущему радуясь живо,
То прикоснется к струнам, то работе сестер помогает.
Пенью внимают они и тягость труда забывают.
И, увлекаясь игрой на кифаре и братнею песней,
Больше, чем надо, они напряли руками: людскую
Долю похвальный их труд миновал. «Не скупитесь, парки,—
Феб говорит им,— пусть срок побеждает, положенный
смертным,

Тот, кто подобен лицом, кто подобен мне красотою,
Не уступающий мне поэт и певец. Благодатный
Век он измученным даст и законов молчанье нарушит.
Как Светоносец, когда разгоняет бегущие звезды,
Или как Геспер, восход вечерних звезд предвваряя,
Иль как в румяной Заре, рассеявшей тени ночные
И зарождающей день, появится яркое Солнце,
Мир озаряя и в путь из ворот вывода колесницу,—
Так должен Цезарь взойти, таким увидит Нерона
Скоро весь Рим. Его лик озаряет все отсветом ярким,
И заливают волна кудрей его светлую выю».

Это Аполлон. А Лахеса, которая и сама увлеклась этим исключительным красавцем, напряла полные пригоршни и дарует от себя многие лета Нерону. Клавдию же все приказывают убраться

*Из дома подобру и поздорову вон*¹.

И тут испустил он дух и перестал притворяться живым. А умер он, слушая комедиантов. Поэтому, видишь ли, я и побаиваюсь их. Вот последние слова его, какие слышали люди и которые он произнес, издав громкий звук той частью, какой ему легче было говорить: «Ай, я, кажется, себя обгадил!» — Так ли это было, не ручаюсь, но что он все обгадил, это верно. Рассказывать о том, что случилось после этого на земле, не стоит. Все это вы прекрасно знаете, и нечего бояться, что позабудется событие, вызвавшее общую радость: своего счастья не забыть никому. 5. Слушайте, что свершилось на небесах. За верность отвечает мой осведомитель. Докладывают Юпитеру, что явился какой-то большого роста и совсем седой; грозитя он, видно: все головой трясет, правую ногу волочит. Спросили у него, откуда он родом, — пробурчал он что-то невнятное и несуразное; языка его не поймешь: это не по-гречески, не по-римски, да и не по-каковски. Тогда Юпитер приказывает пойти Геркулесу, который весь свет исходил и, надо думать, знает все народы, и выведать, что же это за человек. Взглянул на него Геркулес и прямо смутился, хоть и не пугался он никаких чудовищ. Как увидел он это невиданное обличье, ни на что не похожую поступь и услышал голос, какого нет ни у одного земного существа, а какой под стать одним морским чудищам, подумал он, что предстоит ему тринадцатый подвиг. Вгляделся попристальнее — видит, как будто и человек. И вот подошел он и говорит, как легче всего сказать греку:

Ты из людей-то каких? Кто родители? Сам ты откуда?

Обрадовался Клавдий, что нашлись здесь филологи, что есть надежда на местечко для его «Историй». И вот и сам, стихом из Гомера поясняя, что он Цезарь, говорит:

От Илиона принес меня ветер ко граду киконев.

А следующий-то стих был бы правдивее, тоже гомеровский:

Город я этот разрушил, и жителей всех истребил я.

¹ Курсив обозначает переведенное с древнегреческого.

6. И обманул бы он совсем нехитрого Геркулеса, не будь тут Лихорадки, которая, покинув свой храм, одна только и пришла с ним; всех других богов он оставил в Риме. «Все его рассказы, — сказала она, — сущий вздор. Уверяю тебя (сколько лет мы с ним прожили вместе!), родился он в Лугдуне, и перед тобою земляк Марка. Говорю я тебе: родился он у шестнадцатого милевого камня от Виенны, и он чистейший галл. И, как и подобало галлу, он взял Рим. Ручаюсь тебе, что родился он в Лугдуне, где столько лет царил Лицин. И ты-то, исходивший больше земель, чем любой записной погонщик, ты должен знать, что от Ксанфа до Родана расстояние порядочное». Вспыхнул тут Клавдий и забормотал вне себя от злости. Что он говорил, никто не понимал, а он-то приказывал схватить Лихорадку и тем самым движением расслабленной руки, только на это и способной, каким снимал людские головы, приказал уже перерезать ей шею. Подумаешь, все это отпущенники: никому и дела-то до него не было.

7. «Послушай-ка, — говорит ему тогда Геркулес, — брось ты дурака валять. Ты ведь пришел туда, где мыши железо грызут. Сейчас же говори правду, а не то я ерунду твою выбью». А чтобы нагнать побольше страху, стал он в трагическую позу и начал:

Скорей поведай мне, откуда родом ты,
Не то дубиной сей тебя низвергну я;
Царей свирепых ею часто я сражал.
О чем бормочешь ты косноязычно здесь?
Кто породил и где трясучку-голову?
Скажи. Когда ходил я в царство дальнее
Царя тройного, с моря Гесперийского
Я гнал к Инаха граду стадо славное,
Я видел гору над двумя потоками,
Что видит Феб, вставая, пред собой всегда, —
Откуда Родан мощный устремляется
И Арар, что не знает, течь куда ему,
И, омывая берег, тихо плещется.
Не эта ли земля твоя кормилица?

Произнес он это довольно отважно и смело. Однако же было ему очень не по себе, и побаивался он *тумака от дурака*. А Клавдий, как увидел такого силача, позабыв свою дурь, понял, что если в Риме не было ему ровни, то здесь ему спуску не будет: петушись, петух, на своем навозе. И тут, насколько можно было понять, сказал он, видимо, вот что: «А я-то, Геркулес, храбрейший из богов, надеялся, что

ты будешь представлять за меня перед другими и что, если кто потребовал бы от меня поручителя, я могу назвать тебя, прекрасно меня знающего. Припомни: ведь это я у тебя, перед твоим храмом, судил целыми днями в июле и в августе. Тебе известно, как я там мучился, день и ночь слушая стряпчих; если бы ты им попался, каким ни кажись ты храбрецом, а предпочел бы чистить Авгиевы помойки: я гораздо больше твоего выгреб оттуда навозу. Но раз я хочу...»¹

8. «...Неудивительно, что ты вломился в курию: для тебя нет никаких запоров. Скажи нам только, каким богом хочешь ты его сделать? Эпикурейский бог из него не выйдет; ведь такой бог ни сам ни об чем не беспокоится, ни другим не причиняет беспокойства. Стоический? Да как же ему быть «круглым», по словам Варрона, «без головы, без крайней плоти»? Но уж вижу, есть у него кое-что от стоического бога: нет у него ни сердца, ни головы. А попроси он, клянусь Геркулесом, этой милости у Сатурна, праздник которого он, сатурнальский владыка, справлял вместо месяца целый год, ничего бы он не получил; а уж от Юпитера, которого он при всяком удобном случае обвинял в кровосмешении,— и подавно. Ведь зятя своего Силана он казнил как раз за то, что тот свою сестру, самую соблазнительную из всех красавиц, которую все называли Венерой, предпочел назвать Юноной».

«Как же так, скажи на милость, собственную сестру?» — «Да пойми ты, глупец: в Афинах это дозволено наполовину, а в Алéксандрии и полностью». — «Так, значит, в Риме мыши муку лишут». — «И он-то будет у нас распоряжаться? Не знает, что делать у себя в спальне, а уж «по небу всюду шарит он»? Богом хочет сделаться: мало ему храма в Британии, мало того, что ему поклоняются варвары и молятся, как богу, о *получении его дурацкой милости?*»

Но тут Юпитер наконец сообразил, что в присутствии посторонних лиц сенаторам не полагается ни выносить, ни обсуждать никаких решений. «Я,— сказал он,— господа сенаторы, дозволил вам задавать вопросы, а вы занимаетесь совершенною ерундой. Извольте соблюдать сенатский регламент, а то что подумает о нас этот, кто бы он ни был?»

9. Итак, Клавдия уводят и обращаются первым делом к отцу Янусу. Его только что назначили послеобеденным консулом на июльские календы. Человек он самый что ни на есть хитрый и всегда

¹ Пропуск в тексте. Очевидно, в дальнейшем убежденный Клавдием Геркулес вступает за него, а боги обсуждают доводы Геркулеса. (Примеч. перев.)

смотрит *«вперед и назад прозорливо»*. Как живший на форуме, говорил он много и ловко, но так, что секретарь не успевал записывать, а потому я, чтобы не исказить его слов, и не передаю всей его речи. Много говорил он о величии богов и о том, что не подобает столь великую честь оказывать кому попало. «В старину,— говорит,— стать богом было не шутка, а теперь, по вашей милости, это плёвое дело. Поэтому, чтоб не подумали, будто я говорю из личной неприязни, а не по существу дела, я предлагаю отныне не допускать в боги никого из тех, кто *«воскормлен плодами земными»*, или из тех, кого питает *«кормилица земля»*. Те же, кто, вопреки этому постановлению сената, будет сделан, назван или изображен богом, да будут преданы ларвам и на первом же народном празднестве да будут выпотрошены вместе с гладиаторами-новобранцами».

Следующим опрашивается Диэспитер, сын Вики Поты, тоже назначенный консулом, мелкий маклер: жил он продажей бумажонок на право гражданства. К нему легонько подкрался Геркулес и тронул его за ухо. И мнение свое он высказал так: «Поскольку Божественный Клавдий приходится кровным родственником Божественному Августу, а равно и бабке своей, Божественной Августе, каковую сам повелел произвести в богини; поскольку он превосходит всех смертных мудростью и поскольку для блага государства следует, чтобы был кто-либо могущий вместе с Ромулом *«обжираться пареной репой»*, я предлагаю сделать Божественного Клавдия отныне богом, подобно всем, сделанным таковыми по точному смыслу закона, а событие это дополнительно внести в Овидиевы *«Превращения»*. Мнения разделились, но, видимо, решение склонялось в пользу Клавдия, ибо Геркулес, видя, что надо ковать железо, пока горячо, начал перебегать от одного к другому и всех подговаривать: «Не подводи, пожалуйста, меня, при случае я тебе отплачу чем угодно: руку мою».

10. Тут в свой черед поднимается Божественный Август и чрезвычайно красноречиво высказывает свое мнение: «Я,— говорит он,— господа сенаторы, призываю вас в свидетели, что с того самого дня, как я сделался богом, я ни слова не сказал: всегда занят я своим делом. Но не могу я больше молчать и подавлять скорбь, которую укору совести делают все нестерпимее. Ради чего же умиротворил я сушу и море? Ради чего подавил усобицы? Ради чего упрочил Город законами, украсил зданиями? Не для того ли... нет, я теряюсь, господа сенаторы: нет слов для моего негодования. Мне остается только сказать словами красноречивейшего Мессалы Корвина: «Власть для

меня позор». Ему, господа сенаторы, кто, по-вашему, и мухи не способен обидеть, ему так же ничего не стоило убивать людей, как собаке ногу поднять. Но к чему мне поминать стольких и столь достойных людей? Тут не до общественных бедствий, когда видишь, что гибнет собственная семья. Не буду я говорить о них, а скажу только — пусть сестра моя и не знает этого, но я-то знаю, своя рубашка к телу ближе. Вот этот самый, кого вы тут видите и кто столько лет укрывался под моим именем, он отблагодарил меня тем, что убил двух Юлий, моих правнучек, — одну мечом, другую голодом, — да еще и правнука моего, Луция Силана. Хотя, по правде говоря, может показаться, что и ты, Юпитер, замешан в таком же нехорошем деле. Скажи мне, Божественный Клавдий, на каком основании ты каждого и каждую из казненных тобою приговаривал к смерти, ни дела не разобрав, ни оправдания не выслушав? Где это видано? На небесах так не делается. Вот Юпитер, сколько лет он царствует, а только одному Вулкану сломал голень, когда он его

11. Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага

да, разгневавшись на супругу, заставил ее повисеть, но ведь не убил же ее? А ты убил Мессалину, которой я такой же двоюродный дед, как и тебе самому. «Не знаю», — говоришь? Да разразят тебя боги: ведь это же еще гнуснее не знать, что ты убил, — чем убивать. Он всё брал пример с покойного Калигулы: тот тестя убил, а этот и зятя. Калигула запретил сыну Красса называться Великим, а этот имя-то ему вернул, а голову снял. В одной только семье он убил Красса, Магна, Скрибонию, Тристиония, Ассариона — все людей знатных, а Красс-то еще такой был дурак, что даже в цари бы годился. И его-то хотите вы сделать богом? Этакого выроodka? Да скажи он хоть три слова подряд без запинки, и я готов быть его рабом. Кто же станет поклоняться такому богу? Кто в него верит? Коль вы будете делать таких богов, так и в вас самих совсем перестанут верить. Короче говоря, господа сенаторы, если мое поведение среди вас безупречно, если я никому не перечил, вступитесь вы за меня. Что же до меня, то вот мое мнение», — и стал читать по табличке: «Принимая во внимание, что Божественный Клавдий убил своего тестя, Аппия Силана, двоих своих зятьев — Магна Помпея и Луция Силана, — свекра своей дочери, Красса Фруги, человека сходного с ним как два яйца, свекровь своей дочери Скрибонию, супругу свою Мессалину и других, коим нет числа, я полагаю подвергнуть его строжайшему взысканию, не давая ему никакой возможности неявки на судоговорение, и незамед-

лительно изгнать его, удалив с небес в месячный, а с Олимпа в трехдневный срок».

Решение было вынесено простым расхождением в стороны, без дальнейших обсуждений. Сейчас же Киллений хватает его за шею и тащит с неба в преисподнюю,

В край, откуда никто не возвратится.

12. Спускаясь по Священной дороге, спрашивает Меркурий, что это за стечение народа, неужели это похороны Клавдия? И действительно, шла великолепная процессия; устроили ее не щадя средств: сразу было видно, что выносят бога. Гремела и ревела такая тьма труб, рогов и всевозможных медных инструментов, что даже Клавдию было бы слышно. Все веселы, довольны: народ римский разгуливал будто свободный. Плакали один Агафон да несколько стряпчих, но зато уж от всей души. Из темных закоулков повывезали юристы, бледные, изможденные, едва дыша, точно сейчас только ожили. Один из них, увидя, как перешептываются и плачутся на судьбу стряпчие, подходит и говорит: «Предупреждал я вас, что не все-то вам будет Сатурналии». А Клавдий, увидя свои похороны, догадался-таки, что умер: *огромный хор* пел анапестическую погребальную песнь:

Рыдайте сильней,
Стенайте, друзья,—
Пусть форум кругом
Ваш вопль огласит:
Скончался, увы,
Великий мудрец!
И храбрее его
Никогда и нигде
Не рождалось на свет.
На бегу побеждать
Быстролетном легко
Скороходов он мог,
Мятежных парфян
В бою поражать,
И персов стрелой
Летучею гнать,
И твердой рукой
Тетиву натянуть:
Он ранил слегка,
И бросались стремглав

Врассыпную враги,
И пестрели мидян
Убегавших хребты.
Он британцев настиг
На далеких берегах
Запредельных морей,
Голубые щиты
У бригаентов он взял
И на шею надел
Всем римскую цепь;
Даже сам Океан
Заставил дрожать,
Показуя права
Рима мощных секир.
Оплачьте того,
Кому равного быть
На суде не могло
В разбирательстве дел:
Слушал сторону он
Всегда лишь одну,
А порой — ни одной.
Какой же судья
Способен весь год
Непрерывно судить?
Да уступит тебе,
Оставив свой трон,
Кто выносит толпе
Немой приговор,
Кому подчинен
Был стоградный Крит.
О, бей себя в грудь
Печальной рукой,
Продажный род
Судейских крючков!
Вы, новые все,
Горюйте, певцы.
Все, все, кто, рожком
Игральным гремя,
Обеспечил себе
Постоянный доход!

13. Понравились Клавдию такие похвалы, и захотелось ему подольше полюбоваться. Но Талфибий богов хватает его, закутывает ему голову, чтобы как-нибудь его не узнали, тащит через Марсово поле и между Тибром и Крытою улицей спускается в преисподнюю. Сюда по кратчайшей дороге уже выбежал для принятия патрона вольноотпущенник Нарцисс; встречает он его чистый, прямо из бани, и говорит: «Что это? Боги к людям?» — «Живей, — закричал Меркурий, — доложи о нашем приходе». Быстрее слова помчался Нарцисс: все под горку, спускаться легко. И вот, несмотря на свою подгадку, в один миг явился он к двери Дита, где лежал Цербер, или, по словам Горация, «стоглавый зверь». Струсил он маленько (привычной утехой-то была у него белейкая собачка), увидя собаку черную, лохматую, словом, не такую, чтобы захотелось встретиться с ней в потемках, и вскричал громким голосом: «Клавдий идет!» Все выходят, хлопают в ладоши и поют: *«Найден, найден, радость наша!»* Тут и Гай Силий, назначенный в консулы, и Юнк, бывший претор, и Секст Травл, и Марк Гельвий, и Трог, и Котта, и Веттий Валент, и Фабий — римские всадники, которых казнили по приказу Нарцисса. Главным в этом хоре был пантомим Мнестер, которого Клавдий, благолепия ради, укоротил на голову. Быстро разнеслась весть о приходе Клавдия. Сбегаются к Мессалине. Впереди всех вольноотпущенники: Полибий, Мирон, Гарпократ, Амфей, Феронакт — всех их Клавдий отправил сюда загодя, чтоб нигде не оставаться без свиты. За ними два префекта: Юст Катоний и Руфрий Поллион. За ними его друзья, бывшие консулы: Сатурнин Лусий, Педон Помпей, Луп и Целер Асиний. Сзади всех дочь его брата, дочь его сестры, зятя, тестя, тещи, словом, вся родня. Сомкнутым строем встречают они Клавдия. Увидел их Клавдий и воскликнул: *«Все полно друзей! Как это вы сюда попали?»* А ему Педон Помпей: «Ты что же это, изверг, спрашиваешь, как попали? Да кто же нас сюда отправил, как не ты, убийца всех друзей? Идем-ка в суд, я тебе покажу, где здесь заседают!»

14. Ведет он его к судилищу Эака, разбирающему дела об убийствах по закону Корнелия. Педон вчиняет иск, требует суда над Клавдием и подает письменную жалобу: «Сенаторов убито тридцать пять, римских всадников двести двадцать один, прочих лиц — сколько песку, сколько праху». Защитника Клавдий не находит. Наконец, является Публий Петроний, старый его собутыльник, знаток Клавдиева языка, и требует права защиты. Отказывают. Обвиняет Педон Помпей при громких криках. Захотел было отвечать Клавдиев по-

кровитель, но Эак, человек правосуднейший, запрещает и, выслушав только одну сторону, выносит обвинительный приговор со словами: *«По делам вору и мука»*. Наступило гробовое молчанье. Все остолбенели, пораженные таким невиданным суждением: толковали, что это дело неслыханное. Для Клавдия это было не ново, а только показалось уж очень несправедливым. О роде наказания спорили долго, никак не находя подходящей кары. Нашлись говорившие, что Сизиф довольно уж потрудился над своей ношей, что Тантал погибнет от жажды, если ему не помочь, что пора бы остановить колесо несчастного Иксиона. Но решили никого из старых преступников не освобождать от наказания, чтоб и Клавдий впредь на это не надеялся. Решено было установить новую кару, измыслив ему труд тщетный, в виде какой-нибудь бесцельной забавы. Тогда Эак приказывает играть ему в зернь дырявым рожком. И вот начал он без конца подбирать высыпающиеся кости, и все без толку.

Всякий раз, что метнуть из рожка он звенящего хочет,
Тотчас же обе в дыру на донышке выскочат кости.
Он подберет их и вновь костяшки пытается бросить,
Как настоящий игрок, но опять и опять они обе
Выскользнут вон у него: из-под пальцев они убегают,
И непрерывно обман коварная зернь повторяет,
Точно Сизифа скала: лишь только коснется вершины,
Тотчас на шею ему она катится бременем тщетным.

15. Вдруг, откуда ни возьмись, Калигула и начинает требовать Клавдия себе в рабы; приводят свидетелей, выдавших, что он Клавдия и плетями и батогами бил и пощечины ему давал. Присуждают его Калигуле; Калигула дарит его Эаку, а этот отдает его своему отпущеннику Менандру в писцы...¹

¹ Конец сатиры не сохранился. (Примеч. перев.)

ПЕТРОНИЙ

Перевод А. Гаврилова, Б. Ярхо и М. Гаспарова

САТИРИКОН

〈Гимнасий италийского города, возможно Путеол, в котором преподает ритор Агамемнон. В портике, где всякий мог присутствовать во время риторических упражнений — «декламаций», слово берет Энколпий, образованный и беспутный молодой человек, от лица которого ведется повествование в романе.〉

1. «Да неужели некие новые фурии вселяются в декламаторов, которые кричат: «Эти раны получил я за вольность народную, этим глазом пожертвовал для вас; поводыря мне дайте, чтобы вел меня к детям моим, ибо не держат тела перебитые мои колена»? Но и это можно бы снести, когда б оно показывало путь тем, кто устремился за красноречием. Так нет же! Напыщенностью темы и пустейшей трескотней фраз достигается лишь то, что явившимся на форум кажется, будто они попали в другую часть света. Оттого,

полагаю, мальчики и становятся в школах дурашливы, что не видят и не слышат там ничего о людских делах, а все о морских разбойниках, стоящих на берегу с кандалами наготове, да о тиранах, подписывающих указ, чтобы сыновья рубили головы отцам своим; вечно о прориданиях во дни всеобщего мора, в коих требуется отвести трех, а то и больше, девиц на заклатие, и прочая медвяная словесная сдоба, обсыпанная маком и корицей.

2. Не ясно ли, что тот, кто вскормлен среди всего этого, так же не может хорошего вкуса приобрести, как тот, кто при кухне живет, благоухать. Вы уж простите, но я скажу, что вы же первые и сгубили красноречие. Легковесным, праздным лепетом возбуждая без толку тело речи, вы скоро добились того, что оно сникло, потеряв свою силу. А ведь не держали молодых на декламациях в ту пору, когда Софокл с Еврипидом отыскивали слова, какими должно вести речь; и не губил еще талантов взаперти сидящий педант, когда Пиндар и девять лириков уже отказывались петь гомеровским стихом. Но чтобы не приводить в доказательство одних поэтов, — ведь и Платон и Демосфен не прикасались к этому роду упражнений. Оттого-то их мощная и вместе, я бы сказал, целомудренная речь беспорочна и не раздута, когда встает перед нами в природной своей силе. Это уж потом завезена в Афины из Азии разбухшая и ненасытимая речистость, и едва она дохнула своим словно зачумленным дыханием на юные души, возмечтавшие о великом, как тут же, зараженный, окостенел дух красноречия. Кто впоследствии высокой Фукидидовой, кто Гиперидовой достиг славы? В песне и в той не проглянет румянец здоровья; нет, что возросло на этой пище, не способно дожить до почтенных седин. Таков и у живописи был конец, когда александрийская дерзость сыскала короткие пути в великом искусстве».

3. Не потерпел Агамемнон, чтобы я декламировал в портике дольше, чем сам он только что надсаживался в школе. «Юноша, — возразил он, — поскольку есть в твоей речи нерасхожий вкус и — вещь редкая! — привязанность к здравому смыслу, не стану скрывать от тебя тайн ремесла. Правда твоя, погрешают этими упражнениями наставники, когда им приходится среди безумцев сходить с ума. Ибо, не говори они того, что одобрено юнцами, так, по слову Цицерона, «одни в школе остались бы». Ложные льстецы, пробиваясь к пирам богачей, не помышляют ни о чем ином, кроме того, что тем, по их чутью, всего приятнее будет услышать: не получить им того, чего они ищут, пока не расставят разных ловушек для ушей.

Так и наставник красноречия, не насади он, подобно рыбаку, на удочку той самой приманки, о которой знает, что уж на нее-то польстятся рыбки, просидит на берегу безо всякой надежды на улов.

4. Выходит, родителей надо бранить, раз они не желают, чтобы дети их возрастали в строгих правилах. Во-первых, как все прочее, так и это свое упование они несут в жертву тщеславию. Затем, спеша к желанному, они выталкивают на форум не обработанные еще задатки, препоручая едва народившимся младенцам то самое красноречие, которого важнее ничего, по их признанию, нет. А лучше б они потерпели размеренное течение трудов, пока учащееся юношество напоено будет строгим чтением, пока ему настроят душу уроками мудрости, пока научатся юные неумолимым стилем вымарывать слова и долее внимать тому, чему взялись подражать; внушили б они себе лучше, что ничуть не восхитительно то, что нравится мальчишкам, и тогда слог их, мужая, набирал бы вес внушительный. Теперь не так: мальчишки тешатся в школах; подрастут — над ними потешаются на форуме, а в старости — и это постыднее как того, так и другого — никто не желает признаться, что учился напрасно. А чтоб не думал ты, будто я не одобряю вкуса к Луцилиевой неприязнительности, берусь и сам выразить стихом то, что думаю.

5. Науки строгой кто желает плод видеть,
Пускай к высоким мыслям обратит ум свой,
Суровым воздержаньем закалит нравы;
Тщеславно пусть не ищет он палат гордых.
К пирам обжор не льнет, как блюдолиз жалкий,
Не заливает пусть вином свой ум острый,
Пусть пред подмостками он не сидит днями,
За деньги аплодируя игре мимов.

Если же мил ему град Тритонии оруженосной,
Или по сердцу пришлось поселение лакедемонян,
Или постройка Сирен — пусть отдаст он поэзии юность,
Чтобы с веселой душой вкушать от струи Мэонийской.
После, бразды повернув, перекинется к пастве Сократа,
Будет свободно бряцать Демосфеновым мощным оружием.
Далее римлян толпа пусть обступит его и, изгнавши
Греческий звук из речей, их дух незаметно изменит.
Форум покинув, порой он заполнит страницу стихами,
Лира его пропоет, оживленная быстрой рукою.

Пусть горделивая песнь о пирах и сраженьях расскажет,
Непобедим загремит возвышенный слог Цицерона.
Вот чем тебе надлежит напоить свою грудь, чтоб широким,
Вольным потоком речей изливать пиэрийскую душу».

6. Я внимал ему столь прилежно, что не заметил Аскилтова бегства. Пока я иду по саду среди этого кипения речей, уж высыпала в портик несметная толпа учащихя по окончании, надо полагать, импровизации какого-то декламатора, что сменил Агамемнона с его свазорий. Между тем как юнцы посмеивались над сентенциями и бранили расположение речи в целом, я во благовремени убрался и пустился вдогонку за Аскилтом. Дороги я по небрежности себе не заметил, не зная, впрочем, и того, в какой стороне наше подворье. И вот, куда ни поверну, все туда ж возвращаюсь, покуда наконец, измученный этой беготней и покрытый испариной, не подступаю к какой-то старушке, что торговала огородной зеленью.

7. «Прости,— говорю,— матушка, может, ты знаешь, где я живу?» Той по вкусу пришлось глупейшая эта выходка. «Как,— говорит,— не знать?» Встала да и пошла вперед. Чувствую — небес посланница, а как пришли мы в укромное такое местечко, откидывает озорная старуха завесу с дверей и молвит: «Должно, тут». Продолжая твердить, что не узнаю своего дома, я вижу, ходят крадучись посреди табличек и голых блудниц какие-то люди, и медленно, более того — поздно, постигаю, что к притону меня привели. Проклиная старушку с ее кознями и покрыв голову, бегу я сквозь этот приют разврата и вдруг у самого выхода наскакиваю на Аскилта, точно так же до смерти истомленного, — точно и его сюда та же старушка привела!

Улыбнувшись, приветствую его и осведомляюсь, что он делает в этом непотребном месте.

8. А он рукою отер пот и «знал бы ты,— говорит,— что со мной было». — «Что-нибудь жуткое», — говорю. Тогда он слабо так: «Блуждаю это я,— говорит,— по всему городу, не умея отыскать места, где наш двор, вдруг подходит ко мне некий отец семейства и великодушно предлагает меня сопровождать. Потом ведет темными закоулками, приводит в это самое место и, показав кошелек, делает мне гнусное предложение. Уже блудница вытребовала асс за комнату, уж он и руки ко мне потянул, и не хвати у меня силенок, мог бы я поплатиться...» Уже казалось мне, что все кругом сатириона опились...

Соединив усилия, мы потеснили докучливого.

〈Справившись с поклонником Аскилта, друзья отправляются вместе искать свою гостиницу.〉

9. Словно в тумане, я увидел Гитона, стоявшего в конце проулка, и ринулся прямо к нему. Когда я спросил, приготовил ли нам братик чего-нибудь поесть, мальчонка сел на кровать и стал большим пальцем унимать потоки слез. Вспокоившись от вида братика, спрашиваю, что у него такое. Он отвечал не сразу, через силу, уступив тогда только, когда я и гнев примешал к мольбам. «Да твой же,— говорит,— не знаю, брат или товарищ прибежал пораньше в снятую нами комнату и вознамерился одолеть мою стыдливость. Я кричать, а он меч вытащил и «коли ты Лукреция, нашелся,— говорит,— твой Тарквиний». Услышав это, я потянул руки к Аскилтовым глазам и «что скажешь,— кричу,— шура ты, волчица позорная, чье смрадно и дыхание?». Аскилт изобразил напускной ужас, а затем, размахивая руками, возопил что было мочи. «Молчи,— кричит,— ты, гладиатор паскудный, кого из праха отпустила арена! Молчи, ляд полуночный, ты, который и прежде, когда не был еще слабак, ни с одной приличной женщиной не управился и кому я в садах был тем самым братцем, каким теперь служишь тебе мальчуган этот на постоялом дворе». — «Но ты же улизнул,— говорю,— с беседы наставника».

10. «А что мне было, несуразный ты человек, делать, раз я с голоду помирал? Наверно, сентенции слушать, что горшка битого не стоят, да всякие сны бабы? Вот те Геракл, ты меня мерзее: ты поэта выхвалял для того только, чтобы в гостях пообедать». Рассмеявшись, мы миролюбиво перешли от некрасивой этой ссоры к обычным занятиям.

〈Примирение оказывается, однако, ненадежным.〉

Когда на память опять пришла обида, «Аскилт,— говорю,— я так понимаю, что не ужиться нам. Давай-ка разделим наши пожитки и будем бороться с нашей бедностью каждый своим путем. И у меня образование, и у тебя. А чтобы тебе пути не перебегать, примись я лучше за что-либо другое; иначе всякий день сотни вещей будут нас сталкивать, а по всему городу — растекаться слухи». Аскилт перечить не стал. «Только сегодня,— говорит,— раз уж дали мы согласие пойти на обед в качестве учащихся, не станем вечер портить. А завтра, коли так угодно, приищу себе и жилье, а

может, и братца какого». На это я: «Нет,— говорю,— ждать желанного всегда долго»...

Безотлагательность этого расставания проистекала от страсти — уже давно жаждал я устранить докучливого стража, чтобы вернуться к прежнему с моим Гитоном обыкновению.

⟨Энколпий и Аскилт расстаются. Рассказчик с трудом верит своему обманчивому счастью.⟩

11. Обшарив глазами целый город, возвращаясь в нашу комнату и, наконец, расцеловав как следует, обнимаю мальчишку тесным объятием, так что сбываются мои желанья, да и на зависть счастливо. Признаться, не все еще было кончено, когда Аскилт, тихо подкравшись к дверям, шумно и решительно отворил запоры и застал меня за игрою с братиком. Хохотом и рукоплесканиями наполнилась комнатуха: стянув покрывавшую меня ткань, «вот как ты,— кричал он,— безупречнейший собрат, против сожительства!» Речами он себя не ограничил, а схватил ремень от сумы и принялся меня отделявать, и не для виду только, сверх того приговаривая оскорбительные слова: «С братом на такой лад делиться запрещается!»

⟨Помирившимся приходится искать пропитания и приключений вместе.⟩

12. Уже смеркалось, когда мы вышли на форум, где приметно было изобилие всяческого товара, который был не то чтобы слишком дорог, но таков, что неполная его надежность очень хорошо сочеталась с сумерками. А поскольку и мы несли с собой паллий, грабительно похищенный, то, пользуясь столь удобным случаем, идем в закуток и начинаем трясти краешком накидки в расчете на то, что блеск одеяния привлечет какого-нибудь покупателя. И правда, не замедлил к нам подойти некий, будто знакомый мне на вид, поселанин, сопутствуемый какой-то бабенкой, и пристально так стал в паллий вглядываться. Аскилт со своей стороны уставился на плечи покупателя-селянина да так и замер без слова. Так же и я не без некоторого волнения смотрел на человека, потому что начало мне казаться, что это был тот, кто нашел несчастную тунику в безлюдном месте. Да, то был он! Все еще не доверяя свидетельству собственных глаз и боясь, как бы не промахнуться ненароком, Аскилт с видом покупателя подступает ближе, снимает у того с плеч тряпицу и бережно ощупывает руками.

13. О, предивная случая игра! По сию пору нелюбопытный поселанин не тронул рукою швов туники, да и торговал ею словно нищенским рубищем — с брезгливостью. Убедившись, что запрятанное

там в неприкосновенности, а личность торговца — удобопрезираема, Аскилт отвел меня от толпы в сторонку. «Понял,— говорит,— братец? Вернулось к нам сокровище, мною столько оплаканное. Это ж та самая туника, полная, кажется, поныне нетронутых золотых. Как мы теперь поступим и на каком основании востребуем нашу собственность?» Я просветлел — не оттого только, что увидел добычу, но и потому, что случай снимал с меня омерзительное подозрение. Окольный образ действий я исключал; вести дело надо по гражданскому праву неукоснительно, а если кто не желает чужую вещь возвратить владельцу, пусть явится для безотлагательного решения.

14. Аскилт, напротив, опасался законности и говорил так: «Кому мы в этих местах известны, кто поверит нашим речам? Мне куда больше нравится купить то, что мы признали нашим, и уж скорее малыми деньгами вызволить сокровище, чем ввериться превратностям тяжбы».

Чем нам поможет закон, если правят в суде только деньги,
Если бедняк никого не одолеет вовек?

Даже и те мудрецы, что котомку киников носят,

Тоже за деньги порой истине учат своей.

Приговор судей — товар, и может купить его каждый.

Всадник присяжный в суде платный выносит ответ.

Так, но кроме единственного дупондия, каковой предназначен был на приобретение волчьих бобов, в руках у нас не было ничего. И вот, чтобы добыча невзначай не ускользнула, решено сбавить цену паллия и пойти на малую жертву ради великого приобретения. Но только мы раскинули наш товар, как та баба с покрытою головой, что стояла возле поселянина, обнажила голову и, взглядевшись еще пристальней в рисунок, вцепилась в нашу накидку обеими руками и заголосила во всю мочь «держи воров». Растерялись и мы, а чтобы не казалось, будто мы бездействуем, вцепляемся в их трепаную, дрянную туннику и с равным ожесточением возглашаем, что те присвоили наше одеяние. Однако явно не равен был наш спор, и толпа, сбежавшаяся на крик, смеялась, по своему обычаю, над нашей ссорою, ибо видела, что та сторона требует весьма дорогое одеяние, а наша — рванину, даже на приличные заплаты не годную.

15. Тогда Аскилт, насилу добившись тишины, сказал: «Видно, каждому свое дорого; пускай они вернут нам нашу туннику, а паллий свой забирают». Поселянину с его бабой мена была по душе, однако

ночные адвокаты, возмечтав разжиться паллием, стали требовать передачи обеих вещей им на хранение, чтобы на завтра судья рассудил спор; тут не в том только дело, что стороны утверждают различное, но совершенно иной вопрос, заключающийся в том, что обе стороны можно заподозрить в грабеже. Уже предлагалось подвергнуть вещи секвестру, и уже один, неведь кто — лысый, с желваками на лице жулик, который иногда и дела вел, — загреб наш плащ, заверяя, что последний будет выдан на следующий день. Было очевидно, впрочем, что единственная их цель — спереть угодившее под их опеку платье, когда мы не явемся в положенный срок из страха перед разбирательством. Совершенно того же хотели и мы. Случай, таким образом, отвечал чаяниям обеих сторон. Осерчав на нас за то, что мы требовали передачи также и тех лохмотьев, поселянин швырнул их Аскилту в лицо и, освободив нас от иска, сказал, чтоб мы передали на поруки паллий, который остается единственным предметом тяжбы.

Вновь обрета, как мнилось, наше сокровище, мы стремглав кинулись в гостиницу и, запершись, стали смеяться изощренности ума жуликов не менее, чем наших изобличителей, которые столько хитрили, чтобы вручить нам деньги.

Не люблю доходить до цели сразу,
Немила мне победа без препятствий.

16. Только мы насытились обедом, что был приготовлен порядительностью Гитона, как дверь потревожена была не совсем уверенным стуком. Когда мы, тоже тихо, спросили, кто там, «открой, — говорит, — узнаешь». Мы еще переговаривались, когда заков, сам собою движимый, пал, и дверь растворилась вдруг, пустив гостя. То была женщина с покрытой головою — та самая, что еще недавно стояла с поселянином. «Посмеяться, — говорит, — надо мной удумали? Я — Квартиллы служанка, над чьей святыней вы надругались у грота. Теперь она сама пожаловала на ваше подворье и дозволения просит с вами говорить. Да вы не пугайтесь! Не обличает она ваших заблуждений, не казнит, а больше дивится, какой это бог занес в ее пределы этих обходительных молодых людей».

17. Мы молчали и не решились еще, в какую сторону склонить наши мысли, как, сопровождаемая девушкой, вошла госпожа и, сев на мое ложе, плакала долго.

Мы пока ни слова не проронили, но, пораженные, пережидали эти слезы, не иссякавшие в ознаменование страданий. А когда

истощилась роскошный ливень, откинула она накидку с горделивой головы и, ломая руки до хруста в суставах, «это что за дерзости,— говорит,— и где только вы научились баснословному этому разбою? Вот вам Зевс, до чего мне жаль вас, ведь никто еще не узрел безнаказанно, чего не следует. Тем более что места наши до того переполнены бессмертными, что здесь легче на бога наткнуться, чем на человека. Но не думайте, что я за мщением сюда явилась; не более меня волнует обида, чем лета ваши. Это ж по неопытности, как я продолжаю думать, совершили вы богомерзкий проступок.

Да я сама после волнений той ночи получила опасную простуду и стала уж бояться, не болотная ли у меня лихорадка. Тогда ищу совета во сне и получаю веление вас отыскать и облегчить приступы болезни вашим обязательным участием. Да я не так о лечении хлопочу; я хуже оттого страдаю и едва ли не на краю неизбежной стою смерти, как бы вы с вашей юношеской пылкостью не разнесли повсюду, что выдали в Приаповом святилище, и советы богов не выдали черни. Оттого простираю к вашим коленям умоляющие руки и заклинаю вас не смеяться и не поглумиться над ночным таинством и не выдать тайн такой древности, что их знала от силы тысяча человек».

18. После этой мольбы она вновь залилась слезами и, сотрясаемая могучими рыданиями, лицом и грудью распласталась вся на моем ложе. Колеблясь между состраданием и страхом, я велю ей ободриться и не сомневаться в двух вещах: святыни не разгласит никто, и какое бы бог ни указал средство от приступов ее лихорадки, мы божественный промысл поддержим, будь то с опасностью для жизни. Женщина посветлела после такого уверения, осыпала меня градом поцелуев и, переметнувшись от слез к смеху, стала осмелевшей рукою разбирать мне завитки волос на шее и «закрываю,— говорит,— перемирие с вами и от назначенной тяжбы освобождаю. А не согласились бы вы на лечение, какого прошу, так уж готов был на завтра отряд мстителей за мою обиду и за достоинство мое».

Стыдно отвергнутым быть, а быть самовластным — гордыня,
Тем дорожу, что путем средним могу я ступать.

И мудрец, коль заденут его, на врага ополчится,
Ну а врага не добить — это победа вдвойне.

Хлопнув затем в ладоши, она таким смехом залилась, что мы оробели. То же сделала со своей стороны и служанка, которая пришла primero, то же и девчонка, что вошла с госпожой.

19. Все оглашалось безудержным этим смехом, между тем как мы, не ведая, отчего столь неожиданная сделалась перемена в чувствах, поглядывали то друг на друга, то на женщин. «А я как раз не дозволила впускать в этот дом ни одного смертного, чтобы вас за целением болотной лихорадки всякий раз не прерывали». От этих Квартиллиных слов Аскилт слегка онемел, а я стал хладен, как зима в Галлии, не умея и слова произнести. Впрочем, имея сотоварищей, я мог не опасаться, что произойдет непоправимое. Ведь решишь они что предпринять, так это были всего лишь три женщины, и, понятное дело, слабые; а супротив стояли мы, — что б ни было, а мужеского полу. Мы и подпоясались этак повыше, а я уж и пары вперед прикинул: дойдет до дела, беру на себя Квартиллу, Аскилт — служанку, а Гитон — девицу.

〈Три женщины делают приготовления не менее смелые, чем таинственные.〉

Тогда от потрясения потеряли мы всякую стойкость, и уже верная смерть подошла закрыть бедные наши очи.

20. «Молю, — сказал я, — владычица, коли страшное что замыслила, кончай поскорее; ведь не такое свершили мы преступление, чтобы умирать под пыткой...»

Служанка, которая звалась Психеею, бережно разложила на полу матрасик...

Она тормошила мои потроха, холодные, как после ста смертей... Аскилт заранее прикрыл паллием голову, наученный уже, как это опасно — мешаться в чужие таинства...

Две тесемки вытащила из-за пазухи служанка, чтобы одной связать нам ноги, другой — руки.

〈Квартилла прибегает к любовному напитку, чтобы расположить молодых людей.〉

Чувствуя, что рассказы иссякают, «так что, — говорит Аскилт, — неужто я недостоин напитка?»

А служанка, которую выдала моя ухмылка, всплеснула руками и «молодой-то, — говорит, — человек поставил, а ты столько снадобья один выпил?» — «Это что же, — сказала Квартилла, — сколько было сатириона, Энколпий и выпил?» ...и повела бедрами со смехом, пожалуй, и оболстительным. Даже Гитон, наконец, не удержался от смеха, особенно после того, как девица бросилась ему на шею и принялась его, не оборонявшегося, целовать без счета.

〈По-видимому, троих молодых людей везут насильно к Квартилле домой.〉

21. Несчастные, мы хотели бы кричать, но не было никого, чтоб помочь, к тому же Психея булавкой из прически укалывала меня в щеку, как только я порывался воззвать к чувству справедливости моих сограждан; а там девушка одолевала Аскилта маленькой палочкой, обмокнутой, опять же, в сатирионе...

Под конец, прихорошившись одеялом миртового цвета и пережатый поясом, явился кинед... Он то шлепал нас своими порочными ягодицами, то марал смрадным лобзанием, пока Квартилла, с китовым усом в руках и высоко подпоясанная, не распорядилась отпустить несчастных.

〈Квартилла объявляет условия перед началом новых Приаповых таинств.〉

Оба мы поклялись свято, что ужасающая эта тайна умрет с нами.

〈Приапическое действо вершится не без участия Энколпия и Аскилта.〉

Вошли несколько слуг палестры и нас освежили, должным образом умастив маслом. И вот, когда мы, забыв усталость, одеваемся к обеду, нас отводят в соседнюю комнату, где стоят три покрытые ложа и остальные принадлежности пира, великолепно обставленного. Приглашенные, мы возлегли и, получив в виде посвящения дивную закуску, льем фалернское рекою. Одолев затем несколько блюд, мы начали уж задремывать, но тут вскричала Квартилла: «Это что же, вы еще спать помышляете, а ведь вам ведомо, что в честь Приапа надлежит всю ночь бодрствовать?»

〈Оргия начинается снова. Оба героя обессилены совершенно.〉

22. Когда Аскилт, подавленный столькими бедами, задремал, служанка — та самая, которую он так оскорбительно обошел, — все лицо ему щедро вымазала сажею, нарисовав у губ и на плечах многочленный, так сказать, узор. Уже и я, столькими бедами изнуренный, как бы пригубил сна, да и все домашние внутри и снаружи предались тому же: одни валялись как попало в ногах лежавших на ложе, другие приткнулись к стенке; были и такие, что прямо у порога притулились, голова к голове; даже светильники, в коих иссякла влага, посылали свет тощий и томный. Тогда-то вошли в обеденную залу двое сирийцев, чтобы прихватить бутылек, но, оказавшись среди изобилия сосудов, от жадности заспорили, да и разбили бутылек, каждый к себе потянувши. Рухнул вместе и стол с сосудами, а один фиал, отлетев выше других, ударил по голове служанку, устало заснувшую на ложе. От удара та вскрикну-

ла, выдавая воров и вместе пробудив кое-кого из гуляк. А те сирийцы-добытчики как увидели, что застигнуты, так вдруг, не сговариваясь, хлопнулись подле ложа и начали храпеть, словно век спали.

Но вот уже разбуженный триклинарх подлил в закатные светильники масла, и мальчишки, протерев понемногу глаза, вернулись к своей службе, а там и музыкантша с тарелками вошла и медью звенящей всех пробудила.

23. Тогда вновь возродился пир, и Квартилла снова призвала пить. Оживлению пирующих много способствовала кимвалистка.

Входит кинед, существо несообразное и совершенно достойное этого дома, а войдя и зашелкав извивающимися своими руками, он с жаром исполнил такую песнь:

Эй! Эй! Соберем мальчиголоубцев изощренных!
Все мчитесь сюда быстрой ногой, пятою легкой,
Люд с наглою рукой, с ловким бедром, с вертлявой ляжкой!
Вас, дряблых, давно охолостил делийский мастер.

Исчерпав поэзию, кинед осквернил меня нечистым своим поцелуем. А там и на ложе взлез и, преодолев сопротивление, обнажил насильно. Долго и упрямо трудился он над моими чреслами — и втуне. Потоком стекала с его потного чела смола акации, а поскольку в морщинах была пропасть мела, теперь казалось, будто видишь стену, пострадавшую от влажных бурь.

24. Я не мог более сдерживаться и, доведенный до предела страданий, говорю сквозь слезы: «Умоляю, госпожа,— разве не распорядилась ты дать ночной сосуд!» А она мягко так руками всплеснула и «вот,— говорит,— умница, вот родник чистоты народной! Как? И ты не понял сразу, что ночным сосудом называют кинед?» Тогда, приметив, что у товарища моего дела обстоят полегче, «а ведь это,— заявил я,— нечестно, чтобы во всей зале один Аскилт жил не трудясь». — «А что,— отозвалась Квартилла,— дать, пожалуй, и Аскилту ночного сосуда». По сему слову кинед сменил коня и, перейдя к моему товарищу, стал обтирать его и ягодичами своими, и поцелуями. А Гитон между тем стоял и животики надрывал со смеху. Тогда-то приметила его Квартилла и спросила настойчиво, чей мальчуган. А как я сказал, что братик мой, «что ж он тогда,— говорит,— меня не целует?» И, к себе подозвавши, приняла к нему устами. А там, скользнув рукою по его лону и взвесив хрупкий еще сосуд, «завтра,— говорит,— отлично послужит

для закуски перед пиршеством желаний, а нынче после тунца будничного блюда не желаю».

25. Она еще не договорила, как подошла, посмеиваясь, Психея, чтобы на ухо ей шепнуть; о чем у них было, неведомо, только Квартилла «а что,— говорит,— спасибо, надоумила! Отчего бы, раз такой подходящий случай, и не лишить невинности нашу Панихиду?» И тут же выводят премиленькую девочку, которой нельзя было дать больше семи лет. Все разом одобрительно рукоплещут, и затевается свадьба.

Я похолодел и принялся уверять, что ни Гитон, невиннейший мальчик, не годен для этой шалости, ни девочка по своим летам не способна претерпеть то, что положено женщинам. «А что, она моего, что ли, младше,— закричала Квартилла,— я-то когда впервые мужика стерпела? Да пусть прогневается на меня Юнона моя, ежели я помню себя девицею. Еще ребеночком баловалась я со сверстниками, а как подошли годы, стала и к старшим лгнуть парням, пока, наконец, в нынешнюю пору не вошла. Отсюда, я так полагаю, и повелось это слово, что быка понесет, кто теленочка поднял». Делать нечего: дабы братик мой, оставшись без присмотра, не пострадал от худшей обиды, поднимаюсь, чтобы свершить свадебный обряд.

26. Уже Психея окутала голову девочки красной фатою; уже шествовал впереди с факелом ночной сосуд, уже хмельные подружки выстроились в длинный ряд, плеща руками и украсив брачный покой нескромным покрывалом, когда, разжегшись и сама сладострастными прибаутками, Квартилла тоже поднялась и, схватив Гитона, повлекла его в спальню. Мальчик, надо признаться, не противился, да и девочка не обнаружила ни грусти, ни робости перед словом «свадьба». И вот, когда, запертые, они легли, мы устраиваемся у порога перед брачным чертогом, и впереди всех Квартилла, прильнувшая к бесчестно оставленной щелке и с упорством сластолюбия взиравшая жарким оком на забавы детей. Она и меня привлекала к тому же зрелищу цепкой рукою, а поскольку созерцание сблизило наши лица, она, чуть отпуская ее зрелище, украдкой шевелила губами и осыпала меня быстрыми поцелуями.

⟨Мучительная и великолепная ночь подошла к концу.⟩

Раскинувшись на ложе, мы провели остальную часть ночи без ужасов.

Пришел уже третий день, а это значит — ожидание дарового обеда. Да только нам, истерзанному столькими ранами, бегство ка-

залось милее покоя. О ту самую пору, когда мы печально обсуждали, каким способом убежать от наступающей грозы, явился раб Агамемнона и нас, перепуганных, прервал. «Вы что же,— говорит,— не знаете, кто угощает сегодня? Трималхион, человек до того изысканный, что у него в триклинии часы, а в них встроены труба, чтобы ему возвещать, какая толика жизни им еще утрачена». Тут, позабыв о всех бедах, мы тщательно одеваемся, а Гитону, до сих пор любезно исполнявшему обязанности раба, велим идти мыться.

27. А пока мы, еще одетые, стали прогуливаться, а вернее — забавляться, подходя то к одному, то к другому кружку развлекающихся. И тут глазам нашим вдруг предстал лысый старик, облаченный в аленькую тунику и развлекавшийся игрой в мяч в обществе подростков-рабов. На мальчишек этих, быть может, и стоило посмотреть, но не они привлекли наше внимание, а сам отец семейства, обутый в туфельки и усердно швырявший зеленый мячик. Если мячик падал на землю, хозяин поднимать его уже не удостоивал, ибо рядом стоял слуга с полным мешком их и подавал игрокам по мере надобности. И еще новинка: за чертой круга игры стояли двое евнухов, один с серебряной ночной вазой в руках и другой, считавший мячики,— не те, что отскакивали от рук в крученой игре, а те, что падали на землю. Мы взирали на эту роскошь, когда подбежал Менелай, чтобы шепнуть: «Тот самый, у кого сегодня возляжете; а впрочем, начало пира вы уже видите». Менелай не кончил еще, как Трималхион щелкнул перстами, и евнух подставил ему, поглощенному игрой, свою посудину. Освободив мочевой пузырь, хозяин спросил воды умыть руки и, едва окунув в нее пальцы, вытер их о голову ближайшего мальчишки.

28. Всего было не пересмотреть. А потому отправляемся в баню и, пропотев в горячей, сей же час в холодную. А Трималхиона уже надушили духами и принялись обсушивать не полотенцами, а полотнищами тончайшего льна. Тем временем на глазах у него трое натралиптов пили фалернское и, вздор, лили его на пол, а хозяин приговаривал, что это по нем. Потом завернули его в алое урсовое одеяло, уложили на носилки, и двинулось шествие: впереди — четверо скороходов с блестящими нашлепками, за ними — повозка ручная с его любимчиком: старообразный мальчик, подслепый, еще некрасивее господина! А когда хозяина несли, к изголовью его склонился с крошечной флейтой музыкант и по дороге напевал какую-то песенку, точно нашептывал что-то ему на ухо.

Подивившись этому в досталь, идем мы дальше и вместе с Агамемноном подошли ко входу, на косяке прибито небольшое объявление с следующей надписью: «Буде какой раб без хозяйского приказа из дому отлучится, причитается ему ударов сто». Тут же в дверях стоял привратник, сам в зеленом, а кушак вишневый — этот лущил горох на серебряном блюде. Над дверью висела золотая клетка, из которой пестрая сорока кричала входящим приветствие.

29. Заглядевшись на все это, я так запрокинул голову, что едва ног не сломал. Иначе и невозможно было, когда от входа налево, у каморки привратника, на стене нарисован был огромный пес, а над ним крупными буквами написано: «Злая собака!» Сотоварищи мои приснули со смеху, а я, чуть пришел в себя, принялся, затаив дыхание, разглядывать прочую настенную живопись. На одной картине продавались гуртом рабы, каждый с ярлыком; сам Трималхион, еще подростком, вступал, держа жезл, в Рим, ведомый Минервою; дальше было про то, как научился он вести счета, как кассой стал вестать, — все это трудолюбивый художник добросовестнейшим образом снабдил надписями. В конце галереи Меркурий за челоСТЬ втаскивал его на высокую трибуну. Здесь же присутствовала Фортуна с непомерным рогом изобилия и три парки, прядущие золотую нить. Еще я заметил в портике кучку скороходов с учителем, их обучающим, а в углу увидел большой шкаф: в его углублении вроде домика стояли серебряные лары, мраморное изваяние Венеры и золотой ларец весьма внушительной величины, в коем, как мне поведали, «сам» хранил первое свое бритье. Я спросил у старшего по атрию, что у них нарисовано посредине. «Илиас с Одюссией, — отвечал он, — да Лэнатов гладиаторский бой».

30. Очень многого так и не довелось рассмотреть; мы уже подошли к триклинию. При входе в него управляющий принимал счета, но особенно меня поразило, что на косяках двери, ведущей в триклиний, прибиты были пучки ликторских прутьев с секирами, а ниже выступало медное острие наподобие корабельного тарана с такой надписью: «Гаю Помпею Трималхиону, севиру августалов, от Киннама казначая». Ниже этой надписи свисала с потолка лампа в два фтиля, и две дощечки были еще укреплены на обоих косяках; на одной, если не изменяет мне память, стояло: «30 и 31 декабря наш Гай обедает в гостях», а на другой вычерчен был путь Луны и изображения семи планет; тут же цветными шариками были отмечены в списке дни счастливые и несчастные.

Накушавшись этих прелестей, мы делаем попытку вступить в триклиний, как вдруг один из слуг, для этого дела приставленный, вскричал: «Правой!» Мы, понятно, всполошились немного, как бы кто из нас не шагнул через порог, не сообразуясь с предписанием. Но когда мы наконец дружно шагнули правой, нам в ноги кинулся раздетый раб и стал упрашивать, чтобы выручили его из беды; невелика и провинность, за которую взыскивают: стащили у него в бане одежду казначея, а и вся-то цена ей десять штук! Пришлось нам с правой ноги вернуться и упрашивать казначея, который в своей выгородке подсчитывал золотые, чтоб отпустил рабу его провинность. Возвзвись на нас с важностью, тот отвечал: «Не в убытке для меня суть, но какво нерадение паршивого раба! Обеднишное мое платье прозевал, которое мне когда-то клиент один на деньрождение подарил: тирийский, сами понимаете, пурпур, раз только стираю. Да чего уж! Только ради вас!»

31. Облагодетельствованные великим этим благодеянием, едва вступили мы в триклиний, как бежит нам навстречу тот самый раб, за которого мы хлопотали, и, не дав опомниться, осыпает нас неистовыми лобзаниями, изъясняя признательность за наше человеколюбие, а потом говорит: «Еще увидите, кому добро сделали: хозийского вина слуга-распорядитель!» Наконец, мы возлегли. Александрийские мальчишки льют нам на руки снежную воду; их сменяют другие, принимают за наши ноги и вычищают ногти с пугающим проворством. К тому же нелегкую эту должность они отправляли не молча, а попутно еще напевая. Тогда мне захотелось испробовать, неужели тут вся челядь так певуча, и я попросил пить. Сию же минуту подскочил мальчишка, и тоже с пронзительной песнью; так же и все они, чего бы ни спросить у любого, — словом, хор в пантомиме, а не прислуга за обедом отца семейства.

Подали, впрочем, очень недурную закуску. Между тем все уже возлегли, кроме одного Трималхиона, которому — неслыханная вещь — оставлено было первое место. Между блюдами закуски стоял ослик коринфской бронзы, на коем висели два вьюка: в одном были светлые, в другом темные насыпаны оливки. На спине ослик вез два блюда с вырезанным по краешку Трималхионовым именем и весом серебра, а на блюдах устроены были мостики, на которых лежали жареные сони, политые медом с маком. Кроме них поданы были на серебряной сковородке колбаски горячие с подложенными внизу сирийскими сливами и гранатовыми семечками.

32. Мы уже окунулись в эти роскошества, когда под звуки музыки внесли самого Трималхиона и осторожно уложили на сложное сооружение из подушек. Смех был неизбежен, хотя неосторожен: из пышного алого одеяния выглядывает бритый череп, шея укутана тканью, а поверх нее пущена салфетка с широкой каймой и бахромой, ниспадавшей на обе стороны. На левом мизинце его было толстое позолоченное кольцо, на кончике безымянного пальца той же руки — кольцо поменьше, и, как мне показалось, чистого золота, только усеянное сверху железными звездочками. А чтобы не этим только убранством похвалиться перед нами, он обнажил правую руку, на которой красовался золотой браслет и кольцо слоновой кости, сомкнутое сверкающей пластинкой.

33. Поковыряв в зубах серебряным перышком, он произнес: «Сказать по правде, други мои, еще мне не в радость было идти к столу, да уж чтобы не задерживать вас дольше моим отсутствием, я от собственного удовольствия отрекся. Дозволите разве мне игру кончить». Сейчас явился слуга с доской из терпентинного дерева и с хрустальными кубиками. Тут бросилось мне в глаза самое изысканное из всего: вместо черных и белых камешков были у него золотые и серебряные денари. Пока хозяин играл и бранился не хуже мастерового, а мы все еще закусывали, поставили перед нами на большом блюде корзину, в которой оказалась деревянная курица с растопыренными крыльями, как бывает у наседок. Немедленно подскочили два раба и, порывшись под грохот музыки в соломе, вытащили оттуда павлиньи яйца, чтобы раздать их гостям. Ради этого эпизода поднял взор и хозяин. «Други,— сказал он,— это я велел посадить курицу на павлиньи яйца; чего доброго, они уж и высижены; а впрочем, попробуем: может, еще и можно пить их». Нам подают ложки не менее полфунта весом, и мы разбиваем скорлупу, слепленную, как оказалось, из сдобного теста. Заглянув в яйцо, я чуть не выронил своей доли, ибо мне почудилось, что там сидит уж цыпленок. Но, услышав, как один завсегдатай примолвил: «Эге! да тут, надо полагать, что-то путное!», снимаю до конца скорлупку пальцами и вытаскиваю жирненькую пеночку, облепленную пряным желтком.

34. Между тем хозяин, оставив игру, велел и себе подать того же, что ели мы, а нам громогласно дал разрешение, если кто пожелает, выпить медовухи по второму разу, затем грянула музыка, а хор запел, торопливо убирая блюда с закуской. Когда в этой сумятице случайно какое-то из серебряных блюд упало на пол и

слуга его было подобрал, Трималхион это заметил и повелел подвергнуть слугу заушению, а блюдо бросить на пол обратно. Тут же появился буфетчик с метлой и вымел серебряную вещь вместе с сором. Потом вошли двое с волосами эфиопов и с крохотными бурдючками в руках, вроде тех слуг, какие обычно опрыскивают арену в амфитеатре, и полили нам вина на руки: о воде не было и помину.

Хвалимый за эту изысканность, хозяин воскликнул: «Марс правду любит! Оттого и велел я каждому из вас отдельный стол поставить; да и от рабов этих противных с их суетней нам не так душно будет». Немедленно затем внесены были стеклянные амфоры, запечатанные гипсом; а на горлышках у них болтались ярлычки с надписью: «Фалернское, опимиевского розлива, столетнее». Мы разбираем ярлычки, а хозяин всплеснул руками и молвил: «Ох-хо-хо! Вино-то, знать, долговечнее бедных людишек! А потому тронули! Сколько пьется, столько и живет! Настоящее опимиевское выставлю; вчерашнее было хуже, хоть гости были почище вас!» Мы принялись пить и старательно подхваливать эту роскошь, а слуга тем временем приносит серебряный скелет, собранный так, что суставы его и позвонки выворачивались в любую сторону. Раз другой выбросил он этот скелет на стол, так что гибкие его сцепления укладывались то так, то этак, а Трималхион присовокупил:

Ох, и несчастные мы, ничтожные мы человеки,
Будем и мы таковы, когда нас Оркус настигнет,
Ну, а куда живешь, пей и гуляй, коли так!

35. За одобрением последовало первое блюдо, отнюдь не такое величественное, как ждалось; впрочем, диковинный вид его обратил на себя общее внимание. На совершенно круглом блюде изображены были по окружности двенадцать знаков Зодиака, а над каждым рука кухонного мастера поместила свое, подходящее к нему, кушанье: над Овном — овечий горошек, над Тельцом — кусок телятины, над Близнецами — яички и почки, над Раком — венок, над Львом — африканские смоквы, над Девой — матку свинки, над Весами — ручные весы, на одной чаше которых лежал сырный пирог, а на другой — медовый; над Скорпионом — какую-то морскую рыбку, над Стрельцом — лупоглазую рыбку, над Козерогом — морского рака, над Водолеем — гуся, а над Рыбами — двух краснопорок. В середине уложен был медовый сот на куске свежего дерна. Египетский мальчик разносил теплый хлеб в серебряной грелке, а сам гнуснейшим голосом завывал песенку из мима «Ласерпициана».

Приунывши несколько, мы потянулись за этими убогими угощениями. «Прошу обедать,— сказал Трималхион,— и быть при праве».

36. Только он это произнес, как грянет оркестр да как вскочат четверо, подбежали, приплясывая, и сняли с блюда крышку. И вот видим мы под ней, на втором, иначе говоря, блюде, жирную дичину, вымя свиное, а посредине зайца с крыльями, приделанными так, чтобы походить на Пегаса. По углам блюда, видим, стоят четыре Марсия с бурдючками, откуда бежит перченая подливка прямо на рыбок, а те как бы плавают в канавке. Прислуга хлопает в ладоши, мы усердно ей вторим и с веселием накидываемся на эти отборные вещи. Улыбнулся хозяин своему трюку и воскликнул: «Кромсай!» Тотчас явился резник и взмахами в лад с оркестром разрезал кушанье так, как бойцы рубятся на арене под водяной орган. Трималхион все повторял протяжно: «Кромсай, кромсай!» Я уже начал догадываться, что какая-то острота сопряжена с этим столько раз повторенным словом, и, преодолев свою скромность, спросил о том у своего собеседника, что лежал местом выше меня. Тому, видно, эти выдумки были не новость. «Ты погляди,— сказал он,— на малого, что кушанье кромсает: его Кромсаем зовут; выходит, как хозяин скажет «КРОМСАЙ», так сразу и подзывает и приказывает».

37. Я уже не способен был что-либо вкушать; обратившись к соседу, чтобы узнать возможно больше, я начал издалека, спросив, что это за женщина носится туда-сюда. «А это,— ответил тот,— супруга Трималхионова, Фортунатой зовут. И правда, червонцы ведром мерит! А не так давно знаешь кто была? Не при гении твоём будь сказано — ты бы у ней из рук хлеба не взял. А вот смотри ж ты: ни за что ни про что вон куда залетела — стала у Трималхиона все и вся. Короче, скажи она ему в полдень, что на небе потемки,— поверит! Сам именно своему и счет потерял: сверхбогатеи! Зато эта сучища под землей видит. Всюду влезет! Но твердая, трезвая, ума ясного — видишь, сколько золота! Зла, конечно, она на язык, кукушка ночная! Но уж кого полюбит — так полюбит, а не любит — так нет! У самого-то Трималхиона земли — птице не облететь, а казны — видимо-невидимо! Да у его привратника в аморке серебра навалено больше, чем у иного в целом хозяйстве. А челяди у него, челяди! Провалиться мне, коли из них десятая доля хозяина своего знает в лицо! Короче, захочет, так всех этих брандахлыстов в бараний рог скрутит.

38. Ты думаешь, он покупает что-нибудь? Все дома родится: шерсть, хрукты разные, перец; птичьего молока спросишь — пода-

дут. Короче: жиденьякая у него шерсть получалась — закупил он баранов в Таренте да в стадо и припустил; а чтобы аттический мед у него дома водился, пчел с Афин привезти велел, к тому ж и здешние, значит, пчелки поправятся от гречанок. Да вот на днях еще писал он, чтобы ему из Индии шампюнных семян прислали. Лошачихи у него — все от диких ослов. А вот подушки видишь, так они сплошь багрецом или кошенильной шерстью набиты. Одно слово, блаженный муж! Да и на тех, что с ним вместе вольную получили, ты не очень-то фыркай: тоже не без навару. Хоть вон того возьми, который там с краешку расположился: на сегодня свои восемьсот имеет. А с ничего пошел! Не так давно поленья таскал на шее. Болтают люди — я-то не знаю, слышал только, — будто он шапку Инкуба похитил, а клад-то ему и открылся. Что ж делать, кому бог дал, тому не завидуй. Ушлый, конечно, себе на уме. Днями такое объявление сделал о сдаче квартиры: «Гай Помпей Диоген верхний этаж сдает с июльских календ в связи с приобретением дома». Да и сосед его, вон на месте вольноотпущенника, неплохо уж приподнимался. Не виню его, конечно. Он уж и мильон видал, да споткнулся, а теперь не знаю, остался ли у него хоть волос не заложенный. Гераклом клянусь, нет в том его вины, лучше его и человека на свете не бывало. Это все отпущенники, злодеи, все они себе, негодяи, прибрали! Ты уж так и знай: всё товарищи, а похилилось дело — дружба врозь. А ведь не худыми какими делами занимался, чтобы так-то его, — похоронным мастером был! За стол, бывало, сядет, что твой царь: кабан в обертке, пирогов всяческих силища! А повара! пекаря! Бывало, вина зазря прольется больше, чем у иного в погребке стоит! Не человек, чудо! А похилились дела — струхнул, как бы кредиторы о прогаре его не пронюхали, да и объявил аукцион таким вот образом: «Юлий Прокул лишние вещи с аукциона продает».

39. Тут хозяин прервал сладостную нашу беседу. Блюдо было уже убрано, и повеселевшие гости занялись вином и общей беседою. Подпершись локтем, хозяин сказал тогда: «Окажете-ка честь этому вину: рыбе плавать надо. Ну? Неужто вы подумали, что с меня того обеда довольно, который на крышке виделся? Таким ли вы знали Улисса? А что, и за едой нехудо филологию помнить. Пусть лежат спокойно косточки хозяина моего, за то что пожелал меня человеком сделать среди людей. Оттого ничем меня теперь не удивишь: хоть бы на то блюдо сошлюсь и его эмблематы. Вон это — небеса, а на них двенадцать богов живет, а как вертятся они, двена-

дцать обличьев и выходит. К примеру — Баран вышел: ладно! Кто, значить, родился под тем бараном, у того и скотины много, и шерсти, а кроме того, голова крепкая, рожа бесстыжая, рога бодучие! Об эту пору все ученые рождаются да бараны». Мы не удерживали восторга перед изысканным астрологом, а он продолжал: «Ну, а там, значить, из небесов и Теленок выходит; народ тут все брыкливый родится, да пастухи, да кто сам себе пропитанье ищет. А когда Двойни выйдут, — рождаются парные упряжки, да быки, да яички, а еще те, что «и вашим и нашим». А под Раком я сам родился: вот и стою я на четырех и более, имения у меня много на земле и на море: рак-то ведь и туда и сюда годится. Оттого я давеча туда и не поставил ничего, чтобы, значить, генезису своего не пригнетить. А на Льва рождаются все прожоры и люди начальственные; на Деву — бабье всякое, да беглые, да те, кому на привязи сидеть; а как Весы выйдут — рождаются торговки мясом да мазями и все, кто взвешивает; а на Скорпиона рождаются такие, что и отравить и зарезать человека готовы; на Стрелка войдут все косоглазые, кто метит в ворону, попадает в корову; на Козерога — все бедняки, у кого с горя рога растут; на Водолея — трактирщики да тыквы; ну, а под Рыбами — повара да ритеры. Вот и вертится небо, как жернов, и все какая-нибудь мерзость выходит: то народится человек, то помрет. А дерну кусок посередине, да сот медовый на нем — так у меня и это не зря: мать-земля круглешенька, словно яичко, посередке, и добра на ней много, что меду в сотах».

40. «Ловко!» — возопили мы хором и, воздев руки к потолку, свидетельствуем, что Гиппарха и Арата сопоставить с хозяином нельзя. Но вот явилась толпа слуг и разостлала на наших ложах ковры, на которых были вытканы сети, облава с рогатинами и всякий охотничий снаряд. Мы не успели еще сообразить, куда направить нашу догадливость, как вдруг за дверьми триклиния поднимался шум невероятный, и вот уже в комнату влетела и стала бегать вокруг стола свора лаконских псов. За ними внесли блюдо, а на нем лежал огромный кабан, да еще с шапкой на голове. На клыках его подвешены были две корзинки из пальмовых листьев с финиками, одна с сирийскими, другая — из Фив, что в Египте; вокруг теснились крохотные поросята из пропеченного теста, точно они рвались к вымени. Эти были для раздачи в виде гостинцев. Ну а рушить зверя явился не тот Кромсай, что дичину нам резал, а какой-то верзила с бородою, в охотничьей обуви и пестрой коротенькой накидке. Выхватив охотничий нож, он яростно пырнул им

кабана в брюхо, после чего из раны вылетела стая дроздов. Но уже стояли наготове птицеловы с клеевыми ловушками, и как те ни метались по триклинию, мигом оказались переловлены. Трималхион велел раздать их, каждому по штуке, и прибавил: «Да вы посмотрите только, какие вкусные желуди подобрал этот лесной свин». Немедленно мальчишки приступают к висящим на клыках корзинам, вынимают фиванские и сирийские финики и делят между гостями поровну.

41. Тем временем, лежа поодаль от этой суматохи, я терялся в мыслях, зачем бы это кабану пожаловать в шапку. Прикинув и так и этак, я убедился, что пуст мой коробок, и решил спросить у моего путевода о том, что отнимало у меня покой. «Ну, это,— ответил он,— тебе и раб твой отменно растолкует, это не проблема, ничего нет проще. Кабан этот вчера востребован был к концу обеда, а гости отпустили его; вот он нынче и вернулся на пир вольноотпущенником». Я осудил свое тупоумие и далее спрашивать не стал: подумают, того гляди, что я с порядочными людьми не обедал.

Пока шла эта беседа, красавец-мальчишка, увитый плющом и виноградом, представлял пред нами то шумного Ваха-Бромия, то его же как пьяного Лиэя, а то как Евгия-победителя; в корзинке он разносил виноградные грозды, тоненьким голоском исполняя творение своего господина. На эти звуки Трималхион обернулся и промолвил: «Дионис-Свободный!» Тотчас раб стащил с кабана шапку и надел себе на голову. А хозяин еще добавил: «Теперь не сможете вы отрицать, что у меня ОТЕЦ Свободный». Мы расточаем похвалы этому хозяйскому речению и, конечно же, целуем красавца, обошедшего все столы.

После этого блюда Трималхион отправился на горшок. Обретя свободу от властелина, мы стали вызывать пирующих на разговор... Тогда вступил первый. Спросив себе питье, он повел такую речь: «И куда это день девается? Только повернулся — и ночь! Тогда уж лучше — из спальни прямо за стол! Шибко же холодно было сегодня! Насилу баней отогрелся. А горяченькогохватишь — лучше одежды разогреет. Опрокинул чистого — и захорошело! Так по мозгам-то и вдарило!»

42. Разговор подхватил Селевк. «А я не всякий день и в баню хожу; баня — что твой сукновал, вода зубастая, от ней у нас сила каждый день тает. Да лучше я медовухи горшочек хвачу, и хотел меня иметь этот холод. Да и не до бани было, друга хоронял сегодня. Милый был человек, добряк-то наш, Хрисанф-то, и спекся! Давно

ли вроде меня окликал? Будто сейчас с ним говорю! Ох-хо-хо! Ткни в человека — и дух вон; ходим — меха надутые. Да мы мухи не стоим! Муха-то хотя на что пригодна, а мы, сказать по правде, пшик! И чего он все воздерживался: пять деньков капельки воды в рот не брал, хлеба ни крохи! А проку? Туда и пошел, где больше всего народу. Лекаря его извели, может, такой у него рок судьбы. Лекаря-то звать — себя только тешить. Проводили, однако, на славу: и покров и одёр — все как быть следует. Реву-то одного что было — отпуская, выходит, на волю кой-кого. Жена тоже повыла, да это для виду. А ей ли не житье было за покойником? Видно, баба — баба и есть, воронье племя! Ни одной добра ни на грош делать не след. На помойную яму не напасешься хламу! Да вишь ты, старая любовь хуже клеща».

43. Он наскучил, и крикнул Филерот: «Да ну его! Живое о живом! Покойник твой свое получил; красиво жил, красиво и помер. Чего ему жаловаться? С медяков начал. Квадрант, бывало, из навоза зубами достанет, вот как! За что ни берется, все растет, как соты. Провалиться мне, не меньше сотни тысяч оставил в звонкой монете! А сказать по правде — поверьте уж мне; собаку я на людях съел, — такой зубастый был, на язык злой, не человек, буза! Вот брат его — тот был молодец. У того дружить так дружить: и деньгами поможет, и накормит на славу. Ну, поначалу-то ему не больно повезло, да первый же сбор осенний его выручил: сколько захотел, столько и взял за вино. А уж как наследство получил, совсем голову задрал. Да еще и хапанул поболее, чем ему оставлено. И ведь пень какой — на брата прогневался, да все добро на какого-то собачьего сына переписал! Кто кровному своему врагу, себе враг! Были у него из слуг наушники, они и подвели. Известное дело: на веру скор будешь — беды не избудешь, в торговом деле особенно. Ну да и то сказать: пожил в свое удовольствие; был смел, вот и съел! Удачливый человек, одно слово. Дотронется — свинец золотом станет. Да и какой труд, когда все как по маслу котится? А годков сколько было ему, как полагаешь? Семьдесят и боле! Кряжистый, старость нипочем: с головы — ворон черный. С каких пор его знаю, все он промышляет: ни одной сучки в дому у себя не пропустил. Да и насчет парнишек мастак! А что худого? Только это с собой и в могилу взял!»

44. Филерот кончил, за ним Ганимед: «Да будет вам молоть-то, что ни к селу ни к городу! Хлеб-то, хлеб-то у нас как кусается, и никому дела нет! Нынче у меня хлеба — шаром покати! Нет, какова засуха? А уж год зубами щелкаем. Чтoб эдилам нашим пусто

было, они, видно, с хлебопеками заодно: рука, знаешь, руку моет! Бедный люд воеет, а у тех брюханов что день, то сатурналии! Эх, были б живы те львы, кого застал я здесь, как из Азии пришел! То-то была жизнь. Попадись, бывало, в муке хоть зернышко песку, так они твою физию так выглядят, что на тебя Юпитер прогневается. Помню Сафиния, у Старых ворот жил, еще я был махонький. Перец — не человек! Под ним все огнем горит. Прямой, простой, друзьям друг! Такой в потемках ни на грош не обочтет. А в совете примется за кого, так уж правду режет, да начистоту, без фигур разных. И как вел дела на площади — его издали слышно бывало: глотка что твоя труба! И ведь не употеет, не сплюнет — такой азиат! Ты поклон, он ниже, каждого по имени приветит, точно свой брат! Вот и было тогда хлеба как грязи: на грош купишь, вдвоем не слопаешь. А нынче на тот же грош отвесят тебе вот такую фитюльку: и глянуть не на что. Ох-хо-хо! Что день, то хуже. В колонии нашей все взад пошло расти, что твой телячий хвост! А все почему? Потому что эдил у нас гроша ломаного не стоит: ему бы кошель набить потуже, а мы околевай. Сидит себе дома, посмеивается: в сутки награбит больше, чем иному родитель по себе оставит. Да, уж я знаю, откуда у тебя тысяча-то денариев завелась. Не будь мы хуже скопцов, мы б тебе спесь посбили. Только уж и народ нынче: дома лев, а чуть за порог — лиса. Так и у меня: последнее тряпье проел, а постоит эта голодуха, так и домишко продавать придется. И что же это только будет, как ни боги, ни люди тутошней колонии не пожалеют? А все из-за эдилов, провалиться мне! Небо ни во что не ставят! Поститься перестали, Юпитера в грош не ставят, ни до чего дела нет, все в мощну себе норовим! А бывало, прежде оденутся хозяйки, косы распустят, босиком на моленье-то пойдут, да попросту, по душе у Юпитера дождичка попросят. Вот и ползет, бывало, как из бадьи, ждать не заставит — мокрые как мыши домой придут. А теперь, как позабыли мы богов, они сюда — тихими стопами. Ну, пашни и...»

45. «Полно, — перебил лоскутник Эхион. — Чего вздор несешь? Раз на раз не приходит, как сказал хозяин, потеряв свинку пестренькую. Сегодня нет, завтра будет! В жизни всегда так! Чего говорить: будь у нас люди как люди, лучше бы нашей родины в свете не было; теперь худо, но не ей одной. Нюни нечего распускать: куда ни ступи, везде мокро. Будь ты в ином месте, ты бы, чего доброго, рассказывал, что здесь у нас жареные поросята разгуливают! Вот скоро игры будут — целых три дня на праздники; и не люди ланистов, а почти все добровольцы. Тит наш великой души и голова горячая! У него —

затевать так затевать. Я у него свой человек: этот знает, чего хочет. Железо будет — класс! Удирать не даст, прирежут тут же, в амфи-тиатре! А и есть с чего разгуляться: тридцать миллионов осталось, как отец-то его не по-хорошему умер. Тысяч четыреста он истра-тит — и не почувствует, а разговоров — на век! Уже у него набраны молодцы; поедет и баба драться с колесницы, выйдет на бой и Гли-конов дворецкий, которого с хозяйкой, знаешь, застали, увидишь свару всенародную между ревнушами да волокитами! Дешевка Гликон — своего дворецкого зверям отдавать! Себя же и ославит! Чем слуга виноват, когда заставили? Вот ту бы квашню взять да быку на рога и посадить! А ты не можешь по ослу, так по выюку лупишь. Неужто Гликон думал, что Гермогенова поросль добром кончит? Тот стервятнику на лету когти подрезать мог; змеюка вере-вочку не родит! Гликон, да, Гликон свое получил; пока жив, на нем клеймо будет, разве смерть сотрет! Ладно, всяк на свою голову грешит. А вот чую я, накормит нас Маммея, да еще по паре денариев отпустит мне и моим. А коли так — всех от Нурбана оттащит; я тебе точно говорю, обойдет он его на всех парусах. Да в самом деле: что мы от Нурбана стоящего видали? Гладиаторов выставили грошо-вых, дохлые совсем: дунешь — с ног валятся, у нас зверям краше бросают. Выпустил конных — словно со светильника, петушки, да и только: один шатается, другой валится, а как и этого прирезали, третий выполз, мертвец мертвецом, ни ног, ни рук. Один фракиец на что-то похож был, дрался законно. Короче, всех посекали; народ-то знай кричал: «Хорошенько их!» А они дёру! «Я тебе,— гово-рит,— праздник устроил!» — А я тебе похлопал; пожалуй, еще за тобой и осталось! Рука руку моет,— выходит, мы и сочлись!

46. Ты, Агамемнон, сдается мне, сказать хочешь: «Чего там разоряется этот зануда?» Это оттого, что тебе бы говорить, да ты не говоришь. Не нашего ты десятка, смеешься с бедных людей. Да мы знаем — ты от учености полудурок. Ну ладно, еще уговорю тебя побывать в усадьбе у меня. Посмотришь мою хибару; найдем чего пожевать — куренки, яйца, будет недурственно, хотя в этом году погода не очень была по делу. Все равно чего-нибудь найдем, сыты будем. Подрастает тебе и ученичок, цацарончик мой. Уже он чет-вертые доли считает, жив будет, будет у тебя раб под боком. Ты знаешь, чуть он не занят, не отойдет от стола. Шустрый, с головой, только на птиц больно лютый. Трех щеглов я придушил уже, гово-рю — ласка заела. Так он другую завел песенку — рисовать во все лопатки. Вообще-то в гречат он уже вгрызся, теперь вцепился в

латынь. Только учитель его делает что хочет; не сидит на месте, проходящий. Науку знает — трудиться не желает. Другой тоже есть, не очень учен, зато вьедлив — мало знает, много учит. Зайдет на праздник, что дашь, он и рад. Ну купил я ему эти книжки красивые, потому что хочу, чтобы он права нюхнул. Хлебное дело. А в науках он уж довольно изгваздался. Словом, если отвалить захочет, положил я обучить его такому ремеслу — цирюльник, или там глашатай, или хоть юрис, — которого у него, кроме Орка, никто не отымет. Вот и ору на него каждый день: «Примигений, чему бы ни учился, для себя учишься. Вон Филерон юрис: не учился б он, достал бы его сейчас голод. Давно ль, давно ли он на хребте таскал товар на продажу в розницу, а теперь на Норбана тянет. Наука, друг, сокровищница мыслей, ремесло век не мрет».

47. Такие речи гремели, когда вошел Трималхион. Отерши лицо, он омыл руки в благовониях и, недолго помолчав, сказал: «Не прогневайтесь, други мои, у меня сколько уж дней желудок не отзывается, и ничего не могут поделать врачи. Помогли мне, однако, яблочные кожурки да сосна на уксусе. Надеюсь, однако, он теперь обратно за ум возьмется. А то иной раз у меня в брюхе прямо быки ревут. Уж вы, пожалуйста, кому приспичит, не стесняйтесь! Никто, чай, без щелки не родился. По-моему, хуже той муки нет, как терпеть. Вот чего и Юпитер воспретить не может! Чего, Фортуната, смеешься? А кто это по ночам мне спать не дает? А по мне, так и в триклинии никому не заказано делать так, чтоб приятно было, да и врачи не велят терпеть. Ну а совсем припрет, так там за дверью все наготове: вода, посуда и вся принадлежность. Миазма, вы мне поверьте, она по мозгам ударяет и по всему телу разливается. Сколько народу, знаю, оттого и погибло, что не желали себе правду сказать». Мы благодарим хозяина за великодушную его предупредительность и топим смех, прикладываясь к вину почаще и не подозревая, что у нас, как говорится, все впереди. А пока под звуки музыки очищены были столы и введены в триклиний три белых свиньи в нарядной упряжи с бубенцами; слуга-докладчик сообщил нам, что одна двухлетка, другая трехлетка, а третья старушка. Я было вообразил себе, что это акробаты с учеными свиньями и что сейчас они покажут что-нибудь мудреное, вроде того, из-за чего собирается народ на улице. Однако Трималхион вывел нас из недоумения, спросив: «Которую прикажете сейчас на стол подать? Курицу-то обыкновенную или там рагу Пенфей и прочую ерунду — это и простые люди умеют; а мои повара по теленку зараз в медном котле

варят, во как!» И, не дожидаясь нашего выбора, велел повару резать старушку. «Которого десятка?» — крикнул он ему звонко. «Из сорокового», — ответил тот. «Куплен или домашний?» — «Никак нет, тебе по заведению Пансы достался». — «Ну, смотри, не подгадь, не то велю тебя в посыльные перебросить».

48. Жаркое повело на кухню повара, получившего грозное это предупреждение, а Трималхион окинул нас ласковым оком и вдруг всполошился: «Вино не по вкусу — перемену! Или покажите, что оно хорошее. Слава богам, у меня не покупное; теперь все скусное у меня в одной усадьбе родится пригородной, где я еще не бывал ни разу. Говорят, между Тарентом где-то и Таррациной. Хотелось бы мне еще к моим имениям Сицилии полосу прикупить; заблагорассудится в Африку собраться, так по своей земле поеду. Да ты скажи мне, Агамемнон, в какой диспутации ты сегодня упражнялся? Я хоть в судах дел не веду, а грамоте учился отчетливо. Ты не думай, что я науку не обожаю: три библиотеки у меня — греки и латины отдельно. А скажи-ка мне, будь друг, каков был у твоей речи перестазис?» — «Поссорились богач с бедняком», — отвечал Агамемнон. «А что это бедняк?» — спросил хозяин. «Остро», — похвалил Агамемнон и изложил какую-то контроверсию. А хозяин тут же: «Если это было, — говорит, — то контроверсии нет, а если не было, так это чушь». — После того, как мы отнеслись к этому и подобному этому с восторженными похвалами, хозяин продолжал: «Скажи ты мне, милый ты мой Агамемнон, а ты упомнишь ли двенадцать напастей, что на Геракла обрушились? Или еще о царе Улиссе рассказ, как Циклоп-то ему большой палец вышиб? Еще мальчишкой я об этом у Гомера читался. А Сивиллу, ту я собственными глазами в Кумах видел, как она в баночке на гвоздике висела; ребятишки дразнят ее: *Сибюлла, ти селейс?* — а она в ответ: *апосанейн село*».

49. Еще не все это явил нам наш хозяин, как уже воздвигнуто было блюдо с огромной жареной свиньей во весь стол. Быстрота привела нас в восторг: мы клянемся, что и курицу обыкновенную так скоро не сварить, тем более свинья эта была гораздо крупнее представленной прежде. Между тем хозяин стал все пристальнее приглядываться и вдруг разразился: «Что-о? Да никак вепрь этот еще не выпотрошен? Нет же, ей-ей! Вести повара, вести сюда!» Приблизившись к столу, удрученный повар признался, что выпотрошить забыл. «Что-о? забыл? — кричал хозяин, — по-твоему, это как перцу или тмину не посыпать? Раздевай!» И тут же двое истязателей сняли с загрустившего повара платье и встали по обе стороны

от него. Тогда уже хором вступились гости, говоря: «Прости, пожалуйста, вперед провинится, никто не простит». Только я, по природной свирепости, не удержался, нагнулся к Агамемнону и шепчу ему на ухо: «Однако и негодяй же этот раб: забыть свинью выпотрошить! Да если б он у меня рыбешку пропустил, клянусь Гераклом, я б не простил ему». Но не таков был Трималхион, посветлев лицом, уже он говорил виноватому: «Ну, коли у тебя память такая дырявая, потроши свинью здесь, пред нами!» Повар накинуд платье, взялся, все еще трепеща от страха, за нож и потыкал им в свиное чрево. И что ж? Прорехи расплозились под тяжестью содержимого, а оттуда полезли колбаски и сосиски.

50. Узрев этот фокус, прислуга захлопала в ладоши с восклицанием: «Нашему Гаю слава!» Да и повару перепало кое-что — питье, серебряный венок и бокал на подносе коринфской бронзы. Агамемнон взял подарок, чтобы разглядеть его ближе, а хозяин и скажи: «У меня у одного только настоящая коринфская». Я уже ждал, что он с обычной своей отвагой заявит теперь, будто ему доставляют посуду из самого Коринфа. Но сказанное им едва ли было не лучше. «Вы, может, спросите, — сказал он, — отчего это у меня у одного коринфская настоящая? Очень просто: мастер, у кого покупаю, Коринф зовется; так зачем мне коринфская, когда у меня Коринф? А чтоб ты не считал, что я без понятия, так я очень даже знаю, откуда все это коринфское пошло. Только, значить, Трою полонили, а Ганнибал — мужик хитрющий и большой мошенник — взял все статуи медные, золотые, серебряные, в костер свалил и поджег. А мастера тот сплав растащили и понаделали горшков всяких, тарелок, фигурок разных. Вот вам и коринфская бронза, каша-меша, ни то ни се. И уж вы простите меня, а по мне, так стеклянная посуда лучше, по крайности не воняет. Не бейся она, я бы на золотую и глядеть не стал; ну а так, конечно, грош ей цена.

51. Жил-был, однако же, мастер. Соорудил он такую чашу стеклянную, что и разбить нельзя. Понес ее Цезарю в подарок. Ну, допустили его. Протягивает опять же Цезарю — и об пол ее. Цезарь с перележку прям обмер. А тот чашу с полу поднял — она только помялась чуток, будто медная. Достает он молоток из-за пазухи да чашу-то играючи и выправил — любо-дорого. Ну, после такого он уж думал, что Зевса за яйца держит, а Цезарь и спроси: «Знает ли еще кто твой рецепт стекольный?» Видишь ты?! А как тот сказал, что никто, повелел Цезарь его обезглавить: дескать, кабы этакую штуку узнали, так стало бы золота как грязи.

52. Не, я серебро больше уважаю. Кубки есть такие — мало с ведро... про то, как Кассандра сынишек режет, и лежат детишки мертвенькие, словно взаправду. Еще чаша есть у меня, что оставлена от благодетелей моих, так там Дедал Ниобу в троянского коня запикивает. Тоже и бой Гермерота с Петрантом у меня на кубках: увесистые такие! Нет, я сознания, что это мое, ни за какие деньги не продам».

Хозяин еще не кончил, когда слуга уронил на пол чашку. Оглянувшись на него, Трималхион произнес: «А ну-ка, быстро выпори сам себя, раз ты дрянь такая!» Мальчишка сразу заскулил, начал просить. «Чего ж ты меня просишь, — молвил хозяин, — я, что ль, твоей беде причина? Мой совет: себя же упрашивай дрянью не быть». В конце концов мы упростили его — простил слугу, а тот, отпущенный, стал скакать вокруг стола и кричать: «Воду в ведро, вино в нутро!» Мы оценили изящество шутки, и всех более Агамемнон, который отлично знал, за какие заслуги его и в другой раз пригласят. Между тем, выслушав нашу похвалу, хозяин стал пить хмельнее и, близкий уже к опьянению, говорит: «А что ж это никто Фортунату мою сплясать не просит? Я вам откровенно скажу — кордака лучше ее никто не спляшет». Воздевши руки вверх, сам он начал передразнивать Сира-гаера, а слуги подтягивали: «Мадейя перимадейя!» Уже он недалеко был от того, чтоб пуститься в пляс, но тут Фортуната что-то ему шепнула на ухо — сказала, полагаю, что несовместимы с его достоинствами повадки столь подлые. О, какое же это было испытание, когда он не умел решить, Фортунате ли ему следовать или собственной своей натуре!

53. Решительно остановил его плясовой задор только делопроизводитель, огласивший нечто вроде городских известий: «В день седьмой до секстильских календ в Кумской усадьбе Трималхиона родилось мужеского пола 30, женского — 40; пшеницы ссыпано в закрома с гумна 500 тысяч мер; быков выложено 500. Того же числа: раб Митридат распят на кресте за то, что поносными словами обозвал радость нашу, Гая господина. Того же числа: отложено в сундуки 10 миллионов, ибо другого помещения им не найдено. Того же числа: случился пожар в Помпеянских садах, а началось с дома вилика Насты». — «Что-о? — воскликнул Трималхион, — когда это я успел Помпеянские сады купить?» — «Прошлый год, — отвечствовал делопроизводитель, — потому не оприходованы еще». Как вспыхнет Трималхион: «Да если я и вперед землю покупать буду и мне о том в течение шести месяцев не доложат, так я в книги записывать запрещаю!» Тогда же оглашены были постановления

эдилов и завещания лесничих, в конце которых объяснялось, почему Трималхиону не оставляют наследства; а еще списки виликов, дело о разводе полевого смотрителя с отпущенницей — той самой, которую с банщиком застали; ссылка дворецкого в Байи; казначей, преданный суду; а еще судебное решение о комнатных слугах.

Наконец, явились акробаты. Здоровенный детина расставил свою лестницу и велел мальчишке карабкаться по ступенькам и наверху скакать под музыку, проходить сквозь горящий обруч и держать в зубах амфору. Любовался на это один Трималхион, приговаривая, до чего неблагоприятное это ремесло. Впрочем, только две вещи на свете ему больше других и нравятся: акробаты да трубачи, а прочие гармонии чужь. «Купил я как-то, — сообщил он, — комедиантов да и заставил их нашу ателлану давать, а греку-свирельщику велел, чтоб пел по-латыни».

54. Не успел Гай окончить, как мальчишка рухнул на... Трималхиона. Слуги завопили, и гости тоже — не из-за этого плюгавца, конечно, он бы себе и шею сломил, так им бы потеха; а вот плохой выходил конец ужина, когда пришлось бы оплакивать чужого покойника! Сам хозяин взывал страшным голосом и лежал так, точно рука его поранена; сбежались врачи, а впереди всех Фортуната, простоволосая, с большим бокалом в руках, крича в голос, какая она бедная и несчастная. Мальчишка, что с лестницы слетел, между тем пресмыкался у нас в ногах и просил отпущения. Я изнемогал, гадая, не готовятся ли этим просьбам смехотворная какая-нибудь перипетия: все не выходил у меня из головы тот повар, что позабыл выпотрошить свинью. Потому я стал оглядывать всю столовую, не покажется ли из стены какой-нибудь фокус, особенно когда принялись колотить слугу, который ушибленную хозяйскую руку завернул в белую, а не в пурпурную шерсть. Подозрение мое почти оправдалось, ибо хозяин изрек такой приговор: вместо наказания — отпустить мальчишку на волю, и пусть никто не скажет, что такого мужа из-под раба высвободили.

55. Мы решение Трималхиона одобряем и начинаем на все лады пустословить про то, до чего переменчива бывает судьба человеческая. «Нужна, — сказал хозяин, — надпись об этом истерическом случае». Сейчас требует он таблички для письма и, недолго помучившись, читает следующее:

То, чего не ждешь, иногда наступает вдруг,
Ибо все наши дела вершит своевольно Фортуна.
Вот почему наливай в кубки фалернское, мальчик.

После таких стихов пошли толковать о поэзии. Долго решали, что лучше фракийца Мопса стихотворца нет, а тут и вступил хозяин. «А скажи-ка нам, господин ученый, какая, по-твоему, разница между Цицероном и Публием? По-моему, тот речист, зато этот — человек порядочный. Можно ли лучше, чем эдак вот, сказать:

Разрушит роскошь скоро стены римские...
Павлин пасется в клетке для пиров твоих,
Весь в золотистой вавилонской вышивке,
А с ним каплун и куры нумидийские.
И цапля, гостя милая заморская,
Та Благочестья жрица, та танцовщица,
Предвестница тепла, зимы изгнанница,
В котле кутилы ныне вьет гнездо свое.
Зачем вам нужен жемчуг, бисер Индии?
Иль чтоб жена в жемчужном ожерелии
К чужому ложу шла распутной поступью?
К чему смарагд зеленый, дорогой хрусталь
Иль Кархедона камни огнецветные?
Ужели честность светится в карбункулах?
Зачем жене, одетой в ткань воздушную,
При всех быть голой в одеянье облачном».

56. «А какое ремесло,— прибавил он,— после наук станем считать всех труднее? По-моему, лекарем быть или менялой. Лекарь — тот знает, что у народишка в кишках делается, да еще когда лихоманка приходит; хоть я их и терпеть не могу: уж очень часто они меня утиной горькой потчуют. Ну а меняла — тот сквозь серебро медь видит. То же и у скота, волы да овцы всех больше работают: по милости волов хлебушко жуем, а овцы — так ведь это их шерсткой мы красуемся. Эх, волки позорные,— и шерстку носим, и баранинки просим! Ну, пчелы, те совсем божьи зверушки: плюют медком, и пускай говорят, что они его от Юпитера брали. С того же и жалят: где сладкое, там и горькое!»

Хозяин совсем бы отнял хлеб у философов, как начали обносить нас вазой с записками, а приставленный к этому делу слуга читал, кому какой достается гостинец. «Серебро со свинством» — подан был окорок, на нем серебряные укусницы. «Ошейник» — был подан кус бычачьей шеи. «Честность и огорчение» — вышли связка чеснока и горчица. «Порей и зверобой» — подали

розги и бич. «Лебедь и медянка» — дан соус из лебеды и аттический мед. «Денное и nocturne» — кусок жаркого и свиток. «Собачье и свиначье» — поданы зайчатина и окорок. «Буква да мышь, буква да ноги» — принесли гостю камыш, а на нем миноги. Смеялись весьма: была сотня подобных шуток, да не удержала их память.

57. Аскил с такой дерзкой безудержностью упивался всем этим, воздымая руки к небу и хохоча едва не до слез, что вспыхнул Трималхионов однокашник, тот самый, что местом был повыше моего, и как гаркнет: «Чего зубы скалишь, баран? Тебе, может, прием нашего хозяина не по вкусу? Тоже богач выискался: ты лучше, что ли, едаешь? Жаль, далеко от тебя сию, а то б я те по хайлу-то съездил, хранителем этого места клянусь! Ишь фрукт, туда же, зубоскалит, побродяга незнамо какой, потаскун, да ты дерьма своего не стоишь. Короче, задеру я на тебя ногу, так не будешь знать, куда деться. Меня не скоро рассердишь, да уж зато в мягким мясе червь заводится! Зубы скалит! Да с чего тут скалиться? Тебя, что ли, отец из другого места родил? Ты всадник римский, ну а я — сын царский! В рабы как попал? Да своей охотой пошел: лучше римским гражданином быть, чем дань платить. Зато теперь так живу, что никого не смешу. В люди вышел, людям в глаза гляжу, гроша медного никому не должен, к суду не привлекался, никто мне на площади не скажет: «Долг отдавай!» И землицы купил, и денежки водятся: я, брат, двадцать ртов кормлю, да пса еще! Супругу свою на волю выкупил, чтоб об нее руки не обтирал никто, — по тыще денариев за голову выложил! В севи-рат угодил задаром; надеюсь, помру так, что краснеть не буду. А ты, видать, так трудишься, что уж и назад оглядеться некогда? На другом вошь видишь, на себе не видишь клеща. Тебе одному мы и надсмешны. Вон, учитель твой, более старше, и ему с нами нравится. А ты, молокосос, ни бе ни ме не знаешь; ваза глинная, чего там, ремешок ты размокший, мягче — не лучше! Ишь, богатея какой: два раза тогда обедай, два ужинай! Мне честность моя сокровища дороже. Короче, мне двух разов никто не напоминал. Сорок лет был я рабом! И никому при-метно не было — раб я или вольный! Меня мальчишкой кудлатым сюда в город привезли: еще и базилики построено не было. Из кожи, бывало, лезу, чтоб хозяина потешить: то-то важнеющая была персона! Да ты весь ногтя его не стоишь. А ведь были, конечно, в дому, кто мне ножку норовил подставить. Спасибо

гению хозяйскому, выплыл я. Вот где агон-то! Потому что свободным на свободе родиться — это проще, чем «марш сюда!». Ну чего усталился на меня, как коза на горох?»

58. После такого обращения Гитон, который прислуживал, не умея более сдерживаться, рассмеялся, пожалуй, не совсем пристойным образом. Заметив это, Аскилтов супостат обратил свой пыл на мальчишку. «А ты, еще и ты хохочешь, луковица махровая! — гремел он. — Сатурналии счас, что ль? Декабрь месяц? Давно ли двадцатую долю уплатил? Да чего ждать от висельника? воронье мясо! Гляди у меня, прогневается на тебя Юпитер, да и на хозяина твоего, на потатчика! Чтоб мне куском подавить-ся, только ради моего однокашника тебе спускаю, а то б я те показал! Мы-то в порядке, а вот твои, копусы тебе потакают, — мякина. Верно сказано: что хозяин, то и слуга. Ух, еле-еле держусь — горячиться не люблю, а разойдусь, так мать родную не пожалео! Ладно, отловлю тебя на улице, крыса, да нет, земли ком! Ни дна мне, ни покрышки, если я хозяина твоего в бараний рог не согну, да и с тобой управлюсь, хотя б ты, провалиться мне, Юпитера звал Олимпийца. Погодь, не помогут тебе патлы твои аршинные и хозяин грошовый! Ладно, попадут мне на зуб, я не я буду, коль из тебя улыбочки эти не выколочу, хотя б у тебя борода была золотая. Погоди, прогневится на тебя Ахвина, да и на того, кто тебе первый сказал «марш сюда!». Мы геометриям, да болтологиям, да ерунде этой, чтобы гнев богиня воспела, не обучались, ну а что каменными буквами — разберем, сотые доли считаем, от асса, от фунта, от сестерция. Ну-ка давай! На что спорим? Выходи, деньги на кон! Сейчас увидишь, что отец зря за тебя платил. А я, между прочим, из риторики знаю. Гляди: «Далеко иду, широко иду, кто я, угадай». А то еще: «Бежит, а все на месте стоит». «Растет, а меньше становится». А-а? Забегал, засновал, употел, как мышь в лоханке? Тогда молчи да людей почище твоего не трогай, они тебя в упор не видят. Да плевал я на эти кольца рыжие, что ты у подружки сташил. Хватай-бери! Давай, идем на площадь денег просить в долг — увидишь, как моему железу поверят. Так-то, мокрохвостый! Пусть мне ни в чем поживы не будет, пусть я подлецом умру, пусть мою память проклянут, если я тебя в вывернутой тоге не настигну. Да уж и тот хорош, кто тебя обучил всему этому: фуфло, а не учитель. Мы учились, так учитель говорил, бывало: «Ну, порядок, что ли? Валяй домой, по сторонам не зевать, старших не заде-

вать!» А теперь ровно шалман, никого стоящего не выходит. Не, я каков есть, за свое ремесло богов благодарю!»

59. Аскилт уж затевал отвечать на эту ругань, но Трималхион, насладившись красноречием своего однокашника, прикрикнул: «Что за шум! Потише, лучше будет! Ты, Гермерот, пожалел бы мальчугана! Кровя у него горячие, будь хоть ты поумнее. В этом деле всегда так: кто побежденный, тот победил. Был бы ты теперь петушком таким же, ко-ко-ко, тоже, верно, петушился бы! Повернем-ка лучше сызнова на веселье, да вот гомеристов посмотрим».

Тут вошла толпа и ударила копьями в щиты. Трималхион уселся повыше на подушке, и пока гомеристы, предаваясь необыкновенному своему обыкновению, разговаривали греческими стихами, хозяин нараспев оглашал то же по латинской книге. «Знаете,— сказал он,— что за фабулу они дают? Жили два брата: Диомед и Ганимед; и была у них сестрица Елена. Ну, Агамемнон ее увез, а Диане лань подбросил. Вот Гомер излагает теперь, как троянцы с тарантинцами дерутся. Царь, понятно, одолел, а Ифигению, дочку свою, Ахиллу замуж отдал. Только от этого спятил Аякс и теперь самую суть нам выложит». При этих словах Трималхиона гомеристы издали вопль, слуги забегали, и был внесен на тяжеленном серебряном блюде целый разварной теленок в шлеме. За ним ворвался Аякс, размахивая, как полоумный, обнаженным мечом; бросившись к теленку, он рубил его налево и направо, искромсал всего и на лезвии меча раздал куски телятины потрясенным гостям.

60. Не успели мы еще и в себя прийти от этих изящных перипетий, как вдруг затрещал потолок и сотрясся триклиний. Я в ужасе вскочил, трепеща, как бы не обрушился сверху какой-нибудь акробат. Да и другие гости тоже с недоумением подняли глаза и ждали, не сулит ли им небо чего новенького. Но вот потолок раздвигается, и тут же спускается огромный обруч, словно сбитый с огромной бочки, весь увешанный золотыми венками и склянками благовоний. Хозяин велит нам разбирать эти гостинцы, я взглядываю на стол, а тут уж стояло блюдо с пирогами; посреди красовался слепленный булочником Приап и держал в широком переднике всякие плоды и гроздья, поддерживая их обычным для себя способом. Мы не без алчности потянулись было к этой роскоши, когда новое театральное действие освежило наше веселие. Все эти пироги, все плоды при малейшем прикосновении брызгали шафраном, так что терпкая влага достигала до лица. Тог-

да мы догадались, что это блюдо, столь изобильно и благочестиво напоенное священной влагой,— дань обряду. Мы привстали на ложе и произнесли: «Августу, отцу отечества — слава!» Тем не менее и после такого моления иные потаскивали фрукты; набрали их и мы, даже в салфетки, и более всех я, не знавший предела тем дарам, какие загружались Гитону за пазуху. В это время вошли трое слуг, в белых туниках с поясами, двое из них поставили на стол изваяния Ларов с буллами на шеях, а третий обходил кругом с чашей вина и кричал: «Да помогут нам боги!..» Хозяин пояснил нам, что божки эти называются один «Незевай», другой «Получай», а третий «Наживай». После этого все лобызали точное подобие Трималхионово; совесть принудила и нас.

61. И вот, когда все пожелали себе доброго душевного и телесного здоровья, обернулся хозяин к Никероту: «Э-э, да ты в компании прежде повеселее бывал; а теперь чегой-то молчишь, ничего не промочишь; уж будь другом, хоть для меня расскажи нам историю твою». Растроганный дружеским обращением, Никерот ответил: «Не будь мне ни в чем удачи, коли я давно с умилением чуть ли не треснул: все смотрю на тебя — не налюбуюсь! В самом деле — веселиться так веселиться! Правда, этих мне грамотеев страшновато: небось смеяться с меня станут. А-а, их дело! Так и быть, расскажу, пусть смеются, от меня не убудет. Пусть смеются, лишь бы не насмехались». Слово такое изрек и начал рассказ.

«Как я еще в рабстве был, жили мы в Тесном переулке: верно, знаете дом Гавиллы? Ну так вот; божеским изволением, полюбил я там хозяйку Теренция трактирщика; да вы, чай, все ее знали, Мелиссу из Тарента: вот уж ягодка была! Вы не думайте, что я, провалиться на месте, ее физишки или вроде из-за любовного дела — просто покладистая была баба; что ни попросишь, никогда отказа не будет. Асс, пол-асса заведутся — у ей отложу, и никогда меня не обманула. Ну вот, скончался сожитель ее в усадьбе. Я сквозь все препоны, все рогатки рвался-метался, чтоб к ней пробиться,— друг, известное дело, в беде познается. А тут как раз хозяин в Капую отлучился — отборное барахло сбывать.

62. Тем-то случаем и уговорил я нашего постояльца проводить меня до пятого мильного столбика. А он был служивый, силен, как смерть! Улизнули мы с последними петухами. Месячно было, что в полдень. Дошли до кладбища; ну, приятель мой завернул туда, значит, до ветру, а я песенки пою да звезды считаю. Оглянулся я на сопутника, а он, догола раздевшись, и всю одежду

тут же у дороги и склаал. У меня душа чуть в нос не ушла: ни жив ни мертв стою! А он обмочил одежду свою и вдруг волком перекинулся! Верьте, не шутю, коли соврал я — не видать мне достатка никакого! О чем бишь я? Ах вот — только он волком обернулся — и выть. А там в лес! Спервоначалу я и опомниться не мог, где я; потом подхожу, хочу его одежду поднять, а она уж каменная! Мало не подох я с перепугу, а меч таки выхватил и давай, палки-моталки, теней крошить, и так до самой усадьбы, пока к подруге не пришел. Вхожу — что привидение, сам без памяти, пот по желобку текет, в глазах муть, отдышался еле! Тут Мелисса моя ну дивиться, чего меня по ночам носит, да и говорит: «Что б тебе пораньше прийти? Как раз помог бы нам чуток: в усадьбе волк был да всю скотинку, живодер этакий, перерезал! Только и он не даром ушел: наш раб ему шею дротиком проколол». Выслушал я это и, во всю ночь глаз не сомкнувши, чуть рассвело, словно торгаш обобранный, как припущу до дому! Пробегая то место, где одежда каменная лежала, не нашел ничего, только крови маленечко. Домой прихожу — а там лежит служивый мой на постели, точно бык, а лекарь шею ему перевязывает. Тут я смекнул: оборотень! И уж наперед хоть убейте меня, с ним дружбу водить не стал. Об этом другие соображай, а я коли соврал, пусть демоны ваши на меня прогневаются».

63. Все остолбенели от изумления, а Трималхион говорит: «Ну, дружище, и рассказец у тебя! Верь не верь, у меня волосы дыбом стали; знаю: Никерон пустяков травить не станет, человек надежный, не пустельга! Ну и я вам тоже — осел после соловья — ужас один расскажу. В те поры, как у меня еще грива была, — а жил я сызмальства не для своего удовольствия, — помер у самого у нашего наперсничек — жемчужинка, и умница, и все что хотите. Как, значит, по нем мать-то бедняжка заголосила, да и многие из наших тогда пригорюнились, а ведьмы как начали — словно собаки по зайцу гонять! Был тогда у нас каппадокиец один, верзила, никого не боялся, да и силища тоже: Юпитера разгневанного удержать мог! Этот не струсил: выхватил меч, за двери выскочил да, обмотавши нарочно руку левую, женщину в этом самом месте — чур, от слова не станется! — наскрозь и просадил! Слышим, воеет; впрочем, врать не буду: самое-то не видали. Да только вернулся наш громила, повалился на кровать, а тело все синее, словно его бичом стегали: что значит — нечисть-то эта его потрогала! Заперли мы двери да и опять за прежнее. Только

мать захотела мертвенького сынишку обнять, тронула — а там, видит, чучело соломенное лежит! Ни тебе сердца у него, ни кишок, ничегошеньки! Видно, ребенкa-то ведьмы спалили да вместо него куклу соломенную подсунили. Уж это вы мне поверьте, на том стою: и ведьмы есть, и духи ночные: все вверх дном подымут. И громила наш, верзила-то, после того уж не оправился, да и вообще скоро с ума спятил и помер».

64. Мы удивились не менее, чем уверовали, и поцеловали стол, чтобы ведьмы сидели смирно, когда пойдем с ужина. У меня уж и светильников стало более прежнего в глазах, да и столовая переменилась решительно. А Трималхион говорит: «Слышь, Пломкам, что ж ты ничего нам не порасскажешь, ничем не позабавишь? Прежде ты веселей смотрел: все куплеты напевал, а то и арию! Смоквы, смоквы, где ваша сладость!» — «Правда твоя, — отвечал тот, — умчалась четверка моих коней, зато подагра со мной! А был молод, так с пенья беркулез сделался. Уж сплясать ли, или там куплеты спеть, цирюльника представить — так у меня равных не было, кроме разве Апеллета». Тут приставил он ладонь к губам и просипел какую-то пакость, каковую тут же объявил «гречкой музыкой».

Теперь и сам Трималхион, изображая трубача, обернулся к своему любимчику, коего именовал Крезом. Мальчишка этот был подслеповатый, с гнилыми зубами; он все кутал в зеленую тряпку черненькую, непристойно разжиревшую собачонку, клал ей на подушки хлебные объедки, а та отворачивалась с отвращением. Вспомнив про эту заботу, Трималхион велел привести своего Скилака, «надежу дома и семьи». Тут же приведен был на цепи страшный барбос; привратник пинком дал ему знак лечь, и тот лег перед столом. А хозяин, бросая ему булки, произнес: «Никто в доме моем столько меня не любит». Негодуя, что Скилака так щедро хвалят, мальчишка спустил свою шавку на пол и стал поощрять ее к раздору. Ну, а Скилак, истинный душою пес, наполнил столовую отвратнейшим лаем и едва не разодрал Крезову Маргаритку. Ссора, сумятица, — а в довершение всего рухнул на стол светильник, вдребезги перебив всю хрустальную посуду, коекого из гостей спрыснув горящим маслом. Чтобы не показалось, что он сожалеет об убытке, Трималхион расцеловал мальчишку и велел вскарабкаться себе на спину. Тот нимало не медля оседлал его, стал тузить от души и кричал с хохотом: «Отвечай-ка, сколько гусей летело?» Вытерпев это некоторое время, хозяин велел смешать порядочное ведро и раздать всем рабам, которые

сидели позади гостей. «С условием,— прибавил он,— ежели кто добром не захочет принять, тому лей на голову. Днем строжиться, теперь веселиться!»

65. За такой человечностью последовали деликатесы, которых одно воспоминание, прямо скажу, меня ранит. Вместо дроздов подали каждому по жирной такой курице и гусиные яйца под шапкой, а хозяин настойчиво предлагал нам их отведать, уверяя, что это куры без костей. Внезапно двери триклинния сотрясены были ликтором, и в длинном белом одеянии взошел гость с шумной ватагой. Сокрушенный этим величием, я думал, что явился претор, порывался уже вскочить и босым стать на пол, но посмеялся моей поспешности Агамемнон. «Сиди смирно,— говорит,— глупый ты человек! Это — Габинна, сефир, он же похоронных дел мастер: надгробия его признаны великими». Успокоенный этой речью, я опустился на ложе и с великим любопытством взирал на входившего Габинну. Хмельной, тот рукой опирался на плечо жены своей; на голове у него висело несколько венков, а умещения стекла со лба ручьями. Преважно разлегшись на преторском месте, он тотчас потребовал вина и горячей воды. Любуясь веселым гостем, и сам Трималхион спросил востительный кубок и осведомился, каково принимали. «Всего было,— ответил тот,— тебя не хватало: сердцем-то я тут был! А недурно было, ей-ей! недурно! Славный устроен был Сциссой девятый день по своем рабе, земля ему пухом! На волю отпущен посмертно! А ведь придется Сциссе сборщикам пять процентов порядочных внести: покойник у них в пятьдесят тысяч оценен! А в общем, славно погуляли, хоть и пришлось половину питья покойнику на косточки выплеснуть».

66. «Да что у вас все-таки на столе было?» — справился хозяин. «Расскажу, коли сумею,— ответил тот,— а то у меня такая крепкая память, что иной раз свое имя забудешь. Значит, так: перво-наперво дали поросенка в колбасном венце, кругом колбаски кровяные и куриные потрошки — превкусно состряпано; а еще, кажись, бураки да отрубяной хлеб, без всяких там: по мне, куда лучше белого, силу дает, и по делам пойдешь — не плачешь. На второе сырная запеканка холодная, а на подливку горячий мед, политый первеющим испанским вином! Ну, запеканки-то я ни крошки не тронул, зато подливочки хлебнул достаточно! Кругом горox с волчьими бобами, орехов вволю и каждому по яблоку. Я, впрочем, парочку прихватил да вот в салфетку завязал: коли не принесу мальчишке гостинца, шуму наделает! Да, вот еще, спа-

собо, супруга подсказывает: было у нас, между прочим, по куску медвежатины, ну, Сцинтилла моя сдуру-то кусанула, так ее наизнанку вывернуло; а я ничего: больше фунта оплел: на вкус — чисто кабан. Да что, всамделе, думаю себе, ест же медведь людишек, так людишкам и подавно медведя есть. На закуску молодой сыр был и патока, да по устрице каждому, да по куску сычуга, да ливер в формочках, да яйца под шапкой, да репа, да горчица, да дерьмо на палочке... Паламеду не придумать! Да, еще на блюде тминные семечки с приправой разносили, так иные бессовестные туда трижды пригоршни запускали; а уж на окорок и глядеть не хотелось!»

67. «А ты скажи мне, Гай, чего это Фортунаты за столом нет?» — «Не знаешь ты ее, что ли,— был ответ,— пока серебра не уберет, пока остатков слугам не раздаст, маковой росинки в рот не возьмет!» — «Так вот,— возразил гость,— коли она сейчас с нами не ляжет — я отчаливаю!» И чуть было не встал, да по хозяйскому знаку прислуга четыре-пять раз выкликнула Фортунату. Она и вошла в желтом кушаке, снизу видна алая туника, на ногах витые браслеты и позолоченные туфельки. Обтирая руки висевшим на шее полотенцем, она поместилась на ложе, где возлежала Габиннина хозяйка Сцинтилла, захлопавшая на радостях в ладоши. «Милая, тебя ли вижу?» — расцеловала ее Фортуната. Дошло вскоре до того, что Фортуната стащила с своих лап браслеты и совала их в глаза дивившейся Сцинтилле; потом расстегнула запястья на ногах и сняла с головы сетку — по ее словам — из червонного золота. Заметив это, Трималхион велел подать себе все эти драгоценности и говорил так: «Вот кандалы женские: грабят нас, балбесов! У нее золота на шесть с половиной фунтов; а впрочем, и у меня самого имеется браслетик фунтов на десять — из десятой процента от доходов Меркурия». В довершение всего, чтобы не показаться хвастуном, он велел сходить за весами и обойти с золотом всех гостей, чтоб удостоверились в весе. Не отстала и Сцинтилла: сняла с шеи золотой медальон, «талисманчик», как она его называла, вынула оттуда пару сережек и дала в свой черед рассмотреть Фортунате. «Муженька моего подношение,— сказала она,— ни у кого лучше нет!» — «Еще бы,— промолвил Габинна,— ты мне нутро вымотала, пока я тебе этих горошин стеклянных не купил. Ей-ей, будь у меня дочка, я бы ей ушонки прочь отрезал! Не будь на свете баб, у нас бы все дешевле пареной репы шло; а тут писаешь кипятком, а пьешь холодком!»

Между тем женщины в упоении стали спьяну взапуски хотать и целоваться. Одна трещала, какая она внимательная мать семейства, другая — об увлечениях и невнимании мужа. Посреди этих взаимных излияний Габинна потихоньку сошел с места и, ухватив Фортунату за ноги, занес их на ложе. «Ай, ай!» — вскричала та, когда туника скользнула выше колен. Закрыв платочком пылающее негодованием лицо, она прильнула на грудь Сцинтилле.

68. Когда несколько времени спустя Трималхион объявил перемену блюд, слуги убрали все столы и принесли другие, разбросали опилки, пропитанные шафраном и киноварью и еще — такого я никогда не видел прежде — мелкой слюдяной крошкой. Тогда хозяин произнес: «Мог бы я, конечно, удовольствоваться этим блюдом, даден вам второй стол, но коли есть хорошенькое что-нибудь, неси». Между тем раб-александриец, подававший горячую воду, засвистал по-соловьиному, а Трималхион вскрикивал то и дело: «Сменяй!» А тут и новая забава: стоявший подле Габинны раб, полагая, по господскому приказу, взвыл вдруг не своим голосом:

Тою порою Эней уж плыл по открытому морю...

Никогда еще звуки столь вьедливые не поражали моего слуха. Не говоря уж о варварской разноголосице то нараставших, то замиравших криков, примешивал он сюда же стихи ателланы, так что первый раз в жизни я был недоволен и Вергилием. Когда же он наконец притомился и замолк, Габинна продолжил: «А какая была его наука? Среди зазывал на площади возрос — и все тут. А зато погонщика там представить, разносчика ли — никого ему под пару нет. Шибко умнеющий парнишка: он и сапожник, он и повар, он же пекарь, и все что хотите. Есть за ним два порока, кабы не они, отдай за него все медные: обрезанный и храпит крепко. А что глазом косит — ничего, вроде Венеры выходит! Ну и молчать не любит, глаз не закроет никогда. Я за него три сотни денариев отсчитал!»

69. «Только ты, — перебила его Сцинтилла, — не все художества этого негодника выкладываешь. Потаскун! Я уже его отучу, постарюсь!» Рассмеялся Трималхион. «Узнаю, — говорит, — каппадокийца, себя ни в чем не обидит! И за то хвалю, ей-ей. Помрешь, на могилу не принесут этого! А ты, Сцинтилла, ревнива не будь! Поверь мне, знаем и мы вас! Да будь мне пусто, если я хозяйку мою не пользовал, да так, что даже и хозяин дога-

диваться начал: зато он и отослал меня за виллой присматривать. Ладно, молчи, язык, хлеба дам». А этот негодник раб, будто его и впрямь похвалили, вынул из-за пазухи глиняный светильник и битые полчася представлял трубача, между тем как Габинна ему подпевал, играя рукой на губе. Под конец тот вышел прямо на середину и то подражал флейтистам, играя на тростинках, то представлял жите погонщика, пока не подозвал его Габинна к себе, поцеловал и протянул вина со словами: «Нормально, Масса, сапоги дарю тебе!»

Нашим мучениям не было бы конца, если бы не внесли десерт последний: дроздов из пшеничного теста, начиненных орехами и изюмом. Потом подали кидонские яблоки с торчащими шипами, наподобие ежей. Но это еще можно было снести, когда бы не последовало блюдо настолько дикое, что лучше уж с голоду умереть. Казалось, поставлен был откормленный гусь, обложенный рыбой и всяческой дичью; а Трималхион говорит: «Все, что тут положено, из единой природы создано». Я как человек догадливый тотчас прикинул, что здесь такое, и, на Агамемнона поглядев, говорю ему: «Будет удивительно, если все это не из ... создано или, в лучшем случае, из грязи. На сатурналиях в Риме видал я такие образы яств».

70. Еще я не кончил свою речь, когда Трималхион произнес: «Как верно, что у меня дело растет, а не тело,— все это мой повар из свиньи состряпал! Человек — дороже не бывает! Хочешь — из пузыря рыбку сделает, из сала — голубя, из оковалка — горлицу, из окорока — курицу. Я ему имя хорошенькое придумал: он у меня Дедал. А что он умница, так я ему с Рима подарок привез: ножи железные с Норика». И он сей же час велел принести последние и любовался, на них глядя. Также и нам дана была возможность испытать лезвие на своей щеке. Вдруг являются двое слуг, словно поссорившихся у водоема: во всяком случае, они все еще держали амфоры. Да только, хоть Трималхион и вел разбирательство по их спору, ни один из них не слушал его решения, а все колотил палкой по амфоре другого. Задетые наглостью этих пьяниц, мы начинаем присматриваться к дерущимся и замечаем, как из амфор сыплются устрицы и ракушки, каковые были собраны слугой, а мальчиком разнесены на блюде. Этим изыскам не уступил изобретательный повар: на серебряной сковородке принес он жареных улиток и что-то пропел дрожащим, противным голосом. Совестно рассказывать, что было потом: кудла-

тые мальчики внесли — неслыханное дело — умещения в серебряной лохани и умастили ноги возлежащих гостей, предварительно увенчав голени и лодыжки цветами. Потом такого же умещения подлили в сосуд с вином и в светильник.

Уже Фортунату тянуло плясать, уже Сцинтилла чаще была в ладоши, чем говорила, а Трималхион крикнул: «Приглашаю, Филаргир и Карион, хоть ты и ярый зеленый, да скажи и сожительнице своей Менофиле, чтобы с нами возлегла». Что тут сказать? Едва не столкнули нас с наших мест, так буйно овладела челядь всем триклинием. Я со своей стороны обнаружил, что выше меня расположился повар — тот самый, созидатель гуся из свиньи, от которого несло рассолом и приправами. Да и не довольно ему было лежать рядом, нет же, пустился тут же подражать Эфесу трагику, время от времени предлагая хозяину биться об заклад, что на ближайших бегах в цирке пальма первенства достанется зеленым.

71. Растроганный этим вызовом, Трималхион воскликнул: «Други мои, рабы — тоже люди, тем же мелеком вскормлены, да только довели над ними злая судьбина! Ну, буду жив, так дам им скоро волевым воздухом подышать; короче, их всех по завещанию на волю отпускаю. Филаргиру отказываю еще и землю да и сожительницу его вдобавок, Кариону — доходный дом, да выкупных пять процентов, да кровать с бельем. А всему добру Фортунату назначаю наследницей, прошу всех любить ее и жаловать! Все это я для того объявляю, чтоб люди мои меня уже теперь любили, как покойника!»

Все рассыпалось в благодарности к хозяину за его милости, а он, шутки в сторону, велел принести свое завещание и с начала до конца прочитал его рыдавшей прислуге. Потом он повернулся к Габинне и говорит: «Что, друг сердешный, воздвигаешь ли памятник мой, как я заказывал? Весьма прошу тебя: изобрази ты у статуи моей в ногах собачку, да венков, умщений, да все подвиги Петраита-молодца — я, стало, через тебя и по смерти жить буду! Да вот еще, чтобы все место было вдоль — сажен десятка полтора, а вглыбь — вдвое столько. Пусть их вокруг могилки моей деревья растут со всяким фруктом да виноградище! До чего ж заблуждаются люди: у живых дома изукрашены, а никто не подумает об той обители, которую подоле населять придется! А для того пускай будет наперед всего на надписи прописано: «Гробнице сей по наследству не переходить». Ну и еще

позабочусь и распоряжение завещательное сделаю, чтоб мне мертвому ни от кого обиды не принять: я из отпущенных одного к усыпальнице сторожем назначу, чтобы, значит, народ к памятнику моему за нуждой не бегал. А еще тебя прошу, на памятнике моем кораблики сделай, чтоб на всех парусах летели, а я чтоб на судейском месте сидел — в претексту облачен, на каждом пальце по золотому перстню и в народ из мешка деньгами сыплю: я ведь, знаешь, народу угощение дал — по два денария. А хочешь, пусть там и триклинии будут, и как всем людям хорошо. А по правую руку мне Фортунаты статую поставишь: в руках у ней голубка, а на ленточке собачку ведет; тут же и царь мой, и амфоры огромные, да закупорены чтоб, не то прольется вино. А одну, пожалуй, сваяй разбитую, и над ней мальчишка плачет. Посредине часы — понадобится кому время посмотреть, волей-неволей имечко мое прочтет. А еще подумай хорошенько, годится ли, по-моему, такое надписание: «Здесь покоится Гай Помпей Трималхион Меценатиан. Севиром избран заочно. В любую декурию римскую попасть мог, не пожелал. Честен, тверд, предан. С малого начал, тридцать миллионов оставил. Философии не обучался. Будь здоров и ты».

72. После этих слов хозяин залился слезами. Заревела Фортуната, заревел Габинна, а там и все семейство наполнило триклиний стенаньем, словно их позвали на похороны. Да что уж тут, принялся и я всхлипывать. Тогда Трималхион сказал: «А, коли знаем, что помрем, так чего ж не жить! Я вам худого не пожелала, рванемте-ка в баню, ей-ей хорошо будет; головой стою — не раскаемся: она словно печь каленая!» — «Истинно верно, — подтвердил Габинна, — один день надвое растянем, легче будет!» И он, вскочив с места, босой устремился вслед за ликующим хозяином. Обернулся я к Аскилту и говорю: «Ты как думаешь? я если увижу баню, тут мне конец». — «Не станем перечить, — ответил тот, — а пока они в свою баню идут, улизем в сутолоке». На том порешив и взяв Гитона в провожатые по галерее, мы пробираемся к дверям, где цепной пес встретил нас с таким неистовством, что Аскилт с перепугу упал в бассейн с водой. Про меня нечего говорить: я и намалеванного пса давеча испугался, а тут с пьяных глаз, принявшись спасать барахтавшегося в воде, полетел сам в тот же омут! Но вот явился спаситель наш, дворецкий, который и разъяренного пса смирил, и нас, дрожавших, вытащил на сухое место. А Гитон, умница, сразу от барбоса остро-

умнейшим способом откупился: все, что от нас за ужином получил, он побросал лающему зверю; увлеченная едой, собака утишила свой гнев. А когда мы, замерзая совершенно, упрашивали дворецкого, чтоб он выпустил нас за двери, «ты ошибаешься,— сказал он мне,— если рассчитываешь выйти там, где вошел; у нас, брат, ни единого гостя никогда той же дверью не выпускают: впускают в одну, в другую выпускают».

73. Что могли мы, жалкие люди, сделать, попав в этот новый Лабиринт? Теперь уже мы мечтали идти мыться, а потому своей волей просим дворецкого, чтобы вел нас в баню, и, скинув одежду, которую Гитон принялся сушить при входе, вступаем в баню, представлявшую собой место тесное и похожее на вместилище холодной воды, где вытянувшись стоял Трималхион. Но и здесь не дано было избавиться от его меры не знающего самохвальства. Теперь он рассуждал, что ничего нет лучше, чем мыться без толкотни и что на этом самом месте когда-то была пекарня. Наконец, он сел, утомленный, но, соблазнившись банной гулкостью, разинул чуть не до потолка пьяную свою пасть и залился песнями Менекрата, как утверждали те, кто умел понимать его язык. Остальные гости, взявшись за руки, кружились хоромом вокруг чана и улюлюкали на все голоса. Иные, заложив руки за спину, старались поднять зубами с полу кольцо или, став на одно колено, перегибались затылком назад и силились дотянуться до самых пальцев ноги; а мы в свою очередь, пока те развлекались как могли, мы опускаемся в ванну, уготовляемую для хозяина.

Когда хмель рассеялся, нас провели в другой триклиний, где Фортуната уже расставила свои изыски. Тут мы рассматрели светильник и бронзовых рыбаков, столы все из серебра, вокруг — чаши глиняные с позолотой и вино, которое цедили сквозь полотно на глазах у всех.

«Други мои,— сказал Трималхион,— сегодня мой раб первое бритье празднует; хороший — чтоб не соглазить! — человек, подходящий! А потому — тронули и чтоб гулять до зари!»

74. Не успел он кончить — пропел петя-петушок. Встревоженный этим гласом, хозяин велел вылить вина под стол, а светильник — окропить чистым вином. Мало того, он поменял перстень с левой руки на правую и сказал: «Не зря этот трубач нам знак подал: не то пожару быть, не то помрет кто-то по соседству. Чур нас! А потому кто принесет этого глашатая, тому наградные!» Не успел договорить — уж тащат соседского петуха, каковой при-

говорен был хозяином к сварению в котле. Сейчас же ошпиливает его тот повар-искусник, который недавно настряпал птиц и рыб из свиньи, и кидает в кастрюлю. А пока Дедал разливал обжигающую жидкость, Фортуната молола перец в деревянной мельнице.

Ну а когда полакомились деликатесами, хозяин оглянулся на прислугу и «вы это что,— говорит,— все не ужинали? А ну, прочь, пускай теперь другие послужат». Тут вступил новый отряд, и те, уходя, воскликнули: «Прощай, Гай!», а эти — «Здравствуй, Гай!» Тогда же омрачилось впервые наше веселье. Пришел с новою сменой совсем недурной мальчонка, тут Трималхион и кинься на него с лобзаннями. А потому Фортуната, чтобы не уронить своих прав, принялась поносить мужа, величая его отребьем и срамником, раз он не умеет похотить свою придержать. Напоследок она бросила: «Кобель!» Трималхиона задела брань, он и запусти кубком Фортунате в лицо. Та возопила, словно ей глаз выбили, и трясущимися руками закрыла лицо. Всполошилась и Сцинтилла, укрывая ту, трепещущую, у себя на груди. Более того, внимательный мальчишка тот тоже приложил к хозяйкиной щеке холодный кувшинчик. А Фортуната, прильнув к нему, заплакала-зарыдала. Между тем Трималхион не унимался. «Что-о?! — кричал он.— Актерка мне станет перечить?! С каната ее снял, в люди вывел! Ишь, раздулась, как жаба! Через плечо никогда не переплюнет! Колода, не женщина! Ну да, кто на чердаке родился, тому дворец не приснится! Пусть гений мой от меня отвернется, коли я не усмирю эту Кассандру армейскую! А я-то, дурень грошовый, из-за нее десяток миллионов прозевал. Сама знаешь, не вру! Агафон-то, парфюмер хозяйки соседней, отозвал меня. «Мой тебе совет,— говорит,— роду своему вымереть не дай». А я-то все добрячка ломаю, славы худой боюсь — себе же крылья подрезал. Ну, ладно, пожди! Ногтями меня откапывать станешь! А чтоб ты прочухала, чего ты над собой сделала: слышь, Габинна, не хочу, не нужно статуи ейной на памятнике на моем, а то мне и покойником все с ней грызться. Хуже того, еще ты не знаешь, как я навредить умею: мертвого меня ей не целовать, не желаю!»

75. После таких раскатов Габинна стал упрашивать хозяина не гнаться боле. «Все-то, все мы грешны,— говорил он.— Чай, не боги, а человеки». Это же подтвердила плачущая Сцинтилла и, заклиная Гая его гением, стала просить, чтобы переломил он себя. Не умея долее сдерживать слезы, Трималхион говорит так: «Твоей, Габинна, мошной клянусь — плюнь ты мне в рожу, если я в

чем виноват! Что мальчишку этого славенького чмокнул, так ведь не за красу его, — славный, вот что. Уж он десятыи доли высчитывает, книжку с листа читает, подачки копит: уж он себе на них фракийскую форму купил, стульчик гнутый и два черпачка. Так мне потому и не глядеть на него? Не велит Фортуна! На ходули забравшись, у ней мнение? Мой тебе совет, совушка: сама свое добро переваривай, а меня, милая моя, ощериться не вынуждай, не то увидишь, какой у меня есть нрав! Ты меня знаешь: что порешил, колом пришил! Ну, да ладно — не будем о грустном! Прошу вас, други мои, ублажайте себя! И я был прежде как вы, да старанием собственным видите до чего дошел. Есть в голове умишко — в люди выйдешь. Другое прочее — чужь одна! «Умно купи, с толком продай!», а то иной вам такого нагородит! Вот я — с богатства трескаюсь! Рыдаешь, храпуша? Смотри, как бы о жребии своем не возрыдать! Ладно, о чем это я? Честен, вот и добрался до богатства такого. С этот вот канделябер был, не больше, как из Азии прибыл. Короче говоря, всякий день, бывало, к нему примеряюсь. А чтоб скорее шерсть на роже росла, все маслом из светильника губу потираю... Четырнадцать годков у хозяйина за жену ходил — а что худого, коли господин желает? Хозяйка, та тоже была премного довольна. Смекнули? Хвастать не хочу, оттого и молчу.

76. Ну, как-никак, изволением богов, стал я хозяйствовать в доме, а там и к хозяину в душу залез. Что говорить: он меня вместе с Цезарем наследником сделал, получил я наследство — с сенаторской каймой. Ну, да человеку все мало. Подвизался торговать. Длинно рассказывать не стану: пять судов снарядил, погрузил вина — оно в те поры на вес золота ходило, — отправил в Рим. И что вы думаете? Будто я им так приказал: все разом потонули суда! Истинно слово, не вру: в один день у меня Нептун тридцать миллионов слопал! Думаете, я руки опустил? Как не так: я от убытка этого не поперхнулся, словно не было ничего! Другие построил — больше, лучше, задачливей: никого не было, кто б меня крепким мужиком не назвал: у большого корабля — большая, знаешь ли, сила! Опять вина нагрузил, сала, стручков, да благовоний, да рабов. Ну, тут и Фортуна святое дело сделала: все золото свое, все тряпье продала да мне сотню золотых в руку положила. Отсюда пошло вздыматься мое добро. Спорится дело, коль боги захочут. В один оборот округлил миллиончиков десять. Тотчас откупил все поместья, что прежде за благодетелем за

моим были. Строю себе дом, покупаю людей, вьючный скот; к чему притронусь — растет, как сот. А как собралось у меня больше казны, чем на всей родине было, я и шабаш: с торговлей покончил и давай на отпущенниках наживаться. И уж подлинно: я и братья-то ни за что не хотел, да уговорил меня кудесник, что забрел как-то сюда в колонию, гречишка один — Серапой звали, завсегда-тель был у богов. Он обо мне такое рассказал, о чем я и сам перезабыл, разъяснил мне все с головы до пят, в кишки заглянул; разве того только не сказал, чем я вчера ужинал.

77. Можно подумать, он век со мной прожил. Да вот, Габина, ты, кажись, был тогда. «Хозяйку твою ты,— говорит,— тем-то вот взял, в друзьях тебе нет удачи, никто твоего добра не помнит как следует; земли у тебя необъятные. Пригрел ты змею на груди своей». А еще то, чего мне бы не рассказывать,— что остается и по сей час моей жизни тридцать лет четыре месяца и два дни. А мимо того, скоро получать мне наследство. Довлеет надо мной моя судьбина. Так что удастся мне, может, до Апулии угодья довести, тогда буду считать, что недаром прожил. А пока Меркурий меня хранит: выстроил я дом этот, сами помните, была конура, нынче — храм. Четыре столовых имеется, комнат жилых — двадцать, мраморных портиков — два, да наверху комнатушки рядком, да моя спальня, да вот этой змеи логово, да привратника каморка отменная, да и гостям есть где приткнуться. Короче, сам Скавр, бывало, сюда наедет, так нигде лучше гостить не предпочитает, а у него отцовская усадьба приморская в наличии. Да много чего у меня есть, покажу вам сейчас. Верьте мне: есть асс — стоишь асс, имеешь — силу заимеешь. Вот и сотоварищ ваш — был лягушок, стал царь! Ты подай-ка, Стих, то платье выходное, в каком хочу, чтоб выносили меня. Подай и умащений, и на пробу из амфоры той, из коей вею косточки мои омыть».

78. Не промедлил Стих и принес в триклиний белый покров и тогу с пурпурной каймой. А хозяин велел нам ощупать, хорошали шерсть, из которой они сработаны. «Смотри у меня, Стих,— промолвил он с улыбкой,— чтоб этой ткани мыши да моль не тратили, не то я тебя живьем изжарю. Желая, чтоб на славу меня хороняли, чтобы весь народ для меня доброго просил». Сейчас откупорил он пузырек с нардом и всех нас помазал со словами: «Уповаю, что будет мне мертвому так же славно, как и заживо». Он еще и вино велел налить в винный сосуд и пригласил: «Вообразите, что тризну по мне правите».

Стало совсем тошнотворно, когда Трималхион, постыдно и тяжело охмелевший, велел завести в триклиний новых исполнителей — трубачей, а сам, утопая в подушках, вытянулся на последнем своем одре и распорядился: «Считайте, что помер я; вдарьте-ка чего хорошенького». И завели же трубачи погребальный вой! Особенно хорош был раб того похоронных дел мастера, что был красой собрания, — этот такое рванул, что всполошил целую округу. А потому пожарные сторожа из соседней части, решив, что у Трималхиона пожар, неожиданно вломились в дверь и стали, в соответствии с предписаниями, орудовать с помощью воды и топоров. Улучив неоцененный случай, мы надули Агамемнона и бежали стремглав, словно и вправду от пожара...

79. Не шел впереди нас факел, чтобы указывать путь блуждающим, а молчание полуночи не обещало более появления встречных огней. Прибавить к тому еще опьянение и незнакомость мест, которая и днем сбивала бы! Только после того, как мы едва ли не целый час влачили окровавленные стопы через камыши и осколки битых горшков, выручила нас наконец находчивость Гитона. Этот умница — умен, кому и при свете ведома тревога заблуждения, — пометил наперед всякий столбик и колонну, и надежные эти начертания побеждали непроглядную ночь, белея различимо и указуя дорогу блуждающим.

Впрочем, нас ожидали немалые подвиги и тогда, когда мы добрались до нашего подворья. Случилось так, что старуха хозяйка столь прилежно полоскала горло вместе со своими постояльцами, что вряд ли заметила бы, когда все горело бы огнем. Мы, кажется, заночевали бы у порога, если бы за нас не заступился прискакавший на многоконной упряжке нарочный от Трималхиона. Этот долго сетовать не стал, а выломал входную дверь да и пустил нас идти своим ходом...

Что за ночка, о боги и богини!

Что за мягкое ложе, где, сгорая,

Мы из уст на уста переливали

Души наши в смятенье! О, прощайте,

Все заботы земные! Ах, я гибну!

Но тщетно было мое ликование. Стоило мне, ослабевшему от вина, расцепить опьяненные руки, как Аскил, основоположник всяческого зла, под покровом ночи похитил мальчишку, и перенес его к себе в постель, и жестоко ее измыв с несвоим братиком,

который, либо не слыша оскорбления, либо на него согласившись, уснул в незаконных объятиях, поправ права человека. Когда, чуть пробудившись, я ощупываю ложе, коего радость была похищена, я — верьте словам влюбленного — помышляю о том, не следует ли мне мечом пронзить обоих, чтобы не было просвета между сном и смертью. Наконец, придя к более покойному решению, я разбудил Гитона побоями, а на Аскилта только смотрел со свирепостью во взоре и «ввиду того,— говорю,— что ты преступно нарушил обязательства дружеского общежития, собирай незамедлительно свои вещи и отыскивай себе иное место, чтобы и его осквернить».

Аскилт противоречить не стал и только тогда, когда наши пожитки были уже поделены по чести, «теперь,— говорит,— давай поделим и мальчишку».

80. Ну, думаю, шутит на прощанье, а он братоубийственной рукою свой меч обнажил и «не поживиться тебе,— говорит,— этою добычей, хотя ты один простер на нее руку. Придется мне, кем пренебрегают, отсечь свою долю вот этим мечом». То же делаю и я, становлюсь напротив и, обернув плащом руку, наступаю шагом бойца.

Посреди всего этого плачевного безумия несчастный наш мальчишка хватал нас обоих за колена, плакал и просил молитвенно не делать убогое пристанище свидетелем взаимного истребления фиванской четы и не осквернить обоюдной кровью святынь нежной дружбы. «Если же,— вопил он,— нельзя совсем без крови, так вот я обнажил свою шею — сюда направьте руки, сюда кинжалы. Я умереть должен, я, погубивший святые тайны дружества».

После таких молений мы спрятали оружие, и Аскилт первый «я,— говорит,— полагаю конец раздору. Пусть мальчик идет, с кем он хочет, и да будет у него совершенная свобода выбирать, кто ему братец». Полагая, что старинная наша близость стала надежнее кровных уз, я не только не был встревожен, но с опрометчивостью поспешности ухватился за это условие и тут же поручил тяжбу нашему судье. А тот даже и размышлять не стал, чтобы создать хотя видимость промедления, а тотчас же, не успели еще отзвучать слова, встал и братом избрал Аскилта.

Испепеленный таким приговором, я, как был, без меча, упавая на постель — и ведь наложил бы руки на себя, когда бы не было обидно доставить радость врагу.

Тем временем Аскилт уходит гордо и с наградой, а так недавно еще дорогого благоприятеля и собрата по судьбам бросает в чужом месте, разбитого, одинокого.

Дружба хранит свое имя, покуда в нас видится польза.

Словно игральная кость, вечно подвижна она.

Если Фортуна — за нас, мы видим, друзья, ваши лица,

Если изменит судьба, гнусно бежите вы прочь.

Труппа играет нам мим: вон тот называется сыном,

Этот — отцом, а другой взял себе роль богача...

Но лишь окончилась роль и закрылась смешная страница,

Лик настоящий воскрес, лик балаганный пропал.

81. Впрочем, недолго давал я волю слезам, ибо явилось опасение, как бы, сверх прочих бед, Менелай, школьный помощник, не застал бы меня в гостинице одного. Собрав вещи, я снял себе, тоскуя, неприметное место у самого берега. Запершись там на три дня, я всякий раз, как всходили на душу одиночество и обида, вновь ударял свою страданием истерзанную грудь, без счета перемежая грустные вздохи такими восклицаниями:

«А меня, стало быть, не умела, разверзшись, поглотить земля? Или море, и к невинным суровое? Бежал отсюда, вышел на арену, убил благожелателя — и все, чтобы отчаянные мои прозвания восполнились еще и «нищим», «изгнанником», а сам я валялся бы, всеми оставленный, в заезжем доме греческого города? И кто же меня во все это ввергнул? Юноша, запятнанный наглым развратом и, по собственному своему признанию, достойный изгнания, в блуде свободный, блудом свободнорожденный, коего одни годы без просвета сошлись с другими, кого нанимал, как девуку, и тот, кто сознавал, что перед ним мужчина. А тот, другой? Кто в день облачения в тогу надел женское платье, кого мать уговорила, что он не мужчина; кто женское в мастерских исполнял дело; кто, все смешав и переменяв опору своих усад, покинул имя старой дружбы и — о, позор! — словно послушливая жена, из-за касаний единой ночи все продал. Лежат теперь, связанные столькими узами, ночи напролет и, быть может, в изнеможении от взаимных ласк, смеются моему одиночеству. Так увидят же они! Или я не мужчина и не свободный, или будет искуплена вражьей кровью моя обида».

82. Препоясываюсь, это произнеся, мечом, а чтобы измождение не погубило моего похода, возвращаю себе силы изобильной пищей. Затем выскакиваю на улицу и начинаю, как безумец,

обходить все портики. Да вот только пока я с лицом потрясенным и одичалым ни о чем ином не помышляю, кроме кровопролития, то и дело возлагая руку на рукоять меча, обреченного делу смерти, приметил меня какой-то воин, то ли от своих отбившийся, то ли бродяга ночной, и говорит: «Скажи-ка, служивый, которого ты легиона, чьей центурии?» А когда я весьма твердо изобрел и легион и центурию, «вот оно что,— говорит,— ваши части, выходит, в туфельки обуты». Теперь, когда я и лицом, и самой оробелостью выдал свою ложь, он приказывает мне снять оружие от беды подальше. И вот, раздетый, а главное, лишенный орудий мести, я возвращаюсь в свою гостиницу и, по мере того как остывала моя отвага, едва ли не с благодарностью думаю о лихом побродяге.

⟨Эноклий старается вести рассеянную жизнь, но это у него не получается.⟩

В озере стоя, не пьет и нависших плодов не срывает
Царь злополучный, Тантал, вечным желаньем томим.
Точно таков же богач, что, благом несметным владея,
Сам всухомятку сидит, голод в желудке варя.

...Не стоит доверяться слишком собственным решениям, потому что и у судьбы свои расчеты.

83. Заглянул я в пинакотеку, замечательную разнообразием картин. Я увидел и руку Зевксиса, не побежденную еще свирепостью времени, оценил я, не без некоего трепета, и наброски Протогена, соревнующиеся достоверностью с самою природой. Так! Но Апеллес и его, как греки зовут, «Монокнемон» вызвали во мне благоговение. Контуры фигур были прорисованы с такой тонкостью и так верны, что казалось, их начертил некий дух. Здесь орел парящий уносил на небо бога, там прелестный Гилас отталкивал настойчивую наяду; Аполлон проклинал виновные свои руки и только что народившимся цветком утешал примолкшую лиру.

Среди толпы этих живописных влюбленных я вскричал так, словно вокруг не было никого: «Так, значит, и богов задевает любовь! Юпитер в небе у себя не нашел, кого взять избранником, но и решившись грешить, на земле никому не сотворил обиды. Нимфа, похитившая Гиласа, смирила бы любовь свою, когда бы могла подумать, что придет Геракл, чтобы наложить на это запрет. Аполлон соединил с цветком тень мальчика; да и вообще баснословие знает объятия без соперника. А я-то принял в сообщество себе друга, которого не свирепей и Ликург».

И вот, пока я так на ветер посылаю пени, входит в пинакотеку поседелый старец с лицом, изборожденным мыслью и как бы обещающим нечто великое, а впрочем, не слишком прибранный, так что сразу стало ясно: он словесник того самого рода, каких не терпят богатые. Он-то и стал со мною рядом. «Я,— сказал он,— поэт, и, надеюсь, не самых ничтожных дарований, насколько можно, конечно, судить по тем венкам, которые люди уделяют неискусным. «Так почему же,— спросишь ты,— я столь худо одет?» Именно поэтому. Любовь к изящному никого еще богатым не сделала.

Кто доверяет волнам, получит великую прибыль,
Кто порывается в бой, кругом опоясается златом,
Низкий лежит блюдолиз на расписанном пурпуре пьяный,
Кто соблазняет замужних, за грех получает награду,
Лишь Красноречье, дрожа в одеянии заиндевелом,
Голосом слабым зовет Искусства, забытые всеми.

84. Несомненно так: кто противится всякому пороку и видит пред собою прямой путь жизни, тот уже из-за различия в нравах заслужит ненависть. Ну кто способен одобрять чуждое? И опять же: кто заботится единственно об умножении богатств, тот не желает, чтобы у людей что-либо считалось выше того, чем сам он обладает. Вот он и преследует, как умеет, любителей слова, дабы видно стало, что и те ниже денег...

Уж не знаю отчего, а только бедность — сестра таланта...

Был бы противник моей непритязательности столь справедлив, чтобы можно было умиловить его! Но этот закоснелый негодяй изощренней сводника любого.

⟨Энколпий повествует о своих несчастьях. Поэт, которого зовут Евмолпом, ради утешения рассказывает ему случаи из своей жизни.⟩

85. Как-то взял меня квестор по службе с собою в Азию, и вот я прибыл на постой в Пергам. Проживая там с охотою не только оттого, что жилье было превосходно, но и оттого, что чудо как хорош был сын у хозяина, стал я изобретать способ, чтобы отец семейства не заподозрил во мне поклонника. Чуть зайдет за веселым ужином речь о красавчиках, я вскипал так яростно и возражал так строго, будто слух мой оскорблен непристойной речью, а потому матушка начала считать меня прямым философом. И вот уж я провожаю юношу в гимнасий, уже ведаю

ходом его занятий, уже наставляю и обучаю, дабы не проник в дом какой-нибудь теловредитель.

Как-то раз возлежали мы в триклинии. Был праздник, занятия укорочены; под действием затянувшегося веселья поленились разойтись. И вот около самой полуночи я чувствую, что ведь не спит мальчишка. Тогда я и побоялся робким таким шепотом. «Владычица,— говорю,— Венера, если я мальчика этого поцелую, да так, что он и не заметит, завтра же дарю ему пару голубей». Услышав, какая цена наслаждению, мальчишка принялся храпеть. Тогда приступился я к притворщику и несколько раз поцеловал его совсем слегка. Удовольствовавшись этим началом, я встал с утра пораньше, выбрал пару голубей и — во исполнение обета — поднес их поджидавшему.

86. В другую ночь, как представилась такая же возможность, я изменил свое пожелание и говорю: «Если я этого вот обласкаю нескромной рукой, а он не заметит, так я же подарю ему таких двух петъ-петушков за его терпение». После этого обета юнец сам изволил придвинуться и, пожалуй, даже боялся, как бы я ненароком не уснул. Ну, я приглубил встревоженного и натешился всем его телом, не дойдя разве что до вершины утех. Затем, когда пришел день, принес я, ему на радость, что пообещал. Когда же была нам дарована третья вольная ночь, приблизился я к чуткому уху сонного и «о бессмертные,— говорю,— боги, если я от него сонного возьму соитие полное и совершенное, то я за этокое счастье завтра же дарю мальчишке македонского жеребца, на том, конечно, условии, что он не заметит». Никогда еще юнец не засыпал более глубоким сном. И вот я сперва наполнил ладони млечной его грудью, потом принял поцелуем и наконец сокупил воедино все желания. Наутро он остался сидеть в спальне, поджидая, что я поступлю по своему обыкновению. Да ты, верно, знаешь, что покупать голубей да петъ-петушков много легче, чем купить жеребца? К тому же я и того боялся, что такой изрядный подарок сделает подозрительной мою щедрость. Вот почему, погулявши несколько часов, я вернулся в дом и просто-напросто расцеловал мальчишку. А он огляделся, за шею меня обнял и говорит: «Что же, наставник, где жеребец?»

87. Этой обидой закрыв себе подступы, уже было налаженные, я вновь решаюсь дерзать. Переждал я несколько дней, но лишь только схожий случай подарил нас тою же удачей и я услышал, как храпит отец, сразу начинаю просить юнца, чтобы он снова со

мною подружился, иначе говоря, позволил бы, чтобы ему было хорошо и прочее, что подсказывает наболевшее вожделение. А тот, очень сердитый, все повторял: «Спи, или отцу скажу». Нет, однако, ничего столь неприступного, чего не одолела бы порочность. Пока он твердил «отца разбужу», я таки подобрался и, преодолев слабое сопротивление, вырвал у него усладу. Тогда он, может быть даже не совсем недовольный моей проказливостью, принялся длинно жаловаться, как он обманут и в смешном виде выставлен перед товарищами, которым хвастался, какой я внимательный. В заключение «ты, однако, не думай,— сказал он,— что я таков, как ты. Хочешь, можно и снова». Я упрямитесь не стал и скрепил дружбу с ним, а там, по его милости, провалился в сон. Так ведь не удовольствовался же этим повторением юнец, пришедший в пору и в самые лета, наклонные к терпимости! Он и сонного меня пробудил словами: «Не хочешь ли чего?» На этот раз уже оно было обременительно. Худо-бедно, с одышкой и в поту, помяв его, я дал ему то, чего он хотел, и истомленный наслаждением, опять проваливаюсь в сон. И что же? Часу не прошло, а уж он меня под бок толкает и говорит: «Что ж мы время теряем?» Тут я, в который раз пробужденный, прямо вскипел от ярости, да его же словами ему говорю: «Спи, или отцу скажу».

〈Довольный остроумной беседой, Энкалпий вызывает Евмолпа на разговор об искусстве.〉

88. Оживленный этими рассказами, я принялся расспрашивать столь искушенного человека о возрасте картин и разбирать их предмет, нередко для меня темный, а заодно обсуждать причину нынешнего упадка, когда сошли на нет прекраснейшие искусства, а живопись, та и вовсе исчезла без следа. На это он сказал: «Алканье денег причина этого упадка. Во время оно, когда привлекала сама по себе голая правда, преисполнено было силы чистое искусство, а среди людей шло упорнейшее состязание, как бы не оставить надолго скрытым что-либо полезное грядущим столетиям. Вот отчего Демокрит, дабы не укрылась сила камней ли, растений ли, выжимал соки всех, можно сказать, трав и средь опытов провел свой век. Так и Евдокс состарился на вершине высочайшей горы ради того, чтобы уловить звездное и небесное движение, а Хрисипп, тот, дабы сподобиться открытия, трижды прочистил душу чемерицею. Обращаясь к ваянию, скажу, что Лисипп угас в нужде, не в силах удовлетвориться отделкой очередной своей работы, а

Мирон, едва ли не душу людей и зверья заключивший в медь, не нашел продолжателя. А мы, потонувшие в питье и в любострастии, не отваживаемся и на то, чтобы постичь готовые уже искусства; обвинители древности, мы лишь пороку учим и учимся. Где диалектика? Астрономия где? Где к разумению вернейший путь? Кто ныне вступает в храм, творя обеты единственно для того, чтобы обрести красноречие? Или чтоб прикоснуться к источнику любомудрия? Да они даже здравого рассудка или здоровья себе не ищут, а сразу, не коснувшись еще порога Юпитера Капитолийского, обещаются одарить его: один — если похоронит богатого родственника, другой — если откопает сокровище, а еще кто-нибудь — если, доведя свое состояние до тридцати миллионов сестерциев, жив останется. Да и сам же сенат, блюститель блага и правды, обыкновенно обещает тысячу фунтов золота на Капитолий и, чтобы уж никто не гнушался алкания денег, даже Юпитера украшает сокровищем. Дивиться ли, что обессилела живопись, когда всем, и богам и людям, золотая куча кажется прекраснее, чем то, что сотворили Апеллес и Фидий, чудачи грецкие?

89. Вижу, однако, что ты весь погружен в ту картину, являющую троянское пленение. Коли так, я попытаюсь раскрыть ее в стихах.

Уже фригийцы жатву видят десятую
В осаде, в томном страхе; и колеблется
Доверье эллинов к Калханту вещему.
Но вот влекут по слову бога Делийского
Деревья с Иды. Вот под секирой падают
Стволы, из коих строят коня зловещего.
И, отворив во чреве полость тайную,
Скрывают в ней отряд мужей, разгневанных
Десятилетней бойней. Тесно стиснувшись,
¹⁰ Данайцы скрылись в грозный свой обетный дар.
О родина! мнилось, прогнан тысячный флот врагов,
Земля от войн свободна. Все нам твердит о том:
И надпись на звере, и лукавый лжец Синоп,
И собственный наш разум мчит нас к гибели.
Уже бежит из ворот толпа свободная,
Спешит к молитве; слезы по щекам текут.
Те слезы были радость робких душ,
Не порожденье страха... Вот, распустив власы,
Нептуна жрец, Лаокоон, возвысил глас,

- 20 Крича над всей толпою, быстро взметнул копье
Коню во чрево, но ослабил руку рок,
И дрот отпрянул, легковерных вновь убедив,
Вотще вторично он подымлет бессильно длань
И в бок разит секирою двуострою.
Гремят во чреве доспехи скрытых юношей,
Колосс деревянный дышит страхом недругов...
Везут в коне плененных, что пленят Пергам,
Войну завершая беспримерной хитростью.
Вот снова чудо! Где Тенедос из волн морских
- 30 Хребет подымлет, там, кичась, кипят валы
И, раздробившись, вновь назад бросаются,—
Так часто плеск гребцов далеко разносится,
Когда в тиши ночной в волнах корабли плывут
И стонет мрамор под ударами дерева.
Глядим туда: а там два змея кольчатых
К скалам плывут, раздувши груди грозные,
Как две ладьи, боками роют пену волн
И бьют хвостами. В море гривы косматые
Огнем, как жар, горят, и молниеносный свет
- 40 Зажег валы, шипеньем змей шумящие.
Все онемели... Вот в повязках жреческих,
В фригийском платье оба близнеца стоят,
Лаокоона дети. Змеи блестящие
Обвили их тела, и каждый ручками
Уперся в пасть змеи, не за себя борясь,
А в помощь брату. Во взаимной жалости
И в страхе друг за друга смерть настигла их.
К их гибели прибавил смерть свою отец.
- 50 Спаситель слабый! Ринулись чудовища
И, сытые смертью, старца наземь бросили.
И вот меж алтарей, как жертва, жрец лежит
И бьется оземь. Так, осквернив алтарь святой,
Обреченный град навек отвратил лицо богов.
Едва Фебея светлый свой явила луч,
Ведя за собою звезды ярким факелом,
Как средь троянских войск, оглушенных вином и сном,
Убрав засовы, сходят данайцы на землю.
Вожди, осмотрев оружие, расправляют грудь.
- 60 Так часто, с Фессалийских прыгнув гор, скакун,

Пускаясь в бой, прядет могучей гривой.
Обнажив мечи, трясут щитами круглыми
И начинают бой. Один опьяненных бьет
И превращает в смерть их безмятежный сон,
Другой, зажегши факел о святой алтарь,
Огнем святынь троянских с Троей борется».

90. Кое-кто из гуляющих по портику запускал в читающего Евмолпа камнями. А он, хорошо знавший, как приветствуют его дарование, покрыл голову и бежал прочь от храма. Я вострепетал — как бы и меня не сочли поэтом! А потому, следуя за беглецом, достиг до берега. И как только можно было остановиться в недоступности от метателей, «скажи,— говорю,— что за лихорадка такая у тебя? Двух часов не провел ты со мною вместе, а ведь больше наговорил поэтически, чем человечески. Не диво, что народ тебя провожает камнями. Да я сам запасусь булыжником, и только впадешь в иступление, придется пустить тебе кровь из головы». Его черты изобразили волнение: «О мой юный,— говорит,— друг! Не первое сегодня у меня посвящение; нет, всякий раз, как я вступаю в театр прочесть что-нибудь, меня так привлекает стекшееся отовсюду собрание. Впрочем, чтобы мне и с тобою тоже не поссориться, воздержусь от этой пищи на весь нынешний день». — «А если так,— говорю,— и ты зарекаешься на сегодня от горячки, будем вместе ужинать». И поручаю смотрительнице комнат кой-какой ужин нам соорудить...

⟨Евмолп и Энколпий приходят в бани.⟩

91. ...Вижу Гитона, который с полотенцами и скребками стоит, прислонясь к стенке, в тоске и смятении. Тотчас видно — не в охотку служба. И вот, чтобы я уверовал глазам своим, обращает он ко мне свое сияющее от радости лицо, «сжался,— говорит,— братик. Когда не грозит оружие, изъясняюсь свободно. Вырви меня от кровавого разбойника и накажи, сколь угодно тебе яростно, покаянного твоего судью. Мне станет немалым утешением пасть по твоей воле». Я велю ему прервать эти жалобы, чтобы никто не подслушал, и, бросив Евмолпа — тот приступил к чтению стихов в бане,— темным грязным ходом вытаскиваю Гитона и мигом лечу в свою гостиницу. А там уж, закрыв двери, кидаюсь с объятиями к нему на грудь и ласкаюсь лицом к его щекам, слезами залитым. Долго нам обоим не вымолвить было слова. И у мальчонки нежная грудь сотрясалась еще от обильных рыданий.

«Что же это такое,— говорю,— содеялось, если я и покинутый все люблю тебя, и на этой груди, которая была сплошной зияющей раной, теперь и рубца нет? Чужим страстям податливость, что ты на это скажешь?» Услышав, что его любят, мальчишка приободрился. «А я-то судьи не искал другого. Но не жалуюсь боле, не поминаю — было б искренно твое раскаяние». Пока я со слезами и стонами изливал эти слова, тот утер палием лицо да и говорит: «Простишь ли, Энколпий, если воззову к твоей почтенной памяти: я ли тебя бросил или ты мной пожертвовал? Да, отпираться, таить не стану: увидев двоих с оружием, я припал к сильнейшему». Покрыв поцелуями эту грудь, преисполненную мудрости, я обхватил руками его шею, и, не желая оставлять сомнений, что мы помирились и что дружба наша оживает самым надежным образом, я приник к нему всей грудью.

92. Была совершенная ночь, и женщина давно приготовила заказанный ужин, когда Евмолп постучал в дверь. Я спрашиваю: «Сколько вас?» — а сам уже вглядываюсь сквозь щелку, не идет ли Аскилт с ним заодно. Только увидев, что гость мой один, я проворно впустил его. А он, упав на койку, принялся смотреть, как Гитон прислуживает прямо возле него, потом головою кивнул и «одобряю,— говорит,— Ганимеда. Сегодня плохо не будет». Не понравилось мне многозначительное это начало, и я начал бояться, не принял ли в сотоварищи другого Аскилта. А Евмолп питье получил от мальчика да так выразительно «ты мне,— говорит,— дороже, чем вся баня», и, жадно осушив фиал, признается, что никогда еще не приходилось ему так гадко.

«Я еще мылся,— рассказывал он,— и уж едва не был бит за покушение прочесть поэму принимающим ванну, а когда был выкинут из бань, как ранее из театра, пошел оглядывать все углы, звонко выкликая Энколпия. Между тем появился откуда-то голый парень, который, оказывается, потерял вещи и с гневным — не хуже моего — воплем требовал Гитона. Ну, надо мной, конечно, мальчишки стали смеяться, передразнивая меня глумливо, словно безумца, зато его окружила целая толпа, пораженная им, кто шумно, кто оторопело. Дело в том, что срамные грузы были у него так весомы, что он весь казался лишь кончиком своего же конца. О великий труженик: небось что с вечера начнет, только назавтра кончит. Этот, конечно, тут же нашел себе печальников: один — не знаю кто — римский всадник с худой славой укрыл бездомного собственной одеждой и увел к себе с тем, видно, чтобы одному

владеть таким богатством. Ну а я, я и своей бы одежды не получил, когда б не привел поручителя. Выходит, легче привлечь великим срамом, чем великим умом». Пока Евмолп произносил это, я то и дело менялся в лице, радуясь бедам моего врага и унывая от его удач. И все-таки я молчал, будто не понимаю, о чем речь, и объявил распорядок ужина.

⟨Ужин проходит в беседе, омраченной, впрочем, для Энколпия поэтическими повадками Евмолпа.⟩

93. «Что можно, то недорого, и душа, любя заблуждение, склоняется к неправде.

Африканская дичь мне нежит нёбо,
Птиц люблю я из стран фасийских колхов,
Ибо редки они. А гусь наш белый
Или утка с крылами расписными
Пахнут плесом. Клювыш за то нам дорог,
Что, пока привезут его с чужбины,
Возле Сиртов немало судов потонет.
А барвена претит. Милей подруга,
Чем жена. Киннамон ценнее розы.
То, что стоит трудов,— всего прекрасней».

«Так вот оно,— говорю,— твое давешнее обещание не сложить сегодня ни стиха! Да ты, честное слово, хотя бы нас пожалел, мы-то в тебя камнем не метали! Ведь стоит кому-нибудь, кто пьет в этом приюте, учуять самое прозвание поэта, так он сейчас и подымет соседей и накроет нас всех как сообщников. Смилуйся и вспомни хоть пинакотеку, хоть баню». Эту мою речь Гитон, кроткий отрок, осудил, утверждая, что нехорошо я делаю, когда возражаю старшему и, позабыв о долге, тот стол, который сам же великодушно накрыл, теперь отнимаю этими попреками, и еще много вежливых и скромных слов, какие до чрезвычайности шли к его красоте.

⟨Все более увлекаясь Гитоном, Евмолп обращается к отроку.⟩

94. «Блаженна,— сказал он,— мать, тебя таковым родившая,— честь и хвала! И какое редкостное единение мудрости с красотой! Так что не думай, будто напрасно истратил все эти слова — поклонника ты обрел. Я наполню песню хвалою тебе. Дядька и страж, я пойду за тобою, куда и не скажешь. А Энколпию не обидно — он другого любит». Да, удружил и Евмолпу тот воин, что отнял

у меня меч. Не то мой гнев на Аскилта обрушился бы на жизнь Евмолпа.

От Гитона это не ускользнуло. А потому он и направился прочь из комнатенки, будто по воду, и притушил мой гнев осмотрительным своим исчезновением. Когда мало-помалу утихло мое бешенство, «Евмолп,— говорю,— я бы предпочел теперь, чтобы ты стихами говорил, чем позволял себе эти мечты. Ты, знаешь ли, чувствен, а я чувствителен, сообрази сам, сколь несогласны такие нравы. А потому считай меня сумасбродом, но смирись с безумием, то есть живо уходи прочь».

Смешавшись от этого предупреждения, Евмолп не выяснял причин гнева и, ступив без промедления за порог, тут же прикрыл вход в комнатку, меня, который ничего такого не ждал, запер, а ключ быстро вынул и побежал разыскивать Гитона.

Оказавшись взаперти, я решил покончить жизнь через удушение. Привязав поясок к ножке кровати, поставленной у стены, я уже продевал голову в петлю, когда раскрываются двери и входит Евмолп с Гитоном и от роковой грани выводят меня к свету. Особенно же Гитон до безумия ошалел от скорби и, подняв крик, толкает меня обеими руками на постель. «Ошибаешься,— говорит,— Эноклпий, если думаешь, что это возможно — тебе умереть первому. Я раньше твоего начал — уже в доме Аскилта искал я меч. Не найди я тебя, я бы в пропасть кинулся. А чтобы ты знал, сколь близка смерть у тех, кто ее ищет, посмотри теперь ты на то, что обречен был, потвоему, увидеть я». Сказав это, он выхватил у человека, нанятого Евмолпом, опасную бритву и, хватив себя по горлу и раз, и два, падает у наших ног. Пораженный, я вскрикиваю и тою же железкой ищу себе дороги к смерти во след павшему. Да только ни у Гитона не видно было никакого намека на рану, и я не ощутил никакой боли. В футляре была бритва ничуть не острая и даже затупленная ради того, чтобы мальчикам в ученье прививать цирюльничью сноровку. Оттого-то ни нанятой мастер не встревожился, когда похитили его бритву, да и Евмолп не ставил препятствия буффонной смерти.

95. Покуда разыгрывается эта драма любви, входит гостиничный служитель с остатком скромного ужина и, воззрившись на гнусное барахтанье валявшихся тел, «вы что,— говорит,— пьяные? рабы беглые? или и то и другое сразу? Кто это ту вот кровать стоймя поставил и что это за воровские дела? Да вы, Гераклом клянусь, захотели ночью бежать на улицу, чтобы за комнату не платить. Не

пройдет! Вы у меня узнаете, что тут не вдова какая, а Марк Манницкий хозяин инсулы».

Евмолп как закричит: «Что, угрожать!» — и сразу того по лицу рукой, отнюдь не слабо. А тот, в пьянках с постояльцами обретший свободу, мечет Евмолпу в голову глиняный горшок и, разбив ему лоб, кидается вон из комнаты под вопли пострадавшего. Не желая сносить обиду, Евмолп хватается подсвечник деревянный, настигает беглеца и градом ударов отмщает свой высокий лоб. Стекаются домашние, собирается орава пьяных гостей. А я, получив случай отомстить, возвращаю долг этому скандалисту, запершись от него и наслаждаясь без соперника и комнатой и ночью.

Между тем и кухонные и комнатные терзают изгнанника: один метит ему в глаз вертелом, на котором шипят кишки, другой, схвативши вилку для мяса, готовится к сражению. Особенно же старуха подслеповатая — в замызганном переднике, в деревянных башмаках от разных пар, — та приводит огромного цепного пса и науськивает на Евмолпа, который от всеобщего натиска обороняется подсвечником.

96. Сквозь отверстие в двери, которое сделалось из-за выломанной ранее ручки, мы видели все; я сочувствовал жертве. А Гитон, тот по вечной своей сострадательности полагал, что нужно дверь открыть, чтобы помочь тому в трудный час. Однако мой гнев не утих еще, так что я не удержал руки и дал крепкого щелчка по жалостливой головушке. Тот заплакал и сел на ложе, между тем как я прилагал к отверстию то один, то другой глаз и, словно пищей, напивался бедами Евмолпа, подавая ему советы искать поддержку у праводия.

В самый разгар ссоры вносят двое носильщиков потревоженного во время ужина прокуратора инсулы Баргата — он плох был ногами. Этот долго оглашал пьяных и беглых своим бешеным и диким голосом и вдруг, завидев Евмолпа, «так это ты, — говорит, — красноречивейший из поэтов, и эти подлые рабы не отойдут от тебя тотчас же и не уберут прочь своих лап?»

(Управляющий поверяет поэту свои заботы.)

«Сожительница моя такая гордая стала. Ты, будь другом, продержи ее в стихах, да так, чтобы она стыд вспомнила».

97. Покуда Евмолп с Баргатом уединенно переговаривались, в заведение вступает глашатай, сопровождаемый казенным рабом и прочим не очень-то людным окружением, и, потрясая факелом, кото-

рый производил копоть скорее, чем свет, возвещает следующее: «Только что в банях потерялся мальчик, лет шестнадцать, кудрявый, нежный, красивый, имя — Гитон. Желаящему вернуть его или навести на след — тысяча сестерциев». Неподалеку от глашатая, в траурных одеждах и — ради доходчивости и убедительности — с серебряными весами стоял Аскилт. Я велел Гитону тотчас же лезть под кровать и, сунув руки-ноги в ремни, прикреплявшие матрац к остову, распластаться под кроватью, как некогда Улисс под бараном, чтобы скрыться от искавших его рук. Гитон не стал медлить и по приказу сейчас же сунул руки в постельные петли, превзойдя Улисса сходной уловкой. А я, чтобы не оставалось места для подозрений, набросал на кровать вещей и выдавил форму одного человеческого тела, будто бы моего.

Между тем Аскилт, заходя вместе со своим спутником в каждую каморку, приближался уже к моей. Надежды его лишь окрепли от того, что он нашел двери запертыми, и тщательно. А раб казенный, тот помещает в трещину топор и ослабляет крепость запоров. Я упадаю перед Аскилтом на колени и памятью нашей дружбы, пережитыми вместе несчастьями заклинаю, чтобы хоть взглянуть мне дал на братика. Мало того, чтобы ложные моления звучали достовернее, «знаю же я, Аскилт, — говорил я, — ты пришел умертвить меня. Иначе для чего топоры? Что ж! Насыщай свой гнев, вот моя выя, пролей же кровь, каковой ты ищешь, под предлогом розысков». Аскилт отшатывается от злого дела и уверяет, что разыскивает всего лишь бежавшего от него раба, а смерти человека, да еще умоляющего, не ищет, тем более что после роковой ссоры нежно его любит.

98. Но раб казенный, нет чтобы подремать, — выхватил у торгаша тросточку и давай шарить под кроватью, ощупывая всякую выбоину в стене. Гитон подтянулся всем телом, чтоб его не задела, и, едва переводя дыхание, ткнулся в самый клоповник.

(Обыск не приводит к обнаружению Гитона. Пришельцы оставляют комнату.)

Между тем Евмолп — раз уж выломанная теперь дверь никого не могла удержать — врывается ошалело со словами: «Тысячу сестерциев — мне! Сейчас бегу за глашатаем и, совершая предательство, вполне законное, доношу, что Гитон в твоей власти!» Я обнимаю колена упряма, чтобы не добивал обреченных. «Ты бы по праву, — говорю, — горячился, когда бы мог предъявить утерянного. Да только мальчишка убежал в этой сумятице, а куда, не имею поня-

тия. Верно, Евмолп, приведи назад мальчика, а там хоть Аскилту отдай».

Я ему это внушал, а он уж и верил, как вдруг Гитон, не сумев более сдерживаться, трижды кряду чихнул, да так, что затряслась кровать. На это сотрясение Евмолп поворачивается, желает Гитону здоровья, а там, удалив матрац, видит Улисса, какого и голодный Циклоп пожалел бы. Повернулся он ко мне и «что,— говорит,— разбойник, ты и застигнутый не отважился сказать мне истину? Хуже того, когда бы некий бог, судия дел человеческих, не вытряс бы знамения у этого висельника-мальчишки, бродил бы я одураченный по харчевням».

Несравненно меня ласковейший Гитон начал с того, чтобы помочь ране Евмолпа, приложив обмокнутое в масле волокно к разбитой брови. Затем заменил его изорванное одеяние своим маленьким паллием и, обняв уже успокоенного, перешел к припаркам в виде поцелуев, приговаривая: «Ты, папочка, ты ограда наша. Любишь Гитона своего, так старайся его сберечь. О, если б одного меня грозный охватил огонь иль море бурное поглотило. Это же я первооснова всех преступлений, я и причина. Погибни я, и примирятся враги».

⟨Евмолп смягчается и не выдает друзей.⟩

99. «Я всегда и всюду жил так, чтобы всякий очередной день можно было счесть последним».

⟨Энколпий находит полезным союз с Евмолпом теперь, когда Аскил стал не только ненужным, но и опасным.⟩

Сквозь слезы я прошу, я умоляю, чтобы он помирился и со мною — ну что же делать, раз не вольны любящие в ревнивном своем безумстве! Вопреки всему я буду стараться впредь не говорить и не делать ничего, что задевало бы. Пусть только он, наставник вольных художеств, уберет с души все, что рождает зуд, чтобы не было и следа раны. «В неоводеланных и суровых краях долго лежат снега. Но там, где сияет укрощенная плугом земля, слова не успеешь вымолвить, и уже стоял легкий иней. Подобен тому и гнев, посещающий людскую грудь,— души дикие он осаждает, по утонченным — скользнет». — «Так знай же,— произнес Евмолп,— что истинно твое слово: заключаю свой гнев поцелуем. Итак, собирайте в добрый час вещи и хотите — за мной следуйте, а то меня ведите».

Он не кончил, когда толчком отворили дверь, и на пороге стал моряк с косматой бородой. «Вольным,— говорит,— Евмолп, стыда

не ведаем». Все поднялись вдруг, а Евмолп нанятого слугу, давно почивавшего, высылает вперед с вещами. Мы с Гитоном собираем в дорогу все, что было, и, звездам помолившись, я всхожу на корабль.

⟨Энколпий на борту корабля обдумывает сложившееся положение.⟩

100. Пустое! Разве лучшее в природе — не общее достояние? Солнце — всем светит, а месяц в звездном сообществе, коему нет числа, всех зверей ведет на ловитву. Есть ли что краше, нежели воды? Текут же для всех! Неужели одна любовь не награда, а воровство? Да что там, я же только то признаю благом, чему люди позавидуют! Он одинокий, старый — какое от него стеснение? Да захоти он что урвать, так ведь выдаст одышка. Поставив это ниже правдоподобия и обманывая свою мятушуюся душу, я набросил на голову тунику и опять словно задремал.

Тут нежданно — судьба, кажется, захотела сокрушить мою крепость — с кормы через перекрытие раздался стон: «Он посмеялся надо мною», да так мужественно и будто знакомо для слуха, что мою трепещущую душу пронзило до основания. Тогда женщина, еще больнее терзаемая тем же негодованием, произнесла разъяренно: «Если б только кто из богов дал мне в руки Гитона, ох, как бы славно я приняла этого странника». Пораженные неожиданными этими звуками, мы замерли оба. В особенности я тщился произнести что-нибудь, как бывает, когда мы скованы мучительным сном, и, дрожащими руками потянув за одежду отходившего ко сну Евмолпа, «отец, — говорю, — всеми богами — чей это корабль и кого везет — скажи ты мне?» Этот разозлился, что его обеспокоили, и говорит: «Вот, значит, для чего ты хотел залечь в самое укромное место под палубой корабельной, — чтобы покою мне не давать! Ну что тебе с того, если скажу: хозяин судна — Лих из Тарента и везет он Трифену — путешественницу».

101. Я содрогнулся, как от удара грома, горло обнажил, «накопец, — говорю, — вершится мой пагубный жребий». Гитон, лежавший у меня на груди, был как неживой. Потом, как хлынул с нас обоих пот и вернулось дыхание, обнял я колена Евмолповы, «смилуйся, — говорю, — над умирающими, потруди, то есть, свою руку во имя того, что всего нам дороже; смерть близка, и, когда бы не от тебя, была б она меньшим злом».

Ошеломленный моим ожесточением, Евмолп богами-богинями клянется в неведении того, что тут произошло и что никакого злого умысла он не имел, а простодушно и честно привел сотоварищей

своих на тот самый корабль, который давно уж был у него облюбован. «Да и что за козни такие? — говорил он, — что за Ганнибал плывет с нами? Лих из Тарента, самый добропорядочный человек и хозяин не одного только этого корабля, им ведомого, но еще и поместий нескольких, глава торгового дома, везет товар на продажу. Вот каков этот Киклоп и архипират, кому мы обязаны плаванием, а кроме него — Трифена, миловидная такая женщина; разъезжает туда-сюда в свое удовольствие». — «Их-то, — Гитон говорит, — мы и бежим» — и тут же наскоро объясняет встревоженному Евмолпу причины вражды и надвигающуюся опасность. Смущенный и растерянный, тот велит, чтобы каждый высказал свое мнение, и «вообразите, — говорит, — что мы в пещеру Киклопа вступили. Необходимо найти какой-то выход, если, конечно, не предположим крушение корабля, а вместе всеобщего освобождения от опасностей».

«О нет, — возразил Гитон, — убеди лучше кормчего направить корабль в какой-нибудь порт, за вознаграждение, конечно; убеди, что братец твой моря не переносит и теперь при смерти. Эту выдумку можно украсить смятением на лице и слезами, смотришь, движимый состраданием кормчий тебе и уступит». Евмолп возражал, что этому никак нельзя стать, «потому что болящие, — говорил он, — корабли заходят лишь в порты с заливом, да и неправдоподобно это, чтобы брат изнемог так скоро. А еще, того гляди, пожелает Лих навестить, по долгу службы, болящего. Сам видишь, сколь это нам на руку — добровольно зазывать к беглецам их хозяина. Но вообразим, что можно отклонить бег могучего корабля и что Лих не беспрерывно свершит обход — ну а как нам сойти с корабля, чтобы нас не увидел всякий? Покрыв головы или открывшись? Покрывшись, — так не пожелает ли всякий протянуть руку помощи болящим? а открывшись, — так что это, как не подписать самим же себе приговор?»

102. «Не лучше ли, — сказал я, — действовать смело: скользнув по веревке, спуститься в шлюпку, канат отрезать, а в остальном поручить себя судьбе? Я не втягиваю в это испытание Евмолпа. Ну зачем невинному человеку разделять чужую опасность? С меня довольно, если нам при спуске поможет случай». — «Очень предусмотрительная мысль, — отозвался Евмолп, — да только как подступиться? Любой заметит уходящих, и уж конечно кормчий, который, бодрствуя ночью, следит и звезд движения. Да усни он, так ведь еще можно бы что-то, когда бы бегство свершилось с другой части корабля, а то ведь скользнуть вниз нужно с кормы, у самого кормила,

там, где висит канат, держащий шлюпку. Удивлен я и тем, Энколпий, как не помыслил ты о том, что в шлюпке лежит матрос, постоянно туда назначаемый, и что нельзя этого стража избить иначе, как убивши или выкинув силой. Можно ли это сделать, спросите у вашей смелости. Ну, а что касается меня как спутника, то я не останавлиюсь перед любой опасностью, если она подает надежду на спасение. Ибо выбрасывать жизнь бессмысленно, словно пустую вещьцу, не хотите, думается, и вы. Примерьте лучше, не по душе ли вам такое: запихну я вас в два мешка, ремнями перевяжу с вещами вперемешку, и сойдете за поклажу — откроем там чуточку уголки, через которые и дышать можно, и есть. Затем подыму крик, что мои наказания испугавшиеся рабы от страха перед суровой карой ночью кинулись в море. А там, как в порт зайдем, никем не подозреваемый, вынесу вас как поклажу».

«Ты нас, выходит, — заметил я, — перевяжешь, как будто каждый из нас монолит и не вынужден терпеть от желудка? будто мы и не чихаем никогда, не храпим? и все оттого, что этот род хитрости однажды удался мне счастливо? Ну, вообразим, что один день мы продержимся, а что, если долее нас задержит безветрие или противный ветер? Что станем делать? И одежду, надолоу упакованные, протираются, и свитки перевязанные покорезаются. Мы ли, юноши, доселе трудов не знавшие, снесем, наподобие статуй, мешковину и узы? Нет, надо и далее искать пути к спасению. Смотрите-ка, что я придумал. Евмоп — человек пишущий, чернила у него есть наверное. Так вот, с их-то помощью переменить бы нам свою окраску с головы до пят. И вот будто рабы-эфиопы мы будем при тебе, не знающие унижительных пыток, веселые, а переменой цвета кожи проведем врагов».

«Вот-вот, — сказал Гитон, — ты еще обрежь нас, как иудеев, уши проколи в подражание арабам, мелом набели лицо, чтобы своих в нас признала Галлия — будто сама собой краска способна извратить облик и не надо многому соединиться вдруг, чтобы обман во всех отношениях был убедителен. Допустим, подкрашенное снадобьем лицо продержится подолее, положим, что от легких водяных брызг не явятся на теле пятна, не пристанет к чернилам одежда, которая и без клея нередко липнет. Что, может, нам и губы сделать отвратительно толстыми? Может, и волосы на прутиках завить? Может, лбы изрезать рубцами? Может, ноги выгнуть колесом? Может, вывернуть ступни? Может, бороду изобразить на чужеземный лад? Искусственно наложенная краска не изменяет, а пачкает тело. Вы

послушайте, что приходит на ум оробелому: обвяжем-ка головы одеждой — и погрузимся в пучину».

103. «Да не потерпят этого ни боги, ни люди, — воскликнул Евмолп, — чтобы жизнь ваша завершилась столь жалкой кончиной. Лучше уж делайте так, как я скажу. Вы убедились на бритве, что нанятый мною — цирюльник; пускай он сейчас же обреет обоим не головы только, но и брови. После него я помечу вам лбы соответствующими знаками, чтобы у вас был вид клейменных. И вот буквы, покрыв ваши лица мнимым позором, вместе отведут подозрения ваших преследователей».

Медлить с обманом не стали, подошли украдкой к борту корабля и предоставили цирюльнику обрить нам головы. Евмолп обоим покрыл лоб огромными буквами и по всему лицу щедрой рукою вывел пресловутое надписание беглых. Нечаянно один из путешественников — тот, что, прильнув к борту, освобождал свой страдающий от качки желудок, увидел в лунном свете цирюльника, предающегося несвоевременному занятию, и, бросившись обратно на свою койку, осыпал проклятиями то, что так зловеще походило на последние обеты терпящих кораблекрушение. Пренебрегая проклятиями тошнившегося, мы принимаем строгий чин и, тихо улегшись, проводим остаток ночи в тяжком забытии.

(Между тем Лих и Трифена видят пророческие сны.
Первый рассказывает Лих.)

104. «Привиделся мне во сне Приап и сказал: «Энколпия ищишь, так знай: на твой корабль мною приведен». Всполошилась Трифена, «ну совсем, — говорит, — словно вместе спали, ведь и ко мне Нептуново изьявание, которое я видела в том храме, что в Байях, явилось со словами: «В ладье ты Лиховой Гитона обретишь». — «Из чего можно заключить, — заметил Евмолп, — что Эпикур был божественный муж, раз он осудил подобный вздор изящнейшим доводом».

Сны, что, подобно теням, порхая, играют умами,
Не посылаются нам божеством ни из храма, ни с неба,
Всякий их сам для себя порождает, покуда на ложе
Члены объемлет покой и ум без помехи резвится,
Ночью дневные дела продолжая. Так воин, берущий
Силою град и огнем пепеляющий несчастные стогна,
Видит оружие, и ратей разгром, и царей погребенье,
И наводненное кровью пролитою ратное поле.

Тот, кто хлопочет в судах, законом и форумом бредит
И созерцает во сне, содрогаясь, судейское кресло.
Золото прячет скупой и вырытым клад свой находит.
С гончими мчится ловец по лесам, и корабль свой спасает
В бурю моряк или сам, утопая, хватает обломки.
Пишет блудница дружку. Матрона любовь покупает.
Даже собака во сне преследует с лаем зайчонка.
Так во мраке ночей продолжаются муки несчастных.

И все-таки, не желая оскорбить видение Трифены, «а кто,— говорит Лих,— мешает нам осмотреть корабль, чтобы не показалось, будто мы осуждаем деяния божественного ума?» А тот, кто ночью застал несчастную проделку — Гес было его имя,— тут и закричи: «А, так это те самые, что брились при луне худым, Зевсом клянусь, манером! Не зря же говорят, что из смертных никому не следует на судне ни ногтей снимать, ни волос, кроме той поры, когда ветер беснуется на море».

105. Взволнованный этой речью, вскипел Лих: «Это что же, кто-то стрижет волосы на судне, да еще в ночной мгле? Тащить немедленно виновных сюда, чтобы я знал, чьей головой должно очистить корабль». — «Это я,— вмешался Евмолп,— так распорядился. Не в знаменьях дело, раз я сам здесь же на корабле, а в том, что виновные чудовищно обросли волосами. Тогда, чтобы судно не превращать в застенок, велел я слегка прихорошить осужденных, а вместе и для того, чтобы буквы, коими они мечены, не прикрывались ниспадающими волосами, а так бы и кидались в глаза читающим. Они, помимо прочего, растратили мои деньги у общей подружки, где я и взял их минувшим вечером, залившихся вином и благоговениями. Словом, они по сю пору пахнут остатками моего состояния...» А чтобы умиловать богиню — покровительницу судна, положили дать обоим по сорока ударов.

Что тут медлить? Приступают к нам разъяренные матросы с канатами, чтобы презренной кровью умиловать корабельное божество. Ну, я еще кое-как скупал три удара с доблестью спартанца. А Гитон после первого же прикосновения вскрикнул так сильно, что слух Трифены наполнился бесконечно памятным ей голосом. Тут, конечно, не у нее одной волнение — заодно и служанки, привлеченные милым звуком, все сбегаются к наказуемому. А уж Гитон разоружил матросов дивной красой и без всяких слов прося пощады у свирепых. Тут служанки возопили разом: «Гитон, это

Гитон, прочь жестокие руки; Гитон, помоги, хозяйка». Склонила Трифена слух, и без того уверовавший, и опрометью летит к мальчишке. Тогда Лих, достаточно близко меня знавший, подбегает, словно и он голос слышал, и, не глядя ни на руки мои, ни на лицо, а так сразу и обратив взоры на мое мужество, протянул учтивую руку и «Энколпий,— говорит,— здравствуй». Вот и удивляйся после этого, как Одиссеева кормилица двадцать лет спустя отыскивала его рубец, видя в нем знак происхождения, если уж такой осмотрительный человек, пренебрегая какими угодно признаками и очертаниями, так научно через единственный критерий узнал беглеца. А Трифена залилась слезами, ибо, решив, что стигматы на лбу у плененных — настоящие, поверила в наказание и принялась тихо-тихо расспрашивать, на какие это работы мы угодили и чьи это свирепые руки столь ожесточены, чтобы так наказывать. А впрочем, заслуживают неприятностей беглецы, ответившие враждебностью на ее добро.

106. Как вскочил тут разгневанный Лих и «женская,— кричит,— простота! эти они-то получили язвы от клеймящего железа? Если бы чело их было опозорено этой надписью — то-то было бы нам напоследок утешение. А то ведь нас взяли изощренным подражанием, осмелили нас надписью намалеванной». Трифена, не утратившая вполне своего сластолюбия, уже было разнежилась, но Лих, который не забыл ни соращения жены, ни той обиды, что была нанесена ему в портике Геракла, потемнев лицом, возгласил: «Ты, я полагаю, постигла, о Трифена, что бессмертные боги заботятся о делах человеческих! Это они привели беспечных преступников к нам на корабль, они согласным соответствием сновидений предупредили об их действиях. А потому размысли, надлежит ли извинять тех, кого сам бог прислал для возмездия? Что меня касается, то я не жесток, но я боюсь, как бы самому не претерпеть то, от чего их избавляю». И вот Трифена, пристыженная столь набожной речью, не только не противится наказанию, более того, готова споспешествовать столь праведной мести. Да она и обиду понесла не меньшую, чем Лих, когда в собрании народа была оскорблена щекотливая ее честь.

⟨Евмоп пытается примирить стороны.⟩

107. «Меня, как человека, полагаю, довольно известного, избрали они посредником в этом деле, поручив примирить их с теми, с кем когда-то соединяла их близкая дружба. Не думаете же вы, что

юноши случайно угодили к вам в сети,— это при том, что всякий путешественник прежде всего справляется, чьему попечению он себя препоручает. Смягчите же ваши души их повинной и дозвоьте свободным людям идти без помехи, куда они направились. Ведь и свирепые, неумолимые хозяева сдерживают свою жестокость, ежели в конце концов раскаяние привело беглых назад; и врагов щадим, когда сдаются. Чего еще добиваетесь, чего желаете? Перед вашими взорами лежат, умолая, юноши свободнорожденные, честные, и третьи, что еще сильнее,— те, что некогда были близки вам. Да когда б они, клянусь Гераклом, деньги ваши растратили, когда б они предательством оскорбили ваше доверие, и то могли бы вы насытиться тою карой, какую теперь видите. Вот оно — рабство на их челе, вот лица свободных, осужденные добровольным, а впрочем законным, наказанием». Прервал Лих это просительное заступничество и говорит: «Слушай, не запутывай ты дела, обсуждай лучше все по отдельности. Прежде всего: если волей пришли, волосы зачем с головы сняли? Нет, кто изменяет облик, с обманом пришел, а не с повинной. Далее, если они искали милости через твое посредничество, для чего ты все делал так, чтобы укрыть тобою опекаемых? Отсюда видно, что нечаянный случай завел виновных в сети, ты же искал лишь обмануть неукоснительное наше внимание. А когда нас избличаешь, вопя, что они свободнорожденные, честные, так смотри, как бы беззастенчивостью не испортил ты дела. Что делают потерпевшие там, где обвиняемые сами приходят за наказанием? Они нам были друзья? — тем более заслужили казни, ибо тот, кто незнакомым наносит ущерб,— разбойник, а кто друзьям — почитай, что отцеубийца». Евмопл поспешил перебить столь опасную декламацию. «Понимаю,— говорит,— ничего нет гибельнее для этих несчастных юношей, чем то, что они ночью волосы постригли; это доказывает, что они угодили на корабль, а не взошли на него. О, если б это дошло до вашего слуха столь же ясно, сколь просто было на деле. Еще до того, как сесть им на корабль, им хотелось снять с себя этот тяжкий и ненужный груз, но попутный ветер помешал их заботам о внешности. А здесь не подумали они, что так это важно, где они сделают то, что вознамерились сделать,— не ведали они ни знамений этих, ни морских законов». — «Какой же,— сказал Лих,— прок умоляющим от бритья? Разве к лысым больше жалости? Да какой вообще прок через толмача искать правды? Что скажешь, разбойник? Какая такая саламандра бровь тебе выжгла? Какому богу обрек ты прядь? Ответствуй, козлище!»

108. Трепеща в страхе наказания, я оцепенел и не умел найтись что сказать в деле совершенно очевидном. Смущенный, некрасивый — кроме безобразно оголенной головы я и бровями был лыс не менее, чем челом, — я был из тех, кому не идут никакие поступки, никакие речи. Когда ж обмыли влажной губкой плачущее лицо, а чернила, расплывшись по щекам, покрыли тучей сажу все черты его, гнев перешел в ярость. Евмолп заявляет, что не позволит кому бы то ни было чернить свободнорожденных противу правды и закона и противодействует угрозам разъяренных людей не голосом только, но и рукою. К противодействию его присоединяется и наемный его спутник, да еще один-два слабосильных путешественника, обернувшись скорее душевным утешением, чем боевым подкреплением. Себе я не просил пощады, но, простирая руку к глазам Трифены, кричал звонким голосом свободного человека, что прибегну к силе, когда не отстанет от Гитона эта преступная женщина, которая одна на всем корабле заслуживает плетей. Дерзость моя разожгла еще более гнев Лиха, который вознегодовал, что я, позабыв о собственном деле, кричу, видите ли, о других. Воспламенилась и Трифена, расвирепевшая от оскорбления; все многолюдство, бывшее на корабле, из-за нее разделяется надвое. Тут наемный цирюльник, вооружившись сам, раздал нам свои приборы; там Трифенины домохадццы изготовились идти на нас с голыми руками, между тем как служанки оснащали сражение воплем, и один только кормчий грозился оставить управление кораблем, если не прекратятся эти безумства, по прихоти каких-то подонков происшедшие. И тем не менее неистовство сражающихся не унималось, ибо те дрались во отмищение, мы — во спасение. Многие тут, правда, заживо валились с обеих сторон, больше было таких, кто, будто с сечи, уходили окровавленные от ран, и все же ничуть не слабела ярость. Тогда отважный беспрдельно Гитон подносит беспощадную бритву к своему мужеству и угрожает отрезать то, что послужило причиной стольких бед. Противится Трифена безмерному преступлению, уже и не скрывая, что простила. Я тоже при всякой возможности прикладывал к горлу цирюльничий нож, собираясь зарезаться не более, чем Гитон — содеять то, чем угрожал. Он, впрочем, играл трагедию смелее, ибо знал, что у него та самая бритва, которой уже случилось ему полоснуть себе шею. Наконец, поскольку ряды противников держались стойко и было очевидно, что это не какая-нибудь заурядная война, добился-таки кормчий, чтобы Трифена, выступив в качестве вестника, начала переговоры о перемирии. И вот, после того как, по обы-

чаю предков, даны были залогии взаимного доверия, она простирает масличную ветвь, позаймствованную ради этого у корабельной заступницы, и отваживается открыть переговоры.

Что за безумье,— кричит.— Наш мир превращается в бойню!

Чем заслужила ее наша рать? Ведь не витязь троянский

На корабле умыкает обманом супругу Атрида,

И не Медея в борьбе ярится над братнею кровью.

Сила отвергнутой страсти мятется! О, кто призывает

Злую судьбу на меня, средь волн потрясая оружием?

Мало вам смерти моей? Не спорьте в свирепости с морем

И в пучины его не лейте крови потоки.

109. Покуда женщина изливала это в смятенных кликах, бой потихоньку остыл, и руки, к миру призванные, отреклись от войны. Ловит миг покаяния наш вождь Евмолп и, не без живости отчитав Лиха, подписывает мирный договор, состоявший из следующих параграфов: «Согласно твоему обещанию, ты, Трифена, да не посетуешь на Гитона за какую-либо обиду, а если и было что содеяно до нынешнего дня, не станешь ни предъявлять, ни взыскивать; и не востребуешь у мальчика ничего против его воли — ни объятия, ни поцелуя, ниже встречи с любовным умыслом, кроме как в случае оплаты вышеназванного вперед в размере ста денариев наличными. Так же и ты, Лих, согласно твоему обещанию, не станешь преследовать Энколпия ни словом сердитым, ни взглядом и не станешь сыскивать, где он спит ночью, а буде станешь, то за каждое такое нарушение отсчитаешь двести денариев наличными». Таковы были слова договора, по которому мы сложили оружие, а чтобы не оставалось и после клятвы каких-либо следов гнева на душе, решено смыть прошлое поцелуями. При всеобщем содействии спадает ненависть, и угощение, наперебой предлагаемое, приводит единодушие с веселием. Тогда зазвенел песнею весь корабль, а поскольку безветрие внезапно остановило бег судна, одни пустились острогою добывать играющую рыбу, другие лъстивой приманкой завлекали уклончивую добычу. А вот уже уселись на рею морские птицы, которых скрепленными тростинками уловил искушенный охотник, и те, увязая в клейком плетении, попадали прямо в руки. Летящий пух уносим был ветерком, а перья никчемно метались в пенной влаге.

Уже Лих опять мирился со мною, уже Трифена брызгала на Гитона с донышка своей чаши, когда Евмолп, размякший от вина, рас-

судил за благо сделать выпад против лысых и клейменных, но, исчерпав запас далеко не удачных шуток, вернулся к своему стихотворству и прочел нечто элегическое о волосах...

Кудри упали с голов, красы наивысшая прелесть.

Юный, весенний убор злобно скосила зима,

Ныне горюют виски, лишённые сладостной тени.

В выжженном поле едва наспех торчат колоски.

Сколь переменчива воля богов! Ибо первую радость,

В юности данную нам, первой обратно берет.

Бедный! только что ты сиял кудрями,

Был прекраснее Феба и Фебеи.

А теперь ты голей, чем медь, чем круглый

Порожденный дождем сморчок садовый.

Робко прочь ты бежишь от дев-насмешниц.

И чтоб в страхе ты ждал грядущей смерти,

Знай, что часть головы уже погибла.

110. Он желал, кажется, читать далее и еще нелепее, но тут служанка Трифены отводит Гитона в нижнюю часть корабля и голову мальчика украшает хозяйкиным париком. Да что там, — она и брови вынимает из коробочки и, следуя искусно за былыми очертаниями, возвращает назад совершенную его красоту. Теперь признала Трифена Гитона истинного и, вся в слезах, наконец-то целует мальчика по чести. А я, хоть и радовался, что к мальчику вернулась прежняя краса, то и дело прятал лицо, понимая, что я изрядно обезображен, раз даже Лих не удостоивает меня того, чтобы сказать мне несколько слов. И вот на помощь моей беде пришла та же служанка; отозвав в сторону, она и меня украсила не менее изящной прической; лицо получилось даже привлекательнее, оттого что парик был русый.

Тогда Евмолп, этот защитник страждущих и созидатель утвердившегося мира, чтобы веселье не погрязло в бессловесности, принялся метить в женскую ветренность: до чего просто они влюбляются, как скоро позабывают даже сыновей, и что ни одной нет женщины настолько целомудренной, чтобы случайное желание не довело ее даже до буйства. И это он не о древних каких-то трагедиях и не об именах, веками ославленных, а про то, что случилось на его веку и о чем он готов поведать, если нам угод-

но. Когда же лица всех, равно как и уши, обратились к нему, он начал так:

111. «Жила в городе Эфесе мужняя жена, да такая скромная, что даже от соседних стран стекались женщины, чтоб на нее подивиться. Когда скончался у нее супруг, она не удовольствовалась тем только, чтоб его проводить, как обыкновенно делается, распустивши волосы и терзая на глазах у собравшихся обнаженную грудь, но последовала за покойником в усыпальницу и, поместив в подземелье тело, стала, по греческому обычаю, его стеречь, плача денно и нощно. Так она себя томила, неминуемо идя к голодной смерти, и ни родные не умели ее уговорить, ни близкие; последними ушли с отказом должностные лица, и всеми оплаканная пять уже дней голодала беспримерной доблести женщина. Рядом с печальницей сидела служанка из верных верная, которая и слезами помогала скорбящей, а вместе и возжигала угасавший часом могильный светильник. В целом городе только о том и толковали, и люди всякого звания признавали единодушно, что просиял единственный и неподдельный образчик любви и верности.

Об эту самую пору велел тамошний правитель распять на кресте разбойников, и как раз неподалеку от того сооружения, где жена оплакивала драгоценные останки. И вот, в ближайшую ночь воин, приставленный к крестам ради того, чтобы никто не снял тела для погребения, заметил и свет, так ярко светившийся среди могил, и вопль скорбящей расслышал, а там по слабости человеческой возжелал дознаться, кто это и что делает. Спускается он в усыпальницу, и, увидев прекраснейшую из жен, остановился пораженный, будто перед неким чудом и загробным видением. Потом только, приметив мертвое тело и взяв в рассмотрение слезы на лице, ногтями изодранном, сообразил он, конечно, что тут такое: неумогу женщине перенести тоску по усопшем. Приносит он в склеп что было у него на ужин и начинает уговаривать печальницу не коснеть в ненужной скорби и не сотрясать грудь свою плачем без толку: у всех-де один конец, одно же и пристанище и прочее, к чему взывают ради исцеления израненных душ. Но та, услышав неожиданное утешение, еще яростней принялась терзать грудь и рвать волосы, рассыпая их на груди покойного. Однако не отступил воин, более того, с тем же увещанием отважился он и пищу протянуть бедной женщине, пока, наконец, служанка, совращенная ароматом вина, сама же к нему не потянула руки, побежденной человечностью дарователя, а там, освеженная едой и питьем, принялась осаждать упорствующую хозяйку, говоря так:

«Ну какая тебе польза исчахнуть от голода? заживо себя похоронить? погубить неповинную жизнь прежде, чем повелит судьба?»

Мнишь ли, что слышат тебя уопишие тени и пепел?

Ужель не хочешь вернуться к жизни? рассеять женское заблуждение и располагать, покуда дано тебе, преимуществами света? Да само это тело мертвое должно призывать тебя к жизни». Что ж, нет никого, кто негодовал бы, когда его понуждают есть и жить. А потому измощенная воздержанием нескольких дней женщина позволила сломать свое сопротивление и принялась есть не менее жадно, чем служанка, что сдалась первой.

112. Ну, вы же знаете, к чему обыкновенно манит человека насыщение. Той же лаской, какою воитель достиг того, чтобы вдова захотела жить, повел он наступление и на ее стыдливость. Уже не безобразным и отнюдь не косноязычным казался скромнице мужчина, да и служанка укрепляла их расположение, повторяя настойчиво:

...Ужели отвергнешь любовь, что по сердцу?

Или не ведаешь ты, чьи поля у тебя пред глазами?

Не стану медлить. Не отстояла женщина и этот свой рубеж, а воин-победитель преуспел в обоих начинаниях. Словом, ложились они вместе, и не той только ночью, когда свершилось их супружество, но и на другой, и на третий день, запирая, конечно же, вход в усыпальницу, так что всякий, знакомый ли, или нет, подходя к памятнику, понимал, что тут над телом мужа лежит бездыханно стыдливейшая из жен. А воин, надо сказать, увлеченный и красотой женщины, и тайной, все, что только находил получше, закуpal и нес, чуть смеркнется, в усыпальницу. Когда же заметили родные одного из повешенных, что ослаб надзор, ночью стащили своего с креста и отдали последний долг. Воин, которого так провели, покуда он нежилась, наутро видит, что один крест остался без тела, и в страхе наказания рассказывает женщине о происшедшем: приговора суда он ждать не станет, а лучше своим же мечом казнит себя за нерадение; пусть только она предоставит ему место для этого, и да будет гробница роковою как для мужа, так и для друга. Не менее жалостливая, чем стыдливая, «да не попустят,— воскликнула женщина,— боги, чтобы узреть мне разом двойное погребение двоих людей, которые мне всего дороже. Нет, лучше я мертвого повешу, чем убью живого». Сказала и велит вынуть тело мужа из гроба и прибить к пустующему

кресту. Не пренебрег воин выдумкой столь распорядительной жены, а народ на другой день дивился, как это покойник на крест угодил».

113. Матросы хохотом встретили эту повесть, а Трифена, заметно покраснев, спрятала влюбленное лицо на плече Гитона. Но не смеялся Лих! Сердито дернув головой, «судил бы,— говорит,— по закону тот правитель, так полагалось бы останки отца семейства снести в гробницу, а жену — на крест». Уже приходили ему, верно, на память Гедил и корабль, обездоленный любострастным побегом. Однако достигнутые соглашения не позволяли поминать прежнее, да и веселье, овладевшее сердцами, не давало места злопамятности. Тем временем Трифена, прильнув к Гитону, то и дело лобзаниями покрывала его грудь, а то вдруг начинала прихорашивать безволосую его голову. Я же, болезненно страдая от этого обновленного союза, не пил, не ел, а только искоса бросал на обоих угрюмые взгляды. Меня ранил каждый поцелуй, всякая нежность, изобретаемая этой разнузданной женщиной. Я все не мог разобраться, сержусь ли более на мальчишку, что подругу мою похитил, или на подругу, что мальчишку мне совращает: то и другое противно было моим глазам, угнетая боле, чем бывшее пленение. К тому же Трифена не заговаривала со мной, будто мы не знакомы и не был я прежде милым ее другом; и Гитон не удостоивал меня хотя бы заурядного привета, ни даже — трудно ли? — слова человеческого, опасаясь, полагаю, задеть свежие еще рубцы столь недавно исцеленной дружбы. Грудь моя наполнилась слезами, рожденными болью, а прикрытая вздохами скорбь едва не прервала моего дыханья.

(Картины безумств, в которых участвуют, по-видимому, Лих и служанка Трифены.)

Он покушался стать соучастником наслаждений, не облекаясь в надменность власти, но цenia сговорчивость дружества... «Ежели есть в тебе сколько-нибудь благородной крови, ты не оценишь ее дороже, чем девку уличную. Ежели ты муж, не пойдешь на непотребство»

(Очердная неудача Энколпия.)

Всего постыднее для меня было бы, если б Евмолп видел все, что тут произошло,— того гляди пойдет, по суесловию своему, казнить стихами...

Евмолп клятвенно меня заверил...

114. Покуда мы переговариваемся о том о сем, взъерошилось море и тучи, отовсюду сошедшиеся, мраком одели день. Матросы

обеспокоенно бегут по своим местам и спускают паруса пред непогодю. Но переменчив был ветер, вздымавший воды, и не ведал кормчий, куда направить бег корабля. То к Сицилии повлекло его, то — все чаще — в сторону Итальянского берега поворачивал властитель Аквилон мечущуюся по воле волн ладью. Опаснее порывов ветра была, однако, непроглядная тьма, внезапно прогнавшая свет дня, так что кормчий не видел даже и буга. Когда же, о Геракл, явственно стало конечное разрушение, Лих, трепеща, протянул ко мне руки с мольбою. «Энколпий,— говорит,— помоги гибнущим, верни, говорю, теперь же кораблю то священное одеяние с систром вместе. Богом молю, сжался, как не раз бывало с тобою». Он еще выкрикивал эти слова, а уже ветер бросил его в море, и бездна, захватив в свой злобный водоворот, закружила и поглотила его. А Трифену успели-таки схватить преданные ей рабы, чтобы поместить в шлюпку и вместе с большей частью поклажи увезти от верной гибели.

Я плакал сокрушенно, обнимая Гитона. «Заслужили мы,— кричал я,— чтобы общею смертью соединили нас боги, но судьба не дозволяет, жестокая. Вот-вот опрокинет поток, вот-вот разнимет гневное море обаятия любящих. Что ж, коль воистину любим тобою Энколпий, лобзай меня, покуда можно, отними у надвигающейся судьбины последнюю эту радость». Только я сказал это, а уж Гитон сложил с себя одежды и, укрывшись под одной туникой со мною, подставил лицо для поцелуя. А чтобы завистливая волна не разлучила слившихся воедино, охватил он обоих одним поясом, проговоривши: «Что бы там ни было, будет долее носить нас единительница-смерть, а коли захочет милосердно выбросить вместе на один берег, так либо закидает камнем мимопрохожий добрый человек, либо вместе погребут бездумные пески, ибо тем кончается даже ярость пучины». Я принимаю эти предельные узы и, предуготовившись к неминуемому концу, ожидаю нестрашной уже кончины. А буря тем временем, исполняя порученное судьбою, овладевала остатками нашего корабля. Ни мачты не осталось, ни кормила, ни каната, ни весла — теперь он следовал влажным потокам, словно грубый, человеком не тронутый чурбан.

〈Корабль гибнет. Энколпий и Гитон спасены.〉

Повыскакивали добычи ради рыбаки на резвых, малых своих суденышках. Когда ж увидели, что есть тут кое-кто, чтобы защищать свое достоинство, сменили жестокость на услужливость.

〈Герои ищут Евмолпа.〉

115. ...Мы слышим необычное мычание под капитанской каютой и как бы рык некоего чудища, желающего выйти на волю. Идем на звук и находим Евмолпа, который сидит, записывая стихи на обширнейшем пергаменте. Подивившись тому, что он нашел время в соседстве со смертью сочинять стихотворение, мы вытаскиваем его, а на его вопли отвечаем, чтоб в себя пришел. А он рассердился, что мешают, и «дайте мне,— кричит,— мысль завершить; не выходит концовка». Я на психопата этого налагаю руку, велю и Гитону подойти, чтобы вытащить на землю завывающего стихотворца.

Наконец-то справившись с этим делом, входим, скорбные, в хижину рыбака и, кое-как подкрепившись намокшей в кораблекрушении пищей, уныло проводим ночь. На другой день, когда мы держим совет, в какую сторону нам податься, вдруг вижу, как подгоняемое легким переплеском волн несет к берегу тело человека. Подхожу, печальный, и увлажненным взором гляжу на вероломство моря. «А ведь его,— кричу,— ждет спокойно в каком-нибудь уголке земли жена, или сын, бурь не ведающий, или отец — ведь, конечно, оставил он кого-то, кого поцеловал на прощание. Вот она, мысль смертная, вот мечтания высокие. Глянь, каково человек плавает!» Я еще оплакивал незнакомого этого человека, когда волна выплеснула его на берег с лицом сохранившимся, и я узнал недавно столь грозного, непримиримого Лиха, простертого чуть ли не у ног моих. Теперь уж не удерживал я более слез, еще и в грудь себя ударил и раз и другой. «Где же,— говорил я,— теперь гнев твой, где твое самовластие? Вот лежишь ты добычею и рыбе и зверю. Ты, кто хвалился недавно своею силой и властью — от корабля столь великого и доски не имеешь после его разрушения. Что же, смертные, наполняйте высокими мечтаниями грудь вашу! Что ж, будьте расчетливы, на тысячу лет размеряйте богатство, обманом добытое. А он, верно, еще накануне заглядывал в расчеты своего имущества, назначал себе, может статься, и день, когда на родину вернется. О боги и богини! Далеко же лег он от намеченной цели! И ведь не одно только море такой веры для смертных. Того в бою обманет оружие, другой погребен своими же пенатами, рухнувшими за чистой молитвой. У того падение из колыски вышибает торопливую душу, ненасытного душит снесь, воздержного — голодание. Всмотрись — везде кораблекрушение! — Но тот, кто в водах погиб, погребения не получает. — А будто это важно, каким образом сгинет тело обреченное — в огне ли, в воде или так. Что там ни делай, а только к тому же все придет. — Так ведь звери дикие растерзают тело. — А будто лучше, чтоб пожрал огонь?

Да не считаем ли мы его худшим из наказаний, когда на рабов разгневаны? Тогда не безумно ли — на все идти, чтобы ничего от нас не осталось за гробом? — И вот костер, рукою недруга сложенный, пожирает Лиха. А Евмолп, сочиняя могильную надпись, в поисках смыслов вдаль устремляет взгляд.

116. Исполнив долг, как положено, мы пускаемся в назначенный путь и через некоторое время взбираемся, взмокшие, на гору, откуда недалеке видим селение, стоящее на высокой твердыне гор. Блуждая, мы не знали, что там, пока вилик какой-то не уведомил, что это — Кротон, город очень древний и некогда первый в Италии. А когда мы принялись разведывать пристальнее, что за люди населяют этот благословенный край и какого рода занятия они особенно поощряют после того, как богатство их потерпело от частых войн, «милые гости, — сказал тот, — если вы люди дела, перемените ваше намерение и поищите иной опоры в жизни. А если вы — люди более тонкого свойства и готовы непрестанно лгать, тогда у вас точно будет пожива. Потому как в этом городе не книжная страсть процвела, не красноречие поселилось, не скромность, не нравы чистые несут свой плод, нет, сколько ни видно людей в этом городе, все, скажу я вам, на две разделились части. Одни ловят, другие ловятся. В городе этом никто себя детьми не обременит, потому что у кого наследники, того ни на обед, ни в театр не пускают; отлученные от всех благ, эти таятся в сени позора. Зато другие, кто никогда не был женат и ближайшего родства не имеет, те высших достигли почестей, ибо их одних признают воинами, одних смелыми и надежными. В селенья вступаете, — сказал он, — подобные полям зачумленным, где нет ничего, кроме трупов терзаемых и вранов терзающих».

117. Проницательный Евмолп со вниманием отнесся к странным этим вещам и признался, что ему не отвратителен такой род обогащения. Я полагал, что старик шутит по легкомыслию поэтическому, но тут он: «О, когда б были мы оснащены прилично, то есть иметь бы нам одежду человеческую — великолепное орудие для придания веры обману, — тогда, Гераклом клянусь, не упустил бы я такой добычи, а повел бы вас немедленно вперед к несметным богатствам». Тут я обещаю все, чего б он ни попросил, пришлось бы только по вкусу одевание, этот спутник добытчика, и все, что когда-то принесло ограбление виллы Ликурга. Ну а на ежедневный расход даст матерья богов, которой нельзя не верить.

«Что ж мы медлим, — говорит Евмолп, — фабулу сочинить? Давайте, делайте из меня господина, когда по душе это предприя-

тие». Никто не решился осудить ремесло, затрат не требующее. А чтобы все надежно хранили обман, мы принесли Евмолпу клятву: пусть нас жгут, вяжут, бьют или умерщвляют железом и что бы ни приказал Евмолп. Словно истовые гладиаторы, мы предаем безусловно господину свое тело и душу. Свершив присягу, мы одеваемся рабами и приветствуем господина, а заодно принимаем к сведению, что Евмолп похоронил сына, юношу великого красноречия и будущности, а потому, безутешный старец, покинул он свой город, чтобы не видеть всякий день сыновних клиентов и приятелей, да могилу — причину слез. Сверх того несчастья подоспело кораблекрушение, в котором потерял он более двух миллионов сестерциев — утрата для него, разумеется, нечувствительная, если б, лишившись прислуги, не утратил он привычных удобств. Кроме прочего он владеет и в Африке тридцатью миллионами сестерциев в виде поместий и капитала, а людей, принадлежащих его дому, столько рассеяно по Нумидийским просторам, что впору Карфаген брать. По тому же уговору велим Евмолпу кашлять непрестанно и, конечно же, из-за изнурительного поноса громко осуждать любое блюдо; говорить же все о золоте да серебре, о том, как подводят поместья и вечно не родит земля; да еще чтоб сидел ежедневно за расчетами, переписывая, кому что отказывает. А еще — для полноты сценария — всякий раз, как он будет звать кого из нас, чтобы кликал все разными именами, из чего выступит явственно, что у господина в памяти и те, кого сейчас с ним нет.

Приняв такой распорядок, богам молимся, да окончат это счастливо и успешно, и пускаемся в путь. Да вот беда, Гитон худо тянул под непривычным грузом, а нанятый Коракс, хулиитель труда, то и дело кланя торопливость, грозил, что либо бросит поклажу, либо убежит с грузом вместе. «Вы думаете, — говорил он, — я лошадь или баржа для камня? Я человеком нанимался, не меринком. И такой же свободный, как вы, только отец состояния мне не оставил». Не довольствуясь поносными речами, он время от времени вздымал ногу и наполнял дорогу столь же непристойным треском, сколь и запахом. Эта ветреность очень смешила Гитона, который провожал каждый такой встреск соответственным преобразованием голоса.

⟨Понимая, что спутникам от этого не уклониться, Евмолп готовит почву для чтения своей новой поэмы.⟩

118. «Многих, — сказал Евмолп, — ввело в соблазн, о юноши, стихотворство. Ибо всякий, кто расположил строчку по стопам и

скроил смысл из слов не самых грубых, сейчас же мнил себя на Геликоне. Измученные службой на форуме, они устремляются к поэтической тишине словно к заветной гавани, полагая, что легче вывести стихотворение, чем контroversу, расцвеченную пустозвонными изречениями. Между тем дух возвышенный не терпит здравомыслия, а душа не способна ни зачать, ни разродиться, пока не залита мощным потоком книжности. Бежать надо всякой, скажем так, словесной подлости и вести речь далеко от толпы, чтобы исполнилось «Прочь отойди, народ непосвященный». А еще надо заботиться, чтобы не выпирали фразы, выделяясь из тела речи, но давали бы краску единой ткани. Свидетелями Гомер, и лирики, и римлянин Вергилий, и Гораций, на изумление удачливый. Потому что другие либо не видели пути, к стихотворству ведущего, либо увидели, но боялись на него ступить. Вот огромный предмет — война гражданская: возмись за эту нестоимую материю любой, кто не напоен книжностью, так рухнет под бременем. Тут же не события исторические надо бы охватить, это гораздо лучше историки делают; необходимо следовать извилистыми путями божественного мироправления и, благодаря сказочной кручености высказываний, так взвить вольный дух, чтобы явилось скорее прозрение иступленной души, чем свидетельскими показаниями подкрепляемая достоверность. Вот, если позволите, хоть этот опыт, не вполне еще отделанный:

119. ПЕСНЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Римлянин, всех победив, владел без раздела вселенной:
Морем, и сушей, и всем, что двое светил освещают.
Но ненасытен он был. Суда, нагруженные войском,
Рыщут по морю, и, если найдется далекая гавань
Или иная земля, хранящая желтое золото,
Значит, враждебен ей Рим. Среди смертоносных сражений
Ищут богатства. Никто удовольствий избитых не любит,
Благ, что затасканы всеми давно в обиходе плебейском.
Так восхваляет солдат корабельный эфирскую бронзу;
¹⁰ Краски из глубей земных в изяществе с пурпуром спорят,
С юга шелка нумидийцы нам шлют, а с востока китайцы.
Опустошает для нас арабский народ свои нивы,
Вот и другие невзгоды, плоды нарушения мира!
Тварей лесных покупают за золото и в землях Аммона,
В Африке дальней спешат ловить остроzubых чудовищ,

Ценных для зрелищ убийц. Чужестранец голодный, на судне
Едет к нам тигр и шагает по клетке своей золоченой,
Завтра при кликах толпы он кровью людского упьется.
Горе! Стыдно мне петь позор обреченного града!

20 Вот, по обычаю персов, еще недозрелых годами
Мальчиков режут ножом и тело насильно меняют
Для сладострастных забав, чтоб назло годам торопливым
Истинный возраст их скрыть искусственной этой задержкой.
Ищет природа себя, но не в силах найти, и эфебы
Нравятся всем изощренной походкою мягкого тела,
Нравятся кудри до плеч и одежд небывалые виды,—
Все, чем прельщают мужчин. Привезенный из Африки ставят
Стол из лимонного древа, что краской рябин неудачно
С золотом спорит; рабы уберут его пурпуром пышным,

30 Чтоб восхищал он умы. Вкруг этих заморских деревьев,
Всеми напрасно ценимых, собираются пьяные толпы.
Жаден бродяга-солдат, развращенный войной, ненасытен:
Выдумки — радость обжор; и клювыш из волны сицилийской
Прямо живьем подается к столу; уловляют в Лукрине
И продают для пиров особого вида улиток,
Чтоб возбуждать аппетит утомленный. На Фасисе, верно,
Больше уж птиц не осталось: одни на немом побережье
Средь опустевшей ливны ветерки свою песнь распевают.
То же безумство на Марсовом поле: подкуплены златом,

40 Граждане там голоса дают ради мзды и наживы.
О, продажный народ и продажные сонмы сената!
Плебс рукоплещет за деньги; исчезла свободная доблесть
Прежних старейшин, и власть изменила прожившим именье.
Даже величие прежних родов обесчещено златом.
Изгнан народом Катон побежденный; но более жалок
Тот, кто, к стыду своему, лишил его ликторских связок.
Ибо — и в этом позор для народа и смерть благонравья! —
Не человек удален, а померкло владычество Рима,
Честь сокрушилась его, и Рим, безнадежно погибший,

50 Сделался сам для себя никем не отмищенной добычей.
Рост баснословный процентов и множество медной монеты —
Эти два омута бедный народ, завертев, поглотили.
Кто господин в своем доме? Заложено самое тело!
Так вот сухотка, неслышно до мозга костей проникая,
Яростно члены терзает, и все ухищрения тщетны.

Ищут спасенья в войне и, достаток на роскошь растратив,
Ищут богатства в крови. Для нищего наглость — спасенье.
Рим, погрузившийся в грязь и лежащий в немом отупенье,
Может ли чем-нибудь быть пробужден (если здорово

размыслить),

60 Кроме свирепой войны и страстей, возбужденных оружием?

120. Трех вождей унесла Фортуна, которых жестоко
Злая, как смерть, Энио задавила под грузом оружия.
Красс у парфян погребен, на почве Ливийской — Великий,
Юлий же кровью своей обагрил непризнательный город.
Точно не в силах нести все три усыпальницы сразу,
Их разделила земля. Воздаст же им почести слава.
Место есть, где среди скал зияет глубокая пропасть
В Парфенопейской земле по пути к Дикархиде великой;
Воды Коцита шумят в глубине, и дыхание ада

70 Рвется наружу из недр, пропитано жаром смертельным,
Осенью там не родятся плоды; даже травы не всходят
Там на веселом лугу; никогда огласиться не может
Мягкий кустарник весеннею песней нестройной и звучной —
Мрачный там хаос царит, и торчат оозреватые скалы,
И кипарисы толпой погребальнойю их окружают.
В этих пустынных местах Плутон свою голову поднял.
Пламя пылает на ней и лежит слой пепла седого.
С речью такой обратился отец к Фортуне крылатой:

«Ты, что богов и людей подчиняешь всеисильною властью
80 И не миришься никак ни с одною устойчивой властью,
Новое мило тебе и постыло то, что имеешь,
Разве себя признаешь ты сраженной величием Рима?
Иль ты не в силах столкнуть обреченной на гибель громады?
В Риме давно молодежь ненавидит могущество Рима,
Об охраненье добытых богатств не заботясь. Ты видишь
Пышность добычи, ведущую к гибели роскошь богатых,
Строят из золота дома и до звезд воздвигают строенья,
Волны из скал выжимают и море приводят на нивы,
И над порядком природы глумясь, беспрестанно мятутся.

90 Даже ко мне они в царство стучатся, и почва зияет,
Взрыта орудьями этих безумцев, и стонут пещеры
В опустошенных горах, и прихотям служат каменья,
А сквозь отверстия на свет ускользнуть надеются души.
Вот почему, о Судьба, нахмурь свои мирные брови,

Рим побуждая к войне, мой удел мертвецами наполни.
Да уж давненько я рта своего не омачивал кровью,
И Тисифона моя не омыла несытого тела
С самых с тех пор, как поил клинок свой безжалостный Сулла
И взрастила земля орошенные кровью колосья».

- 100 121. Вымолвив эти слова и стремясь протянуть свою руку
Грозной Судьбе, расщепил он землю великим зияньем.
Тут беспечная так ему отвечала Фортуна:
«О мой родитель, кому подчиняются недра Коцита!
Если дозволено мне безнаказанно истину молвить,
С волей твоей я согласна. Затем что не меньшая ярость
В сердце кипит и в крови не меньшее пламя пылает.
Как я раскаялась в том, что о Римских твердых радела!
Как я дары ненавижу свои! Пусть им стены разрушит
То божество, что построило их. Я всем сердцем желаю
110 В пепел мужей обратить и кровью душу насытить.
Вижу Филиппы, покрытые трупами двух поражений,
Вижу могилы иберов и пламя костров фессалийских,
Внемлет испуганный слух зловещему лягу железа.
В Ливии чудится мне, как стонут, о Нил, твои веси
В чаянье битвы Актийской, в боязни мечей Аполлона.
Ну, так раскрой же скорей свое ненасытное царство,
Новые души готовься принять. Перевозчик едва ли
Призраки павших мужей на челне переправить сумеет:
Флот ему нужен. А ты пожирай убитых без счета,
120 О Тисифона, и жуй, бледноликая, свежие раны:
Целый истерзанный мир спускается к духам Стигийским».

122. Еле успела сказать, как, блесками молний пробита,
Вздрогнула туча, но тут же отсекла прорвавшийся пламень.
В страхе присел повелитель теней и застыл, притаившись
В недрах земли, трепеща от раскатов могучего брата.
Вмиг избиенье мужей и грядущий разгром объявились
В знаменьях вышних богов. Титана лик искаженный
Сделался алым, как кровь, и подернулся мглою туманной,
Так что казалось, уже столкнулись гражданские рати.
130 В небе с другой стороны свой полный лик погасила
Кинфия, светлый взор отведя от убийств. Громыхали,
Падая с горных вершин, разбитые скалы;
Реки, покинув русло наудачу, усохнуть готовы.

Звон мечей потрясает эфир, и военные трубы
 Марса грозно зовут. И Этна, вскипев, изрыгнула
 Пламень досель небывалый, взметая искры до неба.
 Вот среди свежих могил и тел, не почтенных сожжением,
 Призраки ликом ужасным и скрежетом злобным пугают.
 В свите невиданных звезд комета сеет пожары,
 140 Сходит Юпитер могучий кровавым дождем на равнины,
 Знаменье это спешит оправдать божество, и немедля
 Цезарь, забыв про покой и движимый жаждой отмщенья,
 Галльскую бросил войну: гражданскую он начинает.
 В Альпах есть место одно, где скалы становятся ниже
 И открывают проход, раздвинуты греческим богом,
 Место есть, где алтари Геракла стоят, где седые,
 Вечно зимой убеленные, к звездам стремятся вершины,
 Будто бы небо свалилось на горы. Ни солнце лучами
 Вида не в силах смягчить, ни теплые вешние ветры:
 150 Все там оковано льдом и посыпано инеем зимним.
 Может вершина весь мир удержать на плечах своих грозных.
 Цезарь могучий, тот кряж попирая с веселою ратью,
 Это место избрал и стал на скале высочайшей.
 Взглядом широким окинул кругом Гесперийское поле.
 Обе руки простирая к небесным светилам, воскликнул:
 «О всемогущий Юпитер и вы, о Сатурновы земли,
 Вы, что так рады бывали победам моим и триумфам,
 Вы мне свидетели в том, что я Марса зову не охотой
 И не охотой подъемаю я меч, но обидой задетый.
 160 В час, когда кровью врагов обагрюя я рейнские воды,
 В час, когда галлам, опять покусившимся на Капитолий,
 Альпами путь преградил, меня изгоняют из Рима.
 Кровь германцев-врагов, шестьдесят достославных сражений —
 Вот преступленье мое! Но кого же страшит моя слава?
 Кто это бредит войной? Бесстыдно подкупленный златом
 Сброд недостойных наймитов и пасынков нашего Рима.
 Кара их ждет! И руки, что я занес уж для мщенья,
 Вялый не может связать. Так в путь же, победные рати!
 В путь, мои спутники верные! Тяжбу решите железом.
 170 Всех нас одно преступленье зовет, и одно наказание
 Нам угрожает. Но нет! должны получить вы награду!
 Я не один побеждал. Но если за наши триумфы
 Казнь хотят нам воздать и за наши победы — позором,

Пусть же наш жребий решает Судьба. Пусть усобица вспыхнет
Силы пора испытать. Уже решена наша участь:
В сонме таких храбрецов могу ли я быть побежденным?»
Только успел провещать, как Дельфийская птица явила
Знаменье близких побед, взбудоражив воздух крылами.
Тут же послышался слева из чащи ужасного леса
180 Станных гул голосов, и тотчас блеснула зарница.
Тут же и Фебова щедрость свой светлый лик показала,
В небе явившись и лик окружив позлащенным сияньем.
123. Знаменьем сим ободрен, Мавортовы двинул знамена
Цезарь и смело вступил на путь небывалых дерзаний.
Первое время и лед не мешал, и покрытая серым
Инеем почва лежала, обьятая страхом беззлобным,
Но, когда через льды переправились храбрые турмы
И под ногами коней затрещали оковы потоков,
Тут растопились снега, и зачатые в скалах высоких
190 Ринулись в доли ручьи. Но, как бы по слову чьему-то,
Вдруг задержались и стали в своем разрушительном беге.
Воды, недавно бурлившие, можно разрезать ножами.
Тут-то впервые обманчивый лед изменяет идущим,
Почва скользит из-под ног. Вперемежку и кони, и люди,
Копья, мечи и щиты — все валится в жалкую кучу.
Мало того — облака, потрясенные ветром холодным,
Груз свой излили на землю, и ветры порывные дули,
А из разверстых небес посыпался град изобильный.
Тучи, казалось, обрушились сами на воинов бедных
200 И, точно море из твердого льда, над ними катились.
Скрыта под снегом земля, и скрыты за снегом светила,
Скрыты рек берега и меж них застывшие воды.
Но не повержен был Цезарь: на дрот боевой опираясь,
Шагом уверенным он рассекал эти страшные нивы.
Так же безудержно мчался с отвесной твердыни Кавказа
Пасынок Амфитриона; Юпитер с разгневанным ликом
Так же когда-то сходил с высоких вершин Олимпийских,
Чтоб осилить напор осужденных на гибель гигантов.
Цезарь гордость твердынь еще смиряет во гнев,
210 А уже мчится Молва и крылами испуганно машет.
Вот уж взлетела она на возвышенный верх Палатина
И словно громом сердца поразила римлянам вестью:
В море-де вышли суда и всюду по склонам альпийским

Сходят лавиной войска, обгаренные кровью германцев.
 Раны, убийства, оружие, пожары и всяческий ужас
 Сразу предносятся взору, и в этой сумятице страшной
 Ум, пополам разрываясь, не знает, за что ухватиться:
 Этот бежит по земле, а тот доверяется морю.
 Волны — вернее отчизны. Но есть среди граждан такие,
 220 Что, покоряясь Судьбе, спасения ищут в оружьи.
 Кто боится сильнее, тот дальше бежит. Но всех раньше
 Сам народ — плачевное зрелище! — смутой гонимый,
 Из опустевшего града уходит куда ни попало.
 Рим упивается бегством. Одной Молвою Квириты
 Побеждены и бегут, покидая печальные кровли.
 Этот дрожащей рукой детей за собою уводит,
 Тот на груди своей прячет пенатов, в слезах покидая
 Милый порог, и проклятьем врагов поражает заочно.
 Третьи к скорбной груди возлюбленных жен прижимают
 230 И престарелых отцов. Заботам чуждая юность
 Только то и берет с собой, за что больше боится.
 Глупый увозит весь дом, и прямо врагу на добычу.
 Так же бывает, когда разбушует ветер восточный,
 В море взметая валы, — ни снасти тогда мореходам
 Не помогают, ни руль. Один паруса подбирает,
 Судно стремится другой направить в спокойную гавань,
 Третий на всех парусах убегает, доверяясь Фортуне...
 Но не о малостях речь! Вот консулы, с ними Великий,
 240 Ужас морей, проложивший пути к побережьям Гидаспа.
 Риф, о который разбились пираты, кому в троекратной
 Славе дивился Юпитер, кому с рассеченной пучиной
 Понт поклонился и с ним раболепные волны Босфора —
 Стыд и позор! Он бежит, оставив величие власти.
 Видит впервые Судьба легкокрылая спину Помпея.
 124. Этот разгром, наконец, даже самых богов поражает.
 Страх небожителей к бегству толкает. И вот отовсюду
 Сонмы божеств всеблагих, гнушаясь землей озверевшей,
 Прочь убегают, лицо отвернув от людей обреченных.
 Мир, пред другими летя, белоснежными машет руками,
 250 Шлемом сокрыв побежденную голову и покидая
 Землю, пугливо бежит в беспощадные области Дня.
 С ним же, потупившись, Верность уходит, затем Справедливость,
 Косы свои растрепав, и Согласье в истерзанной палле.

В это же время оттуда, где царство Эреба разверзлось,
 Вынырнул сонм ратоборцев Плутона: Эриния злая,
 Грозная видом Беллона и с факелом страшным Мегера,
 Козни, Убийство и Смерть с ужасною бледной личиной.
 Гнев между ними несется, узду разорвавший, привольный,
 Гордо подняв кроважадную голову, лик, испещренный
 260 Тысячей ран, он прикрыл своим окровавленным шлемом.
 Щит боевой повис на левой руке, отягченный
 Грудой несметной вонзившихся стрел, а в деснице
 Держит он светоч зловеющий, пожарища землям готовя.
 Тут ощутила земля могущество вышних. Светила
 Тщетно хотят обрести равновесие вновь. Разделяет
 Также всевышних вражда. Во всем помогает Диона
 Цезарю, милому ей, а с нею Паллада-Афина
 В верном союзе и Ромул, копьем потрясающий мощным.
 Руку Великого держат Фебея и брат, и Килленский
 270 Отпрыск, и сходный в делах с Помпеем Тиринфский воитель.
 Вот загремела труба, и Раздор, растрепав свои космы,
 Тянет навстречу богам главу, достойную ада:
 Кровь на устах запеклась, и плачут, изранены, очи;
 Зубы торчат изо рта, покрытые ржавчиной грубой;
 Яд течет с языка, извиваются змеи вокруг пасти
 И на иссохшей груди, меж складками рваной одежды.
 Правой дрожащей рукой он подымлет факел кровавый.
 Бог сей, покинув потемки Коцита и сумрачный Тартар,
 Быстро шагая, взошел наверх Апеннин достославных.
 280 Мог обозреть он оттуда все земли и все побережье
 И затопившие мир, словно волны, грозные рати.
 Тут из свирепой груди такую он речь испускает:
 «Смело возьмите оружие, душой распалившись, народы,
 Смело возьмите и факел пожара несите по весям:
 Кто укрывается, будет разбит. Поражайте и женщин,
 И слабосильных детей, и годами согбенную старость.
 Пусть содрогнется земля и с треском обрушатся кровли.
 Так предлагай же законы, Марцелл! возбуждай же плебеев,
 О Курион! Не удерживай, Лентул, могучего Марса!
 290 Что же, Божественный, ты, покрытый доспехами, медлишь,
 Не разбиваешь ворот, городских укреплений не рушишь,
 Не похищаешь казны? Великий! иль ты не умеешь
 Римский оплот оберечь? Так беги же к стенам Эпидамна

И Фессалийский залив обагри человеческой кровью!»
Так свершилось все на земле по приказу Раздора.

Евмолп только кончил изливать этот неудержимый поток слов, когда мы наконец вступили в Кротон. Отдохнув для начала в небольшой гостинице, принимаемся на другой день подыскивать дом на более широкую ногу и оказываемся в толпе наследоискателей, кинувшихся разузнавать, что мы за люди и откуда. В соответствии с тем, что решено было на общем совете, мы повествуем с необузданной сообщительностью, откуда мы и кто мы такие, а те верят нам безусловно. И принялись они сей же час взапуски предлагать Евмолпу свою поддержку.

〈Все наследоискатели ищут наперебой Евмолпова расположения разными подношеньями.〉

125. Покуда все это потихоньку шло в Кротоне, Евмолп, блаженствуя, совершенно позабыл, каково прежде было его состояние, и стал своим же хвалиться, будто никто здесь не может устоять перед его очарованием и что благодаря поддержке друзей его людям ничего не будет, даже если они в чем-то преступают законы того города. Один только я, хоть и наполнял изо дня в день прямо-таки распираемое от преизбыточных благ тело и мнил, что отвела от меня свой взгляд стоящая на карауле судьбина, а нет-нет и помыслю о причине моего преуспевания, да и скажу себе: «Ну, как пошлет тертый этакий искатель кого-нибудь в Африку на разведку и раскроется наш обман? Ну, как наемник, наскучив обладанием счастья, осведомит друзей и злобным предательством раскроется наша выдумка? Вот и придется тогда вновь бежать и невиданной нищетой заменить побежденную как будто бедность. Боги-богини, до чего ж дурно тем, кто живет без закона: чего заслуживаешь, того и ждешь».

〈Опасения Энколпия, принявшего кличку Полиэн, постепенно рассеиваются. Хрисиды, служанка красавицы Кирки, прислана к нему госпожой.〉

126. «Знаешь свою красу, так и гордый, вот и продаешь ласки свои, не даришь. А куда ж еще метят эти волосы, гребенкой завитые, лицо, натертое снадобьями, эта тихая нагловатость во взоре? Куда метит и походка, нарочито неторопливая, когда и ступня со ступней не разойдется больше, чем ей положено,—куда, как не на то, чтобы выставить свои красы да и продать их? На меня погляди: по птицам

не гадальщица и к небесам астрологов равнодушная, а узнаю по лицу нрав человеческий и, увидев тебя на улице, уж понимаю, о чем твоя мысль. Потому, коли продашь то, о чем прошу, так купец есть, а отдашь так, по-человечески,— будешь моим благодетелем. А что сказываешься рабом и из простых, только разжигаешь пыл желания. Иным, видишь ли, женщинам без грубости не распалиться, и не просыпается у них страсть, пока не увидят раба какого или вестового, высоко подпоясанного. Других арена разжигает, или запыленный погонщик мулов, или актер бродячий, себя на позор выставляющий. Той самой породы хозяйка моя: четырнадцать передних рядов перескочит и среди простонародья отыщет себе предмет».

Увлеченный соблазнительной этой речью, «слушай,— сказал я тогда,— та, что меня полюбила, уж не ты ли?» Много она смеялась такой незадачливой гипотезе. «Не брал бы ты,— говорит,— на себя так много. Никогда еще я до раба себя не уронила, и да не попустят боги, чтобы я висельника в объятиях своих сжимала. Это матроны пускай рубцы от побоев целуют; а я хоть в услужении, но дальше всаднических рядов в жизни не сяду». Не мог я не подивиться, сколь прихотливо желание, и одним из чудес признал в служанке надменность матроны, а в матроне—неразборчивость служанки. Шутки наши продолжались, и я попросил служанку привести госпожу в рощу платанов. Девушке мысль понравилась. Подобрала она тунику повыше и свернула в ту лавровую рощу, что прилегалла к дорожке. Вскорости выходит она из укрытия с госпожой и подводит ко мне близко женщину, совершеннейшую всех изваяний. Нет таких слов, какие могли бы выразить эту красоту, ибо, что ни скажи, все мало. Волосы, завитые самой природой, рассыпались по плечам, лоб маленький с зачесанными назад волосами, брови разбегались до линии щек и почти срастались в соседстве глаз, что сияли ярче звезд в безлунную ночь; ноздри слегка раздувались, а ротик был совершенно тот, какой Праксителю чудился у Дианы. А подбородок, а шея, а руки, а ослепительная эта ножка, схваченная тонким золотым обручем,— да она паросский мрамор затмевала! Тогда только, преданный любовник, я в первый раз позабыл Дориду.

Как это вышло, о Зевс, что, сам положивши оружие,

Средь небожителей ты мертвою сказкой молчишь?

Вот бы когда тебе лоб украсить витыми рогами,

Время настало прикрыть белым пером седину.

Подлинно здесь пред тобою Даная, коснись ее тела —

И огнедышащий жар члены пронижет твои.

127. Довольная, она засмеялась так пленительно, что казалось, это полная луна явила из-за туч свой лик. И тут же, пальчиками до-полняя речь, «если ты не побрезгуешь,— говорит,— женщиной ух-женной и один лишь год знавшей мужа, предлагаю тебе, юноша, сестрицу. Братец у тебя, правда, есть — я не сочла для себя зазор-ным о том справиться. Что же тебе мешает и сестру признать? То же родство будет. Ты снизойди только и, если будет угодно, признай мой поцелуй». — «Ни за что! — восклицаю я. — Красотою твоей тебя заклинаю, да не побрезгуешь ты допустить человека пришлого в круг твоих почитателей. Дозволь лишь боготворить тебя, и ты обре-тешь обожателя. А чтобы ты не считала, будто в храм любви я всту-паю безданно, дарю тебе брата моего». — «Как? Ты ли это, — воз-разила она, — даришь мне того, без кого жить не можешь, чьим по-целуем дышишь, кого любишь любовью, какой я от тебя хочу?» И такая прелесть явилась в голосе, произнесшем эти слова, что сла-достный звук, напоивший мягкий воздух, казался согласным пением Сирен, ласкавшим, как нежное дуновение. Тогда при неизъяснимом ответе беспредельных небес я решился, восхищенный, спросить ее имя. «Как? неужто не сказала тебе моя служанка, что меня зовут Кир-кой? Я, правда, не порождение Солнца и не задерживала моя мать по своей прихоти всемирного течения светил; и все ж, если нас соеди-нят судьбой, кое-что я отнесу на счет неба. Да что там, бог уже уго-товляет нечто в неизреченных своих помыслах! Не случайно Кирка любит Полиэна: от века брачный огонь соединял эти имена. Так об-нимай же меня, если хочется. И не бойся любопытных чьих-нибудь глаз: братец твой отсюда далеко». Сказав это, Кирка увлекла меня на пестрый покров земли, и я утонул в объятиях, что были мягче пуха.

Те же цветы расцвели, что древле взрастила на Иде
Мать-земля в тот день, когда нескрываемой страстью
Зевс упивался и грудь преисполнил огнем вождельня:
Выросли розы вокруг нас, фиалки и кипер нежнейший,
Белые лилии нам улыбались с лужайки зеленой.

Так заманила земля Венеру на мягкие травы,
И ослепительный день потворствовал тайнам любовным.

На этом-то покрове мы возлежали вдвоем, тешась тысячей поцелуев в поисках улады сокрушительной.

(Это свидание становится очередным испытанием для Энколпия.
Кирка недоумевает.)

128. «Ну, что же это,— говорит,— или противен тебе мой поцелуй? Или дыхание, от поста невеселое? Или неучтивый под мышками пот? А если не то и не другое, так не Гитона ли ты боишься?» Краска густо залила мне лицо, и какие оставались еще силы, я и те потерял; тогда, чувствуя некое расслабление во всем теле, «прости,— говорю,— царица, не бреди раны. Зелием я опоен».

(Самолюбие женское оказалось на этот раз едва ли не чувствительнее мужского.)

«Скажи, Хрисиде, только правду: или я нехороша? или не убрана? или портит мою красу природный какой-нибудь изъян? Не обманывай свою хозяйку: что-то у нас не так!» Выхватывает она у притихшей зеркало и испытывает ту мимику, которая передает влюбленный смех, затем отряхивает измявшееся на земле одеяние и стремительно вступает в храм Венеры. А я, словно осужденный и в некий ужас приведенный неясным видением, принялся вопрошать свой дух, доподлинно ли упустил я наслаждение.

Ночь, навевая нам сон, нередко морочит виденьем
Взор ненадежный: и вот — разрытая почва являет
Золото нам, и рука стремится к покраже бесчестной,
Клад золотой унося. Лицо обливается потом;
Ужасом дух наш обьят: а вдруг ненароком залезет
Кто-нибудь, сведав про клад, в нагруженную пазуху вора...
Но, едва убегут от обманутых чувств сновиденья,
Явь воцаряется вновь, а дух по утерянном плачет
И погружается весь в пережитые ночью картины.

(Гитон тоже имеет основания подтрунивать над Энколпием.)

129. «И на том спасибо тебе, что меня сократически любишь. Сам Алкивиад не вставал с ложа своего наставника более нетронутым». — «Поверь ты мне, братик, уже я не понимаю себя как мужчину, не ощущаю. Похоронил я ту часть моего тела, которою прежде я был Ахиллес».

Опасаясь, как бы не быть застигнутым врасплох в укромном месте и не дать повода кривотолкам, мальчик вырвался и побежал во внутренние покои дома.

(Кирка присылает снова Хрисиду к Полиэну-Энколпию.)

А в спальню ко мне вошла Хрисиде и вручила мне таблички от своей госпожи, в каковых значилось следующее: «Кирка приветст-

вует Полиэна. Была бы я любострастна, посетовала бы разочарованно; но я и вялости твоей признательна: дольше тешилась в тени наслаждения. Зато спрошу, как дела и своими ли ногами дошел до дому — ведь утверждают врачи, что без крепости в жилах люди к передвижению не способны. Предупреждаю тебя, юноша: остерегайся паралича. Никогда еще не видала я больного в столь опасном положении; да ты же обречен, честное слово: тот же холод, прихвати он еще и колени и руки твои, так впору за трубачом посылать. Да ладно: я хоть и понесла тяжкое оскорбление, но от бедного страдальца лечения не утаю. Хочешь вернуть здоровье — Гитона проси. Вернешь, говорю, крепость жилам, если три дня поспишь без братика. Ну а я — я не боюсь, что отыщется кто-нибудь, кто бы меня не полюбил. Ни зеркало меня не обманывает, ни молва. Будь здоров, если можешь».

Когда Хрисида поняла, что я до конца эти колкости прочел, «случается, — шептала она, — всякое, а в этом городе и подавно, раз женщины здешние даже луну сводят. У таких, понятно, и об этом деле забота. Ты смотри отпиши хозяйке полюбезней и успокой ее душеньку простотой сердечной. И то сказать; она же с самого того часа, как приняла оскорбление, не в себе». Я с охотой повиновался и нацарапал на табличках такие слова:

130. «Полиэн приветствует Кирку. Признаюсь, госпожа, нередко я погрешал, ибо человек, да и молодой. Но до сего дня никогда еще не был повинен смерти. Пред тобою сознавшийся преступник: что повелишь, все заслужено. Предательство свершил, человека убил, храм осквернил: за эти преступления взыскивай. Угодно ли умертвить, — приду с железом; побоями удовольствуешься — обнаженный прибегу к госпоже. Одно помни: не я погрешил — орудие. Исправный воин, я был безоружен. Кто повредил меня, не знаю. Может, дух мой упредил медлительное тело, может, тлея до времени от восторга, упустил наслаждение. Как это сделалось, не постигаю. Велишь паралича остерегаться — но нет глубже того паралича, что не дал мне обладать тобою. Заклячу свою повинную так: будешь довольна, коль дозволишь вину искупить».

Отпустив Хрисиду с этим обязательством, я занялся зловредным своим телом; оставив позади омовение, умащаюсь скромно, принимаю укрепляющую пищу, именно луковки и шейки устриц без соуса, и отпиваю вина умеренно. Затем, повершив все никоим образом не утомительной прогулкой перед сном, взошел в спальню без

Гитона. Угодливая моя степенность была такова, что я страшился наилегчайшего соприкосновения с братиком.

131. На другой день, восстав без телесных и душевных утрат, я сошел в ту рощу платанов, как ни страшило меня несчастливое это место, и стал средь дерев ждать Хрисиду, чтобы руководила меня в пути. Недолго побродив, сел я там же, где был вчера, а уж она идет, а за нею старуха. Поздоровалась она со мной. «Что,— говорит,— постник, пришел ли в себя немножко?» Другая вынимает жгут, скрученный из разноцветных ниток, и шею мне повязала. Затем размазанной в слюне грязью она с помощью среднего пальца знаменует лоб негодующего. Так поколдовав и повелев мне троекратно плянуть и троекратно же бросить себе за пазуху камушки, завернутые у нее в пурпур и заранее заговоренные, она приближает руки, чтобы испытать силу моих грузов. Скорее, чем сказывается, покорствовали жилы велению, наполнив старушечьи ладони в могучем натиске. А та, не помня себя от радости, «видишь,— говорит,— Хрисиду моя, каковского я ради других зайчика подняла?»

Здесь благородный платан, бросающий летние тени,
Лавры в уборе из ягод и трепетный строй кипарисов.
Их обступили, тряся вершиной подстриженной, сосны.
А между ними юлит ручеек непоседливой струйкой,
Пенится и ворошит он камешки с жалобной песней.
Вот оно — место любви! Один соловей нам свидетель.
Да еще ласточка с ним, учтивая птица, порхая
Между фиалок и трав, заводит любовные игры.

〈В саду Энколпий находит Кирку.〉

Беломраморной шеей она легко опиралась на золотое ложе, цветущим миртом нарушая безветрие. Увидев меня, она слегка зарумянилась — вспомнила, верно, вчерашнюю обиду. Потом, когда все удалились, а я, приглашенный, сел возле, прикладывает она к глазам моим ветку и, осмелев оттого, что между нами образовалась некая преграда, «ну что,— говорит,— паралитик? Сегодня хоть неповрежденный пришел?» — «А тебе,— отвечал я,— осведомляться милее, чем сведать?» И всем телом обрушиваюсь в ее объятия, упиваясь вволю незачарованными поцелуями.

〈Следовали подробности новых неудач Энколпия.〉

132. Самой телесной красотой, столь манившей меня, я увлечен был к наслаждению. Уже уста сливались в звучных поцелуях без

числа, уже сплетающиеся руки отыскивали новые пути для восторгов, уже соединенные взаимным стремлением тела произвели то, что души наши смешались.

⟨Рассказ возвращается к Кирке.⟩

Изобиженная этим явным поношением, матрона переходит, наконец, к мести и, кликнув спальных слуг, велит бичевать меня. Но и этой тяжкой для меня обиды не довольно было женщине — скликает всех прях и самую подлую челядь и повелевает меня оплевывать. Я заслоняю глаза руками, но, понимая, что заслужил, не молю о пощаде, пока не выкинули меня, оплеванного и избитого, за двери. Выкидывают и Проселену, Хрисиду порют, а притихшие домохозяева, шушукаясь, допытываются, кто это так испортил хозяйкино настроение.

Но вот, взвесив происшедшее, я приободрился и заботливо прикрыл следы побоев, чтобы поношение мое Евмолпа не веселило, а Гитона не печалило. Затем — то было единственное, что скрывало мой позор, — прикинулся я нездоровым и, оставшись в постели, с неистовым пылом обратился к тому, кто был первопричиной моих бед:

Я трижды потряс злою рукой свой нож двуострый,
Но... трижды ослаб гибкий, как прут, мой стебель вялый,
Нож страшен мне был, робкой руке служил он плохо.
Так мне не пришлось осуществить желанной казни.
Трус сей, трепеща, стал холодней зимы суровой,
Сам сморщился весь и убежал едва ль не в чрево,
Ну, просто никак не поднимал главы опальной.
Так быв посрамлен жуликом я, удравшим в страхе,
Ввел в бой я слова, что повредить могли вернее.

Да, опершись на локоть, напустился я на крамольника таковыми словами: «Что, — говорю, — скажешь, людей и богов позорище? Ты, которого и назвать нельзя средь вещей положительных. Я ли у тебя заслужил, чтобы меня с самых небес да в преисподнюю? Чтобы возраст, цветущий первой младостью, обесславить, а дряхлость крайней старости мне навязать? К тебе обращаюсь: ну, приводи аргументы безотлагательно!» На гневную эту речь:

Он на меня не глядел и уставился в землю, потупясь,
И оставался, пока говорил я, совсем недвижимым,
Стеблю склоненного мака иль иве плакучей подобен.

Впрочем, я и сам по завершении гадкой этой перебранки стал раскаиваться в своих речах, заливаясь тайной краской оттого, что, позабыв стыдливость, пустился толковать с тою частью тела, какую люди более строгой складки обыкновенно не замечают вовсе. Долго еще тер я лоб, а потом говорю: «Ну а что я дурного сделал, если свое страдание естественным облегчил упреком? И для чего мы тогда привычно браним другие части тела человеческого — желудок или там горло, а то и голову, когда чересчур разболится? Разве Улисс не ведет тяжбу со своим сердцем? Не клянут ли глаза свои в трагедиях так, словно те это слышат? У кого подагра, бранит свои ноги, у кого хирагра — руки, больной глазами — глаза, а кого угодит несколько раз кряду споткнуться, тот боль пальцам вменяет в вину:

Что вы, наморщивши лбы, на меня глядите, Катоны?
И осуждаете труд новый своей простотой?
В гладком рассказе моем веселая прелесть смеется,
Нравы народа поет мой простодушный язык.
Кто же не знает любви и не знает восторгов Венеры?
Кто воспретит согреть в теплой постели тела?
Правды отец, Эпикур, и сам повелел нам, премудрый,
Вечно любить, говоря: цель этой жизни — любовь.

Самое нелепое в людях — ложные убеждения, самое лживое — напускная строгость.

133. Окончив эту декламацию, подзываю Гитона и «рассказывай, — говорю, — братик, да по совести. Тою ночью, как был ты у меня похищен Аскилтом, явил ли он преступную бодрость или удовольствовался одиноком и чистым сном?» А мальчик коснулся глаз и торжественной клятвой меня заверил, что насилия Аскилт не совершал.

〈Энколпий обращается за помощью к жрице Приапа.〉

Став коленом на порог, я так умолял разгневанное божество:

Спутник Вакха и нимф! О ты, что веленьем Дионы
Стал божеством над лесами, кому достославный подвластен
Лесбос и Фасос зеленый, кого разодетый лидиец
Ревностно чтит и кому воздвиг он божницу в Гипэпах,
О, помоги же мне, Вакха пестун и дриад усладитель,
Робкой молитве внимли! Ничьей не запятнанный кровью,

Я прибегаю к тебе. Святынь не сквернил я враждебной
И нечестивой рукой, но, нищий, под гнетом тяжелой
Бедности, я согрешил, и то ведь не всем своим телом.
Тот, кто грешит от нужды, не так уж виновен. Молю я:
Душу мою облегчи, прости мне мой грех невеликий.
Если ж когда-нибудь вновь мне час улыбнется счастливый,
Я без почета тебя не оставляю; взойдет на алтарь твой
Стад патриарх, рогоносный козел, и взойдет на алтарь твой,
Жертва святыне твоей, сосунок опечаленной свинки.
В чашах запенится сок молодой. Троекратно ликуя,
Вкруг алтаря обойдет хоровод хмельной молодежи.

Вот что я делал и как искусно заботился о моем сокровище, когда в святилище вошла противная старуха в темном платье, с растрепанными волосами и, наложив на меня руку, повела вон из преддверия храма.

〈Старуха-жрица — та же Проселена, раздосадованная неудачей первой своей попытки.〉

134. «Ведьмы, что ли, надкусили тебе жилы или ты вяпался на перекрестке ночью или на труп наткнулся? Ты и с мальчишкой не управился — хилый, дохлый, бессильный, растратил ты, точно мерин на подъеме, свой пот и труд. Мало, что сам грессишь, так и на меня божий гнев вызвал!»

И снова меня, сопротивления не встретив, отвела в жреческую каморку, толкнула на ложе и, схватив у порога тростину, стегнула меня, безответного. Не переломись тростина при первом же ударе и не смягчи порыва истязательницы, она бы мне, верно, и плечи разбила, и голову. Застонав, словно меня выколачивают, и проливая поток слез, я прикрыл голову правой рукой и припал к изголовью. Тогда она, смущенная моими слезами, присела на кровать с другого конца и жалобным голосом сетовала на свой затянувшийся век до тех пор, пока не вошла жрица. «Что это вы, — произнесла она, — пришли в каморку мою будто к свежему погребению? Да еще в праздничный день, когда смеются и скорбящие!» — «О Инофея, — молвила она, — молодец, которого видишь, под несчастной звездой родился: ни мальчикам, ни девицам не может своего добра отдать. Такого злополучного человека никогда еще я не видывала: вместо палки ремень размокший. Право слово: каков, скажи ты мне, тот, кто с Киркиного одра без улады встает?» Услышав такое, Инофея при-

села меж нами, долго качала головой да и говорит: «Ту болезнь одна только я умею поправить. А чтоб вы не думали, будто я вас морочу, приглашаю молодчика этого ночью со мной спать, и будет у него твердо, как рог:

Все мне покорно, что в мире ты видишь. Обильная почва,
Лишь захочу, иссушась, пустыми пойдет бороздами.
Лишь захочу, на утесах появятся злаки, из камня
Нилу подобный поток устремится. Без ропота море
Мне подчиняет валы, и Зефиры, умолкнув, слагают
Воды под ноги мои. Мне подвластны речные теченья;
Тигра гирканского бег и дракона полет удержу я.
Что толковать о безделках? Могу я своим заклинаньем
Месяца образ на землю свести и покорного Феба
Бурных коней повернуть назад по небесному кругу.
Вот она, власть волшебства! Быков огнедышащих пламя
Стихло от девичьих чар, и дочь Аполлона Киркея
Песнею облик людской отняла у клеветов Улисса.
Образ любой принимает Протей. И с таким же искусством
Лес над макушкою Иды могу я повергнуть в пучину
Или же вспять заставить потечь речные потоки.

135. Я затрепетал, напугавшись от таких баснословных обещаний, и пригляделся к старухе повнимательнее. «А теперь,— воскликнула Инофея,— покорствуйте велению...» И странно так руки вытерла, склонилась над кроватью и поцеловала меня и раз, и два...

Водрузила Инофея старый столик посреди алтаря, куда набросала горячих угольев, а миску, от ветхости надтреснутую, подмазала разогретой смолою. Гвоздь, что выскочил было с деревянной миской вместе, она ткнула обратно в закопченную стену. Затем подвязала подходящий передник, чтобы поставить на очаг преогромный котел, и тут же вилкой поддепила с крюка тряпицу, в которую убраны были бобы на еду, а еще весьма обветшалый кус свиной головы, в тысяче мест продырявленный. Сняв с тряпицы завязку, высыпала на стол зелень, чтобы я бережно ее чистил. Служу, как велено, и кропотливо отколупываю зерна, одетые в мерзкую шелуху. А та винит меня в нерадении, отбирает бобы и тут же зубами обдирает шкурки, сплевывая их, так что пол, казалось, покрылся мухами... Дивился я нищенской изворотливости и какой-то искушенности во всяком деле:

Там не белела индийская кость, обрамленная златом,
Пол очей не пленял лощеного мрамора блеском,
Пол земляной покрывала плетенка из ивовых прутьев,
Ворох соломы на ней, да свежие кубки из глины,
Что без труда немудрящий гончарный станок обработал.
Каплет из кадки вода; из гнутых прутьев корзины
Тут же лежат; в кувшинах следы Лиэевой влаги.
Всюду кругом по стенам, где заткнута в щели солома
Или случайная грязь, понабиты толстые гвозди.
А с переборки свисают тростинок зеленые стебли.
Но еще много богатств убогая хата скрывала:
На закопченных стропилах там связки размякшей рябины
Между пахучих венков из высохших листьев висели,
Там же сушеный чебрец красовался и гроздья изюма.
Точно такую ж хозяйкой Гекала, достойная культа,
В Аттике древле была, чью славу на диво потомству,
Не умолкая в веках, Баттиадова муза воспела.

136. Только она, отведав немножечко мяса вилкой, положила обратно в свой запас свиную голову, свою современницу, как гнилая скамейка, добавлявшая ей роста, треснула, а старуха всем телом рухнула в очаг. Котелок наверху раскололся, и угас крепнувший было огонь. Сама она повредила локоть горячей головешкой, а лицо измазала сплошь в разлетевшемся пепле. Смутившись, я таки поднял старуху, хотя было смешно, а она тот же час побежала к соседям за новым огнем, чтобы с жертвоприношением не было заминки.

Уже я вышел за порог хибарки, а тут трое священных гусей, привыкшие, надо полагать, требовать от старухи свой паек, нападают на меня, окружая оробелого отвратительным и словно ошалелым шипением. Один рвет на мне тунику, другой развязывает и к себе тащит завязки с обуви; а третий, предводитель и наставник этого зверства, долго не думая, схватил меня за голень мертвой хваткой. Тогда я чушь всякую перезабыл, как рванул ножку от столика и давай вооруженной рукой сокрушать воинственное животное. Не удовольствовался я пустячным ударом — смертью гуся себя отмстил.

Так же, я думаю, встарь, испугавшись трещоток Геракла, В небо взвились Стимфалиды, и так же текущие гноем Гарпии, после того как обмазали ядом Финею Яства обманные. Тут, устрешенный, эфир содрогнулся От небывалого крика. Небесный чертог потрясенный...

Уже обе другие подобрали бобы, рассыпавшиеся и по всему полу разлетевшиеся, и, лишившись своего, надо полагать, предводителя, возвратились в храм, когда я, радуясь и добыче своей, и мщению, запускаю убитого гуся за кровать и окропляю уксусом свою рану, не так и глубокую. Затем, опасаясь обличения, я принимаю решение уйти, собираю свои пожитки и направляюсь к выходу. Я еще не переступил порога каморки, гляжу, возвращается Инофея с горячей растопкой в черепке. Тогда останавливаю шаг и, скинув одежду, становлюсь у входа, словно поджидал в нетерпении. Поместив огонь, от которого занялись наломанные тростинки, и навалив наверх порядочно поленьев, она извинилась за промедление, потому как не отпустила ее товарка, пока не осушат положенных трех раз. «Ну а ты, — говорит, — тут что без меня делал? да где, ты скажи, бобы?» Я, мнивший, что свершил дело, достойное похвал, описываю ей по порядку все побоище, а чтобы она не грустила, подношу ей гуся в виде награды за ущерб. Увидала его старуха и такой подняла пронзительный крик, что думалось, не гуся ли вернулись на порог. Я смутился и, потрясенный неслыханностью проступка, справляясь, отчего она так горячится и зачем гусака жалеет более, нежели меня.

137. А она руками всплеснет да и «преступник, — говорит, — ты разговаривать? Не знаешь, какое святотатство сотворил: умертвил ты Приапова любимчика — гуся, всем женам наилюбезнейшего. Так вот, чтоб не считал ты, будто ничего не содеял, — прознали б про то власти, на крест бы тебя. И кровью осквернил ты мое жилище, бывшее до сих пор чистым, и произвел то, что недруги мои, стоит им захотеть, отлучат меня от жречества». — «Пожалуйста, — сказала я, — не шуми: я тебе вместо гуся страуса дам». Покуда та, к моему изумлению, сидит на кровати и оплакивает гусячий жребий, входит Проселена с жертвенным приношением, а увидев убиенного гуся и узнав причину горя, принимается и сама плакать, а меня жалеть, словно я отца родного убил, а не казенного гуся. До того мне это прискучило, что «знаете, — говорю, — дозволительно мне очистить руки платежом, раз я вас под удар поставил. Да хотя б я человека убил, — вот выкладываю два золотых, на которые можно и гусаков купить, и богов». Чуть завидела Инофея деньги, «прости, — говорит, — молодой человек, о тебе же волнуясь. Это все от ласки, не со зла. Уж мы постараемся, чтобы никто об этом не сведал. Моли только богов, чтобы тебе простили содеянное».

Тот, кто деньгами богат, тому безошибочно дует
Ветер попутный, и он правит, как хочет, судьбой.
Стоит ему захотеть, и в супруги возьмет он Данаю,
Даже Акрисий-отец дочку доверит ему.
Пусть он слагает стихи иль себя сопричислит витиям,
Пусть защищает дела — будет Катона славней.
Пусть и в юристы затем хорош не хорош, а пролезет,
Будет он выше, чем встарь Сервий иль сам Лабейон.
Что толковать? Желай чего хочешь: с деньгой да со взяткой
Все ты получишь. В мощне полной Юпитер сидит.
〈Ободренная жрица принимается за дело.〉

Под руки мне поставила миску с вином и, очистив луком и сельдереем растопыренные пальцы, с молитвой набросала в вино лесных орешков. По тому, как они подымались вверх или же оставались внизу, строила она свои предположения. Я успел заметить, однако, что полые орешки, без нутра, остаются поверх жидкости, а тяжелые, несущие цельный плод, опускаются вниз... Вскрыв грудь гусака, она извлекла могучую печень и по ней возвестила мою будущность. И только потом, чтобы не оставалось и следа преступления, разрезает она целого гуся, насаживает на вертел и готовит еще недавно, как сама говорила, обреченному отнюдь не дурное угощение. А чистенькое, между тем, так и пролетало.

138. Выносит Инофея кожаный фалл и, намазав его маслом, с мелким перцем и протертым крапивным семенем, потихоньку вводит его мне сзади... Этою жидкостью жесточайшая из старух вспрыскивала исподволь мои чресла...

Сок кресса перемешивает она с полынью и, опрыскав мое лоно, берет пук свежей крапивы и неспешной рукою принимается стегать меня всего ниже пупка.

〈Энколпий пускается в бегство.〉

Старухи, хоть и были размягчены от вина и вожделения, устремляются тем же путем и несколько кварталов преследуют убегающего с воплем «держи вора!». Окровавив себе пальцы в отчаянном бегстве, я таки ускользнул.

〈Энколпий находит у себя послание Хрисиды.〉

«Хрисиды, что отвергала тебя в прежнем твоём звании, положила себе нынче за тобою гнаться, будь то с опасностью для жизни».

〈Мысли героя заняты Киркой.〉

«Да что у Ариадны, что у Леды было этой красе подобно? Что против нее Елена, Венера что? Сам Парис, судивший распаленных богинь, увидев эти полные отвагой взоры, для нее пожертвовал бы Еленой с богинями. Хотя бы единый только был мне позволен поцелуй, обнять бы только небесную эту и божественную грудь, и вернулись бы, верно, силы моему телу, и образумились бы члены, не иначе как колдовством усыпленные. Унижения и те не досаждают мне: побивали меня — ведать не ведаю, вышвыривали вон — пустое. Одного алкаю — примирения!»

139. Я терзал ложе, судорожно его сжимая, словно то было некое подобие моей любви.

Рок беспощадный и боги не мне одному лишь враждебны.
Древле Тиринфский герой, гонимый Инахией гневной,
Должен был груз небосвода поднять, и кончиной своею
Лаомедонт утолил двух богов вредоносную ярость;
Пелий подвергся Юнонину гневу, в неведение поднял
Меч свой Телеф, а Улисс настрадался в Нептуновом царстве.
Ну, а меня по земле и по глади седого Нерее
Всюду преследует гнев геллеспонтского бога Приапа.

〈После тягостной ночи Энколпий узнает домашние новости.〉

Справляюсь у моего Гитона, не спрашивал ли меня кто. «Сегодня, — говорит, — никто. А вчера женщина какая-то, выглядит недурно, зашла и долго-долго со мною беседовала, прямо наскучила бесцельным разговором, а под конец начала говорить, что ты-де заслужил наказание и примешь-де рабскую казнь, если пострадавший будет настаивать на своей жалобе».

〈Является Хрисиды, которая, по всей видимости, окончательно убедилась в том, что Полиэн-Энколпий отнюдь не низкого звания.〉

Еще я не кончил своей жалобы, как явилась Хрисиды и бросилась на меня с жаркими объятиями. «Обнимаю, — говорит, — тебя, в какого верила: желаннице ты мое, радость моя. Не потушить тебе огня этого, пока хоть кровинка в теле останется».

〈Окончание рассказа об отношениях Энколпия с Киркой и Хрисидой утрачено. Повествование возвращается к Евмолпу.〉

Вдруг вбегает раб из новеньких и сообщает, что господин сильно на меня прогневан за пренебрежение должностью в течение двух суток. Так что я правильно поступаю, если приготовлю подходящее какое-нибудь оправдание, потому как едва ли возможно, чтобы такой бешеный гнев утих без побоев.

〈Энколпий убеждается в новом успехе Евмолпа.〉

140. Матрона из благородных благородная, по имени Филомела, некогда — и не раз — исторгавшая податливой своей свежестью значительные наследства, а ныне поблекшая и увядающая, подсовывала бездетным старикам дочку свою и сына, поддерживая таким образом наследственное свое искусство. Является она к Евмолпу и усердно препоручает своих детей его умудренности, вводя в сокровищницу его доброты самое себя и свою святыню. Он один на целом земном круге, кто сумеет всякий день наставлять юные создания в здравых правилах. Словом, она для того оставляет подростков в Евмолповом доме, чтобы те внимали его речам — лучшему наследству, какое может достаться юности.

Как сказала, так и сделала: очень миленькую дочку с недорослем братцем оставила в спальне, изобразив, что направляется в храм творить молитвы. Евмолп, который так был простосердечен, что и я ходил у него в мальчишках, нимало не медля зовет девицу на Каллипиалии. Да вот беда — повсюду он разнес, что и хондроз у него, и подагра, и если б теперь он вышел из образа, грозил провалиться весь спектакль. Поэтому, чтобы спасти достоверность обмана, он приглашает девушку присесть на ту самую сокровищницу, а Кораксу велит лезть под кровать, на которой лежал сам, упереться в пол руками и взмахами чресел приводить господина в движение. Тот повиновался неспешным велениям и награждал надлежащими движениями толковую девицу. И только когда делу стал уже виден конец, Евмолп отчетливо распорядился, чтобы Коракс исполнял свой долг более ревностно. Так, расположившись между наемником и подругой, старец тешился словно на качелях. Вот уж и раз, и другой проделал это Евмолп под безудержный хохот, между прочим и свой. Тогда я, чтобы в праздности не терять навык, подступаю к братишке, который сквозь отверстие в замке наблюдал за фокусом своей сестрицы, и проверяю, терпит ли он покусение. Тот, хорошо воспитанный мальчик, от ласки уклоняться не стал, но только и здесь настигло меня враждебное мое божество.

〈Силы возвращаются, наконец, к Энколпию.〉

«Это верховные боги вернули меня к прежнему. Не кто иной, как Меркурий, что уводит души иль провожает назад, по благодати своей возвратил мне то, что было умалено гневной рукой, и теперь — знай это — я благословеннее Протесилая и любого из героев древности». Сказав это, приподнимаю туннику и всего себя являю Евмолпу на одобрение. А он сперва цепенеет, а потом, чтоб в вере укрепиться, обеими руками ощупывает дающие богов.

〈Беседа Евмолпа с Энколпием.〉

Сократ, мудрейший по мнению и людей и богов, любил похвалиться, что никогда-то он ни в харчевню не заглянул, ни взгляда своего не доверил сообществу шумливой толпы. Видно, насколько это подобает толковать всегда с мудростью. «Это,— возразил я,— слишком справедливо. Ведь никто из людей не угодит в беду скорее тех, кто возжелали чужого... Чем бы жили возмутители, чем смутьяны, когда бы не закидывали в толпу вместо крючков ларчики или кошельки со звонкой монетой. Как безгласные твари уловляются наживкой, точно так и людей не подцепить, пока они не заглотят хотя бы кроху надежды».

〈Положение друзей становится опасным.〉

141. «Корабль из Африки с твоими деньгами и с домашними не прибыл противу твоих обещаний. Охотники за наследством истощили уже свое радушие. И если я не ошибаюсь, судьба грозит вернуться в свои пределы».

〈Последняя затея Евмолпа: он оглашает свое завещание, в котором содержится весьма необыкновенное условие.〉

«Все, поименованные в моем завещании, кроме вольноотпущенных моих, получают им даруемое при условии, что, тело мое расчленив, съедят его на виду у народа».

〈Евмолп наслаждается раздвоенностью окружающих.〉

«Нам известны некоторые племена, у которых до сих пор сохраняется обычай, что близкие поедают своих покойников; так что неудивительно, если больных иной раз и пожурят, что они снижают качество своего мяса. Вот почему я приглашаю друзей не уклоняться от моих распоряжений, а, напротив, столь же добросовестно, как они расстанутся с моей душой, вкусить от моего тела».

〈Многие колеблются. Евмолп убеждает их.〉

Слава сказочных богатств застила несчастным глаза и души...
Горгий готов был исполнить...

〈Последние увещания Евмолпа.〉

«Что до противления твоего желудка, я не вижу здесь основания для опасений. Он исполнит приказ, если ты заранее пообещаешь ему за мимолетную неприятность воздать множеством благ. Ты закрой только глаза и вообрази, что не человечину принимаешь, а десять миллионов сестерциев. Наконец, и то прими во внимание, что уж мы подберем приправы какие-нибудь, чтобы сдобрить вкус. Да ведь никакое мясо само по себе не вкусно, просто его умело преобразуют, чтобы уговорить негодующий желудок. А хочешь подтвердить примерами историческими эту мысль, так вот сагунтинцы, Ганнибалом теснимые, ели человечину, а ведь наследства не ждали! То же делали изголодавшиеся петелийцы, а ведь они не искали ничего, кроме утишения голода. А когда взял Сципион Нуманцию, нашли и таких матерей, что в руках держали собственных детей обглоданные тела...»

〈Окончание утеряно.〉

ФРАГМЕНТЫ

1. «Когда в городе Массилии случалась моровая болезнь, то один из бедняков приносил себя в жертву: его целый год кормили отборной пищей на общественный счет, а потом обряжали в венки и священные одежды, проводили по всему городу, осыпая проклятиями, чтобы на него пали бедствия всего государства, и наконец сбрасывали в пропасть. Об этом мы читаем у Петрония».

2. «Петроний употребляет слово»: мойщица.

3. «Петроний, чтобы показать ярость, говорит»: обгрызши пальцы до последнего риска...

4. «И Арбитр, что священного чурбана
По садам массилийских поселенцев —
Почитатель был образа Приапа...»

5. Душа наша, заключенная в груди...

5а. Уже утреннее солнце улыбнулось кровлям домов...

6. «Только сатира обуздывает женскую ярость — даже у Петрониевой Альбуции».

7. «И Петроний Арбитр говорит, что для возбуждения похоти он выпил чашу миррового сока».

8. «И Петроний говорит, браня Эвския»: вот уж был стряпчий — прямо судейский Цербер!

9. Когда внесли блюдо для мяса...

10. Криво вывернув губы...

11. Мошकारа не давала покоя моему соседу...

12. Столько царских украшений оказалось у беглеца!

13. Я расположился в отдельной ложе...

14. Что же такое обман, господа судьи? Я полагаю, это действие в ущерб закону. Где обман, там и расплата.

15. Как и полагается кувыряться: то вверх, то вниз.

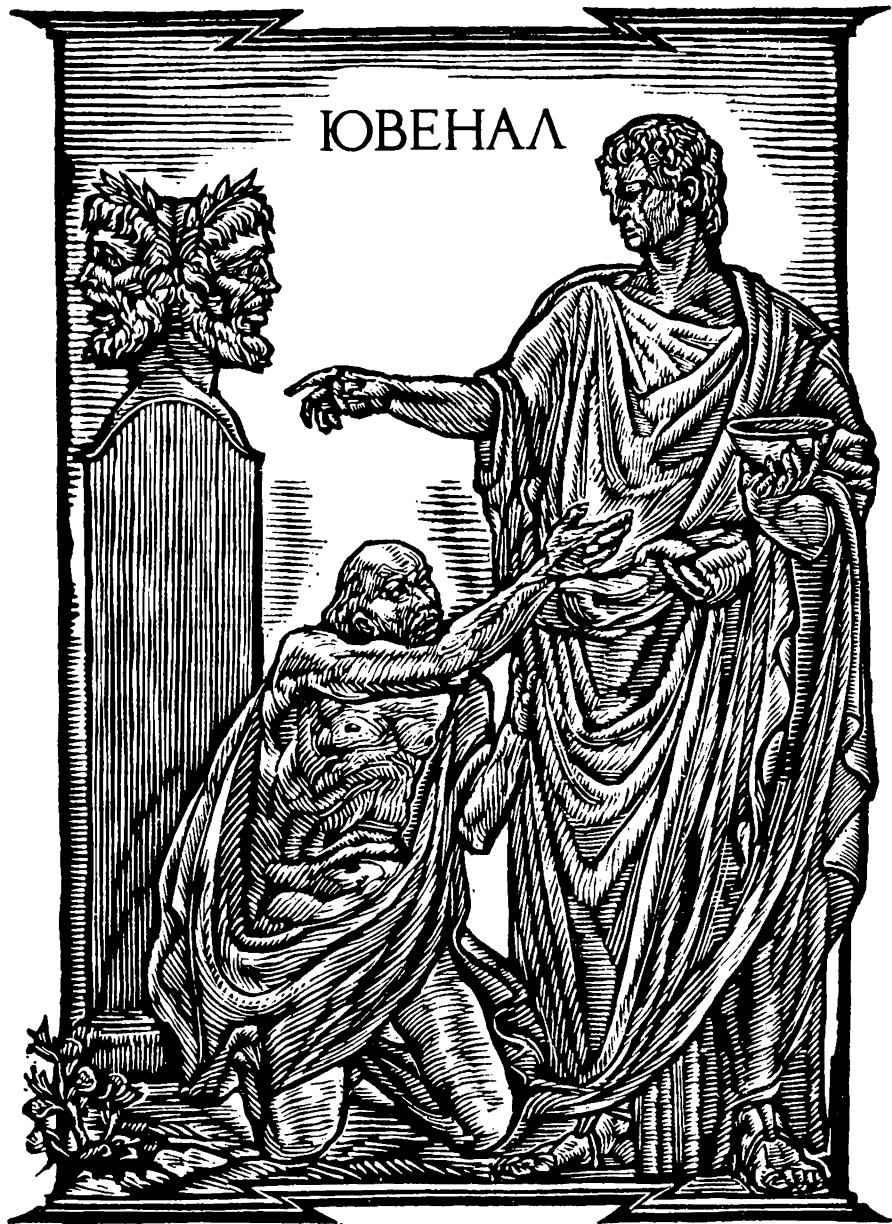
16. Известно, что через неаполитанскую пещеру им не пройти, не согнувшись.

19. Мемфисские девицы
Готовы к службе богу...
...А парень темнокожий
Рукой красноречивой...
...Египетские пляски...
20. Видишь: Тривия тройная
Светлый круг по небу катит
И в крылатой колеснице
Рыщет Феб по быстрым сферам?..
21. Вино старуха тянет
Дрожащими губами...
23. Потоки Нереид...
24. Очень нехорошо пахнуть всегда хорошо!
25. Этот коршун, впивающийся в печень,
Раздирающий грудь нам и утробу,—
Не красивая выдумка поэтов,
А душевный недуг: разврат и зависть.
26. Так, вопреки природе вещей, единой и общей,
Ворон яйца несет в пору созревших плодов;
Так языком придает медвежатам медведица облик;
Так, не сливаясь в любви, рыба роняет икру.
Так, отложивши приплод, черепаха, любимица Феба,
Греет яйца свои теплым дыханьем Луны;
Так, ни матери нет, ни отца у пчелиного роя,
Буйным крылатым полком в новый летящего дом.
Нет, не хочет природа блюсти единый обычай:
И переменимость ей в радость бывает порой.
27. Первым страх породил богов, когда с небосвода
Рушился круто перун, и Менал сотрясался пожаром,
И пораженный пылал Афон, и Феб, на закате
Пав, на востоке вставал, и Луна, постарев, молодеда
В светлом сиянье своем, и разметилось небо на знаки,
И разделился на месяцы год в круговой перемене.
Стал тогда вкореняться порок: заблуждаясь умами,
Стали крестьяне дарить Церере первые злаки,
Сочными гроздьями Вакха венчать, пастухи для Палесы
Радостный праздник справлять; Нептун, восстав из пучины,
Пристани принял в удел, Паллада — торговые лавки.
Кто стяжал успех и кто вконец разорился,
Оба в жажде богатств по себе измыслили бога...

28. ...Ибо скорей человек удержит огонь за зубами,
Нежели тайну в душе. Что доверишь лукавому слуху,
Вмиг излетает на свет, наполняя сплетнями город.
Больше того: из предательских уст разносясь по народу,
Все нарастает молва и все суровее судит.
Так когда-то слуга, горя желанием выдать
Тайну царевых ушей, шепнул ее в малую ямку,
И услышала земля, и над нею тростник говорливый
Всем разгласил донос о царе фригийском Мидасе.
29. Глаз неверен и чувства ненадежны:
Если разум молчит — они обманут.
Даже башня с квадратными углами
В отдаленье покажется нам круглой;
Кто пресыщен, тому и мед противен,
И от ладана он свой нос воротит.
То одно нам милее, то другое,
Потому что иначе быть не может,
Если чувство само с собою спорит.

ЮВЕНАЛ

Перевод Д. Недовича и Ф. Петровского

САТИРЫ

Книга первая

САТИРА ПЕРВАЯ

Долго мне слушать еще? Неужели же не оплачу я,
Вовсе измученный сам «Тезейдой» охрипшего Корда?
Иль безнаказанно будут читать мне — элегии этот,
Тот же — тогаты? Займет целый день «Телеф» бесконечный
Или «Орест», что полей не оставил в исписанной книге,
Занял изнанку страниц и все же еще не окончен?
Я ведь совсем у себя, как дома, в Марсовой роще
Или в пещере Вулкана, соседней с утесом Эола.

Чем занимаются ветры, какие Эак истязает
10 Тени, откуда крадут и увозят руно золотое,
Что за огромные ясени мечет Мониx по лапифам,—
Вот о чем вечно кричат платаны Фронтона, и мрамор,
Шаткий уже, и колонны, все в трещинах от декламаций:
Эти приемы одни — у больших и у малых поэтов.
Ну, так и мы — отнимали же руку от розги, и мы ведь
Сулле давали совет — спать спокойно, как частные лица;
Школу прошли! Когда столько писак расплодилось повсюду,
Глупо бумагу щадить, все равно обреченную смерти.
20 Но почему я избрал состязанье на поприще, где уж
Правил конями великий питомец Аврунок — Луцилий,
Я объясню, коль досуг у вас есть и терпенье к резонам.

Трудно сатир не писать, когда женится евнух раскисший,
Мевия тускского вепря разит и копьем потрясает,
Грудь обнажив; когда вызов бросает патрициям тот, кто
Звонко мне — юноше — брил мою бороду, ставшую жесткой:
Если какой-нибудь нильский прохвост, этот раб из Канопы,
Этот Криспин поправляет плечом свой пурпурный тирийский
Плащ и на потной руке все вращает кольцо золотое,
Будто не может снести от жары он большую тяжесть
30 Геммы,— как тут не писать? Кто настолько терпим

к извращениям

Рима, настолько стальной, чтоб ему удержаться от гнева,
Встретив юриста Матона на новой лектике, что тушей
Всю заполняет своей; позади же — доносчик на друга
Близкого, быстро хватающий все, что осталось от крахов
Знатных людей: его Масса боится, его уещают
Кар и дрожащий Латин, свою подсылая Тимелу.
Здесь оттеснят тебя те, кто за ночь получает наследство,
Те, кого к небу несет наилучшим путем современным
Высших успехов — путем услуженья богатой старушке:
40 Унцийка у Прокулея, у Гилла одиннадцать унций,—
Каждому доля своя, соответственно силе мужичины.
Пусть получает награду за кровь — и бледнеет, как будто
Голой ногой наступил на змею или будто оратор,
Что принужден говорить перед жертвенником лугудунским.

Ясно, каким раздраженьем пылает иссохшая печень,
Ежели давят народ провожатых толпой то грабитель
Мальчика, им развращенного, то осужденный бесплодным

Постановлением суда: что такое бесчестье — при деньгах?
Изгнанный Марий, богов прогневив, уже пьет спозаранку:

50 Он веселится — и стоном провинция правит победу.
Это ли мне не считать венецианской лампы достойным?
Этим ли мне не заняться? А что еще более важно?
Путь Диомеда, Геракла, мычанье внутри Лабиринта
Или летящий Дедал и падение в море Икара?

Сводник добро у развратника взял, коли права наследства
Нет у жены, зато сводник смотреть в потолок научился
И наловчился за чашей храпеть недремлющим носом.

Ведь на когорта надежду питать считает законным
Тот, кто добро промотал на конюшни и вовсе лишился
60 Предков наследия, мчась в колеснице дорогой Фламинской
Автомедоном младым, ибо вожжи держал самолично
Он, перед легкой девицей, одетой в лацерну, рисуясь.

Разве не хочется груди страниц на самом перекрестке
Враз исписать, когда видишь, как шестеро носят на шее
Видного всем отовсюду, совсем на открытом сиденье
К ложу склоненного мужа, похожего на Мецената,—
Делателя подписей на подлогах, что влажной печатю
На завещаньях доставил себе и известность и средства.

Там вон матрона, из знатных, готова в каленское с мягким
70 Вкусом вино подмешать для мужа отраву из жабы;
Лучше Лукусты она своих родственниц неискушенных
Учит под говор толпы хоронить почерневших супругов.

Хочешь ты кем-то прослыть? Так осмелюсь на то, что
достойно

Малых Гиар да тюрьмы: восхваляется честность, но забьет;
Лишь преступленьем себе наживают сады и палаты,
Яства, и старый прибор серебра, и кубки с козлами.
Даст ли спокойно уснуть вам скупой снохи совратитель
Или же гнусные жены да в детской одежде развратник?
Коль дарования нет, порождается стих возмущеньем,
80 В меру уменья — будь стих это мой или стих Клувиена.

С самой потопы поры, когда при вздувшемся море
Декалион на судне всплыл на гору, судьбы пытая,
И понемногу согрелись дыханьем размякшие камни,
И предложила мужам обнаженных девушек Пирра,
Все, что ни делают люди,— желания, страх, наслажденья,
Радости, гнев и раздор,— все это начинка для книжки.

Разве когда-либо были запасы пороков обильней,
 Пазуха жадности шире открыта была и имела
 Наглость такую игра? Ведь нынче к доске не подходят,
 90 Взяв кошель, но, сундук на карту поставив, играют.
 Что там за битвы увидишь при оруженосце-кассире!
 Есть ли безумие хуже, чем бросить сто тысяч сестерций —
 И не давать на одежду рабу, что от холода дрогнет?
 Кто из отцов воздвигал столько вилл, кто в домашнем обеде
 Семь перемен поедал? Теперь же на самом пороге
 Ставят подачку, — ее расхищает толпа, что одета
 В тоги. Однако сперва вам в лицо поглядят, опасаясь,
 Не подставной ли пришел и не ложным ли именем просишь;
 Признан, — получишь и ты. Чрез глашатая кличет хозяин
 100 Даже потомков троян: и они обивают пороги
 Так же, как мы. — «Вот претору дай, а потом и трибуну».
 Вольноотпущенник — первый из нас: «Я раньше, мол, прибыл.
 Что мне бояться и смело свое не отстаивать место:
 Пусть я рожден у Евфрата, в ушах моих женские дырки, —
 Сам я не спорю; но пять моих лавок четыреста тысяч
 Прибыли мне принесут; что желаннее пурпур широкий
 Даст, коль Корвин сторожит наемных овец в лаврентийском
 Поле, а я — побогаче Палланта или Лицина».
 110 Стало быть, пусть ожидают трибуны и пусть побеждают
 Деньги: не должен же нам уступать в священном почете
 Тот, кто недавно был в Рим приведен с ногой набеленной,
 Раз между нами священной всего — величие денег.
 Правда, еще роковая Деньга обитает не в храме,
 Мы не воздвигли еще алтарей, и монетам не создан
 Культ, как Верности, Миру, как Доблести, или Победе,
 Или Согласью, что щелкает нам из гнезда на приветы.
 Если ж почтенный патрон сосчитает в годичном итоге,
 Сколько подачек сберег и много ль доходу прибавил, —
 120 Чтó он клиентам дает, у которых и тога отсюда,
 Обувь, и хлеб, и домашний огонь? За сотней квадрантов
 Так и теснятся носилки, и жены идут за мужьями —
 Хворая эта, беременна та — всюду тянутся жены.
 Муж, наторевший в привычном искусстве, для той, кого нету,
 Просит, а вместо жены — пустое закрытое кресло.
 «Галла моя, — говорит, — Поскорей отпусти; что ты медлишь?
 Галла, лицо покажи! Не тревожьте ее, — отдыхает».

Распределяется день примерно в таком вот порядке:
 Утром подачка, там форум, потом Аполлон-юрисконсульт,
 Статуи знавших триумф, и меж ними нахальная надпись
 130 То из Египта неведомых лиц, то арабского князя,
 Перед которым не грех помочиться, а может, и больше.
 Вот уж из сѐней уходят, устав, пожилые клиенты:
 Как ни живуча у них надежда — авось пообедать,
 Но расстаются с мечтой, покупают дрова и капусту;
 Их же патрон будет жрать между тем все, что лучшего шлет нам
 Лес или море, и сам возлежать на просторных подушках:
 Ибо со скольких прекрасных столов, и широких и древних,
 Так вот в единый присест проедают сразу наследства!
 Если ж не будет совсем паразитов, то кто перенес бы
 140 Роскоши скупость такую? И что это будет за глотка
 Целых глотать кабанов — животных, рожденных для пиршеств?
 Впрочем, вездѣ придет, когда ты снимаешь одежду,
 Пузо набив, или в баню идешь, объевшись павлином:
 Без завещания старость отсюда, внезапные смерти,
 И — для любого обеда совсем не печальная повесть —
 Тело несут среди мрачных друзей и на радость народу.
 Нечего будет прибавить потомству к таким нравам
 Нашим: такие дела и желанья у внуков пребудут.
 Всякий порок стоит на стремнине: используй же парус,
 150 Все полотно распускай! Но здесь ты, может быть, скажешь:
 «Где же талант, равносильный предмету? Откуда у древних
 Эта письмá прямота обо всем, что придет горяча им
 В голову?» — Я не осмелюсь назвать какое-то имя?
 Что мне за дело, простит или нет мои Муций намеки.—
 «Выставь-ка нам Тигеллина — и ты засветишься, как факел,
 Стоя, ты будешь пылать и с пронзенною грудью дымиться,
 Борозду вширь проводя по самой середине арены».
 — Значит, кто дал аконит трем дядьям, тот может с носилок
 Нас презирать, поглядев с высоты своих мягких подушек? —
 160 «Если ты встретишься с ним, — запечатай уста себе пальцем:
 Будет доносчиком тот, кто слово вымолвит: «Вот он!»
 Сталкивать можно спокойно Энея с свирепым Рутулом,
 Не огорчится никто несчастною долей Ахилла
 Или пропавшего Гила, ушедшего под воду с урной;
 Только взмахнет как мечом обнаженным пылкий Луцилий, —
 Сразу краснеет пред ним охладевший от преступления

Сердцем, и пот прошибет виновника тайных деяний:
Слезы отсюда и гнев. Поэтому раньше обдумай
170 Это в душе своей, после ж труби; а в шлеме уж поздно
Схватки бежать». — Попробую, что позволительно против
Тех, кого пепел зарыт на Фламинской или Латинской.

САТИРА ВТОРАЯ

Лучше отсюда бежать — к ледяному хотя б океану,
За савроматов, лишь только дерзнут заикнуться о нравах
Те, что себя выдают за Куриев, сами ж — вахханты:
Вовсе невежды они, хотя и найдешь ты повсюду
Гипсы с Хрисиппом у них; совершеннее всех у них тот, кто
Купит портрет Аристотеля или Питтака, а также
Бюстам Клеанфа прикажет стеречь свои книжные полки.
Лицам доверия нет, — ведь наши полны переулки
Хмурых распутников; ты обличаешь позорное дело,
10 Сам же похабнее всех безобразников школы Сократа.
Правда, щетина твоя на руках и косматые члены
Дух непреклонный сулят, однако же с гладкого зада
Врач у тебя отрезает, смеясь, бородавки большие.

Редко они говорят, велика у них похоть к молчанью;
Волосы бреют короче бровей. Архигалл Перибомий
Более их и правдив и честен: лицом и походкой
Он обличает порочность свою, — судьба в том повинна;
Этих жалка простота, им в безумстве самом — извиненье.
Хуже их те, что порочность громят словесами Геракла,
20 О добродетели речи ведут — и задницею крутят.
«Ты, виляющий Секст, — тебя ли я буду стыдиться?
Чем же я хуже тебя? — бесчестный Варилл его спросит. —
Над кривоногим смеется прямой, и над неграми — белый;
Разве терпимо, когда мятежом возмущаются Гракхи?
Кто не смешал бы небо с землей и моря с небесами,
Если Верресу не нравится вор, а Милону — убийца,
Если развратников Клодий винит, Катилина — Цетега,
А триумвиры не терпят проскрипций учителя Суллы?»

Был соблазнитель такой, недавно запятнанный связью
30 Жуткою; восстанавливал он законы суровые; страшны
Были не только что людям они, но Венере и Марсу —

При бесконечных абортах из плотного Юлии чрева,
Что извергало мясные комочки, схожие с дядей.
Значит, вполне по заслугам порочные все презирают
Деланных Скавров и, если задеть их, кусаются тоже.

- Раз одного из таких не стерпела Ларония — мрачных,
Вечно взывающих: «Где ты, закон о развратниках? Дремлешь?»
Молвит с усмешкой ему: «Счастливое время, когда ты
Нравы блюдешь,— вся столица теперь стыдливость познает:
- 40 Третий свалился Катон с небеси. Только где покупаешь
Этот бальзам ты, которым несет от твоей волосатой
Шеи? Не постыдись — укажи мне хозяина лавки.
Но уж когда ворошить и законы и правила,— прежде
Всех надо вызвать закон Скантинийев; раньше взгляни ты
Да испытай-ка мужчин: проступки их хуже, чем наши;
Их защищает количество их и сомкнутый строй их —
Кроет разврат круговая порука. Среди нашего пола
Ни одного не найдешь безобразного столь же примера:
Мевия — Клувию, Флора — Катуллу вовсе не лизут.
- 50 А вот Гиспон отдается юнцам, от двояких излишеств
Чажнет. Мы тяжб не ведем, не знаем гражданского права.
Ваши суды не волнуем каким бы то ни было шумом.
Женщины редки борцы и рубцами питаются редко;
Вы же прядете шерсть, наполняя мотками корзины;
Крутите лучше самой Пенелопы, ловчее Арахны
Веретено, на котором намотана тонкая нитка,
Как у любовницы грязной, сидящей на жалком чурбане.
Вот почему в завещанье вошел лишь отпущенник Гистра,
Много при жизни жене молодой отдававшего денег:
- 60 Будет богата она — сам-третьей на широкой постели.
Замуж выходишь,— молчи: драгоценности будут за тайну...
Так почему только нам приговор выносят суровый?
К воронам милостив суд, но он угнетает голубок».
- Тут от Ларонии слов, очевидно правдивых, бежали
В трепете Стои сыны; налгала она разве? Другие
Все станут делать, раз ты надеваешь прозрачные ткани,
Кретик, и в этой одежде громишь, к удивленью народа,
Разных Прокул да Поллит. Фабулла — распутница, правда:
Хочешь — осудят ее, и Карфинию также; однако
- 70 И подсудимая тоги такой не наденет.—«Мне жарко:
Зноен июль!» — Выступай нагишом: полоумным не стыдно;

Чем не одежда, в которой тебя — издавай ты законы —
 Слушать бы стал победитель народ, заживляющий раны,
 И побросавшая плуги толпа отдыхающих горцев.
 Не закришишь ли ты сам, увидавши судью в этом платье?
 Я сомневаюсь, идут ли свидетелю ткани сквозные.
 Неукротимый и строгий учитель свободы, ты, Кретик,
 Виден насквозь! Привила эту язву дурная зараза,
 Многим привьет и впредь, — точно в поле целое стадо
 80 Падает из-за парши от одной лишь свиньи шелудивой
 Или теряет свой цвет виноград от испорченной грозди.
 Как-нибудь выкинешь ты еще что-нибудь хуже одежды:
 Сразу никто не бывал негодяем: но мало-помалу
 Примут тебя те, кто носят на лбу (даже дома) повязки
 Длинные и украшают всю шею себе ожерельем,
 Брюхом свиньи молодой и объемистой чашей справляя
 Доброй Богини обряд; но они, извращая обычай,
 Гонят всех женщин прочь, не давая ступить на пороги:
 Только мужчинам доступен алтарь божества. «Убирайтесь,
 90 Непосвященные! — слышен их крик, — здесь флейтам не место!»
 Так же вот, факелы скрыв, справляли оргии бапты;
 Чтили они Котитó — афинянку, чтили без меры.
 Тот, натерев себе брови размоченной сажей, иголкой
 Их продолжает кривой и красит ресницы, моргая
 Сильно глазами, а тот из приапа стеклянного пьет и
 Пряди отросших волос в золоченую сетку вправляет,
 В тонкую желтую ткань разодевший иль в синюю с клеткой.
 Как господа, и рабы по-женски кланяются Юноной.
 Зеркало держит иной, — эту ношу миньона Отона, —
 100 Будто добычу с аврунка Актóра: смотрелся в него он
 Вооруженный, когда приказал уже двигать знамена.
 Дело достойно анналов, достойно истории новой:
 Зеркало заняло место в обозе гражданских сражений!
 Ясно, лишь высший вождь способен и Гальбу угробить,
 И обеспечить за кожей уход, лишь гражданская доблесть
 На бебриакских полях и к дворцовой добыче стремится,
 И покрывает лицо размазанным мякишем хлеба,
 Как не умела ни лучник Ассирии — Семирамида,
 Ни Клеопатра, грустя на судне, покинувшем Акций.
 110 Нету здесь вовсе стыда за слова, ни почтения к пиру,
 Мерзость Кибелы свободно звучит голосами кастратов;

Здесь иступленный старик, убеленный уже сединами,
Таинств блюститель, редчайший пример достопамятной глотки,
Дорого стоящий людям наставник. Чего же, однако,
Тут ожидают все те, которым пора уже было б —
Как у фригийцев — излишнюю плоть отрезать ножами?

- Гракх в приданое дал четыреста тысяч сестерций
За трубачом (если только последний не был горнистом);
120 Вот договор заключен. «В добрый час!» — им сказали, и гости
Сели за стол пировать, молодая — на лоне у мужа...
Вы — благородные, цензор нам нужен иль, может, гаруспик?
Что ж, содрогнулись бы вы и сочли бы за большее чудо,
Если б теленка жена родила, а ягненка — корова?
Вот в позументах и в платье до пят, в покрывале огнистом —
Тот, кто носил на священном ремне всю тяжесть святыни
И под щитами скакал и потел. Откуда же, Ромул,
Рима отец, нечестье такое в пастушеском роде?
Что за крапива, о Марс-Градив, зажгла твоих внуков?
Вот за мужчину выходит богатый и знатный мужчина,—
130 Шлемом ты не трясешь, по земле не ударишь копьем ты,
Даже не скажешь отцу? Так уйди и покинь этот округ
Марсова поля, раз ты пренебрег им.— «Мне завтра с восходом
Солнца нужно исполнить дела в долине Квирина». —
«Что ж за причина для дел?» — «Не спрашивай: замуж выходит
Друг, и не всех приглашал». — Дожить бы нам только: уж будет,
Будет все это твориться при всех, занесется и в книги;
Женам-невестам меж тем угрожает ужасная пытка —
Больше не смогут рожать и, рожая, удерживать мужа.
К счастью, природа душе не дает еще права над телом:
140 Эти «супруги» детей не оставят, и им не поможет
Толстая бабка-лидийка с ее пузырьками и мазью
Или удар по рукам от проворно бегущих луперков.
Гаже, чем это,— трезубец одетого в тунику Гракха:
Он — гладиатор — пустился бежать посредине арены.
Он — родовитее Капитолинов, знатнее Марцеллов,
Выше потомков и Павла и Катула, Фабиев старше,
Зрителей всех на почетных местах у самой арены,
Вплоть до того, кто устраивал сам эти игры для Гракха.
Что преисподняя есть, существуют какие-то маны,
150 Шест Харона и черные жабы в пучине стигийской,
Возит единственный челн столько тысяч людей через реку,—

В это поверят лишь дети, еще не платившие в банях.
Ты же серьезно представь, что чувствует Курий покойный,
Два Сципиона, что чуют Фабриций и маны Камилла,
Фабии с их легионом кремерским и павшие в Каннах
Юноши, души погибших в боях, — всякий раз, что отсюда
К ним прибывает такая вот тень? — Очищения жаждут,
Если бы с факелом серы им дали и влажного лавра.
Жалкими входим туда мы! Простерли оружие, правда,
160 Мы за Юверны берега, за Оркады, что взяты недавно,
И за британцев — в страну, где совсем мимолетные ночи.
Те, кого мы победили, не делают вовсе того, что
Ныне творит народ-победитель в столице; однако
Ходит молва, что один армянин Залак — развращенней
Всех вместе взятых эфебов: живет, мол, с влюбленным трибуном.
Только взгляни, что делают связи: заложником прибыл —
Здесь человеком стал; удалось бы остаться подольше
В городе мальчику, — а уж ему покровитель найдется;
Скинут штаны, побросают кинжалы, уздечки и плети:
170 Так в Артаксату несут молодежи столичные нравы.

САТИРА ТРЕТЬЯ

Правда, я огорчен отъездом старинного друга,
Но одобряю решение его — поселиться в пустынных
Кумах, еще одного гражданина даруя Сивилле.
Кумы — преддверие Бай, побережье достойной сладкой
Уединенности: я предпочту хоть Прохиту — Субуре.
Как бы ни были жалки места и заброшены видом, —
Хуже мне кажется страх пред пожарами, перед развалом
Частым домов, пред другими несчастьями жуткого Рима,
Вплоть до пиит, что читают стихи даже в августе знойном.
10 Друг мой, пока его скорбь размещался в единой повозке,
Остановился у старых ворот отсыревшей Капены.
Здесь, где Нума бывал по ночам в общенье с подругой,
Ныне и роща святого ключа сдана иудеям,
И алтари: вся утварь у них — корзина да сено.
(Каждое дерево здесь уплачивать подать народу
Должно и после Камен дает пристанище нищим.)
Вот мы сошли в Эгерин дол и спустились к пещерам

Ложным: насколько в водах божество предстало бы ближе,
 Если б простая трава окаймляла зеленью воды,
 20 Если б насильственный мрамор не портил природного туфа.
 Здесь Умбриций сказал: «Уж раз не находится места
 В Риме для честных ремесла и труд не приносит дохода,
 Если имущество нынче не то, что вчера, а назавтра
 Меньше станет еще, то лучше будет уйти нам
 В Кумы, где сам Дедал сложил утомленные крылья.
 Родину брошу, пока седина еще внове и старость
 Стана не гнет, пока у Лакхесы пряжа не вышла,
 Сам на ногах я хожу и на посох не опираюсь.
 Пусть остаются себе здесь жить Арторий и Катул,
 30 Пусть остаются все те, кто черное делает белым,
 Те, что на откуп берут и храмы, и реки, и гавань,
 Чистят клоаки, тела мертвецов на костер выставляют
 Или продажных рабов ведут под копье господина.
 Эти-то вот трубачи, завсегдатаи бывшие разных
 Мелких арен, в городах известные всем как горланы,—
 Зрелища сами дают и по знаку условному черни,
 Ей угожда, любого убьют, а с игр возвратившись,
 Уличный нужник на откуп берут; скупили бы все уж!
 Именно этих людей Судьба ради шутики выводит
 40 С самых низов к делам большим и даже почетным.
 Что мне тут делать еще? Я лгать не могу, не умею
 Книгу хвалить и просить, когда эта книга плохая;
 С ходом я звезд не знаком, не желаю предсказывать сыну
 Смерти отца, никогда не смотрел в утробу лягушки;
 Несть подарки жене от любовника, несть порученья —
 Могут другие, а я никогда не пособничал вору.
 Вот почему я Рим покидаю, не бывши клиентом,
 Точно калека какой сухорукий, к труду не способный.
 Кто в наши дни здесь любим? Лишь сообщник с корыстной душою,
 50 Алчной до тайн, о которых нельзя нарушить молчанье.
 Тот, кто сделал тебя участником тайны почтенной,
 Вовсе как будто не должен тебе и делиться не будет;
 Верресу дорог лишь тот, кем может немедленно Веррес
 Быть уличен. Не цени же пески затененного Тага,
 Злато катящего в море, настолько, чтобы лишиться
 Сна из-за них и, положенный дар принимая печально,
 Вечно в страхе держать хотя бы и сильного друга.

Высказать я поспешу, — и стыд мне не будет помехой, —
 Что за народ стал приятнее всем богачам нашим римским:
 60 Я ж от него и бегу. Перенести не могу я, квиристы,
 Греческий Рим! Пусть слой невелик осевших ахейцев,
 Но ведь давно уж Оронт сирийский стал Тибра притоком,
 Внес свой обычай, язык, самбуку с косыми струнами,
 Флейтищу своих, тимпаны туземные, разных девчонок:
 Велено им возле цирка стоять. — Идите, кто любит
 Этих развратных баб в их пестрых варварских лентах!
 Твой селянин, Квирин, оделся теперь паразитом,
 Знаком побед цирковых отличил умащенную шею!
 Греки же все, — кто с высот Сикиона, а кто амидонец,
 70 Этот с Андрóса, а тот с Самóса, из Тралл, Алабанды, —
 Все стремятся к холму Эсквилинскому иль Виминалу,
 В недра знатных домов, где будут они господами.
 Ум их проворен, отчаянна дерзость, а быстрая речь их
 Как у Исея течет. Скажи, за кого ты считаешь
 Этого мужа, что носит в себе кого только хочешь:
 Ритор, грамматик, авгур, геометр, художник, цирюльник,
 Канатоходец, и врач, и маг, — все с голоду знает
 Этот маленький грек; велишь — залезет на небо;
 Тот, кто на крыльях летал, — не мавр, не сармат, не фракиец,
 80 Нет, это был человек, родившийся в самых Афинах.
 Как не бежать мне от их багряниц? Свою руку приложит
 Раньше меня и почетней, чем я, возляжет на ложе
 Тот, кто в Рим завезен со сливами вместе и смоквой?
 Что-нибудь значит, что мы авентинский воздух впивали
 В детстве, когда мы еще сабинской оливкой питались?
 Тот же народ, умеющий льстить, наверно, похвалит
 Неуча речь, кривое лицо покровителя-друга
 Или сравнит инвалида длинную шею с затылком
 Хоть Геркулеса, что держит Антея далеко от почвы.
 90 Иль восхвалит голосок, которому не уступает
 Крик петуха, когда он, по обычаю, курицу топчет.
 Все это можно и нам похвалить, но им только вера.
 Кто лучше грека в комедии роль сыграет Фаиды,
 Или же честной жены, иль Дориды совсем неприкрытой,
 Хоть бы рубашкой? Поверить легко, что не маска актера —
 Женщина там говорит: настолько пусто и гладко
 Под животом у нее, где тонкая шелка двоятся.

Греков нельзя удивить ни Стратоклом, ни Антиохом,
Ни обаятельным Гемом с Деметрием: комедианты —
100 Весь их народ. Где смех у тебя — у них сотрясенье
Громкого хохота, плач — при виде слезы у другого,
Вовсе без скорби. Когда ты зимой попросишь жаровню,
Грек оденется в шерсть; скажешь «жарко» — он уж потеет.
С ними никак не сравнимся мы: лучший здесь тот, кто умеет
Денно и ночью носить на себе чужую личину,
Руки свои воздевать, хвалить покровителя-друга,
Как он ловко рыгнул, как здорово он помочился,
Как он, выпятив зад, затрепал с золоченого судна.
Похоти их нет преграды, для них ничего нет святого:
110 Будь то семейства мать, будь дочь-девица, будь даже
Сам безбородый жених или сын, дотоле стыдливый;
Если нет никого, грек валит и бабушку друга...
Все-то боятся его: он знает домашние тайны.
Раз уж о греках зашла наша речь, прогуляйся в гимнасий, —
Слышишь, что говорят о проступках высшего рода:
Стоиком слывший старик, уроженец того побережья,
Где опустилось перо крылатой клячи Горгоны,
Друг и учитель Барей, Барею угробил доносом. —
Римлянам места нет, где уже воцарился какой-то
120 Иль Протоген, иль Дифил, иль Гермарх, что по скверной привычке
Другом владеет один, никогда и ни с кем не деляся;
Стоит лишь греку вложить в легковое ухо патрона
Малую долю отрав, естественных этой породе, —
Гонят с порога меня, и забыты былые услуги:
Ценится меньше всего такая утрата клиента.

Чтоб и себе не польстить, — какая в общем заслуга,
Если бедняк еще ночью бежит, хоть сам он и в тоге,
К дому патрона: ведь так же и претор торопит и гонит
Ликтора, чтобы поспеть приветствовать раньше коллеги
130 Модию или Альбину, когда уж проснулись старухи.
Здесь богача из рабов провожает сын благородных —
Тоже клиент, ибо тот Кальвине иль Катиене
Столько заплатит за каждый раз, что он ей обладает,
Сколько имеет трибун за службу свою в легионе;
Если ж тебе приглянется лицо разодетой блудницы,
Ты поколеблешься взять Хиону с высокого кресла.

Пусть твой свидетель настолько же свят, как идейской богини

Гостеприимец, пускай выступает Нума Помпилий
 Или же тот, кто спас из пламени храма Минерву,—
 140 Спросят сперва про ценз (про нравы — после всего лишь):
 Сколько имеет рабов да сколько земельных угодий,
 Сколько съедает он блюд за столом и какого размера?
 Рим доверяет тому, кто хранит в ларце своем деньги:
 Больше монет — больше веры; клянись алтарем сколько хочешь,
 Самофракийским иль нашим,— бедняк, говорят, презирает
 Божьи перуны, его не карают за это и боги.
 Что ж, когда этот бедняк действительно служит предложом
 К шуткам для всех? Накидка его и худа и дырява,
 Тога уже не чиста, башмак запросил уже каши,
 150 Много заплат на заштопанной рвани открыто для взоров,
 С нитками новыми здесь, а там уж покрытыми салом...
 Хуже всего эта бедность несчастная тем, что смешными
 Делает бедных людей. «Уходи,— говорят,— коли стыд есть,
 Кресла очисти для всадников, раз у тебя не хватает
 Ценза». Пускай уж в театре сидят хоть сводников дети,
 Что рождены где-нибудь в непотребном доме; пускай там
 Хлопает модного сын глашатая вместе с юнцами,
 Коих учил борец или вождь гладиаторской школы.
 Так нас Росций Отон разместил с его глупым законом.
 160 Разве здесь нравится зять, если он победнее невесты,
 С меньшим приданым? Бедняк разве здесь бывает наследник?
 Разве его на совет приглашают эдилы? Когда-то
 Бедным квиритам пришлось выселяться целой толпою.
 Тот, кому доблесть мрачат дела стесненные, трудно
 Снова всплывает наверх; особенно трудны попытки
 В Риме: ведь здесь дорога и квартира, хотя бы дрянная,
 И пропитанье рабов, и самая скромная пища;
 С глиняной плошки здесь стыдно и есть, хоть стыда не увидит
 Тот, кто к марсам попал или сел за стол у сабеллов,
 170 Там, где довольны простой, из грубой ткани накидкой.
 Правду сказать, в большинстве областей итальяйских не носит
 Тоги, как в Риме, никто; лишь покойника кутают в тогу.
 Празднеств великих дни,— что в театре дерновом справляют,
 И на подмостках опять играют эксодий известный,
 Зевом бледных личин пугая сельских мальчишек,
 К матери севших уже на колени,— тебе не покажут
 Разных нарядов: и там, на оркестре, и здесь, у народа,

Все одинаки одежды; подходят лишь высшим эдилам
 Белые туники — знак их достоинства и благородства.
 180 Здесь же нарядов блеск превосходит силы, здесь тратят
 Больше чем нужно, притом иногда — из чужого кармана;
 Это здесь общий порок: у всех нас кичливая бедность.
 Много тут что говорить? На все-то в Риме цена есть:
 Сколько заплатишь, чтоб Косса приветствовать как-нибудь лично,
 Чтоб на тебя Вейентон взглянул, и рта не раскрывши!
 Бреется тот, а этот стрижет волоса у любимца;
 Праздничный полон лепешками дом; бери, но — за плату:
 Мы ведь, клиенты, должны платить своего рода подать
 190 Даже нарядным рабам, умножая их сбереженья.
 Тот, кто в Пренесте холодной живет, в лежащих средь горных
 Лесом покрытых кряжей Вольсиниях, в Габиях сельских,
 Там, где высокого Тибура склон, — никогда не боится,
 Как бы не рухнул дом; а мы населяем столицу
 Всю среди тонких подпор, которыми держит обвалы
 Домоправитель: прикрыв зияние трещин давнишних,
 Нам предлагают спокойно спать в нависших руинах.
 Жить-то надо бы там, где нет ни пожаров, ни страхов.
 Укалегон уже просит воды и выносит пожитки,
 Уж задымился и третий этаж, — а ты и не знаешь:
 200 Если с самых низов поднялась тревога у лестниц,
 После всех погорит живущий под самую крышей,
 Где черепицы одни, где мирно несутся голубки...
 Ложе у Кодра одно (для Прόкулы — коротковато),
 Шесть горшков на столе да внизу еще маленький кубок,
 Там же под мрамор доски завалилась фигурка Хирона,
 Старый ларь бережет сочинения греков на свитках
 (Мыши-невежды грызут эти дивные стихотворенья).
 Кодр ничего не имел, — не правда ли? Но от пожара
 210 Вовсе впал в нищету, бедняга. Последняя степень
 Горя скрывается в том, что нагому, просящему корки,
 Уж не поможет никто — ни пищей, ни дружеским кровом.
 Рухни крупнейший дом хоть Астурика — и без прически
 Матери, в трауре — знать, и претор тяжбы отложит.
 Все мы вздыхаем о римской беде, проклиная пожары;
 Дом полыхает еще, а уж други бегут и в подарок
 Мраморы тащат с собой; обнаженные статуи блещут;
 Этот творенья несет Евфранора иль Поликлета;

Эта — старинный убор божеств азиатского храма;
Тот — и книги, и полки под них, и фигуру Минервы;
220 Тот — четверик серебра. Так и Персик, бобыль богатейший,
Глядь, поправляет дела и лучше и шире, чем были,—
И подозренье растет, не сам ли поджег он хоромы.

Если от игр цирковых оторваться ты в силах, то можешь
В Соре купить целый дом, в Фабратерии, во Фрузиноне;
Цену отдашь, сколько стоит на год городская каморка.
Садик там есть, неглубокий колодец (не нужно веревки),
С легким духом польешь ты водой простые растения;
Сельского друг жития, хозяйничай на огороде,
Где можешь пир задавать хоть для сотни пифагорейцев.
230 Что-нибудь значит — владеть самому хоть кусочком землицы.—
Где? — Да не все ли равно, хотя бы в любом захолустье.

Большая часть больных умирает здесь от бессонниц;
Полный упадок сил производит негодная пища,
Давит желудочный жар. А в каких столичных квартирах
Можно заснуть? Ведь спится у нас лишь за крупные деньги.
Вот потому и болезнь: телеги едут по узким
Улиц извивам, и брань слышна у стоящих обозов,—
Сон улетит, если спишь ты как Друз, как морская корова.

Если богач спешит по делам,— над толпы головами,
240 Всех раздвинув, его понесут на просторной либурне;
Там ему можно читать, писать или спать по дороге,—
Ежели окна закрыть, то лектика и дрему наводит;
Все же поспеет он в срок; а нам, спешащим, мешает
Люд впереди, и мнет нам бока огромной толпой
Сзади идущий народ: этот локтем толкнет, а тот палкой
Крепкой, иной по башке тебе даст бревном иль бочонком;
Ноги у нас все в грязи, наступают большие подошвы
С разных сторон, и вонзается в пальцы военная шпора.
Видишь дым коромыслом? — Справляют в складчину ужин:
250 Сотня гостей, и каждый из них с своей собственной кухней;
Сам Корбулон не снесет так много огромных сосудов,
Столько вещей, как тот маленький раб, прямой весь, бедняга,
Ташит, взяв на макушку, огонь на ходу раздувая.
Тунники рвутся, едва зачиненные; елку шатает
С ходом телеги, сосну привезла другая повозка;
Длинных деревьев шатанье с высот угрожает народу.
Если сломается ось, что везет лигурийские камни,

И над толпой разгрузит эту гору, ее опрокинув,—
 Что остается от тел? кто члены и кости отыщет?
 260 Труп простолюдина стерт и исчезнет бесследно, как воздух.
 Челядь уже между тем беззаботная моет посуду,
 Щеки надув, раздувает огонь в жаровне, скребочком
 Сальным звенит, собирает белье, наполняет флаконы:
 В спешке различной рабов справляются эти работы.
 Тот же, погибший, у Стикса сидит и боится Харона:
 Бедному нет надежды на челн среди грязной пучины,
 Нет монетки во рту, оплатить перевоз ему нечем.
 Много других по ночам опасностей разнообразных:
 Как далеко до вершины крыш,— а с них черепица
 270 Бьет тебя по голове! Как часто из окон открытых
 Вазы осколки летят и, всей тяжестью брякнувшись оземь,
 Всю мостовую сорят. Всегда оставляй заветчанье,
 Идя на пир, коль ты не ленив и случайность предвидишь:
 Ночью столько смертей грозит прохожему, сколько
 Есть на твоём пути отворенных окон неспящих;
 Ты пожелай и мольбу принеси униженную, дабы
 Был чрез окно ты облит из горшка ночного большого.
 Пьяный иной нахал, никого не избивший случайно,
 Ночью казнится — не спит, как Пелид, скорбящий о друге;
 280 То прикорнет он ничком, то на спину он извернется...
 Как по-иному он мог бы заснуть? Бывают задиры,
 Что лишь поссорившись спят; но хоть он по годам и строптивый,
 И подогрет вином,— опасается алой накидки,
 Свиты богатых людей всегда сторонится невольню,
 Встретив факелов строй да бронзовую канделябру.
 Мне же обычно луна освещает мой путь иль мерцанье
 Жалкой светильни, которой фитиль я верчу, оправляю.
 Я для буяна — ничто. Ты знаешь преддверие ссоры
 («Ссора», когда тебя бьют, а ты принимаешь удары!):
 290 Он остановится, скажет «стой!» — и слушаться надо;
 Что тебе делать, раз в бешенстве он и гораздо сильнее?
 «Ты откуда,— кричит,— на каких бобах ты раздулся?»
 Укус где пил, среди чьих сапогов нажрался ты луку
 Вместе с вареной бараньей губой?.. Чего же молчишь ты?
 Ну, говори! А не то как пну тебя: все мне расскажешь!
 Где ты торчишь? В какой мне искать тебя синагоге?»
 Пробеуешь ты отвечать или молча в сторонку отлынешь,—

Так или этак, тебя прибьют, а после со злости
 Тяжбу затеют еще. Такова бедняков уж свобода:
 300 Битый, он просит сам, в синяках весь, он умоляет,
 Зубы хоть целы пока, отпустить его восояет.
 Впрочем, опасно не это одно: встречаются люди,
 Грабить готовые в час, когда заперты двери и тихо
 В лавках, закрытых на цепь и замкнутых крепким засовом.
 Вдруг иной раз бандит поножовщину в Риме устроит —
 Беглый с Понтинских болот, из сосновых лесов галлинарских,
 Где, безопасность блюдя, охрану военную ставят;
 Вот и бегут они в Рим, как будто бы на живодерню,
 Где тот горн, наковальня та где, что цепей не готовят?
 310 Столько железа идет для оков, что, боишься, не хватит
 Плуги простые ковать, железные бороны, грабли.
 Счастливы были, скажу, далекие пращуры наши
 В те времена, когда Рим, под властью царей, при трибунах
 Только одну лишь темницу имел и не требовал больше.
 Много причин и других я бы мог привести для отъезда,
 Но уже ехать пора: повозка ждет, вечереет;
 Знаки своим бичом давно подает мне возница...
 Помни о нас, прощай! Всякий раз, как будешь из Рима
 Ты поспешать в родной свой Аквин, где ждет тебя отдых,
 320 Ты и меня прихвати из Кум к Гельвинской Церере,
 К вашей Диане. Приду я, помочь готовый сатире,
 Коль не гнушаешься мной, на прохладные нивы Аквина».

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

Снова Криспин,— и его нередко еще призову я
 Роль исполнять: чудовище он, ни одна добродетель
 Не искупает пороков его и больного распутства:
 Только в разврате он храбр, незамужних лишь он презирует.
 Ну, так не важно, на длинном ли поле гоняет коней он,
 Или раскидисты тени тех рощ, куда его несут,
 Сколько домов он купил и соседних с базаром участков:
 Счастлив не будет злодей, а несчастнее всех нечестивец
 И совратитель, с которым недавно лежала весталка,
 10 Должная заживо быть погребенной за девства потерю.
 Скажем сперва о пустычных делах... И однако, другой кто

Так поступи, как Криспин,— его нравов судом осудили б;
 То, что позорно для честных,— для Тития, Сея,— Криспину
 Было как будто к лицу: отвратительней всех преступлений
 Гнусная личность его... Он купил за шесть тысяч барвену:
 Как говорят о той рыбе любители преувеличить,
 Весила столько она, сколько стоила тысяч сестерций.
 Замысел ловкий хвалю, если он подношеньем барвену
 Первое место схватил в завещанье бездетного старца;
 20 Тоньше расчет, если он отослал ее важной подруге —
 Той, что в закрытых носилках с широкими окнами носят.
 Нет, ничуть не бывало: он рыбу купил для себя лишь!
 Видим дела, коих жалкий и честный Апиций не делал.
 Так чешую эту ценишь, Криспин, что был подпоясан
 Нильским родным тростником,— неужели? Пожалуй, дешевле
 Стоит рыбак, чем рыба твоя. В провинции столько
 Стоят поля; апулийцы дешевле еще продают их.
 Что же тогда за блюда проглатывал сам император,
 Можно представить себе, когда столько сестерций — частицу
 30 Малую, взятую с края стола за скромным обедом,—
 Слопал рыгающий шут средь вельможей Великой Палаты!
 Нынче он первый из всадников, раньше же он громогласно
 Вел мелочную торговлю родимой сомовиной нильской.
 О Каллиопа, начни!.. Но лучше — сиди: тут не надо
 Петь,— говорится о правде. Пиэрии девы, гласите!
 Пусть мне послужит на пользу, что девами вас называю.
 Наполовину задушенный мир терзался последним
 Флавием. Рим пресмыкался пред лысоголовым Нероном...
 Камбала как-то попалась морская громадных размеров,
 40 Около храма Венеры, что выше дорийской Анконы;
 Рыба заполнила сеть — и запуталась в ней наподобье
 Льдом меотийским покрытых тунцов (пока лед не растает),
 После ж несомых на устья бурливого Черного моря,
 Вялых от спячки и жирными ставших от долгих морозов.
 Диво такое хозяин челна и сетей обрекает
 Домициану: ведь кто бы посмел продавать это чудо
 Или купить, когда берег — и тот был доносчиков полон!
 Сыщики, скрытые в травах прибрежных, затеяли б дело
 С тем рыбаком беззащитным; не совестно было б сказать им,
 50 Что, дескать, беглая рыба была и долго кормилась
 В цезаревых садках, удалось ускользнуть ей оттуда,—

Значит, к хозяину прежнему ей надлежит и вернуться.
 Если мы в чем-либо верим Палфурию иль Армиллату,—
 Все, что найдется в морях красивого, видного,— это
 Фиска предмет, где ни плавал бы он. Чем камбалу бросить —
 Лучше ее подарить. Ведь уже уступала морозам
 Вредная осень, стихала больных лихорадка, и всюду
 Выла уродка зима, сохраняя свежей добычу.
 Впрочем, рыбак спешит, будто Австр его подгоняет:
 60 Вот и озера внизу, где — хотя и разрушена — Альба
 Пламя из Трои хранит и Весту Меньшую; на время
 Путь загорожен при входе ему удивленным народом;
 Вот расступилась толпа, открываются двери на легких
 Петлях; сенаторы ждут и смотрят, как рыбу проносят —
 Прямо к Атриду. «Прими подношение,— молвит пищенец.—
 Слишком она велика для других очагов. Именинник
 Будь же сегодня; скорей облегчи свой желудок от пищи,
 Камбалу кушай,— она для тебя сохранилась такая,
 Даже поймалась сама». Открытая лесть! И однако,
 70 Царь приосанился: есть ли такое, чему не поверит
 Власть богоравных людей, если их осыпают хвалами?
 Блюда вот нету для рыбы такой; тогда созывают
 На совещанье вельмож, ненавидимых Домицианом,
 Лица которых бледнели от этой великой, но жалкой
 Дружбы царя. По крику Либурна: «Бегите, воссел уж!» —
 Первым спешит, захвативши накидку, Пегас, что недавно
 По назначению старостой стал изумленного Рима.
 (Чем же другим тогда был префект?) Из них наилучший,
 Верный толковник законов, он думал, что даже и в злое
 80 Время во всем надлежит поступать справедливо и мирно.
 Прибыл и Крисп — приятный старик, которого нрав был
 Кроткой природы, подобно тому, как его красноречье.
 Кажется, где бы уж лучше советник владыке народов
 Моря и суши, когда бы под гнетом чумы той на троне
 Было возможно жестокость судить, подавая советы
 Честно; но уши тирана неистовы: друг приближенный
 Речь заведет о дожде, о жаре, о весеннем тумане,—
 Глядь, уж повисла судьба говорящего на волосочке.
 Так что Крисп никогда и не правил против течения:
 90 Был он совсем не из тех, кто бы мог в откровенной беседе
 Высказать душу, готовый за правду пожертвовать жизнью,

Много уж видел он зим в свои восемь почти что десятков,—
 Даже при этом дворе его возраст был безопасен.
 Следом за ним поспешал такой же старый Ацилий
 С юношей сыном, напрасно достигнутым смертью жестокой
 От поспешивших мечей властелина. Но стала давно уж
 Чуду подобной старость людей благородного звания
 (Я б предпочел быть маленьким братом гиганта без предков!):
 Сыну Ацилия не помогло, что он на арене
 100 Альбы охотником голым колол нумидийских медведиц.
 Кто же теперь не поймет всех хитростей патрицианских?
 Кто остроумию старому, Брут, твоему удивится?
 Труд невелик — обмануть бородатого Домициана.
 Шел на совет с недовольным лицом, хоть он не из знатных,
 Рубрий, виновный когда-то в проступке, покрытом молчаньем,
 Более подлый, чем некий похабник, писавший сатиры.
 Вот появился и толстый Монтан с его медленным брюхом;
 Вот и Криспин, с утра источающий запах бальзама,
 Будто воняет от двух мертвецов; и Помпей, кровожадней
 110 Даже Криспина, умевший душить лишь шепотом легким;
 И приберегший в добычу для коршунов Дакии тело
 Фуск, разбиравший сраженья, сидя в своей мраморной вилле;
 И Вейнтон осторожный, и рядом Катулл смертоносный,
 Страстью пылавший к девице, которой совсем не видал он,
 Злое чудовище, даже в наш век выдающийся изверг,
 Лстывец жестокий, слепец,— ему бы к лицу, как бродяге,
 С поводырем у телег арицийских просить подаянье
 Да посылать благодарность вслед уезжавшей повозке.
 Камбале он удивлялся всех больше и высказал много,
 120 Весь обернувшись налево (а рыба лежала направо):
 Так-то уж он прославлял и Килика бои, и удары,
 Пегму, и мальчиков, что подлетают под занавес цирка.
 Не уступал Вейнтон: пораженный жалом Беллоны,
 Так говорил изувер, прорицая: «Ты в этом имеешь
 Знаменье дивное славного, царь, и большого триумфа.
 Ты полонишь другого царя: с колесницы британской,
 Верно, слетит Арвираг. Чужеземная рыбаина эта;
 Видишь шипы у нее на спине?» — Фабрицию только
 Недоставало бы возраст привести да отечество рыбы.
 130 «Что же, как думаешь ты? Разрезать ее? Было бы, право,
 Это позором,— Монтан говорит.— Пусть глубокое блюдо

Сделают, чтобы вместить в его стенки такую громаду;
 Нужен для блюда второй Прометей, великий искусник.
 Глину скорей доставайте и круг гончарный; отныне
 Цезаря сопровождать гончарам бы нужно придворным».

Мужа достойный совет был принят: по опыту знал он
 Роскошь былую двора, ночные попойки Нерона,
 Новый подъем аппетита, как дух от фалерна захватит.
 Этак поесть, как Монтан, в мое время никто не сумел бы:

140 Он, лишь едва укусив, узнавал об отечестве устриц,—
 Будь у Цирцейского мыса их род, у утесов Лукрина,
 Или же вынуты были они из глубин рутупийских;
 Только взглывнув на морского ежа, называл его берег.

Встали: распушен совет; вельможам приказано выйти.
 Вождь их великий созвал в альбанский дворец изумленных,
 Всех их заставил спешить, как будто бы он собирался
 Что-то о хаттах сказать, говорить о диких сикамбрах,
 Точно бы с самых далеких концов земли прилетело
 На быстролетном пере письмо о какой-то тревоге.

150 Если б на мелочи эти потратил он все свое время
 Крайних свирепств, когда он безнаказанно отнял у Рима
 Славных людей, знаменитых, без всяких возмездий за это!
 Сгинул он после того, как его забоялась меньшая
 Братия: так он погиб, увлажненный Ламиев кровью.

САТИРА ПЯТАЯ

Если не стыдно тебе и упорствуешь ты, полагая,
 Будто бы высшее благо — кормиться чужими кусками,
 Если ты можешь терпеть, что не снес бы Сармент и презренный
 Габба среди унижительных яств у Августа в доме,—
 Я не поверю тебе, хоть бы клялся ты мне под присягой.
 Знаю, желудок покладистей всех; однако представь, что
 Нету того, что достаточно было б для брюха пустого,—
 Разве нет места на пристани, разве мостов нет повсюду
 Или рогожи клочка? Разве стоит обед униженья

10 Столького, разве так голод свиреп? Ты на улице можешь
 Более честно дрожать, жуя корку собачьего хлеба.
 Помни всегда: раз тебя пригласили обедать к патрону,
 Стало быть, ты получаешь расчет за былые услуги;

Пища есть плод этой дружбы, ее засчитает «владыка»,
 Как бы редка ни была,— засчитает. Ему захотелось
 Месяца так через два позабытого видеть клиента,
 Чтобы подушка на третьем сиденье пустой не лежала.
 Он говорит: «Победаем вместе!» Вот верх вожделений!
 Больше чего ж? Ради этого Требий прервет сновиденье,
 20 Бросит ремни башмаков, беспокоясь, что толпы клиентов
 Всех-то патронов уже обегут с пожеланьем здоровья
 В час, когда звезды еще не потухли, когда описует
 Круг свой холодный повозка медлительного Волопаса.
 Ну, а каков же обед! Такого вина не стерпела б
 Для промывания шерсть. Пировать будешь ты с корибантом.
 Брань — для вступленья, а там, опьянясь, ты запустишь и кубком,
 Раны свои отирая салфеткою, красной от крови,
 Как загорится вокруг сагунтинской бутылки сражение
 Между когортой отпущенников и отрядом клиентов.
 30 «Сам» попивает вино времен консулов долгобородых,
 Гроздь сберегая, которую жали в союзные войны,
 Но не подумает чашу послать больному желудком
 Другу; завтра он выпьет кой-что из альбанской, сетинской
 Горной лозы, чье имя и родина старостью стерты
 С глины старинных сосудов вина, совсем закопченных.
 Вина такие Траезя пивал и Гельвидий, с венками
 На головах, в дни рождения Брутов и Кассиев. Держит
 Только Виррон свою крупную чашу — слезу Гелиады,
 Много бериллов на ней; но золота не доверяют
 40 Вам, а уж если дадут, так тут же приставлен и сторож —
 Камни считать да смотреть за ногтями хищных клиентов.
 Уж извини: у него знаменитая чистая яшма,
 Ибо Виррон переносит на кубки камни из перстней,—
 Камни, какими всегда украшал свои ножны снаружи
 Юный Эней, предпочтенный Дидоной сопернику Ярбе.
 Ты ж осушать будешь кубок сапожника из Беневента:
 О четырех этот кубок ногам и уж треснувший вовсе,
 С полуразбитым стеклом, что нуждается в серной замазке.
 Если хозяйский живот воспален от вина и от пищи,—
 50 Нужен отвар холодней, чем иней на родине гетов,
 Только что я пожалел, что вино подают вам другое:
 Вы ведь и воду-то пьете не ту! Тебе кубок подносит
 Гетул-бегун, иль худая рука черномазого мавра,

Или такой, с кем бы ты не хотел повстречаться средь ночи,
Мимо гробниц проходя по холмистой Латинской дороге;
Перед «самим» — всей Азии цвет, что куплен дороже,
Нежели стоил весь ценз боевого Тулла иль Анка,
Или, короче сказать, всех римских царей состоянье.

После всего посмотри на гетульского ты Ганимеда,
60 Если захочется пить: этот мальчик, что куплен за столько
Тысяч, — вино наливать беднякам не умеет, но облик,
Возраст — задуматься стоит. Неужто к тебе подойдет он?
Явится разве на зов твой слуга с кипятком и холодной?
Брезгует он, конечно, служить престарелым клиентам;
Что-то ты требуешь лежачего, а он-то стоит пред тобою.

В каждом богатом доме таких гордых рабов сколько хочешь.
Вот еще раб — с какой воркотней протянул к тебе руку
С хлебом, едва преломленным: как камни куски, на них плесень,
Только работа зубам, откусить же его невозможно.

70 Но для хозяина хлеб припасен белоснежный и мягкий,
Тонкой пшеничной муки. Не забудь сдерживать свою руку,
Пусть сохранится почтенье к корзине! А если нахален
Будешь, — заставят обратно тебя положить этот хлебец:
«Дерзок ты, гость, не угодно ль тебе из обычных корзинок
Хлеб выбирать да запомнить, какого он цвета бывает». —
«Вот, значит, ради чего постоянно, жену покидая,
Через холмы я бежал к эсквилинским высотам прохладным,
В пору весны, когда небо свирепейшим градом трещало
И с плаща моего дождевые потоки стекали!»

80 Глянь, какой длинный лангуст растянулся на блюде всей грудью!
Это несут «самому». Какой спаржей он всюду обложен!
Хвост-то каков у него! Презирает он всех приглашенных
При появлении своем на руках должговязого служки.
Ставят тебе — похоронный обед: на крошечном блюде
Маленький рак, а приправа к нему — яйца половинка.
«Сам»-то рыбу польет венафранским маслом, тебе же,
Жалкому, что подадут? Лишь бледный стебель капустный
С вонючей лампадной: для вас, мол, годится и масло, какое
К Риму везет остроносый челнок камышовый мидипсов,
90 Из-за которого здесь не моются с Боккаром в бане:
Тот, кто потрется им, тот и укуса змеи не боится.

Лишь для хозяина будет барвена из вод корсиканских
Или от тавроменийской скалы: при жадности глоток

Все уж опустошено, истощилось соседнее море,
Рынок обшарил ближайшие воды густыми сетями
До глубины, и расти не даем мы рыбе тирренской.
В кухню припасы идут из провинции: там добывают
То, что закупит Лена-ловец, а Аврелия сбудет.

100 Так и Виррону мурену везут преогромную прямо
Из сицилийских пучин: коли Австр не дает себе воли,
Временно сидя в пещере, и сушит замокшие крылья,
Смелые сети судов не боятся пролива Харибды.
Вам подадут лишь угря (это родственник змеям ползучим)
Или же рыбу из Тибра, всю в пятнах от холода, местных
Жительницу берегов, что жирела в пучине клоаки
И под Субурой самой проникала в подземные стоки.

Я бы сказал кое-что «самому», если ухо подставит:
«Знаешь, не просит никто, что давал своим скромным клиентам
Сенека, чем одарял их добрейший Пизон или Котта:
110 В те времена угощения слава ценилась дороже,
Нежели знатное имя и консула званье. Но только
Требуем мы одного — чтоб обедал ты как подобает.
Будь ты богат для себя, для друзей же, как водится, беден».
Перед хозяином — печень большого гуся да пулярка
Тоже с гуся, и дымится кабан, что копыя Мелеагра
Стоил бы; там подадут трюфеля, что в весеннюю пору
После грозы вырастают желанной и круг увеличат
Яств за обедом. «Оставь себе хлеб свой, ливиец,— Алледий
Скажет,— волов распряги; только мне трюфеля посылай ты!»
120 К вящей досаде теперь созерцай разрезателя мяса,
Как он вприпляску орудует: нож его так и летает,
Все соблюдая приемы его мастерства и традиций;
И, разумеется, здесь очень важно различие жеста
В том, как он зайца разрежет и как разобьет он пулярку.

Только осмелся хоть раз заикнуться, что ты, как свободный,
Носишь три имени,— за ноги стащат тебя, будто Кака,
Что Геркулесом сражен и выкинут за дверь. Здоровье
Пьет ли твое Виррон и возьмет ли твой кубок пригубить?
130 Кто же настолько забывчив из вас и так безрассуден,
Чтобы патрону-царю сказать: «Выпей». Ведь слов таких много,
Что и сказать не посмеет бедняк в потертой одежде.
Если какой-нибудь бог, человек ли богоподобный,
Тот, что щедрее Судьбы, подарил бы четыреста тысяч,—

Стал бы каким из ничтожества ты, каким другом Виррону!
«Требию дай!.. Поставь перед Требием!.. Скушай же, братец,
Стегнышко!» Деньги! пред вами кадит он, вы ему — братья.
Если, однако же, стать ты хочешь царем и владыкой,
Пусть на дворе у тебя не играет малютка Энейчик

Или же дочка, нежнее еще и милее сыночка.

- 140 Только с бездетной женой будет дорог друг и приятен.
Правда, Микала твоя пусть рождает и сыплет на лоно
Мужнее тройню зараз: будешь тешиться «сам» говорливым
Гнездышком этим, велит принести себе панцирь зеленый
Или орешков помельче, обещанный асс подарит он,
Как лишь к столу подойдет попрошайка — ребенок Микалы.
Низким друзьям подаются грибы сомнительных качеств,
Лучший же гриб — «самому», из тех, какие ел Клавдий,
Вплоть до гриба от жены, ибо после уже не обедал.
После Виррон для себя и для прочих Вирронов прикажет
150 Дать такие плоды, что и запахом ты насладишься:
Вечная осень феаков такие плоды приносила;
Можно подумать, что выкрали их у сестер африканских.
Ты ж насладишься корявым яблоком наших предместий,
Где их грызут обезьяны верхом на козлах бородатых,
В шлемах, с щитами, учась под ударом бича метать копья.

Может быть, думаешь ты, что Виррона пугают расходы?

- Нет, он нарочно изводит тебя; интересней комедий,
Мимов занятнее — глотка, что плачет по лакомству. Знай же:
Вся та затея к тому, чтобы желчь ты вылил слезами,
160 Чтобы принудить тебя скрежетать зубами подольше.
Ты хоть свободный и — думаешь сам — собутыльник патрону,
Все ж он считает, что ты привлечен ароматами кухни;
Не ошибается он: в самом деле, кто так беззащитен,
Чтобы два раза его выносить, если кто носил в детстве
Знак из этрусского золота или хоть кожаный шарик?
Вас обманула надежда на вкусный обед. — «Вот уж он
Даст нам объедки от зайца, кой-что от кабаньего зада,
Вот уж мелкая птица дойдет до нас». Так, приготовив
Хлеб и сминая его, остаешься в безмолвии все вы.
170 Этак с тобой обращаться умно. Выносить можешь все ты —
И выноси! Под щелчки ты подставишь и голову с бритой
Маковкой, не побоишься принять и удары жестокой
Плети; достоин вполне ты и пира, и друга такого.

Если из многих смертей ни одна тебе не по вкусу,
Разве не лучше тебе ночевать хотя бы с мальчишкой?
Ночью не ссорится он, от тебя не потребует, лежа,
Разных подарчков там и тебя упрекать он не станет,
Что бережешь ты себя и ему не во всем потакаешь.

«Принял Урсидий закон о женитьбе, что Юлием издан:

Хочет наследника милого дать,— забывает он горлиц,
40 Спинки барвен забывает и все поглощающий рынок». Если кто-то и впрямь за Урсидия замуж выходит,—
Может случиться все. Давно всем известный развратник
Глупый свой рот протянул к недоуздку,— и это сидевший
Столько уж раз в ларе ожидавшего смерти Латина!
Что ж, и ему захотелось жены старомодного нрава?
Вену открой ему, врач: надулась она чрезмерно.

Что за нелепый чудак! Если ты повстречаешь матрону
С чистой, стыдливой главой,— припади к Тарпейскому храму
Ниц и телку Юноне зарежь с позолоченным рогом:
50 Так мало женщин, достойных коснуться повязок Цереры,
Чьи поцелуи не страшны отцу их.—

Вот и сплетайте

Для косяков их венки, для порогов густые гилянды.
Вот, Гиберине единственный муж достаточен?

Легче

Было б ее убедить — с единственным глазом остаться.
Правда, хвалят одну, что живет в отцовской усадьбе...
Пусть-ка она поживет, как жила в деревне,— в Фиденях,
В Габиях, скажем,— и я уступлю отцовский участок.
Даже и тут — кто заверит, что с ней ничего не случилось
В гротах, в горах? Разве Марс и Юпитер вконец одряхлели?

60 Где бы тебе показать под портиком женщин, достойных
Жертвы твоей? Разве можешь найти ты в театре такую,
Чтобы ты выбрал ее и мог полюбить безмятежно?
Видя Бафилла, как он изнеженно Леду танцует,
Тукция вовсе собой не владеет, а Апула с визгом,
Будто в объятиях, вдруг издаст протяжные стоны,
Млеет Тимела (она, деревенщина, учится только);
Прочие всякий раз, когда занавес убран, пустынно
В долго закрытом театре и только на улицах шумно
(После Плебейских игр — перерыв до игр Мегалезских),—
70 Грустно мечтают о маске, о тирсе, переднике Акка.

Урбик в эксодии всех насмешит, сыграв Автоною,
Как в ателланах; напрасно ты, Элия, Урбика любишь,
Бледная: ведь дорога застужка у комедианта!
Есть и такие, что петь не дают Хрисогону; Гиспулла
Трагика любит.— Не жди, чтоб влюбился в Квинтилиана.
Женишься ты, а жене настоящим окажется мужем
Иль Эхион-кифаред, иль Глафир, или флейта-Амброзий.
Ставьте подмостки в длину всех улиц узких, богато
Лавром украсьте все косяки и дверные пороги:

- 80 Лентула знатный сынок в своей черепаховой люльке
Весь в Эвриала пошел иль в другого еще мирмиллона!
Бросивши мужа, жена сенатора Эппия с цирком
В Фарос бежала, на Нил и к славному городу Лага;
Сам Каноп осудил развращенные нравы столицы:
Эта блудница, забыв о супруге, о доме, о сестрах,
Родиной пренебрегла, позабыла и детские слезы,
После же — странно совсем — и Париса забросила с цирком.
С детства росла средь великих богатств у отца и привыкла
Спать на пуху в своей золоченой, резной колыбели,
- 90 Но одолела моря, как раньше честь одолела
(Дешево стоило честь потерять на мягких сиденьях).
Смело и стойко она и тирренские вынесла волны,
И далеко раздающийся шум Ионийского моря;
Много морей ей пришлось переплыть.

- Но когда предстоит им
Выдержать праведный искус и честный, то женщины трусят:
Их леденеют сердца и от страха их ноги не держат.
Храбрости хватит у них на постыдное только дерзанье.
Если прикажет супруг на корабль взойти,— тяжело ей:
Трюм противен, вонюч, в глазах все ужасно кружится.
- 100 Если с развратником едет, она здорова желудком,
Эту при муже рвет, а та, с моряками поевши,
Бродит себе по корме и охотно хватает канаты.
Впрочем, что за краса зажгла, что за юность пленила
Эппию? Что увидав, «гладиаторши» провище терпит?
Сэргиюл, милый ее, уж давно себе бороду бреет,
Скоро уйдет на покой, потому что изранены руки,
А на лице у него уж немало следов безобразных:
Шлемом натертый желвак огромный по самому носу,
Вечно слезятся глаза, причиняя острые боли.

- 110 Все ж гладиатор он был и, стало быть, схож с Гиацинтом.
 Стал для нее он дороже, чем родина, дети и сестры,
 Лучше, чем муж: ведь с оружием он! Получи этот Сергей
 Меч деревянный — и будет он ей вторым Вейнтоном.
 Эппией ты изумлен? преступлением частного дома?
 Ну, так взгляни же на равных богам, послушай, что было
 С Клавдием: как он заснет, жена его, предпочитая
 Ложу в дворце Палатина простую подстилку, хватала
 Пару ночных с капюшоном плащей, и с одной лишь служанкой
 Блудная эта Августа бежала от спящего мужа;
- 120 Черные волосы скрыв под парик белокурый, стремилась
 В теплый она лупанар, увешанный ветхим лохмотьем,
 Лезла в каморку пустую свою — и, голая, с грудью
 В золоте, всем отдавалась под именем ложным Лициски;
 Лоно твое, благородный Британник, она открывала,
 Ласки дарила входящим и плату за это просила;
 Навзничь лежащую, часто ее колотили мужчины;
 Лишь когда сводник девчонок своих отпускал, уходила
 Грустно она после всех, запирая пустую каморку:
 Все еще зуд в ней пылал и упорное бешенство матки;
- 130 Так, утомленная лаской мужчин, уходила несытой,
 Гнусная, с темным лицом, закопченная дымом свечей,
 Вонь лупанара неся на подушки царского ложа.

Стоит ли мне говорить о зельях, заклятиях и ядах,
 Пасынкам в вареве данных? В припадке страсти и хуже
 Делают женщины: похоти грех — у них наименьший.

«Но почему не нахвалится муж на Цензеннию?» —

Взял он

- Целый миллион сестерций за ней и за это стыдливой
 Назвал ее; от колчана Венеры он худ, от свечей
 Жарок ее? Нет, в приданом — огонь, от него идут стрелы.
- 140 Можно свободу купить, — и жена подмигнет и ответит
 На объяснение: вроде вдовы — богачиха за скрягой.

К Бибуле что же горит таким вождельем Серторий?
 Любит, по правде сказать, не жену он, а только наружность.
 Стоит морщинкам пойти и коже сухой позавянуть,
 Стать темнее зубам, а глазам уменьшиться в размере,
 Скажет ей вольный: «Бери-ка пожитки да вон убирайся!
 Нам надоело с тобой: сморкаешься часто; скорее,
 Живо уйди! Вон с носом сухим приходит другая».

- Жены, пока в цвету, как царицы, требуют с мужа
 150 Стад канузийских овец, фалернских лоз,— да чего там? —
 Требуют всех рабов молодых, все их мастерские;
 Дома не хватит чего, но есть у соседа,— пусть купит.
 В зимний же месяц, когда купец Язон загорожен
 И моряков снаряженных палатки белые держат,—
 Им доставляется крупный хрусталь, сосуды из мурры
 Больше еще да алмаз драгоценный, тем знаменитый,
 Что красовался на пальце самой Береники: когда-то
 Дал его варвар блуднице,— сестре он подарен Агриппой
 Там, где цари обнажением ног соблюдают субботу
 160 И по старинке еще доживают до старости свиньи.
 Ты из такой-то толпы ни одной не находишь достойной?
 Пусть и красива она, и стройна, плодовита, богата,
 С ликами древних предков по портикам, и целомудра
 Больше сабинки, что бой прекращает, влasy распустивши,
 Словом, редчайшая птица земли, как черная лебедь,—
 Вынесешь разве жену, у которой все совершенства?
 — Пусть венеузинку, но лучше ее, чем Корнелию, Гракхов
 Мать, если только она с добродетелью подлинной вносит
 Высокомерную гордость, в приданом числит триумфы.
 170 Нет, убери своего Ганнибала, Сифакса и лагерь,
 Где он разбит; убирайся, прошу, ты со всем Карфагеном!
 «О, пощади, умоляю, Пеан, и ты, о богиня,
 Стрелы сложи; неповинны сыны! Только мать поражайте».
 Так кричит Амфион. Аполлон же лук натягает:
 Кучу детей уж хоронит Ниоба и вместе супруга
 Только за то, что считала свой род знатнее Латоны,
 А плодовитость свою — как у белой свиньи супоросой.
 Где добродетель и где красота, чтобы стоило вечно
 Ими тебя попрекать? Удовольствия нет никакого
 180 В этом высоком и редком добре, что испорчено духом
 Гордым: там горечи больше, чем меда. Кто предан супруге
 Вплоть до того, чтобы часто не злиться, чтоб целыми днями
 Не ненавидеть жену, которую так превозносит?
 Правда, иная мала, но для мужа она нестерпима.
 Хуже всего, что супруга себя не признает красивой,
 Если не сможет себя из этруски сделать гречанкой,
 Из сульмонянки — афинянкой чистой: все, как у греков.
 Хоть и позорнее нашим не знать родимой латыни,

190 Греческой речью боязнь выражается, гнев и забота,
Радость и все их душевные тайны. Чего еще больше?
Любят, и то — как гречанки! Простительно девушкам это;
Ну, а вот ты — девяносто тебе уже скоро ведь — тоже
Хочешь по-гречески? Нет, для старух эта речь непристойна,
Сколько уж раз говоришь ты по-гречески так похотливо:
«Жизнь ты моя и душа»; при всех произносишь, что было
Только что под одеялом! Бесстыдно-разнеженный голос
Похоть разбудит у всех, захватит, как пальцами; пусть же
Перья спадут, и лицо твои годы выдаст, хотя бы
Ты говорила нежнее, чем Гем, нежней Карпофора.

200 Ежели ты не намерен любить законной супруги,
Значит, нет и причин, чтоб тебе на ком-то жениться,
Трат не надо на пир, не нужно и винных лепешек,
Тех, что дают в конце церемонии сытому гостю,
Ни подношений за первую ночь, когда на роскошном
Блуде блестят золотые монеты — Траян и Германик.

Если в супружестве ты простоват и к одной лишь привязан
Сердцем, — склонись головой и подставь под ярмо свою шею:
Ты не найдешь ни одной, что бы любящего пощадила;
Если сама влюблена, все же рада и мучить и грабить.
210 Стало быть, меньше всего полезна жена для того, кто
Сам обещается быть желанным и добрым супругом:
Ты никогда ничего не даришь, коль жена не захочет,
Ты ничего не продашь без нее, против воли не купишь;
Склонность твою предпишет она и откажет от дома
Старому другу, который бывал здесь еще безбородым.
Сводники или ланисты вольны составлять завещанья,
Право такое ж дано гладиаторам — слугам арены, —
Ты же добро завещай соперникам разным в наследство.

220 «Крестную казнь рабу!» — «Разве он заслужил наказание?»
В чем преступленье? Свидетели кто? Кто доносит? Послушай:
Если на смерть посылать человека, — нельзя торопиться». —
«Что ты, глупец? Разве раб человек? Пусть он не преступник, —
Так я хочу, так велю, вместо довода будь моя воля!»
Так она мужу велит; но скоро она покидает
Царство жены и меняет семью, затоптав покрывало,
Вновь исчезает — и снова приходит к постылому ложу;
Входа недавний убор, занавески она покидает,
В доме висящие там, и у двери зеленые ветви.

Так возрастает число, и в пять лишь осенних сезонов
 230 Восемь будет мужей — достойный надгробия подвиг!
 Теща покуда жива, не надейся в семье на согласие:
 Теща научит ценить разорение полное мужа,
 Теща научит искусно, хитро отвечать на записки,
 Что соблазнитель прислал; она расположит подачкой
 Иль проведет сторожей; хоть здорова вполне ее дочка,—
 Теща зовет Архигена, одежды тяжелые снимет;
 Скрытый меж тем в потаенных местах, любовник запрятан;
 Он, нетерпения полный, молчит — и готовит оружие.
 Ты не дожدهшься, чтоб мать дала дочери честные нравы —
 240 Нравы, каких не имеет сама: ведь гнусной старухе
 Полный расчет — воспитать такую же гнусную дочку.
 Чуть не во всех судебных делах начинается тяжба
 Женщиной: где не ответчик Манилия — глядь, обвиняет.
 Сами они сочинят заявленье, записку составят,
 Цельзу подскажут, с чего начинать и в чем аргументы.
 Кто не видал эндромид тирийских, не знает церомы,
 Кто на мишени следов не видал от женских ударов?
 Колет ее непрерывно ударами, щит подставляя,
 Все выполняя приемы борьбы, — и кто же? — матрона!
 250 Ей бы участвовать в играх под трубы на празднике Флоры;
 Вместо того не стремится ль она к настоящей арене?
 Разве может быть стыд у этакой женщины в шлеме,
 Любящей силу, презревшей свой пол? Однако мужчиной
 Стать не хотела б она: ведь у нас наслаждения мало.
 Вот тебе будет почет, как затеет жена распродажу:
 Перевязь там, султан, наручник, полупоножи
 С левой ноги; что за счастье, когда молодая супруга
 Свой наколенник продаст, затевая другие сраженья!
 260 Этим же женщинам жарко бывает и в тонкой накидке,
 Нежность их жжет и тонкий платок из шелковой ткани.
 Видишь, с каким она треском наносит мишени удары,
 Шлем тяжелый какой ее гнет, как тверды колени,
 Видишь, плотность коры у нее на коленных повязках.
 Смейся тому, как, оружие сложив, она кубок хватает.
 Лэпида внушки, Метелла слепого иль Фабия Гурга!
 Разве какая жена гладиатора так наряжалась?
 Разве Азила жена надрывалась вот так у мишени?
 Спальня замужней жены всегда-то полна перебранок,

Ссор: на постели ее заснуть хорошо не удастся.
 270 В тягость бывает жена, тяжелее бездетной тигрицы,
 В час, когда стонет притворно, задумавши тайный поступок,
 Или ругает рабов, или плачется, видя наложниц
 Там, где их нет; ведь слезы всегда в изобилие готовы,
 Ждут на своем посту, ожидая ее приказанья
 Течь, как захочется ей; а ты-то, балда, принимаешь
 Слезы ее за любовь, упоен, поцелуями сушишь!
 Сколько бы ты прочитал записок любовных и писем,
 Если б тебе шкатулку открыть ревнивицы грязной!
 Вот она спит с рабом, вот всадник ее обнимает...
 280 «Квинтилиан, оправдай, прикрой что-нибудь!» — «Затрудняюсь.
 Ты уж ответь сама». И она говорит: «Решено ведь,—
 Ты поступаешь как хочешь, и я уступаю желаньям
 Так же, как ты. Негодяй, баламуть хоть море, хоть небо:
 Я — человек!» — Наглее не сыщешь, когда их накроют:
 Дерзость и гнев почерпают они в самом преступленьи.
 Спросишь: откуда же гнусность такая и в чем ее корни?
 Некогда скромный удел охранял непорочность латинок,
 И небольшие дома не давали внедряться порокам
 Там, где был труд, где недолог был сон, и грубые руки
 290 Были от пряжи этрусской жестки, а к самому Риму
 Шел Ганнибал, и мужья охраняли Коллинскую башню.
 Ныне же терпим мы зло от долгого мира: свирепей
 Войн налегла на нас роскошь и мстит за всех побежденных.
 Римская бедность прошла, с этих пор у нас — все преступленья
 И всевозможный разврат; на наши холмы просочился
 Яд Сибариса, Родоса, Милета, отравы Тарента,
 Где и венки и разгул и где господствует пьянство.
 Деньги презренные сразу внесли иностранные нравы;
 Нежит богатство,— оно развратило роскошью гнусной
 300 Все поколение: нету забот у прелестницы пьяной;
 Разницы меж головой и ногами своими не видит
 Та, что огромные устрицы ест в полуночное время,
 В час, когда чистый фалерн дает благовониям пену,
 Пьют из раковин все, когда потолок закружится,
 Лампы двоятся в глазах, а стол вырастает все больше.
 Вот и любуйся теперь, как с презрительной фыркнет ужимкой
 Туллия, Мавры известной сестра молочная, тоже
 Мавра, коль древний алтарь Стыдливости встретят дорогой.

Ночью носилки здесь останоят они — помочиться,
310 Изображенье богини полить струей подлиннее,
Ерзают в свете луны, верхом друг на друга садятся,
После уходят домой; а ты, проходя на рассвете
К важным друзьям на поклон, на урину жены наступаешь.

Знаешь таинства Доброй Богини, когда возбуждают
Флейты их пол, и рог, и вино, и менады Приапа
Все в иступленье вопят и, косу разметавши, несутся:
Мысль их горит желаньем объятий, кричат от кипящей
Страсти, и целый поток из вин, и крепких и старых,
Льется по их телам, увлажняя колени безумиц.

320 Здесь об заклад венка Савфея бьется с девчонкой
Сводника — и побеждает на конкурсе ляжек отвислых,
Но и сама поклоняется зыби бедра Медуллины:
Пальма победы равна у двоих — прирожденная доблесть!
То не притворства игра, тут все происходит взаправду,
Так что готов вспылать с годами давно охладевший
Лаомедонтов сын, и Нестор — забыть свою грыжу:
Тут похотливость не ждет, тут женщина — чистая самка.
Вот по вертепу всему повторяется крик ее дружный:
«Можно, пускайте мужчин!» — Когда засыпает любовник,

330 Женщина гонит его, укрытого в плащ с головою.
Если же юноши нет, бегут за рабами; надежды
Нет на рабов — наймут водоноса: и он пригодится.
Если потребность есть, но нет человека, — немедля
Самка подставит себя и отдастся ослу молодому.

О, если б древний обряд, всенародное богослуженье
Пакостью не осквернялось! Но нет: и мавры и инды
Знают, как Клодий, одетый арфисткой, пришел с своим членом
Толстым, как свиток двойной, вдвое больше «Антикатона»,
В Цезарев дом на женский обряд, когда убегают
340 Даже и мыши-самцы, где картину велят занавесить,
Если увидят на ней фигуры не женского пола.

Кто же тогда из людей к божеству относился с презреньем,
Кто бы смеяться посмел над жертвенной чашей, над черным
Нумы сосудом, над блюдом убогим с холма Ватикана?
Ну, а теперь у каких алтарей не находится Клодий?

Слышу и знаю, друзья, давнишние ваши советы:
«Надо жену стеречь, запирать на замок». Сторожей-то
Как устеречь? Ведь она осмотрительно с них начинается.

350 Ведь одинакова похоть у высших, как и у низших:
 Та, что ходит пешком по улицам грязным, не лучше,
 Нежели та, что лежит на плечах у рослых сирийцев.
 Чтобы на игры смотреть, Огульния платье достанет,
 И провожатых взаймы, и носилки с подушкой, и няньку;
 Будут подруги по найму и девочка для поручений.
 Кроме того, она все серебро, от отца что осталось,
 Вплоть до последней посуды, дарит гладкокожим атлетам.
 Дома пускай нищета,— ни одна от нее не скромнее
 И не считается с теми границами, что наложила
 Бедность, данная ей. Однако мужа временами
 360 То, что полезно, предвидят; иные берут руководством
 Жизнь муравья, опасаясь познать и холод и голод.
 Ибо мотовка жена не чует имущества гибель:
 Будто в пустом ларце возрождаются новые деньги,
 Будто берутся из груды, всегда остающейся полной,—
 Не размышляет она, сколько стоят ее развлеченья¹.

¹ После 365-го стиха в Оксфордской рукописи Ювенала (XI век) идут еще 34 стиха, обнаруженные в 1899 г. Винстедтом. Они представляют собой отрывок иной редакции текста, но, без сомнения, редакции самого Ювенала. Даем их перевод:

В доме любом, где живет и шалит непристойности мастер,
 Все обещая десницей трепещущей, ты обнаружишь
 Только одних срамников да поклонников гнусности мерзкой.
 Им позволяют сидеть за священным столом, оскверняя
 Пищу, и вымыть велят ту посуду, что надо разбить бы
 После питья Хелидоны брадатой иль Колоцинты.
 Чище и лучше, чем Лары твои, гладиатора келья,
 Так как в отряде его предлагают держаться подавшие
 Писилу — не там, где Евхоплий; ведь даже с туникой грязной
 10 Сеть не мешается там, и тот, кто сражается голый,
 В ту же каморку своих не положит наплечников вместе
 С грозным трезубцем врага. А этих существ принимает
 Школы последняя часть, и в тюрьме их веревки особы.
 Но заставляет тебя разделять свою чашу супруга
 С тем, с кем и девки с кладбищ разоренных и те побоятся
 Вместе отведать вина из Альбы иль из Суррента.
 С ведома их и выходят за вас и вас покидают
 Жены; для них и томленье души, и жизнь сохраняют;
 Бедами, задом качать у них научаются жены,
 20 Да и всему мастерству, что известно им. Но невозможно
 Этим всегда доверять: глаза ведь сурьюмо подводят
 Прелюбодей, одетый в шафран и убранный сеткой.
 Пусть подозрителен будет тебе его женственный голос
 Или рука, позабытая им на нежных коленях;

Женщин иных прельщают бессильные евнухи с вечно
Пресными их поцелуями, кожей навек безбородой:

С ними не нужен аборт: наслаждение с ними, однако,

370 Полное, так как они отдают врачам свои члены
С черным уж мохом, когда обрастила их пылкая юность;
Эти шулята, когда-то лишь видные, в росте свободном
После того как достигнут двух фунтов, у них отрезает
Гелиодор, принося лишь ущерб одному брадобрею¹.

Тот, кто своей госпожой кастратом сделан, вступает
В баню заметный для всех, на себя обращая вниманье,
Смело взывая к хранителю лоз.

Пускай с госпожой он
Спит себе; только ты, Постум, смотри не доверься кастрату
Вакха, что вырос с тобой и уже приготовился к стрижке.

Если жена увлекается пеньем,— никто не спасется
380 Из продающих свой голос претору: их инструменты
Вечно у ней в руках, сардониксы сверкают на лире
Сплошь, и дрожащий плектр постоянно порхает по струнам,—
Нежного плектр Гедимела, пред ней исполнявшего песни:
Держит его, утешается им и целует желанный,
Женка из Ламиев рода, фамилии Аппиев, молит,
Януса с Вестой мукой осыпая, вином орошая,—
Дать Поллиону дубовый венок, чтобы струны украсить
На состязаниях капитолийских.

Не сделала б больше,
Муж захворай у нее, беспокойся врачи о сынишке.

Крепость свою он покажет в постели: покончивши танец,
Маску Танды долой — и Трифалл объявляется ловкий.
Кто же смешон? Для других этот мим. Готов я поспорить,
Бьюсь об заклад: хоть куда ты мужчина! Я бьюсь!

Признаешься?

Или пусть дом палача созывает служанок? — Советы
30 Знаю я ваши, друзья, уговоры мне ваши известны:
Надо супругу стеречь, запирасть на замок. — Сторожей-то
Как устеречь, коль они утаят за такую же плату
Прелюбодейки обман и не выдадут общего дела?
Все это знает жена и с них-то всегда начинается.

¹ После 373-го стиха в Оксфордской рукописи следуют еще два:

Что до детей продавцов рабов, то жжет их бессилье
Вправду: стыдятся они мошонки с горошиной жалкой.

390 Пред алтарем предстоя, она не считает зазорным
Ради кифары закрыть себе голову, как подобает
Произнести мольбу, побледнеть при вскрытии агнца.
Ты, из богов древнейший, скажи, прошу тебя, Янус
Отче, скажи, отвечаешь ты ей?

Верно, на небе скучно;
Делать там нечего вам, небожителям, как посмотрю я:
Эта о комиках просит тебя, а та предлагает
Трагика взять; между тем у гаруспика ноги опухнут.

Пусть она лучше поет, чем по городу шляется всюду,
Наглая, в кучки мужчин вмешаться готовая смело,
400 Или в присутствии мужа ведет разговоры с вождами
(Прямо с похода), глядя им в лицо и совсем не вспотевши.
Этакой все, что на свете случилось, бывает известно:
Знает она, что у серов, а что у фракийцев, секреты
Мачехи, пасынка, кто там влюблен, кто не в меру развратен.
Скажет она, кто вдову забрюхатил и сколько ей сроку,
Как отдается иная жена и с какими словами;
Раньше других она видит комету, опасную царству
Парфян, армян; подберет у ворот все слухи и сплетни
Или сама сочинит, например, наводнение Нифата,
410 Хлынувшего на людей и ужасно залившего пашни,
Будто дрожат города, оседает земля,— и болтает
Эта сорока со встречным любим на любом перекрестке.

Впрочем, жена и с пороком таким не столь нестерпима,
Как приобывшая драться с соседями, бить их ремнями,
Бедных, вопящих; когда ее сон прерывается лаем,—
«Палок скорее несите сюда!» — кричит она, в палки
Раньше потребует взять хозяина, после — собаку.
Встретиться с ней тяжело; она отвратительна с виду.

Моется в бане она по ночам: вдруг прикажет тревогу
420 Бить, свои шайки нести — и парится с шумом великим;
Руки когда упадут у нее, утомленные гирей,
Ловко ее щекотать массажист начинает проворный,
Хлопая громко рукой по ляжкам довольной хозяйки;
Голодные гости меж тем, несчастные, хочется спать им;
Вся раскрасневшись, приходит она наконец и готова
Выпить корзину вина вместимостью в целую урну;
В ноги поставив ее, она тянет второй уж секстарий
Перед едой, аппетит возбуждая поистине волчий.

После того как на землю сблует, промывая желудок,
430 Мрамор потоки зальют, золотая лоханка фалерном
Пахнет; подобная длинной змее, свалившейся в бочку,
Женщина пьет и блует. Тошнит, понятно, и мужа:
Он закрывает глаза, едва свою желчь подает,

Впрочем, несноснее та, что, едва за столом поместившись,
Хвалит Вергилия, смерти Дидоны дает оправданье,
Сопоставляет поэтов друг с другом:

Марона на эту

Чашку кладет, а сюда на весы полагает Гомера.

Риторы ей сражены, грамматики не возражают,
Все вокруг нее молчат, ни юрист, ни глашатай не пикнут,
440 Женщины даже молчат, — такая тут сыплется куча
Слов, будто куча тазов столкнулась с колокольцами;
Тут уж не станет никто насиловать медные трубы,
Так как она и одна поможет Луне при затменье.

Мудрый положен предел увлечениям самым почтенным;
Та, что стремится прослыть ученой, речистой не в меру, —
Выше колена должна подпоясывать тунику, в жертву
Резать Сильвану свинью и платить по квадранту за баню,
Пусть же матрона, что рядом с тобой возлежит, не владеет
Стилем речей, энтимемы кудрявые не запускает
450 Средь закругленных словес и не все из истории знает,
Пусть не поймет и из книг кой-чего; мне прямо противна
Та, что твердит и еще раз жует Палемона «Искусство»,
Вечно законы блюдя и приемы правильной речи,
Та, что, древность любя, неизвестный нам стих вспоминает
Или напрасно слова поправляет простужки подруги;
Нет, уж позвольте мужьям допускать обороты любые.

Женщина все позволяет себе, ничего не считает
Стыдным, лишь стоит на шею надеть изумрудные бусы
Или же ухо себе оттянуть жемчужной сережкой.

460 Что может быть несноснее, чем... богатая баба:
Видом противно лицо, смехотворно, от множества теста
Вспухшее все, издающее запах Поппейной мази, —
Губы марают себе несчастный муж в поцелуе.
С вымытой шеей она к блуднику лишь пойдет:

разве дома
Хочет казаться красивой она? Блудникам — благовонья!
Им покупается все, что пришлют нам инды худые.

Вот показала лицо и снимает свою подмалевку,—
Можно узнать ее; вот умывается в ванне молочной,
Ради которой она погнала бы ослиное стадо
470 Даже в изгнание вплоть до полярных Гипербореев.
Это лицо, что намазано все, где меняется столько
Снадобий разных, с припарками из подогретого теста
Или просто с мукой,— не лицом назовешь ты, а язвой.
Стоит труда изучить хорошенько, что делают жены,
Чем они заняты целые дни. Если ночью ей спину
Муж повернет,— беда экономке, снимай гардеробщик
Тунику, поздно пришел носильщик будто бы, значит,
Должен страдать за чужую вину — за сонливого мужа:
Розги ломают на том, этот до крови исполосован
480 Плетью, кнутом (у иных палачи нанимаются на год).
Лупят раба, а она себе мажет лицо да подругу
Слушает или глядит на расшитое золотом платье;
Порют — читает она на счетах поперечные строчки;
Порют, пока изнемогшим секущим хозяйка не крикнет
Грозное «вон!», увидав, что закончена эта расправа.
Домоправленье жены — не мягче двора Фалариса.
Раз уж свиданье назначено ей, должно нарядиться
Лучше обычных дней — и спешит к ожидающим в парке
Или, быть может, скорей, у святилища сводни — Исиды.
490 Волосы ей прибирает несчастная Псека,— сама-то
Вся растрепалась от таски, и плечи и груди открыты.
«Локон зачем этот выше?» — И тут же ремень наказует
Эту вину волоска в преступно неверной завивке.
Псеки в чем недосмотр? Виновата ли девушка, если
Нос твой тебе надоел? — Другая налево гребенкой
Волосы тянет и чешет и кольцами их завивает.
Целый совет: здесь старуха рабыня, что ведает пряжей,
Больше за выслугой лет не держащая шпилек хозяйки,—
Первое мнение будет ее, а потом уже скажут
500 Те, что моложе годами и опытом, будто вопрос тут —
Доброе имя и жизнь: такова наряжаться забота.
Ярусов сколько, надстроек возводится зданьем высоким
На голове; поглядишь — Андромаха с лица, да и только!
Сзади поменьше она, как будто другая.

А ну как
Ростом не вышла она в Андромаху и, став без котурнов,

Будет не выше, чем дева пигмейской породы: тогда ведь
Для поцелуев-то ей подниматься на цыпочки нужно.

Нет у такой жены ни заботы о муже, ни мысли
О разоренье: живет она просто, как мужа соседка,
510 Ближе к нему только тем, что друзей и рабов его хает,
Тяжко ложась на приход и расход.

Иступленной Беллоны

Хор приглашает она иль Кибелы,— приходит огромный
Полумужик, что в почете у меньшей братии бесстыдной,
С давних времен оскопивший себя черепком заостренным;
Хриплая свита дает ему путь, отступают тимпаны.
Толстые щеки его — под завязкой фригийской тиары;
Важно кричит он, велит сентября опасаться и Австра,
Если она не пожертвует сотню яиц в очищенье
520 И самому не отдаст багряниц поношенных, дабы
Все, что внезапной и тяжелой опасностью ей угрожает,
В эти одежды ушло, принося искупление за год.
Ради того и зимой через лед нырнет она в реку,
Трижды поутру в Тибр окунется, на самых стремнинах
Голову вымоет в страхе — и голая, с дрожью в коленях,
В кровь исцарапанных, переползет все Марсово поле
(Гордого поле царя); прикажет ей белая Ио —
Вплоть до Египта пойдет и воду от знойной Мерои,
Взяв, принесет, чтобы ей окропить богини Исиды
Храм,— возвышается он по соседству с древней овчарней:
530 Верит она, что богиня сама насылает внушенья;
Будто с ее-то душой и умом не беседуют боги!

Вот почему наивысший почет особливо имеет
Тот, кто в плешивой толпе, разодетый в льняные одежды,
Ходит Анубисом-псом, глумясь над поникшим народом;
Молится он о жене, что нередко была невоздержна
В совокупенье на праздничный день или на день запретный:
Тяжкая кара грозит за попрание брачного ложа,—
Кажется, точно серебряный змей шевельнул головою...
540 Слезы жреца и заученный шепот приводят к тому, что
Женщины грех отпустить согласится Осирис,—

конечно,

Жирным гусем соблазненный и тонкого вкуса пирожным.

Этот уйти не успел, как еврейка-старуха, оставив
Сено свое и корзину, нашепчет ей на ухо тайны,

Клянча подачку,— толмач иерусалимских законов,
Жрица великая древа и верная вестница неба;
Будет подачка и ей, но поменьше: торгуют евреи
Бреднями всякого рода за самую низкую плату.

Вот из Армении иль Коммагены гадатель посмотрит
В легкие теплой голубки — и милого друга сулит ей,
550 Смерть богача холостого и крупные деньги в наследство;
Перекопает он груди у кур и нутро собачонки,
Даже иной раз младенца,— и сам же доносит на жертвы.

Большая вера халдеям: чего ни наскажет астролог,—
Жены поверят, что это вещает источник Аммона,
Раз уж Дельфийский оракул умолк; а роду людскому
Лестно в грядущую тьму заглянуть, насколько возможно.
Выше всех ценится тот, кого несколько раз выслали,
Чье дружелюбие и чей гороскоп погубили недавно
Славную жизнь гражданина, внушившего ужас Отону,
560 Верят искусству его, хотя б кандалами гремел он
Справа и слева, хотя б сидел он в остроге военном.
Неосужденный астролог совсем не имеет успеха:
Гений лишь тот, кто едва не погиб, попав на Циклады
В ссылку, кто, наконец, избежал теснины Серифа.
Спросит его и о медленной смерти желтушной мамыши,
И о тебе Танаквила твоя, да скоро ли сестры,
Дяди помрут, да любовник ее — проживет ли он дольше,
Чем Танаквила сама; чего еще боги даруют?

Впрочем, иные не знают, чем мрачный Сатурн угрожает
570 Или в каком сочетании звезд благосклонна Венера,
Месяц к убытку какой, какое к прибыли время.

Не забывай избегать даже встречи с женщиной, если
Виден в руках у нее календарь, что лоснится, как будто
Жирный янтарь: уж она у других не попросит совета,—
Спросят ее самоё; она не пойдет с своим мужем
В лагерь, домой: не пускают ее вычисленья Трасилла.
Если захочется ей хоть до первого камня доехать,—
Время берется по книге, а если зачешется веко,
Мази попросит она, посоветовавшись с гороскопом.
580 Если больная лежит, то часы для принятия пищи
Выберет только такие, которые дал Петосирус.

Если она небогата, она, пробежавши пространство
Между столбами, отдаст свой жребий, и руку протянет,

И предоставит лицо — прорицателю: любит он чмокать.
Тем, кто богаты, тем авгур фригийский дает разъяснения,
Или индус нанятой, что сведущ и в небе и в звездах,
Или этрусский старик, что молнии в Риме хоронит.
Жребий плебеек сокрыт на окраинах города, в цирке:

590 Женщины эти, надев золотую цепочку на шею,
Возле столбов цирковых и колонн с дельфином гадают,
Бросить кабатчика ль им да пойти за старьевщика замуж.

Бедные хоть переносят опасности родов и терпят
Тяжкий кормилицы труд, принужденные долей замужних;
На позолоченном ложе едва ль ты найдешь роженицу:
Слишком лекарства сильны и слишком высоко искусство
Той, что бесплодые дает и приводит к убийству во чреве
Женщин. Ликуй же, несчастный, любое питье подавая:
Если бы вдруг захотела жена растянуть себе брюхо,
Мучась толчками младенца, то, может быть, ты эфиопа
600 Станешь отцом, — и чернявый наследник, которого

«здравствуй»

Вовсе противно тебе, не замедлит войти в завещанье.

Что говорить о подкидышах?

Вместо веселых обетов

Часто находят у грязных прудов их, — и вон понтифексы,
Салии будут готовы, и Скавров подделано имя
В теле чужом. Сторожит по ночам, улыбаясь младенцам
Голым, Фортуна коварная, греет их всех, завернувши
В пазуху, вводит потом голышей в родовитые семьи.
Втайне забаву готовя себе, она их лелеет,
Возится с ними, всегда выдвигает их, будто питомцев.

610 Кто принесет заклинанья, а кто фессалийского яду
Женке продаст, чтоб супруга она, совсем одурманив,
Смело пинала ногой. Потому-то и стал ты безумен,
Вот потому и туман в голове, и забыл ты о деле
Сразу. Но это еще переносно, пока не впадешь ты
В бешенство, вроде того опоенного дяди Нерона,
Мужа Цезонии, что налил ему мозг жеребенка
(Всякая женщина то же, что царские жены, содеет).
Все пред Калигулой было в огне, все рушились связи,
Точно Юнона сама поразила безумием мужа.

620 Право же, менее вредным был гриб Агриппины, который
Сердце прижал одному старику лишь и дал опуститься

Дряхлой его голове, покидавшей землю для неба,
Дал опуститься рту со стекавшей длинной слюною.
Зелье такое взывает к огню и железу и мучит,
Зелье терзает сенаторов кровь и всадников жилы:
Вот чего стоит отроде кобылы да женщина-ведьма!

Жены не терпят детей от наложниц: никто да не спорит,
Не запрещает,— ублюдка (да, да!) надлежит уничтожить;
Вас, малолетки с большим состоянием, предупреждаю:
630 Жизнь берегите, к блюдам никаким не имейте доверья,—
В этих бледных лепешках кипят материнские яды.
Пусть-ка откусит сперва кто-нибудь от того, что предложит
Мачеха; пусть-ка пригубит питье опасливый дядька.

Выдумка это, конечно? Сатира обулась в котурны,
Мы преступили, конечно, границы и правила предков:
Точно в Софокловой маске безумствует стих нарочитый,
Чуждый рутульским горам, незнакомый латинскому небу...
Пусть бы мы лгали, пусть! Но Понтия вслух заявляет:
«Да, сознаюсь, приготовила я аконит моим детям;
640 Взяла с поличным меня,— преступленье свершила сама я».

— Элая гадюка, обедом одним умертвила двоих ты,
Сразу двоих? — «Будь семеро их, семерых бы я тоже...»
Лучше поверить всему, что поведал нам трагик о Прокне
И о колхидянке лютой: я их не могу опровергнуть;
В те времена совершали они чудеса злодеяний
Не из-за денег совсем; изумления меньше достоин
Верх злодеяний: ведь женщин всегда к преступленью приводит
Гнев, и, пылая от бешенства сердцем, они понесутся
Вниз головой, как скала, оторвавшаяся от вершины,
650 Если оседет гора и обрушится скользким уклоном.
Нет, нестерпимы мне те, что расчетливы в их злодеяньях,
В здравом уме их творят. Они смотрят «Алкесту», что мужа
Смерть приняла; а вот если бы им предложили замену,
Мужниной смертью они сохранили бы жизнь собачонки.
Ты что ни день Данайд повстречаешь, найдешь Эрифилу,
Каждая улица Рима имеет свою Клитемнестру;
Разница только лишь в том, что та Тиндарида хватала
В обе руки неудобную вовсе, тупую секиру,
Нынче же дело решит незаметное легкое жабы;
660 Ну, а железо — лишь там, где Атрид осмотрительно принял
Противоядие битого трижды царя Митридата.

Книга третья

САТИРА СЕДЬМАЯ

Только в Цезаре — смысл и надежда словесной науки:

Он ведь один почтил печальных Камен в это время, —
Время ненастья, когда знаменитые наши поэты
Брали на откуп то в Габиях баню, то в Риме пекарню
И не считали позором и срамом глашатая дело,
Время, когда из долин Аганиппы, покинув их, Клио,
Вовсе голодная, переселилась в приемные залы.

Если нельзя увидеть и гроша в тени Пиэрии,
Ты поневоле возьмешь ремесло и кличку Махеры:

- 10 Выйдешь толпе продавать на комиссию взятые вещи —
Мебель, посуду для вин, треноги, комоды, шкатулки,
Пакка и Фавста стихи — «Алцитою», «Фивы», «Терея».
Лучше уж так, чем в суде заявлять, что ты очевидец,
Сам ничего не выдав; хоть и так поступают вифинцы,
Разные всадники там азиатские, каппадокийцы
Да голопчатый народ, что Галлия нам поставляет.

Только лишь с этой поры наукам противной работы
Взять не захочет никто, вплетающий звучные речи
В мерно-певучий размер, никто, отведавший лавра.

- 20 Помните, юноши: смотрит на вас и вас поощряет
Благоволенье вождя, ожидающее оправданья.

Если же ты, Телесин, еще откуда-то мыслишь
Помощи ждать в делах, заполняя стихами пергамент
Книги шафранной, то лучше потребуй немедленно дров ты,
Свиток в дар принеси огневому супругу Венеры
Или запри его, брось и отдай на съедение моли;
Ты, создатель высоких стихов в своей маленькой келье
С целью плющ заслужить и тощее изображение,
Жалкий, сломай-ка перо и покинь бессонные битвы:

- 30 Больше надежды нам нет, — скупой богатея научился
Авторов только хвалить, поэтам только дивиться,
Как на павлина дивится юнец. А годы уходят —
Возраст, который сносил и море, и шлем, и лопату;
В душу тогда проникает тоска, и красноречивый
Голый старик проклиная себя и свою Терпсихору.

Знай же уловки того, кого чтишь вместо Муз, Аполлона, —

Как он хитрит для того, чтоб тебе поменьше досталось:
Сам он пишет стихи, одному уступая Гомеру
(Ради тысячи лет), и если ты, сладостью славы

- 40 Пылкий, читаешь,— тебе приспособит он для выступленья
Дом заброшенный, что уж давно за железным засовом,
С дверью, подобной воротам, замкнувшимся перед осадой;
Даст и отпущенников рассадить на последних скамейках,
Громкие даст голоса из среды приближенных, клиентов;
Но ведь никто из царей не оплатит цену сидений,
Цену подмостков, стоящих на брусьях, что в долг были взяты,
Или оркестры, где кресла стоят — заемные тоже.

- Всё же мы дело ведем и по тощему пыльному слою
Ташим плуг бороздой на пашне бесплодного поля;
60 Мы как в петле привычки к тщеславному делу; свободы
Нам не дано, а зараза писать не у всех излечима.
Болью души она держит людей и в них матерее.

- Лишь выходящий из ряда поэт, особенной крови,
Что не привык повторять приведенное, что не чеканит
Пошлых стихов одинакой для всех разменной монетой,—
Этот поэт — я не знаю его, а чувствую только —
Создан духом превыше забот, без горечи вовсе;
Он стремится в леса и жадно пьет Аонидин
Ключ вдохновенья. Не будет певцом пиэрийского грота,
60 Тирса не сможет держать — бедняк печальный, лишенный
Всех тех средств, что нужны его телу днем или ночью:
Клич заздравный творя, Гораций, конечно, был сытым!
Есть ли таланту простор, когда не только стихами
Сердце полно и стремленьем к владыкам Кирры и Нисы,—
Сердце, которому трудно нести двойную заботу?
Дело великой души — не забота купить покрывало,
Но созерцанье коней, колесниц, божественных ликов,
Той Эринии, кем приведен в смятение Рутул.
Если б Вергилий был без слуги, не имел бы жилища
70 Сносного, то из волос Эриний все гидры упали б,
Мощным звуком труба, онемев, не взыграла бы; можно ль
Требовать с Лапы Рубрена все качества древних трагедий,
Если «Атрей» пошел под заклад плаща и посуды?

Сам Нумитор не бедняга ль? Послать ему нечего другу,
Только всего на подарки Квинтилле находятся деньги;
Есть и на то, чтоб льва приобрести ручного, что мясо

Жрет помногу: ведь зверь, как известно, стоит дешевле,
 Нежели брюхо поэта, который съест что угодно.
 Пусть преславный Лукан возлежит среди мраморов сада:
 80 Что для Серрана вся слава его, какова ни была бы?
 Что в ней бедняге Салею, хоть это и слава поэта?
 Смотришь, бегут на прочтенье приятной для всех «Фиваиды»,
 Только лишь Стаций назначил день и обрадовал город.
 Что за нежностью он охватил плененные души,
 Что за страсть у толпы послушать эту поэму!
 Но хоть скамьи и трещат под народом, — а Стацию кушать
 Нечего, коль не продаст он новинку «Агаву» Парису:
 Должности тот раздает почетные часто и щедро
 И на полгода кольцом золотым обручает поэтов.
 90 То, чего знатный не дал, даст актер; чего ж ты хлопочешь
 У Камеринов, Барей, в просторных приемных вельможи?
 Ведь «Пелопея» префектов дает, «Филомела» — трибунов;
 Но не завидуй поэтам, которых лишь сцена питает:
 Где у тебя Меценат, кто будет тебе Прокулеем,
 Фабием кто? Где Котта второй и где новый Лентул?
 В те времена по таланту была и награда; для многих
 Было полезно бледнеть и декабрь без вина оставаться.
 Далее, ваши труды, летописцы, намного ль доходней?
 Больше и времени нужно на них, и масла для лампы.
 100 Меру забыв, уже тысячная громоздится страница,
 Всем на беду нарастая огромных папирусов толщей:
 Так изобилие дел и законы науки велели.
 Жатва у вас какова? И дает ли плоды эта почва?
 Кто же историку даст, сколько тот — собирателю справок?
 Вы, мол, ленивый народ, довольный покоем и тенью.
 Ну, а дают что-нибудь для ходатаев наших гражданских
 Спутницы их, деловые бумаги в огромных обложках?
 Эти красно говорят, когда их слышать кредиторам, —
 Пуше всего, если их за бока возьмет тот, что покруче,
 110 За должником ненадежным придя с объемистым списком:
 Тут они, как из мехов, изрыгают безмерные враки,
 Брызжа на платье слюной; но если ты хочешь проверить
 Цену их жатвы, сюда положи достояние сотни
 Этих юристов, туда — одного лишь Лацеры из «красных».
 Вот уж уселись вожди; встает побледневшим Аяксом
 Спорной свободы защитник пред ликом судьи-свинопаса;

Грудь надрывай, несчастный, чтоб после, когда изнеможешь,
 Пальму зеленую дали тебе — украшение лестниц.
 Что же в награду за речь? Сухая грудинка да блюдо
 120 Пеламид, старый чеснок от твоих мавританских клиентов,
 Или штук пять бутылей вина, подвезенного Тибром.
 Если четырежды ты выступал, заработал червонец,
 То и с него кое-что отпадет прагматикам в долю.
 Платят Эмилию, сколько должны, хотя бы он хуже
 Нас говорил, потому что в передней его колесница
 С рослой четверкой коней из бронзы и сам он, на дикой
 Воинской лошади сидя, грозитя копьем дальнометным,
 Будто бы пять выбирая своей одноглазой фигурой.
 Так-то беднеет Педон, и Матон разоряется, близок
 130 К краху Тонгилий с его притираньями из носорога,
 С шумной толпой неопрятных клиентов, когда через площадь
 Слуги мидийские в длинной лектике несут его, с целью
 Вилл закупить, серебра, и рабов, и мурринских сосудов,
 Пурпуром ткани из Тира прельстительно вас убеждая.
 Все то полезно им: удорожает юриста тот пурпур,
 Цену дает фиолетовый плащ; им нужно жить с треском,
 Жить под личиною средств, превышающих их состояние;
 Но расточительный Рим не знает предела издержкам.
 Разве мы верим речам? Ведь никто не доверил бы нынче
 140 Двести монет Цицерону, когда бы не перстень блестящий.
 Смотрит сначала истец, имеешь ли восемь рабов ты,
 Есть ли лектика с тобой, десяток вожатых, клиенты
 В тогах иль нет. Недаром в чужом выступал сердолике
 Павел: ведь этим дороже он стоил Басила и Галла.
 Редко речь бывает красна в убогих лохмотьях.
 Разве Басилу дадут показать материнские слезы?
 Кто б красноречие вынес его? Пускай уже лучше
 Галлия примет тебя, чтоб тебе и за речи платили,
 Или же Африка — мамка юристов прекрасноречивых.
 150 Ты декламации учишь? Какая железная глотка,
 Веттий, нужна, чтоб твой класс наконец уничтожил тиранов!
 Сидя читается речь, а потом то же самое стоя
 Ритору класс преподносит, и то же стихами поет он:
 Теми же щами совсем убивают наставников бедных.
 Что за оттенок да что за причина и корень вопроса,
 Далее, где б усмотреть возможные стрелы ответов,—

Всем ведь желательно знать; а платить — никто не желает.

«Платы? Да разве я что изучил?» Иными словами,

160 Сам виноват ты, учитель, когда у аркадского парня

Сердце еще не взыграло, хотя бы он еженедельно

Бедную голову нам забивал «Ганнибалом» ужасным,

Что бы он ни разбирал: устремиться ли после сраженья

В Каннах на Рим, или после дождей и гроз осторожно

Войско свое отвести, отсыревшее от непогоды.

Хочешь, побьюсь об заклад — и немедленно наличными выдам,

Ежели парня отец столько раз его сможет прослушать.

То же все шесть или больше софистов кричат в один голос

И, побросавши вояк, занимаются подлинным делом:

С них уж довольно отрав да мужей этих неблагодарных

170 Или котлов, что слепым старикам возвращают здоровье.

Ритор в отставку уйдет, коль поступит по нашим советам,

Вступит на пестрый жизненный путь, от школьного мрака

В битву жизни сойдет: у него не погибнут деньжонки,

Раз он достанет себе тессеру на выдачу хлеба.

Это ведь самый высокий доход для ритора. Спросишь,

Учит почем Хрисогон, почем Поллион богатеев,

И от досады порвешь весь учебник речей Феодора.

Тысяч шестьсот стоит баня, да портик — еще подороже,

Где господину понежиться в дождик, не дожидаясь

180 Ясной погоды, носилки свои не забрызгавши грязью

(Так-то лучше блестят копыта нарядного мула).

Сзади — столовый зал, на больших нумидийских колоннах,

Высю своей собирает лучи заходящего солнца.

Сколько за дом? И сколько тому, кто умеет расставить

Кушанья, или тому, кто сладкое к пиру готовит?

Перед лицом этих трат полагают, что пары червонцев

Хватит вполне заплатить хотя бы Квинтилиану.

Сын для отца дешевле всего. «Откуда же столько

Квинтилиан имеет лесов?» Не надо примеров

190 Редкой удачи: кому повезет, тот и мудр и прекрасен,

Красноречив; кому повезет — родовой, благороден

И, как сенатор, — обут в сапоги с застежками лункой;

Раз повезло, он великий оратор, искусный стрелок он.

Чудно поет (даже если охрип). Вся разница в том лишь,

Что за светила тебя с материнского лона приемлют,

Слыша твой первый крик рожденного только младенца.

Если захочет Судьба, ты из ритора консулом станешь;
 Волею той же Судьбы ты не консул будешь, а ритор.
 200 Хоть бы Вентидий — кто? Кто Туллий? Ими звезда лишь
 Добрая правит да сила чудесная темного рока:
 Рок дает царства рабам, доставляет пленным триумфы.
 Впрочем, счастливцев такой реже белой вороны бывает.
 Многих сомненье берет в их пустой и бесплодной учебе:
 Плохо свой кончили век Лисимах, Секунд Карринатский;
 Видели вы бедняком, Афины, даже того, кто
 С вас не имел ничего, кроме чаши холодной цикуты.
 Пусть же, о боги, теням наших предков земля будет легкой,
 Пусть благовонный шафран и весна пребывают в их урнах
 В честь их желанья, чтоб место отца заступал лишь наставник.
 210 Взрослый уже Ахиллес боялся розги, когда он
 Пенью учился в родимых горах: он не стал бы смеяться
 Даже теперь над хвостом кентавра, учителя пеня.
 Нынче же ученики колотят Руфа и прочих,—
 Руфа, которого все Цицероном-аллоброгом звали.
 Кто же Келаду отдаст, Палемону ученому столько,
 Сколько их труд заслужил грамматика? А ведь из этой
 Мелочи (плата у них куда чем у риторов меньше!)
 Кой-что откусит на долю свою и дядька безмозглый,
 И выдающий урежет себе. Палемон, уступи же,
 220 Платы убыток стерпи, подобно тому торгашу, что
 Продешевит простыни, одеяла дешевле уступит,—
 Лишь бы совсем не пропала работа твоя среди ночи,
 Труд спозаранку, когда не проснулись и мастеровые,
 Те, что шерсть начинают пряхти кривыми гребнями;
 Только бы вонь от стольких лампад, сколько было мальчишек,
 Зря не пропала, когда по ночам казался Гораций
 Вовсе бесцветным и копотью весь покрывался Вергилий.
 А для полочки твоей ведь еще у трибунов дознание
 230 Нужно! Вот так и блюда суровой науки обычай,
 Ибо учителя долг — языком в совершенстве владея,
 Помнить историю всю, а авторов литературных
 Знать, как свои пять пальцев, всегда; и ежели спросят
 Хоть по дороге в купальню или в баню, кто у Анхиза
 Мамкой была, как мачеху звать Анхемола, откуда
 Родом она,— скажи; да сколько лет было Ацесту,
 Сколько мехов сицилийских вин подарил он фригийцам.

Пусть, мол, наставник оформит рукой еще мягкий характер,
Лепит из воска лицо, как скульптор; пусть своей школе
Будет отцом, чтоб питомцы его не шалили позорно,
240 Не предавались порокам. Легко ль за руками мальчишек
Всех уследить, когда, наблюдив, убегают глазами?
Вот, мол, забота тебе. А кончится год, получай-ка,
Сколько за день собирает с толпы победитель из цирка.

САТИРА ВОСЬМАЯ

Что в родословных за толк? Что пользы, Понтик, считается
Древних кровей, выставлять напоказ своих предков портреты —
Эмилианов род, стоящих на колесницах,
Куриев с маленькой порчей, Корвина, что стер уже плечи,
Гальбу, совсем без ушей и вовсе лишенного носа?
Что из того, что в большущей таблице хвастливо укажешь
Ты на Корвина, сплетаясь на древе с иными ветвями,
Где потемнел уже конный начальник с диктатором вместе,—
Если порочишь ты Лепидов честь? К чему эти лица
10 Стольких вояк, если ты пред лицом Сципионов играешь
В кости всю ночь, засыпаешь же только с восходом денницы —
В час, когда эти вожди пробуждали знамена и лагерь?
Стоит ли, Фабий,— хоть ты Геркулесова рода потомок,—
Радоваться аллоброгам, большим алтарем восхищаться,
Раз ты и жаден, и пуст, и слаб, как егванский ягненок?
С кожей изнеженной, пемзой катинской натертой, позоришь
Ты волосатых отцов и, точно преступник, бесчестишь
Весь свой несчастный род портретом своим недостойным.
Хоть твоя зала полна восковыми ликами предков,—
20 Знатности нету нигде, как только в доблести духа:
Нравом, характером будь иль Коссом, иль Друзом, иль Павлом,—
Вот кого ты выставляй перед ликами собственных предков,
Вот кто,— если ты консул,— тебе вместо ликторов будет.
Выкажи прежде всего богатства души: заслужил ли
Праведность ты, за правду держась на словах и на деле,—
Значит, ты знатен. «Привет тебе, Лентул, привет тебе, Юний,
Кто б ты ни был, хоть крови другой, гражданин необычный,
Редкий муж, для родины всей предмет ликованья!» —
Так бы и крикнул, совсем как народ, обрета Осириса.
30 Разве можно назвать родовитым того, кто не стоит

Рода и только с собой несет знаменитое имя?
Правда, и карлика мы иногда называем Атлантом,
Лебедем негра зовем, хромую девчонку — Европой;
А у ленивых собак, с плешинами, вовсе паршивых,
Лижущих край фонаря, в котором нет уже масла,
Кличка бывает и «Барс», и «Тигр», и «Лев», и еще там —
Кто погромче рычит из зверей. Поэтому бойся,
Остерегайся, чтоб не был и ты «Камерин» или «Кретик».

- Речь для кого я веду? Я к тебе обращаюсь, Рубеллий
- 40 Бланд. Ты на древнем надут родословном дереве Друзов,
Будто бы сам совершил кое-что, благородный заслугой, —
Дуешься тем, что рожден от блестящего семени Юла,
А не от пряжи наемной, живущей у самых окраин.
«Подлые вы, — говоришь, — вы из низшего слоя народа;
Можете ль вы указать нам, откуда родители родом?
Я же Кекропов внук!» Живи себе и услаждайся,
Раз ты уж так родовит. И однако, в низах у плебеев
Скрыт тот речистый квирит, что умеет поддерживать тяжбу
Знатного неуча; также плебеи, одетые в тоги,
- 50 Права узлы расплетут, разрешат загадки закона.
Юноша-воин спешит на Евфрат иль к орлам, стерегущим
Смятых батавов: силен он оружием; а ты что такое?
Внук Кекропа, ты только подобье обрубленной гермы.
В чем твоя разница с гермой? Да только лишь в том, что у этой
Мраморная голова, у тебя же фигура живая.
Тевкров потомок, скажи, разве кто бессловесных животных
Кровными будет считать, если силы нет в них? Мы хвалим
Борзых коней, на бегу столь легких, что хлопотать устанешь
В цирке, охрипшем от криков, когда там ликует Победа.
- 60 Тот лишь породист конь (с каких бы ни был он пастбищ),
Кто впереди всех бежит, кто первый пылит на равнине.
Конь от кровей Корифея иль хоть бы Гирпина — продажный
Скот, если редко Победа стоит на его колеснице.
Нет ведь у них почитания предков, нет снисхожденья
К теням: приказут — они по дешевке меняют хозяев;
Щею стерев хомутом, их потомки тянут телегу
Или крутят жернова на мельнице, на ноги слабы.
Чтобы дивиться тебе, — не твоим, — свое покажи нам,
То, что можно как надпись врезать, — помимо почета,
- 70 Что воздаем мы всегда тому, кому всем ты обязан.

Этого хватит юнцу, который, как слышно, гордится,
Весь до краев переполнен, надут, что родня он Нерону.
Верно, что здравый смысл у Судьбы бывает не часто.
Я не хотел бы, Понтик, чтоб ты ценился за то лишь,
Что было славой предков твоих, без того, чтобы сам гы
Честь заслужил. На славу других опираться позорно,
Чтоб не упасть и не рухнуть, как крыша, утратив подпору.
Так и лоза, стелясь по земле, тоскует по вязу.

80 Будь же добрый солдат, опекун, судья беспристрастный;
Если ж свидетелем будешь в делах неясных и темных,
То хоть бы сам Фаларис повелел показать тебе ложно
И, угрожая быком, вынуждал бы тебя к преступленью,—
Помни, что высший позор — предпочесть бесчестие смерти
И ради жизни сгубить самое основание жизни.
Смерти достойный — погиб, хоть бы сотню устриц лукринских
Он поедал за обедом и в Космов котел погружался.

В день, когда ты правителем станешь желанных провинций,
Нрав свой крутой сумеи обуздать, умерь раздраженье,
Алчность свою сократи и жалей союзников бедных:
90 Нет ведь у них ничего — только кости, даже без мяса.
Что говорят законы, следи, что тебе поручает
Курия: сколько наград ожидает правителей добрых!
Но от сенатских правых громов Капитон и Нумитор
Пали за свой киликийский грабеж. Да что в этом толку?
Ты, Херипп, присмотри для своих лохмотьев прекона
Да помолчи, ибо Панса возьмет то, что Натта оставил:
Просто безумье — терять даже то, что есть на дороге.

Вот в старину процветал покоренный нами союзник:
Не было стонов и не было ран понесенной утраты;
100 Полной чашей был дом, повсюду лежали большие
Деньги, из Спарты плащи, пурпурные ткани из Коса,
И со скульптурой Мирона, с картиной Паррасия жив был
Фидий в слоновой кости, и много работ Поликлета;
Редкий стол обходился без Ментора славных изделий.
Вот откуда ташил Антоний, ташил Долабелла
Или безбожный Веррес: в глубине корабельного трюма
Тайно добычу везли побольше военных триумфов.
Что ж у союзников ныне? Лишь пара волов, табунок лишь
Конский, стада вожак, участочек поля,— все взято,
110 Вплоть до ларов самих, коль статуя есть повиднее,

Хоть бы одно божество в кивоте: ибо и это
Ценно теперь и считается главным. Ты по заслугам,
Может быть, сверху глядишь на Коринф умащенный, на Родос
Столь невоинственный: что тебе сделают юноши в смолах,
Хоть бы и целый народ, что на ляжках выщипал волос?
Лишь избегай ты суровых испанцев, и области галлов,
Да берегов иллирийских, щади и жнецов, что питают
Рим, пока отдает он досуги театру и цирку.

- 120 Да и какие награды возьмешь ты за счет преступленья,
Раз так недавно Марий раздел догола африканцев?
Прежде всего воздержись обижать союзников бедных,
Но храбрецов; отбери хоть бы золото все, что имеют,
И серебро, однако оставь и щиты и мечи им,
Дротик и шлем, чтоб оружие все ж у ограбленных было.
То, что я высказал здесь, не только мнение,— правда:
Верьте, что я прочитал пророческий свиток Сивиллы.
Если чиста твоих присных толпа и если решений
Не продает твоих долговолос, если нет за супругой
Вовсе проступков, и Гарпия эта с когтями кривыми
130 По городам не гуляет твоим, на сборищах грабя,—
То хоть от Пика свой род исчисляй, и если прельщают
Древних тебя имена,ставляй хоть все войско титанов
Как твоих предков и с ними возьми самого Прометея,
Или же пращура сам выбирай из любой родословной.
Если ж тебя увлекают стремительно гордость и страсти,
Если ломаешь ты прутья в союзников крови, прельщаясь
Тем, что секиры тупятся в руках твоих ликторов,— значит,
Знатность предков самих восстает на тебя и предносит
Яркий светоч твоим постыдным делам и поступкам.
140 Ясно, чем выше считается тот, кто грешит, тем заметней
Всякий душевный порок, таящий в себе преступленье.
Что в тебе, если привык ты подписывать ложные акты
В храмах, что дед воздвиг, пред лицом отцовской почетной
Статуи,— прелюбодей, ночной гуляка, укрывший
Спрятанное лицо под плащом из шерсти сантонской?

- Вот мимо праха отцов и костей их в лихой колеснице
Скачет толстяк Латеран и сам — хоть консул — колеса
Тормозом сильным жмет, как возница, правда средь ночи;
Но это видит луна, и звезды-свидетели смотрят.
150 Только лишь кончится срок Латерана службы почетной,

Он среди бела дня возьмется за бич, не стыдяся
 Встретиться так с одним из друзей, уже престарелым,
 Первый хлыстом взмахнет в знак привета, сена достанет,
 Высплет сам ячменя своей уставшей запряжке.
 Он пред Юпитеровым алтарем, по обычаю Нумы
 В жертву мохнатых овец принося и бурую телку,
 Только Эпоной клянется и писаными на конюшнях
 Мордами. Если ж пойти он захочет в ночную харчевню,
 Тут навстречу ему выбегает сирофиникиец,
 160 Влажный от пряностей, бывший жилец ворот Идумейских:
 Этот харчевник приветствует гостя «царем» и «владыкой»,
 С ним и Киана с коротким подолом вино предлагает.
 Скажет защитник греха: «И мы, молодые, такими ж
 Были». Пусть так; но ведь ты перестал и больше ошибкам
 Не поблажаешь? Пусть будет недолгой позорная удаля:
 Шалости разные надо сбривать нам с первой бородкой.
 Только к юнцам снисходи; Латеран же стремится к холщовым
 Вывескам с надписью, к чаше вина в дешевой харчевне —
 В пору, когда он созрел для военного дела, охраны
 170 Рек армянских, сирийских, для службы на Рене, на Истре,
 В возрасте мощном, способном хранить безопасность Нерона,
 В Остию, Цезарь, его посылай; но легата в харчевне
 Надо искать: он там выпивает с каким-то бандитом,
 Вместе с матросами, вместе с ворами, с рабами из беглых,
 В обществе палачей, мастеров гробовых, среди смолкших
 Бубнов Кибелы жреца, что лежит на спине, растянувшись.
 Все там вольны равно, и кубок общий, особых
 Кресел нет никому, и стол ни к кому не подвинут.
 С таким вот рабом ты, Понтик, как поступил бы?
 180 Верно, в этрусский острог посадил бы, сослал бы к луканам.
 Вы же, потомки троянцев, себе позволяете гадость:
 То, что сапожнику стыдно, достойно Волезов и Брута?
 Что, если сверх приведенных примеров, постыдных и гнусных,
 Есть примеры, что нам говорят о худших пороках?
 Вот Дамасипп, добро расточив, свой голос подмосткам
 Отдал, желая играть в «Привиденье» крикливом Катутла:
 Также и Лентул проворный в «Лавреоле» выступил ловко,
 Став достойным креста не только на сцене — и в жизни.
 Ты извиняешь народ? Извинения нет меднолобым:
 190 Смотрят сидят, как патриции их скоморохами стали,

Фабиев смотрят босых, и звук оплеухи Мамеркам
 В них вызывает лишь смех. И зачем продают свою гибель
 Эти патриции? Разве Нерон их к тому принуждает?
 Зря продают, для игры перед претором, севшим высоко.
 Даже представь, что здесь — мечи, а там вон — подмостки:
 Что предпочесть? Кому смерть страшна настолько, что станет
 Мужем ревнивым Тимелы, товарищем глупым Коринфа?
 Впрочем, странного нет в вельможном актере, когда сам
 Цезарь кифару взял. Остались дальше лишь игры,—
 200 Новый для Рима позор. Не в оружие хотя б мирмиллона,
 Не со щитом выступает Гракх, не с клинком изогнутым;
 Он не хочет доспехов таких, отвергает с презрением,
 Шлемом не скроет лица; зато он машет трезубцем;
 Вот, рукой раскачав, висящую сетку он кинул;
 Если врага не поймал, — он с лицом открытым для взоров
 Вдоль по арене бежит, и его не узнать невозможно:
 Туника до подбородка, расшитая золотом, с крупной
 Бляхой наплечной, с которой висит и болтается лента.
 Даже секатор, кому приказано с Гракхом сражаться,
 210 Худший позор при этом несет, чем рана любая.
 Если б народу был дан свободный выбор, то кто же —
 Разве пропащий какой — предпочел бы Нерона Сенеке?
 Чтобы его казнить, не хватит одной обезьяны,
 Мало одной змеи, одного мешка для зашивки.
 Сын Агамемнона то же соделал, но повод другой был:
 Разница в том, что по воле богов за родителя мстил он.
 Был Агамемнон убит среди пира; Орест не запятнан
 Кровью Электры-сестры, ни убийством супруги-спартанки,
 Он не подмешивал яд никому из родных или близких.
 220 Правда, Орест никогда не пел на сцене, «Троады»
 Не сочинял. За какое из дел, совершенных Нероном
 В годы его свирепств, кровавой его тирании,
 Больше должны были мстить Вергиний и с Виндексом Гальба?
 Что за деяния, что за художества в цезарском роде:
 Радость позора от скверного пенья на чуждых подмостках,
 Данная греками честь — заслужить венок из петрушки!
 Пусть же портреты отцов владеют наградами пенью:
 Длинную сирму Фиеста, костюм Антигоны иль маску
 Для Меланиппы сложи Домиция ты к пьедесталу,
 230 Ну, а кифару повесь хоть на мрамор родного колосса.

Кто, Катилина, найдет высокое происхождение,
 Как у тебя, у Цетега? И все же, как варваров дети,
 Точно отроде сенонов, готовите ночью оружие,
 Пламя несете домам, угрожаете храмам пожаром —
 Дерзость, что кару несет зажженных, как факелы, туник!
 Консул, однако, бдит, укрощает ваши знамена:
 Новый, незнатный совсем человек из Арпина, недавно
 Всадником бывший простым, повсюду ставит заставы,
 Трудится по семихолмому Риму средь граждан смятенных...
 240 Подвиг такой в стенах столицы принес ему славу
 И титула, поболее тех, что добыл Октавий
 Близ Левкады, в полях Фессалии мечом, обогренным
 Цепью убийств, — и Рим, свободный тогда, Цицерона
 Провозгласил отцом, отцом отечества даже.
 В вольских горах другой арпинец, над плугом насмным
 Изнемогая, просил за работу обычную плату;
 После того по башке получал суковатую палкой,
 Если ленилась кирка и медленно шло укрепление.
 Он-то и взял на себя опасность великую в деле
 250 С кимврами и лишь один защитил весь Рим трепетавший.
 После побоища кимвров, что поле устлали телами, —
 Более крупных клевать даже ворону не доводилось, —
 Знатный товарищ героя имел лишь вторую награду.
 Децийев дух был плебейским, плебейскими были и сами
 Их имена, но богам преисподней, земле их отчизны
 Было довольно двоих за все легионы и войско
 Римских союзников всех и за все поколение латинов.
 Деции сами дороже, чем все, что они сохранили.
 Самый последний из добрых царей, заслуживший трабею,
 260 Прутьев пучки, диадему Квирина, был сыном служанки.
 Консула же сыновья, которым надо бы сделать
 Нечто великое ради свободы, что превзошло бы
 Подвиг Коклекса и Муция подвиг или же девы,
 Тибр переплывшей, тогда границу всего государства, —
 Тайно изъяли засов у ворот для возврата тиранов.
 Раб сенату открыл преступление, зревшее втайне:
 Плачьте, матроны, об этом рабе! А тех справедливо
 Палок карает удар и первая римская плаха.
 270 Лучше отцом тебе был бы Терсит, лишь бы сам с Ахиллесом
 Сходен ты был и владел оружием работы Вулкана,

Чем Ахиллес породил бы тебя на Терсита похожим.
Сколь бы далеко ни взял и сколь бы вдаль ни подвинул
Имя свое,— ты ведешь свой род от подлого сброда.
Первый из предков твоих, кто бы ни был он,— или пастух был,
Или такой, что о нем и вовсе думать не стоит.

САТИРА ДЕВЯТАЯ

— Невол, хотел бы я знать, отчего ты всегда такой мрачный,
С вечно нахмуренным лбом, словно Марсий, уже побежденный?
Ходишь ты с Раволы видом, который недавно был пойман,
Тершишь о чресла Родопы своей бородой отсыревшей.
Так вот дают подзатыльник рабу, что пирожное лижет.
Тот Креперей Поллион, что, давая тройные проценты,
Всех обошел, не найдя дураков, не имел такой мины
Жалостной, как у тебя. И откуда морщины такие
Сразу пошли? Ты немногим довольствовался, исполняя
10 Роли домашних шутов, остроумный всегда собутыльник,
Шуткой горазд и соленой и едкой, столичного типа...
Нынче же — наоборот: ты лицом стал серьезен, сухой твой
Волос стоит будто лес, и на коже ни чуточки блеска,
Что придавали повязки бруттийские жгучей смолою,
А на ногах твоих грязных, запущенных — заросли шерсти;
Худ, точно ты застарелый больной, которого сушит
Четырехдневная, с давней поры угнездясь, лихорадка.
Скрытые в теле больном душевные муки мы видим,
Также и радость заметна: лицо принимает и этот
20 Облик отсюда, и тот. Но мне кажется, что изменил ты
Планы свои и идешь поперек своей прежней дороги.
Ты ведь, развратник почище Авфидия, помню, недавно
Храмы сквернил Ганимеда и Мира, Исиды, Цереры,
Храм Палатина с его таинственным Матери культом
(Проституируют женщины всюду, где только есть храмы!),
И втихомолку склонял к своей похоти даже супругов.—
«Многим полезен такой обиход, но мне ни к чему он,
Проку в нем нет. Ну, засаленный плащ, оторочка для тоги —
Жесткие, толстые, грубой окраски и тканые плохо
30 Где-то у галльских ткачей на гребнях их,— вот все, что получишь
Ты как клиент, да порой серебра низкопробного малость.

Рок управляет людьми; есть свой рок и у тех наших членов,
Что прикрывает одежда. Коль звезды тебе не позволят,
То даже уд непомерной длины твой ничем не поможет,
Хоть бы и зрел тебя голым Виррон и текли его слюнки,
Хоть бы и звали тебя постоянно записочкой сладкой,
«Ибо миньон сам собой прилипает к деснице мужчины».
Но ничего нет чудовищней, нежели жадность миньона:

«Я подарил тебе то, дал это, немало унес ты»,—

- 40 Все сосчитает, вилляя.— «Пусть выложат счеты, таблицы
Пусть принесут нам рабы. Считай: пять тысяч сестерций
В общем итоге, да сверх того труд мой чего-нибудь стоит.
Разве легко и удобно вгонять в тебя член мой изрядный —
И наткаться в нутре у тебя на остатки обеда?
Менее жалок тот раб, что копает садовую землю,
Чем бороздящий господ. Наверно, считал себя нежным
Мальчиком ты и красавцем, достойным небес и киафа.
Разве патроны дадут что-нибудь своим прихвостням жалким,
Разве они снизойдут к нам, клиентам? Дадут лишь болезни.
- 50 Вот подарил бы ты зонтик зеленый, янтарь покрупнее,
Лишь наступает сырая весна иль рождения праздник:
И твой любовник лежит на подушках длинного кресла,
Перебирая подарки секретные к первому марта.
Ну, для кого бережешь ты, голубчик, холмистые земли,
Столько в Апулии вилл и пастбищ, что коршун устанет
Их облетать? Трифолин в преизбытке несет тебе лозы,
Так же как Кумский хребет и склоны пустынного Гавра:
Больше, чем нужно, ты бочек смолишь с молодым еще суслом.
Что тебе стоит клиента усталого бедра утешить
- 60 Малым участком земли? Разве лучше детей деревенских
С матерью, с хижинкой вместе, с игривым щенком предоставить
По завещанию другу-скопцу, что кимвалом бряцает?» —
«Вот негодяй! — говорит он.— Что требуешь ты?» —

«Но срок-то:

«Требуй,— кричит,— платежа». Это раб мой взывает, единый —
Как Полифемово око, что дало удрать Одиссею:

Надо второго купить, одного недостаточно; оба
Кушать хотят. А зимою в морозы что буду я делать?

Что же рабам я скажу в декабре, не одев, не обув их:

«Холод, мол, перетерпите — дождетесь и летней цикады?»

- 70 «Ты притворяешься, будто не понял, услуг ты не помнишь...

Ну, так во сколько же ценишь меня ты? Усерден и предан
 Я как клиент: без меня бы жена твоя девой осталась.
 Вспомни, какими путями, как часто просил ты об этом.
 Что мне тогда обещал? Сколько раз удержал я в объятьях
 Ту, что хотела бежать? Ведь, бросивши брачную запись,
 Новой искала она, и за целую ночь я насилу
 Дело уладил (скулил ты за дверью). Свидетель мне — ложе;
 Сам ты подслушивал голос жены да скрипенье кровати.
 Много домов, где непрочный союз, развязаться готовый,
 80 И расторгаемый брак прочнее скрепляет любовник.
 Как отвертеться теперь? Как увяжешь начала с концами?
 Нету моих здесь заслуг, вероломный ты, неблагодарный?
 Нету, когда от меня родился твой сыночек иль дочка?
 Ты признаешь их, ликуешь, и славит гражданская запись
 Силу мужскую твою. Украшай свои двери венками,
 Будто отец: я оружие дал тебе толки рассеять;
 Право отцовства — твое; как наследник войдешь в завещанья.
 Выморочных наследств чрез меня ты наследником станешь.
 Если, число увеличив, дойду я до трех, то немало
 90 К выморочным преимуществам других ты получишь в придачу». —
 — Невол, ты прав, возмущаясь. Но что он тебе возражает? —
 «Просто плюет на меня — и другого осла себе ищет...
 Я доверяюсь тебе одному: сохрани эту тайну,
 Будь молчалив и, смотри ты, жалоб наших не выдай;
 Ибо смертельна вражда человека, что пемзой отглажен.
 Чуть только тайну доверил он мне — уж пылает враждою,
 Как бы не предал я все, что узнал. Он, не думая долго,
 Пустит оружие в ход, раскроит мне череп дубиной,
 Дом подпалит; и нельзя забывать, и нельзя не считаться
 100 С тем, что при средствах его и яд ведь не так уже дорог...
 Значит, секрет береги, как в курии Марса в Афинах».
 — О Коридон, Коридон! разве есть у богатого тайны?
 Пусть даже слуги молчат, — говорят его кони, собаки,
 Двери и мраморы стен. Хотя бы и окна замкнул ты,
 Щели завесой прикрыл, запер входы и свет потушил бы,
 Выгнал бы из дому всех, чтоб никто и вблизи не ложился, —
 Все-таки то, что к вторым петухам будет делать хозяин,
 До наступления дня уж узнает соседний харчевник:
 Он будет знать, что решил весовщик, повара и разрезчик,
 110 Сколько они сочинят обвинений на этих хозяев,

Как они им отомстят, поднимая ужасные крики,
 И непрерывно по всем перекресткам преследовать будут,
 Голосом пьяным тебе терзая несчастные уши.
 Ну-ка, поди, попроси у рабов, чтоб они не болтали,
 Как ты меня попросил. Разгласить им приятнее тайну,
 Чем, своровав, упиваться фалернским вином до отказа,
 Как в виде жертвы за римский народ испивала Савфея.
 Нужно уметь жить честно и прямо — по многим причинам,
 Но особенно затем, чтоб рабов болтовню презирать нам.
 120 Остерегись, чтобы вес не придать прислужников сплетням,
 Ибо язык — это злого раба наихудшее свойство.
 Впрочем, не лучше и тот, кто хранить не умеет свободу
 Против зависимых душ, что на хлебе его и на деньгах.—
 «В этом ты дал мне полезный совет, но слишком уж общий.
 Что ты теперь посоветуешь мне, потерявшему время,
 После крушенья надежд? Ведь готова отцвевать моя юность —
 Эта кратчайшая доля пустой, ограниченной жизни.
 Нынче мы пьем, мы требуем дев, венков, благовоний,
 А между тем, не замечена нами, крадется и старость».
 130 — Не беспокойся: пока эти холмы стоят неувредимо,
 Будет всегда у тебя и развратный дружок; отовсюду
 Станут сюда приезжать на судах и в тележках такие
 Гости, что чешут по-бабьи башку. У тебя остается
 Больше, чем прежде, надежд: лишь грызи хорошенько эруку.—
 «Эти примеры храни для счастливых. Мои же Лакеса
 С Клотой довольны, когда я обед заработаю членом.
 О наши скромные лары! Как часто я вас почитаю
 Ладана скромным дымком, или зернами, или веночком,—
 Скоро ли я изловлю что-нибудь, от чего моя старость
 140 Убережется от нужд и побоев? Доходу бы двадцать
 Тысяч под верный залог да посуды серебряной гладкой
 Столько, чтоб цензор Фабриций запрет наложил бы, из мезов
 Пару здоровых рабов, чтоб носили меня на носилках,
 В цирке крикливом всегда доставали спокойное место;
 Был бы еще у меня резчик, за работой согбенный,
 Также художник, что быстро любые бы делал фигуры.
 Этого бедному хватит. Как жалки желания наши,
 Да и на них нет надежды: когда умоляю Фортуны,
 Уши она затыкает себе Одиссеевым воском,
 150 От сицилийских Сирен убергшим гребцов оглушенных».

САТИРА ДЕСЯТАЯ

Всюду, во всякой стране, начиная от города Гадов
Вплоть до Востока, до Ганга,— немногие только способны
Верные блага познать, отличив их от ложных и сбросив
Всех заблуждений туман. В самом деле, чего мы боимся
Или разумно хотим? К чему приступить так удачно,
Чтобы потом не пенять, когда совершится желание?

Боги нередко весь род губили, внимая молениям
Этого рода. Ища гражданской и воинской славы,
Ищем себе мы вреда. Смертоносны для многих болтливость
10 Иль красноречье. Кротонец Милон, полагаясь на силу
Рук, изумленья достойных, погиб. Еще более часто
Душат богатства людей, когда с чрезмерной заботой
Их накопили, и ценз, что имущество все превосходит,
Как из Британии кит простых превосходит дельфинов.
Так вот в жестокое время Нерона его приказаньем
Целая рота солдат заперла Лонгина, замкнула
Сенеки пышного парк, заняла Латераново зданье
Чудное; ну, а в каморки солдаты обычно не входят.
Если ты ночью, отправившись в путь, захватишь немного
20 Утвари из серебра, ты меча и копья побоишься
И задрожешь, коли тень тростника при луне шевельнется.
Идя ж без клады, поет и разбойников встретивший путник.

Где есть первое желание, чем то, что известно всем храмам,
То есть желание богатств,— чтобы средства росли, чтоб полнее
Был бы на рынке сундук. Но яд не подносится в кружке
Глиняной: страшен нам яд, когда чашку с геммами примешь
Или сетинским вином золотой заискрится кубок.
Значит, похвально и то, что один-то мудрец все смеялся,
Как поднимал от порога, вперед вынося, свою ногу,
30 Ну, а другой был совсем не таков: он больше все плакал,
Но ведь любому легко все хулить со строгой насмешкой;
Даже чудно, как слез доставало глазам Гераклита.
В их городах не водилось претекст, трабей, трибунала,
Ликторских связей, лектйк,— и все же, веселый учитель,
Знай, сотрясал Демокрит свои легкие смехом привычным.

Что, если б он увидел, как претор торчит в колеснице
Выше толпы или важно стоит среди пыльного цирка
В тунике бога и в тоге расшитой сарранской, широкой
Слишком, в огромном венке такого обхвата, что, право,
40 Этому венку никакого затылка не хватит!
Держит, потя, его государственный раб и, чтоб консул
Не зазнавался, стоит вместе с ним на одной колеснице;
Птицу орла не забудь на жезле из кости слоновой,
Там — трубачей, а здесь — вереницей идущую свиту
И под уздцы проводящих коней белоснежных квиритов:
Их превратила в друзей подачка пустому карману.
Но и в его времена Демокрит находил для насмешек
Темы, встречая различных людей; говорит его мудрость,
Что величайшие люди, пример подающие многим,
50 Могут в бараньей стране и под небом туманным рождаться.
Он осмел и заботы у черни, и радости тоже,
А иногда и слезу; сам же он угрожавшей Фортуне
В петлю советовал лезть и рукою показывал кукиш.

Так-то к излишнему все и к гибели даже стремятся,
Набжно воском колени у статуй богов залепая.
Власть низвергает иных, возбуждая жестокую зависть
В людях; и почестей список, пространный и славный, их топит.
Падают статуи вслед за канатом, который их тащит,
60 Даже колеса с иной колесницы срубает секира,
И неповинным коням нередко ломаются ноги;
Вот затрещали огни, и уже под мехами и горном
Голову плавят любимца народа: Сеян многомогущий
Загрохотал; из лица, что вторым во всем мире считалось,
Делают кружки теперь, и тазы, и кастрюли, и блюда.
Дом свой лавром укрась, побеливши быка покрупнее,
На Капитолий веди как жертву: там тащат Сеяна
Крючьями труп напоказ. Все довольны. «Вот губы, вот рожа!
Ну и Сеян! Никогда, если сколько-нибудь мне поверишь,
Я не любил его. Но от какого он пал преступленья?»
70 Кто же донес? И какие следы? И кто был свидетель?» —
«Вовсе не то: большое письмо пришло из Капреи,
Важное». — «Так, понимаю, все ясно. Но что же творится
С этой толпой?» — «За счастьем бежит, как всегда, ненавидя
Падших. И той же толпой, когда бы Судьба улыбнулась
Этому туску, когда б Тиберия легкую старость

Кто придавил,— ею тотчас Сеян был бы Августом назван.
 Этот народ уж давно, с той поры, как свои голоса мы
 Не продаем, все заботы забыл, и Рим, что когда-то
 Все раздавал: легионы, и власть, и ликторов связки,
 80 Сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокойно мечтает:
 Хлеба и зрелищ!» — «Грозит, наверное, многим уж гибель». —
 «Да, без сомненья: ведь печь велика. Где жертвенник Марса,
 Встретился мне мой Бруттидий, совсем побледневший, бедняга.
 Как я боюсь, что Аякс побежденный примерно накажет
 Нас за плохую защиту! Бежим поскорее, куда
 Труп на побережье лежит, и недруга Цезаря — пяткой!
 Пусть только смотрят рабы, чтобы кто отказаться не вздумал,
 Не поташил, ухватив за шею, к суду господина».
 Вот как болтали тогда о Сеяне и тайно шептались.
 90 Хочешь ли ты, как Сеян, быть приветствуем, так же быть в силе,
 Этих на кресла сажать курульные ради почета,
 Тем войсковую команду давать, императорским зваться
 Опекуном, пока сам пребывает на тесной Капрее
 С кучкой халдеев? Ты хочешь, конечно, конвоя и копий,
 Всадников лучших и войск в столице,— не правда ли, хочешь?
 Хочется власти и тем, кто совсем убивать не хотел бы.
 Что ж настолько блестяще и счастливо в жизни, что мера
 Радостных этих вещей равнялась бы мере несчастий?
 Что предпочтешь ты — одеться в претексту хотя бы Сеяна
 100 Или начальством в Фиденах и Габиях быть деревенским,
 Жалким эдилом служить в захолустье улубрском и кружки
 Неполномерные бить, учиня над ними расправу?
 Стало быть, ты признаешь,— неизвестным осталось Сеяну
 То, чего надо желать; добиваясь почета не в меру,
 К власти чрезмерной стремясь, готовил себе он ступени
 Многие башни высокой, откуда падение глубже
 В пропасть бездонную, как от толчка развалилась постройка.
 Что погубило Помпея и Красса и что — триумвира,
 Им укрошенных квиритов однажды приведшего к плети?
 110 Высшее место, конечно добытое хитрым искусством,
 Слишком большие желанья: им вняли коварные боги.
 Редко царей без убийства и ран низвергают к Плутону,
 Смерть без насилья к нему отправляет немногих тиранов.
 Слава и сильная речь Демосфена иль Цицерона
 Станет все больше желанной в течение целых квинкватрий

Тем, кто лишь ассом одним почитает скромно Минерву,
Тем, кого дядька ведет, их маленькой сумки хранитель.
Но ведь оратора оба погибли виной красноречья:

Предал их смерти талант, избыльным стремившийся током.

- 120 У Цицерона рука отрезана, он обезглавлен,
Но не купалась в крови ничтожных юристов трибуна.
«О счастливый Рим! Ты творим моей консульской властью».
Если бы так Цицерон говорил, то Антоний не страшен
Был бы ему. И не лучше ль поэмы, достойные смеха,
Нежели слава и блеск вдохновенных речей Демосфена
Против Филиппа, хотя бы второй? Конец был жестоким
И для него, что бурлил как поток, восхитивший Афины
В дни, когда полный театр он держал в узде своей речью.
Он ведь родился под гневом богов и под роком недобрим.
- 130 Полуослепший отец среди сажки руды раскаленной
К ритору сына учиться послал — от клещей и от угля,
От наковальни дляковки мечей и от копоты черной.

- Знаки военных побед — приколоченный к дереву панцирь
Или нащечник, висящий с разбитого шлема, и с дышла
Сорванное ярмо, и значок побежденной триремы,
А на вершине всей арки — фигура, сумрачный пленник, —
Сверхчеловеческим счастьем считаются. К этим трофеям
Римский и греческий вождь, вождь варваров — равно стремятся:
Это — причина для них подвергаться опасностям, мукам;
- 140 Жажда ведь славы у них сильнее, чем военная доблесть.
Кто, в самом деле, стремится лишь к доблести, если награды
Нет? Ведь отечество все столько раз обрекала на гибель
Слава немногих и страсть похвалы, чтоб почетная надпись
Врезана в камень была, как хранителя пепла, который
Могут разрушить и корни дрянные смоковницы дикой,
Так как гробницам самим ведь тоже даны свои судьбы.

- Взвесь Ганнибала: в вожде величайшем найдешь ли ты много
Фунтов? И это ли тот, кого Африка еле вмещала,
От берегов океана Маврийского к теплomu Нилу
- 150 Льнущая, к странам слонов, к племенам эфиопов далеких.
Взята Испания им, хребет Пиренеев им пройден;
Против него выдвигает природа покрытые снегом
Альпы — он скалы дробит и укусом горы взрывает;
Вот уж Италию взял, но все дальше стремится проникнуть.
«Если, — сказал он, — солдат карфагенский не сломит ворота,

Не водружу я знамен посредине Субуры,— мне мало». О, что за образ, достойный картины, когда гетулийский Слон был оседлан вождем, на один уже глаз окривевшим!

160 Ну, а какой же конец? О, слава! его победили. Ясно, в изгнание стремглав он бежит, и там, как великий, Всех изумлявший клиент, он сидит возле царской палатки, Ждет, пока будет угодно проснуться тирану-вифинцу. Жизни его, потрясавшей когда-то дела все людские, Чтó положило конец? Не мечи, не каменья, не копья, Но незаметный отмститель за Канны, за кровь пролитую — Перстень. Безумец, ступай, беги чрез суровые Альпы, Чтобы ребят восхищать и стать декламации темой!

Юноше родом из Пеллы не хватит и круга земного: Он от несчастья бурлит в этих тесных пределах вселенной, 170 Будто в гиарских скалах заключен иль на малом Серифе. Только когда он войдет в кирпичные стены столицы, Хватит и гроба ему. Насколько ничтожно людское Тело — одна только смерть доказует. А многие верят, Будто когда-то Афон переплыли, и верят всем басням Греции живою — что был Геллеспонт весь устан судами, Образовавшими мост колесницам. Мы верим, что реки Вместе с потоками высохли все: их выпил мидиец Враз за едой, как болтает Сострат с крылом отсыревшим. Ну, а каким возвращается Ксеркс, Саламин покидая, — 180 Варвар, во гневе плетьюми бичевавший и Кора и Эвра, Даже в Эола тюрьме того никогда не терпевших, Он, в кандалы заковавший и бога Энносигея? Этого мало: ведь он дошел до того, что решился Море клеймить; из богов кто ему послужить захотел бы? Но возвращался каким он? Один лишь корабль на кровавых Волнах тащился едва с своим трюмом, тяжелым от трупов. Вот наказаний каких столь желанная требует слава!

«Дай мне побольше пожить, дай мне долгие годы,

Юпитер!» —

Этого просит здоровый, и только этого — хворый. 190 Но непрестанны и тяжки невзгоды при старости долгой. Прежде всего безобразно и гадко лицо, не похоже Даже само на себя; вместо кожи — какая-то шкура: Щеки висят, посмотри, и лицо покрывают морщины Те же, какие себе в тенистых долинах Табраки

Чешет на дряблых щеках престарелая мать-обезьяна.
 Много у юношей есть различий: красивее этот,
 Нежели тот, и иной гораздо сильнее другого.
 Все старики — как один: все тело дрожит, как и голос,
 Лысая вся голова, по-младенчески каплет из носа,
 200 И безоружной десной он, несчастный, жует свою пищу;
 В тягость старик и себе самому, и жене, и потомству,
 Даже и Коссу-ловцу он и то отвращенье внушает.
 Нёбо его притупилось, — не та уже радость от пищи
 Иль от вина; и давно позабыты им женские ласки:
 Если попробовать, член его с грыжей лежит бесполезно,
 И хоть бы целую ночь тормошить его, — так и не встанет.
 Есть ли надежда какая ему при болезненных, дряблых
 Чреслах? Конечно, всегда подозрительной кажется похоть,
 210 Что не имеет уж сил, а любви домогается. Дальше
 Рода другого ущерб посмотри: удовольствия нету
 В пении лучших хотя б музыкантов, хотя бы Селевка,
 Или же тех, что всегда щеголяют плащом золоченым.
 Не безразлично ли, где сидеть на ступенях театра,
 Если не слышит старик ни горнистов, ни музыки трубной?
 Чтоб старику услышать что-нибудь, слуге его нужно
 В ухо кричать, кто пришел или сколько часов пополудни.
 Скучная кровь у него разгорается в теле остывшем
 От лихорадки одной, и грозят ему сомкнутым строем
 220 Всякого рода болезни: попробовать их перечислить
 Было б труднее, чем всех, кто в любовниках Оппии были,
 Иль Темизона больных, за одну только осень умерших,
 Иль малолетних, что Гирр обобрал, или жертвы Басила,
 Или мужчин, изнуренных за день долговязою Маврой,
 Иль, наконец, совращенных Гамиллом его же питомцев.
 Я бы скорей сосчитал все усадьбы во власти того, кто
 Звонко мне, юноше, брил мою бороду, ставшую жесткой.
 Этот болеет плечом, тот — ляжкой, коленями — этот;
 Тот потерял оба глаза и зависть питает к кривому;
 230 Этого бледные губы из пальцев чужих принимают
 Пищу, и он, раскрывавший свой рот при виде обеда,
 Только зевает, как птенчик касатик, к которому с полным
 Ртом подлетает голодная мать. Но хуже ущерба
 В членах любых — слабоумье, когда ни имен не припомнишь
 Слуг, не узнаешь ни друга в лицо, с которым вчера лишь

Вечером ужинал вместе, ни собственных чад и питомцев.
 Став слабоумным, старик в завещанье жестоком лишает
 Всех их наследства; права на имущества передаются
 Только Фиале — награда искусства приученных к ласке
 Губ, что года продавались в каморке публичного дома.
 240 Пусть не потерян смысл, — все равно схоронить вам придется
 Ваших детей и увидеть костер для любимой супруги,
 Урны придется увидеть и с братним и с сестриним прахом.
 Вот наказание долго живущим: влачить свою старость
 При беспрестанных семейных потерях, во многих печалях,
 Средь постоянного горя и в траурных черных одеждах.
 Пилоса царь, если только великому верить Гомеру,
 Дал нам, как вещая птица, пример долголетия жизни.
 Счастлив, конечно, кто смерть отложил до других поколений,
 Годы считая свои уж на правой руке, не на левой!
 250 Сколько он раз испивал ежегодно вино молодое!
 Но лишь подумай о том, как Нестор на судеб законы
 Ропщет, как долгую жизнь он клянет, когда бороду сына,
 Яростного Антилоха, он видит горящей, и друга
 Каждого просит сказать, почему его тянутся годы,
 Что за проступок свершил он, достойный столь долгого века.
 Так же рыдает Пелей, сокрушаясь о смерти Ахилла,
 Или же тот, чья судьба была плач об отплывшем с Итаки.
 Без разрушения Трои Приам бы к теням Ассарака
 Мог отойти при большом торжестве; его тело бы поднял
 260 Гектор на плечи свои с сыновьями другими при плаче
 Жен илионских, тогда начала бы заплачку Кассандра
 И Поликсена за ней, раздирая одежды, рыдала,
 Если скончался бы он во время другое, как строить
 Не принимался еще Парис кораблей дерзновенных.
 Что принесла ему долгая жизнь? Довелось ему видеть
 Азии гибель, железом и пламенем ниспроверженной.
 Дряхлый тиару сложил, за оружие взялся, как воин,
 Пал пред Юпитера он алтарем, как бык престарелый,
 Что подставляет хозяйским ножам свою жалкую шею,
 270 Тощую, ставши ненужным для неблагодарного пуга.
 Всякому смерть суждена, но по смерти Приама супруга
 Дико залаяла, точно собака, его переживши.
 Перехожу к землякам. Пропускаю владыку я Понта,
 Также и Креза, кого справедливое слово Солона

Ясно заставило видеть конец своего долголетия.
Мария возраст чрезмерный явился причиной изгнания,
Цепи, Минтурнских болот, из милости данного хлеба,
Что побежденный ему Карфаген уделял. Совершенней
Не было б дара природы земле и счастливому Риму,
280 Если бы он испустил свою душу, насыщенный славой,
Пленных толпой окружен, средь пышности воинской помпы,
Как триумфатор желая сойти с колесницы тевтонской.
Будто предвидя судьбу, лихорадку послала Кампанья
К благу Помпея; сильнее оказалась народная воля,
Глас городов, — но Фортуна Помпея, Фортуна столицы
Голову, что берегла, сняла с побежденного. Муки
Лентул такой избежал, Цетега предали казни
Без поруганья, и труп Катилины целым остался.

Видя Венеры алтарь, озабоченно матери молят
290 О красоте своих чад: о сынах они шепчут, о дочках
Громче гласят, доходя до смешного в обетах: «К чему же
Нас упрекать, если рада Латона красивой Диане?»
Ну, а Лукреция ставит запрет на желанье — не хуже,
Чем у нее, наружность иметь; и Виргиния хочет
Взять хоть бы Рутилы горб, поменявшись с ней красотою.

Сына красивого жалки родители: вечно трепещут,
Зная, как редко живут красота со стыдливостью вместе,
Пусть же семейство ему передаст благолепные нравы
300 Строгого рода, заветы хранящего древних сабинов;
Пусть благосклонной рукой природа дарит его щедро,
Пусть целомудренно лик его рдеет скромным румянцем, —
Разве что большее дать способна ребенку природа,
Всякого стража сильнее и заботливей всякой заботы?

Мужем остаться нельзя: совратитель, в разврате бесстыжий,
Смеет в соблазны вводить и самих родителей даже;
Тверд их расчет на подарки. Тиран в своем замке жестоком
Не оскотлял никогда безобразного юноши, даже
Сам император Нерон не крал кривоногого парня,
Или зобатого, или с горбом и с брюхом раздутым.
310 Вот упивайся теперь красотою сыновней, — опасность
Больше еще ожидает его: он станет известным
Прелюбодеем, он будет бояться расправы женатых,
В ревности злых, и судьба его будет несчастнее Марса,
В сети попавшего. Эта расправа иной раз бывает

Боле жестокой, чем то допускают любые законы:
 Тот убивает мечом, а этот плетьюм засекает
 В кровь: любодеем иным и ерша через зад загоняют.
 Эндимион твой, конечно, сначала любовником будет
 Мужней жены, а потом, лишь Сервилия даст ему денег,
 320 Живо сойдется с такой, кого вовсе не любит, и снимет
 Он все уборы ее: разве женщина знает отказы,
 Тая от похоти? Будь то Оппия, будь то Катулла,—
 Все эти бабьи повадки зависят от похоти женской.
 «Чистому чем же вредит красота?» — Ну, а пользу принес ли
 Строгий зарок на любовь Ипполиту и Беллерофонту?
 Вспыхнула Федра, когда с презрением ей отказали,
 И Сфенебея не меньше ее запылала,— и обе
 В дикую ярость пришли. Ибо больше всего свирепеет
 330 Женщина, ежели стыд возбудит в ней ненависть. Что же
 Ты посоветовать мог тому, кого хочет супруга
 Цезаря взять в мужья? Он всех лучше, всех он красивей,
 Родом патриций,— и вот влечется несчастный на гибель
 Ради очей Мессалины: она уж сидит в покрывале,
 Будто невеста; в саду у всех на глазах постилают
 Ложe тирийским бельем, по обряду в приданое будет
 Выдан миллион, и придут и жрец, и свидетели брака...
 Думаешь, это секрет и доверено это немногим?
 Хочет она по закону венчаться. Ну, что же тут делать?
 В повиновенье откажешь — придется погибнуть до ночи;
 340 На преступленье пойдешь — ты получишь отсрочку, покуда
 Дело известное всем до ушей не достигнет владыки;
 Он о позоре своем домашнем узнает последним.
 Ну, а тем временем ты подчиняйся, раз столько стоят
 Несколько дней. Что бы ты ни считал легчайшим и лучшим,—
 Нужно подставить под меч свою белую нежную шею.
 «Значит, нельзя и желаний иметь?» — Если хочешь совета,
 Лучше самим божествам предоставь на решение выбор,
 Что подходяще для нас и полезно для нашего дела;
 Ибо взамен удовольствий дадут нам полезное боги.
 350 Мы ведь дороже богам, чем сами себе; увлекаясь
 Неким порывом души или страстью слепой и могучей,
 К браку стремимся, к потомству от жен; богам же известно,
 Что это будут за жены и что это будут за дети.
 Если ты просишь чего и святилищам жертвы приносишь —

Там потроха, колбасу, что из белой свиньи приготовил,—
Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом.
Бодрого духа проси, что не знает страха пред смертью,
Что почитает за дар природы предел своей жизни,
360 Что в состоянье терпеть затрудненья какие угодно,—
Духа, не склонного к гневу, к различным страстям, с предпо-
чтенъем

Тяжких работ Геркулеса, жестоких трудов — упоенью
Чувством любви, и едой, и подушками Сарданапала.
Я указую, что сам себе можешь ты дать; но, конечно,
Лишь добродетель дает нам дорогу к спокойствию жизни.
Нету богов у тебя, коль есть разум; мы сами, Фортуна,
Чтим тебя божеством, помещая в обители неба.

САТИРА ОДИННАДЦАТАЯ

Если роскошный у Аттика стол, то слывет он великим;
Коль у Рутила — дурак. А какой у толпы возбуждает
Хохот бедняга Апиций! За всяким обедом, и в бане,
На перекрестках, в театрах — повсюду молва о Рутиле.
Он ведь, пока,— говорят,— его юные крепкие члены
Могут оружие носить, пока кровь горяча и кипуча,
Без принужденья извне, но, конечно, с согласия трибуна,
Хочет писать договор и предаться тиранству ланисты.
10 Дальше, не мало таких, кого часто у самого входа
К рынку мясному ждет кредитор, обманутый ими:
В жизни одна у них цель — набивать себе глотку и брюхо;
Лучше, отменнее всех их ест наиболее жалкий,
Тот, кому пасть суждено, кто, того и гляди, разорится.
Ну, а пока они ищут закусок во всяких стихиях:
Прихотям их никогда не послужат препятствием цены;
Правду сказать, им приятнее то, что стоит дороже.
Вовсе не так уже трудно найти себе средства к растрате,—
Блюда отдавши в залог иль поломанный бюст материнский,
Этак монет на чetyреста добрить горшок свой обжорный:
20 Этим путем и доходят они до окрошки ланисты.
Разница есть среди тех, кто ест одинаково: роскошь
То для Рутила, что даст Вентидию славное имя
И возвеличит его состоянье. Презренья достоин

Тот, кто умеет сказать, насколько возвышенней Атлас
 Ливии гор остальных, и при этом все же не видит,
 Чем его тощий кошель не похож на сундук, что окован.
 Древний завет «*Познайте себя*» нам дан небесами:
 Вот, заруби на носу, сохрани и в уме и на сердце,—
 В брак ли вступаешь иль ищешь в сенате священном местечка;
 30 Не добивается жалкий Терсит Ахиллеса доспехов,—
 Сам Одиссей из-за них осрамился и стал смехотворным;
 Хочешь ли ты защищать сомнительной ясности дело
 Или опасное,— сам рассуди и скажи себе, кто ты:
 Сильный оратор, иль ты, как Матон да Курций,— кликуша.
 Меру свою надо знать, наблюдательным быть и в великом
 Деле, и в малом, и даже когда покупаешь ты рыбу:
 Ежели есть на гольца у тебя,— не тянись за барвенной;
 Что за конец тебя ждет, когда истощатся карманы,
 А аппетит вырастает, когда и отцовские деньги
 40 И состоянье живот поглотил, куда все доходы
 Канули, и серебро, и стада, и поля родовые?
 Самым последним от этих господ уходит и перстень
 Всадника: так Поллион подаяния просит без перстня.
 Надо бояться не ранней могилы, не горькой кончины,
 Нет: страшнее, чем смерть, для роскоши — нищая старость.
 Путь большей частью таков: заемные деньги истратят
 В Риме при заимодавцах; затем, когда остается
 Самая малость и бедным становится заимодавец,
 Вместо изгнания в Байи бегут и к устрицам ближе,—
 50 Ибо от денежной биржи уйти теперь уже лучше,
 Чем перебраться на холм Эсквилина из шумной Субуры.
 У покидающих родину только и горя бывает,
 Что, к сожалению, в цирк не пойдут в течение года;
 Не покраснеют нисколько они, немногие только
 Стыд сохранят осмеянья и бегства их из столицы.
 Нынче ты, Персик, узнаешь, действительно ль я исполняю
 В жизни, в обычаях, в деле все то, что считают прекрасным,
 Или, как тайный кутила, при всех стручки восхваляю,
 Повару их заказав, но шепчу на ушко я: «Пирожных!»
 60 Раз уже ты обещался прийти ко мне в гости, я буду
 Гостеприимным Эвандром, придешь ли ко мне Геркулесом
 Или Энеем, но так или иначе родственным небу:
 К звездам восхищен один был огнем, другой же — водами.

Блюда у нас каковы, не с рынка мясного, послушай:
 Из Тибуртинской страны будет прислан жирнейший козленок,
 Самый то нежный из стада всего, молоко лишь сосавший,
 Он и травы не щипал, не обгладывал веток у ивы
 Низкой, и в нем молока еще больше, чем крови. На смену —
 Горная спаржа: ее собрала старостиха от прялки.
 70 Крупные, кроме того, еще теплые (в сене лежали)
 Яйца получим и кур; затем виноград, сохраненный
 С прошлого года таким, как он на лозах наливался;
 Сигнии груши, Тарента (сирийские); в тех же корзинах
 Яблоки с запахом свежим, нисколько не хуже пиценских,
 И для тебя не вредны: после холода стала сухая
 Осень, и в них уже нет опасности сока сырого.
 Некогда это считалось роскошным обедом у наших
 Первых сенаторов: Курий срывал в небольшом огороде
 И на очаг небольшой он ставил капусту, что нынче
 80 Грязный презрел землекоп в своих тяжелых колодках,
 Знающий вкус подчеревка свиного по теплой харчевне.
 К праздничным дням сохранять в обычае некогда было
 Ножку копченой свиньи, подвешенную на стропилах
 Редких, и салом родных угощать с прибавкой парного
 Мяса в рождения дни, коль оно оставалось от жертвы.
 Раньше, бывало, кой-кто из родни, уже трижды бывавший
 В звании консула, войск начальника и исполнявший
 Должность почетную в бытность диктатором, шел спозаранку
 К пиру такому с киркой на плече после горной работы.
 90 После ж, когда трепетали пред Фабиями, пред Катонем
 Строгим, Фабрицием, Скавром и даже когда напоследок
 Цензора нравов суровых боялся его же коллега, —
 Право, никто не считал за серьезное дело, заботу —
 Мысли о том, какова в Океане плывет черепаха,
 Ставшая ярким и славным подножием римскому ложу;
 Медное в те времена изголовье скромной кровати
 Лишь головою осла в веночке украшено было,
 Возле которой, резвясь, играли питомцы деревни.
 100 Пища была такова ж, каковы и жилища и утварь;
 И неотесанный воин, не знавший еще восхищенья
 Перед искусствами греков, когда при дележке добычи
 Взятая города в ней находил совершенной работы
 Кубки, — ломал их, чтоб бляхами конь у него красовался,

Шлем же носил вырезные рельефы: волчицу, вельем
 Власти смиренную, двух Квиринов под сенью утеса,
 С голой фигурой Марса: копьем и щитом угрожая,
 Он нависает, врага поразить и низвергнуть готовый.
 Кашу тогда подавали в горшке этрусской работы,
 Ну, а что есть серебра,— на одном лишь оружие блестело.
 110 Все было в те времена, о чем позавидовать можно:
 Храмов величье тогда заметнее было, и голос
 Мог быть услышан в ночи по столице, когда наступали
 Галлы на нас с берегов Океана, а боги служили
 Сами пророками. Так наставлял нас в древние годы
 И неизменно был полон заботы о благе латинском
 Древний Юпитер из глины, еще не запятнанный златом.
 Делались дома столы из собственных местных деревьев
 В те времена, и на то шел старый орешник, который
 Сломит порывистый Эвр и на землю повалит случайно.
 120 Только теперь богачам удовольствия нет от обеда:
 Им ни лань не вкусна, ни камбала; мази и розы
 Будто воняют для них, если стол их широкий не держит
 Крепко слоновая кость с разинувшим пасть леопардом,
 Сделанным из клыков, что шлют нам ворота Сиены,
 Или же быстрые мавры, иль инды, что мавров смуглее;
 Эти клыки в набатейских лесах оставили звери;
 Слишком они тяжелы для голов. Аппетит возрастает,
 Сила желудка растет, ибо стол на серебряных ножках
 Беден для них, как кольцо из железа. А я опасаясь
 130 Гордых гостей за столом, что сравнить меня могут с собою,
 Худость мою презирая: ведь нету ни крошки слоновой
 Кости у нас — ни игральных костей, ни фишек хотя бы;
 Даже ножей черенки — и те не из бивней слоновых.
 Впрочем, от этого нет никогда протухших припасов,
 И неплохие у нас за столом разрезаются куры.
 Правда, не будет таких мастеров разрезанья, которых
 Хуже бы лавка была обученных Трифером ученым,
 Где под его руководством и вымя свиное, и зайца,
 И кабана, и козу, и скифских птиц, и фламинго,
 140 И гетулийскую лань разрезают тупыми ножами,
 Так что по всей по Субуре гремит их обед деревянный.
 Резальщик наш — новичок: не умеет стащить ни куска он
 Козочки, ни крыла у фламинго; доселе неловкий,

Он лишь умеет украсть незаметный вовсе кусочек.
 Кубки без всяких затей, что купили на медные деньги,
 Нам не разряженный раб подает, а тепло лишь одетый.
 Фригия? Ликия? Нет. Не искали его у торговца,
 Денег не стоил больших. Обращайся к нему по-латыни.
 Все в одинаковой одежде рабы, коротковолосы, —
 150 Только сегодня они причесались, гостям услужая;
 Тот вон — сурового сын пастуха, а скотника — этот:
 Матери долгое время не видев, он тихо вздыхает,
 В хижину тянет его, он грустит по знакомым козлятам;
 Честный взгляд у раба и открытый характер: такими
 Быть бы не худо и тем, что одеты в огненный пурпур;
 В баню идет этот раб, не осипший и не развращенный
 С малых годов, и еще не щиплет под мышками волос,
 Не прикрывает свой член приставленной с мазями банкой.
 Он вина тебе даст, разлитого на склонах гористых
 160 Местности той, откуда он сам, у подножья которых
 В детстве играл он: отчизна одна — у вина и у служки.
 Может быть, ждешь ты теперь, что здесь начнут извиваться
 На гадитанский манер в хороводе певучем девчонки,
 Под одобренье хлопков приседая трепещущим задом?
 Видят замужние жены, лежащие рядом с мужьями,
 То, о чем стыдно сказать иному в присутствии женщин:
 Для богачей это способ будить их вялую похоть,
 Точно крапивой. Но все же для женщин гораздо сильнее
 170 Здесь наслаждение: их пол разжигается больше мужского
 И, созерцая иль слыша подобное, — мочится сразу.
 Эти забавы совсем не годятся для скромного дома.
 Пусть себе слушает треск кастаньет со словами, которых
 Голая девка не скажет, в вертепе зловонном укрывшись;
 Пусть забавляется звуком похабным и разным искусством
 Похоти — тот, кто плюется вином на лаконские плиты
 Пола: ведь здесь мы легко извиняем богатство; лишь бедным
 Стыдно и в кости играть, и похабничать стыдно, когда же
 Этим займется богач, — прослышет и веселым и ловким.
 Наша пирушка сегодня нам даст другие забавы:
 180 Пенье услышим творца «Илиады» и звучные песни
 Первенства пальму делящего с ним родного Марона;
 Голос какой эти скажет стихи — не так уже важно.
 Нынче же дай себе отдых желанный, оставив заботы,

Все отложивши дела, если можно, на целые сутки.
 Мы о процентах ни слова, и пусть не вызовет желчи
 Тайна твоя, что жена, выходя на рассвете обычно,
 Ночью вернется во влажном белье от любовного пота
 (Все в подозрительных складках оно), со сбитой прической,
 С ярко горящим лицом и с румяными даже ушами.
 190 Ежели что беспокоит тебя, оставь у порога.
 Мысли о доме забудь, о рабах, что все тебе портят,
 Но особенно забудь о друзьях своих неблагодарных.
 Празднество в эти часы в честь Кибелы пышно справляют,
 Зрелища ждут — мановенья платка, и, как на триумфе,
 Претор сидит (на коней разорился он); если позволят
 Мне говорить в огромной толпе, в толпе чересмерной,
 Я бы сказал, что цирк вместил всю столицу сегодня;
 Крик оглушителен: я узнаю о победе «зеленых».
 Если бы не было игр, ты увидел бы Рим наш печальным
 200 И потрясенным, как в дни поражения консулов в Каннах.
 В цирк пусть идет молодежь: об заклад им прилично побиться;
 Им-то идет — покричать, посидеть с нарядной соседкой,
 Наша же старая кожа пусть пьет весеннее солнце,
 Тогу откинувши прочь. Теперь тебе можно и в баню
 Смело пойти, хоть еще до полудня час остается.
 Так ты не мог бы и пять дней подряд провести, потому что
 Образ жизни такой ведь довольно-таки надоедлив:
 Нам удовольствие в том, что с нами бывает не часто.

САТИРА ДВЕНАДЦАТАЯ

Право, Корвин, этот день — рождения дня мне приятней.
 Праздничный дерн ожидает обещанных богу животных:
 С белым овечку руном приведем мы Юноне-царице,
 Белую также овцу мы дадим горгоносной Минерве;
 Жертва, которую ждет от нас Тарпейский Юпитер,
 Резво трясет своей длинной веревкой, готова бодаться,
 Так как ведь это — игривый теленок, созревший для храмов,
 Для алтаря, окропленья вином; не сосет уже вымя
 Матери он, он портит дубы растающим рогом.
 10 Если бы в доме моем был достаток, равный влеченью,
 То притащили б вола пожирней пресловутой Гиспуллы,

Грузно-ленивую тушу, вскормленную не по соседству,
 Но от умбрийских кровей — с изобильных пастбищ Клитумна,
 С шеей, достойной удара слуги подюжее: ведь нынче
 К нам возвратился друг, лишь недавно страх претерпевший;
 Трепетен он до сих пор, удивляясь, что цел он остался,
 Ибо, помимо морских невзгод, избег он ударов
 Молнии: тучей сплошной превратилось в густые потемки
 Небо, внезапно огонь поразил корабельные реи;
 20 Каждый поверить готов, что в него и ударило пламя,
 В ужасе тут же поняв, что опасней кораблекрушение,
 Чем загоревшийся парус судна. Происходит все так же
 Тяжко, как в случае бурь, о которых писали поэты.
 Слушай, какая еще есть опасность, — и ты пожалеешь
 Снова его, хотя все остальное — лишь доля того же
 Жребия, правда, ужасная, впрочем, известная многим,
 Как это нам говорит и множество досок обетных
 В храмах, — недаром известно: Исидой живут живописцы.
 30 Участь такая постигла и нашего друга Катулла:
 Так как средину судна уже всю заливало волнами,
 Коих удары и тот и другой борта расшатали,
 Так что и кормчий седой своим опытом им не принес бы
 Пользы, — Катулл, уступая ветрам, стал выбрасывать вещи
 За борт, бобру подражая, который себя превращает
 В евнуха, чтоб избежать гибели из-за тестикул:
 Так понимает зверек, что струи лишь бобровой нам надо.
 «Все, что мое, — бросай!» — говорил Катулл; он готов был
 Выкинуть самое ценное даже — пурпурные ткани,
 40 Годные стать одеяньем Меценатного Мецената;
 Ткани другие — из шерсти, которой окраску природа
 Трав благородных дала, помогал золотиться источник,
 Чудный таинственной силой своей, как и воздух бетийский.
 Не усомнился Катулл побросать серебро и сосуды —
 Дело Парфения рук, целый кубок вместимостью с урну,
 Кубок, достойный хоть Фола-кентавра, хоть Фуска супруги;
 За борт пошли и лохани, и множество утвари разной,
 Чаши резные, из коих пивал и Филипп Македонский.
 Есть ли на свете другой кто-нибудь, кто бы нынче решился
 50 Жизнь предпочесть серебру и имуществу — только спасенье?
 Не для того, чтобы жить, составляют себе состояние
 Многие, нет, — как слепцы, живут состояния ради.

Большую часть самых нужных вещей побросал он, и все же
 Легче не стало; тогда он доходит, теснимый нуждою,
 Вплоть до того, что, схвативши топор, подрубают и мачту, —
 В этом спасенье его: при опасности крайней мы ищем
 Средства защиты, корабль облегчая насколько возможно.
 Вот и доверь свою жизнь ветрам, полагаясь на мачты
 Да на борта: ты от смерти далек на четыре или на семь
 Пальцев, и то лишь тогда, если очень толсты эти доски.
 60 Сразу, пловец, запасай вместе с хлебом в плетенке с пузатой
 Флягой — надежный топор: он тебе пригодится при буре.
 После ж того, когда море уляжется, благоприятной
 Станет погода, судьба путешественника одолеет
 Ветры и волны пучин, и сучат рукодельницы Парки
 Лучшую пряжу рукой благосклонной и белую нитку
 Тянут тебе, и подул ветерок немногим сильнее
 Легкого вздоха — судно понеслось не бессильным искусством,
 Жалкое, вместо одежд лишь в раздерганных клочьях, с единым
 Парусом, что на носу. Утихают ветры, и с солнцем
 70 Вскочит надежда на жизнь. Уже видно высокую местность
 С острой вершиной, ценимую Юлом дороже Лавина,
 Города мачехи: имя свое получило то место
 От белоснежной свиньи с удивительным выменем — радость
 Трои сынам, — с тридцатью небывалыми в мире сосцами.
 Входит и он наконец в огражденную мола громадой
 Гавань: Тирренский маяк; как плечи округлые, дамбы
 В море далеко бегут, оставляя Италию сзади;
 Так ли тебя удивит от природы нам данная гавань,
 Как этот порт? С разбитой кормой устремляется кормчий
 80 Внутрь, в безопасный залив в глубине этой бухты,
 доступный
 Даже лодчонке из Бай. Матросы с обритой макушкой
 Рады там поболтать об опасностях и о спасенье.
 Ну-ка, идите, рабы, тишину соблюдая, приличье,
 Храмы гирляндой увейте, ножи посыпайте мукою,
 Сделайте мягкий алтарь украшением зеленого дерна.
 Сам я за вами иду — совершить по обряду большую
 Жертву; вернувшись домой, где украшены тонко венками
 Малые лики богов, что блестят от хрупкого воска,
 Милости буду просить у Юпитера нашего, ларам
 90 Я фимиам воскурю, разноцветных рассыплю фиалок.

Все засверкало кругом: простирает длинные ветки
Дверь, и лампы с утра участвуют в праздничных жертвах.

Брось подозренья, Корвин. У Катулла, в честь возвращенья
Коего столько воздвиг алтарей я, ведь трое малюток,
Трое наследников. Что ж ожидать, чтобы другу такому,
Вовсе ненужному, кто пожертвовал хоть бы больную,
Полуослепшую куру: затрата была бы чрезмерна;
Ради чужого отца никто не подаст перепелки.

Если почувствует жар Галлита бездетная или

100 Паций-богач, то таблички «за здоровье» весь портик закроют;

Даже иной лицемер готов обещать гекатомбу,
Раз уж не видно слонов и нельзя их купить по соседству:

Этот не водится зверь на латинской земле и под нашим
Небом; его привезли, получив из страны чернокожих,
Он и пасется с тех пор в рутульских лесах, на полянах
Турна-царя, как Цезарев скот; никому он из частных
Лиц никогда не послужит: ведь предки слонов Ганнибалу
Тирскому только служили, да нашим вождям, да Молоссу;

Предки рутульских слонов носили когорты на спинах,

110 Целую войска часть или башни, идущие в битву.

Значит, не в Новии здесь, не в Пакувии-Гистре помеха,
Что к алтарям не влекут слоновую кость в приношение
Ларам Галлиты как жертву, одну лишь достойную этих
Самых божеств — и ловцов их наследства достойную также.

Если позволишь заклать, так иной обречет тебе в жертву
Самых красивых рабов, самых крупных и телом породных,
Либо он даже рабу иль служанке наложит повязку

Прямо, как жертве, на лоб, и если есть дома невеста,

Там Ифигения, что ль, он отдаст алтарям и невесту,

120 Хоть бы не верил в подмен ее тайный трагической ланью.

Я земляка хвалю, предпочту завещанье неверной

Тысяче я кораблей, ибо если болящий избегнет

Смерти, то он уничтожит таблички, попавшись в ловушку

После заслуги такой изумительной, и, вероятно,

Сразу имущество все получит один лишь Пакувий:

Гордо он будет шагать, победивши соперников. Видишь,

Как исключительна польза — принести Ифигению в жертву.

Пусть же Пакувий живет хоть Несторов век, я согласен,

Пусть он богат, как Нерон с грабежей, пусть золота — горы,

130 Но он не мил никому, да и сам никого он не любит.

САТИРА ТРИНАДЦАТАЯ

Все, что дурной образец повторяет, не нравится людям,
Сделавшим это: уж есть наказание в том, что виновник,
Сам осуждая себя, оправдания не видит, хотя бы
Претор пристрастно считал голоса из обманчивой урны,
Как полагаешь, Кальвин, рассуждают о новых злодействах,
О преступленье, о том, что поправа честность? Но ты ведь
Вовсе не нищий бедняк, чтобы средних размеров потерю
Бременем тяжким легла на тебя: мы видим нередко,
10 Сколько уж ты потерял; это случай, повсюду известный,
Ставший обычным, одна из многих превратностей судеб.
Громкие жалобы бросим: не должно быть горе мужнины
Более жгучим, чем мера его, и болезненней раны.
Ты же выносишь едва и ничтожную самую долю
Малых, легких невзгод, и кипит и клокочет утроба
Вся твоя из-за того, что приятель доверенных денег
Не отдает. Изумляться тебе ль, что несешь за плечами
Шесть десятков годов, что рожден в консулат Фонтя?
Разве тебе не принес ничего долголетний твой опыт?
Мудрость, которая нам наставленье несет в философских
20 Книгах, победу дает над судьбой, но счастливыми также
Мы полагаем и тех, кто, наученный жизнью, умеет
Жизни невзгоды сносить и ярма не старается сбросить.
Где такой праздничный день, в какой не поймали бы вора,
Не было бы вероломств, обманов, преступно добытой
Прибыли,— денег таких, что берутся мечом или ядом?
Много ли честных людей? Насчитаешь их меньше, чем входов
В Фивы с семью воротами иль устьев обильного Нила.
Время такое теперь, что похуже железного века;
Даже природа сама не нашла для разбойного имя
30 И не сумела назвать по какому-нибудь из металлов.
Мы и к богам вопием, и к людям взываем так громко,
Будто клиентов толпа выступленье Фесидия хвалит
Ради подачки. Скажи, старичок (ты уж соски достоин),—
Знаешь ты прелесть в деньгах чужих? Не видишь ты разве,
Что за насмешки в толпе вызывает твоя простоватость,

Ежели всем ты велишь свое слово держать и поверить
 В то, что на всех алтарях обагрённых и в храмах есть боги?
 Некогда жили у нас так первые люди, доколе
 Серп земледельца не взял, убегая, Сатурн, диадему
 40 Снявший свою, и была ещё девочкой малой Юнона,
 Власти ещё не имел в пещере Идейской Юпитер,
 Пиршеств ещё никаких не справляли живущие выше
 Облак и кубка ещё не давал илионский им мальчик
 Иль Геркулеса жена; Вулкан не хватался за нектар,
 После липарских мехов не вытерши черные руки;
 Каждый из древних богов у себя обедал, и столько
 Не было их, как теперь; с божествами немногими небо
 Легче давило тогда на усталые плечи Атланта;
 Жребий ещё никому на глубинное скорбное царство
 50 Не выпадал, где Плутон с сицилийской женой своей мрачный;
 Не было Фурий, камней, колеса, ни коршуном черным
 Казни: веселье теней не смущали цари преисподней.
 Чести отсутствие странным казалось для этого века:
 Было великим грехом, искупления смертью достойным,
 Ежели пред стариком не встал бы юнец или мальчик
 Пред бородатым любым, хотя бы и знал он, что дома
 Больше плодов у него, желудевые кучи обширней:
 Чтили тогда старшинство на четыре каких-нибудь года,—
 60 Даже незрелый пушок с сединой равняли почтенной.
 Нынче же, если твой друг признается в доверенных деньгах,
 Если вернет целиком в кошельке твоём старом монеты,—
 Честность его — чудеса, что достойны этрусского свитка
 И очистительной жертвы овцой, венчанной цветами.
 Как только я узнаю превосходного, честного мужа,—
 Чудо такое равняю младенцу двутелому, рыбам
 Дивным, найденным под плугом, иль самке мұла жеребой;
 Я беспокоюсь, как будто с дождем стали сыпаться камни,
 Или, как длинная гроздь, рой пчел опустился на крышу
 Храма, как будто река потекла удивительным током
 70 К морю и водоворот молока образует собою.
 Горе твое, что тебя нечестиво нагрели на десять
 Тысяч сестерций? А что, коль другой потерял двести тысяч,
 Тайно ссуженные им? А третий — и бóльшую сумму,
 Что поместится едва в сундуке, до отказа набитом?
 Так ведь легко и удобно презреть свидетелей вышних,

Лишь бы о том не узнал ни один из смертных. Посмотришь,
 Как громогласно лжец отпирается, как он уверен:
 Солнца лучами божится он твердо, тарпейским перуном,
 Грозным Марса копьем, прорицателя кирского луком;
 80 Он побожится стрелой и колчаном Охотницы-девы,
 Даже трезубцем твоим, Нептун, Эгея родитель;
 Лук Геркулеса он вспомнит, прибавит и дротик Минервы,—
 Словом, все то, что хранят небеса в оружейной палате.
 Если же он и отец, то: «Съесть мне бедную,— скажет,—
 Голову сына, сварив ее в уксусе александрийском!»
 Есть и такие, что все полагают случайностью судеб,
 Верят, что движется мир без всякого кормчего, смену
 Дней и годов оборот производит природа,— и, значит,
 Тот или этот алтарь потревожат без всякого страха.
 90 Все же боится иной возмездья вослед преступленью,
 Верит в богов он, но слова не держит, а так рассуждает:
 «Пусть с моим телом поступит Исида как ей угодно,
 Очи мои поразит своим систром разгневанным, только б
 Мне, хоть слепому, те деньги спасти, от которых отперся.
 Стоят чахотки они, и разбитых колен, и вонючих
 Ран: ведь и Ладас-бедняк был готов на подагру богатства
 Ради, а он чемерицы не ел, Архиген был не нужен.
 Что для него эта слава ступней, проворно бегущих,
 Что ему скудная ветвь дает олимпийской маслины?»
 100 Как ни велик будет гнев божества, он не скоро наступит:
 Если хлопочут они покарать поголовно виновных,
 Скоро ли им дойти до меня? Я, быть может, узнаю,
 Что божество умолим: таких оно часто прощает.
 Многие делают то же, что я, но судьба их различна:
 Этот несет в наказание крест, а другой — диадему».

Так от боязни жестокой вины он себя ободряет,
 Опережая тебя, к священным зовущего храмам;
 Мало того: он готов быть влекомым, гонимым к присяге.
 Ибо, когда в нехороших делах проявляется дерзость,
 110 Многие верят, что совесть чиста. Балаган он играет,
 Вроде тех беглых шутов, что на сцене веселой Катулла.
 Ты же, несчастный, вопишь, как и Стентор сам не сумел бы
 Иль как Гомеров Градив: «Ты слышишь ли это, Юпитер?
 Ты не подвигнешь уста, когда должен был бы исторгнуть
 Божий свой глас, будь мраморный ты, будь и медный? Зачем же

Благочестиво тебе мы кладем, развернувши бумажки,
Ладан на уголь, телят рассеченную печень и сальник
Белой свиньи? Видно, нет никакого различия между
Ликами высших богов и Вагеллия статуей глупой».

- 120 Выслушай, что тебе может сказать в утешение тот, кто
Киников не прочитал и не знает стоических правил,
Разных обличем своим (ведь стойки тунику носят),
Кто Эпикура не чтит с его радостью малому саду:
Пусть у известных врачей исцеляются тяжело больные,
Ты же доверь свою жилу хотя б подмастерью Филиппа.
Если ты скажешь, что нет на земле столь гнусного дела,
Я промолчу, не мешая тебе бить в грудь кулаками
И ударять себя по лицу хоть раскрытой ладонью:
Кто потерпел беду, у того запираются двери,
130 Деньги же с большим стенаньем семьи поминаются, с большим
Дома смятением, чем мертвецы: у всех непритворна
Будет при этом печаль, не довольствуясь краем разданным
Платья и мук ой очей, орошенных насильственной влагой;
Нет, настоящие слезы текут о потерянных деньгах.
Если ж ты видишь, что рынки полны одинаковых жалоб,
Если, прочтя много раз расписки, и те и другие
Скажут, что сделан подлог и что счет никуда не годится,
Хоть уличает и подпись людей, и печать сердолика —
Гемма, какую хранят в шкатулке из кости слоновой,—
140 Что же, простак ты, мнишь, исключенье ты должен составить,
Будто бы сын белой курицы ты, редчайшая птица,
Мы же простые птенцы, ящ порождение несчастных?
Случай твой самый простой, терпеть его надо без желчи;
Есть и похуже дела: нанятого припомни убийцу,
Вспомни поджоги, когда коварно подложена сера,
Чтобы огонь охватил всего раньше двери входные;
Вспомни и тех, кто ворует из храмов древних большие
Чаши со ржавчиной чтимой — богам приношенья народа —
Или венцы, принесенные в храм когда-то царями.
150 Если где этого нет, святотатец найдется помельче:
Он соскоблит позолоченный бок Геркулесу, Нептунов
Лик поскребет, золотые пластинки утащит с Кастора;
Разве смутится привыкший Юпитера целого плавить?
Вспомни и тех ты, кто делает яд и кто ядом торгует,
Тех, кого надо бы в шкуре быка, зашив с обезьяной,—

В жалкой судьбе неповинной совсем, — утопить в океане.
Это лишь часть преступлений, о коих Галлик, столицы
Страж, узнает от рассвета до самого солнца захода.
Если ты хочешь познать человеческий нрав, тебе хватит
160 Дома хотя б одного: через несколько дней возвратившись,
Ты не посмеешь уже после этого зваться несчастным.
Разве кого удивят среди Альпов зобы, а в Мерое
Груды у женщин полней, чем самый толстый младенец?
Кто поразится глазам голубым у германцев, прическам
Их белокурым, из влажных кудрей торчащих рогами?
Это обычно у них и общее всем от природы.
Против фракийских птиц, налетающих звонкою тучей,
Воин-пигмей со своим выбегает ничтожным оружием;
170 Вот уж, неравный врагу, он подхвачен кривыми когтями
И унесен журавлем свирепым на воздух. Когда бы
Видел ты это на нашей земле, ты бы трясся от смеха:
Там же, где целый отряд не выше единого фута,
Хоть и всегда эти битвы бывают, — никто не смеется.
«Разве же нет наказания нарушенной клятве, обману
Низкому?» — Ну, хорошо: вот преступника тотчас же тащат
Цепью тяжелою, нашим судом на казнь обрекают, —
Что еще гневу желать? Ведь потеря останется та же:
Деньги врученные целы не будут, а крови немножко
180 Из безголового тела — какое же в том утешенье?
«Но ведь отмщенье бывает приятнее благодати жизни».
— Так рассуждают невежды, у коих, ты видишь, пылает
Сердце без всяких причин иль по поводам самым пустячным:
Как бы там ни был ничтожен предлог, его хватит для Гнева.
Этого, правда, не скажет Хрисипп иль Фалес, незлобивый
Духом, ни старый Сократ со сладкого медом Гиметта,
Что не хотел обвинителю дать хоть бы долю цикуты,
Принятой им в заключение суровом: счастливая мудрость
Всякий вскрывает порок и все постепенно ошибки,
Прежде всего научая нас жизни правильной; месть же
190 Есть наслажденье души незначительной, слабой и низкой:
Явствует это хотя б из того, что никто не бывает
Так отомщению рад, как женщины. Что ж, ускользнули
Разве от кары все те, чье сознание гнусного дела
Их постоянно гнетет и бьет их неслышным ударом,
Раз их душа, как палач, бичеванием скрытым терзает?

Денно и ночью носить свидетеля тайного в сердце —
 Тяжкая пытка, жесточе гораздо и тех, что Цедиций
 Изобретает свирепый, судья Радаманф в преисподней.
 200 Пифия некогда так на вопрос отвечала спартанцу:
 «Нет, безнаказанным то не останется, что ты задумал,—
 Денег, врученных тебе, не вернуть и поддерживать клятвой
 Этот обман». Ибо спрашивал он про мнение бога,—
 Благостно ли Аполлон посмотрит на этот поступок?
 Значит, за страх, не за совесть, он деньги вернул — и подвергся
 Каре, святилища храма достойной и истины слова
 Божьего, ибо погиб со всею семьей и потомством,
 Даже со всей отдаленной родней. Вот каким наказаньям
 Может подпасть даже самая мысль о греховном поступке.
 Кто замышляет в тиши злодеянье какое,— виновен
 210 Как бы в поступке. А если попытка исполнена будет?
 Он в беспокойстве всегда, за обедом он даже тревожен;
 Как у болящего, глотка его пересохла, а пища
 Пухнет, застрявши в зубах, и несчастный вино отрыгает;
 Старое даже вино, альбанское, стало противно;
 Лучшим его угостишь — на лице соберутся морщины
 Сплошь, как будто его угощают терпким фалерном.
 Если забота ему позволит хоть ночью забыться
 И, на кровати вертясь, наконец успокоится тело,
 220 Тотчас увидит во сне алтари оскорбленного бога,
 Храм — и тебя, что обманут, и мозг до холодного пота
 Сжат у него; твой чудесный, людей превышающий призрак
 Страхом смущает его и в вине заставляет сознаться.
 Это бывает с людьми, что дрожат и бледнеют при всякой
 Молнии, живы едва при первых же грома раскатах,
 Будто огонь не случаен, не бешенством ветров он вызван,
 Но низвергается в гнев на землю как вышняя кара;
 Если гроза ничего не смела,— еще в большей тревоге
 Трусят они, что придет после этого ведра другая.
 Кроме того, если бок заболел и уснуть лихорадка
 230 Им не дает, представляется им, что ниспослана болезнь
 Злым божеством, даже верят они, будто камни и стрелы
 Это богов. Не смеют они принести по обету
 В храм хоть овцу, посулить своим ларам и гребень петуший:
 Есть ли больному надежда какая, когда он преступник?
 И не достойней ли жертве любой в живых оставаться?

Как неустойчивы все и тревожны бывают злодеи!
Твердости им достаёт, когда приступают к злодейству:
Что нечестиво, что честно, они сознавать начинают,
Лишь преступленье свершив. Но природа их неуклонно
240 К нравам проклятым ведёт. Ибо кто же предел преступленьям
Может своим положить? И когда возвращается краска,
Раз уничтожившись, вновь на лицо загрубевшее? Кто же
Где-либо видел людей, что довольны одним лишь постыдным
Делом? И тот, кто тебя обманул, в западню попадет
Тоже, и в мрачной тюрьме попадет на крючок его тело,
Иль на Эгейского моря утес, иль на скалы, где много
Сосланных важных,— и ты эту горькую кару оценишь
Имени злого и сам наконец признаешь, довольный,
Что ни один из богов не глух и не слеп, как Тиресий.

САТИРА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Много на свете вещей, Фусцин, что достойны дурной лишь
Славы, что стойким пятном и на добрые нравы ложится:
Сами родители учат детей и пример подают им.
Если азартная кость мила старику, то наследник
Молокосос уж играет за ним хоть с игрушечной чашкой.
Также родным никому не подаст надежд наилучших
Юноша, уж трюфеля научившийся чистить, приправу
Сделать к грибам, поглощать погруженных в такую подливку
Птичек, что фиги едят,— по примеру отца-ветрогона:
10 Учит гуляка седой. Едва мальчуган до восьмого
Года дорос, и не все у него еще зубы сменились,—
Он, хоть бы ты ему дал бородатых наставников сотни
С разных сторон, пожелает всегда с сервировкой блестящей
Сесть за обед, не отстать бы от самой изысканной кухни.
Рúтила вот воспитанье, внушает ли он снисхождение
Кроткое к мелкой вине, считая, что души прислуги
Вместе с телами того ж вещества и из той же стихии,
Как и у нас, или учит жестокости, радуясь резким
Взмахам бичей, наслаждаясь их свистом, как пеньем Сирены?
20 Как Антифат, Полифем, он хозяин дрожащего дома;
Счастлив он, только когда раскаленным железом наемный
Кат кого-то клеймит за пропажу каких-то полотен.

Что молодежи внушит этот Рүтил, лязгом довольный
Цепи, любитель большой и тюрьмы, и колодников жженных?
Ты ожидаешь, простак, что не будет развратницей Ларги
Дочь; а ведь ей не сумеет всех любовников матери вспомнить
Сразу и так перечислить подряд, чтоб разиков тридцать
Духа не перевести! Ведь наперсницей матери стала
Девушка рано: теперь под диктовку ее она пишет
30 Крошки-записки, и тот же холуй их к любовнику носит.

Воля природы всегда такова: и скорее и легче
Нас совращает пример пороков домашних, и прямо
В душу нам входят они под влиянием старших. Бывает,
Юноши не обратят на примеры внимания: значит,
Сердце лепил им титан благосклонный искусно из лучшей
Глины. Но чаще ведут молодежь примеры отцов их
Вредные, старых пороков стезя увлекает надолго.

От недостойных вещей воздержись! Основаньем послужит
Хоть бы и то, чтобы наши сыны преступлениям нашим
40 Не подражали: мы все восприимчивы к гадким примерам,
Стыдным, дурным. Катилину найдешь ты во всяком народе,
В каждой стране и под небом любим,— но нигде не увидишь
Брута, нигде не найдешь его старого дяди Катона...
Гнусное слухом и видом пускай не коснется порога
Дома, где дети живут! Подальше, подальше оттуда
Девоч продажных гони, паразитов с полуночной песней!

Мальчику нужно вниманье великое: если задумал
Что-либо стыдное ты,— не забудь про возраст мальчишки;
Пусть твой младенец сын помешает тебе в преступлении.
50 Если впоследствии он совершит что, достойное гнева
Цензора, явит себя твоим сыном, не только похожим
Телом, лицом, но и нравом своим, по отцовскому следу
Станет грешить еще хуже тебя,— ты, конечно, без меры
Будешь его и бранить и честить с пронзительным криком
И наконец пригроишь наследство отнять в завещанье;
Но уже нет у тебя головы и свободы, родитель
Старый, когда ты гресишь, и давно уж безмозглый твой череп
Требует банок себе для изрядного кровопусканья.

Гостя ты ждешь — никому из рабов-то не дашь ты покоя:
60 «Веником пол подмети, начисти до блеска колонны,
Выгони всех пауков с их сухой паутиной отсюда!
Ты перетри серебро, а ты — резную посуду!»

Так и беснуется голос хозяина грозного с розгой.
Значит, ты, жалкий, дрожишь, что загажен собачьим пометом
Атриум твой и для глаз пришедшего друга противен
Портик, замасленный грязью; однако лишь меркой опилок
Эту домовую грязь может вычистить служба единый;
Но не заботишься ты, чтоб твой сын видел дом постоянно
Благопристойным, всегда незапятнанным и безупречным?

70 Доброе дело — народу, отечеству дать гражданина,
Если его создаешь ты полезным для родины, годным
Для земледельца работ, для военных и мирных занятий.
Больше всего будет значить, каким ты наставишь наукам,
Нравам его. Так и аист птенцов своих змеями кормит,
Ящериц им достает из пустынного места; птенцы же,
Лишь оперившись, начнут находить этих самых животных.
Коршун, оставивши падаль, собак, лошадей и распятых,
К детям спешит и приносит в гнездо этой падали части;
Эту же пищу пожрет и взрослый коршун, добычник

80 Самостоятельный, вьющий гнездо свое сам на деревьях.
Но за козой и за зайцем охотятся Зевсовы слуги
И благородные птицы по горным лесам, лишь оттуда
В гнезда добычу несут; и потомство, едва лишь, подросши,
Вылетит вон из гнезда, уж, гонимое голодом, к той же
Дичи спешит, что, покинув яйцо, заклевало впервые.
Некий строитель Кретоний в излучине бухты Кайеты
То в Пренестийских горах, то на Тибура холме высоком
Строил красивые виллы с высоко приподнятой кровлей,
Греческий мрамор, добытый вдали, применяя к постройкам,
90 Превосходившим и храм Фортуны, и храм Геркулеса,
Так же, как евнух Посид превзошел Капитолии наши.
В этих виллах живя, уменьшил состоянье Кретоний,
Деньги потратил свои; но не малая доля осталась
Прежних богатств; его сын целиком разбазарил, безумец,
Все, ибо новые виллы из лучшего мрамора строил.

Выпал по жребью иным отец — почитатель субботы:
Лишь к облакам их молитвы идут и к небесному своду;
Так же запретна свинина для них, как и мясо людское,
Ради завета отцов; они крайнюю плоть обрезают
100 С детства, они презирать приучились обычаи римлян,
Учат, и чтут, и хранят лишь свое иудейское право,—
Что бы им там ни дано в Моисеевом тайном писанье,—

Право указывать путь лишь поклоннику той же святыни
Иль отводить к роднику лишь обрезанных, но не неверных.
Здесь виноват их отец, для которого каждый субботний
День — без забот, огражденный от всяких житейских занятий.

Впрочем, с родителей всё сами юноши перенимают,
Против же собственной воли одна им внушается скупость;
Этот порок обольщает их доблести видимой тенью,
110 Так как по внешности строг и лицом, и обличем суровым:
Без колебания хвалят скупого, как дельного, будто
Он человек бережливый, хранитель имущества верный,—
Пуще, чем если бы то же добро стерег змей гесперидский
Или понтийский. А кроме того, о скупом у народа
Мнение ходит, что он — превосходный мастер наживы:
Ведь у таких кузнецов заметно растут состоянья,
Всяческим родом растут все больше, при вечной работе
Их наковальни, при горне, пылающем бесперерывно.
Стало быть, верят отцы, что скупые счастливы душою;
120 Кто без ума от богатств, кто уверен, что нету примеров
Бедных, довольных судьбой, увещает и юношей также
Этой дорогой идти и держаться отцовского толка.

Есть элементы пороков: отец прививает их детям
И заставляет учиться их быть скупыми на мелочь;
Скоро научит он их ненасытной жажде наживы.
Сам голодая, скупой, и рабов животы истязает
Мерой неверной еды: никогда не допустит утраты
Заплесневелых кусков покрытого зеленью хлеба,
Ибо привык сберегать все объедки вчерашние, даже
130 В жаркий сентябрь, до другого обеда бобы сохраняя
Летние, рыбы дешевой остаток, сделав отметку
С краешку, или сома полусъеденного и гнилого;
Пересчитав стебельки, он запрет и порей накрошенный,—
Словом, и нищий с моста отказался б принять угощенье.

Много ли толку в богатстве, что скоплено этакой мукой,
Раз несомненное есть безумство и бред очевидный
В нищенской доле влачить свою жизнь ради смерти в богатстве?
А между тем как мощно раздулась до самого края,—
Жадность к монете растет соответственно росту богатства:
140 Тот, кто без денег, и жаждет их меньше. Поэтому строишь
Новую виллу себе, коль деревни одной тебе мало,
Хочется шире границ, представляется большей и лучшей

Нива соседа, ее ты торгуешь, и рошу, и склоны
 Гор, где сплошь серебрится оливковых заросль деревьев.
 Если ж хозяин земель не сдастся на плату любую,
 Ночь ты выпустишь скот — коров и волов с утомленной
 Шеей, голодных — к соседу на поле зеленых колосьев
 И не загонишь домой, пока не поглотятся всходы
 Брюхом их лютым, как будто бы все это сжато серпами.
 150 Трудно бы было сказать, сколь многим от этого — слезы,
 Сделала сколько полей продажными несправедливостью.
 Слава какая трубит про тебя, что за гнусные толки!
 «Что за беда! — говоришь, — волчьих ягод ценней шелуха мне,
 Чем похвала по всему околотку соседей за то, что
 Жну я ничтожную горсть своей полбы на крошечном поле».
 Ну, уж конечно, болезней и дряхлости ты не увидишь,
 Горя избежнешь, забот — и в конце долголетнюю жизнью
 Рок благосклонный тебя наградит, особенно если
 Ты завладеешь один такими поместьями, сколько
 160 В царство Татия было запахано римским народом.
 Да и потом старикам, поседевшим в пунийских сраженьях,
 Дикого Пирра-царя и оружие молоссов знававшим,
 Даже и тем, из-за множества ран, лишь по два давали
 Югера; эта награда за кровь пролитую, за муки
 Не представлялась им ниже заслуг или платой ничтожной
 Родины неблагодарной: такого клочка им хватало, —
 Сыт был отец и вся куча народа в избе, где супруга
 Родов ждала и играли ребята — хозяина трое,
 Рабский один; а старшим их братьям, вернувшимся с пашни
 170 Иль от копания ям, готовился ужин особый:
 С кашей дымились горшки уемистые и большие.
 Нынче же столько земли не хватило б для нашего сада!
 Здесь — преступлений причины; ни столько отрав не варили,
 И никакой из пороков людских не явился оружием
 Чаше, чем лютая жадность умножить свое состояние
 Выше всех мер. Ибо тот, кто стремится к богатству, желает
 Стать богачом поскорей; разве есть уважение к законам,
 Или хоть страх, или стыд у скупого, спешащего к деньгам?
 «Будьте довольны избушкой своей и своими холмами,
 180 Дети мои, — так марс и герник говорили когда-то
 Или вестинец-старик, — добудем мы плугом довольно
 Хлеба к столу: так угодно богам нашим сельским, которых

Милостью, помощью всем нам дарованы были колосья
 И внушено отвращенье к дубовому желудю людям.
 Что же запретное тот может сделать, кому не обидно
 Ноги обути в сапоги для ходьбы по морозу и шкуру
 Вывернуть против ветров? А заморский неведомый пурпур
 Всякий, какой ни на есть, приведет ко греху и злодейству».

190 Так наставления младшим давали древние; ныне ж
 Осень едва миновала, как юношу спящего ночью
 Будит крикливый отец: «Возьми, попиши-ка таблички;
 Мальчик, не спи: ну-ка, тяжбой займись, поучайся законам
 Предков иль лестью добудь себе должность центуриона:
 Пусть себе Лелий глядит на косматые головы, ноздри
 Все в волосах, пусть будет доволен крутыми плечами.
 Мавров землянки ломай, сокрушай укрепления бригаентов —
 И лишь десяткам к шести ты получишь орла дорогого.
 Если ж тебе не по нраву нести постоянно работу
 В лагере, если живот тебе слабит от трубного звука,

200 Звука рогов, то торговлей займись: запасай, что возможно
 Перепродать вполовину дороже, но только не брезгуй
 Всяким товаром, хотя б и пришлось его прятать за Тибром,
 И не считай, что какая-нибудь есть разница между
 Кожей сырой и духами: хорош ведь прибыли запах
 Будет от вещи любой. Не своди с своих уст поговорку,
 Чье сочиненье достойно богов и Юпитера музыки:
 «Где получил — ведь не спросит никто, но имей непременно».

Няньки-старухи твердят это мальчикам для повторенья,
 Учатся девочки так говорить, алфавита не зная».

210 Мог бы сказать я любому отцу, что советы такие
 Юноше хочет вдолбить: «Пустельга, кто тебя заставляет
 Так торопиться? Ручаюсь, учителя будет почище
 Твой ученик. Не тревожься: тебя превзойдет он, конечно,
 Как Теламона Аякс превзошел, Ахиллес же — Пелея.
 Нежных нужно щадить: ведь еще не заполнило мозга
 Зрелое гнусное зло; но лишь только сын твой расчешет
 Бороду, тронет ее острием наточенной бритвы, —
 Он лжесвидетелем будет, продаст за ничтожную сумму
 Ложную клятву, держась за алтарь и за ногу Цереры.

220 Если невестка вошла в твой дом с смертоносным приданым,
 Мертвой ее почитай: во сне ее пальцы удавят
 Мужнины. Кратким путем он добудет себе, что считаешь

Нужным приобретать ты на суше или на море:
 Нет никакого труда совершить большое злодейство.
 Скажешь потом: «Никогда не давал я таких поручений
 И не советовал я». Но ты ведь — источник злонравья,
 Повод к нему; ибо всякий, внушающий любостязанье
 И воспитавший дурным наставленьем корыстных потомков,
 Тот, кто детей научил обманом удвоить наследство,—
 230 Лошади волю дает и совсем распускает поводья;
 Хочешь коней осадить,— уж они удержаться не в силах,
 Мчатся, тебе неподвластны, намеченный путь оставляя.
 Кто согласится настолько грешить, насколько позволишь?
 Сами к себе сыновья снисходительней будут гораздо.
 Раз ты внушаешь юнцу, что глуп — кто друзей одаряет,
 Кто к бедняку снизойдет, приносит близким услугу,—
 Этим ты учишь его грабежу, обману, стяжанью
 Даже преступным путем богатств, которые любишь
 Столько же ты, как любили отечество Деции, или,
 240 Ежели греки не врут, Менекей возлюбил свои Фивы,
 В чьих бороздах из змеиных зубов легионы роятся
 Прямо в оружие и враз затевают ужасные битвы,
 Словно бы там заодно и трубач поднялся с войсками.
 Сам ты увидишь огонь, которого искры ты выбил,
 Ярko пылающим, все пожирающим, что попадетсЯ:
 Нету пощады, несчастный, тебе, и в клетке питомец —
 Лев разорвет вожака дрожащего с громким рычаньем.
 Твой гороскоп звездочетам известен, но медленной прялки
 Парок не хочет он ждать: ты умрешь, когда нить твоей жизни
 250 Не порвана; и сейчас уж ему ты мешаешь, задержка
 Всех вожелений; уж мучит его твоя старость оленья.
 Живо зови Архигена, купи себе то, что состряпал
 Царь Митридат; если хочешь срывать еще новые фиги,
 Новых повырастить роз,— запасись непременно лекарством:
 Должен его принимать пред едою и царь и родитель.
 Славное зрелище я покажу тебе: с ним не сравнятся
 Ни театральный спектакль, ни преторов пышных подмостки,—
 Только взгляни, чего стоит опасность смертельная — в доме
 Деньги растить, где большая казна есть в медной шкатулке.
 260 Суммы кладут на хранение пред бдящим Кастора оком,
 После того как мстительный Марс и шлема лишился,
 Да и добра не сумел сохранить; значит, можешь оставить

Сцены на зрелищах ты в честь Цереры, Кибелы и Флоры:
Много значительней их —

человеческих дел представление.

Разве нас так забавляют тела акробатов петавра
Или же тот, кто, канат натянув, на нем же и ходит,
Как забавляешь ты сам, на корикской корме пребывая,
Где и жилище твое, ты — игральное Кора и Австра,
Неисправимый, презренный купец пахучей поклажи,
270 Ты, что доволен доставкой изюмных вин маслянистых
С берега древнего Крита и с родины Зевсовой в город?
Тот, по канату ступая хоть шаткой ногой, доставляет
Этой ценой пропитанье себе, прогоняет канатом
Холод и голод, — а ты безрассудствуешь ради талантов
Тысяч и множества вилл. Посмотри лишь на гавань и море,
Полное досок и мачт: ведь на море больше народу,
Чем на земле. И флот поплывет, куда б ни манила
Прибыли жажда его: пробежит он по водам карпатским
И гетулийским, потом, далеко позади оставляя
280 Кальпу, услышит в пучине Геракла шипение солнца.
Многого стоит труда, чтобы ты возвратился оттуда
С туго набитым мешком, похваляясь раздутой мошною,
Тем, что тритонов видал и других океанских чудовищ.
Разным безумьем умы одержимы: того ужасает
Лик Евменид, их огонь — даже в сестриных чистых объятьях;
Этот уверен, быка поразив, что ревет Агамемнон
Или Улисс. Пусть он даже щадит и плащ и рубашку,
Все же опека нужна нагружающему корабельный
Трюм до отказа товаром, от волн отделяясь бортами, —
290 Если причиною зол и опасностей этих служат
Только куски серебра для надписей и для фигурок.
Тучи находят, гроза началась. «Отдавайте причалы! —
Слышен хозяина крик, закупившего хлеба и перца. —
Эта небесная темь, эта туча, что кутает небо,
Нам не грозит: это летний лишь гром». А быть может,

несчастный

Этой же ночью утонет, как мачты сломаются, сгинет
В волнах, упрямо держа и левой рукой, и зубами
Пояс. Но тот, вожделений кого не насытило золото,
Скрытое в желтых песках у Тага на дне и Пактола,
300 Будет доволен лохмотьем — прикрыть продрогшие чресла,

Скудной едой, как погибнет корабль и он, потерпевший,
Асса станет просить и кормиться картиной крушения.

- То, что добыто с мученьем таким, охраняется с большим
Страхом, заботой: стеречь тяжело состоянье большое.
Слишком богатый Лицин заставляет, расставивши ведра,
Сотню рабов караулить свой дом по ночам, ибо в страхе
Он за янтарь, за колонны фригийские, статуи в доме
И за слоновую кость, черепаху огромную. Бочка
Киника голого не погорит; а сломается — завтра
310 Новый готов будет дом, да и старый свинцом залатают.
Сразу постиг Александр, увидавши в сосуде из глины
Жителя славного, то, насколько счастливее тот, кто
Вовсе желаний лишен, чем тот, кто требует мира
И на опасность готов соответственно завоеваньям.
Нету богов у тебя, коль есть разум: мы сами, Фортуна,
Чтим тебя божеством. «Но все-таки меры какой же
Для состоянья довольно?» Коль спросят меня, я отвечу:
Столько имей, сколько просят и жажда, и голод, и холод,
Сколько тебе, Эпикур, в твоём садике было довольно,
320 Сколько еще до тебя получали Сократа пенаты.
Мудрость не скажет того, что противно бывает природе.
Если смущает тебя столь суровый пример, ты прибавишь
То, что обычно у нас: копи ты себе состоянье
В меру закона Отона о всадниках перворазрядных.
Если на это ты рот покривишь и поморщишься, — что же,
Всадника ценз ты удвой, сделай трижды четыреста тысяч.
Если ж я пазуху все не набил тебе, все еще просит, —
Значит, тебе никогда ни Креза сокровищ не хватит,
Ни достоянья персидских царей, ни богатства Нарцисса,
330 Коему Клавдий уж так потакал и так подчинялся
Всем приказаньям его, что убил и жену Мессалину.

САТИРА ПЯТНАДЦАТАЯ

Друг мой Вифинский Волузий! Известно ведь, что за чудовищ
В глупом Египте чтут: обожают одни крокодилов;
Трепет других вызывает тот ибис, что змеем поедает;
Образ сияет золотой почитаемого павиана
Там, где стовратных развалины Фив и где раздаются
Из раздвоенной фигуры Мемнона волшебные звуки;

- Здесь поклоняются кошкам, там — рыбе речной; города есть
 С культом собаки; никто не почитит лишь богиню Диану.
 Лук и порей там нельзя осквернять, укусивши зубами.
- 10 Что за святые народы, в садах у которых рождаются
 Этакие божества! Не берут там в пищу животных
 С шерстью: резать козленка грехом почитают в Египте.
 Вот человечину можно там есть. Когда о подобном
 Деле Улисс рассказал опешившему Алкиною
 После обеда, он, может быть, вызвал и гнев и насмешку,
 Как пустомеля и враль. — «И никто его в море не сбросит,
 Хоть и достоин он сам настоящей свирепой Харибды,
 Он, сочинитель и всех лестригонов, и диких циклопов!
 20 Право, и скал Кианей столкновенья, по мне, вероятней,
 Сцилла и даже мяхи, надутые бурями, или
 Что Эльпенор и гребцы захрюкали, свиньями ставши
 От незаметных ударов прута волшебной Цирцеи.
 Верно, считал он феаков народом пустоголовым!» —
 Так кто-нибудь справедливо сказал бы, оставшийся трезвым,
 Или же тот, кто немного еще потянул из коркирской
 Урны: свидетелей нет, — разглагольствовал он в одиночку,
 Мы же о диве таком поведать хотим, что недавно,
 В консульство Юнка, у стен раскаленного Копта случилось,
 О преступленье толпы, пострашнее старинных трагедий:
- 30 Пересмотри хоть все сирмы от Пирры, — у трагиков вовсе
 Не совершает народ никакой преступлений. Послушай,
 Чем показало себя одичание нашего века.
 Между соседней Тентирой и Омбом доселе пылает
 Пламя старинной вражды: их древняя распря бессмертна,
 Неизлечимую раной горя, и крайнюю ярость
 С той и с другой стороны проявляет толпа, потому что
 Местности обе божеств ненавидят соседних, считая
 Правильной веру в своих лишь богов. Но случилось, что
 праздник
- В Омбе справлялся, вожди их врагов порешили придраться
 40 К случаю, чтобы другим испортить веселый и светлый
 Праздничный день и пиры, когда возле храмов роскошно
 У перекрестков накрыты столы, когда бодрствует ложе
 Денно и ночью, и так, что иной раз даже седьмые
 Сутки его застают приготовленным. Правда, Египет
 Груб, но по роскоши, сколько я сам замечал, не уступит

Эта толпа дикарей пресловутому граду Канопу.
 Кроме того, ведь легко одолеть захмелевших соседей:
 Их языки запелелись, все шатаются, пляшут мужчины,
 Черный играет флейтист, благовонный разносится запах,
 50 Всюду цветы, и народ себе лбы украшает венками.
 Злоба голодная тут разгорается, страсти бушуют:
 Ругань сперва начинает звучать, как сигнал для сраженья,
 С криком взаимным потом сшибаются, вместо оружия
 Руки пускаются в ход: у немногих не свернуты скулы,
 Чуть ли не все повредили носы среди этакой свалки.
 Скоро уж видны везде и повсюду разбитые лица,
 Черт не узнаты, из разорванных щек торчат уже кости
 Голые, и кулаки измазаны кровью главною.
 Сами ж они почитают игрой это дело и детской
 60 Схваткой: у них под ногами совсем не валяется трупов.
 Правда, к чему столько тысяч дерутся толпой — и убитых
 Нет между ними? Но вот свирепее натиск, и стали
 Шарить рукой по земле, поднимать и швыряться камнями —
 Самым обычным оружием при бунтах, — хотя не такими
 Тяжкими, легче, чем Турн поднимал да Аякс Теламонид
 Или каким Диомед бедро раздробил у Энея:
 Камни у них таковы, чтобы выдержать правой рукою,
 Что уступает деснице героев, — рукою современной.
 Наш-то ведь род измелечал еще и при жизни Гомера.
 70 Ныне земля производит все мелких да злобных людишек:
 Глянет на них кто-нибудь из богов — и смешно и досадно.
 От отступленья вернемся к рассказу. После того как
 Лагерь один, получив подкрепление, решается взяться
 И за оружие, — бой начинают, стреляя из луков;
 При наступлении тех, что в Тентире живут, по соседству
 С пальмовой тенью, бежать пустились поспешно омбиты.
 Падает кто-то из них, убегающий в крайнем испуге,
 Пал кувырком — и в плену! Тут его разрубают на части:
 Много кусков, чтоб его одного хватило на многих, —
 80 И победители съели его, обглодали все кости,
 Даже в кипящем котле не сварив, не втыкая на вертел:
 Слишком им кажется долгим огня дожидаться, немедля
 Труп пожирают сырой, находя наслаждение в этом.
 Радостно даже, что эта толпа огня не сквернила,
 Что Прометей подарил земле, похитивши с высей

Неба. Стихию поздравить могу, и, наверно, стихия
Рада. Но кто уже смог человечьего мяса отведать,
Тот никогда не едал никакого охотней, чем это,
Ибо при зверстве таком не допрашивай, не сомневайся,
90 Первая глотка познала ли вкус, и последний познал ли,
Тот, что руками водил по земле — попробовать крови,
После того как все тело уже уничтожено было.

Баски (молва такова), было время, жизнь поддерживали
Пищей такой; но они не пример: у них была крайность
В годы войны, к ним Судьба была зла, доведя до последней
Страшной нужды при долгой осаде. Ведь самый образчик
Этой ужасной еды, о которой сейчас говорится,
Жалости просто достоин, и те, о которых сказал я,
Всяких наевшись трав и всяких животных, к чему лишь
100 Ни понуждали мученья пустого желудка, — когда уж
Сами враги сожалели их, бледных, худых, истощенных, —
Жрали от голода члены чужие, готовые даже
Грызть и свои. Да и кто из людей, из богов отказался б
Их животы извинить, претерпевшие жуткие муки?
Им бы могли простить даже тени тех, кого трупы
Ели несчастные баски. Нас лучше наставят Зенона
Правила: вовсе не всё, полагают они, можно делать
Ради спасения жизни. Но стойки разве кантабры,
Да особенно еще в старину, при древнем Метелле?
110 Греков Афины и наши доступны теперь всем народам,
Галлия стала речистой и учит юристов британских,
Даже на Фуле идут разговоры о риторике.
Все ж благородны и баски, и полное есть оправданье
Равному в доблести им, но несчастному больше, Сагунту.
Ну, а Египет жесточе еще алтарей Меотиды,
Если ты даже считаешь правдивым преданье поэтов:
Та уроженка Тавриды, что святопреступную жертву
Изобрела, закаляла людей, — но большего страха,
Чем умереть под ножом, ее жертва не знала. Какой же
120 Случай египтян подвиг? Что за голод, какое оружие,
Стенам угроза, понудили их на такое злодейство
Гнусное? Что же тогда за ненависть к Нилу была бы,
Коль не разлился бы он при засухе в землях Мемфиса?
Бешенством так никогда не свирепствуют страшные кимвры,
Ни дикари савроматы, ни страшный народ агатирсы;

Так не ялятся бритоны, как эта трусливая сволочь,
 Что парусов лоскутки распускает на глиняных лодках
 И на весло налегает короткое в пестрой посуде.
 Этим народам, в сознанье которых и голод и злоба
 130 Сходны вполне и равны, не найти наказания злодейству,
 Нету достойных их кар. Природа сама утверждает,
 Будто дарует она человеку мягчайшее сердце:
 Слезы дала она нам, — а бывает ли лучшее чувство?
 Значит, она нам велит оплакивать друга, который
 В трауре дело ведет малолетнего, что обвиняет
 Живого опекуна: его длинные кудри скрывают
 Наполовину лицо, увлажненное горькой слезою.
 Мы по закону природы вздохнем, повстречав погребенье
 140 Девушки взрослой иль гробик младенца, который не вырос
 Для похоронных костров. Кто действительно честен и стоит
 Тайного факела, как полагается мисту Цереры,
 Чуждой не мнит никакую беду: в этом наше отличие
 От бессловесных скотов. Потому только мы, — что имеем
 Жребий высокий ума и богов голоса различаем,
 Мы, что способны к искусствам, могущие им обучаться, —
 Чувство впитали в себя, с небесной сошедшее тверди,
 Но недоступное тем, кто смотрит не в небо, а в землю.
 При сотворении мира творец уделил им дыханье
 150 Жизни — и только, а нам сверх того дал душу, с той целью,
 Дабы взаимно влекло нас просить и оказывать помощь;
 Розно живущих — в народ единить; покинувши рощи
 Древних людей, оставляя леса — обиталище предков, —
 Строить дома, сочетая жилище свое воедино
 С крышей другой; чтоб доверье взаимное нам позволяло
 Возле порога соседей заснуть; для защиты оружием
 Граждан упавших иль тех, что от ран зашатались тяжелых,
 Общей трубою сигнал подавать; защищаться совместно
 В башнях и общим ключом запирасть городские ворота.
 Но даже змеи живут согласнее нас; и с окраской
 160 Схожей другого щадит всякий зверь: разве льва убивает
 Лев? Или разве когда кабана находили лесного,
 Чтоб издыхал от удара клыков кабана посильнее?
 Яростный Индии тигр уживается в длительном мире
 С тигром; у диких медведей — и то существует согласие,
 Людям же мало и тех смертоносных мечей, что куются

На наковальне проклятой, — а первый кузнец-то, привыкший
В горне калить сошники да лопаты, уставший от ковки
Сох да мотыг, — ведь совсем не умел он меча приготовить.
Что за народ современный: ему недостаточно в злобе
170 Только убить человека, но груди, но руки, но лица
В пищу себе он берет! Ну, что бы подумал об этом
Или куда б убежал, если б только узрел этот ужас,
Ты, Пифагор, воздержаньем известный от всяких животных,
Как от людей, и не всякий стручок допуславший в желудок?

САТИРА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Кто преимущества все перечислит, все выгоды, Галлий,
Службы военной? Раз в лагерь приходят для жизни счастливой,
Пусть под звездой благосклонной меня принимают ворота
Рекрутом робким: час добрый удачи ведь стоит не меньше,
Чем если б к Марсу пришли мы с письмом от богини Венеры
Или родимой Юноны, песчаный Самос полюбившей.
Прежде всего назовем вообще удобства, из конх
Немаловажно и то, что тебя не посмеет ударить
Штатский: напротив, удар получив, он сам его скроет.
10 Выбитый зуб показать не осмелится претору либо
Черную шишку, синяк, на лице его битом распухший,
Или подшибленный глаз, что, по мнению врача, безнадежен.
Кто наказания ищет за это, получит бардейца
В судьи себе, и в сапог военный обутые икры
Будут видны на скамьях судейских; обычай Камилла
Надо блюсти, и солдат не должен судиться вне вала
Иль далеко от знамен. Справедливейшим будет, конечно,
Центурионов разбор солдатского дела: наказан
Будет обидчик, коль есть законный для жалобы повод.
20 Недружелюбны, однако, манипулы все, и когорта
Вся, как один человек, показанье дает, что возмездье
Горше гораздо самой обиды. И будет пригодем
Только Вагеллий один с его ослиным упрямством,
Голени две лишь имея, споткнуться о столько военных
Пар сапогов, столько тысяч гвоздей. Да и кто же решится
В лагерь пойти, кто настолько Пилад, чтоб забраться за насыпь
Вала? Пусть слезы сейчас же подсохнут; зачем беспокойство

Ваших друзей? Все равно им придется просить извиненья.
Скажет судья: «Дай свидетеля», — пусть кто-нибудь, кто побой
30 Видел, посмеет сказать: «Я видал» — и его я признаю
Бороду предков достойным носить и длинные кудри.
Мог бы скорей привести ты свидетеля ложного против
Штатского, чем отыскать такого, кто правду сказал бы
Против военных людей или что-нибудь против их чести.
Дальше отметим другие достоинства, прибавь другую
Службы военной: бесчестный сосед у меня отнимает
Дол или поле в поместье отцов и камень священный
Из середины межи вырывает — тот камень, что кашей
Я ежегодно чту и большим пирогом в приношенье;
40 Или должник не желает вернуть мне занятых денег,
Будто бы подпись руки недействительна, мол, на расписке;
Ждать придется годами, когда-то начнут разбираться
В тяжбах народа всего, да и там ты натерпишься много
Тягот и много отсрочек, — знай, ставят скамейки для судей:
Вот уж речистый Цедиций готовится скинуть лацерну.
Вот оправляется Фуск, мы готовы, — и снова уходим,
Ноги свои волоча по площади рынка песчаной.
Тем же, кто ходит с оружием и перевязь носит на плечах,
Время ведения дел предоставят, когда им угодно,
50 В тяжбе задержки им нет, и дела их решаются скоро.
Кроме того, у одних лишь военных имеется право
Дать завещанье при жизни отца: ибо все, что добыто
Воинской службы трудом, не включается в список имений,
Принадлежащих всецело отцу. Потому-то Корана,
Спутника знамени, деньги копящего воинской службой,
Ловит уже одряхлевший отец: ведь его выдвигает
Правый почет, получает дары он за труд благородный.
Для самого императора важно, конечно, чтоб всякий
Храбрый вояка был счастлив вполне, чтоб радостны были
60 Все и довольны как сбруей коней, так и цепью почетной.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЭННИЙ

Энний приехал в Рим (с Катонем Старшим) около 203 г. до н. э. и начал писать сатиры не раньше этого времени — параллельно с другими трудами, эпосом «Летопись» и трагедиями. «От Энния осталось четыре книги сатур», — пишет Порфирион (к Горацию, «Сатиры», I, 10, 47). Из нижеследующих фрагментов 1—2 относятся к I книге, 3—5 — к II, 6—11 — к III, 12—13 — к IV, 14—19 — к неизвестным книгам, остальные отнесены к сатирам только предположительно. Нумерация — построчная, порядок фрагментов — по изданию Уормингтона. В фр. 11 имеется в виду, по-видимому, подвоз зерна в Рим из Африки после победы над Карфагеном (201 г. до н. э.); 24 — о рыбах, похожих на цветы лютики, которых по этому сходству

едят овцы, упоминает словарь Феста; 25—26 — может быть, о геродотовских аримспах (IV, 13—14, 27), добывающих золото в северных (Рифей — обычно Урал) горах; 20 — начало эзоповской басни (тоже приводимой Геродотом, I, 141): рыбак выманивал рыб на берег дудкою, они не шли, тогда он выловил их сетью и, когда они забились на сковородке, сказал: «Вот когда я играл, тогда и надо было плясать!»; 32—33 (у Уормингтона опущено) — концовка другой эзоповской басни: крестьянин скликал соседей помочь ему в жатве, и птенчики, жившие в полевом гнезде, звали мать спастись, а она медлила; но когда крестьянин бросил звать помощников и взялся сам за серп, тогда птичка-мать сказала: «Вот теперь пора спастись».

Перевод по изданию: *Remains of old Latin*, ed. and transl. by E. H. War-
mington, v. I.— Cambridge (Mass) — London, 1935.

- ¹ Пускай себе на горе обжирается!..
² ...если только быстро дашь.
^{3—4} Вижу отселе колонную высь небесного свода...
⁵ Встанут, бросятся, обступят, не пускают, теребят...
^{6—7} Твое здоровье, Энний, песни пламенной
Поток из сердца в чаши изливающий!
⁸ Кто на тебя клеветет средь друзей твоих,
Тебе не друг.
^{10—11} ...об этом
Скажут поля африканской земли под усердною вспашкой.
^{12—13} Ему не нужно ни плаксивой луковки,
Ни горестной горчицы...
^{14—19} Приходишь беззаботный, бодрый, чистенький,
Надувши щеки, наостривши пальчики,
Нацелившись, как волк, готовый броситься,
Облизываясь, на чужие лакомства,—
А каково, ты думаешь, хозяину?
Невесело! Еще бы: он берёт, ты — ешь.
²⁰ Дудочник стоял когда-то на морском на берегу...
²¹ Пишу стихи, лишь схваченный подагрою.
²² Мне все равно — как будто пес куснул меня.
²³ Как похожа на нас мерзейшая тварь — обезьяна!
²⁴ Возле прудов, где рыбок жуют шерстистые овцы...
^{25—26} Десять таких, какие в горах добывают Рифейских
Те, одноглазые...
²⁷ Как говорится, они на былинке ищут колена...

- 28 — 31 (Геллий, XVIII, 2, 7:) «Я помню, как недавно мы обсуждали семь вопросов, из которых первый — разобраться в тех стихах из сатур Энния, которые так запутаны многократным повторением одного и того же слова; вот они:
Кто хочет ближнего в дураках оставить
И скажет: «одурачил!» — тот сам одурачен,
Ибо, веря дурацки, что дурачит другого,
Дурачащий одурачен, дурачимый же — нимало.
- 32 — 33 Пусть всегда в твоём сознание будет эта истина:
Не зови людей на помощь в том, что можешь сделать сам.

ЛУЦИЛИЙ

Луцилий начал писать сатиры, по-видимому, около 130 г. до н. э. и продолжал непрерывно до самой смерти, около 102 г. Злободневный смысл их быстро устаревал; вероятно, еще при жизни поэта их начали комментировать его «домочадцы» Лелий Архелай и Веттий Филоком; учеником Филокома был Валерий Катон, современник Катулла, предпринявший переиздание его сочинений (и даже подновлявший их язык, как уверяли некоторые). К какому изданию восходит дошедший до нас текст фрагментов Луцилия, сохранившихся — в подавляющем большинстве — в словаре архаизмов, составленном Нонием Марцеллом в начале IV в. н. э., сказать невозможно. Хронологически первыми были созданы книги XXVI—XXIX, написанные разными (преимущественно комедийными) размерами; в XXX книге Луцилий переходит на гекзаметр; книги I—XXI были написаны уже сплошь гекзаметром; книги XXII—XXV, плохо сохранившиеся, видимо, были изданы посмертно. Таким образом, порядок книг, установленный античными издателями, не хронологический: самые ранние книги стоят не в начале, а в конце.

Впервые собрал фрагменты Луцилия Фр. Дуза в 1597 г. Первым подлинно научным и богато комментированным изданием было выпущенное Фр. Марксом в 1904—1905 гг.; за ним последовали издания Э. Уормингтона (1938) и В. Кренкеля (1970) с полезными параллельными переводами. Текстологическая работа Маркса осталась основополагающей до наших дней; но реконструкция композиции отдельных сатир вызвала неразрешимые разногласия, и, как выразился один из исследователей, «сейчас у нас по меньшей мере столько Луцилиев, сколько издателей»; при этом каждое издание давало свою собственную нумерацию строк луцилиевского корпуса. Наш перевод Луцилия — первая попытка воспроизвести по-русски все фрагменты его текста (кроме слишком коротких и невразумительных); ближе всего мы следовали изданию Уормингтона, однако опять-таки с довольно значительными отступлениями в расположении фрагментов. Для удобства пользования мы внутри каждой книги даем сперва номер фрагмента по полу-

7. ⁸ Должность и стены блюсти, пожалуй, они еще в силах...
8. ⁴⁸ Сытноизбранный эдил ужель от прав отлучаем?
9. ⁵¹ Кем бы и с кем бы он, как объявлено ранее нами,
Ни был в начале — теперь доносит не менее дельно.
10. ¹² Тканую тогу носить с исподним — лидийская пакость!
11. ¹³ С ворсом простым и двойным плащи на мягкой подбивке...
- 12*. ³² Глуп, кто меж плясунов и сам пускается в пляску...
13. ¹⁵ Словно как чванились мы, сказав «клиноподы» и «лихны»
Вместо «изножья для лож» и «светильники»...
14. ¹⁸ Эти сказавши слова, перерыв он делает в речи...
15. ²⁶ А особливо хочу, коль случиться такому возможно...
16. ²⁷ Дабы в совете и мне — в том, который, речете, держали
Вы, небожители, древле здесь, — в предвечном совете
Мне побывать бы...
17. ³⁰ В древнем совете том ты единый премудрым был мужем...
18. ¹⁹ ...Поелику
Нет среди нас никого, кто бы не был Отец добродивный:
Либер Сатурн — Отец, и Нептун — Отец, да и Янус
Марс Квирин Отцом зовется — хоть порознь, хоть
вместе...
19. ²⁴ ...Коль могу я равняться
С Ледой, что Фестию дщерь, и с Иксиона нежной
подругой...
20. ³³ Раз ты не понял, твержу, что, чего мне просить, я не
понял,
Толк от гаданья какой? иль просить ты чего-нибудь
должен
Сам? или понял ты, в чем благо? понять помоги же...
21. ³¹ Хоть бы и самый Орк назад отослал Карнеада...
- 22*. ³⁶ Вы, одурев, хотите искать на былинке коленца...
23. ⁴³ Стать какова у него и облик?..
24. ⁴⁴ Облик такой же, как стать: смерть скорбная хворь
и отрава...
25. ...Пусть же дни несчетны и луны —
Дольше долгих годов! — непогодю сей негодия
Не надвигаются...
26. ⁴⁰ Если бы волны ты и буруны хляби соленой
Постановил смирить, Эмафийского мощь урагана,
Верно бы, прежде смирил — тут бы все упокоились бреги
Мирно...

27. ⁵⁴ Губят, Окунь, тебя селедка с сомовьей похлебкой!
 28. ⁴⁹ Их приведя на обед, сперва по печенке тунцовой
 Каждому дам, а еще — морского окуня щеки...
 29. ⁵² Так вот змеей подползти могла бы язва гнилая...

КНИГА II. <АЛЬБУЦИИ ПРОТИВ СЦЕВОЛЫ.> Квинт Муций Сцевола из семьи потомственных юристов в 120 г. до н. э. наместник в Азии; по возвращении, в 119—118 гг., некий Тит Альбуций привлёк его к суду, обвиняя в грабежах, роскоши, обжорстве и разврате (2—9), в частности (неясное место) в почетном погребении кого-то недостойного. Сцевола удивляется такому обвинению (10), отводит его ссылкой на свидетелей (11—16) и издевается над ораторскими приемами Альбуция (17; Л. Лициний Красс, зять Сцеволы, — крупнейший оратор уже следующего поколения) и над его увлечением всем греческим.

1. ⁵⁵ Слышанный мы рассказ повторим, что должен быть
 сказан...
 2*. ⁶⁶ «Он — нечестивец, он — бесстыдник, он — разоритель...»
 3. ⁷¹ Золотом шитый кафтан и тюрбан и платок и нательник...
 4*. ⁷³ ...залезал в шерстистые сумки...
 5. ⁷² Коль заклеил зады клобукастой приметной змеею...
 6. ⁷⁸ Знак Приапов зачем у него сюда приторочен?
 Сладкий ли жир свиной подбирать да красть по кусочку
 Жарево?..
 7*. ⁷⁵ Крепких вам утроб, объедалы, обжоры, пропойцы!
 8. ⁸² Не говорю «победил» — нет! пусть бесправным
 бродягой
 Будет блуждать...
 9. ⁵⁷ ...чтоб сей лиходей провалом был пожран и душу
 Вышибло вон из него...
 10. ⁸⁷ Что говоришь? Почему случилось здесь тебе шарить?
 11. ⁶⁰ Лишь узрели они — Гортензий, Постумий и с ними
 Прочие, — что лежит не тот, а этот во гробе...
 12. ⁶⁴ Делу конец, и я искупленный...
 13. ⁶⁵ ...леченый, свяченный...
 14. ⁶⁹ Ныне все, что я сам, ведя допрос Номентана,
 Выпытал, перескажу...
 15*. ⁵⁶ «Пусть, Номентан, разразят тебя боги!» — А он за
 другое...

16. ¹³⁴⁸ Претора свита так велит и Ностий-гадатель.
17. ⁸⁴ Сколь *словеса* твои изящно-складны! — так *смальта*
Хитрой краскою эмблем извилистых по полу вьется...
...Красс у меня в зятях, чтобы ты *превитийственен* не
был.
18. ⁸⁸ Греком, Альбуций, скорей, чем римлянином иль
сабином ¹,
Чем земляком достославных мужей и центурионов,
Понтий каков и Тритан, знаменитые знаменосцы,
Слыть предпочел ты. И вот я, претор, при встрече в
Афинах,
Греческим словом тебя приветствовал, как тебе любо:
«*Хайре* ², о Тит!» И за мной все ликторы, турма,
когорта:
«*Хайре*, о Тит!» И теперь ты враг мой и недруг,
Альбуций.

КНИГА III. (ПОЕЗДКА В СИЦИЛИЮ.) Образец Горация (I, 5).
Время поездки между 120 и 116 гг.: до Капуи посуху, потом морем. Возмож-
ная причина — болезнь управляющего дальними поместьями Луцилия (4).
Этапы дороги: первый день — по холмам до отрогов Апеннин в Сетии (5—7),
потом до передышки в Капуе (8—9). Там путники смотрят бой двух глади-
аторов (10—15); перебравиваясь перед схваткой, один другого обзывает
носорогом (первое упоминание в римской литературе). Перьями (14) укра-
шались шлемы гладиаторов, вырвать перо из вражеского шлема было поче-
том. «Малый Делос» или «Дик(е)архия» — гавань при Капуе, греческая
колония. Следующие остановки — Салерн (18), Альбурн в устье реки Си-
лара (19), сирийская таверна у мыса Палинура (23—27), где есть было
нечего, как Танталу в аду (26). Далее — за два дня морем до Мессинского
пролива и речки Фацелии на сицилийском берегу (28); в дороге они видят
извержение вулкана Стромболи (29).

- 1*. ⁹⁷ Ты разделишь со мной и радость дороги, и славу.
2. ⁹⁹ ...и дорогу
Разве ты разверстал, как межует мерятель поле?

¹ Перевод Ф. Петровского.

² «Х а й р е» («Радуйся!») — греческое приветствие.

3. ¹⁰⁷ ...Увидишь, что полных оттуда
Семьдесят миль и сто, да накинй от Капуи двести
И пятьдесят...
4. ¹⁰⁵ Симмах притом волопас был в ту пору отчаянно болен,
Легкими маясь и вздох испустить готовясь последний.
5. ¹⁰⁹ Путь же сей притом премного вязкий и тряский.
6. ¹²⁰⁷ Мерину тяжело бока переметные сумы давили.
7. ¹¹⁰ Там-то была игра, сплошные шалая-валяя,
Там-то шалая-валяй, говорю, все игры да смехи,—
А лишь дошли до границ Сетийских, досталось нам
круто
В козлокрутых горах: сплошь Афоны да грозные
Этны...
- 8*. ¹³⁴ <Между Вольтурном-рекой и Капуйей> ровно три мили.
- 9*. ¹⁴⁰ Там — законная нашим усталым телам передышка.
10. ¹¹⁷ Вот носорог из Бовилл: глянь! челюсть с клыком
одиноким
«На предьявителя»...
11. ¹¹⁹ Не породила его, но излила утробой женской...
12. ¹³⁴² Единоглаз, двоеног и так, словно туша кабанья,
Располовинен...
13. ¹²⁰ Властен он вышибить дух любому, к кому ни подступит.
14. ¹²¹ ...Другой из двоих, преимуший
Перьев нетронутых семь, вновь заходит и так ускользает.
15. ¹⁰¹ А когда вышел ход проиграть с последним ударом...
16. ¹²³ После в Делос меньшей, к старожилам Дикархин-града...
17. ¹²⁵ ...Минервин мыс мы, на веслах идя, обогнули...
18. ¹²⁴ Тысяча станет шагов до Салернских врат от причала...
19. ¹²⁶ После четыре часа до Силара и до Альбурна...
20. ¹²⁷ О полночь я в Палинур оттуда прибыл на веслах...
21. ¹²⁹ Тотчас, низко склонясь, обул благородные ноги.
22. ¹³² Устриц не было там, ни ракушек, ниже и багрянок...
23. ¹³³ Нет и спаржи...
24. ¹³⁴ ...Ибо там медовой сладстью
Горькая читится в горшке закоптелом капустная хряпа.
25. ¹³⁹ Дно показал кувшин, а с ним разумение наше.
26. ¹⁴⁰ Тантал, который несет за грехи несказанные кару
Тяжкую...
27. ¹⁴² ...Потому-то
Я, пробудясь ото сна, холопей хлопком созываю.

28. ¹⁰² ...Как издавна чаял
Часто, узришь Пролив, и Мессану, и Регия стены,
Тоже и скалы Липар, и храм Фасцелины-Дианы.
29. ¹⁴⁶ Словно как рой искр, что полосное сыплет железо
Краснокаленное...
30. ¹⁴⁶ Ради Римских игр наряжают лампадами форум.

КНИГА IV. <ГЛАДИАТОРСКИЙ БОЙ.> Этот поединок («при Флакках» — в 134—138 или 142 г. до н. э.) благодаря Луцилию получил широкую известность: Цицерон вспоминает его не только в «Тускуланах» (IV, 21, 48: «гнев придает сил»), но даже в шуточных письмах (к Квинту, III, 4, 2 о враждебном Помпее, который ему чуть не «ухо зубами отгрыз» — возможно, цитата из Луцилия). Но как соединялось с этой темой описание охоты (1—4), походного ложа (5), чревоугодия (6—7; «как журавль» — могло быть сказано о большой рыбе), любовных дел (9—11) и пр. — неясно. Может быть, зрелище гладиаторской битвы для изнеженного горожанина — то же, что охота для крепкого селянина. Титий (8) — великий грешник, исполнин, которому в преисподней ястреб расклевывает печень, а она отрастает вновь и вновь: за этим следят Фурии (Евмениды), богини мести.

1. ¹⁶⁴ Взад и вперед по полям за зверьем и отродьем
звериным...
- 2*. ¹³¹⁵ Стрел и дротов черед, а потом и метательных копий...
3. ¹³⁴⁷ Носом холки коня достигая и ляжек — затылком...
4. ¹⁷⁹ И, на макушку к нему, неждущему, вспрыгнув, повсюду
Тело его грызет и в плоть вцепляется жадно.
5. ¹⁶⁰ Ставят внизу лежак, на четыре подпорки опертый,
Крепятся сзади к хребту как будто суставы и связки,
Все равно как у нас в колене и в пяточной кости...
6. ¹⁶⁶ Перед собою несут мне в подарок рыбин огромных,
Тридцать числом...
7. ¹⁶⁸ Он долговяз, как журавль, — как журавль, простертый
в полете...
8. ¹⁶⁹ Жир принесла, что тоplen из Тития легких и сала,
Святостью высшая меж Евменид сестра Тисифона.
9. ¹⁷³ Ежели отрок достоин тебя и отличен красую...
10. ¹⁷⁴ Хоть и не может жена настолько стойкою телом
Быть, но нежных персей сок при ней остается
И нерушимая власть сосцов, источающих млеко.

11. ¹⁷⁷ ...Дабы ты рукой потревожить
Этот замок не мог и задвижку — все на запоре.
12. ¹⁴⁹ На гладиаторских играх, устроенных Флакками, некий ¹
Был эзернин-самнит, негодяй, своей доли достойный.
С Пацидею он там состязался, который был самым,
После создания людей, гладиатором лучшим из лучших.
«Право, его я убью, победив, коль хотите, — сказал он. —
Будет же, думаю, так: он в лицо меня раньше ударит,
Чем проколю я мечом его грудь и дурацкое брюхо.
Я ненавижу его, я сражаюсь взбешенный, и только
Стоит нам взяться за меч — сейчас же битва начнется:
Так я взбешен, и моя питается ненависть гневом».
13. ¹²⁷³ ...Самнит, какой он ни добрый
Сам по себе, свиреп предовольно в бранной потехе.
14. ¹¹⁸⁷ Прямо в грудь ему острие клинка направлялось.

КНИГА V. <СМЕШАННОГО СОДЕРЖАНИЯ.> Первая часть (1—3) — письмо к другу с упреками, что тот не посещает его в болезни («исократство» — неправильное поведение знаменитого оратора IV в., который писал свои речи, как письма); единственная утеха больному (3, текст очень испорчен) — по-видимому, литературный труд (ср. Гораций, II, 1, 30—34). Вторая часть (4—18) — обед у претора (?) Левия с участием обжоры Галлония, жалобы на неурожай 119 г. (7) и скудость кухни. Лелий, прозванный «Мудрым», — консул 140 г., друг Сципиона Эмилиана и такой же образец добродетели. Третья часть (19—27) — описание эпизода войны (с лигурийцами в 181 г. ? тогда начальник в фр. 21 — Эмилий Павел, а упомянутый в 8 Сервий Гемин — его помощник). К сожалению, эти фрагменты сохранились скудно и плохо.

1. ¹⁸¹ Спросишь иль нет про мой обиход, я все же отвечу,
Ибо я из таких людей, которых на свете
Не большинство...
Хоть и желаешь пропасть тому, кого видеть ты должен,
Только не хочешь: твое «не хочу» и «должен» не
в радость
Даже тебе самому, ибо в них *исократство*,
бездумность,

¹ Перевод Ф. Петровского.

- Нрава *ребячливость* и ничего, кроме *чуши* и *вздора*,—
 Если таков ты и есть, о тебе не стану стараться...
2. 189 Лишь бы в теле моем нашлась та сила и твердость,
 Как в душе, всегда хранящей верные мысли.
3. 191 Есть у меня один товарищ, помощник в спасенье
 Из тяготящей тоски, сомнений и скорбной печали.
- 4*. 210 Чтобы тебе не смотреть, каков твой будущий претор
 От головы до ног...
5. 202 Левий речет, что нищ, но в должности самоважнейшей...
- 6*. 203 Если было бы всем довольно того, что довольно,
 Этого было б довольно и мне. Но мы не такие —
 Вот и не могут меня насытить любые богатства.
7. 214 Стала Церера скупа, и хлеба нет у народа.
8. 221 Рядом с Геминим жбан и рядом с Павлом корчага...
9. 212 Стаду Нерее шалить и вывертывать острые рыла...
10. 194 Лук исторгает слезу шелухе своей слезной в подмогу...
11. 195 Красен глазами всегда от пристрастия к едкому луку...
12. 193 Да и цикорий, который возрос под конским копытом...
13. 1157 Корку и мякиш ты жрешь и губишь хлебные крошки.
14. 198 Словно когда зеленщик на продажу ранние фиги
 Вынес, за каждую горсть заломив непомерную цену...
15. 1235 Ощавель, сколь унижен ты, сколь безвинно неславен —
 Ты, кого Лелий-Мудрец всегда за трапезой громко
 Славил, наших обжор всех подряд уличая сурово...
- 15а. 1122 ...С доброй приправой
156. 1238 Снедь и добрую речь и к еде, коль спросишь, охоту.
 Молвит: «Бедняга же ты, прожорливый Публий
 Галлоний!
 Отроду ты не покушал всласть, хоть все вот на этих
 Крабов успел промотать да на этих белуг великанских!»
16. 1134 Щеголь Целий в игре мячом трехбоким умело
 Переиграет всегда Галлония...
17. 1107 А под дверьми у стены чертога столового сиплым
 Старческим хрипом скрипел горемычный некий
 Тиресий...
18. 226 Верно рекут об одном старике, что Тиресию-старцу
 Стал-де ровесником он...
- 18а. 206 Слезы утри и богам воскури фимиамы со мною,
 Дабы прознать, насколько им люб твой блуд
 безнаказный.

19. 208 ...Назови то, что сила мало-помалу
Сквозь лазейки ночной черноты наружу гнала бы.
- 20*. 218 Старшим он был: не всякому всякое дело под силу.
21. 216 ...Он единый бодрствовал, знаю,
И, как видится мне, сплетал для недругов сети.
22. 214 Разве нельзя отступить иль день роковой отодвинуть?
23. 215 Ибо сие для всех единая скорбь и забота.
24. 220 После решил я бойцов уводить караульных из стана.
25. 219 Флоту охранный отряд, катапульти, дроты и копья...
26. 225 «Многие лета тебе,— говорю,— за стихи и за доблесть!»

КНИГА VI. <СМЕШАННОГО СОДЕРЖАНИЯ.> Фон намечен двумя указаниями: праздником рабов 13 августа, в день рождения Сервия Туллия, царя, вышедшего из рабов (1; название праздника неизвестно — вероятно, в нем был один краткий слог между двумя долгими, что невозможно в гекзаметре), и беседой Муция Сцеволы в застолье его зятя оратора Красса (16, ср. кн. II; Сцевола славился строгостью жизни, Красс жил на широкую ногу); может быть, реплика 11 (с непристойным оттенком) вложена в уста второй дочери Сцеволы. На этом фоне проходят темы дружбы и помощи (2,5—7, ср. Гораций, I, 9, 78), бедности и скупости (4, 14 — ср. Катулл, 23; Девкалионовы дни — доисторический всемирный потоп), развращенной знатности и богатства (8—10, 12, 13, 18 — под бараном имеется в виду шерстистый муфлон). Интересно сведение о заселении малолюдных сардинских поместий выходцами из перенаселенной Сицилии (17).

1. 228 ...А день этот — праздник холопей,
Коего имя влести напрямик ты в гекзаметр не можешь.
2. 230 Другу при встрече в привет пожелание шлется здоровья.
3. 242 Он не велик, а носат и тощ — ты сам это знаешь.
4. 243 Нет у него ни осла, ни раба, ни слуги никакого:¹
Только котомка при нем и все наличные деньги.
С этой котомкой он ест, умывается, спит; и в котомке
Все достоянье его: висит за плечами котомка,
Так что даже быки, в луканских рожденные кряжах,
Вырвать ее не могли бы, напрягши дюжие шеи.
5. 233 Приободри, коль могу я добиться от них снисхожденья.
6. 236 Только это и может помочь в моем злополучье.

¹ Перевод Ф. Петровского.

7. ²³¹ Чтобы не шло поперек, чтоб *«избавлен я был Аполлоном»*
- 8*. ²⁵⁷ Можно было сказать...
 Всюду негожесть царит, мотовство и нахальная дерзость.
 Им-то казалось, что впрямь любая вина им простится,
 Что вельможность сама отгонит от них неугодных.
9. ²⁶⁰ Мнят, что в хозяйства их и в семейства ломаются силой...
10. ²⁶¹ Будет с трибуны кричать и рычать, таково мое слово;
 Будет бегать и громко вопить, как будто Анкарий.
11. ²³⁸ *«А я — хоть кому!»* — она прогундосит,
 Коль говорят о сестре, что трезва, непрожорлива, пряха.
12. ²⁵² С ворсом *плащ*, пуховик и всякая прочая роскошь...
13. ²⁴⁹ Вкруг дождевого двора в дому ковылял завивальщик.
14. ²⁸³ Вообразишь ли, что здесь испражниться хоть
 кто-нибудь рвется?
15. ²⁵¹ Девкалионовых дней три походных веревочных койки...
16. ²⁴⁰ *«Что за добрый Юпитер тебя, наш щедрый хозяин...»* —
 Муций Крассу сказал за обедом...
17. ²⁴ Из сицилийской земли Луцилий сардинскую вывез
 Землю...
18. ²⁵⁶ Купишь имение, если продашь коня да барана.

КНИГА VII. <О ЛЮБВИ.> Обсуждается частый в популярной этике вопрос — кого лучше любить: продажных женщин (2—3; Фрина — знаменитая красотой гетера IV в. до н. э.), замужних жен (7—9; дельфин и лошадь в последних фрагментах — по-видимому, для сравнения) или мальчиков (12—15; «Луцилия, хоть он и сатирик, я не похваляю за то, что мальчиков Гентия и Македона он вывел в своих стихах под их настоящими именами», писал Апулей, «Апология», 10; Гиакинф — мифологический любимец бога Аполлона). Остальные фрагменты менее ясны (очень испорченный 16-й может читаться «Вся я горю, коли шея гусиная или лебяжья» — с намеком на Леду). Золотой пояс в 20 — военная награда.

1. ²⁹³ В грусти мы и тоске, обрыдла нам всякая радость...
2. ²⁶³ А пресловутая Фрина, когда любовника гнусно...
3. ²⁷¹ Младостью и красотой, как шлюха и добрая сводня...
- 4*. ²⁶⁴ Глажусь, бреюсь, пемзой скребусь, волоса вырываю,
 И красоту навожу, и румянюсь...
5. ²⁶⁶ Да не поддастся ушко твое ни заразе, ни гнили...

6. ²⁶⁷ Кони ни носа, ни глаз не имеют, ни прочего здравья...
7. ²⁷⁸ Он молотит, а лоно ее свежает мякину.
8. ²⁸⁸ Вскинуты головы вверх, расчесаны гривы их челкой
Пышной, с крутого свисающей лба, — таков их обычай.
9. ²⁸⁴ Ежели, словно дельфин, он ноздрю то раздует, то
сплющит...
10. ²⁷⁹ Если он хочет ее утеснить за злодейство в отместку,
То черепок берет самосский и молвит: «Старуху
Бью!» — а затем черепком отсекает и стебель и ядра.
- 11*. ²⁸² Полно! Главное — вот: похотливую старую ведьму
Лучше насквозь проткну, чем себя самого изувечу.
12. ¹²⁵⁷ ...А первое — что к благородной
Статности возраст молодой добавляется...
13. ²⁶⁹ ...Тот, кто любит тебя, обещает быть тебе другом
И защищать сулит твою миловидность и младость.
13. ²⁷³ Ныне начальник он твой, а ежели Гентий отбудет
В этом году — будет мой...
14. ²⁷⁵ Есть у нас Македон, коли Агрион станет ломаться...
15. ²⁷⁶ Разве хоть раз равнял я его с Гиакинфом, что богу
Святотреножному мил?
16. ²⁶⁸ ...А тут ему сразу
Полный горшок овощей тушеных с гусиною шейкой.
17. ²⁹² Солнце и ветер злой повредили полю и хлебу.
18. ²⁹² А поначалу блестит, как горячее в топке железо...
- 19*. ²⁸⁶ Ни у голодного льва не вырвать из пасти добычу...
20. ²⁹⁰ Копья — пять числом, препоясанный златом
застрельщик...

КНИГА VIII. <О ЖЕНЩИНЕ.> Сперва она описывается как страстная любовница (1—7; «петух» здесь, по-видимому, сравнение, а «веретено» — эротическая метафора), потом как хозяйственная жена (8—12); неясно, как связано с этим описание рысистого коня (13—14; коркира — быстрый легкий корабль; назван по греческому острову, хотя изобретен был не в Коркире, а на Кипре).

1. ²⁹⁶ ...Что стройна, сильна, ловка, не испорчена сердцем,
С отроком схожа...
- 2*. ²⁹⁸ <веретено бы>
Прямо стояло внутри, окутавшись вдутою пряхей.

3. ³⁰⁰ Так, как дворовый петух, в честном победитель
сраженые,
Пальцы напрягши, тянется вверх на кончиках ногтей...
4. ³⁰³ Пью из кубка ее, обнимаю, губы губами
Ловкой искусницы жму и весь *напрягаюсь желаньем*.
5. ³⁰⁵ Тут она грудь к груди прижимает и чресла ко чреслам...
- 6*. ³⁰⁶ ...и ноги сплетая с ногами.
7. ³⁰⁷ Шуйцею силы мужеской сок отирает подруга.
8. ³⁰⁸ Вдосталь у нас чего и в чем у нас недостаток...
9. ³¹² Задней пристройкою там кладовка и с мельницей кухни.
10. ³¹¹ Остров иберский <?> туком любим и молозивом
скотским...
11. ³¹⁷ Угрей морских солить и припас относить в холодильник...
12. ³²⁸ Впрочем, торговые все дела и неверные эти
Мелкие барыши...
13. ³¹³ Если рысью бежит всю дорогу, хотя бы и в гору...
Он словно рвется всегда пуститься рысью в дорогу...
14. ³¹⁵ Как в половодье вода, летящая с силой с порогов,
Он устремляется в бег, *коркире* резвостью равный.

КНИГА IX. <РИМСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.> По-видимому, мало связанные друг с другом эпизоды. 1: щит — принадлежность жреческой коллегии салиев, островерхая шапка — фламинов, ковшик — понтификов. 2: «салийская пляска» — ритуальное шествие жрецов-салиев в честь Марса. 3 (для сравнения?) — об афинских эфебах, юношах 18—20 лет, несших пограничную службу. 4: «хлебарь» — может быть, не хлебопек, а получатель хлеба: со 123 г. Гаем Гракхом были учреждены бесплатные раздачи хлеба (прежде всего беднейшему) населению. 8: из рода Лутациев Керконов известны сенаторы ок. 140 и ок. 106 г. 11: Зопир, раб-силач, упоминается и ниже, в кн. XXII.

<ГРАММАТИКА И ПОЭТИКА.> В латинском языке были долгие и краткие гласные, но на письме они не различались. Но как раз во время Луцилия (с 132 г.) поэт Акций, родом из Умбрии (где в надписях долгое А писалось AA, долгое I — EI и т. п.) попытался ввести в Риме орфографическую реформу, приблизив письмо к звучанию. Луцилий выступает против него поборником старой орфографии. По большей части эти фрагменты перевода не поддаются; в переведенных образцах (14—15) не существующая

по-русски разница долгих и кратких заменена разницей ударных и безударных. Разница понятий «стихи» (poëta) и «стихотворство» (poësis), не совпадающая с современной «поэма — поэзия», была в античности почти общепринятой (ср. ниже: Варрон, 398).

1. 319 Щит отсюда пошел, островерхая шапка и ковшик.
2. 320 Главному вслед прыгуну другие запрыгают разом.
3. 321 *Плащ* и борода у них оттого и *вседневная стража*.
4. 322 Он — хлебарь, и носит с собой лопатку и мерку
Хлебную...
5. 324 Тот, кто кладет кирпичи, никогда ничего, кроме грубой
Глины с мякиной, иметь не будет да грязи с соломой.
- 6*. 331 Как бессильный старик, от *подагры* трещащий *артритом*,
Или увечный калека, худой, с огромною грыжей...
- 7*. 333 Чешется, словно свинья, что боком о дерево трется.
8. 328 ...Так что ж, коль Керкону
Устрицы мнутся на вкус речною тиной и глиной...
9. 334 Если нет в ней красы и если блудит она долго,
Хватит монетки ей, потаскухе...
10. 330 Бедами станет вихлять, словно хлеб она задницей веет.
- 11*. 336 Я его беру, я бью по-эпировски в челюсть,
Губы ему кровеню, вышибаю зубы из десен...
12. 327 Тысячу ты монет нажить умеешь на сотню.
- 13*. 339 ...Радей об ученье,
Дабы тебе ни предмет, ни прием не давали отказа.
14. 351 С буквы «а» начну, а после — про прочие буквы.
АА — это долгий слог, А — краткий слог; тем не мене,
Букву мы ставим одну и так одинаково пишем
«Лад», «Лакедемон», «лабаз» и «латук», и «латы» и
«лавка»,
Словно как греки «Арей» и «Ангел»...
15. 356 Всякий чтец подтвердит, что в «кипеть» на конце
ударенье.
16. 357 Ныне «кипит» вода, а «вскипит» когда-нибудь после.
17. 362 ...Если же речь о Луция сыне,
Луция имя нужно склонять, как Корнелия имя.
18. 1100 Сотню сюда добавь ошибок в словах и реченьях.
19. 1215 Словно как видим, что «внутри» и «внутри»
различаются смыслом:
Так «у тебя» и «к тебе» по смыслу вовсе различны —

«Внутри» нас зовет человек, а сам «внутри» <уже дома>...

20*. ⁴⁰¹ Ты не знаешь, что значит стихи» и что «стихотворство». Прежде всего скажу о стихах. Стихи — стихотворства Малая часть...

Так, например, посланье — стихи, и притом небольшие.

А стихотворство есть целая вещь (например, «Илиада» Или «Летопись» Энния): цельность, в которой единство. Это всегда длинней, чем то, что зовем мы стихами.

Вот почему говорю я, что если ругают Гомера, То не всего и не всё, что зовется его стихотворством, А лишь какой-нибудь стих, или слово его, или образ.

КНИГА X. <ПРОДОЛЖЕНИЕ.> 1: «древние» образцы — это Гомер и аттическая комедия. 2: «бык в городе» — перевод афинской поговорки, означающей неуместность. 3: «после конца» римских трагедий и комедий ставились в виде дивертисмента импровизированные сценки — «ателланы». Остальная часть книги содержит описание военной высадки на вражеский берег; подробности неясны. Легковооруженные застрельщики (10) начинали битву в первых рядах, но если встречали отпор, отбегали за боевую линию.

1*. ¹¹¹¹ Древние вещи <познай>, от которых пошли остальные.

2. ³⁸⁸ Ну не отменно ли в городе бык описан тобою?

3*. ¹²⁶⁴ ...Достойным начала

Будет пусть и конец, и после конца прибавленье.

4. ³⁸⁶ Это — мне на суд иль на выбор, как писано раньше; Что отберу, что нет, и как на место поставлю.

5. ³⁸⁵ И что глядит он прямым подлецом, наглецом и злодеем...

6. ³⁸⁹ И на причале столбы, что канатом обмотаны крепким...

7. ³⁹⁰ Выстоять могут средь буйных волн и пагубных ветров...

8. ³⁹² Тут нежданно они с трех лестниц посыпались разом.

9. ³⁹¹ Впали, почуяв покой, в разнеженность, вялость и лень.

10. ³⁹³ Сзади, одетый в доспех, стоял расторопный застрельщик.

КНИГА XI. <СЦИПИОН ЭМИЛИАН И ДРУГИЕ.> Луцилий сам служил в постыдно затаившейся Нумантинской войне в Испании (143—133 гг.) (может быть, это о нем говорят солдаты в 1), когда туда в 134 г. явился Сципион, подтянул разложившееся войско (3—7; в 8 речь об испанских кельтиберах, союзниках римлян) и в 133 г. взял город. Клавдий Азелл (9), народный трибун 140 г., пытался нападать на меры Сципиона в его цензорство 142 г., но был наказан бесчестьем. Луций Котта (10), консул 144 г., ко времени сатиры Луцилия уже умер, но жив был «толстяк», его сын, тоже Луций, консул 119 г. Г. Кассий и Кв. Туллий (11), о которых говорится непереводаемыми каламбурами, оба неизвестны. Кв. Опимий (13) был консулом 154 г., а его сын Л. Опимий, гонитель гракханцев, — консулом 121 г.; в 116 г. он был подкуплен в посольстве к нумидийскому царю Югурте, в 110 г. попал за это под суд и ушел в изгнание. Анекдот о «приглядности и неладности» Квинта-отца приводится Цицероном («Об ораторе», II, 277); глашатай Граний (12) с его доморощенным юмором тоже не раз упоминается Цицероном (ср. кн. XX). Пацений, к которому обращен фр. 10 (а может быть, и вся сатира?) ближе неизвестен.

1. ⁴⁰⁵ Многие годы вот он вместе с нами в землях Иберских
Бранную службу несет...
2. ³⁹⁷ Только, сюда отступив, палатки в ряд натянули...
- 3*. ⁴⁰⁰ Кто там нежится в нужниках?..
4. ³⁹⁸ <Ничего не предпринял>
Вождь наш прежде того, чем всех с нечистою рожей
Выгнал из стана вон — словно в яму спихнул
выгребную!
5. ⁴¹⁶ Толку мне нет от жулья, ни к чему мне паскудник
с повесой.
6. ⁴¹⁷ Если паскудный сей потаскун с нахальною рожей...
7. ⁴⁰⁷ Чтобы дорогу мостить, подсыпать нужно щебенки
С каменной мелкой трухой...
8. ⁴⁰⁹ Сбор распрекрасный: роскошь штанов и плащей
грубошерстных,
- Тяжких гривен блеск...
- 9*. ³⁹⁴ Тот злонаравный Азелл столкнулся с самим
Сципионом,
И не на радость ему Сципионово цензорство стало.
- 10*. ⁴¹³ Милый Пацений! Отец толстяка, старик Луций Котта
Был великий ловкач во всем, что касается денег,
Только ленив был платить...

- 11*.⁴²² Этот самый делец Гай Кассий, которого кличут
Все хитроvanом, провором и вoром, законный наследник
Туллия Квинта, судьи, в ущерб всем, лишенным
наследства...
- 12.⁴¹¹ Выразить я в стихах желал то, что ранее Граний
Провозвестил...
- 13*.⁴¹⁸ Этот Квинт Олимий, отец того югуртинца,
Был человек лицом приглядный, да нравом неладный,—
Правда, лишь в юных годах, потом он стал поисправней.
- 14.⁴²⁵ После явился он в Рим, а был еще мальчиком нежным...
- 15.⁴²⁶ Не похвалить никого никогда, ни тявкнуть,
ни пискнуть...

КНИГА XII. ДИОМЕД ГРАММАТИК (III, р. 487 К.): «У афинян на Дионисиях, в праздник Отца Вакха, победителям в пении в награду выдавалось вино, о чем свидетельствует Луцилий в XII книге». Ничего подобного в сохранившихся фрагментах нет. Заботник о детстве поэта и его брата (претора 134 г.) во фр. 1 — видимо, отец их Луцилий Гирр.

- 1.⁴²⁷ Если бы в детстве со мной или с братом недоброе
сталось,
Он бы...
- 2.⁴³¹ В сердце твоём сие да будет равно нерушимо...
- 3.⁴²⁸ Надобен мне хоть какой казначей иль хороводитель,
Кто бы мне золота дал из казны на общее дело.
- 4.⁴³⁵ Не оторвать его — хоть бы сотню мулых упряжек
Разом припрячь...

КНИГА XIII. <ЗАСТОЛЬЕ И УДАЧА.> Большая часть фрагментов — с описанием богатого пира (1—6; ср. скудный пир в кн. V), такого, какой мог быть устроен или при очень богатом хозяине, или сообща (6). Дорогие устрицы на пирах (1) уже были запрещены законом против роскоши 115 г., но тщетно. Каким-то образом к этой теме примыкают рассуждения о том, только ли постоянная Удача (Фортуна) и случайное Счастье приносят успех человеку, или остается место и для личных заслуг (7—11).

- 1.⁴⁴⁰ То же с обедом: подашь закускою устриц, за тыщи
Купленных...

6. ⁴⁵⁷ Пусть назовешь ты сие хоть боем морским, хоть игрою
В камешки, правильной жить от потех подобных не
станешь.
7. ⁴⁶² От мудрецов предпочту я почет, хотя бы немовгих,
«Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать,
мертвый».
8. ⁴⁵⁹ Пусть доживает он жизнь на покое — тихо и мирно!
Сколь благолепней сие, чем быть по суду обвиненным!
9. ⁴⁶⁴ В Родос и в Вавилон и к царю в Экбатаны отправлюсь
Я послом: *коркиру* возьму...
10. ⁴⁶⁶ В Родос к обеду придешь, миновав Карпафское море.
11. ¹²⁹¹ Родос отлого встает в просторах хляби Карпафской.
12. ⁴⁶⁷ «Публий Пав Тудитан, казначеем в землях Иберских
Бывший при мне,— из тех, что горазды темнить
и морочить...»
13. ⁴⁶⁹ «Если начальника мне, чтоб меня изводил, не навяжут,
Будет неплохо: вот он мне в печенку въедается, право!»
14. ⁴⁷¹ С коим опаслив будь, но для пользы поддерживай
дружбу...
- 15*. ⁴⁷² Раз шестьдесят за час нападал он...
16. ⁴⁷⁶ Стати нет в жеребце, зато легконог и вынослив...

КНИГА XV. (О СУЕВЕРИЯХ И ПОРОКАХ.) Фр. 1 (четвертый стих его сохранился в надписи) — обычное самоутверждение философии, освобождающей от религиозных и дорелигиозных страхов. Но философов не слушают (4; ср. Петроний, 71), и люди бедствуют от суеверий и пороков. Колдун Требеллий (5) — лицо неизвестное. Палла (6) — женское платье. Медимн (7) — греческая мера вина, 6 римских «мерок». Шесть трехлетий (8) — обычная военная служба в это время длилась 20 лет, причем в Испании (Иберии) считалась особенно тяжелой (ср. кн. XI, XIV). 12—17 — опять описание испанского коня; «корыто» (15) — видимо, намордник для кусачих лошадей.

1. ⁵²⁰ Много, как видно, чудес и вымыслов всяких ужасных ¹
Есть у Гомера в стихах: циклоп Полифем в целых двести
Ростом ступней, а затем его маленький посох, повыше
Самой высокой из мачт, на судне грузовом водруженной.

¹ Перевод Ф. Петровского.

- ...Ламий ужасных, каких Помпилии Нумы и Фавны
 Установили на страх, трепещет он, как всемогущих.
 Точно ребята, что все живыми считают статуи
 Медные, словно людей,— так эти во бред сновидений
 Верят и сердцем живым наделяют идолов медных.
 Все это — выдумки, вздор, *галерея* картинная только.
2. 514 С ними же первым — тебя, нетвердого мыслью
 придурка.
- 3*. 492 ...и кто мрачно вграбастался в деньги.
- 4*. 515 Правду сказать, мне и плащ, и раб, и циновка, и кляча
 Много полезней, чем всякий мудрец...
5. 493 В этой несметной толпе ныне первый — Луций
 Требеллий,
 Ибо горазд навести рвоту, гной, лихоманку и дряхлость.
6. 504 Если с тобою она, все споро — пусть глянут чужие,
 Как из ларца достает повязку, пояс и паллу.
7. 499 Кроме как разве ценой: за полушку первая мерка,
 Мерка вторая — медяк, а уж третья дороже *медимна*.
8. 501 Пить оттого им пришлось кислятину, брюхо царапать
 Хлебом, что пополам с отрубями, да маслом прогорклым.
9. 490 ...Покуда он служит
 В землях Иберских, чуть не шесть трехлетий воюя...
10. 497 Что же он делать привык при этом, сей финикиец,
 Сей из Сирийской земли ростовщик?..
11. 495 Вымысел распознает, различает рубаху и тогу...
12. 506 Пусть и обгонит его на поприще в несколько милей
 Резвый кампанский скакун, но если длиннее дорога,
 Всякий отстанет конь — да так, словно путь у них
 розный.
13. 509 Клонится низко пред ним и круп пригибает пониже.
14. 512 Разом в кровь искусав управителя Аристократа,
 Он придавил к стене волопаса и скотника тоже.
15. 511 Вместо кольца у него из ноздри свисает корыто.
16. 510 Нету здесь бубенца, ни плетеной корзинки с петрушкой.
17. 1278 Перелетит единым скачком через горы и долины...

КНИГА XVI. Цензорин (III, 3): «Евклид Сократик (IV в. до н. э.) утверждает, что к каждому из нас приставлен гений двоякого рода, о чем можно прочесть у Луцилия в XVI книге». Ничего подобного в сохранив-

шихся фрагментах нет; в лучшем случае можно соединить фр. 1—5 с городской жизнью, а 6—8 — сельской. Котис (1) — имя нескольких фракийских царей; Аквилон — северный ветер, Австр — южный; юго-западный и пр. ветры не учитываются. Юпитер в 18,5 м высотой (2) — статуя; перевозить такие в античности было трудно.

1. ⁵²⁷ Котис, преславный царь, говаривал, что среди ветров
Знает отменно лишь Австр с Аквилоном, а косвенных южных,
2. ⁵²⁵ Люющих дождями из туч, в расчет не берет и не знает
...Лисиппов корабль, на котором Юпитер
3. ⁵²² В сорок локтей высотой прибудет сюда из Тарента.
...А уж эти,
Коиx богатство ввысь возносит и маслит елеем
Космы на дурьей башке...
4. ⁵¹⁹ Некто жене завеждал наряды все и припасы —
Что есть «наряд» и «припас»? кто здесь разобратся сумеет?
5. ⁵³⁰ Распродает он все на торгах, ты же лижешь обеды...
6. ⁵³² Был бы на радость тебе сей тучный надел, коль
проворней
Чуточку стал бы твой управитель...
7. ⁵³⁴ Молвит: «Раз попался баран — да какой! да с какими
Ядрами! веришь едва, что к единой подвешены жиле
Или что этакий груз удержала в целости шкура!»
8. ⁵³¹ Молвит сажавший лук: «Да это же вовсе иное!»
9. ⁵³⁷ Ну почему ты ленив на вопросы в такое-то время!

КНИГА XVII. (О МИФОЛОГИИ.) Пародически сниженные рассуждения о Пенелопе, Елене и других героинях; «двухсложных слов» (3), какими можно было выбрать женщину, в латинском языке много. Попутно, возможно, затрагивались вопросы заимствования и плагиата (Лаверна — богиня, которой молились воры). В последнем фрагменте — игра юридическими архаизмами.

1. ⁵⁴⁹ Коль соберешь и продашь ты муз побольше
Лаверне...
2. ⁵³⁸ Замуж не хочешь идти, замужняя, все тебе мнится:
Жив Улисс...

3. ⁵⁴⁰ Или, по-твоему, той, чьи локти и локоны милы,
Амфитриона жену Алкмену мнишь долговязой
Иль косолапой? а прочих всех? а ту же Елену?
Но промолчу! Приглядишься, и любое *двусложное* имя
Выбери! Иль никогда *благородной* девы приметой
Зуб не бывает кривой, иль родинка, иль бородавка?
4. ¹²⁹⁶ Ежели статью стать и красой красу превосходит...
5. ⁵⁵⁰ Он презирает продать, но — пусть с невеликой
лихвою —
Только ссужает: ничто никому насовсем не уступит
«Силой его волокни, коль кобенится!» —
«Стало быть, ловит
Вор хозяина?..»

КНИГА XVIII. Два сохранившихся фрагмента ничего не говорят об ее общем содержании.

1. ⁵⁵⁵ Хлеба уносишь ты двенадцать тысяч медимнов,
Тысячу бочек вина...
2. ⁵⁵⁴я не меньше тебя наслаждаюсь.

КНИГА XIX. <ДОВОЛЬСТВУЙСЯ МАЛЫМ.> Серия разрозненных афоризмов популярной стойко-кинической философии. 3 — может быть, мораль из басни о муравье (ср. Гораций, I, 1, 30 сл.). 8: «сюсюкать» — в буквальном смысле слова: пусть речь актера не будет перегружена глаголами с перфектным окончанием *si*, напр. *sensi* — рекомендация грамматика VI в. Присциана, цитирующего этот стих.

- 1*. ⁵⁵⁸ Сколько дурак ни имей, а все ничем не доволен.
- 2*. ⁵⁶⁴ Пользуйся днем, который тебе показался
прекрасным.
3. ⁵⁶¹ Так да стяжаешь ты эти плоды, которыми дома
Будешь грядущей зимой себе в услуженье кормиться.
- 4*. ⁵⁵⁹ Ты говоришь: «человек или деньги?»
Какое сравнение?!
Что человек против денег? Вот так и не знаешь, что
выбрать.
5. ⁵⁶³ Так вот каждый из вас тревожится поодиночке.

- 6*. ⁵⁶⁵ К честной женщине в грубом плаще не цепляйся
за платье,
Как несмышленный малыш.
7. ⁵⁵⁷ Этих же ищет утех одряхлевший морщинистый старец.
8. ⁵⁶⁷ Губит стихи лицедей, заставляя сюсюкать Ореста.

КНИГА XX. <ПИР.> Пир, устроенный глашатаем Гранием (ср. кн. XI) для Л. Лициния Красса, трибуна 107 г., будущего знаменитого оратора, зятя Сцеволы (Цицерон, «Брут», 43, 160). Видимо, Крассу принадлежит реплика 6: Пизонов закон 149 г. был направлен против вымогательств сенаторов-наместников (близких Крассу) в римских провинциях. «Столы протер» (2) — в промежутке между закуской и главным угощением. «Меж Тибрских мостов» (3) — то есть в чистой воде, до впадения клоаки в Тибр. «Мяса шматок» (4) — порция, которую можно было унести домой. Марсияне (5) — племя в Апеннингах, умевшее заклинать змей. 9 — по-видимому, описание периодической лихорадки. Следующие отрывки — буря на море и (13) починка спасенного судна — может быть, были рассказом одного из гостей.

- 1*. ¹²⁶⁹ Славно угощены и привечены как подобает.
2. ⁵⁶⁸ После большие столы протер он суконкой пурпурной...
3. ¹¹⁷⁴ Кто бы чего ни желал отведать, велит он доставить:
Этому жирных несут каплунов и вымя свиное,
Ну, а тому — меж Тибрских мостов добытое яство.
4. ⁵⁶⁹ Их прельщает мяса шматок да сытность застолий...
5. ⁵⁷⁵ Вот уже пополам разрывается, вот уже жилы
Рвет, как у змеек своих колдовскою марсиянин
песнью.
6. ⁵⁷³ Этот Пизонов закон мне суровостью столь ненавистен,
Что по моим ноздрям видать, как ненависть пышет.
7*. ¹¹⁸² Граний умеет
И уважать себя, и царей ненавидеть надменных.
8. ⁵¹⁷ Хоть и горазд он темнить, да притом пустомеля
великий...
9. ⁵⁷⁰ В пору года одну и во время одно с перерывом
В три с половиной часа иль в четыре по крайности —
дольше
Нет перерыва...
10. ¹³⁰⁸ ...Земля скрывается в море и тучах...

11. ¹¹³ Всю корабельную снасть сберегаю, парус и мачту,—
Ибо обрублены были уже канаты и цепи.
12. ¹³⁰⁹ Тогда-то
Третий рушится вал на *верхушку* высокую мачты.
13. ⁵⁷⁸ Сбросьте кормила с кормы и носы кораблям оголяйте!

КНИГИ XXII—XXV. <О СВОИХ РАБАХ И ВОЛЬНООТПУЩЕННИКАХ.> Эпитафии и мелкие стихотворения элегическим дистихом; возможно, опубликованы посмертно. Фр. 2 цитируется у Марциала (XI, 30, 4). Первые 5 фрагментов относятся к XXII кн., следующий — к XXIII; от XXIV не сохранилось ни одного, от XXV — один (два слова: «араб Артемон»).

1. ⁵⁸¹ Первым почил Пацилий — отец и казнохранитель.
2. ⁵⁷⁹ Здесь лежит слуга усердный и верный; оплотом
 Был для Луцилия он, звать же его Метрофан.
3. ⁵⁸⁴ ...Губы Зопирион так изгибает и сяк.
4. ⁵⁸² Нос ли ныне прямой у него, и лодыжки, и ноги?
5. ⁵⁸³ ...Тощим кривым ногам быть приметой его.
- 6*. ⁵⁸⁵ Малый, все пироги облизать успевший на кухне...

КНИГА XXVI. <СМЕШАННОГО СОДЕРЖАНИЯ.> Это хронологически первая из книг Луцилия. Она начиналась, по-видимому, литературной декларацией (1—7): автор пишет не для знатоков, как оратор Г. Персий и консул 149 г. Маний Манилий, будущий персонаж Цицеронова диалога «О государстве», а для среднеобразованных читателей, как молодой историк М. Юний Конг или (ближе неизвестный) Д. Лелий. Эта простота не по вкусу писателям высокого стиля (8—19; вереница реминисценций из трагедий Пакувия о ссоре Агамемнона с Ахиллом в 11—12, об Аяксе Старшем в 16—18, о насильнике Аяксе Младшем в 13, об Антиопе в 14—15). Юний Конг занимался историей (20—26; Попилий своим поражением начал, Сципион своей победой кончил Нумантинскую войну, ср. кн. XI; Вириат воевал в Испании против римлян в 147—139 гг., ср. кн. XIV). Но Луцилий хотел бы его привлечь к более мирным занятиям философией (27—39; туск — этруск: из этого итальянского племени было много гадателей; Амиклы — город близ Спарты, в котором было воспрещено поднимать панику, и поэтому враги захватили его врасплох). С этой философской высоты Луцилий рассматривает хлопоты римской жизни (40—61; Анксур — городок близ

Рима; один из Метеллов, устраивавших названные игры, в 133 г. произнес знаменитую речь против женщин, отсюда тематика последующих стихов; 48, может быть, следует читать — по пословице — «Я моих клопов с твоими не согласен поменять!»; 57 — реминисценция реплики гетеры из комедии Цецилия Стадия: «Мне шесть месяцев пожить бы, а на седьмой хотя б и в Орк!»; другие отрывки, видимо, тоже вложены в уста паразитов и подобных персонажей). Далее идет речь о болезнях после такого образа жизни (62—71; упоминание спортивного «гимнасия», которых в Риме еще не было, — отражение греческой жизни). Заключительный стих — концовка книги.

- 1* 590 ...из самого предсердия
Иливаю стих...
- 2* 588 Не хочу я нравиться черни, как иные пишушие:
Тех мужей хочу пленить я...
3. 595 ...не хочу ни неучей,
Да и умников: Манилий с Персием в читатели
Мне не надобны — читатель мне да будет Юний Конг!
4. 592 Не о Персии стараюсь, но для Лелия тружусь!
5. 651 Ты же молвишь: «Коль вручают тайну некую тебе,
Проронить о сокровенном ни словечка не посмей!»
6. 649 Что ж? меня не обзовешь ты неучем, невеждою?
7. 650 Коль не стукнусь о *вопросе*х иль о редкое слово...
8. 608 Им мой стих неблагородный чуден и чудовищен.
9. 653 Хоть бы боги ободреньем из тебя изгнали дурь!
10. 587 Коль предметом вам не дива, не пернатых крылья змей...
11. 654 Право, гнусен и презренен Агамемнон для меня.
12. 607 Жажда домой вернуться, мы царя сломили власть.
13. 656 И Минерва мир отвергла, от кумира своего
Видя отторгнутой Кассандру...
14. 600 ...Она терзается там голодом,
Холодом, нечистойю, немостью, небрежностью.
15. 597 ...Всю в грязи и всю в чешотке, горем сокрушенную —
Злобы недруг к ней не чует, к ней любви не чует друг.
16. 601 Хоть зарезаться, хоть в петлю — лишь бы со свету
дойой!
17. 605 Пусть торопятся на сходку под призывный рев рожков!
18. 606 Только он Вулканом натиск от судов отворотил.
19. 655 В бой пойдут, умрут, в могилу лягут за тебя они!
- 20* 622 Я в моей теперешней шкуре не могу, какой я есть...

21. ⁶¹⁷ Молодость твою, что видел и одобрил я весьма...
 21a. ⁶¹² Ради милых описуешь ты ретиво старину.
 22* ⁶²⁵ Ты в предмете видишь пользу, оттого тебе он мил.
 23* ⁶¹³ Часто римляне в сраженьях были побеждаемы...
 24. ⁶¹⁵ Но бесчестьем не считаем быть побитым *варваром* —
 Вириатом, Ганнибалом...
 25. ⁶²¹ Славь победу Сципиона, осуди Попилия!
 26. ⁶³³ Коль осадный вал насыпан, прок в навесах только тот,
 Что по ним ударят сразу, сокрушить скорей спеша.
 27. ⁶¹⁰ Если хочешь, через уши я твой разум орошу.
 28. ⁶²⁶ ...Ибо из несчастья злого попадешь ты в тишь да гладь.
 29* ⁹⁵³ Лгать приятелю и другу мне совсем не свойственно.
 30. ⁶¹¹ Друг подсказывать умеет, туск предсказывать горазд.
 31. ⁹⁵⁷ ...Не могу я промолчать:
 Ведь молчание Амиклы погубило...
 32. ⁶¹⁸ Пусть печется о недужном, для него себе в ущерб
 Сберегает пусть съестное...
 33. ⁶⁰⁹ Лучше этого стеречься, лучше этого избегать.
 34. ⁶³² Хоть бы что-то получилось из усердия моего!
 35* ⁶²⁸ От всего, чего ты жаждешь, я сбегу, как от огня.
 36* ⁶²⁰ Если труд, то труд такой уж, чтоб и польза была,
 и честь.
 37. ⁶²³ Ведь и ты и я из чрева вышли материнского...
 38. ⁶³¹ Не для этого он вскормлен и короткой жизни дан...
 39. ⁶²⁴ Это видя, постигаешь: цель для мудрого — добро!
 40. ⁶³⁷ Рим покинул, убегая игрищ гладиаторских...
 41. ⁶⁷⁶ В Анксур я от погребальных игр бежал Метелловых...
 42. ⁶⁸¹ Сито, решето и свечка и станок с веретеном...
 43. ⁶⁸⁰ И жену, и дом нечистый с челядью развратною...
 44. ⁶⁸² Тут одна меня хотела обобрать да опоить,
 Да еще обеззеркалить, зеркало-то дорого!
 45* ⁶⁸⁴ Если золота попросит — и железа не подам.
 46* ⁶⁷⁸ Люди сами доставляют эти тяготы себе —
 Жен берут, детей заводят (для чего и женятся)...
 47. ⁶⁸⁶ Что ж, сверну с пути — исполню долг чадорождения!
 48. ⁶⁷⁵ Поменять свое на общее убедить меня нельзя.
 49. ⁶⁷³ ...Почуенее иных
 Стань, богатство из кубышки с пользою потративши. (?)
 50. ⁶⁷¹ Откупать пастушьи дани не желаю в Азии —
 Ни на что не променяю я себя, Луцилия!

51. ⁶⁶⁹ Он — отпущенник-ворюга, он — ловкач-сириянин,
Я с таким, себя забывши, тоже стану жуликом.
52. ⁶⁶⁶ Часть померзла от мороза, часть рассеяна бурею.
53. ⁶⁶⁷ Вот от этой десятины мне проруха и разор.
54. ⁶⁶⁸ Что не дешево досталось — за полушку продаю.
55. ⁶⁶⁴ Пусть мы кажемся и щедры и приветливы к друзьям...
56. ⁶⁵⁸ Потому-то мы в ораве забубенных забулдыг...
57. ⁶⁶³ Кто шесть месяцев так протянет, с Орком встретится
в седьмой!
58. ⁶⁶⁰ ...Он ли не присваивал
Множества добра, что сам ты заносил к себе в приход?
59. ⁶⁵⁹ Из огня деньги добудет, из навоза корм урвет.
60. ⁶⁶² Не поешь ли? не возьмешь ли, мальчик, снеси со стола?
61. ⁶⁵⁸ Стерпим смех, поскольку знаем, сколь преступно
гневаться.
62. ⁶³⁵ Человек из души и тела состоит, как нам твердят
Испытатели природы...
63. ⁶⁴² Прежде щупает бездельник жилы и предсердие...
64. ⁶³⁷ Потому-то он с неделю вкус ни в чем не ощущал.
65. ⁶⁴⁷ ...Коль одежду грязью замарал свою,
Сам о том хохочет сдуру, сам о том хихикает.
66. ⁶⁴⁵ ...А если брюхом хочешь учинить потоп,
Позабойся, чтоб избыток не из всех прорвался дыр.
67. ⁶⁴³ Хочет выгнать дрожь из тела, хорошо укутавшись...
68. ⁶⁴⁰ Потому-то твердо верят, что минует всех болезней...
69. ⁶⁴¹ Как в гимнасии я тело бегом и мячом сушил...
70. ⁶⁴⁴ ...Мытаря лесов Альбанских (и?) громом рушенных
дерев.
- 71*. ⁷⁹³ Переплетчик! Теплым клеем <книгу> склей <готовую>.

КНИГА XXVII. <СМЕШАННОГО СОДЕРЖАНИЯ.> В начале сосредоточены замечания о женах и гетерах, дальше — беспорядочные суждения о жизненном поведении. 10 — «благочестность» — основное значение латинского слова *pietas*, «почтение к людям и богам». 11 — реминисценция из Плавта («Купец», 387). 12: «злая» бузина была посвящена подземным богам, ей приносили в жертву собак (Плиний, XXIX, 57). 17 — по мнению Фр. Маркса, о возвращении Одиссея. 23 — ср. Варрон (176). 24 — Магон — карфагенский автор сочинений по земледелию; здесь его имя иронически дано пленному повару. 28, 29, 44 — возможно, отклики на выступление

Тиберия Гракха против сената в 133 г. и на расправу с ним. 34 — мотив Архилоха (ср. 41): «Ямбы — это бранящие стихи... в которых у греков лучше всего Архилох, у римлян — Луцилий» (Диомед Грамматик (III, р. 485 К.).

1. ⁷²⁹ Приду с миром, приду с лаской, назову «любовь моя»...
2. ⁷³⁰ Звать хозяйкою подругу стану ли при челяди?
3. ⁷³⁹ Шлет привет и пожеланья всяческого здравия.
4. ⁷³⁴ Как добьюсь, чтоб ей охота полюбить меня была?
5. ⁷³⁵ Но боишься, что другая красотой тебя пленит.
6. ⁷⁴¹ Лучше шрам иль бородавка, но прыщи — совсем не то!
7. ⁷³² Кто как баба и как бабень, полоумным тот слывет.
8. ⁷²⁸ Соглядатая пошлю я за бродяжкой уследить.
9. ⁷³⁷ Да не просто так сожрать, а вылизать до крошечки...
10. ⁷²⁵ В чем тут видеть благочестность? Пять скелетов
привели!
11. ⁷³⁶ Пусть прядет, метет и топит, да побольше ей пинков!
12. ⁷³³ Он худышкой и бедняжкой кличет злую бузину.
13. ⁷³⁸ Установлено, какие займы безубыточны.
- 14*. ⁷¹⁹ Пусть его хранят другие — те, что вверились ему.
15. ⁷²⁰ Он, напротив, средь народа никому не давит ног —
Непоспешен, вежествен...
16. ⁷²² Он — как те, что тащат тайно свой товар из гавани,
Неуказанный, без пошлин...
17. ⁷²⁶ ...Ведь истинно
Им такой возврат предсказан, да и ни в чем ином они
Не навредили...
18. ⁷⁰⁸ Но коль долго чуть поменьше из богатства выжимал...
19. ⁷⁰⁷ Лучше жатвы необильной иль нещедрых соком лоз...
20. ⁷¹⁸ Кормишь дома двадцать, тридцать или сотню приживал...
- 21*. ⁷¹⁶ Повар не глядит, хорош ли птичий хвост,—
была б жирна;
Так друзьям нужны в нас души, а мощна —
нахлебникам.
22. ⁷¹² ...Мнишь ли, что Луцилию
Поднаторжиться охота? Да успел сверх меры я
В деле сем понадорваться...
- 23*. ⁷⁰⁴ Не завидую я людям, не хочу я окосеть,
На приманки их глаза...
24. ⁷¹¹ Кроме каши с отрубями, что с Магона спросит он?

25. ⁶⁹⁶ Коль захочешь ненадолго это взять, поразглядеть...
 26. ⁶⁹³ И над делом поразмысли, и к словам прислушайся.
 27. ⁶⁹² Ну, а если — сверх надежды! — тем же ты ответишь мне...
 28. ⁶⁹⁰ А значит, ваше пусть сословие
 Всё, что себе ко злу свершило, без утайки огласит!
 29. ⁶⁹⁴ Но коль зришь того, кто к власти и к корысти ломится...
 30. ⁶⁹⁵ Или то, что раз задумал и вполне полезным мнит...
 31. ⁷⁰⁶ Взор ласкает, увлекает, упованьем манит дух.
 32*. ⁷⁰¹ Помни: все, что есть у смертных, не навеки нам дано...
 33. ⁷³¹ Коль живу в такую пору, пользу вновь к себе зову.
 34*. ⁶⁹⁹ Возносись душою в счастье и смирись, когда беда,
 В остальном же — с твердым сердцем все сноси, что
 есть, что нет.
 36. ⁷⁰³ Словно шея скомороха — вниз и вверх и вниз и вверх...
 37. ⁷²⁴ Уступить и согласиться только в том, в чем превзойден...
 38. ⁷⁴⁰ Быстры были мы в надежде, что сие нам — навсегда.
 39. ⁶⁹⁷ Будешь жить без этих выгод, если вновь не повезет.
 40*. ⁷⁰² Это среднего получше и полегче худшего.
 41. ⁶⁹⁸ Я опаслив — с Архилохом древним, значит, не в ладах.
 42*. ⁷¹⁵ Прежде — тем, что добродетель из-под рабства
 освободил.
 43. ⁷⁰⁹ «...Греческие речи где
 И сократиков писанья?» — «Не ищи: пропали мы!»
 44. ⁶⁹¹ Без речей, без слез сыновних и без погребения...
 45*. ⁶⁸⁸ Для общественного блага виршами ретивыми
 Твой Луцилий сделал столько, сколько знал и сколько
 мог...

КНИГА XXVIII. <СМЕШАННОГО СОДЕРЖАНИЯ.> Первая часть (1—13) — подражание комедийной сцене: муж, у которого сбежала жена (если «давеча», 2, еще в прошлом году, то это лишний повод к разводу), приступом штурмует дом ее любовника; ожидается суд под председательством Лупа (см. кн. 1) и приговор к изгнанию («лишению огня и воды», по древней формуле). Вторая часть (15—28) — описание «философского пира» в Афинах при Луцилии. Об эфебах см. коммент. к кн. IX. «Образы» (элементы человеческого сознания) и «атомы» (элементы мироздания) в 19 — основные понятия философии Эпикура; далее упоминаются философы-академики IV в. до н. э. «мрачный любомудр» Ксенократ и его предшественник

(в действительности — преемник) Полемон; 27 — обращение к юноше, делающему выбор между философскими школами. Третья часть (новым размером, 29—34) — несохранившийся диалог между сицилийским тираном Дионисием I и жившим при нем философом Аристиппом (IV в. до н. э.). «Дни предновогодние» — мрачный поминальный праздник в конце февраля: римский год в старину начинался с марта. Четвертая часть, гекзаметром (35—39) — против трагического поэта Акция (см. коммент. к кн. IX). Акций был маленького роста, что служило предметом насмешек. Максим Квинт (39) — Кв. Максим Эмилиан, брат Сципиона Эмилиана, или сын его Кв. Фабий Максим Аллоброгик — оба служили под Нуманцией. «Хромец» — чья-то комически искаженная фамилия.

1. ⁷⁸⁰ Кому доверю жизнь мою и счастье?
2. ⁷⁸¹ Сбежала ты от мужа нынче ль, давеча ль...
3. ⁷⁷³ Ей-богу, замколомы, чтоб вы сгнули!
4. ⁷⁷¹ Умеешь придержать язык — так будь же цел,
Покуда кожа на спине твоей цела.
5. ⁷⁷⁵ Сюда, ворье, проворное и лживое!
6. ⁷⁷⁶ «Что там?» — «Там мечут ядра стофунтовые».
7. ⁷⁷⁸ Велю, чтоб ты, коль можешь, и других послал.
8. ⁷⁷⁹ Притом велит рабам он нас поддерживать.
9. ⁷⁸² ...Скорее в дом! скорее в дом!
10. ⁷⁸³ Открыто уголовным он грозит судом.
- 11*. ⁷⁸⁴ ...Если ты так сделаешь,
К суду притянет Луп его и прочих всех,
И если он не явится, Луп лишит его
Огня с водою, двух начал довременных.
Останется с двумя лишь он стихиями,
Землею-телом и душою-воздухом,
Придет, а Луп и тех с него потребует.
12. ⁷⁹¹ Он от беды уйдет, не сделав этого...
13. ⁷⁹² Всё у тебя — страшусь я обвинения...
- 14*. ⁷⁷⁴ Луцилия, в любви ее подхлестывая...
15. ⁷⁵¹ Хремет в середине, Деменет повыше лег...
- 16*. ⁷⁵² Эфеб из тех, кто ходят в вечных стражниках.
17. ⁷⁶⁹ ...«Прорву живности
Ты истребил и прорву рыб». — «А вот и нет!»
18. ⁷⁵⁷ К чему ведешь? Скорей скажи: хочу понять!
19. ⁷⁵³ Хочу оспорить образы и атомы.
20. ⁷⁵⁴ Суровый мрачный любомудр, скажу я вам...

21. ⁷⁵⁵ В него влюбленный Полемон завещал ему
Так называемую *школу*...
22. ⁷⁶² А если почитать тебе захочется
Отходы от работ моих...
23. ⁷⁶⁵ Не мелочь, что науке обучал ты грязь.
24. ⁷⁶⁸ По тыще раз я на день колотил его.
25. ⁷⁶¹ Все злато нараспашку, все *сокровища*...
26. ⁷⁶⁶ ...«Здесь, здесь, сюда пожалуйста!» —
Зовет старуха к кабаку...
27. ⁷⁵⁸ Объясни — и к нам, а нет, так объясни — и к ним!
28. ⁷⁵⁹ А если не затем пришел, так прочь ступай.
29. ⁷⁴² Говорят, к *тирану* послан был *сократик* Аристипп...
30. ⁷⁴⁹ «Что ж мне будет?» — «Коль не хочешь доверяться
подлецам...»
31. ⁷⁴³ Ныне младости пристало думать впрок о старости.
32. ⁷⁴⁵ ...дни предновогодние,
Заповедные, дурные, несчастливые...
33. ⁷⁴⁷ Штопальщиком быть великим, латку ставить лучше
всех...
34. ⁷⁴⁴ Нипочем не шелохнется, чтоб себе не повредить...
- 35*. ⁷⁹⁴ Акции и по лицу и по росту...
36. ⁷⁹⁵ Он замышляет бежать — как трусит в испуге
и в спешке!..
37. ⁷⁹⁶ Все приберет к рукам, подчистую все уворует,
Ты мне поверь! — все, как есть, в охапке разом утащит.
38. ⁷⁹⁹ Горы взнесутся в *эфир* из столь глубокого мрака.
39. ⁸⁰⁰ Словно как древний род, произведший
Максима Квинта
- И заодно хромца косолапого...

КНИГА ХХІХ. <СМЕШАННОГО СОДЕРЖАНИЯ И НАПИ-
САННАЯ СМЕШАННЫМИ РАЗМЕРАМИ.> 8: «завлечь» — по друго-
му толкованию, наоборот, «спасти». 10: «присловье» — что-нибудь вроде
«познай себя» или «у друзей все общее». 17: опять серия пародий на Паку-
вия (возврат Агамемноном Хрисейды Хрису) и Энния (проклятие Фиеста
Атрею, 20). Далее — пародия на комедию Цецилия Стация «Гимнис» и дру-
гую, неизвестную; попутно вновь встает вопрос (ср. кн. VII) о любви
к замужним (38: знатный прелюбодей лишился половины имущества, раб
или отпущенник платился жизнью), к девицам (41) и к гетерам (42 и далее).

Поверье о том, что осьминог пожирает сам себя, оспаривал еще Плиний (IX, 87). С фр. 47 вновь начинается комедийная сцена, как в кн. XXVIII — может быть, связанная с именем Сп. Постумия Альбина, консула 148 г. К ней же — сравнение с Ганнибалом (60—62). 48: «Я — Никто!» — знаменитая реплика из «Одиссеи» (IX, 355). Далее связность теряется. Слова о Сократе (63) — реминисценция из Платона («Хармид», 154 в). Кентавр Хирон (72) был бессмертен, но так мучился от раны, нанесенной ядовитой стрелой Геракла, что отказался от бессмертия.

1. ⁸⁹⁵ Стыдом и срамом то, что мило исстари,
Всевышний Аполлон тебе не даст марать!
2. ⁸⁹⁸ Сюда он мимоходом — путь иной ему.
3. ⁹⁰⁰ ...Коль гневом через край кипишь —
Держи-ка руки от жены подальше!
4. ⁹¹⁶ Хоть недостойна, но помочь возьмусь я ей...
5. ⁹¹⁸ Пусть даст ему, что хочет он: смягчит, прельстит,
Вконец измучит и все жилы вытянет!
6. ⁹¹¹ Как если вожделенного достичь не мог...
7. ⁹²⁰ Засим принять решил я меры срочные
И в суд его тащить...
8. ⁸⁹⁷ В трясины сами прыгнут, чтоб других завлечь...
9. ⁹⁰⁶ ...Коль хочешь удержать его
И впредь подольше дело продолжать свое...
10. ⁹⁰⁸ А вот *присловье*, и доньше знатное...
11. ⁹⁰⁹ ...И как по-свойски он со мной
О всех делах людских всегда беседует...
12. ⁹¹² Как ныне в этом деле ты поможешь мне...
13. ⁹¹³ Всех прочих на мой страх бери несчитанных.
14. ⁹⁰² Верь, друг: тебя люблю, тебе добра хочу!
15. ⁹⁰³ Держи в уме: причина есть важнейшая,
Что будет мне нельзя тебя отстаивать.
16. ⁹⁰⁵ Ты в пору испытанья испытай его!
17. ⁸⁷⁵ Но угрюмец из пролога путаника Пакувия...
18. ⁸⁷⁶ Как сперва он Хрису дочь не вернул невинною...
19. ⁸⁷⁷ Только мирным возвращеньем уничтожит бедствие...
20. ⁹⁷² За ребро к скале привешен, брызжет гнойной
сукровицей...
- 21*. ⁸⁸⁸ Гимнис, я хочу, чтоб только правде ты поверила...
22. ⁸⁹⁴ Гимнис, я до того заморочен, что у безумца ты
крадешь...

23. ⁸¹⁸ Он клянется, что такого раньше не писал и впредь
Не напишет — помирись же...
24. ⁸⁹⁰ Поспеши, заставь поверить, что и я достойна вас.
25. ⁸⁹¹ ...Я же так и делаю:
К своднику иду, три тыщи предлагаю выкупом
За свободу...
26. ⁸¹⁷ Вы откуда свет гасите, занавески вешайте.
27. ⁹³³ ...Стать моей она
Согласилась — я разделся, бросил платье на тюфяк...
28. ⁸⁷⁸ Раскошелился, мошенник, а барыш-то невелик!
29. ⁸⁷⁹ ...Вполне уверен я,
Ибо все о нем разведал, — все ты говоришь как есть.
30. ⁸⁸¹ Вся у них теперь надежда, чтоб суметь меня надуть.
31. ⁸⁸² ...Он, едва меня узрев,
Щупает и обнимает, чешет, гладит, ищет блох...
32. ⁸⁸⁴ Всё сочти, кому что давали, да еще добавь долги.
33. ⁸⁸⁶ Это ль счет деньгам? Тут все перевернуто, подделано!
34. ⁸⁸⁷ Счеты все пускай ведут вот этим только способом.
35. ⁹⁹² Разделить! растащить! разнести! разместить!
36. ⁸⁵¹ Да чтобы ты пожелал к моему прислушаться слову,
Духом его восприяв...
37. ⁸⁵³ Тот, кто явится дать отчизне совет и законы...
38. ⁸⁶³ ...И ты возражаешь?
Ты отрицаешь, что ты вождедел к замужним
матронам?..
39. ⁸⁵⁶ После встречи такой я устроил осаду с засадой...
40. ⁸⁵⁴ Как я доставил его назад в кандалах и колодках,
Словно раба из бегов возвращая...
41. ⁸⁶⁸ Не как другие они — не дают. А когда бы хотели
Дать, ты бы взял? Отвечай!..
42. ⁸⁵⁹ Тут ты тело тугое найдешь и на мраморных грудях
Прямостоящих сосцов бутоны...
43. ⁸⁶¹ Скоро, как осьминог, себя же пожрут эти твари.
44. ¹²⁹⁷ Если ты дашь ей, что просит, да горб подставишь
под тяжесть...
45. ⁸⁶⁶ Эти и меньше возьмут, и честнее дадут —
без позора
И без опасных затей...
46. ⁸²¹ Друзей сегодня он созвал, мы слышали,
Подлец Луцилий в их числе...

47. 848 ...Дома заперся
Альбин печальный, ибо воротилась дочь
К нему с разводом...
- 48* 836 ...— Но кто ты? — Я — никто!..
49. 835 «За ним услуга, если я впустил тебя».
50. 846 Во-первых, есть ли трапезная поблизости,
Где он тебя <для разговора> принял бы...
51. 938 Коль есть тунец, то пескаря выбрасываю.
52. 837 Щиты, чтоб подступиться « черепахою »,
Навесы нам и кровли изготовит он.
53. 840 Железным топором не сокрушить засов.
54. 841 ...Горшок я из окошка брошу на голову
Тому, кто кинется к дверям!
55. 845 «Что случилось, Гнато?» — «Все мы догола общипаны!»
56. 843 «Дверь ломай, приналяг же, Гнато!» — «Крепки двери,
нам конец!»
57. 844 «Ногу камнем? Пустяки!» — «Поверю, коль сам
почувствуешь!»
58. 816 Женщина, вставай, не медли, ты же вовсе не дурна!
59. 823 И наше войско, наголову разбитое...
60. 824 Держал он эту землю и всю Апулию...
61. 825 Разгромлен и исторгнут из Италии...
62. 826 Вот так-то старый хитроумец, старый волк,
Затравлен Ганнибал...
63. 828 Когда узрел я Апеллесов знатный труд,
С которым и сравнить-то больше нечего...
- 63а. 832 Так и Сократ в своей любви к отрокам,
В кого влюблен, ни разу не показывал.
64. 834 Он всех любил, не делав предпочтения,
Не метив белою чертою...
- 65* 834 И что ж? Какие он им нес учения?..
66. 820 Тебе простуда тяжелей вины твоей.
67. 806 Избавляется от страсти страстный — только не глупец!
68. 808 Страсть отъять с душою лишь можно или с жизнью
самой.
69. 810 Что мне проку в этом? Всем я, что ни есть, пресыщена.
70. 815 Вряд ли он домой вернется, вряд ли сможет вырваться.
71. 813 Скорбный запором живот лечить затирухой ячменной,
Теплой припаркой...
72. 802 Гнойной язвой, как Хирон, несмертоносной мается.

73. ⁸⁰³ От болезни этой средство отыскать всего нужней.
 74*. ⁸¹¹ ...а увидев, будешь век не знать забот.
 75. ⁸⁰⁴ Как осанкой стародавней взоры привлечь в гимнасии...
 76. ⁸¹² Чтоб не длить мне речь рассказом обо всем, чем
 чванимся...

КНИГИ XXVI—XXIX. Фрагменты без обозначения книг, но такими размерами, какие Луцилий употребляет только в этих книгах. Фр. 4 относится к привычке Сципиона Эмилиана укорачивать слова: перевод, конечно, условный. 6 — возможно, пародия на трагедию. 7: «под лозами» — под навесом, защищающим от стрел. Последний фрагмент приписывается Луцилию предположительно.

1. ⁹³⁶ Пусть кто угодно с нею обнимается,
 А я себя не дам обнять...
2. ⁹²³ Кто мучился поносом с лихорадкой,
 Того сгубить — поверь — единый кубок мог.
3. ⁹⁶² Так уж вышло: вдруг холоп его недурной дает ответ...
4. ⁹⁶³ Хоть и выглядишь речистей и умнее остальных,
 Произносишь ты «отвратно» вместо «отвратительно».
5. ⁹⁴⁷ Он из трав наигорчайших жал по капле терпкий сок...
6. ⁹⁶⁵ Что кричишь ты, всякий шаг мой замедляя воплями?
7. ⁹⁶⁰ Биться не в открытом поле, но вдали под лозами...
8. ⁹⁵⁴ А которые за плату плакальщицы наняты,
 Те и плачут горемычней, и сильней волосья рвут.
9. ⁹⁴⁸ ...подпирает
 Шея голову, а чресла подпирают туловище.
10. ⁹⁶⁹ Только с глазу на глаз скажет, в чем корысть и выгода.

КНИГА XXX. (СМЕШАННОГО СОДЕРЖАНИЯ.) В начале (1—11) похвала победам Г. Семпрония Тудитана в Истрии (где за 50 лет до того воевал трибун Целий, воспетый Эннием), которые скоро должен воспеть поэт Гостий в славных «хартиях». 5: «мы пожелтели» — речь идет о золотухе. 13—14: по-видимому, имеется в виду закон Юния Пенна 126 г. против италиков, не имевших гражданства, — результатом был бунт и уничтожение города Фрегелл. Сципион Эмилиан и с ним Луцилий заступались за италиков. Далее (15—29) — описание пирушки на испанской войне. Далее (30—35) — еще одно рассуждение о женщинах (31 восходит к знаме-

нито́му Анакреонто́ву «Кобылица молодая...»), а потом о хозяйстве (36—42) («шестьсот и тысячу», «сто иль двести» в 36 подразумевает: «тысяч сестерциев»). Наконец, с 43 начинается очередная апология сатирического жанра, перебиваемая репликами оппонента (в кавычках); характерно, что Луцилий называет свои произведения «беседами» (*sermones*), как Гораций. Последняя часть (72 — конец) — о женщине, изменяющей мужу в его отлучку; здесь не сохранилось мифологическое отступление, о котором «расширенный Сервий» (к «Энеиде», VIII, 9) пишет: «Диомед, ранив Афродиту и этим ее прогнав, по возвращении из Трои нашел жену свою в Аргосе в прелюбодейной связи с Кометом, по мнению большинства, или с Килараром, как пишет о том Луцилий...» Как с этим была связана басня о льве и лисице (83, ср. Гораций, «Послания», I, 1, 73) и упоминание о Палантийской войне в Испании 137 г. (86), неясно.

1. 1090 В тягость самой себе голова, перекормлена смыслом.
- 2*. 1097 Оное нежно зло и ласково и вероломно.
3. 1093 Жабою был горловой за час он похищен неожиданно.
4. 1098 Ибо такие нашлись, что твою гордыню презрели...
5. 1092 Мы пожелтели! Спешим, бежим, ни мига не медлим!
6. 1079 Видя, как ты ворвался туда, где геройствовал Целий...
7. 1080 ...Куда бы до слуха
Не донеслись о битве твоей хвалебные толки...
8. 1082 Также и сколько трудов и сколько тяжких усилий
Пало на долю твою...
9. 1085 Доблести это достойно твоей и *хартии* славной...
10. 1084 Доблести память твоей содержится в *хартиях* этих...
11. 1086 Стоек покида будь, довольствуясь сими стихами.
12. 1078 Ждет казначей, ибо должности ты по закону достоин.
13. 1088 И принимают закон, который не в помощь народу.
14. 1089 Вот вам какая цена, союзники, вместо прощенья!
15. 1070 Как средь веселий ночных он вдруг, вдрызг пьян,
удалялся...
16. 1069 Вот потому-то Трогин прозывался «чаркою» в стане...
17. 1073 Знай хорошенько: в вине недуг обретается долгий
Дня человека, коль тот угощается слишком обильно.
18. 1075 Все начнет мелькать пред тобою в кипящих *глубинах*...
19. 1060 Койка у нас одна — обветшала, вся на веревках...
20. 1061 Также свои тюфячки да лоскутных по два одеяла...
21. 1062 Столик один для вина — хромой и на ножках
трухлявых...

22. 1065 «Ну, а что, как придут *зубастые Битто и Ламий,*
Двое старых обжор, закоснелых, бесстыдных,
неладных?»
23. 1067 «Коиx плоть, как знаешь ты сам, по-свински воняет...»
24. 1068 «А между тем — как будто они первозванные гости».
25. 1071 Этот живот никто не проткнет — сначала посмотрим,
Нет ли готового <сзади> пути...
26. 1076 Что до приправы, то в рыбном соку превосходен
цикорий
Или иная трава,— но от них позывает мочиться.
27. 1063 Как тараторят они, а дурень мужик подпевает.
28. 1064 Ну-ка, всех отсюда в тычки, и хозяина тоже!
29. 1059 Это презри, а то с моим поощреньем используй.
30. 1039 Деве за лик и за вид по заслугам в беседах и в шутках
Честь — поэтому я воздаю ей по праву награду.
31. 1041 ...тебя, как полей фессалийских кобылу
Дикую, я укрошу и смирю непокорство уздою.
32. 1043 Ты ли ярмо на меня вздеваешь, и в плуг запрягаешь
Силой, и комья земли ворошить понуждаешь
железом?
33. 1047 Остановись и взгляни, какова она в грязной одежде!
34. 1048 Всякий отброшен стыд — распущенность ставится в
прибыль!
35. 1058 Без бороды *женомуж*, с бородой *мужеложцу*
блудливый...
36. 1053 Коль серебра завещал шестьсот и тысячу Максим,
1051 Так ли уж важно, сто иль двести тебе достается?
37. 1050 Сколько б он мог подарить, потратить и в долг
предоставить...
38. 1056 ...наблюдать, чтобы были при доме
Ткач, сукновал, поясов плетельщик, служанки, холопы.
39. 1250 Если достанет монет, ты *толстуху* пекаршу тоже
В дом возьми, что гораздо печь сирийские булки.
40. 1055 Чтоб не таскали рабы без спросу...
41. 1054 Самое время порой то иль се добавит к имению.
42. 1045 ...В надежде, что я за век мой все это сумею
Поднакопить и мой же кусок отдам дожевать им...
43. 1008 Сколь воделеет мой дух из ключей *мусических*
влаги!
44. 1010 Не подобает так доверять ничьему дарованью...

45. ¹⁰²⁷ Все же попробую я в словах ответить немногих.
 46. ¹⁰²⁸ Смертному мне свои закрома вручают Камены.
 47. ¹⁰⁰⁹ Гонят меня к тебе, все сие объявить понуждая.
 47а. ¹⁰¹¹ Им обоим, а также тебе от меня благодарность.
 48. ¹⁰²⁹ Точно как ты, которого чтим для жизни примером...
 49. ¹²²⁷ Вновь я иду к тебе решить неотложное дело.
 50. ¹⁰³⁶ Если дозволено мне стихами облечь мои речи...
 51. ¹⁰³¹ И описать сумею вороватую лапу Мускона...
 52. ¹⁰³² Выслушай, что говорю, ибо это важно для дела.
 53. ¹⁰³⁰ Не возомни, что могу я тебе поведать дурное.
 54. ¹⁰³³ Знаешь, что знает он все твои грешки и промашки.
 55. ¹⁰³⁴ Сколько ты промотал, по притонам шатаясь в
 предместьях...
 56*. ¹⁰²⁴ Этот еще вредней, чем те, о ком говорилось:
 Чем он ласковей льнет, тем потом больнее укусит.
 57. ¹⁰³⁵ «Так как снова ты, Гай, нас ныне злобишь
 злословьем...»
 58. ¹⁰²⁶ «Все у тебя хороши, лишь я мерзавец — и ладно».
 59. ¹⁰¹⁷ «Что ж? Оклевещешь меня иль прежде умом
 пораскинешь?»
 60. ¹⁰²² Он — как с поднятым хвостом скорпион или как
 мышеловка
 На изготовку...
 61. ¹⁰¹⁸ Он на земле, в грязи, в свином и в козьем навозе...
 62. ¹⁰¹⁹ «Что за забота тебе, в чем барахтаюсь я и мараюсь?»
 63. ¹⁰²⁰ «Что ты следишь, чем и где я занят? Твоя ли забота?»
 64. ¹⁰¹⁴ Это от злых твоих дел и от мрачных твоих разговоров...
 65*. ¹⁰¹⁵ «Рад ты слух обо мне разнести во многих «беседах».
 66. ¹⁰¹⁶ «Ты злословьем меня терзаешь во многих «беседах».
 67. ¹⁰²¹ «Шиш от успеха урвешь — лишь твое ты хвалишь и
 хаешь».
 68. ¹⁰⁸⁸ Что ж, уличай меня, топчи, щипли на кусочки,
 Испепеляй, лягай — и пуще гнева...
 69. ¹⁰¹² Свой-то заметил он труд отброшенным прочь и
 презренным.
 70. ¹⁰¹³ Ныне из многих поэм лишь наши одни в обращении.
 71. ¹⁰⁰² Ты-то меня теперь признавать, пустомеля, не хочешь!
 72. ⁹⁹¹ Пальцам прекрасноволосой жены для кудрей заколку...
 73. ⁹⁹³ Если куда собралась, объяснит, что идти поспешает
 К мастеру дел золотых, к подружке, к матери, к тетке...

74. ⁹⁹² Иль чтобы в людный храм поспеть с остальными на
праздник...
75. ⁹⁹⁷ С клятвой, что только ему, кому вручена по закону...
76. ¹⁰⁰⁰ Но почему трепещу, из сердца слова исторгая?
77. ⁹⁹⁶ Муж, доверясь волнам, плывет чрез пространное море.
78. ⁹⁹⁸ Сразу, едва ненамного сильней дуновение ветра
Станет, как море взбурлит и высокие волны воздымет.
79. ⁹⁹⁵ Весь пропадает труд — моль и плесень путают пряжу.
80. ¹⁰⁰³ Нет, их не впустит никто — он мертв, по общему мнению.
81. ¹⁰⁰⁴ Служит ему, и в уста лобзает, и нежит любовью...
82. ⁹⁹⁰ Разум его по рукам, по ногам опутан сетями.
- 83*. ⁹⁸⁰ Лев был болен и дряхл...
⁹⁸² Весь в чесотке, весь запаршивев, лежал он уныло...
Грязь и мразь и прыщи и чесотка по самые зенки
Пусть изложут его...
...Сдавленным голосом лев: «Отчего же ко мне ты не
хочешь
Ближе сама подойти?»
...«Только скажи мне одно, коль это тебе не в доuku:
Как понять, что все следы ведут напрямую
В логово прямо к тебе, а назад ни один не выходит?»
84. ⁹⁷⁰ В многих они местах свои разглаголы гласили...
85. ⁸⁷¹ Так что люди порой животы надрывали от смеха.
- 86*. ⁹⁷² Был в Паллантийской войне плешивый бесславный
вояка...
87. ⁹⁷³ В злобной и дикой войне сей враг — из всех наилучший.
88. ⁹⁷⁶ Не любопытство туда поглядеть нас гонит, но гнусность
Мерзкого знаменья...
89. ⁹⁷⁴ Пусть бы тебе родиться ослом, родиться скотиной...

ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ КНИГ. 1: Уфентской называлась одна из «триб», на которые делилось римское гражданство. 2: «Орешек» (Нукула) было римской фамилией, но к П. Децию, трибуну 120 г., это не относится. 3: Децим Сура — лицо неизвестное. 7: Капитолийским Юпитеру, Юноне и Минерве жертвовались быки только белого цвета. 8: обувь из греческого Сикиона была модной еще с александрийских времен. 14: могилы с камнями обычно выстраивались вдоль дорог. Проездная плата бралась с человека за милую; если обслуживающих было четверо, они назывались «четвершики». 15: пародия на риторическую «фигуру умолчания». 19: стих

с эротическим смыслом. 24: против стоического парадокса, что истинный мудрец являет высшую степень всех достоинств. 27: Альбин, к которому обращена тирада о добродетели, — может быть, Сп. Постумий Альбин, консул 110 г. 31: гелопс («князь-рыба») и сарг не поддаются точному отождествлению. 37: «Валерий Валентин сочинил в шуточных стихах от чужого лица «Таппонов закон о застольях», упоминаемый Луцилием» (Фест). 41: пример ложного логического заключения (в переводе упрощен). 44: «Из-под кровли», то есть военной машины — передвижного навеса. 48: непереводаемая игра слов: *vis* — сила, *vita* — жизнь. 49: «Жители острова Микона (в Эгейском море) рождаются на свет без волос» (Плиний, XI, 130).

1. ¹²⁶⁰ Род Уфентов пришел из Приверна, с Уфентского берега.
2. ¹²⁸⁰ «Ну, а Деций? Проткнуть сумеешь ли этот орешек?»
3. ¹³⁴⁴ Я хочу, чтобы знал Децим Сура все, что я знаю,
Так, чтобы мне в убытке не быть...
4. ¹²¹⁹ Здесь не страшится никто судебных залогов иль исков.
5. ¹²²⁸ Нынче с утра и до ночи и в праздничный день и в
обычный ¹
Целый день напролет все, кто знатен, и все, кто не
знатен,
Бродят по форуму взад и вперед, ни на шаг не уходят,
Все единой заботой полны и единым стараньем —
Если болтать, то с оглядкой, если бороться —
коварно,
Льстить — так взапуски льстить, и все притворяясь
хорошим,
Строить подвохи — да так, словно каждый каждому
недруг.
6. ¹¹⁴⁷ А заговорам его и целый народ не помеха.
7. ¹¹⁴⁵ Тертого мелом быка на великий веде Капитолий!
8. ¹¹⁶¹ Левою рукой башмачки сикионской работы снимает...
9. ¹²⁵³ Дорог у них товар, хотя задешево куплен...
10. ¹¹⁹¹ Пусть мальчишка вот этот лот опустит — бечевку
Тонкого льна и медяк, что свинцом чуть-чуть
пообмазан.
11. ¹¹⁹³ Гимнис, что твердит, будто пеньем меня полонила...
12. ¹¹¹⁸ Ежели кто-то что-то украл на рынке из лавки...

¹ Перевод М. Грабарь-Пассек.

13. ¹²⁸² А почему бы нет? Ведь мошенник ветошник хвалит
Хлам свой, лишь бы продать полподошвы да ручку от
щетки...
14. ¹²⁵⁵ Эти мерзавцы притом, как четвершки подлые мульи,
Камни надгробные все посбивали...
15. ¹²²⁴ Не говорю, что он скуп, молчу о том, что он сволочь...
16. ¹²²¹ Ражий сей негодяй — словно пес мясника
исполинский...
17. ¹²⁶⁷ Зад, Гортензий, тому *стадионом* служит природным...
18. ¹³²³ В сече сей одолев, о союзники! мы победили.
19. ¹¹⁸⁶ Эта тебя кровянит, а тот, напротив, марает...
20. ¹²⁴⁸ Всю обмочил я постель, испохабил все одеяла...
21. ¹¹²¹ Дурней и нагих невеж паршивые грубые хари...
22. ¹²¹³ ...У коих промахи — право! —
В деле случиться могли любом и случались порою...
23. ¹¹⁹⁷ Всё устремляется вспять, упадает, портится, гибнет.
24. ¹²²⁵ ...Даже тому, кто все сие заполучит,
Зваться нельзя одному богачом, красавцем, вельможей.
25. ¹²²⁰ Злато — дрянь, хоть в ушах застревает настоящим
звоном.
26. ¹¹¹⁹ Два образца теперь у людей: честолюбье и деньги.
27. ¹¹⁹⁶ Доблесть, Альбин, состоит в способности верной
оценки ¹
- Нашего быта, всего, что в жизни нас окружает.
Доблесть — всегда разбирать, где честь, где право, где
польза,
Что хорошо и что нет, что гнусно, бесчестно и вредно;
Доблесть — предел полагать и меру нашим желаниям,
Доблесть — способность познать настоящую цену
богатства,
Доблесть — то почитать, что действительно чести
достойно,
И неприятелем быть людей и нравов зловредных,
А покровителем быть людей и нравов достойных,
Их возвеличивать, их поощрять, их делать друзьями;
Сосредоточивать мысль всегда на пользе отчины,
После — на пользе родных, а потом уж на собственной
пользе.

¹ Перевод Ф. Петровского.

- 27а. ¹¹⁹⁶ Доблесть, Альбин, состоит в том, чтоб ты, что достойно,
где правда ¹,
 Мог различать, каково — все то, что вокруг нас, чем
живем мы,
 Доблесть — то знание, что даст человеку такой-то
поступок,
 Что для него справедливо, полезно и, главное, честно,
 Что хорошо и что дурно, постыдно, бесчестно,
бесплодно;
 Доблесть — в умение найти всему свой конец и пределы;
 Доблесть — в способности знать настоящую цену
богатства;
 Доблесть — в возданье того, что она заслужила,
заслуге;
 В том, чтоб врагом беспощадным быть человеку
дурному,
 Наоборот, чтобы быть людей защитником честных,
 Их прославлять, им желать всего доброго, жить с ними
в дружбе;
 Кроме того, всего выше ставить — родины благо,
 Далее — благо родных, всего ниже — личное благо.
 28. ¹¹¹⁷ Молвит некто: «Старый ты пень! безмозглый ты
умник!»
29. ¹²⁶⁶ Ты — кулачный боец на покое, с избитою рожей...
 30. ¹¹⁰⁴ Значит, главнейшим — идти в голове...
 31. ¹²⁷⁶ Этому рыба *гелопс*, а этому — *сарг* из Египта...
 32. ¹²⁰¹ Устриц питает Луна, морских ежей наполняет
 Соком, в морских мышах растит потроха и печенку...
 33. ¹²⁷⁰ Бледную нудит лозу тяжелесть пурпурного гроздью...
 34. ¹²⁸⁸ Предпочитаешь честному житью мотовство и застолья.
 35. ¹²⁰⁵ За день припас годовой мотовством расточится до
крошки.
36. ¹³¹⁸ Всякой посуды себе накупил — дешевле полушки.
 37. ¹³⁰⁷ А толстяки за столом над законом хохочут Таппона.
 38. ¹¹⁸⁵ «Мне ненавистен этот лишай!» — «Неужто так
больно?»
39. ¹¹⁹⁵ Лишь бы не веред в паху, не сыпь, не корь и не корчи...
 40. ¹³⁰⁵ Попридержи, как умелый ездок, колесницу и коней...

¹ Перевод В. Брюсова.

41. ¹²⁹⁴ Скачет конь у нас на глазах, и мы его видим.
Скачет на чем? На глазах. А стало быть, вот вам и
вывод,
42. ¹²⁴⁶ Что под ногами глаза у него.
Горных пастбищ стада со свалаявшейся космами
шерстью...
43. ¹²⁹³ Треск канатов и скрежет камней становятся слышны.
44. ¹³⁴⁹ Словно застрельщик лихой, из-под кровли мечущий
дроты...
45. ¹²⁹⁸ Словно ловкач циркач, когда ввысь подпрыгнет с
каната...
46. ¹¹⁶⁵ Точно как в кузне, когда по железу горячему молот
С грохотом гулким бьет, нанося удар за ударом...
47. ¹³¹⁹ ...Как порою
Исподтишка птицелов коварные сети готовит...
48. ¹²⁴⁰ Видишь: сила есть жизнь — все от силы действия наши.
49. ...все дети миконские лысы.

ВАРРОН

По каталогу Иеронима, Варрон написал 150 книг «Менипповых сатир», да еще 4 книги просто «сатир» и 6 книг «псевдотрагедий». Среди отрывков, сохранившихся от Варрона (преимущественно у того же Нония Марцелла), несомненно, имеются отрывки из всех этих жанров, но разделить их уже невозможно. Некоторые сатиры известны лишь по названиям, из 84-х сохранились отдельные стихи и фразы — все они, за исключением самых коротких и невразумительных, переведены ниже. В отличие от Луцилия, Варрон, человек следующего поколения, хоть и старого закала, писал нарочито вычурно; поэтому, а также по сравнительной немногочисленности фрагментов от каждой отдельной сатиры, реконструкция их содержания и плана почти невозможна. Проза Варрона ощутимо ритмизована, так что не всегда можно определить, прозаический перед нами фрагмент или испорченный рукописной передачей стихотворный; эту особенность мы старались передать в переводе. Изредка использованы слова и обороты старого русского перевода избранных фрагментов в кн.: Помяловский И. Марк Теренций Варрон и Мениппова сатура. СПб., 1869. Помяловский пользовался изданием А. Ризе (1869), мы — изданием Ф. Бюхелера в доработке В. Гереуса (1912); новейшее незаконченное издание Ж.-П. Себа (1971) было доступно нам лишь частично.

Использованное издание: *Petronii Saturae et liber Priapeorum rec. Fr. Buecheler; ed. 5 curavit Guil. Heraeus; adiectae sunt Varronis et Senecae saturae similesque reliquiae. Berolini, 1912.* Бюхелер располагает сатиры Варрона в механическом алфавитном порядке; в русском переводе он теряет смысл. Мы попытались разместить их в более или менее логической последовательности: сперва критика современных нравов, потом более общие рассуждения о человеческой и мировой природе, потом философия, потом специально киническая (менипповская) тематика, потом сатиры неопределенного содержания и, наконец, «псевдотрагедии». Внутри отдельных сатир тоже кое-где переставлены фрагменты. Однако нумерация фрагментов сохранена всюду бюхелеровская — чтобы не загромождать книгу двойной нумерацией.

В заключение — две характеристики «Менипповых сатир» Варрона, принадлежащие Цицерону («Вторая Академика»). Первая, I, 8, от лица самого Варрона: «Те наши старые книги, где мы не переводили Мениппа, но подражали ему, мы вспрыснули шуткою, чтобы людей малоученых эта веселость взманила к чтению и пониманию; а ведь там много вложено глубокой философии и многое сказано диалектически». Вторая, I, 9, от лица его собеседника: «Ты сочинил поэму чуть ли не всеми стихотворными размерами, разнообразную и изысканную, украсив ее словами и блестящими всей латинской словесности, особенно же наших поэтов; и ты во многих местах ввел в нее философию — недостаточно, чтобы ее изучить, но достаточно, чтобы к ней приманить».

БЕССЛАВНЫЙ. Подражание комедийному прологу:

218. Вы, что в театр сбежали из домов своих,
Чтобы урвать ушами удовольствие,—
Внимательно послушайте, что я скажу,
И разнесите по домам слова мои...
219. Уж так твоя лампада всю горела ночь,
Что целый урожай олив сожгла в себе...

БАЙИ. Так называлось курортное место близ Неаполя, считавшееся модным пристанищем светского разврата.

44. Там не только незамужние — общее достояние:
Там и старцы молодятся, и подростки бабятся.

ЭНДИМИОНЫ. Эндимион (в мифологии) — вечно спящий любовник богини Луны. Сатира, по-видимому, начинается с рассуждений, что лучше, спать или бодрствовать, а затем описывает (ночной?) пир, вроде Трималхионова. Фр. 103: реминисценция из Энния.

105. Посылаю душу мою на разведку по целому городу, чтоб узнать от нее, что делают люди тотчас по пробуждении: кто при лучшем деле, того мы возьмем в пример и для бодрствования. — Ну, и какие же заботы видит она на исходе ночи, как не...

106. Если ты стал просыпаться рано, того и держись.

107. Потому-то если задремлешь, то не проснешься *никогда*.

108. Так-то я, бедный, быстрее мысли кувырком свалился к вам!..

102. Разлеглись мы неспокойно, и вот хозяин вареным яйцом начинает трапезу...

103. А пока за едою шли у нас пестрые разговоры,

«С ясного неба как грянет гром!...»

106. Что у богачей хиосские амфоры, то у него ночные горшки.

101. Как Меркурий, жилец Аркадии...

СТАРОУЧИТЕЛЬ. <О СТАРЫХ ДОБРЫХ ПРАВАХ.>

Фр. 182: померанец служил для отвращения бед от дома. 186: мода на бритье пошла в Риме с V в. до н. э., будто бы с цирюльниками из Сицилии. 189: цитата из трагедии Энния «Медея». 191: речь идет о каком-то женском религиозном празднестве. 195: этот анекдот о Курии Дентате, доблестном консуле 290 г. до н. э., подробнее рассказан у Валерия Максима (VI, 3, 4): набирали войско по жребию, выбранный не вышел, консул велел продать его имущество, тот воззвал о защите к трибунам, но консул сказал, что государство не нуждается в гражданине, который не умеет повиноваться, и продал также и самого хозяина. 196: смысл: не угодничать перед народом; «эрарии» были богатые плебеи, допущенные к участию в судах. 198: ателланы — импровизированный (лишь впоследствии литературный) комический жанр, соответственно с несложными сюжетами.

181. В те времена в чести были вера святая и люди

Скверны не знали...

182. Африканский померанец как к дверям подвязывать...

183. Где стада павлинов жирных пасутся и кормятся...

184. Что по десять урожаев запирают в житницах...

185. Где огромные давяльни под стать виноградникам...

186. Сколько раз брился старинный поселянин между двух базарных дней?

187. Муж новобрачный тихо и незаметно пояс жены развязывал.

188. Выезжал с женою в повозке за год раз или, может, два и сено-то не всякий раз в подстилку клал.

189. Разве ты не видел, что у Энния написано:

«Лучше трижды погибнуть в битве, чем единожды родить?»

190. Сразу и шерсть прыдет руками и не сводит глаз с каструли, чтобы каша не пригорела.

191. С целого Рима стекаются бабы: раньше это делалось только ночью — смоляной факел тому свидетельством.

192. Жердь, украденная с чьего-нибудь мула, жилы жгла похитителю.

193. Или глаза мои ослепли, или видел я рабов в оружии против господ?..

194. Не назовешь богатым старосту, у которого только нужное.

195. Консул Маний Курий производил набор на Капитолии, и когда окликнутый не вышел из трибы, он продал в рабство скрывшегося.

196. Немалое дело — быть цензором и не стараться о том, чтоб наделать как можно более эрариев.

197. Ночью зарезался кухонным ножом: тогда еще не начали ввозить из Вифинии *чеканенные* ножички.

198. Думаешь, мне трудней распутать это, чем путаницу ателлан?

СЕРРАН, ИЛИ О ДОМОГАТЕЛЬСТВЕ ДОЛЖНОСТЕЙ. Серран — прозвище полководца Атилия Регула, избранного консулом (в 257 или 250 г.) без его домогательств — когда он засеивал свое поле (этимология слова «Серран»).

457. Когда я усердствую в поле, то и вижу, как сам Триптолем идет деревянными подошвами вслед двухъяремным рогатым быкам.

450. И просить у народа власти, и домогаться почестей.

451. «Говорит, что консул вышел в храм. Я бросаюсь вслед, оставив и жертвы, и спорящих птицегадателей...»

459. «Отворачиваюсь от треножника и скорей от оракула прочь...»

452. ...его призывал из светлой жизни в клоаку вашей курии.

453. Наш соперник Аттик, впрочем тоже выбранный в сенат, как только стал чуть-чуть худей...

454. Кто-то спит, а люди бдят, кричат, горячатся, ссорятся всю...

455. Наступают, пробиваясь рылом...

456. Вот когда увидишь, что в Риме пред мясными лавками на форуме юноши бьют и ловят мяч, то знай: воистину свершилось очищение.

458. Останавливает путника, в полдень идущего мимо ручья, ибо в *четырёхструнном* годе осень уже за *средней* струной...

МЕНИЕВ ЗАКОН. Упоминается у Цицерона («Брут», 14, 55), но точных сведений о нем нет. Пактол (фр. 234) — золотonosная (по крайней мере, в преданиях) река в Малой Азии.

233. Мы, подивившись грому с неба ясного,
Глазами ищем, что там в небе треснуло.
234. Поток Пактол, златой водою льющийся,
И тот их из убожества не вызовет.
235. Ну, а тот, кто не отцу, а самому отечеству
Сделал худо,— тот как будто сам себя охолостил
Или на сторону сына отдал, чтобы взращивать.
238. Мениев закон — о любви семейной, чтобы сыновья отцов не
лишали белого света.
241. И в хорошей жатве бывает скверный колос, и в дурной
бывает хороший...
240. А печати перестали быть священны с самого начала рода
человеческого.
236. Нет такого неуча, который бы старательно искал осла, чтоб
спаривать с собственной лошастью.
237. Я прогуливался, разминаясь, чтобы захотелось пить и гор-
тань была достойна пиршества.
239. Прихожу к двумужнице. Не успел я показать, чего мне,
собственно, хочется, как *Передумка*, дочь Непостоянства, живо
меня одернула.

МАНИЙ. Собственное имя, по Варрону значащее «утром рожден-
ный» («О латинском языке», VIII, 60). По-видимому, две параллельные
картины — «сельского Мания» и «городского Мания», с переходом к похоро-
нам, закону и миру. Во фр. 254 — цитата из Пакувия. В 257 Автоме-
донт — нарицательное вместо «возница»; Плотий Галл — первый римский
преподаватель риторики, почему-то прозванный «ячменным ритором» (Све-
тоний, 2). Носы корабельные на форуме (259) — «ростры», ораторская
трибуна, украшенная носами когда-то отбитых у врагов кораблей.

247. Пыхтит бычок, смилившийся работою.
248. Со всех четырех сторон стога подбитые.
250. Пьет целебную он воду, и жует он гибкий лук.
251. Вдруг плоды Цереры хлебной его останавливают...
254. Поле было бы заброшено и погибло
«От грязи, мрази, нечистот и запустения».
- 255—256. Пока распоряжаются, в раскапываемой ямине нахо-
дится ларец. Несут его ко мне, как к ведомому книжнику.
263. Все для пришедших — ключи, кладовки, каморки, запасы
мяса...

267. А когда ремень сапога порвется — выбираться с тем, что есть, а ночью укутывать шкурами...

258. Горюя на семейном погребении, молились по обычаям отеческим и дедовским...

257. *Автомедонт* мой, пастухом кричавший у риторы *Плотия*, не остался равнодушен к хозяйской скорби.

259. Утренний *Маний* утром проснется, носом суется к носам корабельным на форуме, люд созывает к трибунам...

253. И еще хорошо спать на одеяле, с двух сторон ворсистом.

249. ...те строения

Симметрией поражают архитекторов.

252. ...Никакие законы

Не установят пределов и мер расходам и негам.

260. *«Парасит»*, на чужих хлебах усевшись гордо, перед блюдом угощенья, ни вперед не глядит, ни назад не глядит, а косится туда, где кухня видна...

262. И горшок, и светильник, и снедь, и утварь при себе таскают — была бы постель...

264. Закон не терзает по злобе невинного, не мирволит по дружбе виновному...

265. Оттого-то честный гражданин и должен чтить законы, молиться богам и на жертвенной тарелке оставлять им *чу-чуть мяса...*

266. ...не злословить, не наступать на очаг, не жалеть жертв...

268. Он не рожден и не умрет, а цветет и крепнет час от часу...

МЕЛЕАГРЫ. *«ОБ УВЛЕЧЕНИИ ОХОТОЙ»*. Вставлен в сниженной форме миф о любви Мелеагра к Аталанте. Таида (302) — имя гетеры из аттических комедий.

297. Чего не словит этот охотник?

293. Иль тот, который оленя быстроногого,

Преследуя, сразил стрелой иль дротиком...

294. Бегать, ночь не спать, голодать, — когда и зачем это надобно?

285. ...для пользы или для удовольствия? Если для пользы, то есть для продажи...

296. ...если же для удовольствия, то не лучше ль, сберегши ноги, любоваться охотой в цирке, чем с ободранными ногами рыскать по лесу?

299. А еще лернейская гидра, а еще гесперидский дракон — сколько же было исполинских чудовищ!

298. Оттого его земля отвергла, а небо приняло.

300. ...если бы муж не перемужествовал и не захотел Аталанту в жены?

301. Рассказывает с голыми ногами и чуть ли не с голой задницей...

302. ...а ведь даже Менандрова Таида опускала платье до пят.

303. Совершив погребенье по чину, мы, по древнему обычаю, у гроба справили тризну, сиречь поминки, а насытись, расходимся, сказавши друг другу слова прощания.

ПАРМЕНОН. Заглавие — имя раба в комедии. Две темы: охота и рубка леса (описанные сложным размером, здесь упрощенным; Палладина зелень — олива) и вопросы поэтики (те же понятия и в том же понимании, что и у Луцилия, кн. IX). Связующее звено — может быть, фр. 396.

385. На зайцев боязливых подарила нам
Диана сети четвероугольные,
И клей для ловли, и вервие, чтоб спутывать...

386. Выходят с ревом, выступают с ропотом.

387. Словно ключ водой промывает слух —
Слышу зов в леса...

388. Другого коня привязал своего
Под деревом к нижней ветке...

389. ...неся на плече
Двуострый топор, стальной клинок...

390. Рубят рощу, падает вниз
Палладина зелень, <рушит> платан
Сучья...

391. Валится наземь высокий ствол,
Сшибая ветви ближних древес...

392. Ссек один топором молодую ель...

393. Подступает юнец, легкорук, быстроног,
Он маслом блестит...

394. Ты жгучую с сердца снимаешь боль
Напевом стихов чистейших.

395. Стыдно забыть о тебе и Музах, стыдно бежать за пустой
тщетой.

396. Потягаться надо с греком, он ли примет мои ритмы или я приму его?

397. От этого <отца> родятся два сына — напев и ритм.

398. Стихи (poïēma) есть ритмическая речь, то есть много слов, некоторым образом уложенных в какую-нибудь форму: так, например, стихами называется эпиграмма из двух строк. Стихотворство же (poïēsis) есть связанное содержание в ритмах, как, например, «Илиада» Гомера и «Летопись» Энния. Стиховедение же (poïētice) есть наука об этих предметах.

399. Из этих трех областей в содержании на пальму первенства притязает Цецилий, в характерах — Теренций, в речах — Плавт.

ТАИНСТВА. Содержание трудноопределимо. «Месяцы» фр. 332 — конечно, лунные.

326. Трепетные древние

Молчат в дубравах смутные оракулы.

327. И по-лисьи хитришь и рыщешь понапрасну туда-сюда...

328. Можно видеть и зимой, как многие загорают на солнце...

329. Одурачивать кабатчика, валять в грязи посудину, сцепиться со сборщиками податей...

330. Выходит девица, чтобы вынести приданое от женщины. Мне об этом сказано не при храме Согласия, а позже...

331. Видно, ты не сам себе мелешь и месишь...

332. Рождаться нам туже, чем помирать: два человека за десять месяцев еле-еле выделывают единого сынка; а одна чума или вражье нашествие мигом грудами кладет мертвецов.

НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО БУДЕТ ВЕЧЕРОМ. Фр. 334: римские народные собрания происходили на форуме, греческие (в эту эпоху) — в городских театрах. 341: «пемма» — пирожки, «пепсис» — пищеварение, слова однокоренные.

Г е л л и й (XIII, 11): (333) У Марка Варрона в «Менипповых сатирах» есть очень милая книга под заглавием «Не знаешь, что будет вечером». В ней он рассуждает, сколько должно быть застольников на пиру и какие вообще там порядки и обычаи. А именно, говорит он, гостей должно быть не меньше, чем Граций, и не больше, чем Муз, иными словами, от трех до девяти, чтобы наименьшее их число было не меньше трех, а наибольшее — не боль-

ше девяти. (334) Ибо многолюдство бывает многошумно: в Риме толпа стоит, в Афинах сидит, а лежать нигде не лежит. (335) Нужных вещей для пира, говорит он, ровно четыре, и в этом всё: чтобы гости были хорошие, место подходящее, время удобное и убранство отборное. (336) Гостей надо приглашать, говорит он, не болтливых и не онемелых, потому что красноречию место — в суде и в совете, а молчанию — в опочивальне, отнюдь же не за столом. (337) Разговоры в это время считает он за лучшее вести не о делах сложных и тревожных, но приятные и привлекательные, а если и полезные, то с приманкой и удовольствием, чтобы настроение наше делалось веселее и приятнее. (338) Именно так, по его словам, бывает, если говорить о вещах бытовых и общежительных, о которых на площади и среди забот поговорить некогда. (339) Хозяин же пира, говорит Варрон, должен не столько стремиться к пышности, сколько избегать небрежности. (340) И еще: разговаривать на пиру следует не обо всем, а предпочтительно о предметах развлекательных и *жизне-полезных*. (341) Не умалчивает он и о том, что должно следовать после перемены блюд. Вот его собственные слова: из заедок самыми медовыми кажутся те, которые вовсе и не медовые: *пемма* и *пепсис* — соседство ненадежное. «Заедки», — говорит Варрон; чтобы слово это никого не смутило, напомним, что оно означает всякую вторую смену блюд — то, что у греков называлось *пемма* и *трогема*, то наши предки называли «заедками». (340а) На пиру надобно говорить не обо всем, а преимущественно о предметах развлекательных и *жизне-неполезных* — и пусть лучше кажется, что в таких разговорах не было недостатка, чем был излишек.

ОБ УГОЩЕНИЯХ. По списку деликатесов видно, что источник сатиры — греческий (видимо, «Гедифагетика» Архестрата).

Геллий (VI, 16): (403) В сатире под названием «*Об угощениях*» Марк Варрон в искусных и весьма изящных стихах перечислил отборные лакомства, подаваемые на пирах. Из того, что всякие обжоры выискивают на суше и на море, он охватил большую часть и изложил шестистопными ямбами. У кого есть время, тот пусть сам прочтет эти стихи, собранные в названной книге; а сорта этой снеди, названия и места, откуда происходит все самое лучшее, что выслежено бездонным обжорством и с порицанием перечислено Варроном, насколько я мог упомянуть, таковы: павлины — с Самоса, рябчики — из Фригии, журавли — с Мелоса, козлята — из Амбракии, тунец —

из Халкедона, мурена — из Тартесса, ослы — из Пессинунта, устрицы — из Тарента, ракушки — <...>, князь-рыба *гелопс* — из Родоса, рыба *скар* — из Киликии, орехи — с Фасоса, пальма — из Египта, желуды — из Иберии.

404. Вот ты стараешься, чтобы твой пекарь пек хороший хлеб, а если бы от этих стараний хоть двенадцатую часть ты уделил для философии, то сам давно уж был бы хорошим человеком. А теперь, кто знает пекаря, тот рад купить его хоть за сто тысяч, а кто знает тебя, тот и сотни не даст.

ОСЕЛ НАД ЛИРОЙ. Заглавие — греческая пословица о невежде. Прославляется музыка, поносятся те, кто не желает ее знать, различается музыка высокая и низкая («ионийская», для изнеженных развратников — «кинедов»). Амфион (367) — легендарный музыкант, под чью музыку камни сами складывались в стены Фив; Аристоксен (360) — ученик Аристотеля, первый автор книг о музыке. Псалтерий (352) — род легкой дугообразной арфы, которую, играя, держали на плече; пальма (355) — обычная награда победителям. Какое отношение к сюжету имеет автоэпитафия поэта Помпилия (356, ближе неизвестен) — неясно.

356. Мне учитель — Пакувий, учитель Пакувию — Энний,

Энний учился у Муз; сам я Помпилий зовусь.

348. Я певчий мастер, возбудитель голоса,
Петух, поющих к пенью призывающий.

349. Кто петь горазд, как тот осел над лирою,
Пусть как в стойле держится на форуме.

350. Там может наслаждаться он невежеством,
А жадность, как молоком, питать надеждою.

351. Правитель-Солнце вечною гармонией
Цветет, колебля струны лиры божией...

352. Он <я?> не принес псалтерий прямозвучнейший,
С которым шутки распевают в Греции.

353. ...Их комики, их блудники, их сценники...

354. ...<Их> запевалы измышлений сказочных.

359. А он его стал ругать:

Знать и выбалтывать при всех — занятие незанятное.

360. Ну, конечно, сам Аристоксен был твоим однокашником.

361. А ты гоняешься в горах с рогатиной за вепрями и с дро-
тиком за оленями, ни в чем пред тобой не виновными, — то-то раз-
влечение!

358. Три лошади, различной масти каждая:

Соловая, гнедая и мышастая.

362. Первопричина *⟨музыки⟩* — *природная*, ибо от природы в нас — голос, ее основа.

366. А наука учит, как и насколько натягивать струны *псалтерия*.

363. Заводили нескладные песни виноградари в виноградниках, штопальщицы в лавочках...

364. Быть может, видел ты на Иде изваянье львиное там, где когда-то застигли галлы льва четвероногого, и от их тимпанного звона он сделался таким ручным, что его руками гладили?

368. *⟨Сам Ахилл⟩*, говорят, изобразил Брисеиду, потому что она часто касалась его струн!

365. Часто флейты частым переливом в душах целого театра перемену делали, возбуждая бодрый дух...

357. Достойный в роли страждущих, спокойных и убогих,

Ахилл по-гречески, кинед по-ионийски.

367. А вызови трагика Амфиона, прикажи играть ему Амфиона, — он же будет бессловеснее, чем мой погонщик мулов!

369. Если ты в моих чреслах найдешь не больше, чем в скоте, холощенном в Апулии, лишь тогда я готов признаться: этого дела мне не поднять!

355. Прощайте! а меня прославьте пальмою.

КВИНКВАТРИИ. Так назывался пятидневный праздник школьников в честь Минервы в марте месяце. Какое отношение к нему имели медики, на которых обрушивается эта сатира от лица суровых философов, не совсем ясно. Гераклид Понтийский (445) — философ IV в., притязавший воскрешать мертвых; Герофил (444) — александрийский врач ок. 300 г., первый исследователь пульса. Бромий (443) — одно из имен Вакха. Дрозды (446) считались деликатесом.

440. Зачем мне врач? зачем тебе? полынй хлебать
Горячую иль легонькую вытяжку
Бобровую?

441. ...У этого двуострый нож,
А у того — щипцы зубо-врачебные.

442. Как славно эта жидкость из источника
В подставленный стакан питья вливается.

443. Возьми гроздей опалых мягких Вакховых,
В осенних брызгах Бромиевой зелени...

444. Или тем Герофил лучше Диогена, что умеет воду из живота спускать? Этим ты тщеславишься? Тогда любой этрусский водо-проводчик тебя еще полезнее.

445. ...чтоб послать тарентинца к твоему Гераклиду Понтий-скому.

447. И ты смеешь зваться лекарем, коли, видя больного на сло-новом ложе с пурпурным покрывалом, не *дрозда* у него бросишься отнимать, а делать промывание?

448. ...чем днем почивать на черепаховом ложе с пуховыми пери-нами?

ШЕСТИДЕСЯТНИК. Сказочный сюжет о том, как человек проспал много лет и, проснувшись, не узнал окружающий мир. Его как перестарка хотят по древнему обычаю бросить с моста в Тибр. В фр. 494 — начало стиха из Энния.

490. Как оглянулся, так удивился, что заснул он лысый, как Сократ, а теперь, как стриженный ежик, беловолосый и с хоботком...

491. Воротился в Рим, а там уже нет ничего, что было, как заснул я пятьдесят лет тому назад...

485. О, эта дрема сердца отупелого,
Пробудная, меня еще мальчишкою
Объявшая...

488. В Риме жили они бережливо, честно и чисто.

В этом — отечество их. Мы же — в сплошной суеде.

495. А на месте их новые жители: вероломство, бесчестье, разврат...

496. А сейчас любой десятилеток не нравом, так ядом изведет отца...

497. Где были народные собрания, нынче — торг...

498. Повелений законов не слушают, всюду бурлит лишь «дай» и «на»...

492. Иду, чтоб вынуть себе на дорогу добавок в суму из лар-чика...

493. Вокруг кричат, чтобы сбросить нас с моста. Поднимается дикий ропот...

494. «Только он это сказал», как его хватают, по обычаю пред-ков, палачи и сталкивают в Тибр.

487. Вы, бесчувственные люди, поймите, что произошло!

499. Жадный судья считал, что и подсудимый есть *находка* общая...

500. Чтобы блестящая павлинья шея, без всяких приправ со стороны...

501. Там и свадьба любит устрицами лукринскими...

502. Если ты дашь хорошую кобылу под моего реатинского осла, то сколько я потребовал бы за припуск?

503. Так из зерна вырастает колос, так — собака из щенка.

504. А рабы, которые по праздникам приносили нам зеленый горох? Они нас вызывали, они нас призывали, — а мы не смеем их отозвать?

486. Грядет, грядет пожаром факел вскутанный!

505. «Вздор говоришь, Марк, — говорят они, — старые пережевываешь обвинения».

489. И не пойдешь в черной ночи факелу вслед

В топь, где плывут утки, вразброд воду гребя...

ПЕРВОРОДНЫЕ, ИЛИ О ПРИРОДЕ ЛЮДСКОЙ. <Содержание неясно.>

1. ...самые высокие

Дав надежды человеку, с неба наземь сбросите.

2. Материнским молочишком поросенок вспоенный
Хрюкает...

3. Лошадь ржет, барашек блеет, курица кудахтает,
Бык мычит...

4. Так что вскорости большею частью они просили фигурок и куколок.

5. Ни старая кляча не лучше новой, ни добродетель не спутник седине.

ПЕСОК МЕРИШЬ, ИЛИ О СРЕБРОЛЮБИИ. Заглавие — пословица «о бессильных и немощных» (Зиновий), ср. развернутую греческую сентенцию: «Морской песок ты хочешь счесть по-глупому».

...Но если нам нива доставляет и жилище, и пищу и питье, то в чем еще нам нуждаться?

ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТНИЙ, ИЛИ О МОНЕТАХ. О порче монеты, подрезываемой по краям? Может быть, на это указывают эпитеты Венеры (изображения на монете) в фр. 344 (с каламбуром: по-

латыни «Пет» и «Страб» — родовые прозвища известных семейств). Филиппов золотой (343) — самая старая из греческих золотых монет, чеканившаяся Филиппом Македонским в IV в. до н. э.

342. После того, как алчная страсть вздумала красть и резать,
И не честной для воровства изобретен был способ...

343. Лучше нам Филиппов золотой прибереечь, чем пропить, —
потому что иное дело — тяжесть в мошне, а иное — в пузыре.

344. Это не сделает Венеру из Прищуренной — Косой.

345. Плохо было то, что мы не знали: Одно — не всегда Един-
ственное.

346. Живи и люби меня взаимно.

ГНУТАЯ ДОСКА (?), ИЛИ О НАМЕСТНИЧЕСТ-
ВАХ. Наместничества в провинциях — главный источник обогащения
римских сенаторов взятками и поборами. В заглавии — непонятное слово.
«Элкистический» (176) — привлекательный, очень манерное выражение.
Фр. 177 касается философского разделения всех вещей на благие, злые и
«безразличные».

175. Марк, почему тебе так не пристало быть в боевой готовно-
сти?

176. Многие входили, глядя прямо, а потом начинали косить —
знать, в провинциальных красотках есть нечто элкистическое.

177. Боль не есть для нас безразлична, ибо лишь философия
умягчает ее страдания. Равным образом и в гневе я не отпускал себе
поводьев, и корысти затягивал удила...

178. А еще сказать ли, во что обошлось наследникам мое мило-
сердие — скольким беднякам оказал я помощь...

179. Как? увидев лозу на трех кольях, ты не назовешь ее «трех-
колая»?

180. Выхожу ли я, вхожу ли я, ремнями ноги окручиваю.

ТОВАРИЩ ПО ЭФЕБИИ, ИЛИ О ПОСТОЯНСТВЕ.
Об эфебах см. коммент. к Луцилию, кн. IX; заглавие сатиры повторяет за-
главия комедий Менаандра, Цецилия и Помпония. Может быть, здесь по
аналогии идет разговор товарищей по рабству (513—514).

511. Вот умушрения для ноздрей, вот сладости Неаполя...

512. О боги! если бы все, что должны мы народу, свалить на
площади средь бела дня...

513. Верь мне, рабы загрызли больше господ, чем собаки. Кабы Актеон поторопился и прежде сам сожрал своих собак, не пришлось бы плясунам в театре разыгрывать всякую чушь.

514. Ты боишься, он не даст тебе вольную? Если ты ему в Риме укажешь столько надежных поручителей — даст; а не даст, так сам убежишь, коли меня слушаешь. Ежели пора пришла, то самое время бежать.

515. Зачем тебе молчать, коли ты насквозь пропитан Минервинными науками?

СЛЕПОБОРЦЫ. Заглавие — кельтское слово, которым назывались гладиаторы, сражавшиеся в шлемах без глазных отверстий. Им уподобляется весь род человеческий.

25. А душа — как будто в бычьем пузыре завязана:

Если стукнуть, воздух выйдет...

26. Если у женщины из груди течет белое молоко,
Значит, будут роды: это после родов требуется.

27. Чистых рук липучим клеем никому не выпачкал...

28. Много народу мечется туда-сюда...

29. Право, он не подслеповат, а вовсе слеп.

30. Тут не диво и подслепнуть: золото не меньше подсекает взгляд, чем *неразбавленное вино*...

31. Человек — это что угодно, но не жалкая наша плоть.

32. Отсюда душа разлита по телу, оттого в нас и дух для разума.

33. Оттого и зовем одно от жаркости жаром, другое от горячности горячкою.

34. Меня Зевс в Олимпии, Афина в Афинах своим *тайновидцам* вверили...

35. Но что родится в этих местах?..

ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ. Заглавие — известная надпись на дельфийском храме. В рассуждения о человеческой природе вставлены рассуждения о гармонии мироздания. Арат (206) — автор греческой поэмы об астрономии (III в. до н. э.). «Трехдорожная» Луна (203) — богиня Геката, подземная ипостась Луны, чтилась на распутьях и носила имя «Тривия».

199. Тела из малых делаются рослыми

Из-за того, что дети молоко сосут.

200. Тогда из утробной жидкости
Является сок отсосанный,
По жилам кровию льющийся.
201. А медные Музы твои, Поликл,
Разве ничто?..
202. ...как звезды божьих небес,
Которые землю и вышнюю ось
Круговым обходят движеньем.
203. ...Телец, сияющий
На свету Луны Трехдорожной.
204. ...видишь: маленький Амор
Факелом своим горящим сушит любящим нутро?
205. Царь и нищий, оба знают, как умеет жечь любовь:
Этот мальчика обабит, этот сгубит первый стыд
В спальне у распутной девки...
206. И подпрыгиваешь, и хлопаешь, и у Арата спрашиваешь
Венца себе созвездного. Что может быть чудеснее?
207. Разве об этом человеке не напишут: «Лоб тяжелый,
Нос курносый, сам коренастый...»
208. Кто от природы совершенен, теми мы любимся и даже
подражаем.
209. А ты видел: рыбохваты, чтобы высмотреть в море тунцов,
высоко взлезают на мачту: оттуда сквозь воду виднее рыб?
210. Вот теперь давай посмотрим другого рода теоретиков —
может быть, что-нибудь увидишь лучше.

МУЛ О МУЛА ЧЕШЕТСЯ, ИЛИ О РАЗДЕЛЕНИИ
(подразумевается — души от тела).

322. Там, где рошица с плодами вкусными тенистая...
323. Когда ходульщики ходят на ходулях, то шесты их — дерево, по естеству недвижимое, но движется человеком, ставшим на них. Так и ходули души нашей, ноги ее и стопы, по естеству недвижимы, но душою движутся.
324. Так если много пройдет времени, да еще в жару, между тем, как уйдет лекарь и придет бальзамировщик, то и видит...
325. Кто рубаху шерстяную напоказ выставляет на продажу, то сама на руках его распяленная шерсть так и просится к красильщику.

ГЕКАТОМБА, ИЛИ О ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ.

Гекатомба (букв. «сто быков») — самое крупное из жертвоприношений. Поток (96) — Пактол.

94. Омыть поля кровавыми потоками.
95. И меч, упившись черной кровью царскою...
96. Поток лидийский, из-под Сард катящийся,
Для царских тронов намывает золото.
97. *Попоны* в самоцветах, бляхи яркие
И все *жемчужноблещущее* оружие...
98. Моя-то, значит, гекатомба чистая...
99. Сократ в государственной темнице, уже напившись *цикуты* и испуская дух...
100. Вот и есть кому и есть для кого приносить *гекатомбу*; и так как омыть грех значит снять грех, то я, полагаю, его омыл.

ЕВМЕНИДЫ. Так по-гречески назывались богини Фурии, насылающие безумие за грехи; «всемирное безумие» — основная тема сатиры. Примеры — оргиастический культ Матери Богов, чтимый евнухами-«галлами» во главе с «Аттисом» (149), скупость (126), разгул (143), суеверие (152). Философские учения стоят этого безумия (122). Комментарий дает появляющаяся Истина (141). Аристотель в 128 назван (неожиданно) как сын врача.

117. А мы с вершины башни наблюдательной
Глядим: народ, тремя гонимый фуриями,
Несется в смертном страхе во все стороны.
118. Безумьем Дамакринским (?) обуянного
Коня безумный конюх из безумных бурь
Не выведет...
125. Так Аякс полагал, что мечом пронзает Улисса,
А между тем вакхически бил свиней да деревья...
130. ...как наяды, жилицы потоков.
127. Кто усомнится в том, что хвостатые вы обезьяны,
Змеи иль <кабаны> из в Афинах?
133. Сгинь, изыди из нашего дома этакое безумие!
149. Шел я домой мимо храма Матери Богов и слышу там кимвальный звон...
150. Подхожу и вижу: в храме галлы целою толпой, принеся венок со сцены, им венчают Аттиса, а пред статуей богини *галл-ствуют* на разные голоса.

121. «Одевшись в платье зоревое пурпура,
Блестя венцом из золота и жемчуга,
Он свет несет округе...»
119. Где прелесть в этих *галльствующих* юношах,
Где нежный возраст, где одежда скромная,
Где миловидность?..
120. Иные в милых женских одеяниях...
131. В костяном фригийском роге плавное дыхание поет...
132. Для тебя гремят не праздно бубны Матери Богов,
Для тебя ведем мы хоры, для тебя полумужи
Кудри вскидывают в воздух, служат лишь одной тебе...
140. Стыд и честность этих галлов начал мне <нахва-
ливать>...
151. Увидев, что пеньем ничего им не выманить с алтаря, прини-
маются таскать и расхватывать.
126. ...А скупец — ужели он не безумен?
Дай ему в удел весь круг земной без остатка,
От своего же добра он сам бы украдкою начал,
Той же болезнью томим, припрятывать крошку
за крошкой.
160. Блюдец, подставленное голодному, напоминает о рыбных
садках Неаполя...
143. В этот день я устроил раздачу и велел у входа написать
«берегись собаки»...
154. Я же, полон вином и любовью...
155. Я хватаю женское платье и туфли, что были под рукой...
152. Я лечусь по Серапису, с ежедневными славословиями, пола-
гая, что верно написано в Дельфах: «Бог укажет пути!»
138. Предстал во сне, велит мне съесть гулявнику и луку...
153. «Вот теперь я о тебе лучшего мнения, — говорит он, — пото-
му что не стал ты есть такую дрянь».
128. Гость, не дивись, что Серапис берет с тебя за лечение —
Словно бы столько с тебя сам Аристотель не брал.
129. Или обоим дивись, иль и мне не дивись за такое.
139. Только стал усталым членам жар теплее солнечный...
156. И трагические актеры выступают с шишкой на голове, а
ведь, по старому порядку, надо лбом было ровное место.
135. Опять за то же? а уж ты отведал розог вязовых...
136. С Флорой и Писием-певцом обжорствуешь и буйствуешь.
137. Ты не безумен ли, вином губя свои же силы?..

122. Такого и больному ведь не взбредится,
Чего бы уж ни молвили философы.
134. Что ж ты, Стробил, забываешь лишний раз наморщить лоб?
163. Эмпедокл говорит, что люди из земли родились, как лебеди...
164. Где говорится, что Зенон первый повесил на колышек новое учение.
161. Подымает раньше света, с головой открытой держит, мучит стужей и на охоту натошак выгоняет старосту.
162. От такой-то жизни и порядков выросли подвижники, готовые хоть на Геракловы подвиги.
165. А против того портика лежит бочка <Диогенова>...
157. «Кто добродетелен,— говорит,— тот должен стоять большего».
158. «Первым — тот, кто стоит двадцать сестерциев...»
159. «Ибо раньше барыш был скудный, а теперь обильнейший».
141. И вот вдруг подходит к нам седая Истина, питомица аттической философии...
123. ...А третья казнь —
Бесчестье, взросшее в зыбких сердцах
Людского рода: суровый рот,
Нечесаны кудри, нестиран плащ...
124. ...Порхая вокруг,
Гремишь золотыми словами толпы...
142. Когда я был в училище и этим занимался, как Скантий выражается, «в запрошлые Дионисии»...
144. Мы, школяры, насытив слух школярскими приправами, упоив софистическим многоглаголаньем, встаем с голодными взорами...
145. Прежде, чем ответил я, кто-то снаружи предупредил меня указанием...
146. Тут стеклась толпа не фурий, а рабов с рабынями, кричавших в один голос, что во мне бунтует черная желчь, и этим укрепляющих меня в моем безумии...
147. Их судьи решают, чтобы Суждение внесло меня в список не безумных, а разумных.
148. Как страдающим желтухой кажется желтым желтое и не желтое, так и безумцам кажутся безумцами и умные и буйные...

БИМАРК. Заглавие буквально значит «Двойной Марк». По одним толкованиям, это означает «две натуры в одном Марке» (самом Варроне), по другим — имеются в виду Марк Сей, всадник, друг Варрона, и его отпущенник грамматик Марк Сей Никанор. Ключевое слово сатиры — «тропы», что по-гречески значит одновременно и «грамматические обороты» (предмет занятий Никанора; одним из тропов была «катахреса», 62, сочетание несочетаемого, напр., «красные чернила»), и «нрав, характер», предмет наблюдений как Марка Сея, так и Марка Варрона.

45. Он кричит про *тропы тропов*, будто я не знаю их,
И что все герои тоже не имели о них понятия.
46. Будет дело большое иль малое, трудное или легкое...
47. И уже его хоронят, только что волю получив,
Парни, одетые в полутраур...
48. Презирайте живых живые, а глупцов ученые,
Упреждайте, шпорьте; а этих обругайте: «Сосуны!»
49. Быстровесельную лодку гребцы пошевеливают.
50. Как по холодной водной влаге водяной скользит паук.
51. Не бывало на римских подмостках смехотворней старика!
52. Вот, рассчитывая недавно, сколько же потратил он...
53. Чтобы дрогнул Рим великий и обжоры великие...
54. Пусть отец богов трезубцем, жгущим жаркой молнией,
Грянет в купол рынка...
56. Тут внезапно храм небесный грянул громкими громами...
57. Птицеловы, рыболовы, повара отрядами...
57. Чтобы стихов кандальная медлительность
Мне не была помехой, отвергаю ритм...
58. И когда я пером своим раскручиваю папирусный свиток,
боги мне кивают, одобряя рождение поэзии.
59. Если Квинтипор Клодий столько сочинил комедий без малейшей помощи Музы, то я ли, как выражался Энний, не выделал книжечки?
60. Пьян ты, Марк: обещал ты Сею написать о *тропах*, а сам начинаешь Гомерову «Одиссею» пережевывать!
61. Бегство врагов по-гречески называется «*тропэ*», «поворот»; оттого и столбы с прибитой добычей именуются «трофеями».
62. И *катахреса* бывает верной, если на подсвечнике висит скребок.
83. У дедов и прадедов хоть слова и дышали чесноком и луком, но высок у них был дух!

64. Другам бы враг, врагам бы друг: воюешь так прекрасно, что из добычи к рукам прибираешь все прекрасное.

65. Пусть разбойники разбудят зависть в нем самом...

66. И не стыдно тебе, Марий, что твои же боевые товарищи целыми отрядами в дому твоём подносят камни, рабам твоим прислуживая?

67. Стало быть, если я в тень скрываю ясный, как день, закон Луканиев (?), я ничего не делаю?

68. Кувшинодел, начиная миску, молит Вулкана о милости.

69. Чтоб висело новое сито на новом колышке.

70. Этого и Геркулес не сможет, выгребший Авгиево дерьмо.

ЛЮДОГРАД, ИЛИ О РОЖДЕНИИ ПОД ЗВЕЗДОЮ. Стоики представляли себе мир как исполински организованный город; может быть, отсюда первое заглавие. Вариант перевода второго заглавия — «О дне рождения». Содержание фрагментов не дает представления о содержании сатиры в целом.

36. Нам облегчения нет ни в деньгах, ни в горах сокровищ;
Не отгоняют от сердца забот и всего, что нас вяжет,
Ни персидские горы, ни атрии пышного Красса.

37. В надежде на наживу ростовщик скупой
Имущество удваивает описью.

38. Дай хоть в дар золотой остров, виноградник цекубский,
Капуанские уголья, мясной рынок Ромула...

39. И Гименей сперва промоет внутренность мошны твоей...

40. Дать не просто вина, но, по слову Плавта, сращенного, вареного, держаного!
(«Псевдол», 741).

41. Всюду читаю в обратном порядке: не давай и не обещай, что дано.

МАРКОГРАД, ИЛИ О ВЛАСТИ. По-видимому, «Марк» — сам Варрон, и этот город — его идеал, противопоставляемый «Людограду». Антипатр Стоик (291) — философ конца II в. до н. э., ученик Панэтия, строивший «силлогизмы с одной посылкой», всех удивлявшие.

288. Если выпустит Фортуна колесницу, никому
Ни по суше, ни по морю ровного пути не даст.

289. ...А от природы у нас тот же закон, что у всех:
Сильный слабого бьет. Так ястреб терзает пернатых,
Так в морях среди рыб крупная мелкую жрет.

290. Чувства суть двери, жилы — *водопроводы*, внутренности — *клоаки*.

291. Ему быстрый *полупосылочник*, сын Антипатра Стоика, распахнул голову заступом.

292. Беру фонарь, подношу к огню, вздуваю свет, вот в нем и душа.

МИР ПОД МОЛОТОМ, ИЛИ О СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИИ. Возможно, о гражданской войне и поражении республиканцев при Тапсе в Африке.

222. Из колыбели да прямо в гроб,
От няньки к бальзамировщику...

223. Тогу с плеч, да в плащ, да за меч,
В толпу бойцов, в жестокой войне
Показать, на что я способен.

224. Дуновенью ветра подставь паруса,
Чтобы жарким вздохом примчало нас
Ко любезному берегу отчизны.

225. Африка, страшный край, где враг гражданин гражданину
И где Энеева кровь смешалась с Энеевой кровью.

226. Тот Эгейский поток, из-под северных ветров притекший
В край, где город воздвиг неистовый отпрыск Нептуна.

227. Какие были у нас постели, все пожрали гниль и тля.

228. Золотошвей, расшивавший подушки, сил лишился на этой
земле.

229. Видно женщин, на иных сияют платья *цельнопурпурные*.

О СПАСЕНИИ. «В своей сатуре «О спасении» Варрон утверждает, что мир не рожден и не умрет» (Филаргий, к «Георгикам», II, 336). Ни одного фрагмента не сохранилось.

О МОЛНИИ. Какое содержание имела сатира, кроме естественно-научного, неясно.

412. От молнии надо различать три вещи: блеск, гром и разящий удар...

411. Как сказал это Витул, вдруг врывается в курию, будто пятки у него горят, полуобожженный корабельщик...

413. (Макробий, III, 12, 2:) «По свидетельству Варрона, предки обычно посвящали Геркулесу десятину урожая и меньше чем на десятый день приносили ее в жертву, а народ, не участвовавший в складчине, в лавровых венках распускали до домам.

ПОСТУМИЙ, ПАХНУЩИЙ УМАЩЕНИЯМИ. Содержание загадочно.

419. Небо (caelum) называется так от чеканки (caelatura); мир по-гречески cosmos — от «красоты», по-латыни mundus — от «чистоты».

КУВШИН ВОДУ НАШЕЛ, ИЛИ О ЖЕНАТЫХ. Заглавие — видимо, пословица.

166. Как привыкли мы в римских банях, так и начинаем хлопать и роптать.

167. Я, видать, из людей старинных: вскину брови и скажу: «Кто умен, бери жену».

168. У кого и в поздние годы след остался мужества.

О ДОЛЖНОСТИ МУЖА.

83. В жене пороки или исправь, или терпи: исправишь — жена твоя будет лучше, а стерпишь — лучше будешь сам.

ТРИФАЛЛ, ИЛИ О МУЖСКОЙ СИЛЕ.

562. Ничего, Варрон, не вижу: всё мне заслоняет какой-то верзила передо мной...

ПО ОТЦУ И СЫН, ИЛИ О ДЕТОРОЖДЕНИИ.

552. Коли похожи дети на родителей,

Нечисто дело: ты с твоими не схож лицом.

553. Так как много лет она не могла родить, то он велел жене убираться из дому.

554. Даже если бы он и слышал, мог ли уступить он женщине? Жену он имел серьезную, добронравную, из Апулии...

555. Если любит она, как надо,— вот тебе мое поздравление.

ПРАЗДНИК ВИНА, ИЛИ О ЛЮБОВНЫХ НАСЛАЖДЕНИЯХ.

564. Рассуди-ка — кто получает плату: полольщик моего поля от меня или я от него? Вот так и тут: получается, что я — твой полольщик, если ты работаешь больше меня.

КОЗЛИНЫЙ БОЙ, ИЛИ О НАСЛАЖДЕНИИ. Козлы считались сладострастными животными.

71. Отличие человека — в добродетели,
Все остальное — у животных общее.
72. Не подсужу вам, если и попросите.
73. Он взывает, он бранится, хоть уж больше не снести.

И КУВШИНУ МЕРА ЕСТЬ, ИЛИ О ПЬЯНСТВЕ. Заглавие — пословица. Исмений — источник в Фивах, на родине Вакха. Кален, Кумы — города в Италии.

112. Исмений брызжет здесь, феборожденный ключ.
111. Вино — из всех для всех питье сладчайшее:
Его открыли для целенья хворостей,
Оно — рассадник милого веселья,
Оно — скрепление дружества пирующих.
113. Что за пропойца, всю жизнь над кубком, обоняет винный хмель?
114. Бочки, бочонки, мелийские застолья, чаши каленские, чашечки куманские!
115. Видишь: сами боги, желая отведать вина, пробираются в людские храмы и с жертвенными чашами в руках с самим винопийством Либером!

ПЕРЕБЕЖЧИК, ИЛИ О СОЧИНИТЕЛЬСТВЕ.

85. Хозяйскую радость, точеный и складный
Челнок, на зыбучем оставленный бреге,
Спускает один...
86. Рассвирепев, пираты кругом пустошат все угоды...

ГЕРКУЛЕСОВ СТОЛП, ИЛИ О СЛАВЕ. Во фрагменте, по-видимому, речь идет о Геркулесовых Столпах — прорытом Гераклом Гибралтарском проливе.

76. Так я их вписал и вставил в Геркулесовы *подвиги*.

ПОТЕРПЕВШИЕ ПОРАЖЕНИЕ, ИЛИ О СТРАСТИ К ПОБЕДЕ.

87. Эй, девчонки! Поспешай жить, пока есть срок молодых лет,
Люби всласть и конем правь нежной страсти!

88. ...Кто не может круглый щит

Сделать...

89. «Вы, зрители! — говорит кулачный боец, — вы думаете, что быть побежденными — это позор; но скажите вы мне, — ежели противник кулачным ремнем отчесет мне бровь, то кто из вас мне даст взамен свою?»

90. Я люблю сочинять эпиграммы, но как я не помню имен, то и ставлю в них любые, какие придут в голову.

ТЕНЕБОРСТВО, ИЛИ О НАДМЕННОСТИ. Первый фрагмент — обращение к сельскохозяйственным богам, цитируемое Геллием (XIII, 23, 4) в доказательство, что нужно говорить не «Нерии», а «Нерияне». Во фр. 509 — реминисценция из Луцилия.

506. Ты, Анна Перенна, Пандо Кола, ты, Палес,
Церера, Фортуна, Минерва и Нерияне...

507. В последний раз: закону покорись ли
Иль одиноким будешь жить изгнанником?

508. Вино, пирог, печенье — пользы в них нет, а готовят их все.

509. «Я, говорит, пойду на помощь: у меня ни добра, ни рассудка — «все без смыслу и вразброс»...

510. Я говорю: сократив дорогу, без заботы и труда мы легко придем к тому же самому удовольствию.

БА! БА! БА! ИЛИ О ВОСХВАЛЕНИЯХ. Сопоставляются поэтическая похвала красавице и прозаическая необходимость не столько хвалить, сколько бранить окружающих. Публий Африканский (фр. 376) — или, иронически, великий Сципион, победитель Ганнибала (не избежавший таки наветов в казнокрадстве), или кто-то из его негодных потомков. Высиять... высмеять (фр. 381) — греческая игра слов.

374. Пусть восхвалят мне хозяина пира или вино иль хоть что-нибудь!

375. Перед ушами, как стебельки из поросли, спускались маленькие выющиеся локоны, их было шесть; прищуренные очки и черные в них зрачки выказывали прозрачную душевную веселость; рот так мал, что смех не изливался розовый...

370. <Глаза>, которым веки насурьмленные

Легли округлой подвижной оградой...

371. Амур, впечатав пальчиками ямочки,

Являет нежность кожи подбородочка...

372. Высокой шеи мрамор полированный

Граничит с багрецами царской туники.

382. С непривычки и раковина покажется жемчужицей, и стекляшка изумрудом...

376. Какая же хвала покажется правдивой, если часто покойник — вор и негодник, вроде Публия Африканского...

377. Если обвинитель и обвиняемый один другого негоднее, то они, браня друг друга...

378. Претор ваш вырвал у меня деньги. Через год пойду на него жаловаться новому начальнику, потому что этот хищник не оставил мне ни тени надежды...

383. Он при жизни всякую птицу у меня в садах кормил.

379. Тот ли петух, возбуждал который столько певцов аттических Муз, или этот, вздымающий стаю крючкотворцев?

380. Грекам об этом небезызвестно, оттого и легко понять, что они нас любят, коли бормочем мы про то же самое.

381. Потому-то твои остальные речистые хулители вот сейчас уже бормочут: не ему здесь высиять, а его здесь высмеять!

ДЕРЖУ ТЕБЯ, ИЛИ ОБУДАЧЕ. Бой — самый яркий пример случайной удачи или неудачи.

169. ...медный шлем блестит начищенный.

170. Трепещут копыя, красные летят плащи,
А в украшениях Марса блещут золотом
Те ожерелья, и чеканкой тяжкою
То серебро иберских...

171. Прикрой его, чтоб целый день лежащего

Не выбелил мороз холодным инеем.

172. Кто мудр, тот и в счастье будет умерен, и в несчастье бодр
и тверд.

УЖО КОГДА..., ИЛИ О ВРЕМЕНАХ ГОДА.

173. Вот и не бывает в Риме ни устриц, ни морских ежей.

174. Чтобы вынать жизненный путь от начала до конца — такая жизнь свободная и такая рабская.

К ЧЕЧЕВИЦЕ И МАСЛО, ИЛИ О БЛАГОВРЕМЕНЬЕ.

549. Ни рыба-князь, несчетных денег стоящая,

Ни устрица огромная из Байских вод

Не расшевелит вкуса притупленного.

551. Выковывайте жизнь в письме и чтении.

550. А как ты все время помалкиваешь, заключаю я, что и ты лишь подподросток.

МЕРА. Против псевдоэпикурейцев, погрязающих в наслаждениях. Петрулл (304) — лицо неизвестное. Губкой (305) стирали написанное чернилами на папирусе или пергаменте. Сдвоенные флейты (309) — с двумя стволами, одним мундштуком и ремнями вдоль щек, для силы звука. Шафранные (314) одежды были модной роскошью во все века античности. Во фр. 312 — непереводаемая игра слов.

320. «Ничего сверх меры» — разве не это воспевают буквы на дельфийской колонне, указуя нам блюсти человеческую меру «средственно», как говаривали прадеды.

304. А ты, Петрулл, моей не трогай книжечки,

Когда тебя задела такая сценника.

305. Коли тебе большое море пагубно,—

Довольно влажной губки, чтоб стереть стихи.

306. На жеребце рысистом, шагом бережным

Доставленный до места в безопасности,

Он покидает...

307. На голове венок из ягод Вакховых

Свисает на лицо с щеками вздутыми.

308. С серебряными кружками чей хор идет в харчевню?

309. И все мои желания и сдвоенные флейты...

310. В три меры бочка винная, в одну — мучной бочонок.

311. Как водилось в Греции: волосы отпущены, борода подбритая, плащ свисает донизу...

312. Всем нам кажется: мы красавцы, весельчаки и умники, а на деле мы *гнилье*.

313. Чем те, у кого сквозь прозрачные тоги видны полосы на туниках...

314. А у киников покрывала и плащи не шафранные.

315. В том и разница между Эпикуром и нашими обжорами, у которых, кроме кухни, в жизни нету ничего.

317. Он-то думает, что с ним случится то же, что с гуляками, для которых наслаждение — в том, чтоб за едою брюхо радовалось...

316. На грош каши, на грош вина — старайся о состязании природы, а не необходимости. <?>

318. То же самое наслаждение я тайком себе доставляю щавелем да кашею.

319. Чем разлечься господином, лучше мне дремать в спаленке, выпив своего простого вина.

321. Не тот прожил лучше всех, кто дольше всех, а тот, кто всех умереннее.

БОЖЕСТВЕННАЯ ВЕТВЬ. Смысл заглавия неясен.

565. И рождает чирикающих пташек...

566. Молочком их крылатая не кормит,

А всеплодную пищу собирает,

Опускаясь ко приношенью корма...

568. Поспешает к детенышам пичуга,

Вновь и вновь в свое гнездышко стучится...

569. На плече плаща заколка давит кожу нежную.

570. «Я своего лишь, Агамемнон, требую!»

Вот на каких *котурнах* встав, Критония

Парик вздевает.

571. Человеку добродетельному — и то нужна накидка в дождь.

572. А особенно потому, что я держу желудок в строгости и не терплю в нем бурчания.

573. Лучше масло сберечь для работ при лампаде, чем на спаржу вылить весь сосудец.

574. Сперва входит в город, в стены, а потом подходит ближе и вступает в дом.

ЗАВЕЩАНИЕ, ИЛИ О ДОГОВОРАХ. Насмешки над юридическими спорами о сроках беременности. Цитата (542) — из «Лептописи» Энния; смысл фр. 541 неясен. Поговорка (543) — «два сапога пара».

540. Так некогда Адонис, Киферейн друг,

Сражен, упал в крови.

541. Перехожу теперь к другому роду завещания, «естественному», — эллины искуснее в нем, чем наши римляне.

542. Кто рожден моей ревнительностью и воспитан в Менипповом учении, тем назначаю в опекуны «тех, кто Лаций и римскую власть старались расширить».

543. Если через десять месяцев после смерти родителя у меня родится сын или сыновья и если будут они, как ослы над лирой, то лишаю их наследства. Если же кто родится по Аристотелю, на одиннадцатом месяце, то нет для меня разницы между Аттием и Теттием.

ТИФОН, ИЛИ О СТАРОСТИ. Тифон — возлюбленный богини Зари, которому она испросила бессмертия, но забыла испросить вечную молодость, и он иссох в кузнечика.

544. Кто в стремленье к долголетию всякий перешел предел...

545. Многожеланной юностью оставленный...

546. Или младенца кормить, сосущего млеко из груди...

547. Так-то зрелая душа по вызову легко покидает телесную скорлупу.

548. Смеху — много, а смешного — не очень.

ОБ УХОДЕ (ИЗ ЖИЗНИ). О самоубийстве, а также о человеческом организме в целом и о сексуальности в частности. Прусиад (407) — малоазиатский царь, у которого искал убежища Ганнибал.

405. «Как назвать тебя, ты, кто суровой рукой
В жарком теле вскрываешь кровавый исток
И железным мечом
Облегчаешь себя от жизни?»

406. Андромеду ее дурак отец связал и выдал чудовищу; так неужто же не должна она была жизнь свою выплюнуть в лицо его?

407. Там же он спрашивает у Ганнибала, почему тот выпил яд. «Потому что Прусиад хотел меня выдать римлянам», — отвечает тот.

408. Но не осуждаем, так как знаем: палец нужно отрубить, если без этого зараза разойдется по всей руке.

409. Когда я размышляю, какая связь между глазами и бедрами и в чем разница для чресл, воспользовался ли я обесстыженным мальчиком или рукой и остался чист...

410. Чего мальчик попросил, и кивнул головою и шляпою, а потом, отойдя от них в сторону, оказался юношею...

ЛЕБЕДЬ, ИЛИ О ПОГРЕБЕНИИ. Сохранение тел покойников в меду (на сравнительно недолгое время) применялось редко; так, например, в IV в. до н. э. в Спарту было доставлено тело царя Агесилая, умершего в Африке.

79. К высотам твоих святилищ поспешая быстрым путем...

80. Если одежды твои нужны тебе, зачем ты рвешь их? Если не нужны, зачем носишь их?

81. Стало быть, Гераклид Понтийский разумней, что велит сжигать покойников, чем Демокрит — хранить их в меду. Когда бы все делали по его, то пропади я пропадом, если бы можно было чашку медовой сыты купить за сто денариев!

НАДГРОБНИКИ, ИЛИ О ПОГРЕБЕНИЯХ. Предмет сатиры — хвалебные надгробные речи, которые хотелось бы услышать еще при жизни.

109. ...покуда нас снаружи внутрь не вывалило.

110. Говорю тебе: целые книги, полные надгробных слов, от которых на гробницах не осталось ни следа.

АГАФОН. Греческий драматург, ученик Сократа, персонаж «Пира» Платона. Фр. 10—11 — о брачном пире с его ритуальным сквернословием. Лампадион — имя раба из комедии; Дулорест («раб Орест») — имя пародического персонажа из мифологической комедии. Ментор, чеканщик серебряных кубков, упоминается Плинием (XXXIII, 147).

6. Ни родом, ни богатством, ни ученостью

Не чванясь, он во всем Сократу следует.

7. А кубок под чеканкою в руке твоей —

Он не рукой ли Ментора чеканился?

8. Что нынче ты мрачней глядишь, чем давеча,

Лампадион? Иль в собственном семействе сын

Влюбился, но страдает от безденежья,

И ты уже спиной лозу предчувствуешь?..

9. Эти молвив слова, ускользает, земли не касаясь...

10. Отроки набивают слух новобрачной нечистыми словами.

11. Пусть девушку уводят с пира, потому что наши предки не хотели, чтобы свежий девичий слух пропитался венериными словечками.

12. И рабы в домах нередко начали оскальзываться, когда стало казаться, что из кладовки вытекает плодовый сок.

14. Дулорест поделом бывает то человеком, то рабом.

13. Что тут толковать? я стал летучей мышью и потому теперь не птица и не мышь.

КРУГОПЛАВАНИЕ (в двух книгах), ИЛИ О ФИЛОСОФИИ. Буквальное значение заглавия — «объезд берега», может быть, до сицилийских Сиракуз, где правил в IV в. до н. э. тиран Дионисий, прикармливавший философов. Фр. 417 — реминисценция из Луцилия.

415. В этом городе поля песчаные, а мимо них течет река, в древности будто бы называвшаяся Альбулой.

416. В этом городе царствовал тогда Дионисий, человек разговорчивый и умный...

417. Не амвросия и нектар, не рыбешка с чесноком, а «хлеб, пирог, печенье, пища самая чистейшая».

418. Чтобы нам не заблудиться, дорога крута, но безопасна, хоть и со многими ответвлениями.

419. Вот и смотри, как он рассуждает бородатым своим клювом, и что ни слово, то на вес золота.

414. Как только будешь наедине с собою, узнаешь необходимый тебе рассказ.

О <ФИЛОСОФСКИХ> НАПРАВЛЕНИЯХ. По свидетельству Августина, Варрон перемножил различные ответы, которые могла дать философия на основные стоящие перед ней вопросы, и получил 288 возможных сочетаний — то есть возможных философских направлений.

403. Далее от каждого перекрестка открываются по три дороги, из которых каждая имеет свой исход и свою *цель*. От первого перекрестка у правой дороги на страже стоит Эпикур.

401. В тазу для омовения обрядного

Не стану мясо варить в угоду голоду.

402. Ты, водная зыбь, всхлынула вверх у берегов высоких,
Чтоб отразить все, что ни есть...

СЛОВОПРЕНИЕ. Порфирион, к Горацию, «Сатиры» (II, 4): «Эпикурейцы считают высшим благом *наслаждение*, но лишь от достойных причин. Стойки же их попрекают обжорством и развратом. Оттого Варрон и описал между ними «Словопрение».

242. Научила остричь длиннокосых овец и в рубаху одеть человека.

ТРЕХПУТЬЕ — ТРЕХДВЕРЬЕ, ИЛИ О ПРИОБРЕТЕНИИ ДОБРОДЕТЕЛИ. Сервий, к «Георгикам» (I, 34): «Варрон говорит, что некий сиракузанин Эмпедотим божественною волею стер с глаз смертное зрение и увидел в числе многого другого трое путей и трое ворот: одни под знаком Скорпиона, и здесь-то, по преданию, Геркулес взошел к богам; у других порог между Львом и Раком; у третьих — между Водолеем и Рыбами».

557. И не ржавый дождь обильный, рушась с облачных небес,
Вперемешку с белым градом...

588. ...Такова <душа> во мне,

Что не боюсь ни молний, ни гадателей
С унылым видом, и прослыть не силюся...

559. Конь хоть и рожден для бега, а его дают-таки
Ездоку на выездку...

561. Прежде, чем *авлет* выйдет на сцену со своими флейтами, он
дома так надрывает себе легкие...

ГЕРКУЛЕС СОКРАТИК. Содержание не поддается восставлению.

211. Что же? если ты не сапожник, то уже и не человек?

212. Я в хламиде, в плаще пурпурном возлежу на коврах Сардийских средь всего, что есть в жизни лучшего...

КИНИК

82. ...если будут продолжать, и божье попечение не поможет
государству...

БОЧКА, ИЛИ ВСЕРЬЕЗ. Бочка — по-видимому, знаменитая Диогенова. Но единственный фрагмент описывает картину мироздания:

92. Человек-то мал, а дом его — мир,
Где все пять поясов гремят с вышины,
А по ним, вперехват,— тот писанный круг,
Где двенадцать созвездий, звезда к звезде,
По мерцающей круче в небесный *эфир*
Колесницу лунную катят.

КОНЬ-СОБАКА. Видимо, противопоставление конской гордыни и кинического убожества. По мнению Помяловского — рассуждения киника о сослови всадников:

221. Аполлония гонят из курии, потому что у него ни гроша.

ПЕС-ОРАТОР. «Страданиями» греки называли видимые изменения облика луны в небе.

231. А когда бывает затмение, то почему страдает луна? И если люди впрямь до смешного верят и говорят о ее страданиях...

ВОДНЫЙ ПЕС. По-видимому, сравнение воды, которой довольствуется киник, и вина, которое пьют все люди. Мнесифей — источник неизвестный.

575. Разве не знаешь, что у Мнесифея написано: трех родов бывает вино: черное, белое и среднее (у греков называемое *желтое*); молодое, старое и среднее. От черного бывает мокрота, от белого — моча, от среднего — сварение желудка; молодое вино освежает, старое — согревает, а средним только собак поить.

МЕНИППОВА ГРОБНИЦА. Скромная жизнь известного киника Мениппа противопоставляется современной — конечно, римской — распушенности. Нума (537) — легендарный римский царь, автор мудрых законов. Меандр (534) — узор из угловатых извилин. Во фр. 522 цитата из Плавта («Перс», 522); во фр. 539 — пословица (сукновалы, пользуясь в своем ремесле мочой, сильно воняли).

516. Менипп, когда-то славный пес кинический,
Здесь всех людей покинул на мяче земном.

517. Диоген знал науки лишь в меру домашней потребности — а Менипп еще и в беседах с хорошими людьми.

518. Но как собака без хвоста...

519. На бумажной своей беговой дорожке «Надгробное состязание» (он расписал,) кто с кем состязался духом — прекрасный человек, любивший стоические пятиборья больше, чем атлетические!

520. Что начал по дороге рассказывать, то доскажи уж и до конца.

521. «Где захочется, там и ложись» — это я запомнил и только припрыгивал, потому что ребра трещали от голода.

522. Двинулся в самую нутрь заднего строения — «в самую недренность», как говорит Плавт.

523. Вылущивши и сгрызши косточки, очищенные виноградины он разложил на своем одре.

524. Наши древние жили в кирпичных домах на маленьком каменном основании, чтобы сберечься от сырости.

525. А на жнивье после жатвы собирали колосочки, чтоб украсить комнаты.

526. Кровли строили, как ласточки, из прутьев, обмазанных глиною.

527. Не знали они и хлебников, кроме тех, что в мукомольне размалывали муку.

528. Не затем, чтоб в базарный день в столице тешиться сплетнями, люди в Рим сходились *тьмочисленно*...

529. ...как нынче *моты* и *объедалы* такой толпой разжигают цены, что из-за *чревоугодников* не увидеть здесь ни дрозда, ни жирного винноградника, разве что в небе, на лету.

530. В Риме есть и такие, кто ради прибыли устраивают винные погребя.

531. В мощеном полу чтоб не было ни щелочки, а всюду вбиты мокрые камешки.

532. Какая тебе надобность воду разливать по всему дому? Если сосуд у тебя дырявый, нельзя его, что ли, свинцом забить? Зачем у тебя водоемы, зачем ведра на столе?

533. *Полы, вымощенные камнем, стены в инкрустациях...*

534. *Потолок мне сделай извилистый, в меандрах, и впиши туда изображение всего Земного круга.*

535. Разве не видишь: в модных местах перед харчевнями, где народ, прогуливаясь, в земле выбил полосы...

536. Разве не видишь: в тех домах, где нет *подвалов*, по широким дворам у стен или под портиками рассыпан гравий, чтоб удобнее было гулять?

537. Если бы такое увидел Нума Помпилий, он бы понял, что от его уставов не осталось ни следа, ни памяти.

538. *〈Мужчины о〉* женщинах сказать не могут больше, чем простецкий плащ о женском платье шелковым.

539. *Право, злой дух*, темножитель преисподней, тоже имеет против себя таких людей, которые больше их пугают, чем сукновалы — филина.

НУ - КА! Содержание неясно.

17. Земля для возделывания была некогда по частям роздана людям: как Этрурия тускам, Самний — сабеллам.

БЕРЕГИСЬ СОБАКИ! Частая надпись у ворот (ср. Петроний, 29); здесь, может быть, имеются в виду и нападки киников.

75. Где река в древесной чаще с высоты обрушивается
И, отброшенная от камня, блещет белой водой...

ЗАВТРА ПОВЕРЮ, СЕГОДНЯ НЕТ. Видимо, поговорка.

77. ...словно жаром огненным
Озноб морозный гонит из костей моих.

ЧТО АТТИЙ, ЧТО ТЕТТИЙ. «Этой старинной поговоркой Варрон хочет сказать, как в старину говорили о вещах, между которыми нет никакой разницы» (Геллий, III, 16, 13). Ср. фр. 543.

217. Что случилось? Что бранишься? Что яришься? Чего тебе?

ОТ СВОИХ БЕЖАТЬ — ДАЛЕКО БЕЖАТЬ. Первый фрагмент перекликается с сельскохозяйственными сочинениями Варрона, второй говорит о всесовершенном стоическом мудреце (обрисованном стоиком Клеанфом, III в. до н. э.).

244. Пусть сеет он
Осторожно, понемножку горох с подорожником,
Царский лук и прочее подобное...

245. Только он и царь, и оратор, и красавец, и храбрец, честный, чистый — спроси хоть эдила. Ежели найдется такой, сделанный по образу Клеанфа, — берегись: ты уметил в настоящего человека.

ПАПП, ИЛИ СВИДЕТЕЛЬ. Папп — маска глупого старика в народной итальянской комедии — ателлане. Первая этимология — такая же натянутая в подлиннике, как в переводе.

384. Разве не видишь: настурция потому так называется, что в нос тебя туркает, как казнохранитель — казну хранит?

В БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ. Буквально: «сыт и готов»: голодных воинов в бой не выводили.

421. Луна над Адриєю встает в ожиданье долгой дороги...

422. Летит олень, собачьим лаем поднятый,
Парнокопытьем опираясь о землю...

САРДЫ НА ПРОДАЖУ. Поговорка: после усмирения большого восстания на Сардинии в 176 г. было захвачено столько рабов, что цены на них упали, и в Риме стали говорить: «дешев, как сард».

449. И тебе совсем не стыдно, что ты меня не ставишь в грош?

КЛЯНУСЬ ГЕРКУЛЕСОМ ЗАСТУПНИКОМ. «Заступник» — по-латыни Тутан; более это имя нигде не упоминается и в сознании римлян, видимо, путалось с именем богини Тутилины, охранительницы посевов. Этот Геркулес был отождествлен с «Богом Отвратителем», культ которого был введен в Риме после того, как Ганнибал в 211 г. отступил от города.

213. С тех пор, как ночью войско Ганнибалово

Я отразил, слыву я здесь Заступником:

Все, кто в нужде, ко мне зывают первому.

214. Морской холодной волной челнок перевернуло.

215. ...по берегам морским скитается.

216. ...а не Тутилина, которой сам я готов взмолиться, чтобы ты мне все уши не прожуужал.

АЯКС СОЛОМЕННЫЙ. Как и следующие сатиры — пародия на трагедию. Комедия «Ажеаякс» была написана еще в IV в. Аполлодором. Содержание неясно.

18. Так, заболев, созывал он отборных лекарей, чтобы выздороветь.

ВТОРОЙ ГЕРКУЛЕС. Это прозвище носил, между прочим, уже упоминавшийся знаменитый стоик Клеанф (Диоген Лаэртский, VII, 170).

19. Варрон в этой Мениппее утверждал, что Геркулес Непобедимый — тот же бог, что и Марс (Макробий, III, 12, 5).

20. Забеременевши, мать сына родила Юпитеру.
 21. Тот, за кем идут в атаку легковооруженные
 И с квадратными щитами передовые воины.
 22. Но если нива нам доставляет и еду, и питье, и жилье, то чего
 еще нам надо?
 23. Что, скажи, тебя привело сюда? теплый воздух? тучная
 земля?
 24. Значит, мы варвары оттого, что людей пригвождаем к распя-
 тию, а вы не варвары, что с дикими расправляетесь зверьми?

СУД ОБ ОРУЖИИ. Сюжет многих трагедий — о том, как после гибели Ахилла Аякс и Улисс, вынесшие его тело из боя, спорили, кому из них должны достаться доспехи убитого, скованные Вулканом. Суд присудил их Улиссу; Аякс от этого сошел с ума, пытался отомстить и, наконец, покончил самоубийством. Здесь перенесено на философские споры.

43. Подстрекают, чтоб бранились славные философы.
 42. Как на берегу раки становятся дыбом...

МАРЦИПОР. Заглавие — частое имя рабов («раб Марка»). Среди обычных сатирических тем вставлен миф об аргонавтах и убийстве Медеей Пелия — в вульгарном прозаическом и, по-видимому, в изысканно (пародийно?) поэтическом изложении. В центре внимания — дочери Пелия, чьи-ми руками был убит и сварен в котле Пелий в надежде на его волшебное омоложение.

276. Тут на распутье входим в болотную лодку, которую лодоч-
 ники верхами влекут бечевою из камышей.
 273. И волны голубые Пропонтийские,
 Не забывай, в пути его захлестывали.
 269—272. Внезапно ночью, близко от полуночи ¹,
 Когда прозрачный воздух теплый пламенно
 Далеко в небе хоры звезд показывал,—
 Равно холодным кровом тучи зыбкие
 Златую бездну в небесах задержали,
 Струя на смертных воду подземельную,
 И с хладной оси ветры вдруг низринулись,
 Неистовые порожденья Севера,
 Неся с собою ветки, крыши, остоны...

¹ Перевод В. Брюсова.

И мы, бедняги слабые, как аисты,
Чьи крылья пламень молниями зубчатыми
Спалил, упали на землю в унынии.

274. Как воробей с ощипанными перьями.

284. Сказали царю: прилетела Медея по воздуху в повозке с драконами.

285. И позволил Пелий Медее: пусть хоть кожу сдерет с него заживо, только сделает юношей.

286. Бросила она туда же чего-то по-настоящему волшебного...

287. ...и это дважды и трижды перемешала в медном котле.

277. Люди смотрят и толпятся, но не смеются. «А мне показалося: смеются».

278. Пусть идет управлять государством, если куры клюют зерно.

279. Что же это за мальчишки? черненькие малыши, ожидающие праздников, чтоб учитель отпустил их поиграть?

280. Не звездочеты ли, которые своими чертежами все небо исцарапали?

281. И киник Диоген, которому царь Александр сказал: «Проси, чего хочешь», а он...

283. Одна у отца выпрашивает фунт игральных костей, а другая у мужа полмеры жемчуга.

275. Всех подростков в честь Венеры он обабил, буйно блудя.

ЭДИПОФИЕСТ. Эдип в фиванском мифе стал, не зная того, мужем своей матери; Фиест в аргосском мифе изнасиловал свою дочь, чтобы родить мстителя за себя. Сюжет сатиры неясен.

347. В это самое время, говорят, Эдип изгнанником пришел в Афины, ища убежища...

ПРОМЕТЕЙ ОСВОБОЖДЕННЫЙ. Вначале сюжет известного мифа подается возвышенно, дальше — сниженно (включая миф о Пандоре, фр. 432). В фр. 428 — реминисценция из «Эпихарма» Энния.

423. ...А мне нельзя, несчастному,
Ни силу применить, ни в Орк вогнать врага?
Вотще я рвусь стряхнуть оковы медные
С бессильных рук...

424. ...И как кора или верхушки в засуху
Дубов, в своей дубраве помирающих...

425. ...из членов обескровленных

Боль выжгла цвет здоровья...

426. ...Никто не слышит смертный. Лишь насельники
Просторов негостеприимной Скифии...

427. Нетвердый ум виденьем сонным тешитя
И в час, когда зрачки не отуманены.

428. Он семя заварил людского племени,
Смешав в нем холод с жаром, влагу — с сухостью.

429. Когда начал есть, удовольствие у стола удерживало, когда
сыт стал, руки снял со стола от сытости.

430. Когда начал испражняться, наклак стену задницей.

431. Чтобы знал ты, услышь, чему не веришь: хоть и есть глаза у
человека, не нужны они ему.

432. Златоподошвенник берет подружку, всю из молока и меда
тарентского, милетскими пчелами собранного со всех цветов: без
костей, без жил, без кожи, без волосиков, чистую-чистую, стройную,
белую, нежную, красивую.

433. ...иные — повязку шелковую, иные — мелитейскую.

434. Ложами слоновой кости, фигурными покрывалами...

435. В темном ходит свинарнике, если только не рассудить, что и
форум — хлев, и нынешние люди по большей части свиньи.

436. В этой науке он — ученик и ей же — враг, потому что
сколько уж лет никакой ему от нее прибыли.

Л Ж Е Э Н Е Й. Сюжет неясен.

437. Шаг держу по большой земле,
Вековечному дому людей...

Л Ж Е А П О Л Л О Н, ИЛИ О РАЗЛИЧЕНИИ БОГОВ.

По-видимому — об общепринятых и необщепринятых отождествлениях различных богов, например Аполлона и Сераписа. При Варроне в Риме («в городе») имелся всего один храм Аполлона близ цирка Фламиния; второй упоминаемый храм — недалеке от Рима в городе Тибуре.

438. Пусть шесть юнцов иль семь юнцов — ведь это
безразлично —

И шесть девиц иль семь девиц кружатся в хороводах.

439. Потому что в храмы этого бога входят не разуваясь: ни в
Аполлоновом храме, что в городе, ни в том, что рядом с Геркулесовым, никто не снимает обуви.

ПОЛТОРА УЛИССА. Смысл заглавия неясен. Видно, что сатира содержала описание каких-то изображений (469—470; в шапке Одиссея первым начал изображать живописец Никомах в IV в. до н. э.), потом следовал рассказ о странствиях (в прозе) от первого лица, а дальше — обычное сопоставление с нынешним временем (?) и, может быть, философское осмысление пройденного пути как пути добродетели. Здесь (483) суровой Древней Стое Зенона противопоставляется скептическая Средняя Стоя Карнеада, диалектика которого уподобляется легендарному уксусу Ганнибала, которым он будто бы размягчал альпийские скалы. Римские реалии — в фр. 478 (увольнение всадника после 45-летней сверхсрочной службы) и 463 (совершеннолетие Навсикая?). Феспиады (466) — Музы.

468. ...что он, на двенадцати судах домой отправившись, скитался целых десять лет.

469. ...что Диоген имел хотя бы плащ двойной, а у него, Улисса, только туника, и даже шапки нету...

470. Что стоит Минерва рядом — это значит, он, благодаря учености...

461. Слышал я: вином его потчевали щедро и приветливо...

462. Где в белом чистом скромном одеянии

Юнцы питают душу благородную...

463. Домашним ларам на алтарь повесила

Повязочки, и мячики, и сеточки...

464. Над пажитью витающие коршуны

Сулят потоки вод из туч скрутившихся,

Чтобы пастух окутался овчиною.

465. ...пути эфира звездоносного

Звнящей полрой медью изъяснял трубач.

466. ...сползся к Феспиадам в хор.

467. ...сопутник Муз,

Блюдущих скалы горные, от рыхлого

Седые льда...

471. Утихли ветры противные; но если дольше будут море волновать они, то я боюсь, что когда вернусь домой из-под троянских стен, то опознать меня никто не сможет, кроме пса дворового.

472. Ветры бурно вздули щеки и прищипорили...

473. Куда мы ни пытались плыть, всё ветры в грудь. Увидел я, что мы скованы воздушными оковами...

474. ...где, говорят, у варваров бесчисленными слитками лежит серебро и золото.

475. Все были здесь: жрец, воевода, гостеприимец, весь сенат и весь народ...

476. Где когда-то сосали они, как волчицу волчата...

477. Раньше, чем военной силой в несколько лет он был усмирен.

478. Я остался в лагерной службе, потом отвел коня к цензору...

479. Смелый воин тогда не боялся ни зубов, ни копыт норовистого коня...

480. Теперь умащенные народом щеголи покупают коня за аттический талант.

481. Так и бросился к подруге в горящее блудилище.

482. На что мужчина должен смотреть охотнее, как не на красавицу жену?

483. Один путь укрепил Энон, ведомый добродетелью, и это — благороднейший. Другой проложен Карнеадом вслед за телесными благами.

484. Другой путь добродетели преобразовал Карнеад, изливши бочки острого укуса.

ТРЕХГЛАВЕЦ. Аппиан, «Гражданские войны», II, 9: «Помпей в негодовании вступил в союз с Цезарем, поклявшись, что будет содействовать ему в получении консульства. Цезарь же тотчас примирил с ним Красса. Эти три лица, обладая вместе всемогуществом, использовали свою силу для взаимной выгоды. Один историк, Варрон, описавший это их соглашение в книге, дал ей название «Трехглавец».

ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ САТИР.

576. А может быть, испуганы расплававшиеся утки
Холодным ливнем, хлынувшим стремительно из тучи?

577. Снялись затворы, распахнулись важные
Врата, тризевными раскрывшись створами,
Вращая косяки в опорных впадинах.

578. Тростинку узловатую двуострую...

578а. Этих стеблей оболочка в веялке подветренной
Облетает, как одежда, шелушась мякиною...

579. Весна ласкает пажити, и ласточки гостятся.

580. Ставится мелко изрубленный лук...

581. (Апиций, 7, 311.) «По Варрону: если что сказано о луковичах в воде, которые тянутся к Венерину устью, то потому они подаются на брачном пиру вместе с ядрышками шишек или же с капустным соком и перцем».

582. (Тертуллиан, «К язычникам», I, 10.) «Варрон, этот римский Диоген, изображает триста Юпитеров, и всех безголовых».

583. («Апофеоз Божественного Клавдия», 8.) «Эпикурейский бог из него не выйдет: ведь такой бог ни сам ни о чем не беспокоится, ни другим не причиняет беспокойства. Стоический? Да как же ему быть «круглым», по словам Варрона, «без головы, без крайней плоти»?»¹

584. С приглаженной головою...

585. Тьмочисленный — слово, часто употребляемое Варроном в Мениппеях.

586. Старая пословица, частая у Варрона: «Ножки выше кровати лезут» (т. е. раб выше хозяина и пр.).

587. Глаза в казну влезают царскую...

588. Если не спится, какие уж тут сновидения?

589. Что ж? из отделанных вилл их гонят, а к отменным столам зовут?

590. Говорит: «Поторопишься — вот тебе шапка».

591. И совсем не подрываю ораторской трибуны.

¹ Перевод Ф. Петровского.

ЗАВЕЩАНИЕ ПОРОСЕНКА

Анонимное шуточное сочинение, по-видимому, IV в.: «Нет такого негодного писателя, который не нашел бы по себе и читателя... Платонова «Тимея» о числах, путях светил и гармонии мира не понимает, по собственному признанию, сам Туллий (Цицерон), а завещание поросенка Визгуния Хрюкалона услаждает в школах целые толпы хихикающих мальчишек» (Иероним, «Предисловие к XII книге комментариев на Исаяю»). Язык этого сочинения представляет собой смесь пародий на юридические формулы, поговорок, выражений, напоминающих детские считалки; чисто языковой юмор имен свиней отлично передан в переводе. Некоторые места двусмысленны: вместо «при чьем заклании», может быть, следует читать: «на свадьбе которой я не смогу присутствовать». В жалобах поросенка слышны отголоски формул каких-то языческих (возможно, христианских) молитв. В тексте присутствует рифма — явление, характерное лишь для поздней античности. «От Тебесты до Тергесты...» и т. д. — означает «по всему свету»; Тебеста — город в Северной Африке, Тергеста — нынешний Триест. Перевод сделан по тому же изданию Бюхелера-Гереуса (1912), что и перевод фрагментов Варрона.

Сим начинается завещание поросенка.

Марк Визгуний Хрюкалон, поросенок, составил нижеследующее духовное завещание; поелику же собственноручно начертать не мог, с голосу моего писано.

Кухарций-повар промолвил:

— Подойди-ка сюда, доморазрушитель, землеразрыватель, беглый подсвинок: нынче я пресеку твою жизнь.

Хрюкалон-поросенок отвечивал:

— Ежели я худое что совершил, либо в чем-нибудь провинился, либо какую ни на есть посудину ногами своими покрушил, то прошу, господин повар, даровать мне жизнь. Пощади молящего.

Кухарций-повар молвил:

— Ступай-ка, малый, и принеси мне из поварни ножик, чтобы мог я пустить кровь такому-растакому поросенку.

И был поросенок слугами схвачен и отведен на убойнице за шестнадцать дней до календ месяца Луцерния, когда наливаются почки, в консульство Недосолия и Переперция. И, видя неминуемую свою гибель, попросил отсрочки на малый час и вымолил у повара дозволение составить духовную. Призвал он к себе всю родню, дабы завещать каждому от харчей своих. И молвил так:

— Родителю моему Свиносалию-Пожиралию отказываю и завещаю желудей тридцать модиев, и родительнице моей Хавронии-Хрюшке отказываю и завещаю лакедемонского жита сорок модиев, и сестрице моей, при чьем заклании мне уже не придется присутствовать, отказываю и завещаю ячменя тридцать модиев. А из останков моих оставляю и завещаю: башмачникам — щетину, задирам — макушку, глухим — уши, стряпчим и болтунам — язык, колбасникам — кишки, мясникам — окорока, женщинам — ляжки, мальчишкам — пузырь, девчонкам — хвостик, кинедам — мышцы, скороходам и охотникам — бабки, разбойникам — копытца. А повару, коего имени и называть не стоит, завещаю пузо и пестик, которые принес с собою в хозяйство; и пусть его от Тебесты до Тергесты на веревке протащат в известное место. И приказываю воздвигнуть мне монумент и на оном золотыми литерами начертать:

Марк Визгуний Хрюкалон поросенок
прожил СМХСІХ лет с половиной
Ежели бы еще полгодика протянул
то всю бы тысячу отмахал

Вас же, отменные особы моей любители и жизни моей почитатели, молю с телом моим хорошо поступить, добрым фаршем из орехов, перца и меда хорошо начинить, дабы имя мое вовеки не забылось.

Господа и родичи мои, при составлении завещания моего присутствовавшие, прошу вас, повелите оное скрепить.

Свиносалий скрепил. Мясон скрепил. Тминношпиг скрепил. Колбасин скрепил. Окорокон скрепил. Сосисон скрепил. Супоросий скрепил.

Сим завершается завещание поросенка.

ГОРАЦИЙ

САТИРЫ

Перевод сатир Горация, сделанный классицистом-славянофилом М. А. Дмитриевым (М., 1858), был отредактирован Ф. А. Петровским для однотомного издания Горация в 1935 году и еще основательнее — М. Л. Гаспаровым для издания в настоящей серии в 1970 году. Этот текст и перепечатывается здесь с небольшими изменениями.

КНИГА ПЕРВАЯ

Издана ок. 35 г. до н. э. Это первая отдельная книга Горация, вышедшая в свет. Посвящена Меценату, дипломату Августа и руководителю его идеологической политики; за год-два до этого Меценат подарил Горацию маленькое поместье в Сабинах (Апеннины), давшее ему ощущение скромной независимости, лежащее в основе «Сатир».

С а т и р а п е р в а я. <О скупости и алчности.>¹ Отвлекающая тема зачина (1—27) и концовки (108—122) выражает недовольство собственной долей и зависть к ближнему. Мотив

¹ Названия сатир и глав, приведенные в угловых скобках, принадлежат научному редактору тома М. Л. Гаспарову.

этой сатиры (ст. 24) — «с улыбкою истину молвить» — повторен Державиным в его известном переложении Горациева «Памятника» (III, 30).

4. «Счастлив купец!» — Противоположности мира и войны, города и села дают исчерпывающую картину мира по Горацию.

14. «Фабий Максим Нарбоннский, всадник, помпеянец, написал несколько книг по стоической философии» (Порфирион, комментатор Горация в III в. н. э.). Логическое до парадоксальности учение стоиков казалось Горацию особенно оторванным от жизни. Фабий упоминается далее в I, 2, 134 и др.

33. *Муравей* — классический образ в притчах на эту тему с эзоповских времен. Ср. ст. 44.

36. *Водолей* — созвездие, в котором Солнце находится с середины января, во время зимних ненастий.

43. *Стоит почать...* — Первое возражение скупца, от страха бедности; затем последуют второе (ст. 50—51), от тщеславия, и третье (ст. 62), от дурного устройства общества. *Асс* — мелкая медная монета, около двух копеек на наши деньги.

58. *Авфид* — река в Южной Италии, на родине Горация.

70. *...не твоя ли история это?* — Слова, ставшие пословицей.

82. *Будет ли кто за тобою ходить...* — То есть скряга лишается не только естественных благ, но и человеческих добрых чувств.

91. *Марсово поле* — между Римом и Тибром, место военных и спортивных упражнений. «*Быка гнать на состязания*» — пословица.

98. *Тиндарида* (дочь Тиндара) — Клитемнестра, из мести убившая своего мужа, царя Агамемнона.

101—105. *Невий, Номентан*. — Скряга Невий и мот Номентан, не раз упоминаемые и в следующих сатирах, сравниваются с кастратом *Танаисом* и страдавшим грыжею тестем оратора *Визелия* (105 сл.).

119. *Точно как гость...* — реминисценция из Лукреция (III, 938).

121. *Плотий Криспин* — поэт-стоик (ср. коммент. к ст. 14), упоминаемый и далее в сатирах I, 3; I, 4; II, 7 и др.

Сатира вторая. (О разврате.) Отвлекающая тема зачина — неспособность соблюдать меру между крайностями. Обсуждается частая тема: лучше ли связь с замужней женщи-

ной или с блудницей? Гораций отвечает: мера потребности — природа (ст. 39, 73, 111). Сатира считается самым ранним дошедшим до нас произведением Горация. Ст. 28—134 — в переводе Н. С. Гинзбурга.

3. *Тигеллий певец*. — Хлебосол Тигеллий из Сардинии был модным певцом, которому покровительствовали Юлий Цезарь и Клеопатра, а потом Октавиан.

12. *Фуфидий* — из семьи ростовщиков, часто упоминаемый Цицероном.

14. *...пять процентов на месяц...* — То есть в пять раз больше обычного.

17. *Вирильная тога* — знак совершеннолетия: белая одежда вместо окаймленной красным отроческой одежды.

21. *...у Теренция...* — Имеется в виду комедия «Самоистязатель».

25. *...туника ... тащится...* — Знак распушенности; высоко подпоясанная туника — знак проворной деловитости.

27. Грубый стряпчий *Гаргоний* упоминается и Цицероном («Брут», 48, 180).

29. *Стóла* — длинная одежда замужних женщин.

32. *Катон* — цензор, знаменитый образец суровых древнеримских нравов. Анекдот имеет продолжение: «...но, видя это вновь и вновь, сказал: «Я тебя похвалил за то, что ты сюда заходишь, а не за то, что здесь живешь» (Порфирион).

36. *Гай Купиэнний Либон* — красавец, друг Октавиана; упоминался еще у Цицерона.

46. *Гальба* — имя многих известных знатоков-правоведов, блюстителей законов против прелюбодеев; отсюда комизм.

48. *Саллюстий* — племянник известного историка, будущий адресат горацевской оды (II,2).

64—67. *Вилий Аннал* был другом Милона, мужа *Фавсты*, дочери диктатора Суллы, а *Лонгарен* — ее сторонним любовником: комическая перемена ролей.

91. *Линкей* — самый зоркий из участников похода аргонавтов; его имя иронически поставлено рядом с именами двух римских современниц Горация, ближе неизвестных.

101. *Косские ткани* — полупрозрачный шелк или имитация шелка, изготовлявшиеся в Греции на острове Кос.

107—108. Перифраз стихов из эпиграммы Каллимаха («Палатинская антология», XII,102).

115. *Ромб* — камбала. *Павлин* стал подаваться в Риме к столу лишь за поколение до Горация.

121. *Филодем* — эпикурейский философ и поэт-эпиграмматист, старший современник Горация; его эпиграмма, которая здесь имеется в виду, не сохранилась.

126. *Илия* (мать Ромула) и *Эгерия* (нимфа — советница Нумы Помпилия) — героини легендарной римской истории.

Сатира третья. (О дружбе.) Отвлекающий зачин (1—18) — неспособность соблюдать меру между крайностями.

3—5. *Тигеллий* — см. I, 2, 3. *Цезарь* — Октавиан, отец его (приемный) — Гай Юлий Цезарь.

6. ...с яиц и до яблок... — То есть от начала и до конца обеда.

8. *Тетрахорд* — букв. «четырёхструнный», разновидность лиры.

13. *Тетрархи* («четверовластники») — правители некоторых областей на эллинистическом Востоке.

21. *Новий* и *Мений* (так же как и далее, ст. 40, *Бальбин* и *Агна*) — имена условные. В дальнейшем условные сатирические имена, за которыми не стоят прототипы, не оговариваются.

27. ...змей эпидаврский? — Змеи были священными животными бога врачевания Эскулапа, главное святилище которого находилось в Эпидавре. Греческое слово «дракон» (змей) означает «зоркий».

46. *Сизиф* — карлик Марка Антония. Весь этот отрывок развивает мысль Платона («Государство», V, 474d), уже разработанную в стихах Лукрецием (IV, 1160—1169).

83. Марк Антистий Лабейон — юрист, сын антицезарианца, погибшего при Филиппах; сохранил «память о свободе», и поэтому Гораций, в угоду Октавиану, называет его «безумным» (Порфирион).

87. ...должник убегает *Рузона*... — Ростовщик Октавий Рузон, по свидетельству древних комментаторов, был историком-любителем (автором «нудных рассказов»).

95. *Те, для кого все проступки равны* — ригористичные стоики, предмет насмешек Горация. Напротив, длинное рассуждение о происхождении справедливости из пользы (ст. 99—119) выдержано в духе философии эпикуреизма (ср. Лукреций, V, 783 сл.): уравнивать без разбору все дурное (и все хорошее, ст. 125—126) не позволяют ни природа (эпикурейцы), ни рассудок (здравый, а не строго стоический).

130. Тигеллий *Гермоген* — плохой певец, может быть, вольноотпущенник Тигеллия Сардинского (см. I, 2).

137. *Квадрант* — мелкая медная монета, четверть асса.

С а т и р а ч е т в е р т а я. <О сатирической поэзии.> Отвлекающий зачин — о ее прошлом (1—13), основная часть — автор о самом себе.

1—2. *Древняя комедия* — аттическая комедия V в. до н. э. *Аристофан* и (не дошедшие до нас) *Евполид* и *Кратин* считались ее высочайшими представителями.

7. ...изменил... стопы... — То есть стал писать гекзаметром. Гораций сближает древнюю комедию с Луцилием потому, что они называли вымышленных своими именами, а более поздняя комедия и Гораций — условными (как здесь: «Фанний», «Альбий»).

21—23. Речь идет о книжных лавках, где выставлялись книги с портретами авторов, и о публичных декламациях, модных в ту пору в Риме.

34. *Сено...* на рогах... — Сено на рога привязывали бодливым быкам.

59—60. Цитата из «Летописи» Энния, национального римского эпоса. Первое утверждение Горация: его сатира не поэзия, потому что пользуется простым языком, только с ритмом. Точно так же Цицерон («Оратор», 20, 67) считал сочинения Платона поэзией, только без ритма.

64. *Сулций* и *Каприй* (имена, как и последующие, видимо, условные) — профессиональные доносчики. Второе утверждение Горация: его сатира не общественно опасна, потому что он не дает ей широкой огласки.

86—89. ...на каждом четыре // Гости... — В хорошем обществе на ложе за столом возлежали только по трое. «Тот, чья вода» (для омовения рук) — хозяин пира. *Либер* — римское имя Вакха.

92. Цитата из сатиры I, 2, 27.

94. *Петиллий* — чиновник, назначенный блюстителем Капитолийского храма и уличенный в краже храмового золота незадолго до написания 4-й сатиры.

105. *Это уроки отца...* — Третье утверждение Горация: его сатира не опасна, потому что служит не критике ближних (имена — условные), а только самовоспитанию на примерах.

Сатира пятая. Описание поездки Горация в свите Мецената в Брундиций в 37 г. до н. э. по Аппиевой дороге из Рима. Спутниками его были легаты Марка Аврелия юристы Кокцей Нерва (консул 39 г.) и Фонтей Капитон (консул 33 г.), ритор Гелиодор, поэты Вергилий, Варий и их друг Плотий Тукка. Целью были дипломатические переговоры с Антонием, стоявшим в Брундиции («друзей примирять», ст. 29). Перечисляются все места, которые миновали путники за 15 дней медленного пути (в среднем 35 км в день). Образец Горация — III книга Луцилия.

23. *Четвертый час* — от рассвета, то есть около 9—10 часов утра.

36. *Скриб* — писец; Гораций осмеивает тщеславную пышность чиновника из маленького городка. *Курильницы* при такой церемонии упоминаются только здесь.

37—38. *Город Мамурров* — Формии; один богатч из этого формийского рода был поколением раньше ославлен в эпиграммах Катулла. Лициний Варрон *Мурена* — по-видимому, будущий зять Мецената, участник заговора против Августа в 23 г. до н. э.

53—70. Состязание шутов (характерно прозвище *Мессия* «Кикирр», означающее «петух») — подражание Луцилию (кн. IV), пародирующее высокий стиль. *Сармент* попрекает Мессию уродством, делающим его похожим на циклопа Полифема, Мессий Сармента — рабским положением: старый хозяин Сармента был казнен во время проскрипций, а новый хозяин отпустил его на волю, но вдова старого хозяина еще жива.

63. *Сплясать Циклопа* — изобразить пляской любовь одногоглазого циклопа Полифема к нимфе Галатее.

69. *...фунта муки...* — Обычный дневной паек раба был 4—5 фунтов хлеба.

77. *...знакомые горы!* — Гораций был родом из апулийского города Ветузии.

87—88. *...имя // В стих невозможно вместить...* — «Эквус Туткус», что по-латыни действительно укладывается в ямб, но не в гекзаметр (ср. Луцилий, кн. VI).

92. *Диомед* — герой Троянской войны, по преданию изгнанный из Аргоса в Италию, где ему приписывалось основание многих городов.

98. ...раздраженными нимфами создан...— То есть безводен.

100. *Ладан горит без огня!* — Об этом еще сто лет спустя писал Плиний (II, 240). Иудеи считались в Риме особенно суеверными. ...нету // Дела богам до людей...— Основное положение эпикуреизма: «Боги не заботятся о земных делах».

Сатира шестая. <О себе.> Отвлекающая тема — о богатстве и знатности (1—44), позволяющая посвятить эту сатиру (и с нею вторую половину книги) опять Меценату.

1. ...этрусков, лидийских потомков...— Меценат был из этрусского рода, а этруски считались потомками малоазийских лидийцев.

9. *Туллий* — Сервий Туллий, сын рабыни, ставший шестым римским царем.

12. *Левин* был потомком Валерия Попликолы, одного из первых римских консулов после свержения царей, но сам был настолько ничтожен, что даже в Риме, преклоняющемся перед знатью, не смог сделать политической карьеры.

21. *Цензор Аппий Клавдий Пульхр* в 50 г. до н. э. исключил из сената всех, хотя бы отдаленно происходивших от вольноотпущенников.

28. ...*Ты облачишься в сапожки да в тогу с широкой каймою*...— Ти́ллий, изгнанный Юлием Цезарем из сената, после его гибели вновь начал политическую карьеру; пурпурная полоса на тоге была знаком сенаторского достоинства.

30. *Бетуций Барр* ок. 114 г. до н. э. привлекался к суду за обольщение весталок.

38—44. Сенатор, сын вольноотпущенника, оправдывается тем, что другой сенатор — сам вольноотпущенник из глашатаев. *Сир* и пр.— типичные имена рабов; раб-палач, словно в насмешку, носит имя мифического царя *Кадма*. Свержение с *Тарпейской скалы* (на Капитолии) — торжественная и потому редкая казнь римских граждан.

48. *Во главе легиона Гораций* был в войске Брута под Филиппами в 42 г. до н. э.; знакомство и потом сближение Горация с Меценатом относится к 38 г. до н. э.

59. ...*на коне сатурейском*...— Сатурий — местность близ Тарента, среди поместий римской знати.

73. *Центурионы* — отставные унтер-офицеры римского войска, составляли «высшее общество» в городках, вроде Горацневой Венузии.

75. ...*восемью медьяками*... — Медяк — асс (медная монета). Учитель начальной школы получал примерно такую же плату, как средний ремесленник.

97. *Ликторов связки и кресла курульные* (отделанные слоновой костью) — знаки достоинства высших должностных лиц.

113. ...*плутовским ... цирком*... — В нижних этажах Большого Цирка, под зрительскими сидениями, находились лавки и притоны.

120—121. *Марсий* — статуя сатира на римском форуме, против меняльных лавок, где и действовал *Новий*.

С а т и р а с е д ь м а я. Описание тяжбы, свидетелем которой Гораций был в 43 г. до н. э. на службе у Брута в Малой Азии. Марк Брут был убийцей Юлия Цезаря; его предок Луций Брут Старший, по преданию, в VI в. до н. э. изгнал царей из Рима; отсюда — шутка *Персия* (ст. 32). Двое спорщиков — банкир Персий из малоазиатских Клазомен («полуримянин», сын римлянина и гречанки) и бывший претор Рутилий Рекс («Царь») из Пренесте в италийском Лацин — комически сравниваются то с неизвестными сутягами *Сизенной* и *Барром*, то с гладиаторами *Бифом* и *Бакхием*, то с героями «Илиады» *Ахиллом* и *Гектором* (песнь 22), *Диомедом* и *Главком* (песнь 6). Возможно влияние Луцилия (кн. II).

26. (Малый) *Пес* — Сириус, созвездие самых знойных летних дней.

31. *Кукушка*... — После 21 марта «крестьяне 15 дней торопятся доделать то, чего не успели до равноденствия, потому что знают: с этих пор их начинают... дразнить кукушечьим криком: считается заслуженным позором, если эта птица еще застанет тебя на лозах с садовничьим ножом» (Плиний, XVIII, 249).

С а т и р а в о с ь м а я. От лица деревянной статуи бога плодородия Приапа в Риме на Эсквилинском холме, где было кладбище, а потом разбил парк Меценат, описывается колдовство двух старух (о *Канидии* Гораций уже писал в эподах 5 и 17): жертвоприношение подземным богам, заклинания, вызывание теней и вопросы к ним. Затем кукла, обернутая в шерсть, поражаала восковую, восковая плавилась, и от этого должен был погибнуть тот, кого изображала восковая кукла.

4. ...правой рукою... — То есть держащей серп.

35. *Змеи* — спутницы змеевласой фурии Тисифоны, адские псы — подземной богини Гекаты.

39. *Юлий*, *Педиадий* (*Педиятия* — насмешливая форма) и *Воран* известны лишь из сомнительных домислов Порфириона.

С а т и р а д е в я т а я. <Разговор с болтуном, пытающимся втереться в доверие к Меценату.>

1. *Священная дорога* — центральная улица в Риме, ведущая с востока к форуму.

18. *За Тибром...* — Близ садов, завещанных народу Юлием Цезарем, в часе ходьбы от места встречи.

23. *Варий* — эпик и драматург, старший друг Вергилия и Горация в кружке Мецената; пользовался большой славой, но сочинения его не сохранились. Братья *Вибии Виски* (ср. I, 10, 82) — видимо, не писатели, а просто друзья Мецената. О *Гермогене* см. коммент. к I, 3, 130.

35. *Храм Весты* на Священной улице располагался недалеко от форума, где заседал суд (ст. 36).

39. ...законов не знаю! — Предполагалось, что друзья судящегося, являющиеся с ним в суд, помогают ему не только ободрением, но и советами.

60. *Жизнь ничего не дает без труда* — греческая пословица.

61. *Аристий Фуск* (см. I, 10, 83) — друг Горация, адресат одной из самых знаменитых его од (о Лалаге, I, 22) и послания (I, 10).

69. *Тринадцатая суббота*. — По толкованию античных комментаторов, это суббота, совпадающая с новолунием; однако, несмотря на это объяснение, смысл слов *Фуска* не вполне ясен. Далее «Черный же день для меня!» — букв. «черное солнце», первый образец этой впоследствии знаменитой метафоры.

76. *Я скорей протянул уже ухо!* — Прикосновение к уху было знаком приглашения в свидетели на суд.

78. *Так избавлен я был Аполлоном* — греческая пословица, употребленная уже Луцием.

С а т и р а д е с я т а я. <О сатирической поэзии.> Замыкает вторую половину 1-й книги, перекликаясь с сатирой I, 4. Первые 8 стихов (перев. М. А. Гаспарова), приведенные в угловых скобках, обращены против Валерия Катона (известного поэта и грамматика, друга Катулла), готовившего новое из-

дание сатир Луцилия, и другого, безымянного грамматика, более грубого; эти стихи сохранились лишь в некоторых рукописях и, по-видимому, представляют собой остаток более ранней редакции. В сатире упоминаются поэты старшего поколения, сверстники знаменитого лирика *Катулла* — *Лициний Кальв* (ст. 19), *Варрон Атацинский* (ст. 47), *Кассий Этрускский* (ст. 61, *Фурий Альпин* (ст. 36; может быть, условное имя поэта *Фурия Бибакула*, см. ниже, II, 5, 41), с которыми, вероятно, был близок враг Горация — певец *Тигеллий Гермоген* (ст. 18, 90; в ст. 91 речь идет о мимических актрисах, которых он учил пению) со своими приятелями, перечисленными в ст. 78—80. Им противопоставляются поэты кружка *Мецената* — комедиограф *Фунданий*, трагик (потом историк) *Азиний Поллион*, эпик (потом трагик) *Варий*, идиллик (потом эпик) *Вергилий*, а в ст. 81—87 — их друзья и покровители из высшего общества. *Мецций Тарпа* (ст. 38) был, по-видимому, председателем «коллегии поэтов» и актеров, собиравшейся с III в. до н. э. в храме Муз.

1. *Да, я, конечно, сказал...* — В сатире I, 4.

7. *Мим* — низший, площадной жанр комедии; мимический поэт *Лаберий* был известен враждой с Юлием Цезарем.

9—16. *Краткость нужна...* (а затем — и разнообразие слога, и вкус как их мера) ...*поэты комедии древней...* — развитие мыслей, I, 4, 10.

21. *Много он греческих слов примешал...* — См. приложение (эти слова выделены курсивом). Вопрос об обогащении латинского литературного языка был в это время актуален, но решился он путем заимствований не греческих слов, а греческих синтаксических конструкций — как, в частности, и у Горация.

22. *Пифолеонт Родосец* (Пифолай) — греческий поэт, чьи двуязычные эпиграммы (между прочим, на Юлия Цезаря) не сохранились.

24. *Италийское фалернское вино* считалось терпким, греческое *хиосское* — сладким.

27. *Валерий Мессала Корвин* (ср. ниже, 85) — ближайший сподвижник Октавиана, знаменитый оратор, «тщательный блюститель латинского слога» (Сенека Старший, II, 4, 8). *Педий Публикола* (может быть, его зять) — сменный консул 43 г. до н. э., менее известен.

30—33. *Канузий* — римская колония на юге Италии (близ родных мест Горация), где было много и греческих поселен-

цев. Греческие стихи молодого Горация до нас не дошли. *Квин* — имя обожествленного Ромула.

53—54. Насмешки Луцилия над Акцием и Эннием — см. его кн. IX, XXVI, XXVIII.

65—66. *Грубый наш поэт* — Энний, автор первых римских сатир.

73. *Стиль* — палочка, острым концом которой писали по воску, а тупым концом стирали написанное; «поворачивай стиль» значит «исправляй написанное».

77. *Арбускула* — комическая актриса, упоминаемая еще Цицероном.

КНИГА ВТОРАЯ

Издана в 30 г. до н. э., когда положение Горация в литературном мире уже упрочилось. Диалогические и монологические сатиры в книге чередуются: сатиры 2-я и 6-я, 3-я и 7-я, 4-я и 8-я тематически перекликаются, образуя параллельный ряд.

С а т и р а п е р в а я. (О сатирической поэзии.) Разговор с *Требатием* Тестой, известным юристом, корреспондентом Цицерона и адресатом его «Топики», сторонником Октавиана (*Цезаря*, ст. 11) и, по свидетельству Цицерона, любителем плавания (ст. 9). Если в 1-й книге Гораций противопоставлял свои сатиры луцилиевским, то здесь — сближает с ними.

Ст. 22 повторяет ст. I, 8, 11.

24—27. *Милоний* ближе неизвестен; *Кастор и Поллукс* — Диоскуры, сыновья Зевса, близнецы, вышедшие из яйца, снесенного ему Ледой («Кастор, смиритель коней, с кулачным бойцом Полидевком» — «Илиада», IV, 237). *Что голов...* — пословица.

34—35. *Луканец, апулиец, везузиец*. — Везузия, родина Горация, лежит в Апулии, но недалеко от соседней области — Лукании.

48—49. *Цервий* и *Турий* — имена судебных деятелей предыдущего поколения; о Канидии см. I, 8.

65—66. *...герой, получивший прозвание от стен Карфагена...* — Сципий Африканский Младший, завоеватель Карфагена, и его друг *Лелий Мудрый* были покровителями Луцилия.

67—68. *Квинт Метелл*, завоеватель Македонии, и *Корнелий Луп*, консул 156 г. до н. э., были противниками Луцилия: см. его кн. I.

81—82. Под *дурной песней* древнейшие римские законы разумели колдовские заговоры и заклинания, но современники Горация уже этого не понимали.

С а т и р а в т о р а я. <Об умеренности.> Оттеняющая тема — против крайностей (53—69).

16. *Вино, подслащенное медом* (перевод упрощен) — «мульс», популярное питье; при этом ценилось старое фалернское вино с молодым аттическим медом (Макробий, VII, 12, 9).

22—23. *Скар* — клювыш, рыба, высоко ценящаяся в Риме. *Павлин* — см. коммент. к I, 2, 115.

31. ...*где поймана эта вот щука*... — Морская щука (ст. 32) ценилась лишь когда бывала поймана в реке, и чем выше по течению, тем дороже.

33. *Мулл*, или краснобородка, крупных размеров редок, и потому за него платили бешеные деньги.

41. *Австр! налети!* — От горячего Австра — сирокко — быстро портилось мясо; впрочем, и это считалось деликатесом (ст. 89).

47. *Осетры* были модным кушаньем во II в. до н. э. (Галлоний упоминается в сатирах Луцилия), но затем их вытеснил ромб (камбала). Вкус *нырка* (ст. 51) отзывается ворванью.

55—57. Имя *Авфидиен* значит «жадный», а прозвище «*Пес*» сближает его с киниками. *Оливки* обычно хранились не больше года.

71. *Первая польза — здоровье*... — Вторая — добрая слава (94—111).

112. *Офелл*. — При конфискации земель в 43 г. до н. э. (когда сам Гораций лишился имущества) Офелл оказался арендатором собственной земли, отобранной у него и доставшейся ветерану Умбрену.

С а т и р а т р е т ь я. <О людском безумии.> Этот парадокс — «все люди безумны, один мудрец разумен» — развивает перед Горацием Дамасипп, пересказывая ему свою беседу с уличным философом-стоиком Стертинием и последовательно рассматривая четыре вида безумия: скупость (ст. 82—157), тщеславие (ст. 158—223), роскошь (ст. 224—280), суеверие (ст. 281—295).

5. *Сатурналии* — праздник в декабре, во время которого рабы считались свободными.

11—12. *Евполид, Платон* (не путать с философом!) и *Менандр* — комедиографы, представляющие здесь последовательно «древнюю» (V в. до н. э.), «среднюю» и «новую» (IV в. до н. э.) комедию. *Архилох* (VII в. до н. э.) — первый сочинитель язвительных «ямбов», которым Гораций подражал в своей книге «Эподов», которую заканчивал в эти самые годы.

16—17. *Да пошлют тебе боги... брадобрея!* — Борода — неперенный признак бродячего философа.

20. *...бронзу лохани...* — Насмешка над погоней за греческим антиквариатом («лохань» упоминается в сохранившихся отрывках «Сизифа» Эсхила).

36. *Мост Фабриция* — каменный мост через Тибр (все предыдущие, кроме одного, были деревянные) среди города.

43. *Хрисипп* — классик стоической философии (III в. до н. э.).

53. *...с хвостом и они!* — От детской шутки: незаметно подвесить прохожему сзади хвост (Порфирион).

60. *Фуфий* — актер; в трагедии Пакувия «Илиона», играя роль спящей Илионы, которой является тень ее сына Денпила, он и вправду заснул на сцене.

71. *Протей* — морской бог, наделенный даром перечисленных превращений.

82—83. *...поможет ли им и вся Антикира!* — В Антикире на греческой горе Эте росло много *чемерицы*, которой лечили душевнобольных.

100. *Аристипп* — ученик Сократа, философ-гедонист IV в. до н. э., учивший, что человек должен владеть наслаждением, а не оно им.

133. *Орест*, мстя за отца, убил мать, и после этого богини родовой мести, фурии, преследовали его безумием.

143. *Вейское вино* — кислое вино худшего сорта из окрестностей Рима.

161. *Кратер* — домашний врач римского богача Помпония Аттика (друга Цицерона).

175. *Нометан* и *Цикута* — см. I, 1, 102 и II, 3, 70 и 224.

182. *Горох, бобы, люпин* — дешевое угощение, которое кандидаты на должность раздавали выборщикам во время зрелищ.

185. *Агриппа* — полководец Октавиана, самый популярный после него человек в Риме.

187. *Атрид* — Агамемнон — принес в жертву свою дочь

Ифигению, чтобы вызвать для греков попутный ветер на Трою. Аякс, когда после смерти Ахилла Атриды присудили Ахиллов доспех не ему, а Улиссу, хотел перерезать своих оскорбителей, но в припадке безумия перерезал лишь стадо скота.

229. *Тускская улица* близ форума — торговый центр Рима.

239. *Эзоп* — знаменитый трагический актер первой половины I в. до н. э.

253. *Полемон*, в молодости пришедший прямо с пира в ученики к философу Ксенократу (нач. III в. до н. э.), сам стал потом знаменитым философом-академиком.

260—271. Пересказ первой сцены из «Евнуха» Теренция.

277. *Вспомни Мария... Геллу...* — История их ближе неизвестна.

287. *Менений* — известный в свое время римский юридивый.

303. *Агава*, обуянная Вакхом, убила своего сына Пенфея.

310. *Турбон* — гладиатор.

С а т и р а ч е т в е р т а я. (О застольной роскоши.) Контраст со 2-й сатирой: предписания эпикурейца *Катия* относительно закуски (ст. 12—34), главных блюд (ст. 35—46), десерта с выпивкой (ст. 51—75) и внешней сервировки (ст. 76—87). Образец — «Гедифагетика» («Искусство вкусно есть») Архестрата, переведенная на латынь еще Эннием. Много дополнительных подробностей сообщает Афиней в «Пире мудрецов» (III в. н. э.).

3. *Анитова жертва* — Сократ, обвинителем которого в суде был кожевник Анит.

12. *Продолговатые яйца* (с яиц начиналось угощение, отсюда пословица — I, 3, 6) у естествоиспытателей считались мужскими, а у поваров — женскими.

20. *Лучший гриб — луговой...* (а не поддеревный). — Грибы стали есть на пирах незадолго до Горация.

24. *Авфидий Луркон* (о его мультсе ср. коммент. к II, 2, 16) также впервые в Риме стал есть павлинов.

30. *Устрицы* — ср. еще у Луцилия. *Лукрин* и все остальные места (кроме Тарента) — в окрестностях Неаполя.

39. *...приподнялся на локоть.* — Гости лежали на трех локтях вокруг стола, опираясь на подушку левым локтем.

41. *Кабан* рекомендуется горный, а не болотный.

51. *...под чистое небо...* — Обычай, известный со времен

Катона (сер. II в. до н. э.). Перечисляемые вина — итальянские; очистка яичным белком в ходу до сих пор.

60—61. ...латук... *плавает сверху*...— Вместо того, чтобы впитываться в желудок.

66. *Византий* (ныне Стамбул) поставлял маринованных тунцов с Черного моря; его северный климат, считалось, портил запах продукта.

73—76. *Белый перец* — одна из южных пород, *черная соль* готовилась из угля; *отстой* при них — сушеный и тертый «гарум», знаменитый соус из загнивающей соленой рыбы.

80. *Масляных пальцев следы*...— Не нужно забывать, что ели руками, без вилок.

94—95. Пародия на знаменитое место у Лукреция (IV, 2).

С а т и р а п я т а я. <О погоне за наследством.> Диалог Улисса-Одиссея с тенью прорицателя *Тиресия* перед возвратом на Итаку (ср. «Одиссея», кн. XI). Образец — уже в «Разговорах мертвых» Мениппа (III в. до н. э.).

1. *Вот что еще*...— Сатира как будто подхватывает гомеровский диалог Одиссея и Тиресия. Упоминание о *пенатах* (ст. 4) сразу вводит римскую реалию.

14. *Лары* — римские боги домашнего очага, получали в жертву початки всякого урожая.

21. Пародия на «Одиссею» (XXI, 18).

39. *Каникулы* (слово значит «Малый Пес», ср. I, 7, 26) — самое знойное время года.

41. *Фурий* — поэт Фурий Бибакул: Гораций пародирует его стихи о переходе Цезаря через Альпы.

54. *В строчке второй*...— Завещание писалось на восковых табличках, связанных в книжечку и опечатанных. В первой строке писалось имя завещателя, во второй — имя наследника, далее — сонаследников.

55. *Пять подначальных* — низшая регистраторская коллегия римской гражданской службы.

57. *Назика* — какой-то опустившийся представитель очень знатного римского рода.

62. *Юный герой* — Октавиан. Судя по описанию, он уже покорил Египет (в 30 г. до н. э.) и (для виду) грозил войной парфянам.

84. *В Фивах* — на родине Тиресия. К дальнейшему ср. Петроний (141).

Сатира шестая. <О сельской жизни.> Косвенная благодарность Меценату за подаренное им поместье в Сабинских горах. Описываются утро (1—23), село; день (23—59), Рим; вечер (60—70), село; итог подводит поучительная притча. Начальные слова ст. 60 — *O rus (quando ego te aspiciam...)* — Пушкин взял эпиграфом ко II главе «Евгения Онегина».

11. *Алкид* — Геркулес, бог — покровитель тружеников.

18. *Либицина* — богиня похорон (после летнего сирокко).

20. *Раннего утра отец* — бог Матутин, в подлиннике названный по имени. Отождествление его с Янусом сомнительно.

33. *Эсквилинская высота* — холм с домом и садом Мецената (1, 8), которого Гораций, в числе других «клиентов», должен был поздравлять по утрам.

34. *Колодец* Либона — место судебных заседаний на форуме.

36. *Скрибы* — писцы казначейства, бывшие сослуживцы Горация.

38. *...печать приложил.* — На печати Мецената была изображена лягушка (ср. сат. II, 3, 312—320; см. также Плиний, XXXVII, 10).

40. *...осьмой уже год...* — Гораций познакомился с Меценатом в конце 38 г. до н. э. (см. I, 6), а настоящая сатира написана в конце 31 г., когда после победы над Антонием Октавиан готовился к войне с его союзниками *даками* (ст. 53) и награждал своих воинов земельными наделами (ст. 55).

64. *Боб, Пифагору родной...* — Пифагор запрещал своим ученикам есть бобы (почему — об этом жарко спорили уже в античности).

69. *Каждый по-своему пьет...* — В противоположность более чинным греческим пирам, где глава пира всем назначал, в какой мере разбавлять вино водой и пр.

73. *Лепос* («Прелесть») — имя танцовщика-пантомима.

Сатира седьмая. <О рабстве людей перед пороками.> Этот стоический парадокс — «все люди рабы, один мудрец свободен» — развивает перед Горацием его раб *Дав*, пользуясь традиционной «декабрьской волей» (ст. 5) праздника Сатурналий (на солнцеворот, 19—26 декабря), когда рабы и господа словно менялись местами; и как в сатире 3 Дамасипп перенял свои мысли у философа Стертиния, так здесь раб *Дав* — у раба-привратника философа Криспина (ст. 45). От-

влекаящая тема зачина, как и в I, 2; 3; II, 2,— неумение людей держаться между крайностями (ст. 6—20).

1. *Слушаю я уж давно.*— По-видимому, Горация, сочиняющего стихи: древние поэты делали это вслух (ср. ст. 117).

10. *...каймою обошьет...*— Смысл: «то займется политикой, то бросит»; широкие красные полосы на тогах носили сенаторы, узкие — всадники.

14. *Вертумн* — бог превращений и времен года.

23. *Нравы и счастье предков хвалил...*— Например, II, 2, 93.

34. *Фонарь*.— Обычно ужины начинались часа за три до заката, но Меценат приглашает уже ночью.

58. *...«на смерть от огня...»* — Формула присяги наемных гладиаторов.

76—77. *...претор ударом... неволи не снимет...*— Удары преторского жезла — один из актов при отпущении раба на волю.

79. *Раб, подвластный рабу...*— Раб, накопивший денег, мог нанимать себе рабов-заместителей, исполнявших его работу.

86. *...кто, как шар...*— Частое стоическое сравнение (напр., М. Аврелий, VIII, 41), восходящее к философам-досократикам, представлявшим шар самой совершенной фигурой.

95. *Павсий* — греческий художник IV в. до н. э., товарищ Апеллеса; собрание картин его находилось в Риме с 55 г. до н. э. Уличные рисунки с изображениями модных гладиаторов, вроде *Рутубы* и других (ст. 98), сохранились в Помпеях. Гладиатор Пакидеян прославлен еще Луцилием, кн. IV.

115. *Они за тобой...*— Ср. знаменитое изображение Черной Заботы в оде III, 1.

118. *...попадешь ты девятым в сабинское поле!* — Удаление городского раба в сабинское поместье (где у Горация было занято восемь рабов) было тяжелым наказанием.

Сатира восьмая. <О застольной безвкусице.> Перекликается с II, 4, замыкающей первую половину книги. Сопеседник Горация — комедиограф Фунданий, упомянутый в I, 10, как и многие другие спутники Мецената. На большом пиру обычно гости располагались вокруг стола по трое на трех ложах (ст. 20—23), причем хозяин лежал на нижнем, а почетный гость (здесь — Меценат) — на среднем.

2. *...с полдня...*— Редкий случай: ср. коммент. к II, 7, 34.

6. *Вепрь* обычно был главным не в первой, а во второй смене блюд; но двумя поколениями позже к закуске уже подавали даже двух-трех вепрей (Плиний, VIII, 210). Южный сирокко портил мясо и потому вообще избегался при охоте.

11. Из кленового дерева столы считались лучшими после кедровых.

13—15. *Гидаспец* — раб из Индии; Гидасп — приток Инда. Как *афинская дева* — с корзинкой на голове. *Цекубское вино* считалось лучшим из итальяйских, но уже вытеснялось альбанским и фалернским.

28. *Был этот вкус не такой...*— Ср. Петроний, 69.

34—35. «...умрем без отмишенья!» — Пародия на «Энеиду» (II, 670 и далее). *Большие бокалы* подавались обычно уже под конец попойки («по-гречески»).

40. *Алифанские кружки* — глиняные, местной работы.

42. *Мурена* — лакомая рыба, вроде исполинского угря.

46. «*Взвар*» — «гарум», см. коммент. к II, 4, 75; сделанный из иберийских (испанских) рыб, он ценился более всего.

50. *Метимна* — город на винограднои Лесбосе.

54. *Балдахин*, по словам Варрона, подвешивался именно для защиты от пыли (Сервий, к «Энеиде», I, 697).

86. *Журавль* в это время тоже считался деликатесом, отеснив лебедя.

91. «...голубей без задков...» — Еще одна нелепость: у диких голубей самыми вкусными считались задки.

М. Гаспаров

ПЕРСИЙ

САТИРЫ

«Писал он редко и медленно. Эту книгу он оставил недоделанной. Некоторые стихи в последней сатире были исключены, чтобы она казалась законченной», — сообщает античный биограф Персия. Книга была издана после смерти Персия в 62 г., готовили издание учитель Персия философ Корнут (адресат 5-й сатиры) и лирик Цезий Басс (адресат 6-й сатиры).

Один из самых трудных по языку и стилю латинских авторов, Персий плохо поддавался пониманию и переводу. Первый русский прозаический перевод Персия с большим, не утратившим интереса комментарием выпустил Н. М. Благовещенский в 1873 г.; первый стихотворный перевод — А. А. Фет в 1889 г. Публикуемый перевод Ф. А. Петровского впервые появился в сборнике «Римская сатира» (М., 1957); подробный комментарий переводчика остался в рукописи и частично использован ниже.

Пролог. Написан редким размером с перебоем в конце строки — холиямбом. В некоторых рукописях стоит не в начале, а в конце сборника — как эпилог.

1—4. *Парнас и Геликон* — горы, посвященные Музам; Иппокрена (букв. «конский родник», выбитый копытом Пегаса) на Геликоне и *Пирена* близ Коринфа — источники, дарившие поэтическое вдохновение.

5. *Плющ* — увенчивающий бюсты поэтов в библиотеках.

С а т и р а п е р в а я. (Против дурных писателей.) Написана в виде диалога с безымянным собеседником, но границы их реплик часто сбивчивы. Ход мысли: поэты пишут не по вдохновению, а из тщеславия (13—30), хотя слава у нынешней публики недорого стоит, особенно для богатых дилетантов (30—62), которые пыжятся создать великое, то подражая старине, то выдумывая неудачные новинки (63—106). Обрамление: «не могу молчать» (1—12) и «беру пример с Луцилия, Горация и аттических комиков» (123—134).

1. Начальный стих — цитата из Луцилия (кн. I).

4. *Полидамант* (мудрый троянский герой) и *троянки*. — Разумеются римские читатели; имя Полидаманта стало нарицательным уже в письмах Цицерона. *Лабейон* (он же — Аттий в ст. 50) — поэт-современник, сделавший почти буквальный, но оттого и неудобочитаемый перевод Гомера, до нас не дошедший.

10. ... *бросив орехи*... — То есть выйдя из детского возраста.

12. ...*хохотун с селезенкою дерзкой!* — Селезенка считалась органом, от которого зависит смех.

24—25. Буквальный перевод: «К чему учиться, если эта закваска и смоковница, раз зародившись, не найдет выхода из разорванной печени?»

32. *Лиловая хлена* — модная греческая накидка, употреб-

ление которой вместо тоги считалось признаком изнеженности и распушенности.

34. *Филлида, Гипсипила* — героини мифов, покинутые своими любовниками (Овидий, «Героиды», 2 и 6).

42—43. ...*достойное кедра*... — Имеется в виду кедровое масло, которым предохраняли свитки ценных бумаг от червоточины, — таких, которым ни макрель, ни ладан не страшны, то есть которые не пойдут на рыночную обертку.

52. ...*на ложах лимонных*... — То есть сделанных из дорогого лимонного дерева, ввозившегося из Африки; ср. Петроний (119, 28).

58. *Янус* — двуликий бог, видевший все и позади и впереди.

64—66. ...*ноготь пройдет*... — образ из практики каменщиков, *красный шнур* — из практики плотников.

72. *Палилии* — апрельский праздник в честь сельской богини Палес, во время которого прыгали через горящее сено.

74. *Квинтий* (Квинций) — Цинциннат, образец староримской простоты и доблести (V в. до н. э.); был призван в полководцы-диктаторы буквально «от сохи», когда пахал свое поле.

77. *Акций и Пакувий* — поэты-трагики II в. до н. э., ко времени Персия уже считались устаревшими.

85—87. *Педий* — может быть, наместник Кирены, осужденный за взяточничество в 60 г., а может быть — условное имя, взятое из Горация (I, 10, 28), как и многие другие у Персия. *Ромул* — то есть потомок Ромула, римлянин.

88—89. ...*потерпевший кораблекрушение?* — Потерпевшие бедствие моряки просили подаяния, неся небольшую картину с изображением постигшего их несчастья; ср. ниже, 6, 27—33.

96. «*Брани и мужа пою*» — начало «Энеиды», противопоставляемое новомодному вычурному стилю. Среди примеров его — описание вакханалий в ст. 99—102.

109—110. ...*собачья* // *Буква*... — «Р», похожее на рычаные собаки.

113. *Парочку змей*... — Знак, отвращающий скверну.

121. *Мидас* — мифический царь, у которого выросли ослиные уши за то, что он предпочел свирель Пана лирной игре Аполлона. Современники видели здесь намек на безвкусице Нерона.

127. *Крепиды* — греческие башмаки, более открытые сверху, чем римские. «Персий, в противоположность Ювеналу, яв-

ляется здесь... приверженцем греческой культуры» (Благовещенский).

129. *Италийский эдил* — должностное лицо маленького городка (например, Арретия в Этрурии, ст. 130).

131—134. *Да и не тот...* — Не тот, кто издевался над арифметикой, геометрией и философией. *Эдикт* — здесь: театральная афиша; *«Каллироя»* — вероятно, чувствительная поэма наподобие *«Филлид»* и *«Гипсипил»*, упомянутых в ст. 34.

С а т и р а в т о р а я. <К Плотию Макрину. О нечестии.> Адресат ближе неизвестен. *Ход мысли:* наследники тайно молят смерти богачам, радуясь, что боги их за это не казнят (5—30), старики молят детям дурного из любви (31—40), иные молят здоровья, а губят его обжорством, молят больших стад, а губят их жертвоприношениями (41—51), как будто боги жадны, как они, и чистая душа им не дороже (61—75).

1. *...камешком лучшим...* — Белым камешком отмечали счастливые дни.

3. *Гению лей ты вино.* — То есть принеси жертву духохранителю.

19. *Стай* — имя условное.

25. *Сера священная* — молния: считалось, что после удара молнии распространяется запах серы (*«Энеида»*, II, 698 и др.).

26. *...веленьем овечьих кишок...* — Гаданиям по внутренностям жертв римляне научились у этрусков, поэтому имя жреца *«Эргенна»* — этруское.

33. *Перст непристойный* — средний палец, которым делались непристойные жесты от дурного глаза и пр.; ср. Ювенал (X, 53).

36. *Лицин и Красс* — ставшие нарицательными имена богачей.

72. *...Мессалы великого племя...* — Имеется в виду знаменитый пороками Луций Аврелий Котта Мессалин (*Тацит*, *«Анналы»*, 67), сын сподвижника Августа — Марка Валерия Мессалы (упоминаемого Горацием, I, 10, 85).

С а т и р а т р е т ь я. <О пользе философии.> Заспавшегося юношу порицает философ (1—18): не надо упускать время учения, иначе сам потом будешь мучиться угрызениями совести (19—43); что простительно детям, непростительно юным (44—59); без философии пороки разрастаются, как болезнь (60—76), и душа идет к гибели (88—118).

4. ...*тень-то у пятого знака!* — То есть через час — полдень.

5. *Пес неистовый.* — См. коммент. к Горацию (I, 7, 26).

10. ...*лощенный двухцветный пергамент...* — Пергамент делали из кожи, очищенной от волос, и одну его сторону покрывали желтой краской; пергамент складывался в тетрадки, а папирус свертывался в свитки (*свиток бумаги*, ст. 11).

20—24. *Ты подтекаешь...* — Сравнение человека с треснувшим горшком — от Лукреция (VI, 20); *колесо* — гончарное.

28. *Тускский* — этрусский; выскочки, не имевшие знатных римских предков, любили возводить свой род к (часто вымышленным) знатым этрусским предкам. Так делал даже Меденат.

29. *Трабея* — парадная одежда римских всадников, вид тоги.

39. ...*стон из меди быка сицилийца...* — Сицилийский тиран Фаларид (VI в. до н. э.), по преданию, сжигал своих врагов в полом медном быке, стоявшем над костром.

40. *Меч.* — Сицилийский тиран Дионисий (IV в. до н. э.), чтобы доказать льстецу Дамоклу, каково счастье тиранов, за роскошным обедом подвесил у него над головой меч на конском волосе; выражение «*дамоклов меч*» стало пословицей.

44. ...*глаза натирал себе маслом...* — Чтобы они казались больными и можно было не сочинять школьных упражнений, вроде речи, которую мог бы сказать перед самоубийством герой-республиканец Катон Утический (I в. до н. э.). Ср. Ювенал (I, 16 и VII, 161—164).

48—49. «*Шестерка*» и «*сучка*» — сочетания выпавших костей в игре.

53. *Портик мудрый* — «расписная стоя» в Афинах, с фреской Полигнота, изображавшей победу над персами при Маратоне; здесь учил Зенон (IV—III вв. до н. э.), основатель школы стоиков.

56. ...*развела самосские веточки буква...* — Раздвоенная буква «V» в учении Пифагора Самосского была символом выбора пути к добродетели (вправо) или к пороку. Ср. ниже, 5, 34.

65. *Кратер.* — См. коммент. к Горацию (II, 3, 161).

68. *Мета* — поворотный столб на колесничных бегах в цирке, огибать который было особенно опасно.

74—75. *Умбрийцы, марсы* — клиенты из разных областей Италии.

77—79. *Центурион* — младший офицер, выслужившийся из солдат, образец народной грубости; о *козлиной породе* — ср. Гораций (I, 2, 27). По невежеству героя поставлены рядом имена полубогородного мудреца Солона (VI в. до н. э.) и не столь уж давнего скептика-академика Аркесилая (III в. до н. э.), а приписывается им положение эпикурейской школы (ст. 83—84).

104. *Ажон* — ароматическое растение, из которого приготавливали дорогой бальзам.

106. ...*вчерашние ... квириты*. — Рабы покойника, получившие свободу и даже гражданство (ср. ниже, 5, 75) по его завещанию. В знак свободы отпущенники надевали особую шапку-коллап.

С а т и р а ч е т в е р т а я. <О самопознании.> Сперва поэт передает разговор Сократа с Алкивиадом (образы из диалогов Платона), который всем хорош, а мыслями убог (1—22), потом от себя сетует, что никто не познает себя, а все осуждают других (23—41) и ищут мнимых похвал (42—52).

1—3. *Наставник* — Сократ, впоследствии казненный ядом (цикутой); *Перикла великого детка* — Алкивиад, воспитанный в доме Перикла, фактического правителя Афин (V в. до н. э.). Условность их разговора подчеркнута римской реалией «квириты» (ст. 8). Алкивиад был родственником Перикла по своей матери *Диномахе* (ст. 20).

21. *Бавкида* — имя из известного мифа о Филемоне и Бавкиде (Овидий, «Метаморфозы», VIII, 640 сл.).

24. ...*в спинную котомку передних!* — Басенный образ: свои пороки человек несет в котомке за спиной и не видит их, чужие — в котомке на груди, и они у него перед глазами.

27. *Гений* — дух-хранитель (ср. коммент. к 2, 3).

28. ...*повесив ярмо на распутье...* — В майский праздник *Компиталий* в честь богов-ларов, чьи часовни стояли на распустьях дорог, там вешали в знак окончания весенних работ ярмо и другие части плуга.

49. Темный стих; перевод дан условный.

С а т и р а п я т а я. <К Корниту. Об истинной свободе.> Луций Анней Корнут, философ-стоик, впоследствии изгнанный Нероном, был наставником и другом Персия (а также поэта Лукана). Ход мысли: похвала Корниту (1—51); все искусства тщетны без философии, искусства жизни (52—72), и гражданская свобода — без духовной свободы (73—90): свободен не

тот, кто может все, что хочет, а тот, кто знает, чего хотеть (91—123); остальные — рабы если не людей, то страстей (124—188).

1. ...голосов себе требовать сотню...— традиционный эпический оборот; Гомер просил о десяти голосах («Илиада», II, 489), Вергилий — о ста («Энеида», VI, 625), Овидий — о тысяче («Фасты», II, 119).

8. ...горшок *Фиеста* или же *Прокны*...— Намек на мифы, в которых отцу предлагалось на съедение мясо его убитых детей.

30—31. Только лишь *пурпур*... *буллой*...— При совершеннолетию юноши меняли тогу, отороченную пурпуром, на чистую белую и посвящали домашним божествам ларам шарик-талисман, который они детьми носили на шее,— «буллу». *Субура* (ст. 33) — квартал веселых домов недалеко от центра Рима.

57. ...поле влечет...— Имется в виду Марсово поле, место военных и гимнастических упражнений.

64. *Зерна Клеанфа* — начатки стоической философии (по имени ученика и преемника Зенона, основателя школы (III в. до н. э.).

74. ...Публием... из трибы *Велинской*...— То есть римским гражданином (римское народное собрание голосовало по 35 трибам — как бы избирательным округам). Римские граждане, особенно беднейшие, получали право на бесплатные выдачи зерна.

76. ...поворот! — При отпущении раба на волю хозяин являлся с ним к претору (ср. ст. 88) и, объявляя раба свободным, поворачивал его, а ликтор претора касался его прутом (ср. ст. 175).

90. *Мазурий Сабин* — крупный правовед первой половины I в., основатель юридической школы «сабинианцев».

100—101. ...на нужной зарубке // Стрелку поставить? — Речь идет о рычажном безмене, на котором взвешивались лекарства.

104. *Меликерт* — младший морской бог, покровитель моряков.

111. ...деньги, забитые в глину...— По объяснению античного комментатора, дети забавлялись, вбивая (или даже припавшая свинцом) монеты меж дорожных камней и глядя, как прохожие тщетно пытались их вытащить.

112. ...слюны *Меркурьевой*...— Меркурий назван здесь как бог наживы.

123. *Бафилл* — актер-пантомим времен Августа.

145. ...урна *цикуты*? — Из *цикуты* готовился не только яд, но и лекарства от печени и душевных болезней. Урна — ок. 13 литров.

147. *Вейское красное*. — См. коммент. к Горацию (II, 3, 43).

161—174. Сцена разговора молодого *Херестрата* с рабом *Давом* о гетере *Хрисиде* взята из комедии Менандра, которую Теренций (изменив имена) переработал в комедию «Евнух».

176—177. ...честолюбью // *В тоге белой*? — Искатели государственных должностей носили тогу, натертую мелом; устраивали раздачи дешевой пищи («горох наваливай»); старались превзойти друг друга в устройстве празднеств (разгульные *Флоралии* справлялись 28 апреля — 3 мая).

180. *Иродов день*. — Об этом еврейском празднике ничего более не известно.

185. ...от *яиц надтреснутых беды*... — Римляне гадали, кладя яйца в огонь и следя, где на них покажется влага; если яйцо трескалось, это было дурным знаком.

С а т и р а ш е с т а я. <К Цезию Бассу. О том, как пользоваться благом.> *Цезия Басса* еще через полвека Квинтилиан считал лучшим римским лирическим поэтом после Горация. Ход мысли: поэт отдыхает зимой в лигурийском городе Луне, и ему хорошо, а другим нехорошо: нужна умеренность (1—24); именно, чтобы помочь другу, не жалко трат (25—33), как бы ни роптал наследник, ждущий наследства (41—74); предаваться корысти вредно (75—80)... Сатира не дописана.

4. *Фида* — общее название струнных инструментов, на которых играли бряцалами — *плектрами* (2).

9. Цитата из Эния и насмешка над описанным им вещим сном, в котором в него переселялась (по Пифагорову учению) душа Гомера.

24. ...дроздов различать... — Античный комментатор говорит, что римские гурманы умели по вкусу различать даже пол дрозда.

29. ...с кормы его боги... — Имеются в виду изображения богов-хранителей на корме судна, терпящего крушение у берегов Бруттия, близ Мессинского пролива.

33. ...изображенный среди волн... — См. коммент. к 1, 88.

36. ...с примесью вишни корица. — Речь идет о подделках благовоний: киннамон — без запаха, к дорогой корице подмешана дешевая вишневая кора.

44—45. *Цезарь* — Калигула (император в 37—41 гг.), *Цезония* — его жена; его триумф над германцами — в 39 г., когда Персию было семь лет; так как германский поход не принес никаких трофеев, то «добыча», проносимая в триумфе, на самом деле скупалась в Риме с торгов.

47. *Рены* — жители берегов Рейна.

55—56. *Бовиллы* — городок на Аппиевой дороге между Римом и Арицией (см. Гораций, I, 5, 1); холм в честь арицийского героя *Вирбия*, отождествленного с греческим Ипполитом, был пристанищем нищих (см. Ювенал, IV, 116 сл.). «Много Маниев в Ариции» — поговорка; ср. Петроний, 45, где *Маний* — нарицательное имя раба.

61. ...вырываешь мой светоч? — В эстафетном беге с факелами.

62. *Меркурий* назван как бог, приносящий богатство (ср. 5, 112).

74. *Попа* — помощник жреца.

76. *Каппадокийцы* — то есть рабы из малоазиатской Каппадокии; ценились за рост и силу. Для продажи рабы выводились на помост.

80. *Сорит* — известный логический софизм (стоик Хрисипп в III в. до н. э. много писал по логике): если добавлять к зернышку по зернышку, то на котором зерне они становятся кучей? По Персию, для скряги этот конец не наступит никогда.

Ф. Петровский, М. Гаспаров

АПОФЕОЗ БОЖЕСТВЕННОГО КЛАВДИЯ

Это небольшое сочинение дошло до нас в собрании сочинений Сенеки; в рукописях оно называется «Обожествление» Аннея Сенеки в виде сатиры» или (явно позднейшее название) «Действо о смерти Клавдия Цезаря». Ни Тацит, ни Светоний о сочинениях Сенеки на смерть Клавдия ничего не сообщают; только Дион Кассий (III в.; LX, 35) пишет, что после обожествления Клавдия Сенека написал некое сочинение, назвав его «Отыквление» («Апоколокинтосис») на манер «Обожествления» («Апофеосис»); тыква в античности считалась символом

глупости. Но в дошедшем до нас тексте никакого «превращения в тыкву» нет. Стало быть, (1) или наш текст — не «Отыквление» и, стало быть, не принадлежит Сенеке; (2) или Сенека написал две сатиры — нашу и упоминаемую Дионом; (3) или наш текст дошел не полностью, и «отыквление» совершалось в утраченном финале; к этому последнему мнению склоняется большинство исследователей.

Клавдий был отравлен в 54 г., обвинения против него — те же, что в нашей сатире, — содержались уже в первой речи Нерона в сенате (Тацит, «Анналы», XIII, 4); тем не менее он был обожествлен, потому что Нерону было выгодно именовать сына Божественного Клавдия». Сочинение пародии на этот апофеоз было делом рискованным, но возможным; безудержная похвала Нерону (нынешнему читателю она могла бы показаться иронией) служила автору как бы страховкой. Политический смысл такой сатиры остается спорным: в ней видели нападки на Агриппину, мать Нерона, отравившую Клавдия; обеление Агриппины, так как в сатире Клавдий умирает просто от обжорства; осмеяние самого обычая обожествления императоров; урок политики на отрицательном примере, написанный Сенекой для Нерона; памфлет, написанный самим Нероном совместно с Сенекой или Петронием; автопародию Сенеки на его похвалы Клавдию в давнем «Утешении к Полибию» и т. п.

Вступление (гл. 1) пародирует исторические сочинения; события на небе (гл. 2—11, с «серьезными» похвалами Нерону и речью Августа в гл. 4 и 10) пародируют протокол заседания сената; в краткой интермедии на земле (гл. 13) есть пародия на трагедии самого Сенеки; наконец, финал в преисподней (гл. 13—15) задевает и процедуру суда, и даже таинства Исиды. В гл. 4 возможна также тонкая пародия на IV эклогу Вергилия.

Первый сравнительно удачный русский перевод сатиры принадлежит И. И. Холоднику (Сенека. Псевдоапофеоз императора Клавдия. — Филологическое обозрение, 1899, т. 16. Приложение); публикуемый перевод Ф. А. Петровского печатается по сборнику «Римская сатира» (М., 1957), где он появился впервые.

1. ...за три дня до октябрьских ид... — 13 октября 54 г. ...в начале благодатнейшего века. — То есть: в начале правления Нерона. Ни обиды, ни лести... (ср. знаменитое тацитовское

начало «без гнева и пристрастия...» — видимо, пародируется некоторый историографический стереотип) — букв.: «ничто не будет продиктовано ни обидой, ни благодарностью»; «обίδα» Сенеки на Клавдия (если автор — Сенека) — за ссылку на Корсику в 41 г. *Друзилла* — сестра и любовница императора Калигулы; после ее смерти Калигула настаивал на обожествлении ее и заплатил огромные деньги сенатору, поклявшемуся, что видел, как Друзилла вознеслась на небо. «*Шагами нетвердыми идя*». — Цитата из «Энеиды» (II, 724; о маленьком Иуле, сыне Энея); Клавдий действительно смолodu хромал. *Аппиева дорога* вела из Рима в Кампанию (и далее, см. Луцилий, III, и Гораций, I, 5); по ней везли в Рим скончавшихся в Кампании *Августа и Тиберия* (хоть последний и не был официально обожествлен). ...на самой середине рынка... — Поговорка: «Средь бела дня, у всех на глазах».

2. *Кинфия* — эпитет Артемиды-Дианы, отождествляемой с Луной (по Кинфу, горе на Делосе, где родились Артемиды и Аполлон).

3. ...*Меркурий, который всегда наслаждался его талантом*... — Ирония: Клавдию ставилась в упрек как раз бессвязность речей (Светоний, 4). Меркурий был покровителем ораторов и в то же время проводником душ в царство мертвых. *Парки* — богини судьбы: Клото, прядущая нить человеческой жизни, Лахеса, ее отмеряющая, и Атропа, ее отсекающая; но часто их роли смешивались. ...*всегда его считали безродным*. — Букв.: «считали, что он вовсе не рождался». *Смерти предай*... — Вергилий, «Георгики» (IV, 90). *А он ведь решил увидеть в тогах всех*... — При Клавдии римское гражданство (и доступ в сенат) получили жители заальпийской Галлии, к большому неудовольствию старых сенаторов; поход Клавдия в Британию — 43 г. *Авгурин* ближе неизвестен, *Баба* упоминается в «Письмах к Луцилию» Сенеки как символ глупой жизни (XV, 9).

4. *Тифон* — возлюбленный богини Зари, для которого она выпросила у богов бессмертие, но забыла выпросить вечную юность, и он иссох в кузнечика; возможно, упомянут с иронией. ...*братнею песней*... — Редкий вариант мифа, по которому Парки тоже считались дочерьми Юпитера (обычно — дочерьми Ночи или — у философов — мировой Необходимости). *Из дома добру*... — Отрывок из недошедшей трагедии Еврипида «Крес-

фонт». ...умер он, слушая комедиантов.— Агриппина скрывала смерть Клавдия и даже приглашала во дворец комедиантов, как бы для развлечения больного (Светоний, 45). В описании смерти Клавдия — злая насмешка над его отравлением.

5. ...что свершилось на небесах.— Гл. 5—11 имеют много сходного с «Собранием богов» Лукиана. Ты из людей-то каких?..— «Одиссея» (I, 170 и др.). ...местечко для его «Историй».— Клавдий был автором истории этрусков, истории Карфагена и других сочинений, к сожалению утраченных; в императоре такие серьезные научные склонности казались странными и смешными. «От Илиона...» и «Город я этот...» — «Одиссея» (IX, 39—40; «от Илиона» плыл в Италию и Эней, родоначальник первых римских императоров).

6. Лихорадка.— Храм, посвященный ей, стоял в Риме на Палатине (Плиний, II, 7). ...сколько лет мы с ним прожили вместе...— Клавдий действительно всю жизнь был слаб здоровьем. Лугдун, место рождения Клавдия,— ныне Лион. Марк — лицо неизвестное; текст испорчен, может быть, имеется в виду Мунаций Планк, основавший здесь в 43 г. до н. э. римскую колонию. ...взял Рим.— Воспоминание о нашествии галлов в 390 г. до н. э. Лицин — галл, вольноотпущенник Цезаря, при Августе был наместником Галлии (ср. коммент. к Персию, 2, 36). ...от Ксанфа до Родана...— То есть от реки, на которой стояла Троя, родина Энея, до Роны, на которой стоит Лугдун, родина Клавдия. Отпущенники.— Клавдия попрекали, что он находится под влиянием своих советников — вольноотпущенников Нарцисса, Палланта и др. (Светоний, 28—39, 40).

7. ...где мыши железо грызут.— Поговорка; означает «в мышеловке». Скорей поведай...— В этих ямбах видят пародию на трагедию Сенеки «Геркулес безумствующий». Царя тройного...— Имеется в виду один из подвигов Геракла: победа над трехтелым великаном Герионом на западном краю мира, в Гесперии, чье стадо он пригнал через Галлию (Араp — река Сона, впадающая в Родан-Рону у самого Лугдуна) в Аргос («град Инаха», мифического первого царя Аргоса, отца Ио). ...петушишь, петух...— игра слов: gallus значит и «петух» и «галл», каковым был Клавдий по месту рождения. ...судил... в июле и в августе.— О пристрастии Клавдия к судопроизводству пишет и Светоний (14—15); летом суды распускались на каникулы, но Клавдий заседал и в неурочное время.

8. ...что ты вломился в курию...— Реплика неизвестного персонажа из предшествующей лакуны, обращенная к Геркулесу: в курию (здание сената) вход воинам был запрещен (Светоний, 12). *Эпикурейский бог...*— Знаменитый тезис Эпикура, известный по Диогену Лаэртскому (X, 139). *Стоический?*— Стоики считали мир круглым и божественным (Диоген Лаэртский, VII, 137). ...*по словам Варрона...*— Ср. Августин, «О граде Божием», VII, 6. ...*у Сатурна, праздник которого...*— См. коммент. к Горацию (II, 7). ...*Силана он казнил...*— Луций Силан был лишь женихом Октавии, дочери Клавдия. Агриппина, желавшая выдать Октавию за своего сына Нерона, обвинила Силана в связи с сестрой его, и Силан был принужден покончить с собой в день свадьбы Клавдия с Агриппиной, 1 января 49 г. н. э. (Светоний, 29). ...*в Афинах ...в Александрии...*— В Греции разрешался брак со сводными сестрами; в эллинистическом Египте греческие цари, по обычаю древних фараонов, женились на родных сестрах, в подражание богам (брак Зевса с Герой и т. п.). *Мыши муку лижут*— поговорка неясного значения. *Не знает, что делать у себя в спальне...*— Намек на распутство одной из жен Клавдия, Мессалины; «неведение» Клавдия простиралось до того, что он будто бы допустил ее при свидетелях от живого мужа вступить в брак со своим любовником (Светоний, 26). ...«*по небу...*» — Цитата из «Ифигении» Эвния: «Что у ног, того не видит, а по небу шарит он...» (Цицерон, «О гадании», 13, 30). ...*мало ему храма в Британии...*— О том, что в британском Камулодуне был воздвигнут храм в честь Клавдия, свидетельствует Тацит, «Анналы» (XIV, 31).

9. ...*послеобеденным консулом на июльские календы.*— То есть «сменным консулом» второго полугодия (менее почетная должность, чем у консулов, начинавших год), да еще не приступившим к исполнению обязанностей (буквальный смысл латинского эпитета); о том, что летом жизнь в Риме замирала, см. выше, коммент. к гл. 7, а после полудня деловой день прекращался вообще. Порядок заседания здесь пародийно сохранен: «назначенный консул» подавал мнение первым. «*Вперед и назад прозорливо*» — «Илиада» (III, 109; о мудром старце Приаме), здесь: о двух ликах Януса. *Как живший на форуме...*— На форуме стоял знаменитый храм Януса, двери которого были открыты во время войны и заперты во время мира.

«Вскормлен плодами земными» и т. д. — «Илиада» (VI, 142) и «Одиссея» (VII, 332; ср. Гесиод, «Труды и дни», 237). Ларвы — злые духи, привидения. *Диэспитер* — италийское божество, отождествлявшееся с Юпитером; *Вика Пота* — древнеримская богиня победы и мощи; соединение этих двух архаических имен — плод фантазии нашего автора. ...*кровным родственником Божественному Августу*... — Антония, мать Клавдия, была племянницей Августа, а Друз Старший, отец Клавдия, был сыном жены Августа Ливии («божественной Августы», как приказал ее именовать сам Клавдий) от первого ее брака. ...*обжираться пареной репой*... — полустигийские неизвестного автора; «Ромул на небе их ест» говорится о репах и у Марциала (XIII, 16). ...*дополнительно внести в Овидиевы «Превращения»*. — После заключительных описаний апофеозов Ромула (XIV, 815 сл.), Цезаря (XV, 745 сл.) и, в будущем, Августа (XV, 870 сл.).

10. *Мессала Корвин* (см. коммент. к Персию, 2, 72), друг Августа, был им назначен префектом города Рима, но через неделю отказался от этой должности. ...*пусть сестра моя*... — Текст испорчен, перевод приблизительный. ...*убил двух Юлий, моих правнучек*... — Обе они приходились Клавдию родными племянницами и были умерщвлены по наветам Мессалины, видевшей в них соперниц. *Силан* (см. коммент. к гл. 8) был правнуком Августа по матери, приходившейся внучкой Юлии, дочери Августа.

11. *Ринул, за ногу схватив*... — «Илиада» (I, 591—594; о ссоре Зевса с Герой — там же, XV, 17—24). ...*двоюродный дед*... — Мессалина была правнучкой Октавии, сестры Августа; Клавдий — внуком Ливии, жены Августа. «*Не знаю*». — Равнодушные Клавдия к смерти Мессалины отмечают Тацит («Анналы», XI, 38) и Светоний (39). ...*тот тестя убил, а этот и зятя*. — Калигула заставил покончить с собой своего тестя Марка Юния Силана (Светоний, 23), а Клавдий — своего тестя Аппия Силана, отчима Мессалины, и своего зятя Гнея Помпея, мужа своей дочери Антонии (Светоний, 27, 29). *Калигула запретила*... — См. Светоний (35). ...*Красса, Магна, Скрибонию*... — Магн — вышеназванный Гней Помпей, зять Клавдия; Красс Фруги и Скрибония — отец и мать этого Помпея; два следующие имени неизвестны, текст испорчен. ...*такой был дурак*... — пословица, ср. гл. 1. *Три слова подряд* — формула опознания

беглых рабов: «утверждаю, он — мой». ...стал читать по табличке... — О том, что Август первым ввел это в обычай, пишет Светоний (84). *Киллений* — Меркурий, родившийся на горе Киллене в Аркадии. «В край, откуда...» — Катулл, III, 12 (на смерть воробушка Лесбии).

12. *Священная дорога* — см. коммент. к Горацию (I, 9, 1). *Агафон* — лицо неизвестное. ...погребальную песнь... — В тексте ее видят сходство с жалобами Октавии в начале одноименной трагедии, приписывавшейся Сенеке, но написанной уже после его смерти. *Мятежных парфян*... — Конфликт Рима с Парфией из-за Армении в 53—54 гг. описан Тацитом («Анналы», XII, 44—51), британский поход — Светонием (17); *бриганты* — британское племя. *Кому подчинен // Был стоградный Крит*. — Имеется в виду Минос, мифический создатель первых законов на земле и потом судия в преисподней (ср. о Клавдии выше, коммент. к гл. 7). ...рождом // Израгльным гремя... — Клавдий любил игру в кости и даже написал о ней книгу (Светоний, 33); ср. ниже, гл. 15.

13. *Талфибий богов* — Меркурий (Талфибий — вестник Агамемнона в «Илиаде»). ...между Тибром и Крытою улицей... — Там находился сток нечистот. *Нарцисс*... чистый, прямо из бани... — этот секретарь Клавдия (см. коммент. к гл. 6) по коварному совету Агриппины поехал на воды лечить подагру и там был убит (Тацит, «Анналы», XII, 66). *Дит* — Плутон, бог царства мертвых, и в переносном смысле — само это царство. ...по словам Горация... — Оды, II, 13, 34. «*Найден, найден, радость наша!*» — ритуальный возглас участников таинств Исиды и Осириса, изображавших поиски разбросанных частей тела Осириса его супругой-сестрой Исидой; ср. Ювенал (VIII, 29). *Тут и Гай Силий*... — Перечисляются любовники Мессалины, убитые по приказу Клавдия; к ним же относится и ниже упоминаемый Полибий, секретарь-вольноотпущенник Клавдия. Из остальных лиц наиболее известны префекты преторианцев (императорской охраны) *Катоний* и *Руфрий*, а также уже упоминавшиеся *дочь брата* — Юлия, *зятья* — Луций Силан и Помпей Магн, *тести* — Аппий Силан и Красс Фруги, *тещи* — Домития Лепида и Скрибония (см. коммент. к гл. 10—11).

14. *Эак* — судья в царстве мертвых (наряду с Миносом, гл. 12); *закон Корнелия* — о наказаниях для убийц. «*Сколько песку...*» — «Илиада», (IX, 385); выражение для великого

множества. *Публий Петроний* — сменный консул 19 г. н. э.; не путать с автором «Сатирикона»! ...*Эак* ... *выслушав только одну сторону*... — по примеру самого Клавдия, ср. песню в гл. 12. *Приговор* его — очевидно, поговорочное выражение; текст здесь сильно испорчен. *Сизиф*, обманувший самое смерть, *Тантал*, пытавшийся похитить у богов бессмертие, *Иксион*, покушавшийся на честь Геры и казнимый на вечно вертящемся колесе, — классические примеры величайших грешников; «сизифов труд» и «танталовы муки» стали поговорками.

15. *Калигула*. — Клавдий был посмешищем при его дворе (Светоний, 7—9). *Менандр* (вряд ли греческий комедиограф) ближе неизвестен.

И. Ковалева

ПЕТРОНИЙ

САТИРИКОН

Латинский «Сатирикон» состоял, как теперь считают, из 20-ти книг. Гл. 1—26 сохранившегося текста представляют собой, по всей видимости, выписки из XIV кн.; гл. 27—68 («Пир Трималхиона») воспроизводят целиком кн. XV—XVI; наконец, гл. 69—141 в отрывках отражают кн. XVII—XX. Иначе говоря, мы, кажется, имеем более или менее отчетливое представление приблизительно об одной — заключительной — трети романа. «Пир Трималхиона» был известен итальянским гуманистам, потом утерян и найден лишь в 1650 г., так что его издания были напечатаны позже прочих сохранившихся отрывков романа.

Русские переводы Петрония появлялись также вразбивку и не сразу. В XVIII в. М. Н. Муравьев перевел александрийским стихом «Гражданскую брань» (гл. 119—124). Переводы «Пира Трималхиона» появились позже: в 1880 г. опубликована неудовлетворительная попытка Э. Ронталера, а в 1900-м — великолепная по знанию текста и передаче простонародной речи вольноотпущенников стилизация И. И. Холодная (1857—1913). Наряду с этим появились опыты полного

перевода всего «Сатирикона» — В. В. Чуйко (1882) и Н. Полякова (1913), оба крайне неудачные. Наиболее известный советскому читателю перевод был сделан для издательства «Всемирная литература» В. А. Амфитеатовым-Кадашевым, сыном известного писателя и публициста А. В. Амфитеатрова, который сам был автором популярного романа из эпохи Нерона «Зверь из бездны».

А. В. Амфитеатров опытной рукой выправил первые страницы работы своего сына, но в 1920 г. он эмигрировал, и редактирование «Сатирикона» было передано Б. И. Ярхо (1889—1942). Ему пришлось решительно переработать переведенную В. А. Амфитеатовым прозу, выполнить перевод всех стихотворных вставок и составить примечания и статью, не потерявшие ценности до сих пор (установлено М. Л. Гаспаровым по материалам ЦГАЛИ). В этом виде «перевод *** под ред. Б. И. Ярхо» вышел во «Всемирной литературе» в 1924 г.

Неоднородность получившегося текста побудила нас к новому переводу. Метрические части «Сатирикона» представлялось возможным и уместным оставить в переводе Б. И. Ярхо, лишь с незначительными изменениями. Что касается «Пира Трималхиона», то здесь представлялось целесообразным вернуться к переводческим достижениям И. Холодняка — конечно, без его русификаторских крайностей. Необходимо было также изжить последствия допущенной им стилистической ошибки — отсутствия резкой грани между языком вольноотпущенников и рассказчика. Главную заботу перевода составляла попытка воссоздать богатую и тонко дифференцированную речь повествователя и других персонажей романа.

Перевод выполнен по изданию: Petronius. Satyricon. Schelmenszenen. Lateinisch-Deutsch von Müller und W. Ehlers. München, 1983; отступления от издательских конъектур делались только в пользу рукописного текста. Отточия воспроизводят пропуски — очевидные или предполагаемые — в рукописях оригинала, а не какие-либо цензурные изъятия; никаких добавлений к тексту, кроме нескольких слов в двух-трех слегка испорченных местах, мы, вслед за К. Мюллером, не делаем.

Относительно названия романа стоит иметь в виду, что для Петрония в нем звучал, с одной стороны, намек на веселых греческих сатиров, с другой — указание на римскую сатиру (сатуру) — пеструю смесь насмешливого содержания.

И все же традиционное название «Сатирикон» — буквально «Сатирических» (повестей столько-то книг) — вряд ли целесообразно менять, например, на более точное «Сатириастика».

Композиция сохранившейся части романа, испещренной лакунами, выглядит как ряд эпизодов, в каждом из которых герой романа сталкивается с новым второстепенным персонажем. Б. И. Ярхо удачно группирует их так: А. В *греческом городе* (Путеолах?): 1) Аскилт (1—15), 2) Квартилла (16—25), 3) Пир Трималхиона (26—68), 4) Евмолп (69—88), 5) Евмолп, Аскилт и Гитон (90—99); Б. *На море*: 6) Лих и Трифена (100—110), 7) Крушение (113—115); В. В *Крононе*: 8) Богатый старик (116—125), 9) Кирка (125—139), 10) Филомела и ее дети (140—141). В эту сюжетную последовательность вклиниваются не связанные с сюжетом вставки: сказки на пиру (61—63), новелла об уступчивом мальчике (85—87), поэма о гибели Трон (89), новелла об эфесской матроне (111—112), поэма о гражданской войне (118—123).

1. *Напыщенность темы...*— Здесь и ниже Энколпий приводит примеры дежурных тем, какие использовались для риторического обучения. Примеры таких упражнений имеются во множестве в «Контroversиях» Сенеки Ритора и в «Декламациях» псевдо-Квинтилиана.

2. *Девять лириков.*— В канон лириков обычно входили: Алкей, Сапфо, Анакреонт, Ивик, Архилох, Алкман, Вакхилид, Симонид и Пиндар. ...*завезена в Афины из Азии...*— Имеется в виду так называемое пышное «азиатское» красноречие, противопоставляемое более строгому аттическому красноречию. ...*кто Гиперидовой достиг славы?* — Гиперид — аттический оратор, современник Демосфена, то сближавшийся, то расходившийся с последним. Ср. отзыв о нем в трактате псевдо-Лонгина «О возвышенном» (34). ...*александрийская дерзость...*— В оригинале «египетская». Не совсем ясное место; очевидно лишь, что, как и в случае с риторикой, не одобряются некоторые эстетические течения эпохи эллинизма. Ср. Плиний, «Естественная история» (XXXV, 110).

3. *Не потерпел Агамемнон...*— Имена персонажей «Сатирикона» обычно говорящие. У Агамемнона, ритора с архаизирующей установкой, учебной частью заведует Менелай. Имя рассказчика Энколпий («возлежащий на груди») указывает на

влюбчивость героя, имя Гитон — «сосед» — на готовность ко всякой близости. Аскил — «неутомимый», что свойственно ему вообще, но выявлено со всей определенностью в гл. 92; поэт Евмолп — «Краснопевец»; Трифена любит «роскошествовать» и т. д. В имени Трималхиона, или «трижды царственного», используется сирийская основа, ставшая уже известной римлянам; об имени Габинны много спорят; в имени Фортунаты отражено не только ее богатство, но чуть ли не вся ее судьба и проч. Ср. коммент. к гл. 127, 131, 134. ...по слову Цицерона... — Цицерон, «За Целия» (41). ...пока не расставят ловушек... — Петроний уже здесь готовит шутку, в духе которой выскажет и Аскил в гл. 10 и которую отлично обыграет Энкалпий в гл. 52. Ср. Марциал (II, 27).

4. ...к Луцилиевой неприязнительности... — Стих отца римской сатиры Луцилия (II в. до н. э.) Гораций признавал небрежным («Сатиры», I, 4, 9), однако его высоко ценили Персий, потом Ювенал.

5. ...плод видеть... — Стихотворение из восьми стихов написано холиямбом («хромым ямбом») — ср. коммент. к Персию, «Пролог». ...град Тритонии оруженосной... — Тритония — одно из прозваний Афины-Паллады. Ее городом прежде всего были Афины, но весьма вероятно, что здесь имеются в виду Фурии — известная колония Афин в Южной Италии на месте разрушенного Сибариса. Тогда все три города, обозначенные в этих гекзаметрах, относятся к Великой Греции. *Поселение лакедемонян* — Тарент, колония спартанцев. ...или постройка Сирен... — По преданию, Неаполь, или Парфенопоя, был основан сиреной Парфенопой. ...от струи Мэонийской. — «Мэонидом» называли Гомера, на стихах которого воспитывались школьники. ...изливать пиэрийскую душу. — Пиэрия, местность в Македонии у подножия Олимпа — одна из обителей Муз.

6. ...с его свазорией. — Так называлась речь, содержащая побуждение к действию, от имени исторического или вымышленного лица.

7. ...покрыв голову, бегу... — Этот жест уподобляет Энкалпия целомудренному сыну Тезея Ипполиту, которого погубили любовные домогательства Федры.

8. ...асс за комнату... — Асс — медная монета; 4 асса были равноценны сестерцию, основной единице в денежных расчетах, 16 ассов равны (серебряному) денарию. ...сатириона

опились...— Так назывался возбуждающий напиток, настоящий на чебреце; сатирион упомянут у Овидия («Искусство любви», II, 455). ...потеснили докучливого.— Трудно сказать, о ком идет речь. Исходя из предпосылки, что рукописи не нарушают порядка эпизодов, естественно думать, что речь идет о покровителе Аскилта; настойчивый ухаживатель из гл. 8 Аскилтом, кажется, не вымышлен (ср. гл. 92).

9. ...твой Тарквиний.— Секст Тарквиний, сын последнего римского царя, учинил насилие над Лукрецией, женой Луция Коллатина; за этим последовало самоубийство образцовой римлянки и изгнание царей из Рима (Ливий, I, 58 сл.). ...отпустила арена! — Гладиаторское выступление Энколпия, по-видимому, не фикция, обязанная запальчивости Аскилта, а эпизод в несохранившихся частях «Сатирикона». Ср. намеки в гл. 130 и 132.

10. ...сентенции слушать...— Аскилт кое-что слышал о риторическом образовании: сентенциями назывались острые формулировки, служившие украшению риторских сочинений.

12. ...паллий, грабительски похищенный...— История похищения этой накидки так же непонятна нам из сохранившегося текста романа, как история потери туники, о которой речь идет ниже. Туника, служившая древним рубашкой, обычно дешевле плаща-паллия.

13. ...для безотлагательного решения.— Такие дела находились обычно в ведении судьи-претора, который, иногда лишь предварительно, зато скоро, решал споры главным образом имущественного характера.

14. ...котомку киников носят...— Котомка (сумка) — символ кинической проповеди ограничения потребностей; такая сума всегда была предметом восхищения или же насмешек. Всадник присяжный в суде...— В императорском Риме зажиточное всадническое сословие преобладало в судах, постепенно стремясь расширить свою роль в управлении государством. ...кроме единственного дупондия...— Монета ценностью в два асса; образно — «дешевка».

15. Уже предлагалось подвергнуть вещи секвестру...— Так называлась сдача вещи на хранение третьему лицу в случае возникновения владельческого спора.

16. ...над чьей святыней вы надругались у грота.— По-видимому, речь идет о некоем поступке Энколпия и его спутника, расцененном как святотатство против культа Приапа,

бога плодородия в животном и растительном царстве. Проступок героя, как считают, был завязкой романа, вызвав гнев Приапа, прекращаемый только к концу романа (ср. гл. 140).

17. *...ищу совета во сне...*— В античности практиковался сон в храме или другом священном месте (инкубация) ради получения пророческих сновидений, советов, как исцелиться и т. п. Не обязательно, впрочем, Квартилла прибегала к форменной инкубации. Ср. пророческие сновидения Лиха и Трифены в гл. 104.

21. *...явился кинед.*— Слово «кинед» заимствовано в латинском из греческого. Функции кинеда-содомиита достаточно определено представлены у Петрония. *...несколько слуг палестры...*— Названные люди (буквально «палестриты»), по-видимому, делали массаж тем, кто занимался упражнениями в палестрах — спортивных площадках для физического воспитания молодежи.

22. *...разбуженный триклинарх...*— Триклин(и)арх, по-гречески «архитриклин» — лицо, ведавшее распорядком пира в триклиннии (праздничной столовой комнате).

23. *Эй! Эй! Соберем мальчиголобцев ищозренных!* — Песенка кинеда выдержана в одной из разновидностей сотадея: $\cup \cup \cup \cup \cup / \cup \cup \cup / \cup \cup \cup \cup$, размера, частого в стихах нескромного содержания. Назван по имени эллинистического поэта Сотада из Маронеи, жившего в Египте при Птолемеи II. *...охолостил делийский мастер.*— На Делосе шла особенно бойкая торговля рабами, в частности осклопленными. Другие комментаторы считают, что дело здесь в искусстве выращивать каплунов, процветавшем на Делосе.

24. *...ночным сосудом называют кинеда...*— Не совсем ясная игра слов: в оригинале использовано не встречающееся более ни в греческом языке, откуда оно взято, ни в римской литературе выражение *embasioetas*, букв. «поднимающийся на ложе».

25. *...больше семи лет.*— Нормальным временем для замужества считался возраст 14—15 лет. (Ср. Эпиктет, «Энхиридион», 40.) А цифра 7, представляя собой очевидную гиперболу, встречается в сходном контексте и у других авторов (Аристофан, «Женщины на празднике Фесмофорий», ст. 480).

...Юнона моя...— Юнона — покровительница брака и матерон, а расширительно — женщин вообще. Ее божественное по-

кровительство здесь мыслится как нечто похожее на духа (гения, демона), который охраняет каждого человека.

26. *...ишествовал впереди с факелом ночной сосуд...* — Комизм этой детали обогатится, если учтем, что обычно в греческих свадебных процессиях на пути невесты к жениху с факелом впереди шла будущая теща. *...нескромным покрывалом...* — По римскому обычаю, невеста, войдя в дом жениха, должна была сесть на ложе с покрывалом, где изображен был фаллический символ. *...что у него в триклинии часы...* — В древности, кроме часов солнечных и песочных, известны были и водяные часы, которые были весьма дороги. Их изобретение приписывалось александрийскому инженеру III в. до н. э. Ктесибью. *...велим идти мыться...* — В этом месте текст и толкование очень ненадежны.

27. *...когда подбежал Менелай...* — Этот подчиненный Агамемнона, как выясняется ниже (гл. 81), является помощником Агамемнона по школе. Трудно решить, тождествен ли Менелай раб, появившийся от Агамемнона в гл. 26: его речи и функция говорят скорее за это, но рабский статус — как будто против этого.

28. *...на глазах у него трое иатралиптов пили фалернское.* — Иатралипты (греч. «врачи-умащатели») были, по-видимому, специалистами более высокого класса, чем названные в гл. 21 «палестриты»; возможно, они занимались не только массажем, но и лечебной гимнастикой, издавна известной в Греции. *...приговаривал, что это по нем.* — Поскольку богам или героизированным умершим льют вино во время пира, Трималхион, одолеваемый мыслями о смерти, считал проливаемое на пол вино знаком приближения своей кончины. *...подслепый, еще некрасивее господина!* — Этого мальчика, как узнаем ниже, богач хозяин называет Крезом (гл. 64). Впрочем, он не единственный его любимец, судя по сцене, разыгрывающейся в гл. 74, а также замечаниям персонажей в гл. 43 и 68.

29. *...стояли серебряные лары...* — Лары, божества, покровительствовавшие семье и дому, изображались обычно в виде двух юношей с развевающимися волосами,двигающихся танцующим шагом и разливающих вино. Вместе с неопределенно многочисленными Пенатами, также защитниками дома, и Гением дома им отправлялся культ у домашнего очага. *...«сам» хранил первое свое бритье.* — Обычай, принятый у свободных

римлян. Трималхион, возможно, получил эту привилегию как любимец хозяина (ср. гл. 75). ...у старшего по атриуму... — Атрий — центральная парадная часть римского дома, где находится денежный сундук (арса) и шкаф, куда ставились изображения ларов. ...Лэнатов гладиаторский бой. — По-видимому, бой назван здесь по имени устроителя, а сражался в нем фаворит Трималхиона Петрант (ср. гл. 52 и 71). В ответе дворецкого забавно соединились претенциозно грецизированное обозначение гомеровских поэм и простодушное увлечение массовыми зрелищами (ср. речь Трималхиона в гл. 52).

30. ...пучки ликторских прутьев с секирами... — Неся прутья, перевязанные ремнем красного цвета, из середины которых выступала секира, ликторы сопровождали римских магистратов во время исполнения последними их обязанностей. Августалу Трималхиону секиры не полагалась, но это его не останавливает. ...«Гая Помпею Трималхиону...» — Громким именем Помпей обладал бывший хозяин Трималхиона. Личным именем (граепотен) вольноотпущенники очень дорожили — поэтому слуги называют хозяина только «Гай» (гл. 50, 53, 74; ср. также обращение друзей в гл. 67).

Сефир августалов. — Трималхион, как многие другие разбогатевшие вольноотпущенники, добился избрания в коллегию из шести человек (севират), отправлявших культ обожествленного Августа (потом Клавдия). Должность была почетной (ср. 29, 71, 78) и обязывала к большим затратам. ...изображения семи планет... — Кроме Солнца и Луны в это число традиционно входили: Сатурн, Юпитер, Марс, Венера и Меркурий. ...десять штук! — Перевод отступает от привычного толкования «десять сестерциев», так как указание на тысячи и сотни тысяч при счете на сестерции часто отсутствовало (ср. разг. «полтинник» в смысле «пятьдесят рублей»). Как раз 10 тысяч сестерциев — цена тирийской (в самом Тире сделанной) накидки у Марциала (IV, 61; VIII, 10); если мы не примем именно эту, огромную, цену, пропадает комизм сцены, в которой не только дворецкий важничает, но и раб показывает, что в этом доме деньгам — особый счет.

31. ...хозяйского вина слуга распорядитель! — В подлиннике это также звучит как стих, вряд ли случайный: похоже, что это поэтическая цитата. Ф. Ф. Зелинский сопоставлял эти слова с стихом Аристофана («Всадники», 1205).

Александрийские мальчишки — рабы из Египта, высоко ценимые за разнообразную одаренность: упоминаются и в гл. 35 и 68. *...оставлено было первое место.* — Ложа располагались с трех сторон вокруг стола; на каждом ложе были места для троих. Место почетного гостя называлось консульским: в гл. 65 оно названо преторским, но достается похоронных дел мастеру. Рядом с местом хозяина располагалось место вольноотпущенника. В «Пире» с самого начала ужинает не менее 13-ти человек; о том, как они располагались в представлении автора, мнения филологов расходятся. Не следует при этом забывать, что упомянуто также множество отдельных столиков (гл. 34, 41).

32. *...салфетка с широкой каймой и бахромой...* — Повидному, Трималхион хочет намекнуть этим, что как сефир он имеет право носить тогу с пурпурной каймой, какую носили свободнорожденные мальчики; у всадников кайма была поуже, а у сенаторов — пошире. Ср. гл. 71 и 78. *...толстое позолоченное кольцо... кольцо поменьше...* — Какое-то из этих двух колец Трималхион в гл. 74 переменяет с левой на правую руку. Кольца Трималхиона сделаны так, чтобы бросалось в глаза золото, но, в случае необходимости, можно было сказать, что они не золотые, так как носить золотое кольцо — знак всаднического сословия — он имеет право разве что при отправлении обязанностей сефира. Не менее чувствительна реакция вольноотпущенника Гермерота на золотые кольца Аскилата (гл. 57) и Гитона (гл. 58).

33. *Ради этого эпизодия...* — Выражение рассказчика (в оригинале: *scaena*) рассчитано на то, чтобы выявить срежиссированность почти всего, что происходит на ужине Трималхиона.

34. *...себе подать того же, что ели мы...* — Не всегда хозяин поступал таким образом, на что намекало, может быть, и обещание благодарного раба в гл. 31. Ср. Марциал (I, 20; III, 60), Ювенал (V, 146). *...выпить медовухи...* — Вино с медом было весьма любимо в древности, и пить его считалось залогом здоровья, особенно перед обедом, во время закуски. Соотношение смешиваемых частей бывало различным, например, две доли вина на одну долю меда. Ср. гл. 41 и 42. *...от рабов... не так душно будет...* — Трималхион — и это тонкая черта социальной психологии — легко переходит от одной крайности к другой: стоит сравнить это высказывание и при-

глашение рабов возлечь вместе с гостями в гл. 70. *Стеклянные амфоры*.— Хотя производство стеклянных изделий значительно выросло во времена Августа, амфоры из стекла были, конечно, редкостью. *Фалернское, опимиевского разлива, столетнее*.— Фалернское вино считалось лучшим из итальянских. Луций Опимий — известный противник Гая Гракха, консул 121 года до н. э., запомнившегося хорошим вином. «Столетнее» не стоит понимать буквально, да Трималхион и не знает точных дат. ...*Трималхион присовокупил*...— Эти стихи хозяина не отвечают высоким литературным образцам (два гекзаметра, за которыми следует один пентаметр), но они правильны. Ср. гл. 55. ...*когда нас Оркус настигнет*...— Орк(ус) — владыка подземного царства, именем которого иногда называется у римлян загробный мир вообще.

35. ...*над Раком венок*...— Объяснение этому читатель найдет в гл. 39, остальные детали понятны как волные ассоциации, понятные непосредственно из обыденного опыта или простосердечного оккультизма. ...*из мима «Ласерпициана»*.— Мим — жанр, процветавший в Риме, в особенности в I в. до н. э., когда Лаберий и Публилий Сир сделали его стихотворным; в императорское время мим и пантомима потеснили прочие драматические жанры (влияние мима на «Сатирикон» Петрония — одна из проблем, с которой имеют дело исследователи романа). Ласерпиций, или асафетида — добывавшееся в Северной Африке и на востоке смолистое растение, служившее в качестве приправы и лекарственного средства. ...*быть при праве*.— Трималхион начинает играть словами; *ius*, означавшее «право» и «сок», обыгрывалось римлянами уже давно.

36. ...*четыре Марсия с бурдючками*...— Марсий — сатир из Фригии, наказанный Аполлоном после состязания обоих в игре на флейте; ср. Гораций (I, 6, 120). По-видимому, уже здесь появляются признаки Трималхионова пристрастия к гуманитарному знанию. *Водяной оргán*.— Изобретен в III в. до н. э. механиком Ктесибием, после греческих инженеров описан Витрувием (X, 3).

37. *Не при гении твоём будь сказано*...— По представлениям римлян, у каждого мужчины есть свой гений (демон), как у всякой женщины — своя Юнона (гл. 25); с ними связываются жизненные силы человека. Гению отца семейства отпращивался культ у домашнего очага.

38. ...свои восемьсот имеет.— То есть 800 тысяч сестерциев — сумма, вдвое превосходящая всаднический ценз. Сенаторский ценз — один миллион сестерциев. ...будто он шапку *Инкуба похитил*...— Инкуб (Инкубон) — демон, насылающий ночью кошмары; с некоторых пор его стали ассоциировать с лесным обитателем Фавном. Значение имени Инкубон («лежащий») могло ассоциироваться с духом, охраняющим лесные клады. ...верхний этаж сдают с июльских календ...— 1 июля было обычным временем для сдачи и найма жилой площади.

39. Таким ли вы знали Улисса? — Крылатое слово из «Энеиды» Вергилия (II, 44). ...трактирщишки да тыквы...— Более чем обычный намек на то, что виноторговцы разбавляют вино водой.

40. ...Гиппарха и Арата сопоставить с хозяином...— Арат из Сол (III в. до н. э.) — греческий поэт, автор высоко ценимой римлянами астрономической поэмы «Явления»; Гиппарх из Никеи (II в. до н. э.) — один из величайших астрономов древности. ...свора лаконских псов.— Лакония славилась в особенности борзыми.

41. ...вернулся на пир вольноотпущенником.— Войлочный колпак, который надевали отпущенные на волю рабы, стал символом независимости. ...то шумного Вакха-Бромия, то... пьяного Лиэя, а то... Евгия-победителя...— Перечислены эпитеты Диониса-Вакха, связываемые здесь с различными свойствами этого бога. Все это подводит к отождествлению Дионис-Либер Патер (буквально «Свободный Отец»), раз второй является у римлян сколком первого. Дионис-Свободный.— Игра слов в духе имени Кромсайд в гл. 36: Трималхион и констатирует и сообщает нечто новое: раб Дионис отныне отпущен на волю. ...что у меня **ОТЕЦ** свободный.— Трималхион ведет дальше игру словами, теперь освобождение Диониса, или Либеры Патера, дает ему (мнимое) основание утверждать, что его отец (pater) — свободный (liber). А горяченького хватишь...— Имеется в виду, пожалуй, не только подогретое и, может быть, не смешанное с водой вино, а медовуха, которая — также согретой — подана была в качестве аперитива и на пиру Трималхиона (гл. 34, ср. гл. 66).

42. Селевк.— Как и имя хозяина, это имя указывает на происхождение многих пирующих с Ближнего Востока.

43. Квадрант — равнялся $\frac{1}{4}$ асса и был мельчайшей де-

нежной единицей. ...собаку я на людях съел...— Некоторые считают, что «собачий язык», упомянутый в подлиннике,— растение, будто бы дававшее способность слышать лучше.

44. *Чтоб эдила нашим пусто было...*— Хотя в императорском Риме должность эдила потеряла многие важные функции, забота о снабжении городов зерном все еще связывалась с этими магистратами. *В\ колонии нашей...*— Участники пира несколько раз называют город, в котором живут, «колони-ей», подчеркивая специфику правового статуса своего города по сравнению с муниципиями. Это обстоятельство важно и для отождествления города, в котором происходит пир Трималхиона: Неаполь, например, при Нероне не был еще колонией. *Поститься перестали...*— Раз в год или, по меньшей мере, раз в пять лет в Риме имел место «пост Цереры»; назначались и другие посты под влиянием тех или иных знамений (ср. Ливий, XXXVI, 37). *...тихими стопами.*— Иначе говоря, боги, даже если приходят неспешно, мстят неожиданно и страшно.

45. *Лоскутник Эхион.*— Одежда делалась из лоскутов ношеной одежды (centones); намоченные в воде, эти одеяла использовались между прочим при тушении пожаров, а потому некоторые комментаторы считают Эхиона пожарником. *...не люди ланистов...*— Ланисты везли с собой или сдавали по найму устроителям гладиаторских зрелищ своих людей, набранных из всякого сброда. Репутация ланистов была так же незавидна, как у сводников и актеров. *Добровольцами* названы ветераны, уже не обязанные выходить на бой, зато ценимые как мастера своего дела. *...поедет и баба драться с колесницей...*— В 61 г. до н. э. римляне столкнулись с британками, охотно принимавшими участие в походах: поднявшая восстание Боудикка ездил на колеснице (Тацит, «Анналы», XIV, 35, 37). *...третий выполз, мертвец мертвецом...*— Имеется в виду гладиатор (tertiarius), выходивший на бой с гладиатором, победившим в первом поединке.

46. *...цацарончик мой...*— Смысл выражения *cicero* («миленький», «умница») вырисовывается отчетливее, чем его происхождение, где кроме *caus* («дорогой») угадывается, на наш взгляд, и великое имя — *Cicero* (Цицерон). Поскольку в гл. 71 это же выражение применено к сообразительному любимцу Трималхиона, можно полагать, что и Эхион говорит не о сыне, а о любимчике. *Уже он четвертые доли считает...*— Иначе

говоря, мальчик умеет назвать $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$ всякого числа, делимого на 4. Ср. гл. 75 (деление на десять частей) и 58 (деление на сто, чем гордится и взрослый). ...только на птиц больно лютый.— Любость, особенно у подростков, к комнатным животным делала последних желанным подарком, в частности от поклонников. Более снисходительным, чем Эхион, был Евмолп, судя по его рассказу в гл. 85—86. Ст. стихи Катутла (2—3) о воробушке Лесбии. ...теперь вцепился в латынь.— Последовательность обучения — сперва греческий язык и авторы, затем авторы латинские — традиционна для римской системы образования. Ср. выше, гл. 5 (гекзаметрические рекомендации Агамемнона). ...эти книжки красные... — у римлян такие книжки ассоциировались именно с правом: красным цветом в книгах юридического содержания выделялись названия законов, абзацы и т. п. *Вон Филерон юрис...* — Не исключено, что имеется в виду присутствующий на пире Филерот (гл. 43); второй вариант (греческий) правильное, первый (латинизированный) — почтительнее; ср. гл. 61 и 63.

47. *Рагу Пенфей* — грубое название мясного блюда по имени героя, растерзанного за свое сопротивление Дионису. *Которого десятка?* — Когда у хозяина было множество рабов, их — особенно тех, кто был обучен какому-то делу, — делили на группы (декурии), за которыми наблюдали декурионы. Декурии посыльных, полагавшихся некоторым магистратам, характеризовали высокое положение магистрата, но сами котиrowались не очень высоко.

48. ...три библиотеки у меня... — Возможно, Трималхион хочет сказать, что у него кроме общей библиотеки есть еще два специализированных кабинета. ...каков был у твоей речи перестазис? — Риторический термин «перестазис» означает обстоятельства, которые нужно продумать, получив риторическую тему — задание (кто? где? зачем? и проч.). ...изложил какую-то контрверсию.— Агамемнон начинает излагать типичную тему риторического упражнения. Среди «контрверсий» Сенеки Ритора есть, например, такая (V, 2): «Бедный, у которого есть сын и богатый враг его с дочерью, отправился в дальние края. Прошел слух о смерти бедного. Сын его мирится с богатым и женится на его дочери. Вернувшись, отец принуждает его развестись, а когда тот не желает, отрекается от сына». ...у Гомера читался.— Трималхион хорошо

помнит, что в «Одиссее» (песнь IX) кто-то кому-то наносит какое-то увечье. *А Сивиллу, ту я собственными глазами в Кумах видел...*— Рассказы о дряхлости Сивиллы, получившей от Аполлона в дар долгий век, но не вечную молодость, привели к тому, что в различных местах показывали крошечные мумии Сивилл. Трималхион мог видеть одну из таких в Кумах Эолийских или, что правдоподобнее, в Кумах Кампанских, по соседству с «греческой колонией», где мальчики вопрошали по-гречески: «Сивилла, чего хочешь?» — и получали ответ: «Помереть хочу». Некоторые комментаторы предполагают, что вопрос в диалектной форме обыгрывает имя Сивиллы.

50. ...*Ганнибал — мужик хитрющий...*— Исторические познания Трималхиона стоят вровень с его представлениями о мифологии; соединяя историю с мифологией, Трималхион не одинок.

52. ...*про то, как Кассандра сынишек режет...*— Трималхион спутал Кассандру, которой не довелось стать матерью (разве что у Павсания, II, 16), с Медеей. ...*Дедал Ниобу в троянского коня запикивает.*— Возможно, в памяти Трималхиона сохранилось смутное воспоминание о Дедале, заключившем Пасифаю в чрево коровы ради соединения с быком, от чего произошел чудовищный минотавр, убитый впоследствии Тезеем. Оплакивающая своих детей Ниоба, сидя в троянском коне, сделала бы совершенно безопасным это сооружение. *Бой Гермерота с Петраитом.*— Оба названных — любимцы Трималхиона. Ср. гл. 71 (украшения на памятнике) и, возможно, гл. 29. (роспись в атрии). *«Воду в ведро, вино в нутро».*— Разбит — и, по-видимому, нарочито — был сосуд, служивший для развлечения вина водой, так что эпизод знаменовал собой приглашение пить несмешанное вино, открывая новую стадию пира. ...*кордака лучше ее никто не спляшет.*— Кордак — нескромный танец, который связывали с древней комедией; иногда — в том числе сольно — его исполняли актеры мима. *«Мадейя перимадейя!»* — По-видимому, припев этот, значение которого остается невыясненным, связан с родной для многих участников пира сирийской почвой.

53. ...*нечто вроде городских известий...*— С 59 г. до н. э. по инициативе Юлия Цезаря публиковались «Ежедневные известия сената и народа», рассылаемые затем повсюду. О чтении римских «Известий» в провинциях во времена Нерона

упоминает Тацит («Анналы», XVI, 22). В день седьмой до секстильских календ...— Иначе говоря, за семь дней до 1 августа, названного здесь по-старому секстилем, хотя переименование, с которым августал (жрец Божественного Августа) Трималхион должен был бы считаться, имело место уже в 8 г. до н. э. Седьмой день до секстильских календ — это, принимая во внимание римскую привычку начинать с дня отсчета, 26 июля. ...пожар в Помпеянских садах...— Может быть, речь идет о садах Помпея, бывшего хозяина Трималхиона (ср. гл. 30 и 76), или о садах в Помпеях. ...началось с дома вилика Насты.— Вилик — раб-надзиратель; иногда вилики становились управляющими крупных хозяйств. Таков был путь самого Трималхиона (гл. 68). ...почему Трималхиону не оставляют наследства...— Либерализм Трималхиона в том, что он позволяет рабам писать завещания, а вольноотпущенникам — не завещать ему части своего имущества (ср. коммент. к гл. 76). ...ссылка дворецкого в Байи...— Байи — модный курорт, часто упоминаемый в сатирах. ...нашу ателлану давать...— Трималхион предпочитает греческой «новой комедии» ателлану — простонародную комедию итальянского происхождения.

55. ...читает следующее...— В метрических несовершенствах экспромта виновата не история Петрониева текста, а муза Трималхиона.

...лучше фракийца Мопса стихотворца нет...— Трималхион, возможно, смешивает прорицателя (даже двух!) с этим именем, с одной стороны, и фракийца Орфея, с другой.

...разница между Цицероном и Публием?— Принимаем рукописное чтение Publium, потому что после проявленных Трималхионом познаний в истории культуры не удивительно, если он назовет Публилия (Сира) более часто произносившимся в обиходе римским личным именем.

Можно ли лучше, чем эдак вот, сказать...— Написанное ямбическим триметром стихотворение принадлежит скорее всего Петронию, старавшемуся воспроизвести здесь стиль и построение Публилия Сира, мимोगрафа середины I в. до н. э., сентенции которого стали в Риме школьным чтением.

Куры нумидийские.— Нумидия в Северной Африке славилась цесарками. *Благочестья жрица*.— Анст считался образцом благочестия благодаря рассказам о его почтительной любви к родителям — представление, засвидетельствованное у Арис-

тофана («Птицы», ст. 1353 сл.). Цапля введена Б. И. Ярхо, несомненно, для того, чтобы сохранить важные для поэта женственные черты этого образа (лат. *ciconia*). *Кархедон* — менее употребительное, зато более изысканное название Карфагена.

56. ...начали обносить нас вазой с записками... — Шутливо загаданные обозначения даруемых предметов основаны на неуклюжей игре слов, на созвучиях и т. п. Некоторые переводчики вообще отказывались воспроизводить этот пассаж; мы передаем его, позволяя себе большие вольности, чем в остальном тексте.

57. ...ну а я — сын царский! — Рабы, привезенные из далеких мест, иногда на деле, а иной раз — мнимо оказывались отпрысками знатных туземных родов. Ср. Гораций, «Оды» (II, 4, 15—16). ...по тыще денариев за голову выложил! — Толкователи колеблются, понимать ли «*pro capite*» (за голову) применительно к жене Гермерота или к нему самому; мы предлагаем применить это к обоим, что должно было укреплять говорящего в чувстве собственного достоинства.

58. Сатурналии счас, что ль? Декабрь месяц? — Праздник, названный в честь Сатурна, когда хозяева и рабы как бы менялись местами, начинался 17 декабря и продолжался при Августе уже три дня, а позже — целую неделю. Давно ли двадцатую долю уплатил? — Двадцатая доля стоимости раба отчислялась государству при отпущении его на волю. Ср. гл. 65 и 71. ...а что каменными буквами — разберем... — Гермерот читает то, что написано крупно и разборчиво, словно надпись на камне. Гляди: «Далеко иду, широко иду...» — Предположительная разгадка трех загадок: нога, глаза, волосы. ...если я тебя в вывернутой тоге не настигну. — При чтении обвинения или приговора было, по всей видимости, принято надевать тогу наизнанку, используя подобие траура в знак тягости происходящего.

59. ...да вот гомеристов посмотрим. — Гомеристы — это, по-видимому, актеры в костюмах, исполнявшие по-гречески куски и сцены из поэм Гомера или их переработок. «Знаете... что за фабулу они дают?...» — Объяснения Трималхиона, как всегда, фантастичны. ...как троянцы с тарантинцами дерутся. — Комическая путаница; о кончившейся «Пирровой победой» войне тарантинцев (в рукописи ошибочно: «парентинцев») под водительством Пирра против римлян в III в. до н. э.

Трималхион должен был что-нибудь слышать, а Троянская война присутствует в его памяти всегда.

60. *...напоенное священной влагой...*— Шафран использовался как краситель (желтого цвета) для материи, в частности для роскошных одеяний на статуях богинь. Славилась своим ароматом эссенции из цветов шафрана. Эти цветы растут близ места священного брака Зевса и Геры (Гомер, «Илиада», XIV, 348) и вообще часто упоминаются в рассказах о богах и героях. *...Августу, отцу отечества — слава!* — Толкователи склоняются к тому, что здесь имеется в виду Октавиан Август. *...изваяния Ларов с буллами на шеях...*— См. коммент. к Персию, V, 30—31.

61. *Слово такое изрек...*— Употребительная в римской поэзии формула, отмечающая конец речи и возвращение к повествованию: ср. ниже, гл. 121, ст. 100.

62. *У меня душа чуть в нос не ушла...*— По-нашему — «в пятки». *...словно торгош обобранный, как припущу до дому!* — Рассказчик намекает на известную его слушателям Эзопу басню (301 по изд. Хаусрата).

63. *...каппадокиец один, верзила...*— Каппадокийцы славилась в Малой Азии и за ее пределами как люди крупные, крепкие и жизнелюбивые (ср. гл. 69). В Риме они часто бывали носильщиками (Марциал, VI, 77).

64. *...умчалась четверка моих коней...*— Сравнение молодой жизни с быстро скачущими лошадьми встречается уже у Феогнида (ст. 985 сл.). *...цирульника представить...*— Разговорчивость цирюльников в античности (как и в других культурах) вошла в поговорку. *...кроме разве Апеллета.*— Имеется в виду Апеллес-трагик, знаменитый актер времен Калигулы (Светоний, «Калигула», 33).

65. *...я думал, что явился претор...*— Наличие или отсутствие претора в колонии, где происходит пир Трималхиона, использовалось исследователями для отождествления места действия этой части «Сатирикона». Однако упоминание претора могло служить здесь ироническому освещению Габинны. Поздно пришедший и уже подвыпивший похоронных дел мастер сопоставляется и с Алкивиадом в «Пире» Платона. *Славный устроен был Сущисой девятый день по своем рабе...*— Девять дней траура завершались жертвоприношением на могиле и поминальным обедом. Какого пола был человек с именем

Сцисса, нам неизвестно. ...покойник у них в пятьдесят тысяч оценен! — Пятьдесят тысяч сестерциев, как цена умершего раба Сциссы, должны были принести фиску две с половиной тысячи сестерциев пошлины.

66. *Паламеду не придумать!* — Паламеду, герою Троянской войны, приписывалась исключительная изобретательность (восполнение букв в заимствованном греками алфавите, усовершенствования в устройстве военного лагеря и т. д.). Удавшаяся попытка перехитрить Одиссея стоила ему жизни.

67. ...из десятой процента от доходов Меркурия. — Похоже, что Трималхион называет десятую часть обычной «центезимы», или 1 % от распродажи вещей, чтобы показать умеющим считать деньги гостям, каковы ныне его обороты.

68. ...слуги убрали все столы и принесли другие... — Это обычная практика древних: такая смена и названа здесь (буквально) «вторыми столами». Тою порою Эней... — Цитата из «Энеиды» (V, 1). Я за него три сотни денариев отсчитал! — Если сопоставить его с ценой раба Сциссы в гл. 65 (ср. коммент.), то вернее, на наш взгляд, считать 300 денариев не ценой раба Габинны, а суммой уплаченных казне 5 %. Тогда цена любимца Габинны будет 24 тысячи, приблизительно половина той высокой цены, которую навязывают теперь Сциссе. Гермерот за свободу должен был платить еще больше (ср. гл. 57).

69. Потом подали кидонские яблоки... — то есть айву. Кидония — город на Крите.

70. ...ножи железные с Норика. — Норик — римская провинция в восточных Альпах; славилась месторождениями золота, серебра, железа и др.

...хоть ты и ярый зеленый!... — Поскольку с некоторых пор гладиаторские бои обычно происходили в амфитеатре, а спортивные состязания — на стадионах, в цирке самым увлекательным для римлян были ристания на колесницах, столетиями разделявшие всех на две партии — синих и зеленых. Ср. Марк Аврелий, «Размышления» (I, 5). Эфес трагик. — Ближе неизвестен.

71. ...угощение дал — по два денария. — Обычная и удовлетворявшая народ сумма. Ср. гл. 45 и коммент. ...тут же и царон мой... — Ср. коммент. к гл. 46. «Здесь покоится Гай Помпей Трималхион Меценатин...» — Из этого полного имени Трималхиона следует, что сперва он жил у Мецената.

Сдвоенное прозвание (*cognomen*) вольноотпущенники получали, если происходили из самых высоких домов, где рабов было слишком много и надо было старательнее различать имена. *Севиром избран заочно.*— Трималхион хочет сказать, что должность получена им благодаря уважению сограждан, а не проискам. Ср. гл. 57. *В любую декурию римскую попасть мог...*— Богатые вольноотпущенники могли приобретать за деньги должности организованных в декурии помощников магистратов и жрецов, что могло повлечь за собой переселение в Рим.

73. *...залился песнями Менекрата...*— Кифаред и композитор Менекрат был любимцем Нерона (Светоний, «Нерон», 30). *...сегодня раб первое бритье празднует...*— Ср. коммент. к гл. 29. В этом возобновлении пира особенно заметно, что Трималхион хотя и стяжатель, но азартный и расположенный к своим друзьям человек, решительно отличающийся от Малхиона, описанного Марциалом (III, 82).

74. *...не то пожару быть, не то помрет кто-то по соседству.*— Нельзя не признать, что, несмотря на соблюдение всех предосторожностей, примета вскоре оправдается: кто-то станет (будто бы) умирать, да и пожарники явятся (словно) на пожар. Ср. эпикурейскую критику пророческих сновидений (гл. 104) и отмеченный Лихом факт (гл. 106), что сновидения сбылись в точности. *...коли я не усмирю эту Кассандру армейскую!*— Трудно сказать, продолжает ли Трималхион путать Кассандру с Медеей (гл. 52) и кем-либо еще, или он вспомнил теперь настоящую пророчицу Кассандру, плененную в Трою Агамемноном и находившуюся при нем.

75. *С этот вот канделябер был...*— Римские канделябры бывали сравнительно высоки, достигая иногда 1,5 м. Таков приблизительно и тип подсвечника, изображавшего собой красивого мальчика («Идолино»), с которым естественно было подростку себя сравнивать.

76. *...он меня вместе с Цезарем наследником сделал...*— В императорскую эпоху считалось благопристойным и предусмотрительным уделить императору в завещании хотя бы символическую толику наследства. Петроний знал, следовательно, что делал, когда «не льстил» Нерону в своем завещании (Тацит, «Анналы», XVI, 19). Ср. коммент. к гл. 53.

77. *...может, до Апулии угодья довести...*— Ср. в гл. 48: «до Африки».

...сам Скавр, бывало, сюда наедет...— Трималхион любит громкие имена: Скаврами были Эмилии и Аврелии, давшие Риму много знаменитых людей. Впрочем, в Помпеях рыбным соусом (гарум) торговал некий Умбриций Скавр.

80. ...свидетелем взаимного истребления фиванской четы...— Имеются в виду сыновья Эдипа Этеокл и Полиник, сразившие друг друга в борьбе за власть в Фивах.

81. ...вышел на арену, убил благодетеля...— Этих обстоятельств, неясных при нынешнем фрагментарном состоянии романа, касаются отдельные упоминания в гл. 9, 26, 130, 133. Ограбление храма и (подлинное и мнимое) оскорбление святынь — другие проступки рассказчика, который, обладая самолюбием скорее легкомысленным, чем угрюмым, получил от Петрония прелестный дар — умение смотреть на себя честно. ...блудом свободнорожденный...— Неясно, имеем ли мы дело с отражением факта (императорским решением человек, не рожденный свободным, мог быть объявлен таковым) или со следствием гневливости рассказчика.

82. ...которого ты легиона, чьей центурии? — В легионе числилось до 60-ти центурионов (центурий) различного ранга, являвшихся профессиональным костяком армии. ...Царь злополучный, Тантал...— Метрическое изображение танталовых мук в этом месте повествования кажется многим настолько неуместным, что ему приписывают другое место. Естественнее считать, что мы имеем дело с эксцерптами, в которых нарушена не последовательность событий, а их связность.

83. Заглянул я в пинаотеку...— Об устройстве пинаотека — выставочных залов для произведений живописи — писали Варрон, Витрувий и Плиний Старший. Первыми античными музеями были сокровищницы наиболее известных храмов. Агриппа, сподвижник Августа, требовал превратить собрания греческих шедевров в государственную собственность (Плиний, XXXV, 26). Зевксис — художник и скульптор V в. до н. э.; прославился искусством в передаче света и тени. Протоген — художник и ваятель IV в. до н. э., жил по большей части на Родосе. Знаменита его картина «Александр Великий и Пан». Апеллес — художник IV в. до н. э., происходил из Колофона. Знаменита была его Афродита Анадиомена («из воды выходящая»). Чтение «Монокнемон» восстановлено филологами по догадке; фигура «с одной голенью» могла

быть и мужской и женской (Афродита? — Ср. Плиний, XXXV, 92). *Здесь орел парящий уносил на небо бога...* — Уносимый на небо Ганимед уже в момент похищения мыслится приобщенным к богам. ...*прелестный Гилас отталкивал настойчивую наяду...* — Из-за поползновений трех наяд аргонавты лишились Геракла как участника похода, потому что герой задержался, желая выручить любимца. *Аполлон проклинал виновные свои руки...* — Метнув диск, Аполлон случайно поразил своего возлюбленного Гиацинта, которому подарил жизнь цветка. У Овидия («Метаморфозы», X, 162 сл.) Аполлон обещает воспевать Гиацинта на лире; у Петрония лира Аполлона молчит, украшенная печальным цветком. ...*друга, которого не свирепей и Ликурга.* — Возможно, имеется в виду легендарный фракийский царь, о жестокости которого много рассказывали. Не исключено, однако, что Энколпий вспоминает Ликурга, с ограблением виллы которого связаны яркие воспоминания (гл. 117).

85. *Как-то взял меня квестор по службе с собою в Азию...* — Квестура была началом карьеры государственных деятелей. В провинциях квесторы, имевшие свою свиту, были помощниками наместников, занимались хранением казны, судебскими и военными делами. Римская провинция Азия занимала запад малоазиатского полуострова.

87. ...*лета, наклонные к терпимости!* — Такими считались (для мужчин) годы от 12 до 28, если обозначать крайние пределы.

88. *Демокрит.* — В перечне сочинений Демокрита из Абдеры (V—IV вв. до н. э.) у Диогена Лаэртского (IX, 46—47) упоминаются естественнонаучные произведения: «О соках», «Причины семян, растений и плодов», «О камне». Евдокс Книдский (IV в. до н. э.) — один из величайших математиков; много занимался географией и астрономией, создал первую теорию движения планет. Хрисипп — крупнейший стоический философ (III в. до н. э.). *Чемерица* считалась средством против душевных болезней, а Хрисипп держался тезиса, что «всякий, кто не разумен, — сумасшедший». Лисипп из Сикиона (IV в. до н. э.) — скульптор, предтеча эллинистического искусства. Знаменит детальной отделкой своих многочисленных произведений. Мирон — скульптор (сер. V в. до н. э.), славившийся живостью в изображении, в частности, животных

(особенно знаменита была «Корова» Мирона), искусством в передаче движения и момента. ...что сотворили Апеллес и Фидий...— Назвав Апеллеса, Евмолп связывает свою вдохновенную речь с вопросом, который был поставлен собеседником.

89. *Троянское пленение.*— Пространная стихотворная вставка перелагает (с целью, относительно которой у историков римской литературы нет единого мнения) более подробный рассказ в «Энеиде» Вергилия (II, 13—267). К сожалению, для нас невозможно сопоставление с другим произведением, поэмой Нерона на ту же тему (Светоний, «Нерон», 38; Тацит, «Анналы», XV, 39). ...жатыю видят десятую...— То есть троянцы провели в осаде десять лет. ...по слову бога Делийского...— Потеряв доверие к Калханту, ахейцы направили посольство к оракулу Аполлона на Делосе («Энеида», II, 114). *Ажеу Синон.*— Синон был оставлен ахейцами нарочно, чтобы ввести троянцев в заблуждение относительно «троянского коня» («Энеида», II, 154 сл.). *Лаокоон.*— Знаменитая речь Лаокоона в «Энеиде», одно из крылатых слов которой Петроний цитирует в гл. 39, в парафразе Евмолпа опущена вовсе. ...пленных, что пленят Пергам...— Заключенные в коня и оказавшиеся в Трое ахейские воины в известном смысле являются ее пленниками — до тех, пор, пока сами не пленят Пергам, троянскую твердыню. *Тенедос* — остров неподалеку от троянского берега; за ним укрылись ахейские суда. ...стонет мрамор под ударами дерева.— То есть морская гладь шумит под натиском весел. ...как жертва, жрецу лежит...— Лаокоон погибает у алтаря Нептуна, где он совершал жертвоприношения (ср. «Энеида», II, 201 сл.). ...Фебея светлый свой явила луч...— Фебея — сестра Феба, здесь — Луна. ...Фессалийских гор скакун...— Фессалия — область в Северной Греции с плодородными долинами, которые со всех сторон окружены горами; славилась коневодством.

90. ...бежал прочь от храма.— Публика агрессивна, но и назойливость сочинителей, упивающихся своими произведениями, стала литературным мотивом (ср., напр., Марциал, III, 44). Кажется, первый интеллигентский тип в мировой литературе, Евмолп принимает и это как должное.

91. ...с полотенцами и скребками...— Гитон держит скребки (стригили) — свой и Аскилата, которому он стал, по своему обыкновению, прислуживать.

92. ...римский всадник с худой славой...— Имеется в виду, пожалуй, не только общественная репутация, но и юридически оформленное осуждение граждан за некоторые неблагоприятные поступки, после чего следовало ограничение в гражданских правах.

93. ...Птиц люблю я из стран фасийских колхов...— Иначе говоря, человеческая пресыщенность тянется к малодоступным фазанам, живущим в Колхиде, омываемой рекой Фасис. *Клювыш за то нам дорог...*— Клювыш (scarus) высоко ценился гастономами; *барвена*, или краснобородка (mullus) — более доступная рыба (ср. Марциал, XII, 84). ...*Возле Сиртов немало судов потонет.*— Сирты — два мелководных залива у североафриканского побережья. *Киннамон ценнее розы.*— Корицу (киннамон) приходилось привозить из Аравии или даже из Индии — это делало ее аромат привлекательнее запаха душистых роз.

95. ...Марк Манниций хозяин инсулы.— Трудно сказать, тождествен ли Манниций — хозяин доходного дома (инсулы), гостиничному служителю, произносящему его имя. То, что прокуратор инсулы *Баргат* (ст. 96) болен ногами, которые важны для его дела, — штрих, указывающий читателю на обстановку, когда несостоятельность людей на своих местах — не исключение.

97. *Казенные (государственные) рабы часто исполняли непривлекательные административные или финансовые должности.*

...чтобы скрыться от искавших его рук.— Улисс (Одиссей) прячется от Циклопа под брюхом барана, чтобы вслед за спасенными спутниками выйти из пещеры Циклопа («Одиссея», IX, 437 сл.).

98. ...не вытряс бы знамения у этого висельника-мальчишки...— Чихание (Евмолп напоминает о событиях гл. 98) считалось добрым предзнаменованием (ср., напр., «Одиссея», XVII, 541; Катулл, XLV).

99. ...стыда не ведаем.— Текст очень ненадежен, перевод гадателен.

101. ...корабль... у него облюбован.— Именно ПUTEОЛЫ соперничали с Остией как важнейший римский порт в Италии. Это делает еще более правдоподобным предположение, что «греческий город» и «колония», где до сих пор разворачивается действие сохранившейся части романа, — это ПUTEОЛЫ.

102. ...этот род хитрости однажды удался мне счастливо? — По-видимому, Энколпий имеет в виду укрытие Гитона под матрасом, что ввело в заблуждение Аскилта и его спутников, а на первых порах — даже Евмолпа. ...своих в нас признала Галлия... — Белизну кожи галлов, или галатов, связывали даже с их племенным названием через греческое слово, обозначающее молоко (ср. Галактика — Млечный путь).

103. ...вид клейменных. — Клеймили обычно беглых рабов, ставя на лбу букву, начинавшую слово «беглый» в греческом и латинском языке (соответственно). Сбрасывание бровей превращает героев не столько в беглых рабов, сколько в кинедов. ...обеты терпящих кораблекрушение. — Погибающие тогда срезают волосы, давая обет принести богам, которые спасут их, нечто большее.

104. ...видела в том храме, что в Байях... — Неясное место, испорченное в тексте. Обстоятельства нам неизвестны; текстология показывает, что трудно было и переписчикам. ...изящнейшим доводом. — Лакуну, которую в любом случае надо признать после этих слов, некоторые издатели заполняют стихотворением, приписываемым Петронию и потому помещаемым среди его фрагментов (фр. XXX у Бюхелера и К. Мюллера).

105. ...пахнут остатками моего состояния... — Хитрый Евмолп хочет своим рассказом создать впечатление, будто он глубоко сердит на своих людей, а заодно объяснить некоторые признаки породы и образа жизни его друзей порочными наклонностями мнимых рабов. ...богиню — покровительницу судна... — Уже на корабле аргонавтов почитался штевень, одаренный речью. Изображение божества на носу или корме судна было его защитой, как палладий у греков. ...удивляйся после этого... — Формулировка Петрония показывает, что он использует применительно к «Одиссее» (XIX, 386 слл.) литературоведческую полемику вокруг гомеровских поэм. Упрямый критик Гомера Зоил (IV в. до н. э.) был лишь одним из представителей целой литературы, возникшей в этих спорах.

106. ...не забыл... совращения жены... — Здесь и ниже отзвуки неизвестных нам проделок Энколпия и его тогдашних спутников. Ср. гл. 113, где упоминается Гедилла, по-видимому тождественная жене Лиха. Если так, Энколпий совратил жену Лиха и бежал с нею вместе с корабля. Ср. коммент. к гл. 114.

...предупредили об их действиях.— Петроний, видимо, считает неэлегантным занимать слишком определенную позицию в вечных вопросах. Занимая позицию скептическую, он то про-светительно осмеивает суеверие, то использует его как вы-игрышный в повествовательном отношении элемент. ...оскор-блена щекотливая ее честь.— Что имеется в виду, неизвест-но, но представить себе, как это могло быть, можно по гл. 108.

107. ...перебить столь опасную декламацию.— Играя с ил-люзией, Петроний будто невзначай обнаруживает главным образом риторический характер речей в этой главе. *Какая такая саламандра...*— Представление, что от слюны саламандр-ы сходят волосы с тела, засвидетельствовано у Плиния Старшего (XXIX, 23). *Ответствуй, козлище!*— Букв.: «фар-мак», как называли человека или людей, чье изгнание или умерщвление объявлялось средством очистить город от той или иной вины и беды («козел отпущения»).

108. *Витязь троянский*— Парис, который похитил Елену, жену Менелая. ...*ярится над братнею кровью.*— Когда Ээт, отец Меду, пустился догонять дочь, убегающую вместе с Ясоном и другими аргонавтами, Медее разрывала на куски тело своего брата Апсирта и бросала их в море, чтобы этим задержать преследователей.

109. ...*брызгала на Гитона с доньшка своей чаши...*— Имеется в виду очень популярная в древности застольная иг-ра «коттаб». Остаток вина в своей чаше нужно было выплес-нуть так метко, чтобы предмет, на который упадет влага, зазвез-нел, упал, утонул и т. п.; при этом нередко называлось имя любезной или любезного. Трифена играет в коттаб по-своему. ...*нечто элегическое о волосах...*— Слово *elegidation* («шутли-вая элегия») встречается в античной литературе только здесь.

110. ...*голову мальчика украшает хозяйкиным париком.*— Парики употреблялись и в Греции («Палатинская антоло-гия», VI, 208, 211), и в Риме (Марциал, V, 37).

111. ...*велел тамошний правитель...*— Упомянутый город Эфес был, возможно, столицей провинции Азия (ср. коммент. к гл. 85), управлявшейся проконсулом. Петроний сам побывал проконсулом соседней Вифинии. «*Мнишь ли, что слышат те-бя...*» — «Энеида» (IV, 34); сестра и наперсница старается об-ратить к жизни вдовствующую Дидону.

112. ...*повторя настойчиво...*— «Энеида» (IV, 38—39; Ан-

на уговаривает Дидону не отказываться от Энея тогда, когда кругом рубежи врагов). Лукавые переосмысления классического текста бывают и еще более дерзкими (ср. гл. 132 и коммент.).

114. ...верни... кораблю то священное одеяние с систром вместе.— Новые детали, связанные с бегством Энколпия и Гедины с корабля (ср. гл. 106). По всей видимости, для побега понадобилось священное одеяние. Систр — ударный инструмент восточного происхождения — характерен для культа Исиды, а священное одеяние скорее всего было взято от покровительницы корабля (ср. обозначенный легко и тем более выразительный жест персонажей, которые в гл. 108 берут от корабельной покровительницы масличную ветвь, чуть только она им понадобилась). Если так, то похоже, что корабль, с которого бежали Энколпий и Гедила, принадлежал Лиху и находился под покровительством Исиды — еще одного божества, задетого вольнодумной небрежностью Энколпия (ср. его обращение с гусями Приапа, гл. 136—137).

115. ...не выходит концовка.— Евмолп, конечно, мог сочинять все что угодно, но цельность повествования и тема поэмы, которую он скоро будет читать (гл. 119—124), наводят на мысль: на корабле, терзаемом бурей, так естественно писать о гражданском раздоре (ср. Гораций, «Оды», I, 14 — стихотворение, отражающее древнюю и прочную традицию). Концовкой — стихом 295 — поэмы о «Гражданской войне» Петроний, как можно догадываться, был доволен. ...погребения не получает.— Развитие аргументации с использованием оппонирующего, как бы самостоятельного, голоса — характерная традиция диатрибы и сатиры.

116. ...Кротон, город очень древний...— Греческая колония в Бруттии, Кротон был основан в конце VIII в. до н. э. и в течение двух столетий был наиболее влиятельным из городов Южной Италии. С 277 г. до н. э. Кротон находился под властью римлян. Кротон был знаменит своими культурными традициями, в особенности — деятельностью пифагорейцев.

117. ...к странным этим вещам.— Характерная для Петрония ирония. О свирепствующей в Риме погоне за наследниками римская сатира говорила давно (см. Гораций, II, 5), а современные Петронию моралисты писали с гневом. ...ограбление виллы Ликурга.— История из несохранившейся части романа. Матерь богов.— Культ Великой матери, Матери Богов,

или Кибелы, был введен в Риме в конце III в. до н. э. ...переписывая, кому что отказывает.— Узаконоения, связанные с завещаниями, были разработаны в римском праве до мелочей. Например, можно было отменить предыдущее завещание, но эта отмена должна была получить отражение в последующем завещательном распоряжении, в случае смерти одного из наследников требовалось назвать другого или других, вступающих его место, и т. п. ...нанятый *Коракс*...— Имя Евмолпова цирюльника (гл. 94, 99, 103) появляется здесь впервые. Своим именем («коракс» по-гречески — ворона) он обязан, может быть, своей мрачности.

118. «...народ непосвященный».— Цитата из Горация («Оды», III, 1, 1). ...это гораздо лучше историки делают...— Вдумчивое выявление специфических задач поэзии и истории на фоне признания их глубокой близости находим уже у Аристотеля («Поэтика», 9, 1451a, 35 сл.). ...хоть этот опыт...— Следует «Песнь о гражданской войне» (гл. 119—124) — самая крупная и самостоятельная из сохранившихся стихотворных частей «Сатирикона». Речь Евмолпа интересна как новый взгляд римского интеллектуала на одну из сторон культуры: даже в сохранившейся части «Сатирикона» мы читаем о риторике в связи с проблемой обучения словесным искусствам (гл. 1—5); говорилось уже о причине упадка изобразительных искусств и науки из-за торжества утилитаризма (гл. 83 и 88); теперь высказаны мысли о назначении поэзии в сопоставлении ее с историографией. Кроме этих более или менее прямых высказываний важна сама поэтика «Гражданской войны» как несомненное свидетельство реакции литературных кругов на «Фарсалию» Лукана. Другое дело, что исследователям пока не удалось добиться не только единодушия в оценке поэмы, но и согласия в том, как относится к поэме сам Петроний, от чего зависят последующие выводы. Представляется предпочтительным среднее решение: Петроний ставил перед собой серьезную, но скорее литературную, чем гражданственную задачу, а это не может не делать отчасти ущербным произведение на такую тему.

Структура поэмы такова: вступление рисует картину упадка нравов как причину последующего гражданского раздора (1—66); сама война представлена двумя картинками: 1) Цезарь переходит через Альпы (141—208); 2) паника в Риме

при этом известии (209—244). Эти две сцены обрамлены утрированно патетическими описаниями, в которых участвуют аллегорические существа, олицетворяющие Смерть, Судьбу, Раздор и проч. (67—140 и 245—294). Множество исторических фактов упоминается нарочито не в хронологическом порядке, а в личной перспективе и на психологической основе.

119. *...эфирскую бронзу...* (9)¹ — то есть коринфскую, так как упоминаемая у Гомера («Илиада», VI, 152) Эфира считалась древним названием Коринфа.

...с востока китайцы (11).— По крайней мере со времен Цезаря в Риме появлялся настоящий китайский шелк, полученный через посредничество восточных народов.

...в землях Аммона... (14).— Речь идет о ливийских пустынях Африки.

...ловить острозубых чудовищ... (15).— По-видимому, имеются в виду слоны и их — весьма, впрочем, нечастое у римлян — использование в войне.

...Едет к нам тигр... (17).— Тигры, впервые появившиеся в Риме в конце I в. до н. э., вывозились из Азии.

...Стол из лимонного древа... (28).— См. коммент. к Персию (1, 52).

...уловляют в Лукрине... (34).— Лукринское озеро — превратившаяся в лагуну часть залива в Байях; богатый рыбой Лукрин служил и для разведения устриц.

Изгнан народом Катон побежденный... (45).— Марк Порций Катон Утический (95—46 гг. до н. э.) был в 58—56 гг. удален из Рима, а вернувшись, удостоился почестей в сенате. Некоторые комментаторы полагают, что здесь речь идет о скандальных выборах 55 г., когда претором стал не Катон, а фактотум Цезаря Ватиний.

Рост баснословный процентов... (51).— Это общее место моралистов, когда они говорят об истоках гражданской распри в Риме (ср. Гораций, I, 2, 14; Ювенал, IX, 6 сл.).

120. *...злая, как смерть, Эннио...* (62).— Греческое божество войны, римская Беллона.

Красс у парфян погребен... (63).— Марк Лициний Красс (ок. 115—53 гг. до н. э.), богатейший человек Рима, член первого триумвирата, победитель Спартака; погиб в бою с парфянами.

¹ Цифра в скобках обозначает номер стиха.

...на почве Ливийской — Великий... — Помпей Магн, или Великий (106—48 гг. до н. э.), после поражения при Фарсале бежал в Египет и там был убит при высадке на африканский («Ливийский») берег.

Юлий (64). — Гай Юлий Цезарь пал в Риме 15 марта 44 г. до н. э.

...по пути к Дикархиде великой... (68). — По традиции, укрепленной «Энеидой» Вергилия, римские поэты помещают вход в подземный мир в той части Кампании, которая лежит между Неаполем (Парфенопеей) и ПUTEОЛАМИ (Дикархия, или Дикархида). Греческое название «Флегрейские поля» обозначало обычно это место. Евмолп воспевает, таким образом, область, близкую к городу, который недавно покинут им и его спутниками.

Тисифона (97) — одна из трех Эриний, «мстящая за смерть».

Безжалостный Сулла (98). — Луций Корнелий Сулла (138—78 гг. до н. э.) предпринял в 82—81 гг. проскрипции, которые должны были устранить его политических и личных врагов, а также служить пополнению казны. Жертвой проскрипций пало более полутора тысяч всадников и около сорока сенаторов.

121. ...трусами двух поражений... (111). — Говоря о двух сражениях при Филиппах, Петроний, как считают, объединяет сражения при Фарсале (49 г.) и при Филиппах (42 г.) как два действия единой драмы, происходившие в пределах одной области (римская провинция Македония). Ср. Вергилий, «Георгики» (I, 490), Овидий, «Метаморфозы» (XV 823 сл.). Есть и другие возможности: встреча противников происходила в два дня; погибли Брут и Кассий, оба противника триумвиров; наконец, «двойная смерть» может характеризовать гибель граждан с обеих сторон.

Могила иберов (112). — Имеются в виду успехи Цезаря в Испании, в особенности при Мунде (45 г. до н. э.). ...пламя костров фессалийских... — Имеется в виду сражение при Фарсале.

...В чаянье битвы Актийской... (115). — Египту, иначе говоря, Клеопатре с Антонием, предрекается поражение при Акции (2 сент. 31 г. до н. э.); победитель Октавиан благоустроил храм Аполлона, находившийся поблизости, и учредил актийские игры в честь бога — покровителя победы (Светоний, «Август», 18).

122. ...от раскатов могучего брата (125). — Повелитель под-

земного царства Дий (Дит), он же Плутон, в конечном счете опасается Юпитера.

Титана лик искаженный (127).— Поэтическое наименование Солнца.

...лик погасила // Кинфия... (130—131).— Одно из имен Луны-Дианы.

В Альпах есть место одно... (144).— Петроний смело заменяет исторически значительный переход незначительного на вид Рубикона пейзажно величественным переходом Альп, что уподобляет Цезаря как полководца Ганнибалу и дает, благодаря упоминанию Греческих (Грайских) Альп, возможность связать Цезаря с Гераклом, будто бы проходившим здесь на обратном пути из страны великана Гериона.

Гесперийское поле (154).— Греки иногда называли Италию Гесперией, «вечерней страной».

Обе руки простирая... (155).— Речь Цезаря у Петрония соединяет черты обращения Ганнибала к своим воинам (Ливий, XXI, 35) с историческими преданиями о переходе Рубикона в ночь на 11 января 49 г. до н. э. (Светоний, «Юлий», 31—32).

Сатурновы земли (156).— Рассказывали, что когда-то Крон, бежавший от Зевса, спасался от него в Лацин; поэтому Лаций и всю Италию называли «землей Сатурна».

...меня изгоняют из Рима (162).— Такова реакция Цезаря на требование сената распустить легионы и на передачу Помпею диктаторских полномочий.

Дельфийская птица (177).— Естественно было бы назвать так лебедя, посвященного мусагету (водителю Муз) и прорицателю Аполлону Дельфийскому. Другие считают, что имеется в виду ворон, также связываемый с Аполлоном. Однако здесь можно думать о предзнаменовательном, а потому «дельфийском» появлении орла как птицы равно царственной и воинственной, приличествующей Цезарю и Альпам.

...послышался слева... (179).— По старой римской системе благоприятны знамения, являющиеся с левой руки; со временем, однако, поддержанный греческой культурой обычай считать благоприятной правую сторону возобладал и в римском обиходе (Цицерон, «О гадании», II, 82). Как раз это смешение представлено и в «Сатириконе»: приказ вступить в триклиний «правой ногой» в гл. 30 исходит из системы, которая противоположна той, какую мы находим в разбираемом стихе.

123. *Мавортовы двинул знамена...* (183).— «Маворт» — один из вариантов имени Марса.

Храбрые турмы (187).— Турма — подразделение конницы, состоящее из 30—40 всадников, предводительствуемых декурионом.

Пасынок Амфитриона (206).— Опять Цезарь уподобляется Гераклу, отцом которого был Зевс, а считался Амфитрион.

Одной Молвою Квириты... (224).— Квиритами именовались римские граждане; мужественное звучание этого старинного имени сознательно противоречит описываемой ситуации.

...к побережьям Гидаспа (239).— Помпей в своих походах не дошел до Индии (р. Гидасп), но это эпическое преувеличение усиливает его сходство с Александром Великим.

...разбились пираты... (240).— Киликийских пиратов Помпей победил в 67 г. до н. э. *...в троекратной // Славе...*— Имеются в виду три триумфа Помпея: 79, 71 и 61 гг. до н. э.

Раболепные волны Босфора (242).— Войны Рима с Митридатом VI Евпатором были доведены Помпеем до победного конца: в 63 г. до н. э. Митридат погиб у берегов Боспора Киммерийского (Керченский пролив).

124. *...в истерзанной палле* (253).— Палла — верхняя одежда римлянок, соответствующая паллию у мужчин; надевалась поверх толы.

...помогает Диона... (266).— Дионой называли сперва супругу Зевса, затем подругу Зевса и мать Афродиты и, наконец, самое Афродиту, с которой троянская легенда о происхождении римлян от Энея постепенно связала дом Юлиев. Вергилий сделал эту связь канонической.

Фебея и брат (269) — Диана и Аполлон, которые представлены у Петрония покровителями Помпея. *Килленский отпрыск* — Гермес (Меркурий), сын Зевса; воспитывался в Килленских горах в Пелопоннесе.

Тишинский воитель (270) — новый поэтический парфраз для обозначения Геракла, который на этот раз приведен в связь не с Цезарем, а с Помпеем.

...предлагай же законы, Марцелл... (288).— Петроний имеет в виду Марка Клавдия Марцелла, консула 51 г., враждебного Цезарю. Был прощен Цезарем, но убит цезарианцами (46 г. до н. э.).

Курион Гай Скрибоний (289) — народный трибун 50 г.

до н. э. Переметнулся на сторону «народной партии» и Цезаря, уплатившего его долги; погиб на войне в Африке. *Лентул Корнелий Крус* — консул 49 г. до н. э., выступал с Помпеем против Цезаря; убит после бегства в Египет.

Что же, Божественный, ты... (290).— Петроний использует почетное прозвание Цезаря после его кончины и апофеоза.

...беги же к стенам Эпидамна... (293).— Имеются в виду бои под Диррахием (Эпидамном) весной 48 г.; далее был Фарсал (9 августа 48 г.).

126. *...вестового, высоко подпоясанного.*— Названная здесь категория (*statores*) выполняла функции вестников, судебных приставов, ординарцев при крупных военачальниках.

...четырнадцать передних рядов перескочит...— По закону Отона с 60-х гг. до н. э. был определен всаднический ценз в 400 тысяч сестерциев, а 14 первых рядов театра предоставлены этому сословию. Закон вызвал споры в римском обществе. *Шутки наши продолжались...*— Эта фраза похожа на сокращенный пересказ более красочного повествования. *...ротик был совершенно тот...*— По-видимому, Евмолп подразумевает Праксигелеву статую Артемиды Бравронии с афинского акрополя. *...я в первый раз позабыл Дориду.*— Дорида — возлюбленная Энколпия, которую, надо думать, помнили те, кто читал «Сатирикон» в его полном виде и еще лучше нас знал, какова преданность Энколпия. *...украсить витыми рогами...*— Зевс обернулся быком ради похищения финикиянки Европы. *...прикрыть белым пером седину.*— Для соединения с Ледой Зевс обратился в лебедя.

127. *...не порождение Солнца...*— Волшебница Кирка (Цирцея), как она представлена в «Одиссее», считается дочерью Солнца и Персенды. *...Кирка любит Полиэна...*— В «Одиссее» Кирка любит Одиссея (X, 135 сл.), а Сирены дают ему эпитет «полиэн» (XII, 184), то есть либо «многославный», либо «знающий много рассказов» — последнее должно польстить любознательному герою и увлечь его к слушанию их пения. *Те же цветы расцвели...*— Любовная встреча персонажей, одобряемых древним героям, изображается как «священный брак» Зевса и Геры («Илиада», XIV, 295 сл.); ср. также историю Деметры и Иаснона («Одиссея», V, 125).

129. *...более нетронутым.*— Имеется в виду рассказ Платона Алкивиада (Платон, «Пир», 219 b-d) о некоторых подро-

ностях отношений последнего с Сократом. Легкое подтрунивание над Сократом, кажется, характерно для Петрония. Ср. гл. 140. *...за трубачом посылать.* — Читатель «Пира Трималхиона» помнит о роли трубачей на похоронах хозяина. *...даже луну сводят.* — Ср. стихотворение в гл. 135.

130. *...человека убил, храм осквернил...* — Энколпий употребляет, как говорят, применительно к анатичной драматургии, «ироническую» форму высказывания: Кирка не может знать, что в слова Энколпия вложен не только фигуральный и гиперболический, но и конкретный смысл «фактов», описанных в несохранившейся части романа. Ср. гл. 81 и коммент., а с другой стороны, стихотворение в гл. 133, ст. 6 слл.

131. *...а за нею старуха.* — Позже (гл. 133) мы узнаем, что «старуху» (следует помнить, что в древности женщины в 30—35 лет нередко становились бабушками) зовут Проселеной — имя многозначительное, указывающее на ее способность воздействовать на Луну и проч.

132. *Самой телесной красою...* — Не ясно, примыкает ли эта фраза к истории с Киркой или — в соответствии с указанием рукописей — речь здесь о некоем юном красавце Эндимионе. *Я трижды потрях...* — Размер этого стихотворения — сотадей (ср. коммент. к гл. 23). *Он на меня не глядел...* — Пикантная игра с цитатами из Вергилия. Первые два стиха заимствованы из «Энеиды» (VI, 469 сл.; Дидона в царстве мертвых отворачивается от Энея), а третий стих комбинирует несколько Вергилиевых реминисценций. *...тяжбу со своим сердцем?* — «Одиссея» (XX, 17 слл.). *Не клянут ли глаза свои...* — Имеются в виду прежде всего драмы и декламации на темы об Эдипе.

...на меня глядите, Катоны? — Здесь подразумевается скорее Катон Старший (234—149 гг. до н. э.), деловитость которого противопоставлена веселой правде Эпикура. *...цель этой жизни — любовь.* — Последнее слово стиха засвидетельствовано ненадежно; это делает проблематичным толкование концовки этого важного стихотворения. Другой вариант дает смысл: «так же и боги живут».

133. *А мальчик коснулся глаз...* — Жест заверения: дающий клятву объявляет залогом правды свои глаза. Ср. Катулл (XIV). *Спутник Вакха и нимф!* — Приап числится сыном Диониса и Афродиты (Дионы). *...воздвиг он божницу в Гипэпах...* — Гипэпы — город в горной Лидии. *...рогоносный ко-*

зел...— И козел и свинка — может быть, и не самые обычные дары в культе Приапа, зато литературно они вполне естественны в качестве таковых, ибо козел ассоциировался у древних с мужскими, а свинка — с женскими признаками.

134. *О Инофея...*— Имя этой жрицы намекает, пожалуй, на привязанность к вину (ср. гл. 136). *Все мне покорно, что... видишь...*— Могущественная волшебница, в устах которой эти слова могли бы звучать убедительно, являет черты то Исиды, то Великой Матери Богов. Некоторые издатели исключают, в частности и поэтому, ст. 11—16.

135. *...посреди алтаря...*— Важно помнить, что алтари в древности бывали и небольшими и огромными (напр., в храме Геры на Самосе, Пергамский и др.). *Там не белела индийская кость...*— Слоновая кость, оправленная золотом, была основой так называемой хрисэлефантинной техники, которую использовал, например, древнегреческий скульптор Фидий (V в. до н. э.). *...следы Лизевой влаги.*— То есть следы вина Диониса Лизя (ср. коммент. к гл. 41). *...Баттиадова муза воспела.*— Каллимах, александрийский поэт III в. до н. э., происходил из Кирены в Северной Африке, где когда-то, в VII—V вв. до н. э., правили Баттиады, потомки Батта. Из произведений Каллимаха, высоко ценимых римскими поэтами, Петроний вспоминает прежде всего «Гекалу», где Тезей, отправляясь на подвиг, приходит в хижину старой женщины и они дружелюбно беседуют: человечность не нуждается в роскошной обстановке. Именно эта атмосфера «Гекалы» важна для гл. 134—138 в целом. Комментаторы отмечали также возможное влияние Овидия («Метаморфозы», VIII, 616 сл.).

136. *...В небо взвились Стимфалиды...*— Чтобы поднять и перебить губительных птиц, обитавших в болотах близ города Стимфал в Аркадии, Геракл (это один из его подвигов) пускает в ход громкую медную трещотку. *...текущие гноем Гарпии...*— Ослепленный богами прорицатель Финей был, сверх того, мучим Гарпиями, летающими отвратительными женскими существами, так или иначе отравлявшими ему пищу и жизнь. В «Энеиде» Вергилия Эней навещает Финея (III, 210 сл.).

137. *...Приапова любимчика — гуся...*— Приапу посвящен был прежде всего осел, отличающийся приапическими достоинствами. Менее закреплено, но не менее понятно пристрастие как Приапа, так и матрон к длинношеему животному. *...в супру-*

и возьмет он Данаю... — Даная — подруга Зевса и мать Персея. Золотой дождь, в виде которого Зевс проник в ее покои, с веселым цинизмом осмыслен у Петрония как плата и девушке, и ее отцу. ...*Катона славней.* — Опять, как и в гл. 132, подразумевается Катон Старший, причем чувствуется, что к уважению приешана толика светско-эпикурейской иронии. ...*Сервий иль сам Лабеон.* — Сервий Сульпиций Руф, друг Цицерона, и Квинт Антистий Лабеон, писатель и политик времен Августа и Тиберия, знамениты прежде всего как юристы, но были разносторонними эрудитами и деятелями. Лабеон, по сведениям античных авторов, сочинил 400 книг разнообразного содержания. Приведя имена людей, сохранивших добрую репутацию в чрезвычайной сложной обстановке, Петроний решает утверждать, что и репутацию можно получить за деньги. ...*извлекла могучую печень...* — Рассмотрение внутренностей, в частности печени, приносимых в жертву животных было у древних весьма распространенным видом гадания; у римлян таким гаданием занимались гаруспики.

138. ...*с опасностью для жизни...* — Ситуация любопытна не только тем, что наглядно представляла мысль о странностях любви (гл. 126), но и тем, что обласкиваемый служанкой Энколпий должен был сообразить: кое-кому уже определенно известно, что он не раб, а следовательно, всей комедии грозит конец. ...*что у Ариадны, что у Леды...* — Ариадна и Леда упомянуты здесь как прекрасные возлюбленные богов — Диониса и Зевса.

139. *Гонимый Инахией гневной...* — Гера, усердно почитаемая в Аргосе, называлась Инахией, по имени первого Аргосского царя — Инаха. ...*Лаомедонт утолил...* — О троянском царе, отце Приама, рассказывали, что ему угрожали Посейдон с Аполлоном и что он был убит рассвирепевшим Гераклом. Поэт умалчивает о том, что причиной этих бед была нечестность героя. ...*Пелий подвергся Юнонину гневу...* — Сын Посейдона Пелий совершил несколько проступков, которые принесли ему много бед и гибель от рук Медеи. Юнона (Гера) гневалась на Пелия либо оттого, что сочувствовала его сопернику Ясону, либо оттого, что Пелий убил свою тещу Сидеро, спасавшуюся на алтаре Геры. ...*поднял // меч свой Телеф...* — Телеф — сын Геракла и Авги, испытал множество бед: изгнание, странствие по морю в ящике, риск инцеста, страшную рану, полученную от Ахилла и исцеленную им же только благодаря отчаянным усилиям Теле-

фа. ...по глады седого Неря...— Нерей — морской старец, отец Нерейд; глады Неря — то же, что Нептуново царство. ...гнев геллеспонтского бога Приапа.— Гнев Приапа в «Сатириконе», подобно гневу Посейдона в «Одиссее», составляет сюжетную основу для нанизывания разнообразных повествовательных элементов. Приап почитался особенно усердно в Лампсаке, на берегу Геллеспонта (Дарданелл).

140. ...направляется в храм творить молитвы.— Очень любопытный штрих, показывающий, что и язычеству классической древности не было чуждо ханжество. Петрония как наблюдателя человеческих нравов это свойство очень занимало. *Каллипидали*.— Ср. Афродита Каллипигос. ...*благословеннее Протесилая*.— Протесилай, первая жертва Троянской войны, был так любим своей юной супругой Лаодамией, что боги позволили ему вернуться к ней на короткое время. Достоинства этой любви лукаво переосмыслены Петронием, причем совершенно превратное освещение всей истории достигается с помощью одного эпитета. *Сократ*... любил похвалиться...— См. коммент. к гл. 129.

141. ...поедают своих покойников...— О таких обычаях у различных народов рассказывал Геродот в «Истории» (I, 216; III, 38; 99; IV, 26); III, 99, по-видимому, прямой источник Петрония. ...*сагунтинцы, Ганнибалом теснимые*.— Ганнибал осаждал Сагунт в 220 г. до н. э.; через восемь месяцев город был захвачен карфагенянами. ...*изголодавшиеся петелийцы*.— Петелия — город, находящийся недалеко от Кротона. Упоминание об упорной защите этого города во время войны с Ганнибалом — выигрышный довод в устах Евмолпа, обращающегося к кротониатам. ...*когда взял Сципион Нуманцию*.— Отчаянное положение жителей этого испанского города после взятия его Корнелием Сципионом Африканским в 134—133 г. до н. э. описано у Аппиана (VI, 48—98).

А. Гаврилов

ФРАГМЕНТЫ

Кроме основного сохранившегося корпуса «Сатирикона», уцелел ряд коротких отрывков, цитируемых поздними грамматиками и иными писателями, а также вставных стихотворений, попавших в так называемую «Латинскую антологию», собран-

ную из раннесредневековых рукописей. Здесь они переводятся впервые (кроме последнего стихотворения, переведенного Б. И. Ярхо для его издания, и фр. 4 из поэмы Аполлинария Сидония, переведенной С. А. Ошеровым). Из 1 и 4 фр. мы видим, что действие утраченных частей разворачивалось, может быть, в Массилии (Марселе). Фр. 7 сопровождается ссылкой на эпизод с Квартиллой «в XIV книге» (ср. гл. 20), но это, по-видимому, интерполяция. Фр. 24 повторяет стих Марциала, II, 12, 4: это или ошибка цитирующего Иеронима, или реминисценция из Петрония у Марциала. Поверье, что медвежата рождаются безобразными и приобретают облик только когда их оближет мать (фр. 26), было в древности общераспространенным. Философское рассуждение во фр. 29 (в частности, пример с квадратной башней, которая кажется круглой) — общее место античного рационализма и скептицизма. Замечателен фр. 27 о том, как страх породил богов, — это наиболее программная эпикурейская декларация у Петрония. Кроме переведенных здесь (по изданию Мюллера и Элерса) отрывков, в разных рукописях и изданиях Петронию приписывалось много и других стихов, но по большей части безосновательно.

М. Гаспаров

ЮВЕНАЛ

Шестнадцать сатир Ювенала обычно печатаются с последовательной нумерацией, но изданы автором они были, как у Горация, сборниками — пятью книгами. I книга (сатиры I—V) вышла еще при Траяне (98—117), во всяком случае — после 100 г. (I, 49); II книга (сатиры VI) — около 116 г. (VI, 407). Остальные книги появились при Адриане (117—138): III книга (сатиры VII—IX) около 120 г., IV книга (сатиры X—XII) около 125 г., V книга (сатиры XIII—XVI) вскоре после 127 г. (XIII, 17; XV, 27) и, несомненно, уже посмертно — XVI сатира осталась недописанной. Работая над новыми сатирами, автор продолжал переработку старых; об этом упоминают античные комментаторы, и об этом свидетельствует большая вставка в VI сатире, сохранившаяся только в одной (Оксфордской) рукописи и опубликованная в 1899 г.

На русском языке впервые появились очень вольные переложения сатир I и III в книге известного юмориста Д. Минаева «Сатиры и песни» (1868); затем в 1884—1886 гг. уже известный нам Н. М. Благовещенский опубликовал в научном журнале прозаический комментированный перевод III, VII и VIII сатир. Первый полный стихотворений перевод Ювенала был сделан А. А. Фетом (1884); за ним последовал перевод А. Адольфа (1888) с приложением латинского текста и подробнейшими комментариями, не утратившими интереса до сих пор. Перевод, перепечатываемый в нашем сборнике, впервые был издан в 1937 г. и частично перепечатан в книге «Римская сатира» (М., 1957). Сатиры I—VIII переведены Д. Недовичем, сатиры IX—XVI — Ф. Петровским, общая редакция — Ф. Петровского.

КНИГА ПЕРВАЯ

С а т и р а п е р в а я. (Апология сатиры.) *Ход мысли:* обращение поэта к сатире (1—21) вызвано упадком нравов в Риме (22—80) и всей современной жизнью (81—146), например — обращением патронов с клиентами (97—126). Имена будут вымышлены: свободы слова больше нет (127—171).

2—5. «*Тезеида*» (видимо, эпос), «*Телеф*» и «*Орест*» (видимо, трагедии; но в это время и трагедии обычно писались не для сцены, а для декламации) — названия исполнявшихся на публичных чтениях произведений на популярные мифологические темы. *Корд* — поэт, ближе неизвестный. *Тогаты* — комедии на римские сюжеты (с действующими лицами в римских тогах).

6. *Занял изнанку страниц...* — На оборотной стороне свитка, как правило, не писали.

7—11. *Марсова роща* (в Колхиде?), *пещера Вулкана, утес Эола* (на вулканических Липарских островах близ Сицилии) — избитые штампы мифологических эпопей; может быть, Ювенал имеет в виду, в частности, «Аргонавтику» Валерия Флакка (80-е гг.) о плавании героев за *золотым руном*. *Моних* — один из кентавров, бившихся с *лапифами* (тоже модный мифологический сюжет).

12. *Фронтон* — неизвестный меценат домициановского или позднейшего времени.

15—16. *...и мы ведь // Сулле давали совет...* — Тема школьной декламации: увещание диктатору Сулле (81—79 г. до н. э.)

отказаться от власти; тема упоминается Квинтилианом (III, 8, 53).

20. ...великий питомец Аврунки...— В кампанском городе Суэссе Аврунской родился Луцилий.

23. Мевия... *вепря разит*...— Скорее всего, даже не на арене, а на настоящей охоте. Мевия едет в костюме амазонки, оставляя одну грудь открытой.

26. Каноп — курортный город близ Александрии, известный вольностью нравов (ср. ниже, VI, 84 и XV, 46).

27. Криспин — фаворит Домициана, выходец из Египта; к нему Ювенал испытывал личную ненависть (ср. сатиру IV).

32. Матон — скорее всего, реально существовавшее лицо (ср. VII, 129 и XI, 34). Судя по тому, что в VII, 136 говорится о его банкротстве, для создания видимости богатства ему нужна новая лектика (носилки, часто крытые) — обычное средство передвижения состоятельных людей по Риму, где в пределах города конные и запряженные мулами повозки были запрещены.

35—36. Бебий Масса и Меттий Кар — известные доносчики времен Домициана. Латин — знаменитый мим (актер), любимец Домициана и тоже доносчик; он подсылает танцовщицу Тимелу к другому доносчику, желая задобрить его.

40. Унция — здесь: двенадцатая часть наследства.

44. ...перед жертвенником лугудунским.— Здесь, в Луг(у)дуне (Лионе) Калигула устраивал состязания в красноречии и «тем, кто менее всего угодил публике, приказывали стирать написанное губкой или языком» (Светоний, 20).

46—47. ...грабитель // Мальчика, им развращенного...— Опекун, который разорил сироту, и тот теперь вынужден нищейтой продавать себя.

49. Марий Приск — проконсул Африки в 99—100 гг., за вымогательства привлеченный к суду Плинием Младшим и приговоренный к крупному штрафу и высылке из Рима; однако денег у него хватало и в ссылке на роскошную жизнь, ограбленная же провинция не получила никакого возмещения.

51. Ветузинская лампада — символ ночного литературного труда; Ветузия на юге Италии — место рождения сатирика Горация.

53. Путь Диомеда (после падения Трои — из Аргоса в Италию, где ему приписывалось основание городов) и пр. — опять избитые мифологические сюжеты.

55. *Сводник добро у развратника взял...* — Муж получает наследство от любовника жены с тем, чтобы оно было передано ей, так как жена бездетна (и поэтому не имеет права наследования), а у мужа есть дети от первого брака. За это муж готов дать вид, что ничего не происходит.

58. *Когорта* — видимо, преторианская (гвардейская); командование ею — очень видный пост (ср. X, 94).

60—61. *Фламинская* (Фламиниева) *дорога* — из Рима в Северную Италию; *Автомедон* — имя возницы Ахилла, которое стало нарицательным.

62. *Лацерна* — мужской плащ; девица ради оригинальности оделась по-мужски.

71. *Лукуста* — известная отравительница времен Клавдия и Нерона.

74. *Гиары* — скалистый островок в Эгейском море, место ссылки.

80. *Клувиен* — неизвестный поэт.

82—84. *Девкалион*, сын Прометея, и его жена *Пирра*, спасшиеся после всемирного потопа, по указанию оракула сотворили новый род человеческий из камней, бросаемых ими через плечо.

96—97. *Толпа, что одета в тоги* — клиенты. Некогда они завтракали по утрам вместе с патроном, потом их порции стали выдаваться им на руки (спортулы, «подачки»), потом кушанья заменились денежной выдачей (25 медных ассов); среди клиентов знати были и богатые вольноотпущенники, и бывшие должностные лица (преторы и трибуны).

100. *Потомки троян* — представители старой знати, ведущей род от спутников Энея.

106. *Пурпур широкий* — кайма на сенаторской тоге.

107—108. *Корвин* — из обедневших потомков знаменитого Мессалы (см. коммент. к Персию, 2, 72); о *Палланте* и *Лицине* см. коммент. к «Апофеозу Божественного Клавдия» (6).

111. *...с ногой набеленной...* — Рабам, выводимым на продажу, натирали ноги мелом.

115—116. *Верность, Мир* и т. д. — божества, каждому из которых в Риме были воздвигнуты храмы. На крыше храма *Согласия* свил себе гнездо аист («щелкает нам из гнезда»).

120. *Сотня квадратов* — 25 ассов (см. коммент. к ст. 96—97).

128. *Аполлон-юрисконсульт* — статуя Аполлона на форуме Августа, служившем для судебных заседаний.

130. *Арабский князь* (иначе — арабарх, эпистратег Фиваиды) — должность в римском Египте; сыном арабарха был Тиберий Юлий Александр, из иудейского рода (племянник философа Филона Иудейского), потом отступивший от своей веры, ставший префектом всего Египта, а позже римским командующим в Иудейской войне (70 г.) — именно над ним, может быть, помертно издевается Ювенал.

154. Реминисценция из Луцилия (*Муций Сцевола* — консул 135 г. до н. э.).

155. Софоний *Тигеллин* — ближайший фаворит Нерона, сперва начальник пожарно-полицейской команды, потом — всей преторианской гвардии.

158. *Аконит* — быстродействующий яд из корня травы прострела.

162. *Энея с... Ритулом* (Турном) и т. д. — Опять перечень избитых мифологических тем.

171. *...кого пепел зарыт...* — Римские кладбища располагались обычно вдоль дорог; о *Фламинской* дороге см. коммент. к ст. 60, *Латинская* вела от Рима на юго-восток.

Сатира вторая. <Против лицемерия.> *Ход мысли*: развратники притворяются философами (1—35), мужчины, сетующие на распущенность женщин, сами пали ниже их (36—65), показываются в женском платье (66—81), уподобляются им (82—116), вступают в противоестественные браки (117—148), превосходят развратом даже Восток (149—170).

2. *Савроматы* (сарматы) — кочевники северного Причерноморья в первые века н. э.; для римлян это — крайний север мира.

3—7. *Маний Курий Дентат* — полководец III в. до н. э., образец простоты и строгости нравов; *Клеанф* и *Хрисипп* — руководители стоической школы в Афинах в III в. до н. э.; *Питтак Митиленский* (VII в. до н. э.) — один из полубогатых Семи мудрецов ранней Греции. *Вакханты* — участники празднеств в честь Вакха, против разнузданности которых в Риме был принят закон еще в 186 г. до н. э.

15. *Волосы бреют...* — Стоики и киники носили длинные бороды, а волосы, наоборот, стригли. *Архигалл* — верховный

жрец богини Кибелы, Матери Богов, жрецы которой («галлы») оскотляли себя.

19. *Словеса Геракла* — речи, сильные, как мощь Геркулеса.

24. Тиберий и Гай *Грахи* — народные трибуны 133 и 123—121 гг. до н. э.; с их выступлений в защиту народа начались гражданские войны в Риме.

26—28. *Веррес* — наместник Сицилии, обличенный в грабительстве Цицероном в 70 г. до н. э.; *Клодий*, народный трибун 58 г., считался любовником Цезаревой жены и собственной сестры; *Милон*, враг и соперник Клодия, убил его в дорожной схватке; Корнелий *Цетег* был активным участником заговора Катилины; *Сулла* в 82 г. до н. э. впервые провел в Риме массовые репрессии с конфискациями (проскрипции), а *триумвиры* 43 г. до н. э. (Октавиан, Антоний и Лепид) повторили их.

29—33. *Соблазнитель* — Домициан, сожительствовавший со своей племянницей, дочерью Тита, и сильным абортивным средством приведший ее к гибели. *Законы суровые* — законы Августа против прелюбодеяния, восстановленные тем же Домицианом во всей строгости. Любовь *Венеры* и *Марса* — классический пример прелюбодеяния из мифологии («Одиссея», VII, 266 след.).

35—36. *Скавр* — образец республиканской доблести: или Марк Эмилий Скавр, строгий цензор 109 г. до н. э., или сын его, после поражения в битве от стыда перед отцом покончивший самоубийством. *Ларония* — богатая бездетная вдова, упоминаемая и Марциалом (II, 32, 6).

40. *Третий Катон*. — После цензора 184 г. до н. э. Катона Старшего и его правнука, борца за республику Катона Младшего (Утического), покончившего с собой в 46 г. до н. э.

44. *Скантиниев закон* — против мужеложства.

55. *Арахна*. — Согласно мифу, искусная ткачиха, вызвавшая на состязание саму Афины и за это превращенная в паука.

58. *Отпущенник Гистра* (ср. XII, III) был любовником своего патрона, а свою жену утешал богатыми подарками.

70. ...*И подсудима тоги такой не наденет*. — Очевидно, перечисленные дамы, осужденные за прелюбодеяния, должны были носить вместо стóлы, одежды свободных женщин, «распутничью тогу», одежду блудниц.

87. *Добрая Богиня* — римское божество, праздник которого (1 мая) справлялся только весталками и замужними женщинами.

ми; присутствие мужчин воспрещалось. В жертву ей приносилась свинья как символ плодородия.

91—92. *Котито* — фракийская богиня, издавна чтимая в Афинах ночными таинствами при факелах; ее жрецы назывались *баптами*.

95. *Приап* — сосуд в форме фаллоса, названный по имени бога.

98. ...*клянутся Юноной*. — Рабы клялись «Юпитером своего хозяина», рабыни — «Юноной своей хозяйки» (ср. коммент. к Петронию, 25).

99. *Отон* — римский император, бывший любовник Нерона. В этих стихах Ювенала пародируются строки «Энеиды» (III, 286 и XII, 94).

104—106. Названный *Отон*, известный своей изнеженностью, 15 января 69 г. убил своего предшественника *Гальбу* и стал императором, а 16 апреля того же года погиб, разбитый при *Бебриаке* (точнее, *Бедриаке*) новым претендентом, *Вителлием*.

108—109. *Как не умела...* — Даже воинственные восточные царицы *Семирамида* и *Клеопатра* (разбитая в битве при *Акци*) так не заботились о своей наружности.

111. *Кибела* — см. коммент. к ст. 15.

121. *Цензор* — высшее должностное лицо, следящее за добрыми нравами (*Домициан* принял это звание пожизненно); *гаруспик* — жрец, толкующий дурные знаменья — противоестественные события разного рода (вроде описываемого).

124. *Вот в позументах...* — Описание римского убора невесты: туника до пят и фата шафранного или красного цвета; «позументами» назван особый вид аппликации на богатой ткани.

125. ...*носил на священном ремне...* — Стало быть, *Грах* был даже членом патрицианской коллегии жрецов *Марса* — *салиев*, в «Марсов день» 1 марта обходивших город в быстрой пляске, ударяя копьями в священные щиты.

128. *Градив* — древний культовый эпитет *Марса*.

133. *Долина Квирина* — место неизвестное.

142. *Луперки* — жрецы *Фавна*, бога плодородия; в его праздник 15 февраля луперки нагими обегали город, стегая встречных ремнями из козьих шкур; считалось, что такой удар избавлял женщин от бесплодия.

148. ...*кто устраивал сам...* — Имеется в виду император *Нерон*.

149. *Маны* — духи умерших.

152. ...еще не платившие в банях. — Дети мылись бесплатно.

153—155. Великие римляне прошлого: *Курий Дентат* (см. коммент. к ст. 3), *Сципионы* — Старший, победитель Ганибала, и Младший, разрушитель Карфагена, *Фабриций*, спасший Рим от Пирра, и *Камилл* — от галлов, и, наконец, род *Фабиев*, взявший только на себя войну с этрусками в V в. до н. э. и почти поголовно погибший в битве у речки Кремеры.

158. *серы...и влажного лавра*. — Курение серой и окропление водой, брызгающей с веток лавра, — обычные средства очищения.

160. *Юверна* — Ирландия, *Оркады* — острова к северу от Шотландии; практически они так и не были завоеваны.

164. *Залак* — возможно, один из заложников, прибывших с посольством из Армении к Нерону в 54 г.

165. *Эфеб* (г р е ч.) — юноша в возрасте (обычно) 18—20 лет.

170. *Артаксата* — столица Армении на реке Араксе.

Сатира третья. <Умбриций.> Этот бедный, но честный человек покидает Рим (1—20), где нет места честному труду (21—57) из-за интриг греков и выходцев с Востока (58—125), прочь от гнета богачей и знати (126—146), от недоверия и насмешек (147—167). В маленьком городе жизнь дешевле (168—190) и спокойнее (191—231) по сравнению с римскими опасностями, дневными (232—267) и ночными (268—314). Заключение (315—322).

3. *Кумы* — приморский город близ Неаполя; там когда-то давала пророчества *Сивилла*, описанная в «Энеиде».

4—5. *Байи* — курорт близ Кум, *Прохита* — островок напротив него; *Субура* — улица в Риме, обильная притонами.

11. *Капена* — ворота, от которых начиналась Аппиева дорога на юг; «отсыревшие» они потому, что возле них заканчивался один из римских водопроводов. Рядом находилась роща, когда-то посвященная нимфе источника Эгерии, будто бы дававшей советы мудрому царю *Нуме Помпилию*.

14. ...*корзина да сено*. — В них иудеи хранили с пятницы горячую пищу и воду, так как в субботу зажигать огонь было запрещено их религиозным обычаем.

17—18. ...к пещерам//Ложным...— Во времена Ювенала пещеры в роще Эгерии были превращены в живописные гроты.

21. Умбриций — возможно, реальное лицо; это имя сохранилось на надписи в Путеолах близ Кум.

25. Дедал.— О том, что он улетел с Крита именно в Кумы, говорит Вергилий («Энеида», VI, 14 сл.).

27. Лахеса.— См. коммент. к «Апофеозу Божественного Клавдия», 3.

31—33. ...на откуп берут и храмы, и реки...— Перечисляются самые грязные и предосудительные занятия: подряды по очистке клоак, устройству похорон и публичных торгов (знаком которых было воткнутое в землю копье).

34—36. ...трубачи...— Смысл: люди, раньше служившие глашатаями на гладиаторских играх, разбогатели так, что сами дают гладиаторские игры.

43—44. ...предсказывать сыну...— Чаше всего наследник спрашивал астролога, когда ждать смерти отца. ...в утробу лягушки...— Внутренности лягушки использовались для отравы (ср. I, 70).

54. Таг — река Тахо в Испании, считавшаяся золотоносной.

61—62. Ахейцы — греки из собственно Греции (Ахайи) в противоположность грекам из Сирии (с реки Оронта) и остального Востока.

63. Самбука — восточный инструмент, род треугольной арфы с натянутыми нанскось струнами; тимпан — бубен с колокольчиками.

67. Квири́н — имя обожествленного Ромула среди богов.

69—71. Перечисляются местности Греции, Эгейских островов и Малой Азии. Эскви́лин — см. коммент. к Горацию (I, 8); Вими́нал — соседний с ним холм.

74. Исей — современный Ювеналу ритор-виртуоз из Ассирии.

79. Тот, кто на крыльях летал — Дедал.

93—95. ...Фаиды, // Или же честной жены...— Перечисляются три женские роли в комедиях на греческий сюжет («паллиатах»): гетеры, матроны и рабыни. Женские роли исполнялись мужчинами.

116. Стоиком слышавший старик — стоик Публий Эгнаций Целер, по ложному доносу которого в 66 г. был осужден его

ученик Барей Соран. *...уроженец того побережья...* — То есть уроженец города Тарса в Киликии, где уронил перо из своего крыла Пегас, конь, рожденный из крови Медузы Горгоны, убитой Персеем.

127. *...хоть сам он и в тоге...* — Клиент обязан был являться к патрону непременно в тоге.

129—130. *...приветствовать... Модию или Альбину...* — от которых претор ожидает наследства.

132. Юния Кальвина — сестра Луция Силана, с которой он был в кровосмесительной связи (см. коммент. к «Апофеозу Божественного Клавдия», 8); Катина ближе неизвестна.

134. *...Сколько имеет трибун...* — Войсковой трибун, помощник начальника легиона, в III в. н. э. получал 25 тысяч сестерциев в год — сумму крупную; для времени Ювенала точных сведений нет.

137—139. *...идейской богини//Гостеприимец...* — Публий Корнелий Назика, признанный сенатом лучшим человеком в Риме в 204 г. до н. э., когда оракул объявил, что привезенный в Рим идол Кибелы должен быть временно поставлен в доме лучших из людей. Спас из пламени храма Минерву — Луций Цецилий Метелл, при пожаре храма Весты в 241 г. до н. э.; при этом он ослеп. Этот идол Минервы считался упавшим с неба в Трое и потом доставленным в Рим.

144—145. *...алтарем... Самофракийским...* — На острове Самофракии в Эгейском море справлялись древнейшие мистерии в честь богов-кабиров.

153—159. *...Кресла очисти для всадников...* — По закону Росция Отона (67 г. до н. э.), строго возобновленному Домицианом, первые 14 рядов в театре отводились для всадников — лиц с имуществом в 400 тысяч сестерциев; обедневшие всадники изгонялись с этих мест, а разбогатевшие выскочки допускались.

162. Эдилы ведали городским благоустройством и созывали на совет благонадежных граждан среднего сословия; должность такого заседателя была неоплачиваема, но выгодна.

169. Сабеллы (и родственные им марсы) — апеннинские племена, надолго сохранившие обычаи простой жизни.

174—175. Экзодий — дивертисмент после спектакля, обычно — ателланы, народные комедии масок (здесь, может быть, описана маска обжоры Мандука с разинутым зубастым ртом).

177. Орхестра (в Риме) — первые ряды перед сценой, где

сидели сенаторы, иностранные послы и почетные лица, а в провинции — декурионы.

185. Авл Фабриций Вейентон — трижды консул, приближенный Домициана.

190—192. Перечисляются небольшие города Лация и Этрурии.

198. Укалегон — в смысле «сосед» (пародия на «Энеиду», II, 311).

203. *Прóкула* — вероятно, имя известной в Риме карлицы.

205. *Хирон*.— Фигурки этого кентавра были украшением комнат.

213. ...и претор тяжбы отложит.— Всеобщий траур сопровождался приостановкой судопроизводства.

217. *Евфранор* (IV в. до н. э.) и *Поликлет* (V в. до н. э.) — знаменитые греческие скульпторы, чьи работы ценились в Риме очень высоко.

223. *Если от игр цирковых...*— Цирковые игры (скачки) из всех городов Италии проводились только в Риме.

224. *Сора*, *Фабратерия*, *Фрузион* — города в Лации, недалеко от Аквина, родного города Ювенала.

229. ...пир...для сотни пифагорейцев.— Пифагорейцы не употребляли мясной пищи.

238. *Друз* — одно из имен императора Клавдия (до восшествия на престол); о его необыкновенно крепком сне говорит Светоний (8). *Морская корова* — тюлень, считавшийся самым сонливым животным.

240. Правильнее: «его понесет либурнский носильщик» (либурнский, то есть из Иллирии; тамошние рабы славились силой).

251. *Корбулон* — полководец Нерона, воевавший в Германии и в Армении; отличался огромным ростом и силой.

254—255. ...елку шатает//С ходом телеги...— Запрет пользоваться повозками в городе Риме имел несколько исключений: подвоз материалов для строительства общественных зданий (как здесь), цирковые процессии, возвращение прибывших ночью на рынок возов (как в ст. 235—237) и почетное право отдельных лиц пользоваться колесницами.

267. ...Нет монетки во рту...— Перешедший в Рим греческий обычай класть покойнику в рот монету для платы за перевоз через адскую реку.

279. ...не спит, как Пелид...— «Илиада», XXIV, 9—11: Ахилл тоскует об убитом друге Патрокле.

283. *Алая накидка*.— Такую одежду носили только очень богатые люди.

296. *Синагога* названа как место, возле которого собираются нищие.

306. *Понтинские болота, галлинарские леса* (в Кампанин, недалеко от Неаполя) — обычные убежища разбойников.

319—321. *Аквин* — родной город Ювенала, место культа *Церецы* и *Дианы* («Гельвинской» — от рода Гельвиев?).

Сатира четвертая. (Совет о рыбе.) Ход мысли: фаворит Домициана Криспин тратится на дорогих рыб (1—27); а сам Домициан, когда ему поднесли огромную камбалу, не умежавшуюся ни на одном блюде (28—72), созвал по этому поводу государственный совет (72—118), после долгих прений решивший заказать для нее специальное блюдо (119—154).

10. ...с которым недавно лежала весталка...— При Домициане в 91 г. была казнена за нарушение обета 30-летнего целомудрия Корнелия, жрица Весты; видимо, ходили слухи, что ее соблазнил Криспин (см. коммент. к I, 27).

12. ...нравов судом...— См. коммент. к II, 121.

15. *Барвена*, или *краснобородка* — рыба, крупные экземпляры которой были редки и необычайно ценились гастрономами.

23. *Апиций* — гурман-расточитель I в.; ему приписывается дошедшая до нас римская поваренная книга.

27. ...апулийцы дешевле еще продают их.— В Апулии, на юге Италии, земля была не столько пахотная, сколько пастбищная.

34—35. *Каллиопа* — муза эпической поэзии. *Пизэрии дэвы* — Музы.

38. *Лысоголовый Нерон* — Домициан.

40. *Анкона* — порт на Адриатике (с храмом Венеры), основанный сиракузянами, говорившими на дорическом диалекте.

42—43. *Меотийский* — из Меотиды, то есть Азовского моря; считалось, что оттуда течение несет рыб к устьям Черного моря — Босфору.

53—55. *Палфурий Сура* — фаворит Домициана, поэт и оратор (то есть доносчик); *Армиллат* ближе неизвестен; *Фиск* — государственная казна.

59. *Австр* — южный ветер, сирокко, вредный для пищи.
60—61. *Озёра* — два озера, близ которых прежде находилась Альба Лонга, разрушенная столица древнего Лация, а теперь летний дворец Домициана. Там сохранился храм Весты («Меньшой», по сравнению с римской), где горел вечный огонь, по преданию, с Энеевых времен.

65. *Атрид* — Агамемнон, сын Атрея; здесь — Домициан.
Пиценеу — Анкона находилась в области Пицене.

75. *Либури* (см. коммент. к III, 240) — здесь: придворный курьер.

76—77. *Пегас* — известный юрист, префект Рима (издевательски названный «старостой», как раб), поэтому приглашаемый к императорскому совету первым.

81. Квинт Вибий *Крисп* упоминается за свой ораторский талант и Квинтилианом (V, 13, 48).

94—95. Маний *Ацилий* Глабрион Младший — консул 92 г.; Домициан приказал ему сразиться со львом, Ацилий убил льва, это вызвало зависть императора, и Ацилий был казнен в 85 г.

102—103. *Брут* — Луций Юний Брут Старший, изгнавший царей из Рима (VI в. до н. э.); он спасался от подозрений в заговоре, притворяясь сумасшедшим. В те времена римляне еще носили бороды; «бородатый Домициан» значит «царь древних времен».

105. *Рубрий* Галл — полководец еще Нероновых времен, слышавший соблазнителем Юлии, племянницы Домициана. Далее перечисляются менее известные придворные; среди них Корнелий *Фуск*, начальник преторианцев, погибший в Дакии (Марциал, VI, 76), *Фабриций Вейнтон* (см. коммент. к III, 185) и Валерий *Катулл* Мессалин, которого Домициан «посылал на всех лучших людей» (Плиний Младший, IV, 22); о его слепоте и сладострастии писал Марциал (VIII, 49).

117. ...у телег *арицийских*... — В Ариции на Аппиевой дороге был храм Дианы, привлекавший множество паломников; повозки там ехали медленнее, и это было удобно для нищих.

121. *Килик* — гладиатор.

122. *Пегма* — театральная подъемная машина.

123. *Беллона* — богиня воинского боевого безумия.

126—127. Британцы действительно сражались на колесницах; но имя *Арвирата* более нигде не упоминается.

133. *Прометей* — титан, слепивший из глины первых людей.

141—142. ...*Цирцейского мыса*...— *Цирцея* — город в Лациии. *Лукринское озеро* — в Кампании, *Рутулии* — в Британии.

147. *Хатты* и *сикамбры* — германские племена; с хаттами Домициан воевал в 82—83 гг.

149. ...*На быстролетном пере*...— Военные гонцы, доставлявшие неблагоприятную весть, прикрепляли к острию копья перо.

153—154. *Сгинул он*...— Домициан погиб в 96 г., убитый дворцовыми служителями. *Ламии* — древний аристократический род; в числе жертв Домициана был Луций Элий Плавтий Ламия Элиан, сменный консул 80 г., зять Корбулона (см. коммент. к 251).

Сатира пятая. (Обед клиента у патрона.) Ход мысли: лучше нищенство, чем клиентство (1—23): за обедом даже вино, воду и хлеб богатым и бедным гостям подают по-разному (24—79), а затем то же повторяется за каждым блюдом и за десертом (80—155); что ж, кому нравится такое обращение, заслуживает его (156—173).

3—4. *Сармент* и *Габба* — придворные шуты Августа (ср. Гораций, I, 5).

17. *Третье сиденье* на третьем (нижнем) ложе — наименее почетное.

20. ...*Бросит ремни башмаков*...— Чтобы не тратить время на их завязывание.

23. *Повозка Волопаса* — Большая Медведица: небо в звездах, и солнце еще не взошло.

24—25. *Такого вина не стерпела* 6//*Для промывания шерсть*.— Свежеснятая шерсть промывалась смесью дешевого вина и масла. *Корибанты* — те же «галлы», неистовые спутники Кибелы.

28. *Сагунтинская бутыл*ь — глиняная, из испанского Сагунта.

30. *Время консулов долгобородых* — см. коммент. к IV, 102—103.

31. *Союзные войны* — итальянское восстание 90—89 гг. до н. э.

36—37. *Тразея* Пет и его зять *Гельвидий* Приск — стоики и вожди сенатской оппозиции; первый погиб при Нероне, вто-

рой — при Веспасиане. Их герои — *Брут Старший*, изгнавший царей, и убийцы Цезаря *Брут Младший* и *Кассий Лонгин*.

38. *Виррон* — имя хозяина. *Слеза Гелиады* — янтарь (Гелиады, дочери Солнца, оплакивали своего брата Фаэтона, пока не превратились в деревья, а их слезы — в янтарь).

45. *Ярба* — ливийский царь, отвергнутый жених Дидоны в «Энеиде».

46. *Сапожник из Беневента* — Ватиний, влиятельный шут при дворе Нерона. Его именем звались сосуды с четырьмя большими носиками.

50. *Геты* — дунайский народ; о тамошнем холоде писал Овидий.

53. *Гетулы* — племя в южной Мавритании.

57. *Тулл Гостилий* и *Анк Марций* — третий и четвертый цари Рима.

89—90. *Миципса* (нумидийский царь II в. до н. э.) и *Боккар* (мавританский царь III в. до н. э.) — нарицательные имена африканцев; африканское сезамовое масло воню отпугивало даже змей.

98. *Лена*, ловец наследств, дарит *Аврелии* лакомства, чтобы она упомянула его в завещании, а та перепродает их, наживаясь.

102. *Пролив Харибды* — Мессинский пролив.

109. *Сенека*, богач-философ, *Пизон*, глава заговора против Нерона, и *Котта* (консул 20 г., промотавший все свое состояние?) названы как образцы щедрых патронов.

115. *Мелеагр* — герой, убивший сказочного калидонского вепря.

118—119. *Оставь себе хлеб свой, ливиец...* — И хлеб (для народа), и лучшие трюфели (для гурманов) привозились из Африки.

126. *Носишь три имени...* — Личное, родовое и семейное, как все свободные граждане (напр., Марк Туллий Цицерон). *Как* — великан, убитый Геркулесом в его пещере (на месте будущего Рима) и вытащенный оттуда за ноги («Энеида», VIII, 249 сл.).

133. *...четыреста тысяч...* — См. коммент. к III, 153—159.

138. Пародия на «Энеиду», IV, 328 (мечта Дидоны о сыне от Энея).

141. *Микала* — наложница клиента. Доля детей наложниц в наследстве обычно была невелика.

147. ...какие ел Клавдий...— Агриппина отравила его имен-
но грибами, его любимой пищей.

151—152. *Феаки* — сказочный народ («Одиссея», VII),
где сады плодоносили круглый год; *сестры африканские* — Гес-
периды, в садах которых росли золотые яблоки вечной моло-
дости. Яблоками заканчивался обед: «от яиц и до яблок» было
поговоркой.

154. ...обезьяны верхом на козлах...— Шутовские представ-
ления для простонародья, бросавшего ученым зверям дешевые
плоды.

165. *Знак из этрусского золота* — булла (см. коммент. к
Персию, 5, 31).

КНИГА ВТОРАЯ

С а т и р а ш е с т а я. <Против женщин.> Ход мысли: доб-
родетельных женщин больше нет (1—62), они блудят с актера-
ми, музыкантами и гладиаторами (63—113), сама императрица
Мессалина продавала себя в публичном доме (114—135); в жен-
щине может прельщать богатство и красота (136—160), но их
портят гордыня (161—183), грекомания (184—199), капризное
властолюбие (206—223), непостоянство (224—241); они увле-
каются не женскими делами — тяжбами и гладиаторскими уп-
ражнениями (242—267); неразоблаченные прелюбодейки рев-
нивы, а разоблаченные дерзки (268—286); богатство и роскошь
привели на смену стыдливости разврат (287—300) на тайных
оргиях (301—351), мотовство (352—365), извращенную похоть
(366—378), увлечение певцами и музыкантами (379—397);
женщины любопытны (398—412), жестоки (413—418), пре-
даются мужской гимнастике и пьянству (419—433) или не-
уместной учености (434—456); они заботятся только о своей
наружности (457—473), за туалетом мучат служанок (474—
507), разоряют мужей суевериями (508—591), не хотят рожать
детей (592—609), одурманивают мужей зельями (610—626) и
даже убивают (627—661).

1. ...в царстве Сатурна...— То есть в золотом веке.

7—8. *Цинтия* — имя возлюбленной поэта Проперция; *воро-
бей бездыханный* — предмет горя возлюбленной поэта Катулла
(I в. до н. э.).

19. *Астрей* — богиня Справедливости.

29. *Тисифона* — одна из змееволосых *Фурий*, наводящих безумие.

38. *Урсидий* — развратник, ближе неизвестный; он женится, чтобы воспользоваться преимуществами, которые *закон Юлия* (Августа; ср. коммент. к II, 29—33) давал лицам, имеющим детей.

39. ...забывает он *горлиц*... — То есть подарки, подносимые охотниками за наследством.

44. ...в *ларе*... *Латина*! — Намек на какой-то мим о любовнике, прячущемся от мужа.

48. *Тарпейский храм* — Капитолийский храм, одна из частей которого была посвящена *Юноне*, покровительнице брака.

50. ...коснуться *повязок Цереры*... — Праздник *Цереры* в августе, на который матроны являлись в белых одеждах и с повязками на голове и во время которого воздерживались от супружеского общения.

52. *Венки, гирлянды* из лавра, мирта и плюща отмечали радость в доме (рождение ребенка, приход новобрачной).

56—57. *Фидены, Габии* — маленькие городки близ Рима.

63. *Бафилл* — знаменитый пантомим времен *Августа* (или его потомок времен *Домициана*?), изображающий любовь *Лебедя-Юпитера* и *Леды*.

69. *Плебейские игры* — в ноябре, *Мегалеские* — в апреле; в промежутке театральных представлений в Риме не было.

70. *Маска, тирс* (ритуальный жезл) и *передник* — одежда вакханта; *Акк* — имя актера.

71—72. *Экзодий, ателлана* — см. коммент. к III, 174—175; актер *Урбик* пародирует трагическую роль *Автонои*, в вакхическом неистовстве растерзавшей своего сына *Пенфея*.

74—75. О кифареде *Хрисогоне* — ср. VII, 176, о *Гиспулле* — XII, 11. *Квинтилиан* — знаменитый ритор, автор книги «Воспитание оратора».

81. *Эвриал* — мирмиллон, то есть тяжеловооруженный гладиатор.

83—84. *Город Лага* — Александрия (где прежде правили *Птолеми Лагиды*), *остров Фарос* — перед ее гаванью, *Каноп* (см. коммент. к I, 26) — курорт в двух километрах от нее.

87. *Парис* — известный пантомим времен *Домициана*.

110. *Гиацинт* — нежный юноша, любимец *Аполлона* (ирония).

113. *Меч деревянный*.— Выдавался гладиаторам при отставке; отставной гладиатор уже не милее развратнице, чем аристократ.

115. *Равные богам* — императоры; *Августа* (ст. 119) — императрица Мессалина, *Британник* (ст. 124) — сын ее и Клавдия.

137. *Миллион сестерций* — имущественный ценз сенатора.

146. *Вольный* — то есть вольноотпущенник.

153. *...когда купец Язон загорожен...*— Во время праздника Сатурналий (см. коммент. к Горацию II, 2, 5), когда все дарили друг другу подарки, на Марсовом поле перед портиком с фресками о походе аргонавтов устраивались лавки, и сам Язон на фреске рядом с ними становился похож на купца.

155. *Мурра* — неизвестный материал (возможно, фарфор).

157. *Береника* — сестра и любовница Агриппы II, последнего иудейского царя (а потом — Тита, завоевателя Иерусалима).

163—164. *...С ликами древних предков по портикам...*— то есть из знатного рода; *...целомудра//Больше сабинки...*— Легенда о том, как похищенные римлянами сабин(ян)ки прекратили битву, бросившись между своими отцами и своими новыми мужьями (Ливий, I, 13).

167. *Венузинка* — жительница глухого итальянского городка. *Корнелия*, мать братьев *Гракхов* (см. коммент. к II, 24), была дочерью Сципиона, победителя карфагенского Ганнибала и нумидийского царя Сифакса.

172—174. *Пеан* — одно из имен Аполлона, сына Латоны; *богиня* — его сестра Диана. За гордыню Ниобы, жены фиванского царя *Амфиона*, они перебили ее семерых сыновей и семерых дочерей.

177. *...как у белой свиньи супоросой*.— Найденной Энеем, согласно пророчеству, на том месте, где потом была основана Альба Лонга («Энеида», VIII, 45).

184. Точнее: «Даже и малый порок нестерпим бывает для мужа».

187. *Сульмонянка* — уроженка сабинского города Сульмона.

199. *Гем и Карпофор* — актеры, хорошо игравшие женские роли.

205. *Траян и Германик* (в подлиннике «Дакийский и Гер-

манский», титулы императора Траяна, 98—117 гг.) — надписи на золотых монетах, которыми дарят новобрачных.

216. *Ланиста* — учитель и хозяин гладиаторов: занятие это считалось позорным, но положение мужа под каблуком жены еще позорнее.

228. ...*зеленые ветви*. — См. коммент. к ст. 52.

230. ...*достойный надгробия подвиг!* — То есть надписи на могильной плите столь многомужней женщины.

236. *Архиген* — знаменитый врач; подкупленный, он прописывает мнимой больной уединение и тем помогает принимать любовников.

245. *Цельз* — имя известных юристов, отца и сына.

246. *Эндромида* — теплый плащ, накидывавшийся после гимнастических упражнений, от простуды; *церома* — восковая мазь, которой натирались борцы, чтобы сделать тело скользким.

250. ...*на празднике Флоры*... — См. коммент. к Персию (5, 176—177).

265. *Лепид* (прозвище в роде Эмилиев), слепой *Метелл* (см. коммент. к III, 137—139), *Фабий Гург* (полководец начала III в. до н. э.) названы как образцы старых добрых нравов; *Азил* — гладиатор, ближе неизвестен (см. ст. 267).

280. *Квинтилиан*. — См. коммент. к ст. 74—75.

291. *Коллинская башня* — в римском лагере у Коллинских ворот в 211 г. до н. э., когда Ганнибал был «у ворот» Рима.

296. *Сибарис* и *Тарент* в Южной Италии, *Родос* и *Милет* в Греции — города, известные изнеженностью и роскошью их жителей.

314. ...*таинства Доброй Богини*... — См. коммент. к II, 87. Ювенал считает, что они справляются во имя Приапа, бога мужской силы, и могут распалить даже мифических старцев Нестора и Приама («Лаомедонтова сына», ст. 326).

320. *Савфeya* — распорядительница праздника (см. IX, 117).

337—338. *Клодий* (см. коммент. к II, 26) в 62 г. до н. э. проник на таинства Доброй Богини ради свидания с женой Цезаря — это было громким скандалом. «*Антикатон*» — несохранившийся памфлет Цезаря.

344. *Ватикан* — холм за Тибром, напротив Рима: при мудром Нуме даже глину для сосудов брали там, где ближе всего.

361. ...*Жизнь муравья*... — См. коммент. к Горацию (I, 1, 33).

376. *Хранитель лоз* — Приап.
382. *Плектр* — палочка-бряцало для игры на кифаре.
385. *Эли Ламии, Аппии Клавдии* — знатнейшие римские роды.
387. *Поллион* — известный кифаред (ср. VII, 176; Марциал, III, 20).
388. *Капитолийские состязания* — в борьбе, колесничном беге, поэзии и музыке — были учреждены Домицианом в 86 г. в Риме наподобие Олимпийских в Греции. Ламия приносила жертвы и гадала по внутренностям агнца (ст. 392), победит ли в них Поллион.
397. ...у *гаруспика* ноги опухнут. — От долгого стояния над жертвами, по внутренностям которых он гадал.
403. *Серы* — по-видимому, жители Северного Китая.
409. *Нифат* — гора в Армении, которую женщина считает рекой.
427. *Секстарий* — ок. 0,5 л.
443. ...поможет *Луне* при затменье. — В Риме, как и во многих других местах, при лунном затмении народ поднимал шум и звон, чтобы прогнать силу, затемняющую Луну (ср. Ливий, XXVI, 5).
- 446—447. ...подпоясывать *тунику*... платить по *квадранту* за баню. — Поведение мужчин: тунику подпоясывали при работе, *Сильвану* (богу рощ и нив) приносили жертву владельцы поместий, *квадрант* (четверть асса) — мужская плата в бане (женщины платили дороже, дети мылись бесплатно).
449. *Энтимема* — сокращенный силлогизм.
452. *Реммий Палемон* — грамматик нероновского времени, автор несохранившегося «Искусства грамматики».
- 461—469. ...от множества *теста*... *ослиное стадо*... — Хлебное тесто, ослиное молоко и (неизвестная по составу) мазь Поппей, жены Нерона, — средства для свежести кожи.
486. *Фаларис*. — См. коммент. к Персию (3, 39).
489. *Исида* — египетская богиня, храм которой в Риме часто служил местом свиданий: в ее праздник богомолки проводили в нем девять ночей.
490. *Псека* — имя рабыни.
503. *Андромаха* — жена Гектора в «Илиаде»; о ее высоком росте упоминал Овидий в «Науке любви» (II, 645 и III, 777).

513. *Полумужик* — архигалл (см. коммент. к II, 15).
517. *Сентябрь* — время нездорового *Австра* — сирокко. *Яйца* (ст. 518) как средство очищения — см. Гораций (II, 4, 56—57).
- 522—529. ...нырнет она в реку ...с древней овчарней...— Обряды культа Исиды: омовение в проточной воде *Тибра*, оттуда проползание на коленях до храма Исиды на *Марсовом поле* (некогда принадлежавшем царю Тарквинию *Гордому*, ст. 526), что рядом с оградой для народных голосований («овчарней», ст. 529), и паломничество в Египет (даже до *Мерои* в Эфиопии). *Белая Ио* (ст. 526) — греческое имя Исиды (по царевне, возлюбленной *Зевса*).
- 532—541. *Анубис* — бог загробного суда, изображавшийся с шакальей головой; его маску носил один из жрецов в бритоголовой толпе почитателей Исиды. *Змей* (ст. 538) — атрибут богини, *гузь* (ст. 541) — обычная жертва ей.
543. ...сено свое и корзину...— См. коммент. к III, 14.
548. *Коммагена* — область северной Сирии близ Евфрата; жрецам отсюда приписывалась даже ворожба на внутренностях детей.
553. *Халдей* (по названию восточного племени) — астролог.
554. *Источник Аммона* — оазис с оракулом в Египте.
555. ...Дельфийский оракул умолк...— Уже при Цицероне («О гадании», II, 57) он потерял популярность.
559. *Гражданин, внушивший ужас Отону* — император Гальба, которому астролог Селевк предсказал, что его сменил Отон.
564. *Сериф* — остров среди *Циклад* в Эгейском море, место ссылки.
566. *Танаквила* — жена Тарквиния Старшего (VI в. до н. э.), предсказавшая ему быть римским царем.
576. *Трасилл* — придворный астролог императора Тиберия.
577. *Первый камень* — первый верстовой столб.
581. *Петосирис* — легендарный изобретатель гороскопов.
- 582—583. *Пространство между столбами* — в цирке, где теснились более дешевые шарлатаны. Столбы обозначали место поворота колесниц, а изображения дельфинов (ст. 590) поднимались на колонны по числу сделанных колесницами кругов.

587. ...молнии...хоронит.— Место, пораженное молнией, считалось священным и обносилось изгородью.

602—605. ...о подкидышах... подделано имя...— В «грязных прудах» на овощном рынке в Риме стояла так называемая «молочная колонна», у которой подкидывали младенцев; будучи выдан знатной женщиной за свое дитя, он мог стать важным жрецом (понтифексом, салнем) и получить славное имя (Скавр) — ср. коммент. к II, 35, 125.

610. ...фессалийского яду...— Фессалия в Северной Греции считалась страной колдуний.

615—616. Дядя Нерона — Калигула, который будто бы сошел с ума от любовного зелья («гиппоман», нарост на лбу жеребенка), которым его опоила жена его Цезония.

620. Гриб Агриппины.— См. коммент. к V, 147.

624—625. Зелье такое...— Смысл: «становится причиной пыток и казней для всадников и сенаторов».

634. Котурны — высокая обувь трагических актеров.

637. Рутульский (от племени рутулов) — то же, что «латинский».

638. Понтия как пример жестокости упомянута и Марциалом (II, 34; IV, 43).

643—657. Прокна — царица-детоубийца из аттического мифа; колхидянка лютая — Медея; Данаиды в брачную ночь убили своих ненавистных мужей; Эрифила послала своего мужа Амфиарая на верную смерть; Клитемнестра (Тиндарида, то есть дочь Тиндара) из мести убила своего мужа Агамемнона. Им противопоставляется Алкеста, пошедшая на смерть, чтобы спасти своего мужа Адмета.

660—661. Атрид (Агамемнон) — здесь: муж, которого убивают не секирой, а ядом («легкое жабы», ср. коммент. к I, 70), от которого спасет лишь противоядие, изобретенное понтийским царем Митридатом (I в. до н. э.; был разбит Суллой, Лукуллом и Помпеем).

КНИГА ТРЕТЬЯ

С а т и р а с е д ь м а я. <О бедственном состоянии наук и искусств.> Пролог — надежды поэтов на покровительство нового императора Адриана (1—21). Основной ход мысли: богачи перестали поддерживать и поэтов (22—97), и историков

(98—104), и адвокатов (105—142), а особенно риторov (150—214) и грамматиков (215—243).

2—8. *Аганиппа* (источник на горе Геликоне) и *Пиэрия* (область в Северной Греции) были посвящены Музам (*Каменам*); *Клио* — Муза истории.

9—12. *Махера* (букв. «нож») — имя глашатая на распродаже (где в числе прочего продаются трагедии бездарных *Пакка* и *Фавста*, ближе неизвестных).

14—16. ...*вифинцы*... *Галлия* нам поставляет. — Всадникам, понаехавшим в Рим из азиатских областей Вифинии, Каппадокии и Галатии (*Галлии*), еще хуже: они занимаются не глашатайством, а лжесвидетельством.

19. ...*отведавший лавра*. — Считалось, что листья лавра вызывают поэтическое вдохновение.

23—24. ...*пергамент* // *Книги шафранной*... — Обратная сторона пергамента окрашивалась в желтый цвет.

25. ...*огневому супругу Венеры*... — То есть Вулкану, богу огня.

28. ...*плющ заслужить*... — См. коммент. к Персию (Пролог, 5).

35. *Терпсихора* — Муза пляски (здесь — как Муза вообще).

47. *Орхестра* — здесь: кресла для почетных слушателей в самых первых рядах.

58—59. ...*Аонидин* // *Ключ вдохновенья*... — Аонией поэтически называлась Беотия с ее посвященными Музам Геликоном и источниками Иппокреной и Аганиппой.

60. *Тирс* — шест с шишкой на конце, атрибут вдохновляющего Вакха.

62. ...*Гораций*... *был сытым*! — Когда писал вакхические оды II, 15 и 19.

64. *Владыки Кирры* (гавань Дельф) и *Нисы* — Аполлон и Дионис.

67—71. Намеки на «Энеиду», I, 155—156 (Нептун на колеснице), VII, 323—360 (фурия-эринния Аллектó возбуждает рутулов против Энея), VII, 513—517 (трубный зов к битве).

72—73. *Рубрен Лаппа*, заложивший вещи, чтобы написать трагедию, ближе неизвестен.

74. *Нумитор* — богач, нажившийся на грабеже Киликии (VIII, 93).

76. ...льва...ручного...— Их стали держать в домах с I в.
79—81. Лукан, автор «Фарсалии», казненный Нероном, был богатым человеком, а эпик Серран и лирик Салей Басс (упоминаемые Квинтилианом, X, 1, 89—90) — бедны.

82—89. Стаций, автор «Фиваиды» (ок. 92 г.), поэмы, имевшей заслуженный успех, все-таки должен был зарабатывать, сочиняя либретто мима «Агава» (о матери, в вакхическом безумии растерзавшей сына) для актера Париса (ср. VI, 87), столь влиятельного, что он мог добиться для друзей полугодовой службы войсковым трибуном, дававшей всадническое звание со знаком золотого кольца.

90—92. Камерины — прозвище в роде Сульпициев, *Баррей* — в роде Сервилиев; но чины раздают не они, а Парис за роль *Пелопей*, дочери Фiestа, изнасилованной отцом, и *Филомелы*, изнасилованной зятем.

94—95. *Прокулей* — зять *Мецената*, прославленный Горацием («Оды», II, 2), *Фабий* Максим Павел и Аврелий *Котта* Мессалин с благодарностью названы Овидием в «Письмах с Понта», *Лентул* Спинтер содействовал возвращению Цицерона из ссылки в 57 г. до н. э.

97. ...бледнеть и декабрь без вина оставаться...— То есть трудиться до изнеможения даже в Сатурналии.

114. *Лацерта* — цирковой возница партии «красных».

115. *Вит уж уселись вожди*...— Пародия на суд между Аяксом и Улиссом об оружии Ахилла.

116. *Судья-свинопас* — присяжный, многие из которых были малообразованными владельцами поместий.

123. *Прагматик* — судебный консультант.

124—128. *Эмилий* — отпрыск знатного рода, потомок триумфатора, статуе которого он придал свои черты («одноглазой», прищурившейся для прицела); поэтому он модный адвокат.

129—130, 144. *Педон*, *Матон* и др.— бедные люди, которым не под силу тягаться с Эмилием, но которые стараются подражать ему и разоряются на дорогие пурпурные и фиолетовые (окрашенные смесью двух сортов пурпура) плащи и др.

140. *Двести монет*.— Даже малую сумму в 200 сестерциев дадут только адвокату в золотых перстнях, хотя бы заемных (ст. 143).

151. ...уничтожил тиранов! — Излюбленная тема декламаций.

154. *Теми же щами...* — Поговорочное выражение.

159. *...у аркадского парня...* — То есть грубого и мужиковатого.

161—164. «*Ганнибал*» — тоже тема декламационного рассуждения.

169—170. Мифологические темы декламаций (о Медее и пр.).

174. *Тессера* — жетон, по которому бедняки получали хлеб при бесплатных раздачах.

176—177. *Хрисогон* и *Поллион* — модные музыканты (VI, 74, 387); *Феодор* Гадарский — ритор, глава крупной школы I в. н. э.

182. *Нумидийские колонны* — из привозного заморского мрамора.

199. *Вентидий Басс* — полководец эпохи гражданских войн, из погонщика мулов ставший консулом и триумфатором 38 г. до н. э. *Сервий Туллий*, шестой римский царь, был сыном рабыни.

204—205. *Лисимах*, *Секунд Карринатский* — риторы, из которых первый от голода повесился, а второй отравился. *Бедняком* был и казненный цикуюто философ Сократ.

212. *Кентавр* — Хирон, учитель Ахилла.

213—214. *Руф* — ритор из галльского племени аллоброгов; *Келад* ближе неизвестен; о Реммии *Палемоне* см. коммент. к VI, 452.

228. *...у трибунов дознание...* — То есть добиваться платы судом.

233—237. Примеры мелочной мифологической эрудиции (из «Энеиды»: *Анхиз* — отец Энея, *Агест* — его гостеприимец, *Анхемол* — один из его врагов: I, 195; V, 73; X, 388—389).

С а т и р а в о с ь м а я. <Об истинном благородстве.> Оно приобретает нравственными заслугами (1—38) и теряется при недостойном поведении (39—78), оно нужно и на скромной службе, и на важной наместнической (79—145), ему противно пьянство, выступления на сцене и на арене (146—230); из знати часто выходили низкие люди, а из простонародья — герои (231—275).

2. *...предков портреты...* — Их бюсты стояли на почетном месте в знатных домах.

3—38. Перечисляются знатнейшие римские фамилии: *Сципионы* (*Эмилианов род*), *Курии* (см. коммент. к II, 3), *Валерии Дорвины*, *Сульпиции Гальбы* (один из них был императором в 68 г.), *Эмилии Лепиды*, *Геркулесовы потомки Фабии* (один из них — победитель галлов-аллоброгов в 121 г. до н. э.), *Ливии Друзы*, *Эмилии Павлы*, *Корнелии Лентулы*, *Сульпиции Камерины*, *Метеллы Кретики*; из более молодой знати — *Корнелий Лентул Косс Гетулик* (консул 1 г. до н. э.) и, возможно, внук его *Юний Силан Гетулик*.

15. *Еванский ягненок* — из области овцеводов-евганеев к северу от По.

16. *С кожей...пемзой катинской натертой...* — Для выведения волос, в противоположность бородастым предкам. *Катина* — ныне Катания в Сицилии.

29. *...обретя Осириса.* — Главный обряд культа Исиды — собирание частей тела ее растерзанного супруга Осириса.

32. *Атлант* — титан, держащий на плечах небесный свод.

39—40. *Рубеллий Бланд* — современник Ювенала, дальний потомок (по женской линии) Августа и Цезаря; родоначальником Юлиев Цезарей был сын Энея Юл.

46. *Кекропов внук!* — Подражание греческой насмешке «благороднее Кекропа», древнейшего царя Афин.

51—52. *Орлы* — значки легионов; *батавы* — германское племя на нижнем Рейне.

53. *Герма* — каменный столб с бюстом (первоначально — Гермеса-Меркурия).

56. *Тевкры* — троянцы.

62. *Корифей*, *Гирпин* — клички скаковых лошадей (ср. Марциал, III, 63, 12).

81. *Фаларис.* — См. коммент. к Персию (3, 39).

85. *Лукринские устрицы.* — См. коммент. к IV, 141—142.

86. *Косм* — торговец благовониями (ср. Марциал, I, 87 и др.).

92. *Курия* — здание сената; в переносном смысле — сам сенат.

93—95. *Коссуциан Капитон* — правитель Киликии при Нероне, обвинявшийся в вымогательствах; *Херипп* — по-видимому, провинциал, жалующийся на него в Рим. *Прекон* — глашатай, в частности на распродаже (лохмотьев Хериппа)

96. ...Панса возьмет то, что *Натта* оставил...— То есть новый наместник не лучше старого.

102—104. *Мирон*, *Фидий*, *Поликлет* — величайшие скульпторы V в. до н. э., *Ментор* — чеканщик, а *Паррасий* — живописец IV в. до н. э.

105—120. Гай *Антоний* Гибрида, дядя триумвира, товарищ *Цицерона* по консульству 63 г., привлекался к суду за грабежи в Греции и Македонии; Гней *Корнелий Долабелла*, претор 79 г. до н. э.— за грабежи в Киликии; о *Верресе* см. коммент. к II, 26; о *Марии* — к I, 49. ...*жнецов*, что питают Рим...— То есть африканцев.

128. *Долговолос* — фаворит наместника. Супругам наместников (сравниваемым с хищницами-гарпиями) официально запрещено было сопровождать мужей, но запрет этот не соблюдался.

131. *Пик*, сын *Сатурна* — древнейший царь Лация.

137. *Ликтор* с розгами и секирой — телохранитель высших римских сановников.

143. В храмах хранились завещания; чтобы сделать подлог, нужно было проникнуть в храм.

147. Секстий Магий *Латеран* — консул 94 г., будучи в должности, развлекается колесничным спортом (осуждаемым Ювеналом) ночью, а сложив консульство, будет развлекаться и днем.

157. *Эпона* — богиня лошадей, ослов и мулов; ее изображениями украшались конюшни.

160. *Идумейские ворота* — какое-то ущелье к югу от Палестины.

167—168. *Холщовые вывески с надписью* — над тавернами, открытыми прямо на улицу.

170—172. *Рен* — Рейн, *Истр* — Дунай, *Остия* — гавань Рима.

180. ...в *этрусский острог*... к *луканам*.— В этих областях Италии особенно широко употреблялся рабский труд в латифундиях.

182. *Волез* — предок рода *Валериев*, современник *Ромула*.

185—191. *Дамасипп* (имя условное), *Лентул*, *Фабии* («босые», то есть в плоских сандалиях комических актеров), *Мамерки* (*Эмилии*) — знатные римляне, развлекающиеся игрой на сцене, когда-то считавшейся позорной. *Катулл* (умер

при Нероне) — сочинитель грубых мимов (напр., о разбойнике *Лавреоле*).

197. *Тимела*. — См. коммент. к I, 35; *Коринф* — популярный актер.

199. ...*Цезарь кифару взял*. — Нерон.

200—209. *Гракс* (ср. II, 117) выступает гладиатором-ретиарием, вооруженным только трезубцем и опутывающей сеткой, против тяжеловооруженного *мирмиллона* (ср. VI, 81) или *секутора*.

213. ...не хватит одной обезьяны... — Древняя казнь: отцеубийцу бросали в море, зашитого в мешок с собакой, петухом, змеей и обезьяной; так следовало бы казнить Нерона, еще большего грешника, чем матереубийца Орест, муж спартанки *Гермионы*.

220. «*Троада*» — поэма о гибели Трои, которую Нерон будто бы пел, глядя на охваченный пожаром Рим.

223. *Виндекс* поднял восстание против Нерона в Галлии, *Гальба* в Испании; посланному против них *Вергинию Руфу* войско тоже предлагало императорскую власть, но он отказался.

226. *Венок из петрушки (сельдеря)* — награда на Немейских играх в Греции, полученная Нероном.

228—229. *Сирма* — длинное платье трагических актеров; *Гней Домиций Агенобарб* — отец Нерона, речь идет о его статуе-колоссе. *Фиест*, *Антигона*, *Меланиппа* — трагические роли.

231—233. *Катилина* был не менее знатен, чем *Цетег* (см. коммент. к II, 26), но они будто бы хотели сжечь Рим, как когда-то галлы-сеноны.

235. ...зажженных, как факелы, туник... — Сожжение людей живо, казнь, придуманная Нероном (ср. I, 156).

237—242. ...*Новый... человек...* (то есть не из senatorского рода) из *Арпина* — *Цицерон*, подавивший заговор *Катилины*; этим он славнее, чем *Октавий (Август)* с его победами над *Антонием* при *Акци* (близ *Левкады*) и над *Брутом* при *Филиппах* (в полях *Фессалии* — точнее, фракийских).

245—253. ...*другой арпинец...* — *Гай Марий*, победитель германцев-*кимиров* в 101 г. до н. э.; знатный товарищ героя по этой победе — *Квинт Лутаций Катул*.

254. *Деции* — отец и сын, в битвах 340 и 295 гг. до н. э. посвятившие себя подземным богам и погибшие, чтобы дать войску победу.

259—260. *Самый последний из добрых царей...*— Сервий Туллий (см. коммент. к VII, 199); *трабея* (ср. коммент. к Персию, 3, 29) в древности была царским облачением. *Прутьев пучки* — ликторские (см. коммент. к VIII, 137); *диадема Квирина* — царская повязка обожествленного Ромула.

261—268. *Консула сыновья* — сыновья первого римского консула Брута Старшего, устроившие заговор с целью возвращения царей и казненные отцом. Им противопоставляются герои войны с изгнанными царями и их союзниками: Гораций Коклекс, в одиночку оборонявший мост против целого войска, *Муций Сцевола*, сжегший себе руку перед лицом вражеского короля в доказательство мужества римлян, Клеелия, *Тибр переплывшая* в бегстве из вражеского плена.

269. *Терсит* — трусливый грек, звавший их перед Троей к отступлению («Илиада», II, 211—277).

273. *...от подлого сброда.*— Первыми соратниками Ромула были пастухи, бродяги и разбойники.

С а т и р а д е в я т а я. <О разврате.> Ход мысли: профессиональный развратник стал мрачен, как философ (1—27),— это потому, что работа его тяжела (28—47), а плата за нее скудна (48—69), хотя герой обслуживает не только патрона, а и его жену (70—91); такие услуги надо бы хранить в тайне, но это невозможно (92—123); а молодость проходит, и надо успеть заработать на будущее (124—150).

2. *Марсий* (ср. коммент. к Горацию, I, 6, 120) — сатир, побежденный Аполлоном в музыкальном состязании.

13. *...на коже ни чуточки блеска...* (ср. ниже, 95).— См. коммент. к VIII, 16.

32. *Рок управляет людьми...*— Пародия высокого стоического стиля.

37. «*Ибо миньон...*» — Пародия стиха «Одиссеи» (XIX, 13) «Ибо железо само прилипает к деснице мужчины»; в подлиннике большая часть стиха — по-гречески.

47. *...Мальчиком...достойным небес и киафа.*— Ганимедом, вознесенным, чтобы стать виночерпием богов (киаф — черпак, которым разливали вино) и наложником Зевса.

50. *...зонтик зеленый...*— Они входили в моду в Риме именно в это время.

53. *Первое марта* — праздник матроналий, когда подарки

подносились замужним женщинам (опять непристойный намек).

55—57. ...что коршун устанет//Их облетать? — Поговорка; ср. Петроний (37). *Трифолин...Кумский хребет...склоны...Гавра...* — виноградоносные местности в Кампании.

62. ...друзю-скопцу, что кимвалом бряцает? — То есть жрецу Кибелы.

85. *Украшай свои двери венками...* — См. коммент. к VI, 52.

87—89. ...Право отцовства... дойду я до трех... — По законам Августа только отцы, имевшие сыновей, имели право получать наследства по завещаниям, а отцы троих детей пользовались и дополнительными привилегиями.

101. ...в курии Марса в Афинах. — В ареопаге, религиозном суде.

102. *О Коридон, Коридон!* — пародия на «Буколики» (II, 69).

117. *Савфея* — пьяница, упоминается и в VI, 320.

133—134. ...чешут по-бабьи башку. — Жест, по которому узнавали мужеложцев. *Эрука* — дикая капуста, употреблялась как возбуждающее средство.

135—136. *Лакеса//С Клотой.* — См. коммент. к «Апофеозу Божественного Клавдия», 3.

142. *Цензор Фабриций* (III в. до н. э.) наложил ограничения на пользование в Риме столовым серебром. *Мезы* — жители провинции Мезии на нижнем Дунае.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

С а т и р а д е с я т а я. <О молитвах.> Первые строки этой сатиры сохранились в черновом переводе Пушкина («От западных морей до самых врат восточных...»). Ход мысли: люди обычно молятся о том, что может оказаться вредно и губительно для них: о богатстве (1—55), власти (56—113), таланте оратора (114—132) или полководца (133—187), долголетию (188—288), красоте (289—345): не лучше ли предоставить самим богам решать, что для нас лучше и хуже, а для себя просить лишь ума и здоровья (346—366).

1. *Гады* — ныне Кадис в Испании на берегу Атлантики.

10. *Кротонец Милон* — знаменитый атлет (VI в. до н. э.),

попытавшийся руками расщепить полурасколотый дубовый пенё; но он защемил руки и был растерзан дикими зверями.

16—17. Юрист Кассий Лонгин, философ Сенека и участник заговора против Нерона Плавтий Латеран, владелец двorca на Целийском холме, были богатейшими людьми Рима при Нероне и потому погибли.

28—30. ...один-то мудрец все смеялся... а другой... больше все плакал...— Легендарные образы «смеющегося» над людскими заблуждениями Демокрита (V—IV вв. до н. э.) и «плачущего» над ними Гераклита (VI—V вв. до н. э.).

33. Претекста — сенаторская тога, трабея — всадническая, трибунал — помост для должностных лиц и их служителей.

36—38. Претор в колеснице открывает шествием цирковые игры, одетый, как триумфатор, в пурпурную тунику бога (как на статуе Юпитера в Капитолии) и пурпурную же (сарпанскую, от древнего названия города Тира) тогу; далее упоминаются другие его атрибуты — венок и орел на шесте (39, 43).

50. Баранья страна — Абдера во Фракии (северный, «туманный» край), родина Демокрита, считалась «городом дураков», вроде Пошехонья.

55. ...воском колени у статуй богов залепляя.— Прилепляя к ним таблички с обетами и обещанные дары.

57. ...почестей список...— На пьедесталах статуй.

59—60. ...колесницы... коням...— Имеются в виду конные статуи.

62. Луций Элий Сеян — начальник преторианцев при Тиберии, стяжавший величайшую силу, а потом внезапно арестованный, судимый и жестоко казненный (по письму Тиберия из его резиденции на острове Капрее).

65. ...побеливши быка...— Если бык, необходимый для жертвоприношения, не был белым, его белили мелом.

75. Туск.— Сеян был родом из этрусского города Вольсиний.

82—83. ...печь велика.— То есть переплавит статуи не только Сеяна, но и других низвергнутых. Бруттидий Нигер — ритор, эдил 22 г., тоже опасавшийся за свою судьбу.

84—86. ...Аякс побежденный...— Возможный смысл: император, обиженный Сеяном, как Аякс Улиссом, в споре за

доспехи Ахилла, будет мстить тем, кто недостаточно теперь попирает Сеяна.

91. *Курульные кресла* — украшенные слоновой костью кресла для высших должностных лиц: консулов, преторов, курульных эдилов.

101. *В захолюстье улубрском и крѹжки//неполномерные бить...* — на окраине Лация, где эдилу нечего делать, как следить за рыночными мерами.

108—109. *Помпей, Красс* и вышедший победителем Цезарь, лишивший народ свободы (приведший «к плети»), были товарищами по триумвирату 60 г. до н. э.

115—116. *Квинкватрии* — мартовский праздник учителей и учеников в честь *Минервы*; школьники жертвовали ей по медному *ассу*.

122. «*О счастливый Рим!*» — Отрывок из нескладной поэмы Цицерона о своем консульстве, ставший посмешищем за какофонию.

125—126. *...речей...против Филиппа...* — В подлиннике речь о «Филиппиках» не Демосфена, а Цицерона, из которых, действительно, сильнейшая — вторая.

127—132. *...бурлил, как поток... от наковальни...* — Демосфен, который был сыном хоть и не кузнеца, но владельца оружейной мастерской.

133 сл. *Знаки военных побед...* — Описывается трофей: столб с доспехами врагов, поставленный в память военной победы.

145. *Корни смоковницы дикой* обладали силой расщеплять камни, в том числе и гробниц.

156. *Субура*. — См. коммент. к III, 4—5.

162. *Тиран-вифинец* — царь Прусий I, у которого скрывался Ганнибал, был им предан и покончил самоубийством (183 г. до н. э.).

168. *Юноша родом из Пеллы* — Александр Македонский.

170. *Гиары*. — См. коммент. к I, 74; *Сериф* — к VI, 564.

171. *Столица Александра* — Вавилон.

174—182. Описывается поход *мидийца* Ксеркса на Грецию в 480 г. до н. э., когда он прорыл канал через перешеек Афона, построил из кораблей мост через *Геллеспонт*, бичевал море (*Эгносигея*-Нептуна) и ветры (*Кор* — северо-западный, *Эвр* — юго-восточный), войско которого выпивало в пути це-

лые реки; писавший об этом (неизвестный ближе) поэт *Сострат* назван *отсыревшим* от пота.

194. *Табрака* — город в Нумидии, где водилось много обезьян.

202. *Косс*, ловец наследств, ближе неизвестен.

221—222. Врач *Темизон*, опекун *Гирр*, откупщик *Басил* (ср. VII, 144) — ближе неизвестны.

238. *Фиала*. — Слабоумный завещатель забывает, что завещание, обходящее прямого наследника, недействительно и что блудницы лишены права наследования.

246—249. *Пилоса царь* — Нестор, проживший три поколения, то есть, по греческому счету, 100 лет, а по римскому — 330 лет; в счете на пальцах единицы и десятки отсчитывались на левой, а сотни — на правой руке. *Вещая птица* — ворона, живущая (по Гесиоду) девять человеческих веков.

253. *Антилох* — сын Нестора, заслонивший в битве отца; он представлен уже на погребальном костре.

271. *Приама супруга* — Гекуба, превращенная в собаку.

273—278. *Владыка Понта* — Митридат, в 60 лет вынужденный к самоуправству; лидийскому царю *Крезу Солон* сказал: «Никого нельзя назвать счастливым, пока он жив», и Крез вспомнил об этом, едва избежав казни; *Марий* (см. коммент. к VIII, 249) в 70 лет спасался от Суллы в *Минтурнских болотах* и *Карфагене*.

283—289. ...*лихорадку послала Кампанья*... — Помпей заболел в 50 г. до н. э., но выздоровел, лишь чтобы через два года погибнуть при бегстве в Египет; ему отрубили голову, чего не случилось даже с *Катилиной* и его сообщниками *Цетегом* и *Лентулом*.

293—294. *Лукреция* из-за красоты была обещана Тарквинием и покончила с собой, *Виргинию* убил родной отец, спасая ее от бесчестия (VI—V вв. до н. э.). *Ругила* ближе неизвестна.

317. ...*ерша*... *загоняют*. — Традиционная расправа с прелюбодеяниями.

318. *Эндимион* — прекрасный юноша, возлюбленный Дианы; здесь — нарицательно.

325—327. *Ипполит* был оклеветан *Федрой*, а *Беллерофонт* — *Сфенебеей*, когда тот и другой отвергли их любовь.

330—331. ...*кого хочет супруга* // *Цезаря* *взять в мужа*? —

Скандальный брак Мессалины с Силием при живом муже (см. коммент. к «Апофеозу Клавдия», 8).

362. *Сарданапал* — последний ассирийский царь, символ изнеженности и роскоши.

Сатира одиннадцатая. (О пирах.) Ход мысли: угощение должно быть сообразно достатку (1—55); простой сельский обед не хуже роскошного городского пира (56—76), каких не бывало в древности (77—119); таков непритязательный обед Ювенала (120—182), к которому он приглашает адресата (183—208).

1. *Аттик* — возможно, отец известного оратора Ирода Аттика, разбогатевший благодаря найденному кладу. *Рутил* неизвестен.

3. *Апиций*. — См. коммент. к IV, 23, здесь — нарицательно.

20. ...до крошки ланисты (см. коммент. к VI, 216). — То есть до поступления в гладиаторы не от моды (см. VIII), а по бедности.

22. *Вентидий* — здесь нарицательное имя богача.

27. «*Познайте себя*» — надпись на дельфийском храме; ср. Персий (IV, 52).

61. *Эвандр* — выходец из Аркадии, поселившийся на Палатине и принимавший там *Геркулеса*, а потом *Энея* («Энеида», VIII). Геркулес был сожжен на костре и взошел на небо, а Эней пал в битве при реке Нумиции и был обожествлен под именем Юпитера Индигета.

65. *Тибуртинская страна* — поместье поэта близ Тибура (III, 192).

73. *Сигния* — город в Лации; сирийские породы груш разводились в Таренте.

78. *Курий*. — См. коммент. к II, 3.

92. ...*Цензора... боялся его же коллеги...* — Намек на взаимные обвинения цензоров Ливия Салинатора и Клавдия Нерона в 204 г. до н. э.

96—97. ...*головою осла...* — животного, посвященного Весте, богине очага, и Приапу, богу плодородия (Овидий, «Фасты», VI, 319 сл.).

105. *Два Квирина* — здесь: Ромул и Рем.

111—113. ...*голос... когда наступали // Галлы...* — См. Ливий (V, 32).

124—126. *Сиена* — пограничный город в Египте, ныне Асуан; *набатеи* — племя в северной Аравии.

137. *Трифер* — содержатель школы, готовившей разрезателей блюд. Далее перечисляются обеденные деликатесы (*скифские птицы* — фазаны из Колхиды).

141. *Обед деревянный* — модель, на которой учат разрезанию.

158. ...с *мазьями* *банкой*. — С притираниями для хозяина.

163. *На гадитанский манер* — на манер испанских сладострастных плясок (город Гады — см. коммент. к X, 1).

193. *Празднество в честь Кибелы* — Мегалезии в апреле; знак к состязанию распорядитель подавал взмахом платка.

Сатира двенадцатая. <На спасение друга.> В честь этого поэт приносит жертву сперва на Капитолии (1—16), потом дома (83—92), в промежутке описываются буря и кораблекрушение (17—82), в конце поэт обрушивается на искателей наследства (93—130).

2. *Дерн* — алтарь из дерна.

13. *Клитумн* — река в Умбрии.

28. ...*Исидой живут живописцы*. — В Италии Исида считалась покровительницей мореплавания, и ей несли спасшиеся моряки картины с изображением своего спасения.

34—35. ...*бобру подражая... в внуха...* — Этому верил и Плиний (VIII, 30, 47).

42. *Бетийский* — на Бетисе (Гвадалкивире) в Испании паслись овцы с золотистой шерстью.

45. *Фол-кентавр* — кентавр, опьяневший от Гераклова вина.

65. ...*белую нитку...* — Такая нитка в руках Парок предвещала счастливую, а черная — несчастливую жизнь.

70—72. *Высокая местность* — Альбанская гора, куда когда-то Юл, сын Энея, перенес в Альбу Лонгу столицу из Лавина, города, носившего имя Лавинии, латинянки, второй жены Энея; название «Альба» значит «Белая» (см. коммент. к VI, 177).

76. *Гавань* — в Остии, перед устьем Тибра, с гигантским молом, построенным при Клавдии.

81. *Матросы с обритой макушкой...* — Спасшиеся после кораблекрушения обривали себе голову.

93. *Брось подозренья...* — В том, что поэт приветствует

Катулла в надежде на его наследство: у Катулла трое детей. Отсюда — переход к сатирической части произведения.

101. *Гекатомба* — жертва в сто быков (жаль, что не словов, иронически замечает Ювенал). Об императорском слововнике в Лации известно только из этого места.

108. *Тирский* — карфагенский (Карфаген — колония Тира); *Молосс* — Пирр Эпирский (молоссы — эпирское племя).

111, 121—125. Смысл: льстец *Пакувий* расчетливее Агамемнона, принесшего в жертву *Ифигению*: та жертва не избавила греков от дальнейших неудач, а жертва Пакувия сулит ему верную выгоду.

КНИГА ПЯТАЯ

Сатира тринадцатая. (О преступности. Утешение другу.) Ход мыслей: преступность стала всеобщей, другим приходится хуже (1—85); клятвопреступления привычны (86—119), в судах судят не только мошенничества (120—142), но и поджоги, отравления, святотатства, отцеубийства (143—173); однако даже избежав суда, преступник мучится совестью (174—235) и дожидается наказания (236—247).

17. *Фонтей* Капитон был консулом в 67 г.

27. ...устье...*Нула*. — Их, как и ворот в Фивах, тоже насчитывалось семь.

38—45. Описание золотого века: миром правит *Сатурн* (потом удаленный в Италию и научивший там людей земледелию), *Юпитер* воспитывается на Крите в *Идейской пещере*, да и воцарившись на небе, боги обходятся без виночерпиев — *Ганимеда* (илионский мальчик) и *Гебы* (*Геркулеса* жена).

46—47. ...столько//*Не было их, как теперь...* — Намек на новые культы, пришедшие в Рим с Востока и от других варваров.

51—52. *Камни* — казнь *Сизифа*, *колесо* — *Иксиона*, *коршун* — *Тития* (за обиды, нанесенные соответственно *Смерти*, *Геру*, *Латоне*). *Цари преисподней* — *Минос*, *Эак* и *Радамант*, судящие грешников.

57. *Желудевые кучи* — все богатство золотого века.

62. *Этрусские свитки* — гадательные книги гарусников, предписывавшие жертвы на случай разных чудес (вроде перечисляемых ниже).

78—80. *Тарпейский перун* — молния Юпитера Капитолийского; *киррский прорицатель* — Аполлон (Кирра — гавань Дельфы); *Охотница-дева* — Диана; дальше перечисляются атрибуты прочих богов.

85. *Уксус александрийский* — отличался особой крепостью.

93. *Систр* — металлические кастаньеты, атрибут культа Исиды.

96—97. *Ладас* — знаменитый олимпийский бегун, статую которого изваял Мирон (V в. до н. э.). *Чемерица* считалась средством от душевных болезней; *Архиген* — см. коммент. к VI, 236.

105. *Крест* — распятие на кресте; *диадема* — царская повязка.

111—113. *Катулл*. — См. коммент. к VIII, 186—187. *Стентор* — греческий воин с голосом громче, чем у пятидесяти человек («Илиада», V, 785). *Градив*. — См. коммент. к II, 128 (воплъ Ареса, раненного Диомедом, «Илиада», V, 859).

119. *Вагеллий*. — Ср. XVI, 23.

122. ...*Розных обличьем своим*... — Киники не носили туник, а надевали плащ на голое тело.

125. *Филипп* — врач, ближе неизвестный.

151. ...*позолоченный бок*... — Бронзовые статуи богов облицовывались золотыми пластинками.

157. *Галлик* — городской префект при Домициане (в 89 г.).

162—173. Перечисляются местные привычные особенности, реальные (зобы у альпийских племен) и сказочные (битвы фракийских пигмеев с журавлями). *Мероя* — см. коммент. к VI, 522.

184—185. *Хрисипп* (см. коммент. к Горацию, II, 3, 43), *Фалес* (один из «семи мудрецов» VI в. до н. э.) и *Сократ* из Афин (с медоносным холмом Гиметтом поблизости) — нарицательные образы мудрецов.

199. *Спартанец* — Главк, сын Эпикиды, наказанный богами даже не за утайку денег, а за помыслы об этом (Геродот, VI, 86).

233. ...*гребень петуший*... — Жертвой животного человек как бы выкупает у богов собственную, более дорогую жизнь;

преступник же чувствует, что жизнь его не дороже петушьего гребня.

249. *Тиресий*.— См. коммент. к Горацию, II, 5.

Сатира четырнадцатая. <О воспитании.> Ход мысли: родительские грехи наследуются детьми (1—46), поэтому отцы должны воздерживаться от пороков (47—74); страсть к богатым постройкам или суеверие передаются сами (86—106), скупость же в детях воспитывают сами родители (107—137), она ненасытна (138—160) — как далеки прежние скромные времена! (161—209) — и ведет к отцеубийствам (210—255), к безумному риску (256—302), к заботам об охране нажитого (303—331).

5. ...с игрушечной чашкой.— Имеется в виду стаканчик для костей.

9. ...Птичек, что фиги едят...— Эти птички — виннаягодники, лакомое блюдо (Марциал, XIII, 5, там же и о подливке).

20. *Антифат*, царь лестригонов, и киклоп *Полифем* («Одиссея», IX—X) — нарицательные образы жестокости.

35. *Титан* — Прометей, лепивший из глины первых людей.

44. ...его...дяди *Катона*...— Катон Утический был братом Сервилии, матери Брута Младшего, убийцы Цезаря.

58. ...Требует банок...— Банки к голове как средство от мозговых болезней рекомендовал и Цельс в книге о медицине (III, 18).

81. *Зевсовы слуги* — орлы.

86—91. *Кайета* в Кампании, *Тибур* (с храмом Геркулеса) и *Пренесте* (с храмом Фортуны) в Лации — дачные места богатых римлян. *Посид* — вольноотпущенник императора Клавдия.

97. ...Лишь к облакам их молитвы идут...— Так римляне представляли себе единобожие евреев, «почитателей субботы».

113—114. ...змея *гесперидский* // *Или понтийский*.— Страж золотых яблок на Западе или золотого руна на Востоке.

130. ...В жаркий сентябрь...— под Австром-сирокко, IV, 56.

131. ...сделав отметку...— То есть опечатав провизию своим перстнем.

160—162. *Татий* — сабинский царь, соправитель Ромула; о *Пирре* и *молоссах* см. коммент к XII, 108.

164. *Югер* — 0,25 гектара; два югера — минимальный земельный надел.

180—182. *Марс, герник, вестинец* — горные племена, хранившие простой образ жизни.

193. *Центурион* — старший унтер-офицерский чин; простые солдаты дослуживались до него годами, знатные молодые люди «лестью» прямо с него начинали службу. Старшим из 60-ти центурионов легиона был центурион первой когорты, где находилось легионное знамя — орел (см. коммент. к VIII, 51—52).

196. *Мавров...бригантов...* — Речь идет о восстаниях мавров и британцев около 117—127 гг.

202. *...прятать за Тибром...* — Там находились «грязные промыслы», например кожевенные.

204. *...хорош ведь прибыли запах...* — Ср. сентенцию Веспасиана «Деньги не пахнут». Источник сентенции в ст. 207 неизвестен.

214—219. Как *Аякс* и *Ахиллес* превосходили силой своих отцов, так нынешний сын превзойдет отца подлостью — будет давать ложные клятвы, касаясь священной статуи *Цереры*, и т. п.

239—240. О *Дециях* см. коммент. к VIII, 254; *Менекей* также принес себя в жертву для спасения *Фив* — города, основатели которого выросли из драконьих зубов, посеянных в землю.

251. *...старость оленя.* — Считалось, что олень живет девять вороньих веков, а ворона — три человеческих (ср. X, 246).

252—253. *Архиген.* — См. коммент. к VI, 236; *Митридат* — к VI, 660.

260—261. *...пред блящим Кастора оком...* — Большие деньги отдавались на хранение в храмы «под надзор богов»; храм *Кастора* и *Поллукса* находился на старом форуме, а *Марса* Мстителя — на соседнем форуме *Августа*, но надежной защитой они не были («*Марс* шлема лишился»).

263. Смысл: по сравнению с таким святотатством не стоят внимания представления на играх *Кибелы* (Мегалезиях), *Флоры* (Флоралиях; см. коммент. к VI, 193, 250) и *Цереры* (Цереалии в середине апреля).

265. *Петавр* — колесо для гимнастических упражнений: они безопаснее, чем плаванья в Рим с шафраном из Корика

в Малой Азии и вином с Крита, где воспитывался некогда Зевс (ст. 267, 271).

268. *Кор* и *Австр.* — См. коммент. к IV, 59 и X, 180.

278—280. *Воды карпатские* — возле острова Карпатоса между Критом и Малой Азией; *гетулийские* — возле Африки; первые были опасны бурями, вторые — отмелями (Сиртами). *Кальпа* — Гибралтар, один из Геркулесовых столпов.

284. *Разным безумьем...* — Перечисляются безумный Орест (в объятиях сестры Электры) и безумный Аякс, не удостоенный оружия Ахилла.

299. *Таг* — золотоносная река в Испании, *Пактол* — в Азии.

302. *...кормиться картиной крушенья.* — См. коммент. к Персию, 1, 88.

305. *Лицин.* — См. коммент. к «Апофеозу Божественного Клавдия» (6).

308. *Черепаша* — отделанное черепахой ложе, ср. XI, 94.

309. *Киник голый* — Диоген. Намек на известную реплику: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

319—320. *Сад*, где учил *Эпикур*, стоил 18 мин; все имущество *Сократа*, по его собственным словам (в «Апологии» Платона), — 5 мин.

324. *Закон Отона.* — См. коммент. к III, 153—159.

Сатира пятнадцатая. <О кровожадности.> По поводу случая людоедства в войне между городами Верхнего Египта Тентирой и Омбом в 127 г. Ход мысли: египтяне поклоняются животным, а пожирают людей (1—32); описание событий (33—92); такое не оправдывается даже голодом, как в осажденных городах (93—131); ведь именно чувство сострадания отличает человека от зверя (132—158) — и даже звери щадят себе подобных (159—174).

1—9. Описания того, как в Египте «всё наоборот», восходят к Геродоту, кн. II.

5—6. *Мемнон* — в греческой мифологии сын Зари, царь эфиопов; так называли колоссальную статую Аменхотепа III в *Фивах*, полуразвалившуюся после землетрясения 27 г. до н. э. — на рассвете от перепада температур из трещин ее исходил певучий звук.

14. *...Улисс рассказал...Алкиною...* — О людоедстве циклопов и лестригонов («Одиссея», IX—X). Далее перечис-

ляются другие сказочные эпизоды «Одиссеи» — сталкивающиеся Кианейские скалы (XII, 59 сл.), мих с ветрами Эола, чародейка Цирцея, обращавшая людей в зверей (X; *Эльпенор* — спутник Одиссея, погибший в ее дворце).

25—26. ...из коркирской//Урны...— Остров Коркира (Керкира, ныне Корфу) отождествлялся со страной феаков и Алкиноя.

28. *Копт* — центр округа в Верхнем Египте, в 60 км от Фив.

30. *Сирмы*.— См. коммент. к VIII, 229; от *Пирры* — то есть от всемирного потопа (см. коммент. к I, 82—84).

46. *Каноп*.— См. коммент. к I, 26.

65—66. Перечисляются эпические герои, швырявшие камнями в противников: *Турн* — в Энея («Энеида», XII, 896), *Аякс* — в Гектора, *Диомед* — в Энея («Илиада», VII, 208; V, 302).

93. *Баски* — пиренейское племя, осажденное *Метеллом* (ст. 109) в городе Калагурре в 72 г. до н. э.; от голода они ели трупы. Ниже они названы кантабрами (ст. 108).

106—107. ...*Зенона*//*Правила*...— Стоики советовали лучше убить себя, чем совершить или претерпеть что-либо недостойное.

110. *Греков Афины и наши*...— греческие и римские училища.

112. *Фула* — земля на северном краю света (Исландия? Норвегия?).

114. *Сагунт* — город в Испании, осажденный и уничтоженный в 219 г. Ганнибалом (поэтому «больше несчастный»).

115. *Алтари Меотиды* (то есть Азовского моря).— Имеется в виду миф о человеческих жертвоприношениях в Тавриде (трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде»).

122—123. Смысл: «Если бы из-за недостаточного разлива Нила случился голод, то разве могли бы египтяне выразить ненависть к нему хуже, чем предавшись людоедству?»

125. *Савроматы* — см. коммент. к II, 2; *агатирысы*, по Геродоту (IV, 100), жили еще севернее.

141. *Мист Цереры* — участник Элевсинских мистерий близ Афин.

173. *Пифагор*.— См. коммент. к III, 229 и к Горацию, II, 6, 64.

С а т и р а ш е с т н а д ц а т а я (незаконченная). (О военной службе.) Ход иронической мысли: солдат может обидеть любого, так как если на него подадут в суд, то среди присяжных будет центурион и добьется смягчения приговора (1—34), а если он сам подаст в суд, то дело решится без проволочек вне очереди (35—50); кроме того, только он может завещать нажитое имущество при жизни отца (51—60).

6. *Самос* — один из центров культа Геры (Юноны).

13. *Бардееу* (по названию полудикого иллирийского племена) — грубый офицер; дела военнослужащих решал не гражданский суд (претор), а военный.

15. ...обычай *Камилла*...— Введенные Камиллом (в IV в. до н. э.) и потом, несомненно, видоизмененные правила военного судопроизводства нам плохо известны.

23. *Вагеллий*...с его...упрямством...— Ср. XIII, 119.

26—27. *Пилад* — образ верного друга. ...за насыпь//*Валла*? — Речь идет, по-видимому, о преторианском (гвардейском) лагере за городской стеною Рима.

31. ...бороду предков...— См. коммент. к IV, 103.

39. ...приношение...— Термину, богу всех границ; праздник его справлялся 23 февраля.

45. *Лацерна*.— См. коммент. к I, 62.

А. Солопов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Дуров. «Муза, идущая по земле»</i>	<i>5</i>
<i>Гораций. Сатиры. Перевод М. Дмитриева</i>	
<i>Книга первая</i>	<i>33</i>
<i>Книга вторая</i>	<i>61</i>
<i>Персий. Сатиры. Перевод Ф. Петровского</i>	<i>97</i>
<i>Апофеоз Божественного Клавдия. Перевод</i> <i>Ф. Петровского</i>	<i>117</i>
<i>Петроний. Сатирикон. Перевод *А. Гаврилова (проза) и</i> <i>Б. Ярхо (стихи)</i>	<i>131</i>
<i>*Фрагменты. Перевод М. Гаспарова</i>	<i>236</i>
<i>Ювенал. Сатиры. Перевод Д. Недовича и Ф. Петровского</i>	
<i>Книга первая</i>	<i>241</i>
<i>Книга вторая</i>	<i>267</i>
<i>Книга третья</i>	<i>285</i>
<i>Книга четвертая</i>	<i>302</i>
<i>Книга пятая</i>	<i>320</i>
<i>Приложение</i>	
<i>*Эний. Перевод М. Гаспарова</i>	<i>343</i>
<i>*Луций. Перевод Е. Рабинович</i>	<i>346</i>
<i>*Варрон. Перевод М. Гаспарова</i>	<i>389</i>
<i>Завещание поросенка. Перевод Б. Ярхо</i>	<i>431</i>
<i>Комментарии *А. Гаврилова, *М. Гаспарова, *И. Ковале-</i> <i>вой, Ф. Петровского, *А. Солопова</i>	<i>433</i>

Римская сатира: Пер. с латин./Сост. и науч. под-
Р51 гот. текста М. Гаспарова; Предисл. В. Дурова;
Коммент. А. Гаврилова, М. Гаспарова, И. Ковале-
вой и др.; Худож. Н. Егоров.— М.: Худож. лит.,
1989.— 543 с. (Б-ка античной лит-ры).
ISBN 5-280-00933-4

Том «Библиотеки античной литературы» представляет класси-
ческие произведения своеобразного жанра древнеримской литера-
туры — сатиры. Это стихотворные монологи и диалоги Горация, Пер-
сия, Ювенала; знаменитый роман Петрония «Сатирикон» и другие
произведения (I в. до н. э.— II в. н. э.). В приложении помещены
отрывки, сохранившиеся от ранних римских сатириков, по большей
части переведенные впервые.

Р 4703010000-330
028(01)-89 КБ-11-63-89

ББК 84(0)3

РИМСКАЯ САТИРА

Редакторы Е. Маркович и Е. Тарусина
Художественный редактор Л. Калитовская
Технический редактор О. Ярославцева
Корректоры О. Наренкова и Н. Усольцева

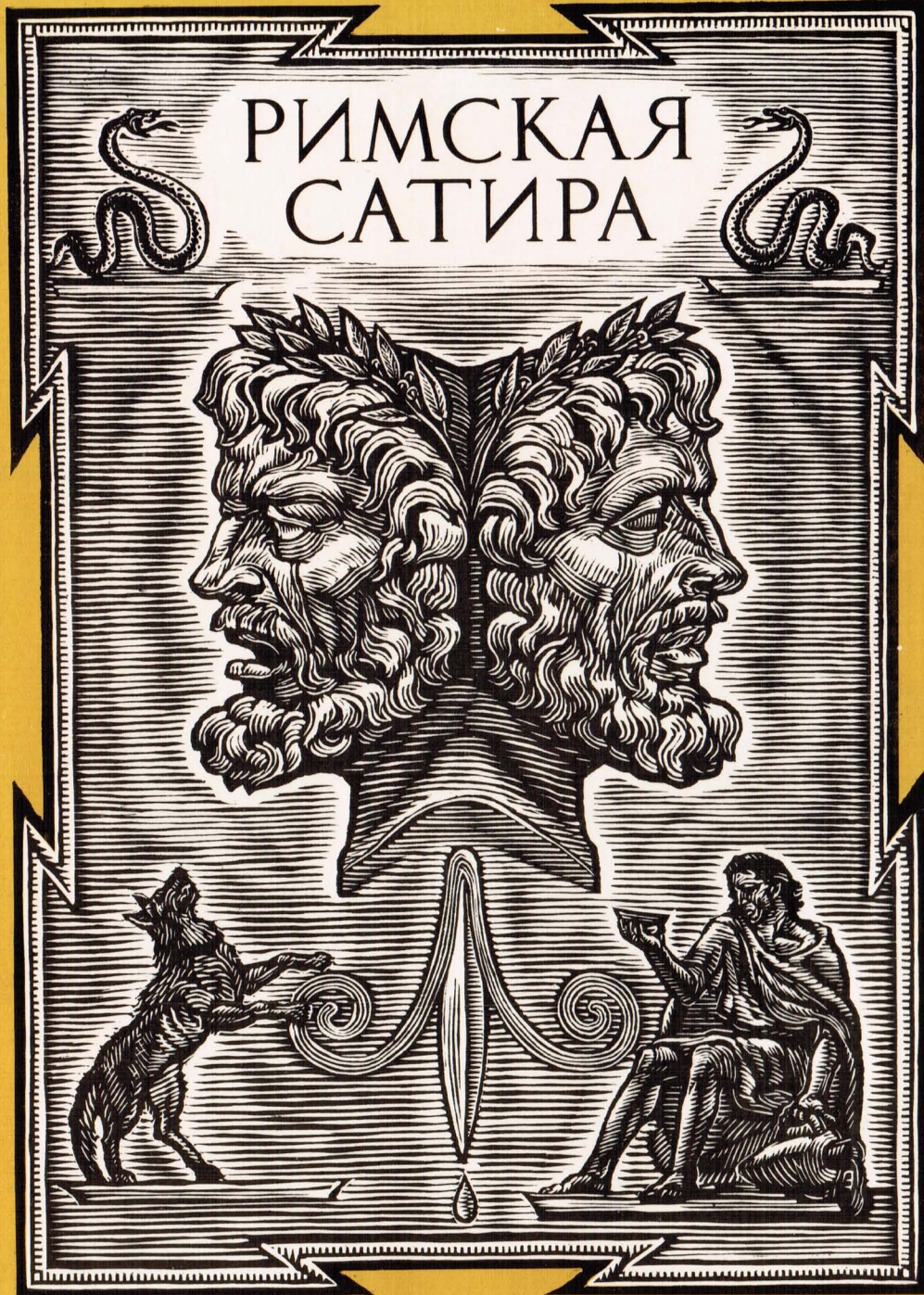
ИБ № 5666

Сдано в набор 03.03.89. Подписано к печати 04.11.89. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Академическая». Печать высокая. Усл. печ.
л. 31,72. Усл. кр.-отт. 32,07. Уч.-изд. л. 30,23. Тираж 100 000 экз. Изд.
№ VI-3286. Заказ № 31. Цена 2 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Художественная литература»
107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградское производственно-техническое объединение «Пе-
чатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленин-
град, П-136, Чкаловский пр., 15

РИМСКАЯ САТИРА

РИМСКАЯ САТИРА